

Альта Махмутова

Колыбель моя,
БИЗЯКИ

Казань
Издательство «Яз»
2017

ББК 63.3
М92

Автор выражает искреннюю благодарность Светлане и Тимуру Ахметовым, Фариту Башарову, Алисе, Рамилю и Диляре Бургановым, Мунавире Гимазетдинову, Гульнур и Рашиту Калимуллиним, Анисе и Роберту Махмутовым, Рашиту Мифтахову за финансовую помощь при издании книги.

Махмутова А.Х.

М92 Колыбель моя, Бизяки. — Казань: Яз, 2017. — 528 с.,
цв. илл. 64 с.

ISBN 978-5-98688-092-1

Расположенная в Менделеевском районе Республики Татарстан деревня Бизяки — одна из многих татарских деревень, история которых уходит в глубину веков. Использование многочисленных источников позволило автору раскрыть ее многовековую историю, показать дела и повседневную жизнь ее трудолюбивых жителей. Обращение автора к воспоминаниям бизякинцев (в том числе и к своим) приближает читателей к описываемым в книге событиям и явлениям.

Книга предлагается любителям истории родного края и, конечно, односельчанам автора.

ISBN 978-5-98688-092-1

© Издательство «Яз», 2017
© Махмутова А.Х., 2017

*Светлой памяти моих дорогих родителей
и многих поколений наших односельчан
посвящается*

Вместо предисловия

Стоит моя деревня на горке некрутой,
Родник с водой студеной от нас подать рукой.
Мне все вокруг отрадно, мне вкус воды знаком,
Люблю душой и телом я все в краю моем.

Габдулла Тукай

(Перевод Вероники Тушновой).

Объект исследования — моя родная деревня, точка на земле, где я появилась на свет, где прошло мое детство. Это село Бизяки Менделеевского района Республики Татарстан. Через эту территорию проходили волны Великого переселения народов. Были времена, когда эти земли являлись окраинной территорией Волжской Булгарии (о чем свидетельствуют остатки «Чертова городища» — крепости близ города Елабуги, находящейся в 35 км от деревни) и Казанского ханства. После включения этих земель в состав Руси (Московского царства) и разгрома Казанского ханства деревня учитывалась по Зюрейской дороге Казанского уезда (затем провинции), и жили в ней ясачные татары. В XVIII веке Бизяки оказались в составе Байлярской волости (сначала Уфимской провинции, затем Елабужского уезда Вятской губернии), а жители были приписаны к башкиро-мещерякскому и тептярскому войскам. В 1920 году при создании ТАССР деревня Бизяки в составе Елабужского кантона (района) вошла в новое административно-территориальное подразделение РСФСР.

По рассказам, услышанным мной в детстве, деревня наша была очень древней. Она существовала с незапамятных времен и имела шеджере (родословное древо), которое велось чуть ли не со времени ее основания. Но оно сгорело во время большого пожара в конце 20-х — начале 30-х годов XX столетия (теперь я думаю: может быть, это был не пожар, а шеджере исчезло в ходе репрес-

сий, которые народ назвал большим пожаром?). За возобновление шеджере после войны в конце 40-х — начале 50-х годов взялся весьма авторитетный и уважаемый односельчанин Шакиров Таджеддин (1882 г.р.), которого и стар, и млад звали Таджи-мулла абзый, а самое старшее поколение — Таджи-шакирд. Я иногда приходила к его младшей дочери Сании и видела, что все свое свободное от хозяйства время он проводит за книгами и писанием. Это немало меня удивляло, так как в моем детском представлении он был хотя и уважаемым человеком, но рядовым сельчанином, которому не присуще такое времяпровождение. Иногда Таджи-мулла абзый рассказывал нам, детям, предания и были о нашей деревне. И именно от него я впервые услышала незнакомое тогда для меня слово «шеджере» (родословная) и узнала, что это такое. Он же назвал мне и цепочку известных ему имен моих предков: *Хазиахмет — Махмут — Ибрагим — Бикташ — Хузяш*.

Мои расспросы о предках у домашних наткнулись на стену молчания: мама остановила мои вопросы обычным для того времени способом («Узнаешь, когда вырастешь, если это будет тебе интересно»). Но я не отступалась, приставала к папе с расспросами (мне тогда было лет девять-десять, и я бывала очень настойчива и упряма). Папа, в конце концов, «сдался» и рассказал, что его бабушка, когда папа был маленьким, объясняла ему и его старшему брату, что им надо запомнить имена предков семи поколений рода. Она называла им и имена, но папа их не очень хорошо помнил. После череды моих новых неумных вопросов он все-таки вспомнил, что среди имен предков, кроме названной мне Таджи-муллой абзый цепочки, были еще Сулейман, Уразмет, Такаш. Но каков порядок их расположения в шеджере, т. е., кто из них жил раньше, а кто позже, он так и не смог вспомнить. Правда, он еще добавил, что деда Сулеймана, по бабушкиным словам, почему-то еще долго в деревне называли «Сулук-староста бабай». У меня возникло столько новых вопросов, что мама строго прекратила мои расспросы и запретила в дальнейшем затрагивать эту тему. Боюсь, что читателям моя мама покажется очень строгой, даже суровой, но она в то же время была очень справедливой, доброй и даже мягкой, однако могла быть и непреклонной; и только мама могла остановить мои расспросы (сейчас мы обычно добавляем: время было такое).

Так нас постепенно приучали не расспрашивать о прошлом. Детская любознательность отступала перед запретами старших — непреодолимой преградой, и я постепенно привыкла не интересоваться прошлым своих предков. Затем школа и уроки истории способствовали выработке у меня представления, что история — это нечто большее, чем жизнь и деяния отдельных рядовых людей, что история изучает и рассказывает лишь о выдающихся событиях и людях, таких, как цари и вожди или ученые и писатели. Обычные же люди, которые своим трудом создают материальные и духовные богатства страны, были обезличены. Их жизнь и дела, их прошлое никого не должны были интересовать...

Я была любопытным ребенком и не раз спрашивала у своих родителей, откуда Таджи-мулла абзый так много знает, почему его, обыкновенного сельского жителя, можно видеть с книгой или бумагой и карандашом, ведь он не учитель или еще кто-то, который должен этим заниматься. Папа, уставший от моих расспросов, ответил: «Он же был шакирдом Буби!», как будто одно это все объясняло. Это вызвало кучу новых вопросов. Я постепенно выпытала у родителей некоторые подробности и узнала, что Буби — это деревня примерно в 90 километрах от нашей деревни, где было знаменитое медресе (так раньше у татар назывались школы). Я также поняла, что даже недолгое обучение в медресе Буби наделяло его ученика большими знаниями и непреходящим уважением других, как это было с Т. Шакировым. К нему шли за советом в бытовой и общественной жизни. При нем ни один человек не смел появиться курящим, выпившим или сквернословить (впрочем, все это вообще было весьма редким явлением в деревне моего детства)...

С началом новой исторической эпохи в России как бы прорвало плотину, до тех пор сдерживавшую интерес к истории своего народа, своего края, своей деревни, своего рода. С начала 90-х годов XX века во время моих приездов в Бизяки при встречах с односельчанами все чаще стали возникать разговоры на историко-политические темы. В дом моей старшей сестры, учительницы на пенсии Назии Махмутовой, приходили ее друзья (чаще всего это были Шаргия апа Ибатуллина и ее муж Фарахи абый Хузяхметов, а также учителя Гаян апа Аюпова, Файзелхак абый Хуснутдинов, Хай абый Гильфанов и другие). В разговорах о татарской истории, как из какого-то небытия, появлялись воспоминания о прошлом, в частности, о бизякинских шеджере, свидетелем создания ко-

торых я была еще в детстве, но, повзрослев, «благополучно» забыла. Учителя вспоминали и о том, как после встречи с учеными из Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ КФ АН СССР) во второй половине 50-х годов они стали было собирать информацию о деревне у старожилов. Но затем постепенно текущие дела отстранили их от сбора информации о старине, хотя этот интерес окончательно и не мог угаснуть.

Отыскились и следы шеджере, виденного мной в детстве у Т. Шакирова. Оказалось, что после его смерти оно хранилось у Ф. Хуснутдинова. Во время одной из экспедиций ученых из ИЯЛИ Файзелхак абый в 1976 году отдал им шеджере для снятия копии с условием возврата. Однако шеджере застряло в Казани: прошло уже почти два десятилетия, а от ученых не было никаких вестей. Файзелхак абый попросил меня помочь вернуть шеджере. И вот сборник шеджере у меня в руках. С большим интересом я ознакомилась с ним. Оно было написано на арабской графике на листах плотной бумаги, неровно нарезанной из грубых мешков, употреблявшихся на Бондюжском химзаводе для перевозки удобрений (шеджере составлялось в конце сороковых – начале пятидесятых годов XX века, когда писчую бумагу, тетради почти невозможно было достать). Читать его было довольно трудно не только из-за арабской вязи, но и в связи с качеством бумаги и записей, которые со временем выцвели или даже стерлись. Даже поверхностно изучив сборник, я пришла к выводу, что Таджи-мулла абый, видимо, сумел восстановить родословные всех наличных бизякинских родов, доведя их до пятого-шестого колена. Однако дальнейшее исследование шеджере требовало специальных знаний и большой работы. Поэтому я переписала только лист со своей родословной, а сборник вернула Ф. Хуснутдинову.

В 2012 году ученый Марсель Ахметзянов, много сил отдавший изучению и публикации татарских шеджере, в своей книге «Татар шәжәрәләре» («Татарские родословные»), опубликовал и бизякинские шеджере, составленные Т. Шакировым. Однако вряд ли можно сказать, что это удачная публикация. Чувствуется, что бизякинские шеджере переписаны с арабского письма на кириллицу очень небрежно, второпях (возможно, в этом есть и моя вина). Многие имена заменены вопросительным знаком или прочитаны неверно. Например, в родословной нашего рода, кроме первых двух поколений, перепутаны имена. Из 27 имен, вписанных Т. Ша-

1	Қазақстан Республикасы	28
2	Қазақстан Республикасының тарихы	29
3	Қазақстан Республикасының географиясы	30
4	Қазақстан Республикасының экономикасы	31
5	Қазақстан Республикасының мәдениеті	32
6	Қазақстан Республикасының ғылымы	33
7	Қазақстан Республикасының денсаулығы	34
8	Қазақстан Республикасының қоршаған ортасы	35
9	Қазақстан Республикасының тарихи ескерткіштері	36
10	Қазақстан Республикасының тарихи жерлері	37
11	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	38
12	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	39
13	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	40
14	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	41
15	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	42
16	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	43
17	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	44
18	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	45
19	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	46
20	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	47
21	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	48
22	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	49
23	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	50
24	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	51
25	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	52
26	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	53
27	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	54
28	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	55
29	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	56
30	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	57
31	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	58
32	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	59
33	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	60
34	Қазақстан Республикасының тарихи қоныстары	61

Оглавление бизякинского шеджере, составленного Таджетдином Шакировым. 1940–1950 гг.

кировым в наш лист, вместо одиннадцати вполне читаемых имен стоит лишь знак вопроса...

В последние четверть века у нас наблюдается возрастание интереса ко всему татарскому, особенно интереса к истории своей малой родины. Появились сотни книг, посвященных истории отдельных сел и городов. И мое родное село Бизяки не осталось в стороне от этого процесса. В 2000 году в Елабуге увидела свет первая ласточка, посвященная истории села. Автор ее – мой односельчанин, доцент кафедры педагогики Елабужского пединститута Саляхетдин Фардетдинович Тазиев. Собрав достаточно широкий и разнообразный материал, он представил заинтересованным односельчанам результаты своего труда в виде историко-публицистических очерков под общим названием «Туган авылыбыз Бэзэкэ кайда да безнең йөрэктэ» («Не забыть нам Бизяки родное»). В книге нашлось место и творчеству бизякинцев – стихам и песням. Очерки получились достаточно интересными, хотя в них и немало легендарных событий, преподнесенных как очевидные факты. Тем не менее, хочу отметить, что решительность, дерзание, проявленные С. Тазиевым при написании этой книги очерков, не могут не вызвать восхищения.

В 2010 году увидела свет еще одна работа – «Укытучым, кадерлем» («Учитель мой, дорогой...»), посвященная 80-летней истории бизякинской средней школы, ее учителям. Ее автор – Рамзия Гареевна Мухетдинова-Гимазетдинова, выпускница этой школы, затем проработавшая в ней 35 лет учительницей русского и татарского языков и литературы. 25 лет из них она одновременно с преподаванием была пионервожатой и организатором воспитательной работы. Ее книга, написанная на прекрасном татарском языке, звучит гимном родной школе, ее учителям и ученикам, да и вообще жителям села. Автор с глубокой признательностью к первым учителям описывает краткую историю создания новой советской школы в 20–30-х годах XX века, находит добрые слова для каждого из учителей, неутомимо трудившихся на ниве просвещения, показывает роль школы как центра духовности деревни. Книга пронизана любовью и уважением к учителям, не только вкладывавшим душу в каждого ученика, но и во все времена находившимся в самом центре жизни села.

Мне известна еще одна попытка создания книги о Бизяках. В 2009–2010 годах ко мне обратился мой односельчанин, пред-

приниматель из Челнов Мунавир Хаматович Гимазетдинов. Он объяснил, что подготовил рукопись на татарском и русском языках, где излагалась история села и односельчан, а также история жизни представителей его рода, и предложил стать редактором будущей книги. Я в то время еще преподавала в университете и одновременно начала работать над рукописью книги «Милләт аналары» («Матери нации»). Поэтому обещала дать ответ после ознакомления с рукописью и собранными материалами. И вот передо мной солидная папка. Внутри текст на русском языке, различные архивные и рукописные материалы, очень много фотографий. Начав знакомиться с текстом на русском языке, я попросила предоставить мне и татарский текст, так как русский текст был, на мой взгляд, не очень удачным переводом с татарского языка. По какой-то причине я его не получила. Ознакомившись со всеми материалами, я пришла к выводу, что работа эта потребует много времени, которого у меня в тот момент не было. В разговоре с Мунавиром Хаматовичем я объяснила, что смогу приняться за эту работу только через год-два, поэтому нужно или подождать, или найти другого редактора. Сказав о желании издать книгу поскорее (предприниматели привыкли работать быстро), Мунавир Хаматович решил найти другого редактора. Однако прошло несколько лет, но книга так и не появилась...

По мере увеличения интереса к прошлому среди односельчан мои родственники и близкие все чаще стали спрашивать меня, не хочу ли я, историк по образованию и работе, заняться историей Бизяков и написать книгу о родной деревне. Конечно, нельзя сказать, что я до этого не интересовалась историей своей деревни. Везде, в архивах или библиотеках, собирая материалы по истории образования и просвещения у татар, я пыталась отыскать и следы Бизяков, но их было очень мало. В принципе среди материалов, хранящихся в архивах, можно найти какие-то материалы, сведения о прошлом каждой деревни. Однако поиск и возможность обнаружить их в наших архивах можно сравнить с поисками иголки в стоге сена. Поэтому, понимая, какой огромный труд нужно проделать по поиску и сбору материалов для воссоздания истории деревни, я довольно долго отнекивалась или отшучивалась.

И все же в начале XXI века я решила начать поиски материалов по истории своего рода и деревни более целенаправленно. В то время я заканчивала работу над рукописью, посвященной

истории просветительства-джадидизма у татар и ярким представителем этого движения — династии Нигматуллиных-Буби (книга под названием «Лишь тебе, народ, служение» вышла в издательстве «Магариф» в Казани в 2003 году). И, работая в архивах и библиотеках, я параллельно стала собирать все, что касалось Бизяков.

Деревня Бизяки — одно из многих поселений, основанных нашими предками в глубокой древности и сохранивших свою начальную историю лишь в постепенно уходящих в забвение устных преданиях, где быль перемежается с вымыслом. Расположенная в укромном уголке Прикамья, в стороне от стратегически важных трактов, она не прославилась ни знатными родами, ни знаменитыми учебными заведениями, ни известными богословами или общественными деятелями. Она ничем особым не отличалась от многих сотен татарских деревень, веками живущих повседневными заботами.

«Патриархальная тишина, неспешный ход жизни, простой и невыскальзывающий быт селян. Кажется, что так было всегда. Монотонное движение времени и ненужное прошлое, в котором не было ничего яркого и запоминающегося», — пишет Р. Салихов во введении к своему исследованию «Служилая Ура: рождение татарского капитализма». Так, примерно, думала и я, непростительно долго не решаясь браться за изучение истории своей родной деревни. Следует согласиться и со следующими его словами: «К счастью, это всего лишь заблуждение, от которого мы постепенно освобождаемся, сдувая пыль с дорогой обложки нашей истории, открывая первые страницы драгоценного фолианта, заново знакомясь со своим родом, нацией и Отечеством. В этом зеркале исторической судьбы мы видим совершенно другой облик татарского села, удивляющий и восхищающий нас своей силой и выдающимися свершениями» [Салихов, 2015, с. 5].

Поиски материалов в архивах Москвы (РГАДА), Казани (НА РТ), Уфы (ЦИА РБ) и Кирова (ГАКО) убедили меня, что в наших архивах лежит огромный пласт документов по истории наших деревень. По истории Бизяков для меня их оказалось даже неожиданно много как по древнему периоду, так и по более современным эпохам. Одновременно с поисками материалов в архивах я собирала в библиотеках и сети интернета материалы обще-

го характера, ибо историю отдельной деревни невозможно рассматривать обособленно от истории народа, от истории страны, от мировой истории. Бизякинцы имели общую со всеми историю. События разного характера, временами потрясавшие край, страну, мир, в большем или меньшем масштабе затрагивали и нашу деревню. Историю возникновения и существования деревни, социальные, бытовые и другие особенности развития наших предков невозможно понять без знания общего течения истории. Поэтому очень важно наличие исследований ученых историков, археологов, этнологов, лингвистов, фольклористов как по общим вопросам исторического развития, так и по конкретным проблемам.

При работе над рукописью использовалось значительное количество специальных исследований, которые помогли понять и попытаться объяснить многие загадочные явления оказавшейся невероятно сложной истории нашего села. Это, прежде всего, труды наших ученых, особенно появившиеся в последние два-три десятилетия, когда началось новое осмысление истории нашего народа, когда ученые начали возвращать народу его почти исчезнувшую, во всяком случае, малоизвестную историю. Список этих и других использованных работ приведен в конце книги. Хочу особо подчеркнуть, что я использовала и исследования уфимских ученых. Это, прежде всего, труды известного башкирского историка А. З. Асфандиярова «Кантонное управление в Башкирии (1798—1865 гг.)». — Уфа, 2005; «Аулы мензелинских башкир». — Уфа, 2009 и др. Это и четвертый том семитомной «Истории башкирского народа в семи томах, т. IV». — Санкт-Петербург, 2011. Созданный большим коллективом авторов, этот том охватывает события XVIII—XIX веков, вошедших в историю как кантонный период, когда в башкирское сословие были записаны и другие тюркские народы Прикамья и Приуралья, в числе которых были и бизякинцы.

Целенаправленную работу в архивах я начала с поиска *ревизских сказок*. Ревизская сказка (РС) — это документ, который содержит поименный список наличных жителей отдельных населенных пунктов с указанием имени и отчества владельца двора, его возраста, а также имена членов семьи с указанием их возраста и отношения к главе семьи. Как видим, название документа составлено из двух слов. «Ревизия» подразумевает учет и контроль, для чего и проводилась запись со слов, отсюда вторая часть названия — «сказка»

(в значении «сказанное»). Проводившие же перепись населения официально именовались словом «скаскосоставитель». Всего в России было проведено десять ревизий – в 1719, 1742, 1762, 1782, 1795, 1811, 1816, 1834, 1850, 1858 годах.

В Национальном архиве РТ вначале я нашла по Бизьякам материалы четырех ревизий XIX века – шестой (РС 1811), седьмой (РС 1816), восьмой (РС 1834) и девятой (РС 1850). Позднее в архивах Москвы и Уфы были обнаружены и материалы других ревизских сказок (РС 1719, РС 1762, РС 1858).

Руководствуясь данными нашей родословной, я решила поискать в них известные мне имена. Обработка и изучение этих материалов показали, что в них содержится богатый материал для составления (или проверки) шеджере своего рода, чем я, в первую очередь, и занялась. Уже в РС 1811 я обнаружила знакомые мне имена. Под № 40 там значился **Кузяш Сулюков**, 88 лет, и мужчины его семьи (РС 1811 учитывала только мужские души). Итак, указанная в РС 1811 фамилия Сулюков фактически подтверждала рассказ папы: названный им «Сулюк-староста бабай» (Сулейман бабай), по всей видимости, был отцом деда Хузяша. У Хузяша было трое сыновей – Бикташ 44 лет, Хисамутдин 37 лет и Шарып 24 лет. У Бикташа, в свою очередь, было двое сыновей – Мухаметгали 11 лет и Муса 8 лет. Также двое сыновей было у Хисамутдина – Ильяс 14 лет и Мухаммади 4 лет. Все они (фактически четыре семьи) жили в одном дворе [НА РТ, ф. 3, оп. 1, д. 448]. Обнаружились и некоторые неточности в нашем шеджере, составленном Т. Шакировым.

Стоит добавить, что в официальных документах младшие поколения рядового населения не сохраняли родовую фамилию; фамилией им становилось имя отца – Кузяшев Бикташ, Бикташев Ибрагим и т.д. Именно это обстоятельство (отсутствие в документах родовой фамилии) затрудняет восстановление родословных по материалам ревизских сказок, особенно когда сохранились материалы не всех ревизий. Однако мне повезло: наш архив (НА РТ) получил из ЦГАДА (Москва) копии материалов XVIII века, среди которых я обнаружила и материалы двух ревизий по Бизьякам – первой (РС 1719) и третьей (РС 1762). В них я обнаружила имена еще двух своих предков. Сведения эти подтверждали и уточняли сохранившиеся в памяти отца имена. Итак, наш предок, Сулейман (Сулюк-староста бабай), на самом деле был старостой деревни

Бизяки и сыном Уразмета. Так определилось и место Такаш-бабая в шеджере: получается, что он был отцом Уразмета.

Мне повезло еще раз, когда стали доступны материалы первой ревизской сказки 1719 года. Здесь была описана семья из трех мужчин, жившая в деревне Бизяки: глава семьи сотник Текешко Тинебяков 85 лет, его сын Полатко 45 лет и внук Субханкулко 15 лет. Учитывая, что имя Текеш (Такаш) встречается довольно редко (я его не нашла ни среди имен в родословных, опубликованных М. Ахметзяновым, ни в других ревизских сказках), можно было предположить, что этот Текешко Тинебяков был нашим прадедом. Итак, исходя из этих данных, я смогла пополнить наше родословное древо еще одним звеном: отцом *Такаша* был *Тинебяк*. То обстоятельство, что в РС 1719 не указаны и другие сыновья, в частности Уразмет, можно объяснить тем, что он со своей семьей, видимо, жил в другом месте, отдельно от отца. Такое в те времена случалось довольно часто — люди в поисках лучшей доли и, убегая от контроля царских властей, уходили за Каму-реку, в приикские леса. Отмечу, что в ревизских сказках учитывались только наличные люди. К тому же включать в состав семьи отсутствующих (или отдельно живущих) хозяевам двора было «не с руки» — вводилось новое налогообложение — подушное.

Таким образом, из материалов ревизских сказок и других документов получилась цельная цепочка нашей родословной: *Тинебяк — Такаш — Уразмет — Сулейман — Хузаяш — Бикташ — Ибрагим — Махмут — Хазиахмет. В XX–XXI веках в наше шеджере добавилось еще три-четыре поколения — Саетишариф — Валерий — Василий (Аниса — Светлана — Самир и Карим).*

Выйдя в 2010 году на пенсию, я решила заняться составлением параллельных с шеджере Т. Шакирова родословных бизякинских родов по архивным материалам (в частности, предусматривая возможность помещения их в приложении к книге, готовившейся М. Х. Гимазетдиновым). Материалы шестой — десятой ревизий были сведены мной в одну таблицу, которая дана в приложении, и могут послужить основой для родословных бизякинцев [См. Приложение 2].

О структуре книги. Она состоит из четырех групп очерков, данных (по мере возможности) в хронологическом порядке. Ссылки на использованные источники и литературу даны в тексте в ква-

дратных скобках, где указаны фамилия автора или первое слово названия, год издания и номер страницы.

Если бы при написании книги у меня не было надежной опоры, моих помощников, советников и критиков, вряд ли я смогла бы в назначенный для себя срок завершить эту довольно-таки трудоемкую работу. В первую очередь, это Шаргия апа Ибатуллина, мой главный консультант по истории Бизяков XX века, по конкретным людям и родам, и мой главный помощник, и критик, редактировавший татарский вариант книги по истории села моя сестра Махмутова Аниса Хазиевна. Я им бесконечно благодарна не только за оказанную мне помощь, но и за их веру в мои силы, неизменную поддержку, терпение и терпеливость.

Я в большом долгу перед ученым-филологом, археографом и историком Раифом Мардановым и краеведом из Челнов Ильдаром Нафиковым, бескорыстно поделившимися со мной имеющимися у них материалами о Бизяках. Огромное им спасибо. Я весьма благодарна своим односельчанам за всестороннюю поддержку. Это, прежде всего, моя надежная опора во всем, организатор сайта в интернете «бизяки.рф» Рашит Калимуллин, а также Фарит Башаров, Гульшат и Раис Хазиахметовы, Фания Башарова, Альфина Бахтигараева, Саима Сайфутдинова, Гузель Габдуллина и др., снабжавшие меня фото- и другими материалами. И, конечно, я благодарю своих коллег, историков Дину Мустафину, Эльмиру Салахову, Илдуса Загидуллина, Дамира Исхакова, Айдара Ногманова, Радика Салихова и других, всегда готовых прийти мне на помощь своими советами.

От легенд и преданий к действительности

ПРОШЛИ ГОДА, ПРОШЛИ ВЕКА И ВРЕМЕНА.
УШЛИ ЦАРИ, УШЛИ ПРОРОКИ, ПЛЕМЕНА.
ПРОШЛИ ВЕКА – ЗА КАРАВАНОМ КАРАВАН,
ПРИШЛО И ВНОВЬ УШЛО ИЗ МИРА СТОЛЬКО СТРАН!

Дэрдменд

(Перевод С. Липкина)

Предания о названии и времени возникновения деревни

Деревня Бизяки расположена в Прикамье, на северо-востоке Республики Татарстан, и ныне входит в состав Менделеевского района. Она находится на берегу Нижнекамского водохранилища, в двенадцати км к востоку от районного центра г. Менделеевск. В четырех километрах к западу от нее находится деревня Сетяково, в семи — десяти километрах к востоку — деревни Тураево и Икское Устье, а в двенадцати километрах у деревни Ижевка разместились известный санаторий «Ижминводы». Деревня наша тянется с севера на юг километра на два вдоль небольшой речки, которую мы называем просто — «инеш (речка)». Она имеет четыре улицы, расположенные параллельно речке, со множеством переулков. За речкой, на горе, расположена еще одна группа улочек и переулков, в моем детстве носившая название «Тау башы (вершина горы)», а теперь получившая новое имя — «Шанхай». Бизяки можно отнести к типу приречных сельских поселений с правильной улично-квартальной планировкой. Двусторонние улицы располагаются параллельно течению речки и через равные промежутки пересечены переулками. Почти все жилые и общественные сооружения фасадной частью выходят на улицу, часто у домов имеются небольшие палисадники.

Точное время возникновения деревни Бизяки, как и большинства населенных пунктов, неизвестно. Кстати, это обстоятельство свидетельствует и о значительной давности появления этого поселения. Как и повсюду, Бизяки имеют свои легенды и предания о времени и условиях возникновения, а также о происхождении своего названия. Эти легенды передавались из поколения в поколение, преодолевая время и всякие препятствия и преграды в виде историко-политических событий и изменений в идеологии страны. Многие легенды и сказания пересказал в своей работе С. Тазиев. Я тоже приведу несколько таких легенд-преданий, навсегда врезавшихся в мою память с детства. Они о происхождении деревни и ее названии.

Когда-то, давным-давно, в этих краях, расположенных на правом берегу реки Кама, появилась группа людей, во главе которой было три брата (или три друга) — Бэзэк (Безяк, Базяк, Бозак), Сэйтэк (Сейтак, Сетяк) и Тэкэш (Такаш, Текеш). Кругом были

леса и перелески, богатые живностью, ягодами, орехами. Заливные луга, находящиеся в пойме Камы, были покрыты сочными душистыми травами, во множестве озер и протоков было обилие рыбы. Имелись и пригодные для пахоты земли, хотя и заросшие кустарником. Братья (друзья) решили обосноваться здесь. Так среди прикамских лесов появились три деревни, находящиеся в семи-восьми километрах от Камы и трех-четырех километрах друг от друга. Они получили свои названия от имен основателей – Бэзэкэ (Бизяки), Сэйтэк (Сетяково), Тэкэш (Текашево). Когда это случилось, рассказчики не уточняли, говорили лишь, что это произошло после сожжения столицы вражеским войском и разорения их родовых земель, располагавшихся недалеко от столицы. Да нас тогда это и не очень интересовало, так как от старшего поколения мы уже не раз слышали, что наша деревня очень древняя, что она существует уже около пятисот лет.

В другом предании, объяснявшем название деревни, были и кое-какие уточнения: наши предки жили в деревне под названием Бэзэкэ (Безяка, Базака, Базяково) недалеко от города Булгар. Переселившиеся после разгрома Булгар в новые края ее жители и на новом месте решили сохранить старое название деревни.

Были также и легенды, связанные с именем Ивана Грозного. В них шла речь о спасении жителей деревни от крещения в ходе карательных экспедиций. Жители существовавшей уже тогда деревни, услышав о приближении войска Ивана Грозного, спрятали женщин, детей, стариков, а также скот и наиболее ценное имущество в разветвленной системе оврагов. Окруженные лесами и густым кустарником урочища были надежным укрытием. Овраги эти, находящиеся в 2–3 километрах к северо-востоку от деревни, сохранились до сего дня, и самый дальний и разветвленный из них поныне носит название «Кызлар чокры (Девичий овраг)», вот только лесов вокруг них не осталось. Женщины, а также и стар, и млад, жили там все лето до поздней осени. Мужчины же оставались в деревне, стерегли дома, проводили хозяйственные работы. Узнав, что миссионеры уже в соседней деревне Сетяково, они также покинули деревню. Так, по преданию, бизякинцы остались мусульманами, а сетяковцы были окрещены...

Можно ли выяснить, насколько соответствуют эти предания действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо совершить хотя бы небольшой экскурс в историю края.

Прикамье представляло из себя чудесный край со множеством смешанных лесов. Здесь были и светлые березняки, и сосновые боры, и густые дубравы, и мрачные ельники. Встречались и большие заросли диких яблонь, ягодных кустарников и орехов. В лесах и на сочных заливных лугах в изобилии было всяких ягод, орехов и грибов. Реки и множество озер были богаты рыбой. Для занятий земледелием были открытые пространства. Естественно, эта территория издревле была привлекательна для создания поселений. Проходил век за веком, исчезали одни поселения, появлялись другие, менялись племена и народы, заселявшие эту местность. Так шло освоение территории Восточного Прикамья, куда входил и наш регион.

Хотя вряд ли можно сказать, что его история изучена хорошо, изыскания ученых-археологов показывают, что уже во II веке до нашей эры здесь обитали племена так называемой пьяноборской культуры (название дано по селу Пьяный Бор, ныне Красный Бор Агрызского района РТ, где впервые был исследован могильник, характерный для этой эпохи). Памятниками ее служат городища, селища, могильники и т.д., находки в раскопах которых соответствуют концу эпохи, которую мы обозначаем термином «до нашей эры», и началу нашей эры (II век до нашей эры – II век нашей эры). Наиболее густо расположены эти памятники по правому берегу реки Кама от города Сарапул до города Елабуга.

Такие памятники были обнаружены и у нашей деревни. В 1959 году археологическая экспедиция Казанского университета под руководством В. Ф. Генинга обнаружила курганный могильник у деревни Тураево и Бизякинское селище. В 1994 году в ходе обследования группой Национального музея Республики Татарстан и Краеведческого музея г. Менделеевск во главе с К. А. Руденко и А. А. Чижевским был частично вскрыт бизякинский могильник. Здесь были найдены части черепа и скелет человека, а также орнаментированные черепки глиняной посуды и т.д., отнесенные археологами к так называемой мазунинской культуре (III–V вв. н.э.) [Археологические..., 2016].

Вернемся к приведенным мной преданиям. Первое сказание может вполне соответствовать действительности, ибо известно, что многие древние поселения у татар получали название от имени своего основателя. Однако еще в детстве я задавалась вопросом, почему имя «Бэзэк (Безяк)» не было оставлено в таком виде, как

это случилось с двумя другими. И до сих пор не нахожу объяснения этому. Кроме этого, такие рассказы, как правило, не содержат сведений о времени основания села, если не сохранилось шеджере (родословная) основателя. Второе же сказание может вызвать большее доверие у слушателя (читателя): множество фактов, когда переселенцы сохраняли названия своих родных мест, перенесли их на новые поселения, говорит о таком возможном варианте возникновения деревни Бизяки. Признаюсь сразу, что именно эта легенда мне больше всего импонировала с детства.

Давайте порассуждаем, насколько достоверным может быть такой вариант. Есть ли поселение с таким (или похожим) названием недалеко от Булгар?

Да, на территории Татарстана, в Алексеевском районе на реке Актай имеется село Базяково, населенное русскими. По сведениям Татарской энциклопедии, оно было основано в XVII веке помещиком, переселившим на пустоши своих крепостных из центральных районов Московской Руси. До 20-х годов XX века оно имело другое, официальное, название — село Богородское (по названию Тихвинско-Богородицкой церкви, построенной в 1761 году). В советское время «по просьбе жителей» было решено вернуться к ранее существовавшему болгарскому названию, по-русски звучащему как Базяково. Может ли русское село Базяково иметь какое-либо отношение к татарской деревне Бизяки? Тожественны ли эти два названия? Безусловно, если перевести название на татарский язык и обратно: Базяково — Базэкэ (Бэзэкэ) — Безяка — Безяково — Бизяково — Бизяки.

О существовании у Базякова поселения в древние времена говорят Археологическая карта территории РТ I тысячелетия до нашей эры — I тысячелетия нашей эры и карта Булгарских археологических памятников X—XIV веков, на которых отмечены изученные археологами базяковские селище и городище. Для нас интересна будет и карта Казанского ханства, на которой это поселение уже не указано. На мой взгляд, эти три карты могут помочь нам предположить достоверность второго приведенного мной предания и определить приблизительное время возникновения деревни Бизяки. Исследования археологов у деревни Базяково показывают, что эти места были обжиты еще в глубокой древности. Об этом говорят находки эпохи именьковской культуры в Базяковском селище и раскопки культурных слоев более поздних эпох.

Итак, в Волжской Булгарии среди ее сотен сел и городов было и село *Базакэ* (Базяково), которое, по всей вероятности, существовало до конца XIV – начала XV веков. Это было время, когда в Золотой Орде в силу ряда причин началась эпоха распада. Слабеющее государство не могло помешать разорению старых болгарских владений. Городу Булгар и окрестным селам пришлось пережить немало разрушительных набегов. Это и походы Тимура 1391–1395 годов на Волгу, и набеги ушкуйников (речных разбойников) на Булгар и его округу, и поход Федора Пестрого 1431 года. На подвергавшихся этим нападкам землях происходили запустение ранее цветущих сел и постепенный упадок земледелия. Тогда же на этих землях разразилась засуха, а в конце 1395 года начался жесточайший голод, растянувшийся на несколько лет. К нему прибавились страшные эпидемии холеры и чумы, опустошавшие край. Особенно беспощадной была чума, уносившая тысячи жизней. Эта эпидемия начала угасать только в 1405 году, однако и в последующие годы она возвращалась еще несколько раз. Оставшееся в живых население в поисках спасения от этих напастей стало покидать обжитые предыдущими поколениями места. Так исчезли многие существовавшие сотни лет поселения.

Жители болгарских городов и сел целыми родами, а то и деревнями в поисках лучшей доли отправлялись на новые места. Их привлекали заволжские и закамские территории. Вынужденное бежать с родных мест население в конце XIV – начале XV веков стало осваивать земли в бассейнах рек Казанка, Меша, Вятка. Именно к этому времени относится появление десятков деревень на этих землях. Это могло произойти и с базяковцами. Часть их могла добраться и до берегов Камы и обосновать здесь новое поселение со старым названием. В таком случае вполне можно допустить, что село Бизяки как постоянное поселение на новом месте появилось в первой половине XV века.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые легенды и предания о деревне Бизяки и попытались соотнести их с событиями и фактами, происходившими в стране и крае. Выводы пусть читатель сделает сам.

Книги писцовые, хлебные..., а также царские грамоты

К сожалению, никаких документальных подтверждений, что село существует именно с этого времени, у нас нет. Письменные же источники, в которых имеются конкретные сведения о существовании деревни Бизяки, относятся к более позднему времени. Это, прежде всего, документы официальных русских государственных органов.

Время становления официального делопроизводства, статистики, архивного дела в Русском государстве — это XVI—XVIII века. По мере расширения Русского государства требовались новые законодательно-правовые акты. Собираение новых сведений, важных для государственного управления, становилось все более необходимым. Сведения нужны были, прежде всего, для обложения населения повинностями и податями. Необходим был учет объектов обложения, главным образом, земледелия как основного занятия населения. Так еще ранее, в XV веке, появились писцовые книги как первые опыты территориально-статистических описаний. В них содержались подробные или краткие описания отдельных городов, сел, вотчин и т.д. *Писцовые книги* — это поземельные описи (ясачные, «письма и меры», окладные, приходные, хлебные, перечневые и другие книги), содержавшие сведения о служилых и ясачных людях и их имущественном положении. Позднее они служили и юридическим документом, например, в случаях, когда приходилось доказывать право собственности.

В XVI—XVII веках чиновники еще не могли охватить все селения, находившиеся на периферии только что присоединенных территорий. По этой ли причине или потому, что многие писцовые книги погибли в начале XVII века во время большого пожара в Москве, по этому времени сохранилось очень мало сведений вообще. «Следует отметить, что земли бывшего Казанского ханства оказались вовлеченными в орбиту российских валовых писцовых описаний фактически сразу же после его завоевания, — отмечает современный исследователь писцовых книг Д. А. Мустафина. — Но Средневожскому региону крайне не повезло: неоднократные пожары уничтожили подавляющую часть документальных материалов, сосредоточенных как в местных органах управления в монастырях, так и в самом центральном ведомстве — Приказе Ка-

занского дворца. Особенно разрушительными оказались пожары 1626, 1701 и 1737 годов» [Писцовые..., 2009, с. 28].

Дальнейшие мои искания показали, что названия деревни Бизяки (Бозак, Безяка, Безяково) и речки Бизякинка (Безяка, Безяковка), как и множества других названий (озер, речек, полей и оврагов) в ее окрестностях, можно встретить в русских официальных документах XVII–XVIII веков, дошедших до нас. Интересно, что они дошли до нас не только благодаря сохранению их в государственных архивах, но и благодаря бережному отношению к документам наших предков, из поколения в поколение передававших ценные бумаги, полученные их предками от официальных лиц и органов в незапамятные времена. Предъявляя их, по мере необходимости, официальным органам, они способствовали сохранению древних документов (или их списков-копий) среди архивных документов более позднего времени. Именно так случилось и с документами, касающимися нашей деревни.

Обнаружены они были среди более поздних документов, относящихся к XIX веку – в Российском Государственном архиве древних актов, среди бумаг «Спорного дела об отводе земель вокруг города Елабуги» [РГАДА, ф. 1306, оп. 2, д. 127]) и в деле «О правах на владение землей башкирами и тептярями в Елабужском и Сарапульском уездах» из фонда Елабужского уездного суда в Национальном архиве Республики Татарстан [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489]. Есть даже ссылка на самый древний документ, относящийся к 7025 (1517) году. Однако о нем позже.

Расскажу подробнее об этих двух находках, очень важных для нашего исследования – делах, хранящихся в двух архивах. Можно сказать, что первое из них попало мне в руки совершенно случайно (вообще, надо сказать, что Его Величество СЛУЧАЙ очень часто приходило мне на помощь). Дело было в далеком 1973 году. Находясь на четырехмесячных курсах по повышению квалификации в Москве, я вместе с другими слушателями оказалась на практических занятиях в РГАДА. Рассматривая описи фондов без особого интереса (предметом моих интересов был период XIX – начала XX веков, а тут – древние акты, которые, к тому же, написаны очень трудно читаемой древнерусской скорописью), я совершенно случайно обратила внимание на название одного дела, которое называлось «Спорное дело об отводе земель вокруг города Елабуги».

Оно пробудило мое естественное любопытство (Елабуга — город, где жили мои родственники и где я когда-то училась в педучилище). Начав знакомиться с его материалами без какой-либо особой цели, из простого любопытства, я была удивлена: в деле оказались документы, касающиеся земель моего родного села! Самые ранние документы в этом деле были составлены в XVII веке, однако собраны они были уже в XIX веке в ходе тяжбы о земле. Итогом практических занятий должна была стать контрольная работа, тему которой определяли мы сами. Я решила использовать материалы «Спорного дела» о деревне Бизяки и приготовила контрольную работу на тему «Моя родная деревня в древних документах». Сейчас сожалею, что это дело не привлекло моего специального внимания — видимо, тогда я еще не созрела до понимания его значимости. К тому же мы тогда и не думали заниматься историей своей малой родины или родословными. Сделав копии с нескольких показавшихся мне любопытными документов, где речь шла о знакомых мне с детства местах, я с удовлетворением завершила на этом работу.

Приступив теперь к собиранию материалов для написания истории моей родной деревни Бизяки, я вспомнила об этой контрольной работе и своих выписках, о которых помнила-то уже очень смутно. Разыскав их среди множества своих старых записей, я с сожалением вынуждена была констатировать, что многих документов из этого дела мне сейчас не хватает для работы. Не имея возможности поехать в Москву поработать в архиве, я решила ограничиться тем, что имею. И начала писать, одновременно пополняя источниковую базу исследования по мере возможности. И тут новая удача: казанский историк-любитель Руслан Шакиров вывел меня на второе дело — *«Дело о правах на владение землей башкирами и тептярями в Елабужском и Сарапульском уездах»*, причем хранилось оно в НА РТ, в фонде Елабужского уездного суда. И вот, это дело у меня в руках. Оно оказалось подробным описанием документов, собранных от тяжущихся сторон во время генерального межевания земель в Елабужском и Сарапульском уездах и в ходе следствия в 1804—1849 годах по спорным участкам. Они были тщательно скопированы или описаны перед отправкой дела в столицу. Получилось по поговорке: то, что искала в небе, нашлось на земле.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих документов, необходимо дать некоторые пояснения. Во-первых, пояснения требуют

некоторые термины, которые будут встречаться в документах. Так, на бывшей территории Казанского ханства сохранилось деление на *даруги (дороги)*. *Даруга* — термин, в XIII—XVI веках обозначавший административную единицу (область, провинцию) в Монгольском государстве, Джучиевом улусе (Золотой Орде), Казанском и Сибирском ханствах. И после присоединения Казанского края к Русскому государству многие формы управления эпохи Золотой Орды и Казанского ханства, как и относящиеся к ним термины, еще на протяжении веков оставались в употреблении в Русском государстве. Даже в конце XVIII века в Казанском уезде (провинции) сохранялось деление территории на пять даруг — Алатская, Арская, Галицкая, Зюрейская и Ногайская. В Оренбургском (позднее Уфимском) уезде было четыре таких единицы — Казанская, Ногайская, Сибирская, Осинская. Отмечу также, что постепенно «чужой» термин «даруга» получил знакомую русскую форму «дорога» (путь, направление).

Сохранился от Золотой Орды и Казанского ханства и другой термин — *ясак (налог)*. Татары платили Русскому государству ясак в виде денежного и натурального сбора за пользование землей, которая стала собственностью государства (*казны*). В документах речь идет о двух группах татар — служилых и ясачных татарах. *Ясачные татары* — это податное население, которое должно было платить государству традиционную форму налога, ясак. *Служилые татары* — это часть населения, привлеченная на службу Русскому государству и за это наделенная некоторыми привилегиями. Основными привилегиями служилых людей было освобождение от ясачных платежей и поместное жалование. Их земельные владения были двух видов — вотчина и поместье. *Вотчина* — это безусловное наследственное владение, причем Русское государство признавало и золотоордынское (древнетюркское) вотчинное право; *поместье* — владение, пожалованное на время службы.

Податная система на Руси XVI—XVIII веков строилась на совокупности двух видов налогового обложения — *окладных* и *неокладных*. Окладными назывались все прямые налоги, взимаемые ежегодно в определенном размере с каждой податной единицы (двора, дома или, позднее, души). Неокладные — это косвенные налоги, т.е. сборы, проводимые за частные операции и судебную деятельность. Для сбора налогов население делилось на *десятки*, *пятидесятники* и *сотни* во главе с *десятником*, *пятидесятником*, *сотником*, как пра-

вило, назначаемым из представителей местной верхушки. Термин *волость* в XVII веке означал не только объединение нескольких деревень, а и одно поселение, называвшееся именем основателя.

До 1700 года счет годам на Руси велся от сотворения мира. Поэтому в документах более раннего периода мы встретим даты типа «лета 7151» или «151 год». Чтобы такие даты перевести на современное летосчисление, нужно от указанной в документе даты отнять число лет, пройденных, по преданию, от сотворения мира до рождения Иисуса Христа, — 5508 (7158—5508=1650). Кроме того, начало года тогда приходилось не на 1 января, а на 1 марта или 1 сентября (употреблялись параллельно в разных местностях Русского государства), поэтому в случае, если в документе не указан месяц, для большей точности употребляется при переводе календаря сдвоенный год — 1649/50 или 1650/51. Еще одно пояснение касается написания имен и названий. Обычно в документах имена давались в уменьшительно-уничижительной форме — Федька Федоров, Тогайко Беляков и т. д. Нужно добавить также, что нерусские имена и фамилии часто искажались, так как записывались на слух не всегда знающими язык людьми...

В официальных документах встречается разное написание названия деревни — *Безяка, Бозак, Безяково, Безяки, Бизяки*; речка также носит названия *Безяка, Бозак, Безяковка, Безякинка*. Можно также встретить названия находящихся в окрестностях деревни рек и озер, оврагов и урочищ, дорог и лугов, которые сохранились до сих пор. Конечно, в русском написании часть из них оказалась искаженной почти до неузнаваемости. Причина этого, видимо, в том, что среди писцов мало было знающих татарский язык, поэтому сказанные устно названия записывались неточно.

Итак, какая информация о Бизьяках содержится в архивных документах, найденных мной? Отмечу, что самые древние документы относятся к XVII веку — к 1642, 1650, 1670, 1680, 1692, 1697 годам.

Начну с документов «Спорного дела...», которые заинтересовали меня еще в 1973 году. Первый из них — грамота (письмо, предписание) Петра I уфимскому воеводе В. Ф. Леонтьеву от октября 7205 (1697) года. Приведу эту грамоту полностью.

«От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя, и Белья России самодержца на Уфу стольнику нашему и воеводе Василью Федоровичу Леонтьеву да подъячому Федору Юрьеву.

Били челом нам, великому государю, Уфимского уезду Казанския дороги Ирминския волости башкирцы Агилдейко Тямов да Еманко Юскеев: старинная де вотчина за ними деда их Тогайки Белякова за Камою-рекою по речке Безяка и вниз по Каме-реке. Нижняя межа Долгая гора, а сверху межа от горы Был-Караул, а вверх по речке Безяке по обе стороны. Да за ними ж рыбные ловли, что даны им во 151 году Ахбулатке Ихтееву на устье речки Безяка и два озера Шаранбур да Казанбур. И старинная де их крепость на тое их вотчину и рыбные ловли во 159-м году згорела. И в прошлом де 200-м году дана им выпись на Уфе за печатью города Уфы, и нам великому государю пожаловати бы их, велеть им дать нашу великого государя грамоту к вам на Уфу с прочетом, чтобы им тоєю своею вотчиною и рыбными ловлями и всякими угоды владеть по-прежнему. И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и вы бы тою их вотчиною со всеми угоды и рыбными ловлями велели владеть по выписи, какова им дана на Уфе, и оброк и ясак платить им на Уфе. И оброчные ж платить им на Уфе сполна. А прочтя сию нашу великого государя грамоту, списав с нее список, дали им, челобитчикам, впредь для иных воевод и приказных людей.

Дана на Москве лета 7205 октября в день...

На обороте столнца в заглавии подписано тако: на Уфу стольнику и воеводе Василью Федоровичю Леонтьеву да подъячему Федору Юрьеву. По столнцу подписал дьяк Макар Молчанов. Спросил Мишка Васильев» (РГАДА, ф. 1306, оп. 2, д. 127, л.113).

Как видим, несмотря на не очень большой размер, грамота эта весьма информативна. Но и порождает много вопросов. Начнем с того, что бьют челом самому царю Петру Алексеевичу «Уфимского уезду Казанския дороги Ирминския волости башкирцы». Это определение вроде бы ясно указывает, что челобитчики — жители левого берега Камы (Закамья). А просят они закрепить за ними *вотчину «деда их Тогайки Белякова за Камою-рекою по речке Безяка и вниз по Каме-реке»*, находящуюся на правом берегу Камы и пожалованную ему в незапамятные времена, которая, к тому же сгорела в 1651 году. Со всеми этими загадками мы будем разбираться постепенно настолько, насколько нам поможет имеющаяся у нас информация.

Территория Закамья в XVI—XVII веках считалась Диким полем, где не было постоянных поселений, так как там происходили неизменные стычки между ногайцами, калмыками и башкирами, ко-

чевавшими на этих землях. В 1554 году большая часть башкирских родов «добровольно» вошла в состав Русского государства. На этих землях в конце XVI века был образован Уфимский уезд, общее управление которым осуществлял Приказ Казанского дворца. Органом же местного управления являлась Уфимская приказная изба. Формально границей между Казанским и Уфимским уездами служила река Кама. В тот период деревня Бизяки располагалась на землях, которые входили в описания поселений по Зюрейской дороге Казанского уезда. Как же получилось так, что «*башкирцы Уфимского уезду*» взяли выпись на Уфе, подтверждающую владение землями в Казанском уезде? На мой взгляд, согласовать это можно лишь, если допустить, что границы между двумя уездами еще не были четко определены и претендовать на приграничные территории могли представители обоих уездов.

Вызывает вопрос и термин «*башкирцы*». В последние десятилетия по вопросу о том, к какой народности (национальности) отнести жителей Урало-Прикамья (тюркоязычных предков населения современного юго-восточного Татарстана, западного Башкортостана, части Пермского края и т.д.), между учеными существуют большие разногласия. «Вопрос о характере и конечных результатах крупномасштабных этнических процессов, происходивших между волго-уральскими татарами и башкирами, остается дискуссионным, — отмечает Д. М. Исхаков в работе «Татары: перепись и политика». — Эта проблема, сама по себе достаточно непростая, была запутана и политизацией научных исследований рядом ученых из Республики Башкортостан, исходящих из общей позиции об «изначальности» (древности) башкирских групп северо-западного Приуралья, о неизменности их этнической идентичности, а в случае изменения ими своей этнической принадлежности — об агрессивном воздействии на них со стороны татар и т.п. Поэтому для объективного рассмотрения этого спорного вопроса необходимо провести многофакторный анализ причин «ассимиляции» северо-западных башкир татарами в Приуралье на национальном этапе» [Исхаков, 1910, с. 25].

Остановимся и мы на некоторых аспектах этой проблемы и обратимся к источникам и литературе.

Еще в 1730 году в «*Записке о положении башкирского вопроса в Российской империи и о полученных способах его разрешения, составленной казанским губернатором Артемием Петровичем Волын-*

ским, 1730 год» отмечалось, что на территории, которую принято считать занятой башкирами, население быстро увеличивается за счет пришлого народа, который бежит от постоянно растущего непомерного налогового гнета. За их счет число башкир «время от времени непрестанно умножается и растет так, что чрез 20 прошедших лет не было прямых башкирцов более 35000 или, по крайней мере, 40000, а ныне с беглецами стало больше 100000, а именно: казанские, сибирские, темниковские и протчих тамошних уездов ясашные татара, большая половина в башкиры перешли, к тому ж и протчие иноверцы, мордва, чувашаи, черемиса, вотяки целыми селами и деревнями с ясаков туда ж перешли» [История, 1937, с. 399]. Такое же мнение о наличии в составе башкир татар и представителей других нерусских народов было высказано в 40-х годах XVIII века оренбургским губернатором И. И. Неплюевым и др.

Позднее, уже в XX веке, об этом писал А. П. Чулошников: «Волость и подразделения ее, тюба или аймак, еще в XVII веке не представляли в Башкирии собрания одних родственников. В них вливались и чужеродные элементы, часто люди не башкирского происхождения» [Чулошников, с. 9]. У. Х. Рахматуллин в статье «Крестьянское заселение Башкирии в XVII — начале XVIII вв.» указывал, что принадлежность к башкирам «была в XVII веке адекватна с пребыванием в составе более привилегированного сословия», что «присвоение башкирского имени позволяло пришлым крестьянам освободиться от многих обременительных повинностей» [Рахматуллин, с. 7].

Д. М. Исхаков обращает внимание на то, «что русские стремились маркировать ясачное население Приуральской зоны Казанского ханства в основном как «*башкурдов*» (*башкирцев*)» [Исхаков, 2000, с. 25]. К тому же, — подчеркивает он, — в XVII веке «этнические границы между «татарами» и «башкирами» оставались крайне размытыми» [Там же, с. 30]. В другой работе ученый отмечает: «Проводившиеся лингвистические исследования показывают, что в XVII—XVIII вв. тюркские группы северо-западного Приуралья говорили на татарском языке, а не на башкирском (см. работы М. Ахметзянова, Д. Рамазановой, Р. Сибгагова и др.)» [Исхаков, 2010, с. 26].

В XVI—XVII веках русское чиновничество имело смутное представление об этническом составе населения Урало-Прикамья.

Поэтому, как отмечает языковед Д. Б. Рамазанова, все нерусское население Уфимской провинции часто фигурировало под одним названием «башкирцы» [Рамазанова, 1984, с. 97]. «Чуваши, татары и марийцы западной и северной части Уфимского уезда в XVII веке стали называться «башкирами», — указывает и У. Х. Рахматуллин. В итоге термин «башкиры», известный как этноним, приобрел в определенный исторический период и территориальное, а затем и сословное значение. Мы также примем как данное: термин «башкирец» означал в те времена не только национальную, но и сословную принадлежность.

Однако пора вернуться к грамоте Петра I. Итак, Тогай Беляков получил в стародавние времена жалованную грамоту, определявшую вотчинное право на земли по речке Безьяка. Очень важно, что документ указывает границы бизякинской вотчины. Так, Тогаю Белякову принадлежали земли «за Камою-рекою по речке Безьяка и вниз по Каме-реке. Нижняя межа Долгая гора, а сверху межа от горы Был-Караул, а вверх по речке Безьяке по обе стороны». Юго-западная точка ее южной границы, таким образом, на западе доходила до местности, которая расположена на крутом повороте реки Кама и поныне по-татарски называется «Озын Тау» (можно перевести и как «Долгая Гора»). Русское же название претерпело изменения — теперь это Тихие горы. Юго-восточная же точка вотчины вверх по течению реки Кама, гора Был-Караул, — это возвышенный берег Камы, километрах в семи от речки Безьяка, место, на самом деле, очень удобное для караула, ибо отсюда Кама хорошо просматривалась и вверх и вниз по течению. Сейчас около этого места находится село Икское Устье.

Таким образом, южной границей вотчины служила река Кама, и тянулась она приблизительно на двадцать верст. Стержнем этого владения являлась речка Безьяка, которая на протяжении 15–20 верст текла с севера на юг среди лесов и впадала в одно из множества озер, находившихся на заливных лугах долины Камы (ныне эта территория занята Нижнекамским водохранилищем). Земли по обеим сторонам этой речки, от ее истока до устья, и входили в состав Тогаевой вотчины. Можно, видимо, предположить площадь этой вотчины по указанным границам. Однако пока лишь отмечу, что точные границы земель на восток и запад от речки Безьяка четко не определены, указано лишь, что они расположены «по речке Безьяке по обе стороны». Это, видимо, объясняется тем,

что во времена получения жалованной грамоты земли эти были малозаселенными. Точное же определение южных границ вотчины по реке Каме можно объяснить тем, что рыболовство составляло важную статью дохода наших предков.

Обратим внимание и на то, что данное Акбулату Ихтееву в 1643 году право «на рыбные ловли... на устье речки Безяка и два озера Шаранбур да Казанбур» несколько уточняет границы бизякинской вотчины. Очевидно, эти места не входили в бизякинскую вотчину (можно сказать, что считались казенными), и Акбулат Ихтеев закрепил их в аренду за собой, точнее, за бизякинцами. Кстати, древнейший институт тюркских народов – вотчинное право на землю, как правило, предполагал, что каждый член общины имел равные со всеми права на пользование вотчинной землей. Они сохранились и в более позднее время. Поэтому мы уверенно можем сказать, что указанные в документе лица выступали не только от своего имени, но и от имени всей общины. Следует также помнить, что грамота, как правило, давалась определенному лицу с указанием «со товарищи». Итак, в грамоте указаны имена Тогая Белякова, Акбулата Ихтеева, Агильдея Тямова и Емана Юскеева. К слову сказать, последние двое необязательно являются Тогаевыми внуками в прямом смысле слова, хотя в документе написано «нашего деда» (в татарском языке все деды-прадеды обозначаются словом «баба» (бабай)).

Весьма важны и даты, приведенные в этом документе – 151 или, точнее, 7151 = 1643; 159 (7159) = 1651; 200 (7200) = 1692; 7205 = 1697. Они работают на подтверждение версии об основании деревни Бизяки ранее XVII века. Кроме предания, анализ которого был уже сделан, мы теперь можем опираться на содержание грамоты Петра I, особенно на выражения «старинная вотчина» Тогая Белякова и «старинная де их крепость на тое их вотчину». Это означает, что вотчина была закреплена (слово «крепость» здесь означает не сооружение, а закрепляющий принадлежность имущества документ), за ними так давно, что забылась дата (тогда как дата разрешения А. Ихтееву на рыбные ловли указана точно – 1643 год, хотя с того времени также прошло уже более полусотни лет).

О времени появления «старинной крепости» на вотчину Т. Белякова, на мой взгляд, может идти речь в деле, хранящемся в НА РТ. В описи актов, представленных в «Вятскую Межевую контору от башкирцев деревни Безяков», первой упомянута «грамота

7025 года». Можно предположить, что здесь имеется в виду именно сгоревшая в 1651 году грамота, данная Тогаю Белякову, так как дальше названа грамота «от царя Петра Алексеевича на Уфу воеводе Леонтьеву по челобитной башкирцев Уфимского уезда Казанской дороги Ирминския волости Агильдейка Тямова да Еманка Юксеева» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 59].

7025 год – это 1517 год, т.е. время существования Казанского ханства и Московского княжества. На казанском престоле в это время сидел Мухаммедамин хан, на московском – князь Василий III. Оба они могли дать жалованную грамоту Тогаю Белякову. Сопоставив исторические факты, я пришла к выводу, что более достоверным выглядит второй вариант. И вот почему.

Еще с конца XV века Московское государство активизировало свою политику в сопредельных с территорией Казанского ханства землях. В частности, в 1489 году Иван III присоединил вятский торговый город Хлынов, который историки-краеведы считают купеческой республикой, основанной новгородцами. Среди именитых людей, вывезенных на Москву, были и татары, так называемые арские князья. По примечанию М. Усманова, «арскими» эти татарские князья иногда назывались потому, что они владели землями, которые заселяли ары – удмурты [Усманов, 1972, с. 184]. После приведения «к роте (присяге)» на верность Москве они были отпущены «в свою землю», причем московский князь Иван III пожаловал им огромные земельные владения, охватившие весь бассейн реки Чепцы (правый приток реки Вятка). Пределы Арской земли были определены так: «на полтораста верст поперек, а в длину – и по Каму» [Духовные..., 1950, с. 356].

Следовательно, земли современного северо-восточного Татарстана стали подконтрольными арским князьям и оказались в зоне влияния Московского государства еще до завоевания Москвой Казанского ханства. Центром этой территории считалось укрепленное поселение Нукрат или Карино. В княжеских грамотах XVI века территория, подвластная арским князьям, носила название «Каринский стан или волость», местное же население называло его «Нократ йире (Нукратская земля)». Считавшиеся на службе у арских князей каринские (нукратские) татары уже с начала XVI века стали закреплять за собой земли, находившиеся в междуречье рек Вятка и Иж. Так, жалованные грамоты от великого князя Василия III арские князья получали в 1505, 1510, 1520 и т.д. годах [Исха-

ков, 2010]. В такой ситуации вполне можно допустить, что и Тогай Беляков в 1517 году получил жалованную грамоту на землю.

Итак, предположим, что упомянутая в описи документов «грамота 1517 года» и «сгоревшая в 1651 старинная крепость» Тогай Белякова тождественны. Дополнительным аргументом, подтверждающим эту гипотезу, на мой взгляд, является запись в бизякинском шеджере, оставленная Т. Шакировым. Она гласит: «Тагир баба умер в 1545 году». Анализируя шеджере, я никак не могла понять, почему эта запись появилась: шеджере охватывает имена односельчан, живших в XVIII–XX веках. Что за Тагир баба, живший в XVI веке? Почему его имя и дату смерти помнили старики, жившие в середине XX века? Теперь, кажется, я нашла ответ на этот вопрос: Тагир баба – это бизякинец, обеспечивший наших предков землей и угожьями. Только его имя в русском написании трансформировалось в «Тогай» или, наоборот, народ преобразил звучащее для него чуждо имя в знакомое «Тагир» и сохранил его в памяти.

К сожалению, у нас очень мало сведений – подлинник грамоты сгорел в 1651 году. Поэтому мы не можем определить происхождение Тогай (Тагира–?) Белякова. Если моя гипотеза о возникновении деревни в первой половине XV века верна, то он мог быть урожденным бизякинцем, возможно, продолжателем рода болгарских биев (к слову, по мнению некоторых ученых, родословная арских князей тоже восходит к болгарскому хану Габдулле – Карабеку). Однако также возможно, что он происходил из нукратских татар. Впрочем, кем бы ни был Т. Беляков, он должен был быть достаточно авторитетным человеком знатного происхождения (трудно представить, что рядовой ясашный татарин мог получить грамоту на владение вотчинными землями).

Во втором случае именно Т. Беляков мог быть основателем деревни на речке Безяка, название которой постепенно стало названием деревни. Но и в таком случае деревня возникла не позднее начала XVI века. Как и когда бы все это ни происходило, *1517 год – это первая самая древняя известная нам дата упоминания нашей деревни в официальных документах.* По принятым в исторической науке правилам, эта дата может считаться датой возникновения населенного пункта под названием Безяка (Бизяки). В любом случае, 1517 год – это год получения бизякинцами права на владение своими землями в определенных границах.

Вернемся к описи документов, представленных бизякинцами в Вятскую Межевую контору. Судя по ее содержанию, жалованная грамота, данная Т. Белякову, была позднее засвидетельствована в Оренбургской гражданской палате. И это послужило основанием для получения Агильдеем Тямовым и Еманом Юскеевым сберегательной грамоты о праве бизякинцев на вотчину Т. Белякова: *«И в прошлом де 200-м (1692. — А.М.) году дана им выпись на Уфе за печатью города Уфы»* [РГАДА, ф. 1306, оп. 2, д. 127, л.113]. Однако этой выписи бизякинцам оказалось недостаточно. И они обратились с челобитной на имя самого царя Петра I, чтобы *«нам великому государю пожаловати бы их, велеть им дать нашу великого государя грамоту к вам на Уфу с прочетом, чтобы им тою своею вотчиною и рыбными ловлями и всякими угодьи владеть по-прежнему»* [Там же]. Отмечу, что указная с прочетом грамота удостоверяла права, а также обязательства владельца и выдавалась на руки правообладателей с обязательством иных лиц после прочтения вернуть грамоту ее держателю.

Учитывая все сказанное, можно утверждать, что «Уфимского уезду Казанския дороги Ирминския волости башкирцы Агилдейко Тямов да Еманко Юскеев», подавая свою челобитную Петру I, вполне осознанно называли себя башкирцами: башкиры получили право обращаться к царю с челобитными как одно из условий вхождения в состав Русского государства. Челобитные писались, как правило, по трафарету, и челобитчикам было не суть важно, какую народность они представляют (намного важнее было, о чем они бьют челом), тем более, что «присвоение башкирского имени» увеличивало надежду на положительное решение. К тому же не следует забывать, что татары и башкиры — народы, родственные по языку, религии и культуре до такой степени, что четкую границу между ними в то время просто невозможно было провести. Для неполитизированного населения и в наше время подобные проблемы не очень актуальны. А в давние времена тем более, люди, признавая, кто из них башкир, кто татарин в этническом плане, использовали нужный термин в социальном значении. Да и в понятии «свой-чужой» отличали чаще по религиозному, а не по этническому признаку.

Познакомимся с еще одним документом, который удостоверяет существование деревни Бизяки в 1650 году, что для нас важно, так как в грамоте 1697 года сама деревня не упоминается. Это выпись

из хлебной книги Приказа Казанского дворца: «В приходной хлебной книге прошлого 7158 (1650. — А.М.) году записано за приписью дьяка Василья Нефедьева Тлекейковы пятидесятни Азаева пустошь по речке Сейтеке по обе стороны, верхняя межа той пустоши пашенная земля чювашевская деревни Безяков да подключье словет Ногай, а по другую сторону сухой враг, а подле того врага озерочко словет Ирык Илга, пашенная земля и сенные покосы, черный лес, да по воцкое поле деревни Игры. А в ней три двора с полудвором. Да в той же пустоши новоприбылая полдвора Федьки Федорова. А жить ему и владеть сенными покосы по речке Казандыш с вершины и до устья словет Тагаевская. Да по речке Безяке по нижней стороне да подле истоку Каинлы Зилень и до устья, буде лежать впусе. А впервые ясак заплащать во 159-м году» [РГАДА, ф. 1306, оп. 2, д. 127, л.92].

Итак, в приходной хлебной книге 1650 года также упоминаются названия, позволяющие уточнить западные границы бизякинской вотчины. Судя по описанию, они проходили или по левому краю Сетяковского оврага, или по оврагу километрах в трех от Бизяков, известному и поныне под названием «Тарлау чокрыры (Овраг Тарлау)». Этим словом на татарском языке означали отдельную пашню посреди леса или луга (другое значение — нераспаханная земля посреди пашни, заболоченная или поросшая кустарником часть ее). По рассказам Т. Шакирова, именно там проходили границы самой древней пашни Бизяков. Другие названия — Ирык Илга, Казандыш, Каинлы Зилень — это хотя и несколько искаженные в русском написании, но вполне узнаваемые поколениями бизякинцев даже второй половины XX века названия мест, которые сейчас находятся на дне Нижнекамского водохранилища.

Упомянутая в документе деревня Игра, вероятно, это современная удмуртская деревня Старая Игра, расположенная примерно в 20 км от Бизяков. Видимо, неподалеку от места, где ныне стоит Сетяково, проходили границы «воцкого поля деревни Игры», что позволяет определить, что ее населяли удмурты, называвшиеся по-русски «вотяки», а по-татарски «ары». К тому же можно добавить, что до затопления водами Нижнекамского водохранилища в долине Камы существовали названия «Ар болыны (Удмуртский луг)», «Ар юлы (Удмуртская дорога)». Как показывают другие документы, первое название получил участок лугов, отдаваемых бизякинцами в аренду удмуртам, а второе — дорога, ведущая к нему. Документы также говорят о том, что и Бизяки, и Игра — это посто-

янные поселения, жители которых вели оседлый образ жизни и занимались земледелием и скотоводством, рыболовством, охотой и бортничеством (из слов «пашенная земля и сенные покосы, черный лес», несомненно, можно определить эти занятия населения). Кстати, добавлю, что местное нерусское население в большинстве случаев платило ясак и оброк не деньгами, а натурой, куда входили как продукты растениеводства и животноводства, так и рыба, мед, меха и т.д.

Перечисление границ «Азаевой пустоши по речке Сейтеке» в документе позволяет определить, что это территория современной крещено-татарской деревни Сетяково, которая раньше была освоена человеком по имени Азай (возможно, Юзей) из Тлекейковой пятидесятни, но опустела по неизвестным нам причинам. «А в ней три двора с полудвором». Это означает, что на Азаевой пустоши к прибытию туда Федора Федорова было не менее семи дворов (скорее всего, новокрещеных татар), так как они платили три с половиной ясака. Уплата второй половины четвертого ясака возлагалась на новоприбылого, и за это ему передавалось владение «сенными покосы по речке Казандыш с вершины и до устья словет Тагаевская» (возможно, здесь имеются в виду покосы, принадлежавшие ранее Тогаю Белякову). Замечу также, что Ф. Федоров, по всей вероятности, был крещеным татаринном.

В этом документе Бизяки названы «*чювашевской деревней*». Что это значит? Попробуем выяснить.

Ряд исследователей считают, что довольно часто встречающийся в источниках XVI–XVII веков термин «ясашные чюваша» следует рассматривать как категорию социальную, а не этническую. Так, этнолог Д. М. Исхаков пишет: «Термин «ясачная чуваша» фиксировал сословную принадлежность, наименование «чюваша» (šüäš), по авторитетному заключению лингвиста Р. Г. Ахметьянова, обозначало «пахаря, земледельца» [Исхаков, 2000, с. 15].

В ряде документов, указывают ученые, термины «ясашные чюваша» и «ясачные татары», «чювашевская деревня» и «татарская деревня» употребляются по отношению к одним и тем же конкретным людям или поселениям. Как отмечает Р. Ф. Галлямов, «не исключено, что под этим термином в источниках подразумеваются как татары, так и чувашаи. Здесь нужен в каждом отдельном случае дифференцированный подход... Во всяком случае то, что под термином «ясачные чюваша» в подавляющем большин-

стве случаев в источниках скрывается ясачное татарское население, не вызывает у нас никаких сомнений» [Галлямов, 1990, с. 45]. Можно было бы допустить, что когда-то в деревне Бизяки жили чувашаи, затем вытесненные татарами. Однако нет никаких следов, подтверждающих это ни в виде названий на местности, ни в виде более или менее близко расположенных чувашских поселений. Так что определимся, что в данном конкретном случае термин «*чювашевская деревня*» означает деревню татарскую.

Продолжим знакомство с документами. Есть еще один документ, который тесно связан с предыдущим. Это грамота из Приказа Казанского дворца, данная внуку Федора Федорова Титу Дементьеву.

«В нынешнем в 200 (1692. — А.М.) году июля 14 дня бил челом великим государем ясаиной новокрещен Зюрейской дороги деревни Сейтяк Титико Дементьев. Дано де деду его Федыке Федорову с товариышыи в той же деревне пашенная земля и сенные покосы в межах по речке Казандыш с вершины и до устья словет Тагаевская да по речке Безяке по нижней стороне с вершины и до устья, да подле истоку Каинлы-Зилен по обе стороны с вершины и до устья. А платили де деды и отцы их с тое земли и сенных покосов по пол-ясаку на год. И они померли. А тое де пол-ясака платят они. И чтобы великие государи пожаловали их, велели им владеть теми сенными покосы по речке Казандыш по одной стороне с устья и до вершины от Камы-реки да по речке Каинлы-Зилан по обе стороны с устья и до вершины. А сверх старого пол-ясака станет он с тех сенных покосов с товариышыи прибыли платить по четыре гривны на год. И по помете на челобитной дьяка Федора Мартынова велено за ним оброк написать, буде спору не будет. И в приходной денежной книге с сенных покосов тот оброк четыре гривны на нем, Титке, в деревне Сейтяк писан» [РГАДА, ф. 1306, оп. 2, д. 127, л.93].

Получается, что возникшее на Азаевой пустоши поселение, между 1650 и 1692 годами получило свое название по речке Сейтеке, — новокрещенская деревня Сейтяк. Можно предположить, что Азаева пустошь специально заселялась татарами, принявшими христианство. Термин «*новокрещен*», или, по-татарски, «*кряшен*» появился еще в конце XVI века, и специальный указ царя Федора Иоанновича предписывал расселять новокрещеных и некрещеных татар. Так стали появляться кряшенские деревни. Итак, мы делаем вывод, что крещенотатарское село Сетяково возникло не позднее

первой половины XVII века. Речки Сейтеки сейчас нет (видимо, она усохла после уничтожения лесов), но есть Сетяковский овраг, где находится «Изге чишмә (Святой родник)» с вкуснейшей водой (возможно, это и есть подкючье Ногай?). Следовательно, третье предание о крещении сетяковцев при Иване Грозном, приведенное мной ранее, не соответствует действительности. И вот что еще интересно: Тит Дементьев включил в свою челобитную пашенную землю «Тагаевскую», о которой не говорилось в грамоте, данной Ф. Федорову. А это, видимо, часть вотчины бизякинца Тогая Белякова. Поэтому, надо полагать, оброк в четыре гривны за Титом записали, но лишь за сенные покосы. А земли по речке Безяке, видимо, были признаны частью бизякинской вотчины...

Вот еще один документ из РГАДА, любезно предоставленный мне Р. Ф. Мардановым. Это «Ведомость с переписных книг Зюрейской дороги Казанского уезда 188 [1680] года». Его содержание:

«Починок на пустоши меж речки Безяка и Текеша.

В нем татарских 11 дворов. В них людей — 13 человек, у них детей — 20, братьев — 5, внук — 1, вотчим — 1.

Платит тот починок 7 ясаков с получетью» [РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1102, л. 646].

Хотя этот документ вызывает много вопросов, которые требуют новых изысканий, мы пока воспользуемся лишь теми данными, которые можем объяснить. Итак, между речками Безяка и Текеша образовалась пустошь, т.е. земля, которая какое-то время была в употреблении, а затем по каким-либо причинам опустела. И на этой земле возник починок, т.е. новое поселение пришедших из других мест татар. В 1680 году в нем было 11 дворов, в которых жило всего 40 мужских душ. Починок этот значительно отличался по своим размерам, так как в среднем в починках бывало по одному-три двора. Далее. 13 *людей* — это плательщики ясака, который, видимо, платился с количества земли. Починок пока не имел названия, но к этому вопросу мы вернемся, когда будем рассматривать документы XVIII века.

Сразу после завоевания Казанского ханства началась колонизация присоединенных к русскому государству территорий. «Нашествие» на земли Прикамья дворян, служилых людей, церкви развернулось в XVII веке. Особенно активны в крае были монастыри. Это можно проследить и на примере приграничных к бизякинской

вотчине земель. В начале XVII века на приграничных землях татарских деревень Бизяки и Тураево Костромской Богоявленский монастырь заложил Камскую Богородскую пустынь. В середине века здесь «поселены были властями Костромского Богоявленского монастыря крестьяне». В 1656 году «по челобитью архимандрита Корнелия с братиею» им была отдана «в оброк порозжая земля на реке Каме против устья Ик реки и сенные покосы Костромы Богоявленского монастыря игумену Герасиму с братиею». Размер этой «порозжей (свободной. — А.М.)» земли — «переложные земли 50 четвертей, лесу черного в длину на две версты, а поперек на версту» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 33–33об.]. Впоследствии это поселение получило название «Богородское, Икское устье тож».

Наступление на бизякинские земли шло и со стороны другой — западной точки бизякинской вотчины — Долгой горы. «Порозжие земли» к востоку от нее в 1673 году были пожалованы игумену Илариону с братиею из Седмиозерной пустыни, расположенной близ города Казани. На этих землях и возник монастырский двор, ставший позднее селом Богоявленским (Тихие Горы тож), и село Бондюга. В монастырском дворе, устроенном на Долгой горе, в 1681 году числились священник, дьячок, дворник с двумя сыновьями, конюх с сыном и просвирник, всего 8 мужских душ. При нем состояли также 14 бобыльских дворов, где жили 15 бобылей и 14 их детей и племянников. Расчистив и распахав «порозжую землю» для монастыря, они «во время бытности за означенным монастырем обрабатывали часть на тот монастырь, а остальное на себя» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 50–50 об.]. В переписи архиерейских и монастырских крестьян по Казанской губернии в 1710 году «Дмитриевских вотчин Седмиозерной пустыни село Тихие Горы» насчитывало уже 79 бобыльских дворов [История, 1937, с. 200].

Напомню, что будущее село Икское Устье, а пока Камская Богородская пустынь — была заложена на местности, в грамоте Петра I обозначенной как «гора Был-Караул» — восточная точка отсчета межи бизякинской вотчины. Также и будущее село Тихие Горы было основано на «Долгой горе» — ее западной границе. Следовательно, бизякинцы считали отданные монастырям земли своими, но до поры-до времени они или не заявляли протест против действий администрации, или сведения об этом не дошли до нас. Разговор об этом мы продолжим в свое время.

А пока представим еще несколько документов XVII века, предьявленных бизякинцами в период решения межевых споров между бизякинцами и их соседями в 1807–1849 годах. Вот «Копия с памяти 178 (1670. — А.М.) года, данная при царе Алексее Михайловиче воеводою Кондыревым по челобитной ясашных чувашей Уфимского уезда Казанской дороги деревни Безяка Уруска Еналеева да Юзейка Янгорина, которым по сей челобитной на притеснения с братьями, детьми и племянниками сею памятью велено платить на Уфу в казну сверх бобыльского ясака по 13 куниц, а всего 17 куниц, а казанцам и иных городов и уездов велено чиновным людям их Уруска да Юзейка с братьями и с племянники без указа государева, без уфимских указных памятей и подписных челобитников в Уфимском уезде ни в чем не бывать» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 38 об.].

К сожалению, чиновник, составлявший опись, не дал полную копию этой «памяти» 1670 года. Но и из пересказа ее содержания понятно, что уже при царе Алексее Михайловиче бизякинцы платили ясак на Уфу в казну и поэтому свою челобитную с жалобой на притеснения (видимо, со стороны «казанцев и иных городов и уездов чиновных людей») направили уфимскому воеводе Кондыреву. От воеводы же пришла сберегательная грамота («память»), в которой была не только защита от притеснений, но и повеление «платить на Уфу в казну сверх бобыльского ясака по 13 куниц, а всего 17 куниц». Этот документ интересен и тем, что в нем вновь встречается термин «ясашные чуваша», причем он применен уже самими челобитчиками. Обращает на себя внимание и имя одного из челобитчиков — *Юзейко Янгорин*.

Рассмотрим еще один, довольно большой по объему, но весьма интересный по содержанию документ, сведения из которого частично уже были использованы нами чуть ранее. Это «*Выпись из дела 207 (1699. — А.М.) года с межевых книг Дмитрия Каленина*, данная 22 декабря 1700 года при царе Петре Алексеевиче воеводою Кудрявцевым башкирцам Уфимского уезда Байлярские волости деревни Безяков Аднагулку Урусову с товарищами на сенные их покосы, что промеж Камы-реки и Пинаря озера, по челобитной Урусова». Кстати, Уруско Еналеев из предыдущего документа также вполне может быть отцом Аднагула Урусова. 10 августа 1699 года Аднагул Урусов обратился с челобитной, в которой говорилось:

«Владели де со 150 (1642. — А.М.) года родственники его Исенгулко Саранбаев с товарищи, а после них владеет он Аднагулко с братьями санными покосы промеж Камы-реки и Пинаря озера, а ныне Костромского Богоявленского монастыря вотчины села Ицкого Устья служка Егорка Михайлов с товарищи те их санные покосы насильством своим подкосили». В доказательство «челобитчик Аднагулко положил Великого Государя Грамоту за приписью дьяка Полянского, в которой написано: велено ему Аднагулко с братьями дяди их Исенгулка Сарыбаева покидною землею и санными покосы по данной 150 года и ясак платить на Уфе, а в данной 150 года, каковую Аднагулко явил в Приказе Казанского дворца, написано: дана башкирцу Сарыбаеву с братьями и детьми покидная земля ясашных башкирцев Бурнашка с товарищи, покосы промеж Камы-реки и Пинаря озера, а верхняя межа тем санным покосам Янгустерек, а промеж тех санных покосов прошел источник Казандыш». Кстати, обращает на себя внимание название «Янгустерек». Из содержания другого документа понятно, что речь идет об отдельно стоящем дереве, использованном для отметки межи. Возможно, его по-татарски называли «Ялгыз тирэк (Одинокый осокорь)» или «Янган тирэк (Обгорелый осокорь)».

Представитель противной стороны «стряпчий Костромского монастыря сказал, что монастырской их земле межи и урочища написаны именно в грамоте 205 (1697. — А.М.) года, которая прислана в Казань по челобитью архимандрита Корнелия с братиею, а в грамоте 205 г. из Приказу Казанского дворца за приписью дьяка Макара Полянского писана в Казань к воеводе князю Львову, что с Костромы Богоявленского монастыря стряпчий подал в приказ две выписи письма и меры казанского писца Волинского за приписью дьяка Патракеева 164 (1656. — А.М.) года, а в выписях написано: отдали они в оброк порозшую землю на реке Каме против устья Ик реки и санные покосы с Костромы Богоявленского монастыря игумену Герасиму с братиею, а по дозору и по имению Андрея Издосского той порозшие земли написано переложные земли 50 четвертей, лесу черного в длину на две версты, а поперек на версту».

Далее стряпчий перечислил и границы земель: «Межа той земле верхняя идучи от Камы реки в Тураеву по правую сторону дороги татарская земля, а по левую сторону дороги та порозшая земля, да по изгороди Тураевского поля, а по другую сторону Ольховое

озеро, а от Ольхового озера прямо на Каму реку, и на конец течет речка Безяк, а пала в Ольховое озеро; сенных покосов за Камою ниже устья Ик реки промеж Плоского озера Пирканивского, и от того Плоского озера прямо на Каму реку, а с другую сторону Ик река, а по смете сена сто копен, а оброку велено платить по 1 рублю 16 алтын с деньгою на год безпереводно».

Казанский воевода Кудрявцев 13 сентября 1700 года передал указ елабужскому воеводе Дубенскому «послать дворянина и с сторонними людьми спорные сенные покосы досмотреть и против вышеписанных крепостей межи и урочища досмотря описать, и на спорных сенных покосах, кто его косил и против крепостей в чьих межах и урочищах и учинить чертеж с подлинною очисткой». Елабужский воевода Дубенской, «взяв с собою сторонних людей и тем спорным сенным покосам чертеж учинил, коим по указанию сторонних людей межи: верхняя межа от Ицковского монастыря до осокоря, а татарское имя Янгусторек, а под тем деревом котловина, а от того дерева направо сенные покосы вотяцкие, а против осокоря и вотяцких покосов суходол, а ниже суходола вышел исток бакалдинами Казандыш и прошел тот исток через челобитчиков сенные покосы меж озера Пинаря и Камы реки, да на той же истоке выше озера Пинаря стоит осокорь, а тот исток Казандыш пал в Каму реку, направо от истока Казандыша промеж башкирца Аднагулковых и вотяцких сенных покосов поперек вышел суходол до болота, а от того болота пошел суходол до озера Пинаря, а из того озера Пинаря вышел источник и пал в озерко Ксюкуль, а с того озерка межа тем сенным покосам с озера Ксюкуля с верхния изголовья прямо на Каму реку по другую сторону, а на левой стороне от той вышеписанной межи от осокоря течет река Кама».

«Сторонние люди (т.е. представители сторон. — А.М.)» подтвердили проверяющим, «что те сенные покосы Ицковского монастыря крестьяне насильством скосили, а те де сенные покосы исстари челобитчикова Аднагулкова родственника да села Тихих Гор крестьян». Дмитрий Каленин, которому было поручено описать «спорные сенные покосы», дал следующее описание границ: «верхняя от Ицкого монастыря Камою рекою стоит осокорь, Янгустеряк, а подле того осокоря котловина, а в той котловине вода, а на той осокори нарублено две грани, первая грань указывает с той осокори прямо на Каму реку, а другая грань указывает на ме-

жевой столб, что поставлен против осокоря в суходоле, а у того столба выкопана яма, и в яме насыпаны уголья, а с того столба указывает грань в лице Камою рекою, на столбе же прямо суходолом, а от суходола прямо бакалдинами, а ис тех бакалдин истоком Казандышем прямо маленький столб, а на том столбе две грани, под ним выкопана яма, а в ней сыпано уголье, а на том столбе нарублено две грани: одна грань на первый межевой столб, что поставлен против осокоря, а другая грань указывает через вотские сенные покосы... прямо на исток Ерыксу, а направо от осокоря и от межевых столбов сенные покосы вотские, а налево от осокоря к Каме реке сенные покосы челобитчика Аднагулка Урусова с товарищи» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 33–38].

Вместе с этой пространной выписью 1700 года бизякинцами была предъявлена и «Грамота, данная в октябре 7205 (1697. – А.М.) года от царя Петра Алексеевича воеводе Леонтьеву по челобитной того же башкирца Аднагулка Урусова, которому велено дядиною Исенгулком Сарабаевым покинутою землею /тою самою, о которой дана Урусову выпись из дела/ и меленкою владеть по крепостям за скрепою секретаря Елабужского уездного суда» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 38 об.].

Из этих документов следует, что пока новые поселения возникали на границах земель бизякинцев, они, видимо, особо не протестовали. Положение изменилось, когда новые поселенцы «насильством своим» стали захватывать их земли. Именно их самовольные покосы на сенокосах «промеж Камы-реки и Пинаря озера» и вызвали челобитную А. Урусова. Интересно, что для решения спора между монастырем и бизякинцами 13 сентября 1700 года «по приговору воеводы Кудрявцева велено послать дворянина и с сторонними людьми (т.е. с представителями сторон. – А.М.) спорные сенные покосы досмотреть». Соответствующий указ был послан «на Елабугу к воеводе Дубенскому».

В ходе досмотра выяснилось, что, во-первых, Исенгул Сарыбаев со товарищи получил свою крепость (и именно на этот спорный участок) в 1642 году, а выписи письма и меры, предъявленные монастырем, относятся к 1656 году; во-вторых, в этих выписях речь шла не об этом спорном участке, «а написаны те к монастырю покосы и именно за Камою рекою, а не в тех местах и урочищах». Были подробно описаны границы земель, принадлежащих той и другой стороне. Результатом же досмотра на этот раз стало при-

знание права бизякинцев. «**Посему велено** тем санным покосам по крепостям и по розыскам и по чертежам быть за челобитчиками за башкирцы за Урусовым с товарищами, а ответчикам Костромского монастыря стряпчему отказать, для того что тех покосов за ответчиками не написано, а написаны те к монастырю покосы и именно за Камою рекою, а не в тех местах и урочищах».

Таким образом, эти пространные документы являются свидетельством того, как на рубеже XVII—XVIII веков бизякинцы начали отстаивать свои земли от посягательств чужаков. В этот раз отстоять свои земли им удалось.

Что говорят намогильные камни?..

Еще один, очень важный для нас источник — это сохранившиеся до наших дней намогильные камни ушедших времен. Испещренные затейливой арабской вязью памятники, сооруженные на могилах усопших, — это бесценные источники, содержащие различные сведения. Известный историк-археограф М. А. Усманов не случайно называл татарские кладбища каменным архивом. Они для нас дороги уже тем, что сохраняют для следующих поколений имена их предков. Однако они свидетельствуют нам не только о личности захороненного человека. В них могут быть и исторические сведения, раскрывающие те или иные загадки истории, например, помочь при определении времени существования того или иного поселения. Такие надгробия, по сведениям изучающих их ученых, можно найти почти на каждом татарском кладбище, что подчеркивает особую важность обследования сельских кладбищ, в том числе и Бизякинского, особенно в условиях, когда отсутствуют письменные источники.

Отмечу, что в рассказах старшего поколения середины XX века, кроме действующего Бизякинского сельского кладбища, фигурировало еще несколько кладбищ, находившихся на землях вокруг деревни. От некоторых из них остались только названия местности (Тижек зираты, Пан зираты). Было, однако, кладбище в 1,5–2 километрах от деревни выше по течению речки, в месте, которое называется «Көчәнде», камни которого дошли до наших дней. На этом кладбище, по рассказам сельчан, еще в 30–40 годах XX века древних намогильных камней было несколько. Но постепенно эти камни исчезли (рассыпались от времени, разбились

на куски). А в 70-х годах XX века эти земли были распаханы. Колхозники, проводившие здесь сельхозработы, рассказывали, что им попадались почти целые надгробья или большие обломки намогильных камней. Они все были перегруппированы ими поближе к речке.

Как объяснить, почему старое кладбище находилось так далеко от деревни? Вот один из вариантов ответа на этот вопрос. Его дал учитель Хай абый Гильфанов в одном из писем, которые он присылал мне после наших разговоров об истории Бизяков. По его мнению, жителям Бизяков в XVI–XVII веках приходилось не раз бросать обжитые и переселяться в более укромные, скрытые лесами и мелколесьем места. Так появилось небольшое поселение на левом берегу Безяковки (так именуется наша речка в некоторых официальных документах XVI–XVII веков), а на правом ее берегу было устроено кладбище. Оно оказалось заброшенным, когда жители вновь вернулись на старое место.

На мой взгляд, хотя вполне допустим этот вариант, более правдоподобным выглядит другое объяснение, дошедшее до нас в преданиях: на речке Безяковке параллельно существовало несколько деревень (известно же, что деревни тогда были небольшими и располагались неподалеку друг от друга). Пока оставим этот вопрос открытым и вернемся к нему позднее. Возвращаясь же к названию местности, мы можем предположить, что эта местность когда-то получила в народе название «Күченде (переселилось)», постепенно превратившееся в «Көчәнде (напрягся)».

Намогильные камни Бизякинского сельского кладбища были изучены известным археографом, знатоком татарских намогильных памятников, кандидатом филологических наук Раифом Мардановым в 2004 году. Результаты своих изысканий он опубликовал в двух номерах газеты «Менделеевск яңалыклары (Менделеевские новости)» за 23 и 30 июля 2004 года. Проведя вместе со своими братьями обследование старой части действующего кладбища, Раиф (предки которого также были выходцами из Бизяков) взял на учет 42 надгробных памятника с текстом на арабской графике. Эти памятники были им сфотографированы, их тексты переписаны. Результатом анализа проделанной работы и стала статья в газете. Вот отрывок из нее: «Оказывается, кладбище села Бизяки очень большое, да и представляющих интерес старых памятников здесь очень много. Правда, у некоторых надгробий, поставленных

Самый древний камень, поставленный на могиле Аймана Юзиева. 1689 год

Сын Зайнибашара Шамсибашар Шункаров умер в 1883 году 71 года

Гильмебашар Шамсибашаров умер 48 лет в 1898 году

Сын Габдулхалима Фатхутдин-мулла Сайфуллин умер 60 лет в 1924 году

в XIX — начале XX веков, тексты, включавшие фактические сведения об усопшем, утеряны (разбились или осыпались буквы), — пишет Р. Марданов и дает описание самого древнего памятника. —... Самый древний камень на этом кладбище стоит в его центре. Он поставлен умершему в 1689 году человеку — сыну Юзикея Айману. Судя по надписи на камне, его поставил отец почившего. Высота камня один метр, ширина — 50 см, толщина — 22 см». Далее он замечает: «Мусульманско-татарские надгробия той эпохи имеют одну особенность. Они сохраняют традиции намогильных памятников эпохи Булгарского государства и Казанского ханства. Это доказывают традиционный цветочный рисунок на округленной верхушке и использование традиционных элементов в написании текста».

Другой древний намогильный памятник, стоявший на кладбище в окрестностях Бизяков («Көчәнде ташы»), хранится в музее города Менделеевск. Р. Марданов, со слов Файзулхака Хуснутдинова, поведал в своей статье об этом камне следующее: в 1955 году казанские ученые Н. Воробьев и Г. Хисамутдинов побывали на этом месте. В разговоре с жителями села они оценили один из камней как очень важный. Замечание Р. Марданова по этому поводу: «Хотя они не прочитали и не переписали текст надгробия, в одном из научных сборников 1957 года они определили этот камень как относящийся к эпохе Казанского ханства». А известный тюрколог и этнограф Г. В. Юсупов, собравший и составивший уникальный свод эпиграфических памятников (около 600 эпитафий), отнес этот камень к надгробиям XVII века.

С этим мнением согласен и Р. Марданов, осмотревший этот камень 26 мая 2004 года в менделеевском музее. Вот что он пишет: «Из-за нехватки времени и слабой сохранности надписей пока не удалось прочесть его текст. Однако уже первый взгляд на камень прояснил, что он идентичен описанным ранее камням XVII века. Поэтому должен сказать, что определение надгробия как болгарского в книге о Бизяках (имеется в виду книга С. Тазеева. — А.М.) не соответствует истине. Опираясь на личный опыт, могу точно сказать, что этот камень не болгарский, а относится к памятникам XVII века». (Позднее он прочитал часть текста и выяснил, что надгробие поставлено на могиле Чураш /Юзей/ бея по заказу его жены Зейнаб. — см.: Майдан, 2006, № 8, с. 157. — А.М.). Сообщает Р. Марданов и имя создателя таких памятников второй половины XVII века. Это Кильмухаммат сын Ишмана.

Изготовленные им надгробья были найдены учеными в ряде сел Кукморского, Агрызского и Елабужского районов Татарстана, они были сделаны в 70–80-х годах XVII века.

Итак, есть два идентичных камня с двух биякинских кладбищ (старого и действующего поныне), к тому же относящиеся к одному и тому же времени и вышедшие из-под рук одного и того же мастера. Это позволяет нам предположить, что на речке Безякинке в XVII веке параллельно существовали два поселения (возможно, что и несколько — они были маленькими, в три-пять дворов, т.е. на протяжении полутора-двух десятков километров течения речки среди лесов и оврагов могло прятаться несколько поселений, о чем, кстати, говорят и сохранившиеся названия кладбищ). Однако это далеко не дата основания села. Ибо ясно, что до появления кладбища жители еще должны обжить край. Следовательно, эти сведения не подтверждают, но и не опровергают мое предположение о более раннем основании села.

Еще одно замечание. На двух древнейших намогильных камнях с биякинских кладбищ, датированных Р. Мардановым 70–80 годами XVII века, нам встретились похожие имена. Одно из них — на памятнике, поставленном в 1689 году на могиле Аймана сына *Юзикея* его отцом. Другое — «на могиле Чураш /*Юзей*/ бея по заказу его жены Зейнаб». Напомню, что одного из челобитчиков 1670 года звали *Юзейко Янгорин*. Возможно, что везде речь идет об одном человеке (даты-то относятся к одной эпохе).

О чем повествуют ревизские сказки?

В XVIII веке документы, касающиеся деревни Бизяки, становятся более разнообразными. Изредка еще продолжают встречаться жалобы на притеснения и грамоты, закрепляющие отдельные участки территории за биякинцами, но появляются и такие, как «квитанции о платеже в казну ясака». Так в XIX веке в Елабужский уездный суд были представлены «о платеже в казну ясака числом в связке 51 квитанция, из них деревни Безяков 27, позднейшая 1746 года» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 45 об.]. Большое значение для раскрытия истории деревни имеют материалы учета населения, которые приобретают новую форму.

Одной из реформ Петра I было введение вместо *подворной* единицы налогового (ясачного) обложения новой единицы — *мужской*

души. Вместо *подворных* переписи стали *подушными*. Так на смену переписных (писцовых) книг с подворными описями появился новый вид описей населения — *Ревизская сказка*, как документ, отражавший результаты проведения ревизии (учета и переписи) податного населения. Начало подушным переписям было положено указом Петра I от 26 ноября 1718 года, по которому было предписано «взять сказки у всех (дать на год сроку) сколько у кого, в какой деревне душ мужска пола». В дальнейшем было определено произвести общую перепись людей податного состояния «для обложения населения подушной податью и квартирной повинностью». При этом подчеркивалась необходимость соблюдения полноты регистрации [Гозулов, 1972, с. 48]. Хотя официальный срок подачи «сказок» был определен в один год, а вся ревизия должна была продолжаться три года, в действительности эти сроки не выдерживались. По мере проведения ревизий постепенно вырабатывались формы переписи населения (при каждой новой ревизии вносились изменения и добавления в формы учета). Но растянутость сроков подачи списков так и осталась одним из основных недостатков почти всех десяти ревизий.

В архивах сохранилось несколько относящихся к первой ревизии документов, где описаны жители деревни Бизяки. Приведу первую по времени запись полностью: *«1719 июня в 8-й день против именного великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца указу, каков состоялся в сенате сего настоящего 719 году генваря 22-го дня Казанского уезду Зюрейской дороги деревни Безяки сотник Текешко Тинебяков сказал самую истинну, не утая ни единова мужеска полу души от старого до самого последнего младенца. В той де их деревне ясашных татар было, а именно он сотник Текешко Тинебяков 85, у него сын Полатко 45, у Полатки сын Суханкулко 15 лет. А ежели я сказал ложно и в душах кого утайл, и за то б указал великий государь учинить мне жестокое наказание бити кнутом нещадно, да сверх того за всякую утаенную душу из того двора, в которой утайка явится, взять лучшего человека в солдаты не в зачету положенных рекрут.*

И к сей скаске он сотник Текешко знамя свое приложил /V\» [НА РТ, ф. 169, оп. 2, д. 4, лл. 466—466 об.].

Итак, если в документах XVII века бизякинцы в основном назывались башкирцами, то теперь речь идет о ясашных татарах. Документ утверждает, что в деревне ясашных татар Безяки Зюрей-

(57)
 Ащеи Поня въ и. Цотъ Пманндо.
 Хвемидо Гуря цира Падмиого Киза Падра
 алексовича миса Великия Ималія Гоблия
 роки Самодержца Уса, Канд соитордир
 шенате село каптоячало, Уси. Тод
 Геншара. К. дна Казазаніого Уто
 здрессо' дороги, дртни стозам Сотини
 тамина таме бид' Сааза Самуд Пти
 ку кеу тади нег динте мурема Покуди
 бвардо досамдо Поставило Плиса
 втоде ие дртне Елаши' таме, аиже
 в' Сотини' тамина таме биде' биме
 яте' пати унемо сиб' Покато Софора
 Пати УПорали сиб' Сухалуно пати
 катицати Пвте, П'рели' аша
 залд' кофко Пвдма село Утаи' и
 Кзато Усаза Велики Гуря Уени
 мив' Кстаиос каказани' бим' Купто
 нешако, да св'х'и' мдо Савикуд
 Стаекуд дид' Кимдо звора Костор
 Утаи' и ашатица в'зана' Купто

Тамта, вадатте негдаят
 Пото д'еки' в'д' с'суд' м'д' Кис' с'ад
 не бид' Сотини' тамина Знама
 Снос Пуро фид' М

Ревизская сказка деревни Бизяки 1719 года

ской дороги Казанского уезда к 8 июня 1719 года были налицо трое мужчин: это сотник Текеш Тинебяков, 85 лет, вместе с которым жили его сын Булат, 45 лет, и внук Субханкул, 15 лет. Отмечу, что указанный как в этой, так и в других ревизских сказках возраст человека нужно воспринимать лишь как приблизительный. Это происходило и потому, что мусульманский календарь отличался от христианского, и потому, что возраст записывался со слов, а не по документу. Далее подчеркну, что учитывались только мужские души. Интересно, что в этой «сказке» указаны и наказания, которые ожидают не исполнивших должным образом указ царя — битье кнутом «сказителя» и отдача в солдаты «лучшего человека» из двора. Обратим внимание на последнюю строчку документа: *«сотник Текешко знамя свое приложил»*, т. е. подтвердил правильность написанного.

«Знамя» в данном случае, или чаще применяемое «тамга», означает личный или родовой знак, который ставился вместо подписи. У каждого рода имелась своя «тамга», передаваемая из поколения в поколение. Кстати, именно она помогла мне определить, что сотник Текешко, несомненно, является нашим предком. Я еще с детства запомнила наш родовой знак. Он был вырублен топором на воротах нашего старого дома. Так как он похож на букву «М», я долгое время считала, что знак этот означает нашу фамилию, и удивлялась, зачем ворота нужно было метить — их же никто не унесет. Но папа мне объяснил, что это «тамга (клеймо, печать)», которым раньше помечалось все — земля, скот, мешки и т.д. И еще одно. Альфина Сагдиева-Бахтигараева (тоже из нашего рода), увидев в только что изданном на татарском языке варианте книги тамгу, сообщила, что еще в 60–70-е годы XX века в их семье ставили этот знак на мешках, метили скот и т.д.

Второй документ, любезно присланный мне из Набережных Челнов И. Ф. Нафиковым (он увлеченно занимается историей своего рода и своей деревни Кичкутан), также представляет материалы первой ревизии. Но проведена она была позже — в 1722 году. Его текст гласит:

«Ревизская сказка 1722 год деревни Безяка а в ней ясашные татара:

Смагил Ахметов 80 лет, слеп, у него дети Сапер 37, Тохтагул 35, Аиткул 30, у Сапера пасынок Аббяз Токтаров 10 лет, у него же Сапера сын Авез трех лет. Минка Алметев 26, у него братья родные Заит

14, Буляк 12 лет. Всего в оной деревне два двора, в них мужеска полу девять душ. Ясаку платят бобыльского в год по 26 алтын по 4 деньги итого рубль двадцать алтын.

С тех же дворов платят подымных по 8 денег, ямских и полоняничных по 10 денег с двора, итого 6 алтын. Всего оных доходов платят в год рубль 26 алтын» [РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 3790, л. 354].

Из документа мы узнаем не только имена и возраст живших в деревне мужчин, но и к какой категории податного населения они принадлежали и какие подати платили. Во второй деревне Безяка в 1722 году в двух дворах проживало 9 мужчин. Объясню еще одно новое для читателя понятие. В документе речь идет о ясашных татарах, плативших *бобыльский ясак*. Встречающимся в документах XVII–XVIII веков термином «*бобыль*», как правило, обозначали людей, не имевших своего хозяйства или создававших его «явочным порядком», не оформляя официально, и, следовательно, не плативших за используемую ими землю арендную плату или подати. В 1631–1632 годах бобыли были обложены подворным ясаком, составлявшим половину взимаемого с ясашных крестьян «тягла». Так появился термин «*бобыльский ясак*».

Итак, этот документ доказывает наличие, по меньшей мере, двух деревень, расположенных на речке Безяка и носящих это название. Вспомним, что рассматривая наличие двух намогильных камней с двух кладбищ, мы сделали предположение о возможности одновременного существования двух или даже нескольких деревень, расположенных на берегах одной речки и носивших одно и то же название. Наличие двух ревизских сказок подтверждает верность этих рассуждений. Факт существования нескольких деревень с одинаковым названием в одной местности подтверждается и последующими ревизскими сказками. Материалов второй ревизии 1742 года по Бизьякам я не обнаружила, но есть три документа по третьей ревизии 1763 года. Она уже проводилась по определенным формам. Последующими указами были уточнены и расширены границы учета. При этом отметим, что во второй ревизии, видимо, было переписано население обоого пола, но в третьей ревизии 1762 года вновь учитывались только мужчины.

Первый документ касается опять ясашных татар и находится в НА РТ. Приведу его полностью.

Ревизская сказка 1764 года

«Снята 1764 году февраля дня после опубликования в прошлом 1763 году февраля 13 дня именного ее императорского величества высочайшего о ревизии указа сколько по последней 1747 года ревизии в подушном окладе мужеска полу душ состояло, из того числа донныне разными случаями убыло и после того подробные сысказания после опубликованного от 1761 году указа по приложенным тогда формам и о женском поле по семействам вотчины Казанского уезду Зюрейской дороги Тойкиной сотни Абдулова, а ныне правит сотник черемисин Кучим Мучюков, деревни Безяковы староста Сулейман Уразметьев и объявляет по самой истинне без всякой утайки, а буде впредь кем изблещен явится, в том повинен будет положенного по указам тяжского штрафа без всякого милосердия.

Казанского уезду Зюрейской дороги Кучимковой сотни Мучюкова в означенной деревне Безяках написанные в бывшую ревизию ясашные татаря звания и имена мужеска и женска полу людей, а именно	По последней ревизии вошло в оклад	Из последней ревизии до новой разных случаев выбыли	Затем осталось налицо в этой ревизии
Сулеманко Уразметьев У него жена Амина Абшахманова взята Арской дороги из деревни Матабар ясашная У них дети, записанные в бывшую ревизию: сын Заит дочь Мадина	50 50 16 18	Умре 1757 году выдана в замужество Уфимского уезду деревню Ахтай	68
Маметко Утямышев	78	Умре 1748 году	
Кальмаметко Уракаев У него дети: Тляуметко Курбанали	63 20 12	Умре 1751 году Умре 1755	38
Абдрахманко Мустин	31	Умре 1750	
Мряйко Кусейдыков У него сын Осип	63 2	Умре 1749 Умре 1757	

Сармекейко Бектемиров – вдов У него дети: Азойко Сагит У него брат Нуралейко	63 18 10 52	 1763 – сослан в ссылку 1757 – отдан в ре- круты Умре 1755	81
Камитко Уразметьев У него сын: Масагут – холост	40 2	Умре 1749	20
Ибряйко Мусин У него дети: Исхак – холост Езикей	41 1	Умре 1762 Родился после ре- визии	19 8
Агаретдин Муслюмов У него брат Сагит Муслюмов припис- ной	22 4	Сослан в ссылку 1754	22 холост

Староста Сөләйман Уразмәт углы урынына сотник Мөхәммәт Сөләйман углы кулым куйдым.

В скаске вместо старосты Сулеймена Уразметьева сотник Мухамет Сулейменов руку приложил». [НА РТ, ф.3, оп. 2, д. № 436, л. 57–57 об.].

Небольшое отступление: по данным трех ревизий мы знаем имена трех сотников, в чьем ведомстве находились в 1719–1765 годах ясашные татары-бизякинцы. Это Текешко Тинебяков, Тойка Абдулов и Кучим Мучюков. Вспомним, что ясачное нерусское население, как и во времена Казанского ханства, для удобства учета было поделено на сотни, и управлялось оно сотником. В сотню могло входить несколько деревень. Так, известно, что в Тойкину сотню Абдулова, кроме Бизяков, входила еще и соседняя деревня Текашево, упомянутая в списке сломанных в 1742 году мечетей Казанского уезда (см.: «Экстракт в Правительствующий сенат ис Казанской губернской канцелярии о татарских мечетях», опубликованный Ф. Ислаевым и Р. Галлямовым в журнале «Эхо веков» в 2004–2006 годах). Исходя из этой записи, деревня Текашево существовала, по меньшей мере, уже в середине XVII века, а Сетяково в 1742 году записано как новокрещенская деревня. Следовательно, мое предположение о создании деревни на речке Сейтыке в середине XVII века как новокрещенской деревни подтверждается и этим документом. И еще. Почему-то в списке карателей в Той-

киной сотне упомянута лишь одна деревня, тогда как в других сотнях перечисляются по нескольку деревень (возможно, в эту сотню входили в основном деревни с финно-угорским населением). Обратим внимание еще на один факт. В этом документе имеется *Мухаметкова сотня Сулейманова* по Алатской дороге Казанского уезда. Может быть, это и есть другой сын Сулеймана Уразметьева, *приложивший руку вместо старосты*-отца в РС 1762? Кстати, в его сотне перечислено 17 деревень, в которых были сломаны мечети.

Вернемся к материалам третьей ревизии. В документе содержатся данные двух ревизий, прошедших в «вотчине деревни Безяковы», где старостой был Сулейман Уразметьев. Здесь важно упоминание слова «вотчина». Это означает, что Сулейман Уразметьев является и держателем вотчины. Далее. Судя по содержанию документа, ревизии проводились не в официальные сроки, а позже: вторая в 1747 году, третья – в 1764 году. Во второй ревизии здесь было учтено 9 дворов, в которых было налицо 19 мужских душ от 1 году до 78 лет. Что же изменилось за прошедшие 18 лет? Во-первых, резко сократилось количество дворов и наличных мужских душ – их осталось всего 7 человек в пяти дворах. Умерло 10 человек, двое были сосланы в ссылку и один – Сагит Сармекеев – отдан в рекруты. Конечно, мы не знаем, по какой причине произошла смерть (болезни ли это, или результат участия в многочисленных народных волнениях и военных действиях тех лет). Однако такая убыль населения (сокращение в три раза!) сама говорит о серьезных событиях, происходивших в крае.

Во-вторых, вторая ревизия проводилась с учетом женщин. В ревизской сказке названы всего две женщины – жена и дочь старосты. Обратим внимание, что жена Сулеймана Уразметьева, Амина Абшахманова, происходила из ясачных же татар деревни Матабар Арской дороги, а их дочь Мадина была выдана замуж в деревню Ахтай Уфимского уезда. Это не только свидетельство мобильности бизякинцев, но и показатель того, что связи между жителями поселений, отстоявших друг от друга на значительном расстоянии, были достаточно тесными. При этом отмечу, что это три деревни, указывающие на связи одной только семьи, но они дают возможность и для обобщений.

Есть еще один документ, присланный мне И. Ф. Нафиковым. Это ревизская сказка 1764 года, тоже о бизякинцах. Обращает на себя внимание то, что люди, вошедшие в РС 1764, названы теп-

тярями, хотя в ней мы встречаем имена людей, записанных как ясашные татары в РС 1722. Как же это произошло?

Начнем с выяснения того, кто такие тептяри. *Тептяри* – это социальная группа населения, известная с XVIII века, но проблемы их происхождения и названия до сих пор остаются дискуссионными. Часть исследователей (А. З. Асфандияров, Р. Н. Рахимов и др.) рассматривают тептярей как сословие, другая часть (Р. Г. Кузеев, Д. М. Исаков и др.) – как этносословную группу. Само название «тептяр» тоже объясняется учеными по-разному. Еще в начале XX века татарский историк Г. Ахмаров связал его с персидским словом «*дәфтәр (тетрадь)*». Он объяснял это тем, что тептяри были «*припущенниками*», т.е. людьми, не имевшими своей земли и, как правило, арендовавшими земли у татар и башкир, которые записывали своих припущенников в специальные тетради. Часть современных исследователей принимают это определение и добавляют, что тептяри – это беглые нерусские крестьяне, которых вносили в списки (в тетради). Другие считают, что термин произошел от тюрко-татарского слова «*тибү (тинкаләү)*», что переводится как «пинать, гонять». Следовательно, в любом случае «тептяр» – это отверженный, гонимый человек, и этим словом обозначались изгнанные из общины и не имевшие земли люди.

Интересные рассуждения о тептярях имеются в предисловии сборника «Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VI, ч. 2. Елабужский уезд», опубликованного в г. Вятка (ныне Киров) в 1890 году. Автор предисловия Евгений Филимонов описывает тептярей так: «Обыкновенно считают тептярей за отдельное племя, за отдельную народность; мы же приняли тептярей за сословие и вот на каком основании. При регистрации одни из тептярей оказались башкирами, другие же черемисами, причем нигде не нашлось тептярей, которые представляли бы собой, так сказать, отдельную этнографическую общность. Слово «тептярь» – татарское, которое, по словам одних, обозначают человека свободного от податей, по словам других, выражают собою то же самое понятие, как малорусское слово «казак» или древнерусское «стрелец». Говорят, что в старые годы русское правительство для защиты своих восточных пределов от враждебных племен устроило стрелецкое или казацкое войско. Войско это, состоящее из различных инородцев, преданных правительству, получило название тептярского, отчего потом и сами инородцы, служившие в этом войске,

стали называть себя «тептярями». Как служилому сословию тептярям в свое время были предоставлены некоторые льготы, которые сохранились за ними, вместе с названием, до сих пор. В Елабужском уезде встречается два вида тептярей: одни из них называются тептярями-вотчинниками, другие же — тептярями-припущенниками. Первые представляют из себя коренное население, вторые же, по-видимому, суть выходцы из-за Камы» [Материалы, 1890, л. I—II].

В 1734 году была проведена первая общая перепись тептяр (и, возможно, именно тогда появилось само их название). В 1790 году тептяри были переведены в разряд военно-служилого сословия, и был сформирован пятисотенный тептярский казачий полк. В 1798 году он был поделен на два конных полка. С 1835 года было установлено брать ежегодно одного рекрута с 720 душ, всего 150 рекрутов из тептярей на военную службу. «Кроме того, они несли другие повинности, а именно — строили хлебные магазины, платили по 95 коп. подушных и 86 коп. с души на содержание полков и выполняли земские повинности, — отмечает А. З. Асфандияров. — До 1855 года тептяро-бобыльское население, разделившееся на 99 команд, находилось в ведении губернских правлений (Оренбургской, Вятской и Пермской губерний, где жили тептяри и бобыли). Главная же власть над тептярями и бобылями принадлежала Оренбургскому военному губернатору, которому подлежало одновременно рассмотрение вопросов в области поземельных дел; кроме того, их дела по уголовным преступлениям относились к ведению специального военного суда» [Асфандияров, 2005, с. 186].

Находившиеся с 1790 года в подчинении у военного ведомства тептяри делились на команды, созданные по административно-территориальному принципу. Команды управлялись старшинами, которым подчинялись сотники, десятники и старосты деревень. Старшины, подведомственные Уфимскому и Мензелинскому воеводам, отвечали за своевременный сбор налогов, отправление повинностей, набор рекрутов, исполнение распоряжений и законов, учет населения. В период существования тептярских полков (1790—1835 годы) значительно усилилась роль старшин, сотников и десятников. В их ведении находились имущественные, хозяйственные, общественные вопросы. Наряду с муллами старшины участвовали в разбирательстве всех спорных дел.

Тептяри занимали своеобразное промежуточное положение в сословной структуре Российской империи — между военно-служилыми группами нерусских народов и государственными крестьянами: административное устройство тептярей было близким к башкиро-мещерякскому, воинскую службу они несли в особых полках, которые комплектовали и содержали за свой счет; по своему экономическому положению они были ближе к государственным крестьянам. В первой половине XIX века тептяри отправляли государственные повинности (впрочем, как и другое податное население) «по тринадцати статьям: выставляли рекрутов, лошадей для почтовых станций и для «разъезда чинов», содержали квартиры станowych приставов и лесничих, были заняты «подводной гоньбой», отвечали за благоустройство почтовых трактов и мостов, «содержали» речные перевозки, выставляли караул для препровождения арестантов и почты, предоставляли «чинам, арестантам и проходящим войскам» квартиры для ночлега, выставляли проводников, «отправляли должности полицейских десятских и сотских» и т.д.» [История, 2013, с. 178–179].

Вернемся к ревизской сказке 1864 года.

Таблица № 2

Ревизская сказка 1864 года № 2

Ревизская сказка 1764 года деревни Бзяка а в ней звания и имена мужеска и женска полу людей, а именно	По последней ревизии вошло в оклад	Из последней ревизии до новой разных случаев выбыли	Затем осталось налицо в этой ревизии
Аблясь Токтаров у него дети		умре	48
Максют Сююндюк			16
Гумер Якупов			25
Минка Калметев у него дети		умре	
Араслан			27
Биктя			18
Зайт Калметев у него дети			52
Ибраш			28
Рябай			20
Абдусалям		умре	
Абдулкарим			9
Халиль			5

Бюляк Калметев у него дети Балтан Абдулмяннан		умре	16 10
Карчига Калметев у него дети Карсян Батырь Минлюш		умре	21 10 5
Беккул Сюлейманов			29
Якуп Бекбулатов		умре	
Дрвни Бязяки выборной Заит Калметев, староста Абляс Токта- ров показали, что в их дрвни	ненаписанной ни одной души не осталось, в том они и тамги свои	приложили: Заитова [значок тамги], Абла- зова [значок тамги]	Подлинную пере- водил переводчик Констенгин Иванов

[НА РТ, ф. 3, оп. 2, д. 434, л. 279 об.]

Итак, третья ревизия показала, что в Бязяках в это время в семи дворах учтено наличных 17 мужских душ (женщин не учитывали), тогда как по второй ревизии (1748) в восьми дворах проживало 16 мужчин. При этом в четырех дворах проживали представители одного многочисленного рода Кальметевых. За 16 лет между двумя ревизиями умерло 6, родилось 7 душ. Тептяри подчинялись своему старосте Аблясу Токтарову (вспомним, что в РС 1722 десятилетний Аббяз Токтаров указан как пасынок Сапера Смагилова). Интересно и то, что в РС 1764 не указан никто из потомков Смагила Ахметова. Появилось три двора, хозяева которых не упоминались ранее. Отметим также, что «сказку» заверил своей тамгой не только староста, но и выборный от жителей старейшина Заит Кальметев.

Есть еще одно свидетельство о происхождении бизякинских тептярей, приведенное в работе А. З. Асфандиярова. Он считает, что ответ на этот вопрос можно найти в заявлении башкир-припущенников (тептярей) деревни Семекеево Сарали-минско-байлярской волости Мензелинского уезда. Он пишет: семекеевские «тептяри в 1856 году письменно показали, что «их предки водворились на землях башкир Безекеевской тюбы назад тому более 220 лет, на что им была выдана сберегательная память». Ее представили «в подлиннике». Из-за ветхости «память» не имела начала. Но суть ее заключалась в следующем. К уфимскому воеводе Кондыреву и царю Алексею Михайловичу обратились ясашные чюваша деревни Бязяки, затем ставшие тептярами, с жалобой «на разные стеснения» со стороны приезжающих из Казани чиновных людей. По указу

царя стольником и воеводой Кондыревым из Уфимской приказной избы чувашам дали документ о том, чтобы им впредь платить куничный ясак в Уфе и посторонние «не делали им никаких стеснений». Однако комиссия для наделения землей башкир-припущенников не признала сберегательную память как акт на право владения или пользования бизякинской вотчиной, так как там ничего не говорится о поземельных правах чувашей» [А. З. Асфандияров, 2009, с. 49]. Судя по описанию, здесь имеется в виду сберегательная память 1670 года, «данная при царе Алексее Михайловиче воеводою Кондыревым по челобитной ясашных чувашей Уфимского уезда Казанской дороги деревни Безяка Уруска Еналеева да Юзейка Янгорина» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 38 об.].

Итак, найденные нами документы свидетельствуют, что предки бизякинских тептярей появились на тех землях не позднее первой половины XVIII века и назывались они в документах «ясашные чуваша» или «ясашные татара». Поэтому мы вполне можем предположить, что одна часть «ясашных чуваша» или, по другому документу, плативших «бобыльский ясак ясашных татара» Бизяков во время тептярской переписи 1734 года записалась в «тептяри» и осталась на речке Безяка, а другая их часть перебралась в деревню Семекеево Мензелинского уезда (ныне деревня Семяково Муслимовского района РТ). Вполне возможно, что перебравшиеся в деревню Семекеево были потомками Смагила Ахметова из РС 1722.

Однако, чтобы не путаться, определимся с названиями: первую деревню мы назовем вотчинные или основные Безяки, вторую — тептярские Безяки. Но нашелся еще один документ по третьей ревизии, где речь идет также о Бизяках.

Таблица № 3

Ревизская сказка 1762 года

«762 году июля — дня Казанского уезду [Арс] кой дороги бывшей Бакеевой сотни Смаилова, а ныне правит сотник Тимка Бикеев деревни Бозак, слово Токмаклы, ясашные татара староста Салим Якупов, выборной Абдулка Бикчурун по силе опубликованного в нынешнем 1762-м году генваря 10 дня Правительствующего Сената указу с ведома показанной в деревне нашей от всех мирских людей дали сию скаску о положенных в нижеписанной нашей деревне по последней 1747 году ревизии в подушной оклад, и ис того числа разными случаями убылых и после того вновь рожденных, и объявляем по самой истинней без вся-

кой утайки. А буде впредь кем обличен явимся, в том повинны будем положенного по указом тяжкого штрафа без всякого милосердия».

А именно: Казанского уезду Арской дороги сотни Тимки Бикеева деревни Бозак, словет Токмаклы, ясашные татарара:	По последней ревизии в подушной оклад положены лета	Из оных после ревизии доныне разными случаями вы- были	А ныне состоят налицо и с при- былыми и вновь рожденными
Якупка Ишмекеев, вдов, у него детей написанные в бывшую ревизию Сармакайка Муртаза Муса холост Мусалимка холост Дочь Заиняб 25 лет, выдана в замужество Уфимского уезду в деревню Безяки за ясашного татарина У Муртазы жена Ряхимя Кормеметева 21 лет, взята тое ж сотни из деревни Ба- тыркол ясашного татарина. У них сын рожденной после ревизии Мустафа	38 24 13 7 2 К Елабужской	Умре в 756-м году Умре в 748-м	30 24 19 1
Усманка Кутлин, вдов, у него сын рожденной после ревизии Абдулкарим	40		57 10
Абдулка Бикчурин, вдов У него дочери Зипа 19 лет, выдана в замужство тое жь сотни в деревню Карамалы за ясашного татарина; дочери девки Гальмша – 15 Мербан – 6 Мюкменя – 3 лета	30		47
Ишкекей Тлюшев	71	Умре в 748 году	
Араслань Арбузов У него жена Тансолу Петаева 40 лет, взята Уфимского уезду Казанской дороги из де- ревни Ногайбаке ясашного татарина У Араслана дочери Савсянь 25 лет, выдана в замужство Уфимского уезду Казанской дороги в де- ревню Безяки за ясашного татарина; Кавкаи 16 лет, выдана в замужство в по- мянутую деревню Безяки за ясашного татарина	29	Умре в 761 году	
Абишка Яркин	18	Умре в 748-м году	

[НА РТ, ф.3, оп. 2, д. 434, л. 379–380]

По второй ревизской сказке на 1747 год в деревне Бозак в шести дворах учтено 10 мужчин и 8 женщин; пятеро мужчин умерли, 2 мальчика родилось, четырех девушек выдали замуж (причем троих в деревню Бизяки). По РС 1762 в этой деревне в трех дворах было 7 мужчин (учитывались только мужчины). Я долго сомневалась, использовать ли мне этот документ, так как в нем речь идет о ясашных татарах «Казанского уезда Арской дороги деревни Бозак словет Токмаклы». Все в этом определении вызывает сомнения. Во-первых, название деревни — «Бозак словет Токмаклы», т. е. Бозак, который, по-другому, называется Токмаклы. Во-вторых, почему Арской дороги? Ведь Бизяки здесь отнесены к Казанской дороге Уфимского уезда, а в других документах указываются по Зюрейской дороге. Может быть, по Арской дороге есть (была) такая деревня, почти тезка нашей деревни? Однако мои поиски не дали положительного ответа. Но зато около нашей деревни есть место, носящее название Тукмаклы, мимо которого протекает речка Безяка. Может быть, она в этом документе названа Бозак? И еще одно: возможно, такое название получил починок, о котором говорится в приведенной ранее ведомости 1680 года [См.: РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1102, л. 646]. Назовем эту третью деревню по речке Безяка тем именем, под которым она и вошла в РС 1762 — Бозак.

В правильности этого рассуждения и необходимости помещения здесь этого документа убедили меня и материалы следствия о спорных землях, проведенного в первой половине XIX века. В них не только подтверждается существование этой деревни на речке Безяка. Об одном из спорных участков в ходе следствия «поверенные показывали, что он принадлежит бывшей деревне Безак Токмак, которого той землею ясашные татара издревле по 1804 год владение имели». Жителям соседних деревень, в веке восемнадцатом достаточно мирно уживавшимся друг с другом (такой вывод следует из материалов РС 1762), вдруг стало тесно на берегу одной речушки.

Несколько видоизменив поговорку века двадцатого, можно сказать, что «все испортил земельный вопрос». В предшествовании генерального межевания земель и обустройства Башкирского войска бизякинцы вспомнили, что земля, на которой расположена деревня Безак Токмак, «по жалованной грамоте следует к деревне Безякам, которая тоей землею и владеет», и всякими способами стали вытеснять (выгонять) соседей: «В том 1804 году деревни Безяков

жители разными усилиями ту землю завладели, и от чего и от разных чинимых безякинцами наглостей той деревни Безяк Токмак татары переселились в деревню по речке Кусяж Текашево тож». Хотя они «о том завладении от них в Камаевском волостном правлении» объявили, им все же пришлось переселиться в деревню Текашево. На следствии же поверенный деревни Безяков уверенно заявил, «что жители деревни Безяк Токмак переселились в деревню Текашеву по своей воле и владеемую ими землю оставили жителям деревни Безяков» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 45–45 об.].

Возможно, рассказ об этих событиях несколько преждевременен. Однако он уместен и здесь, так как позволяет понять, как в то время появлялись и исчезали деревни. На основе имеющихся у нас документов мы вполне можем предположить, что основатели деревни Безак Токмак арендовали землю у бизякинцев по устному договору (что в те времена случалось довольно часто). Поэтому они и вынуждены были переселиться «в деревню Текашеву», оставив «по своей воле» землю бизякинцам-вотчинникам. Эта земля и сейчас носит название Тукмаклы. «Тукмак» (в переводе на русский язык означает «колотушка» или «толкушка») — изделие из дерева, один конец которого утолщен, а другой вытесан удобным для руки. В те времена тукмак в хозяйстве имел широкое применение: и при забивании свай и колке дров, и при обработке конопли и льна, приготовлении еды и при стирке, годился он и для драки и т.д. Этим словом обозначали и меру длины от локтя до сжатой в кулак кисти, которой измеряли ткани. Наконец, «тукмаклау» означает «бить, колошматить, драться». Какое из этих и не названных здесь значений стало основой для названия этой местности — пусть читатель решает сам.

А мы вернемся к ревизским сказкам и отметим еще раз, что наличие трех ревизских сказок по третьей ревизии и следственного дела говорит о существовании не менее трех самостоятельных деревень на речке Безяка не только в 60-х годах XVIII века, но и в начале века XIX. В материалах первой и третьей ревизий жители деревни Бизяки называют себя «ясашными татарами вотчины Казанского уезду Зюрейской дороги Тойкиной сотни Абдулова». Это позволяет нам сделать вывод о том, что бизякинская вотчина Тогая Белякова, признания своего права на владение которою добились в конце XVII века его потомки, называвшие себя башкирцами, продолжала оставаться владением и их потомков «ясашных татар».

Материалов четвертой и пятой ревизий я не нашла. Но имеются некоторые сведения о населении Бизяков этого периода. Так, в ведомости о населенных местах Елабужского уезда на 1781 год (на момент перехода уезда во вновь созданную Вятскую губернию) есть и деревня Бизяки (бывшая Уфимского уезда). В деревне проживало «служилых башкирцев 40 дворов, татар некрещеных 17 дворов. Из одного числа выселились в деревни за Каму 4 двора» [ГАКО, ф. 583, оп. 600, д. 630, л. 753]. Обратим внимание на последний факт о выселившихся «в деревни за Каму 4 двора». Можно предположить, что это бизякинцы, переселившиеся в деревню Семекеево Сарали-минско-байлярской волости Мензелинского уезда, о которых уже говорилось ранее.

Этот документ интересен нам и указанием на то, что деревня Бизяки до возникновения Вятской губернии была в составе Уфимского уезда. Хотя у нас нет данных, когда Бизяки оказались в составе Уфимского уезда (провинции), можно сослаться на карту Уфимской провинции Казанской и Осинской дорог, составленную в 1755 году Красильниковым. В ней Бизяки указаны в составе Казанской дороги, тогда как Сетяково – в составе Казанской провинции, т. е. граница между этими провинциями проходила между этими деревнями. В то же время в РС 1864 Бизяки названы как деревня в составе Казанского уезда Зюрейской дороги. На мой взгляд, эти документы подтверждают, что вопрос о разграничении территорий в крае в середине XVIII века еще не был завершён.

Сведения о количестве дворов и численности мужчин и женщин по пятой ревизии 1795 года содержатся в ряде более поздних документов XIX века, в частности, в материалах генерального межевания [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 337, л. 109]. По их данным, в 1795 году в Бизяках было 95 дворов, в которых проживало 266 мужчин и 279 женщин башкирцев и тептярей. Итак, вновь появились «башкирцы» и исчезли «татары». Имея только цифровую информацию, мы вынуждены вновь вернуться к предположению, что с терминами «ясачные татары», «ясачные чуваша» и «башкирцы» бизякинцы обращались достаточно вольно. Для них, по-видимому, это были тождественные понятия.

Я могу это подтвердить, обратившись к истории своего рода. Наши далекие предки Такаш, Уразмет, Сулейман (Сулук) в ревизских сказках записаны как ясашные татары. А имя их внука и сына

Кузяша Сулюкова впервые встречается в РС 1811, и числится он там, как и остальные бизякинцы, башкирцем. Объяснить этот факт можно следующим образом. В 50-х годах XVIII века русское государство для защиты своих юго-восточных границ и «успокоения» башкирских земель начало создавать башкирское войско. Записавшиеся в войско освобождались от уплаты ясака. «По указу Правительствующего сената от 24 марта 1754 года, последовавшему с высочайшего повеления г. Оренбургскому губернатору Неплюеву предписано ясак с них снять» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 74 об. – 75].

Кстати, Кузяша Сулюкова (1723 г.р.), как и его старшего брата Мухамета Сулейманова (1720 г.р.), нет и в списках второй ревизии. Мы можем предположить, что еще в 40-х годах XVIII века Мухамет стал сотником и перебрался на жительство в одно из подначальных ему сел Алатской дороги, а Кузяш, вместе с другими односельчанами, записался в башкирское войско и ушел на службу. В ревизских же сказках учитывались только наличные души (да и старосте не было выгодно включать в ревизские сказки сведения о давно отсутствующих). Вернувшиеся в 70-х годах в родные края бизякинцы в официальных документах были записаны башкирцами. Это одно из предположений.

Думаю, что какое-то объяснение можно также дать, если использовать сведения из преамбулы шестой ревизии 1811 года, которая гласит:

«Ревизской список

сего 1811 года сентября 15 дня Вятской губернии Елабужского уезда 11-го башкирского кантона Байлярской волости деревни Безяков команды башкирского юртового старшины Смаила Амирова разных деревень состоящих налицо мужеска пола неокладных башкирцах, жительствующих на жалованных им землях».

Что мы можем извлечь отсюда? Во-первых, земля, на которой живут бизякинцы, официально именуется не вотчинной, как раньше, а жалованной. И живут на ней неокладные, т.е. не платящие основные налоги, *башкирцы разных деревень*. Можно допустить, что в юрте старшины Смаила (Исмагила) Амирова были как выходцы из Безяков (во всяком случае, присутствие одного из них я могу подтвердить ссылкой на свою родословную), владевшие вотчинным правом на землю, так и жители разных деревень (и, возможно, этнически неоднородные). Именно учитывая это, мож-

но предположить, что юртовой старшина, который, скорее всего, тоже был бизякинцем, с разрешения старейшин села собранные из разных деревень семьи своего юрта разместил на жительство на обширных тогда землях бизякинской вотчины. И не суть важно, когда это произошло. У нас нет официальных подтверждений этого факта. Но факт, что между третьей (1762 год) и пятой (1795 год) ревизиями из маленькой деревни ясачных татар в 5 дворов Бизяки превратились в большое село из 95 дворов, получив статус башкирско-тептярской деревни.

Земли вотчины делились между членами общины по «жеребьям». Ясачный человек не имел права оставлять «жеребий» или самовольно перекладывать уплату ясака на другого человека. Вместе с тем социально-экономическое положение ясачных людей несколько отличалось от положения помещичьих крестьян: они имели относительно большую самостоятельность в вопросах передвижения, устройства личной жизни, довольно широкие возможности для занятий различными промыслами, а также торговлей. Кроме того, у ясачных татар была возможность помимо вотчинной ясачной земли иметь и оброчные держания. Это мы видели на примере Акбулата Ихтеева, получившего в 1642/43 году право «на рыбные ловли». Получение оброчных держаний (аренда) продолжалось и в XVIII веке. Так, 14 июля 1766 года был дан «владенный указ... из Казанской губернской канцелярии Байлярской волости деревни Безяка служилому башкирцу Мустаю Мусину и всей той деревни жителям в том, что отданные по прошению их рыбные ловли по Каме реке по одной нагорной стороне от смежности деревни Тураевой от Прорывного истока и осокоря, что против острова Икского до урочища пашенного конца озера Кастубы Зюрейской дороги деревни Сетак в вечное и безперекупное владение каждогодного их платежа оброка 2 руб. 8 коп.» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 59 об. – 60].

Бизякинцы часть своей обширной вотчины издревле отдавали в аренду на определенных условиях жителям близлежащих селений. Вот как описывали они это в прошении, поданном 24 февраля 1806 года в Вятскую межевую контору: «Деревня Безяк состоит на жалованной земле предкам их Агильдку Тямову да Яманку Юскееву по грамоте 7205 года и по выписи 207 года от стольника и воеводы Кудрявцова; предки во время владения теми землями некоторую часть оных отдавали во владение на время из услов-

ленной платы живущим близ их деревни Безяков поселянам села Богородского Икское устье тож, села Богоявленского Тихие горы тож, селений Сетяково, Такашево, Макаровой, Тоймы, Сарсаз, Псеевы крестьянам (это слово надо понимать как «христианам», т.е. русским. — А.М.), черемисам, татарам и тептярям, а деревни Старой Ямьи вотнякам остров для расчистки» [Там же, л. 67].

Если поначалу арендаторы исправно выполняли условия аренды, со временем они «усилились завладением и поселились на завлажденных у них землях целыми селениями да немалого числа душ и притом многократно не только на завлажденных местах, но и на неоспоримой по близости их деревни Безяков земле вырубали леса, о чем, как о самосильном их поселении, так и о вырубке века лесов в 1784, 1794 и 1803 годах были поданы в Мензелинский уездный суд явочные прошения» [Там же, л. 67 об.— 68]. Здесь речь идет о жителях, появившихся в середине и второй половине XVII в приграничных с бизякинской вотчиной селениях Богородское (Икское устье), Богоявленское (Тихие горы), Сетяково и др. Страдавшие от малоземелья соседи не раз нарушали вотчинные права бизякинцев.

Еще один отрывок, где речь идет о поданных в Мензелинский нижний земский суд явочных прошениях «от башкирцев деревни Безяков: 1-я, от 1794 года февраля 3 дня о порубке в их дачах лесу, распашке земли и ловлении по Каме реке рыбы жителями сел Икского Устья, Тихих Гор и деревень Бекдюги, Макаровой, Андреевой и Тяковой, Татарской Тоймы, Актикуловой Тоймы тож и Сарали; и 2-я, О разграблении в даче их на рыбной ловле платья, котлов, рыбных снастей и проч. села Тихих Гор жителями» [Там же, л. 60—60 об.]. Все эти свидетельства говорят о непростых отношениях бизякинцев с соседями.

Нередко в казенные оброчные статьи попадали и земли, в основном сенокосы, принадлежавшие «по грамотам к оной деревне Безяков, которыми башкирцы той деревни в давних временах и владение имели». Так, например, случилось с сенными покосами «под названием Зюрейской дороги деревни Безяков Ирмячки Полатова с товарищи», которые бизякинцы считали своими по выписи 1692 года, «данной Ирмячке Полатову». Когда и почему Вятская казенная палата стала считать эти земли принадлежащими казне, неизвестно. Известно лишь, что они попали в оброчные статьи. Поэтому они были отданы в аренду «от Вятской казенной

палаты из оброка с 1802 по 1814 год елабужскому купцу Василью Шишкину, прежде та земля состояла в оброке с 1786 по 1790 год деревни Безяков у ясадного татарина Максюта Келеева, а с 1790 по 1802 год оной же деревни у Халила Зайтова» [Там же, л. 52–52 об.].

Но вот что интересно. За эти земли, отданные «из оброка с 1802 по 1814 год елабужскому купцу Василью Шишкину», в 1808–1810 годах платили оброк в казну и бизякинцы, о чем они писали в апелляционной жалобе в 1810 году: «Часть их сенных покосов, состоящая под самой их деревней по обе стороны речки Безяки из владения их с давних лет, взошла в казенный оброк и по переоброчкам переходила разным частным людям, а в 1808 году по принадлежности этой оброчной статьи к их деревне Безякам Вятскою казенною палатою на основании Указа Правительствующего Сената 1803 года марта 6 дня отдана их селения обывателям из платимого прежде оброка в казну 30 руб, который ими, башкирцами, за 1808, 1809 и 1810 годы внесен сполна» [Там же, л. 68–68 об.].

В завершение главы нужно сделать еще одно примечание. В XVI–XVIII веках для коренного финно-угорского и тюркского населения земледелие еще не стало основным занятием, так как сложные климатические условия и примитивные орудия труда не давали достаточных для жизни результатов. Местное население с незапамятных времен получало средства для существования от дикой природы. В своем девственном состоянии местные леса изобиловали неистощимым, на первый взгляд, количеством дичи – лосями, кабанами, медведями и необыкновенным разнообразием пушного зверя. Река Кама и многочисленные озера кишели рыбой. Меда также было предостаточно: не было даже нужды изготавливать ульи, ибо дикие пчелы обосновывались в дуплах деревьев – бортях. Насколько важную роль в жизни населения края, в том числе и бизякинцев, играли такие промыслы, как охота, рыболовство и бортничество, говорит и то обстоятельство, что, попав под власть Московского государства, ясак в казну оно платило мехами, медом, рыбой, что видно из приведенных ранее документов.

Когда же «рука Москвы» добралась и до бизякинцев, они все чаще стали перебираться на закамскую сторону, где они и раньше свободно промышляли. К тому времени, когда царская администрация стала активно заселять закамские земли, бизякинцы уже имели в Закамье несколько поселений (как они тогда назы-

вались — волостей). В качестве примера можно назвать упомянутые в документах Ирминскую или Семекеевскую волости. Вместе с тем они продолжали владеть своими вотчинными землями, а деревня Бизяки сохраняла положение «отчего гнезда». Это, кстати, доказывают и ландсарты Оренбургской губернии, составленные Красильниковым в 1755 году. По ним видно, что границы между Оренбургской и Казанской губерниями проходили по реке Кама, где к Казани относилось правобережье, а к Оренбургу — левобережье Камы. И лишь небольшой участок правобережья (примерно от Сарапула до Елабуги) находился на территории Казанской дороги Уфимского уезда.

Реалии века девятнадцатого

МЫ ВМЕСТЕ РОДИЛИСЬ. ОДНОЙ ЦЕПИ МЫ ЗВЕНЬЯ.
ПОХОЖИЕ ВО ВСЕМ: КАК ЛЬВЫ – НА ПОЛЕ БРАНИ,
КАК КОНИ – НА ПОЛЯХ, В ЧАСЫ ВЕСЕННЕЙ РАНИ...

Габдулла Тукай
(перевод В. Ганиева)

Кантонная система и Генеральное межевание

По мере своего укрепления Российское государство все больше притесняло нерусское население и стремилось усилить местные органы власти. Экспансионистский характер российского присутствия в крае приводил к росту недовольства нерусских народов. Многократные выступления их против социального и национального гнета в XVII–XVIII веках, получившие в исторической литературе название «башкирских» или «башкиро-татарских» восстаний, жестоко подавлялись. Но повторение вооруженных выступлений оставалось вполне реальным. Как писал оренбургский генерал-губернатор О. А. Игельстром в своем представлении Екатерине II, «почти ни один год не проходит, чтобы не рождалась искра, стремящаяся воспламенить внутреннее беспокойство»; «лишь бы только явился отважный... предводитель», башкиры «готовы тотчас произвести бунт или мятеж» [Цит. по: История, 2011, с. 30]. Особое беспокойство царского правительства вызвала Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева, в которой самое активное участие приняли башкиры и татары.

«В период Крестьянской войны 1773–1775 годов со всей очевидностью обнаружилось слабость и неоперативность местных административных органов царской власти, — отмечал А. З. Асфандияров. — Не устранив коренных причин, вызвавших Пугачевское восстание, и не ограничиваясь репрессиями, царское правительство наметило и осуществило ряд превентивных мероприятий — усиление чиновничества и духовенства, перевод отдельных слоев в крепостное и казачье состояние и, наконец, введение кантонной системы управления, чтобы тем самым предупредить повторение пугачевщины» [Асфандияров, 2005, с. 16].

Появление кантонной системы тесно связано с созданием особого иррегулярного башкирского войска. Поэтому эти два значимых для края явления мы будем рассматривать вместе. Как пишет А. З. Асфандияров, для предупреждения возможных антиправительственных выступлений «царские чиновники... решили в широких масштабах использовать башкир как военную силу». Охрана юго-восточных рубежей России нуждалась в усилении. И в штате губернатора Неплюева появились иррегулярные войска. Вначале это были добровольцы, среди которых были не только русские, но и представители тюркских народов (башкиры, татары, меще-

ряки) и калмыки. С 1754 года часть их уже стала нести военную службу вместо ясака, в частности, участвуя в охране юго-восточных рубежей России. Замена ясака военной службой увеличила приток желающих записаться в войско.

Учитывая это, чиновники решили расширить их участие и перевести башкир и мещеряков в военно-казачье сословие. Самую энергичную деятельность по переводу башкир и мещеряков в военно-казачье сословие развил оренбургский наместник О. А. Игельстром. 22 апреля 1789 года он распределил башкир по командам (юртам): 20908 башкирских дворов было разделено на 103 юрта, которые управлялись назначенными им же юртовыми старшинами и их помощниками. Кроме того, 63 походных старшины и 213 сотников следили за военно-сторожевой службой башкир. Такой порядок являлся переходным к кантонной системе управления. Переход этот занял почти десять лет [Там же, с. 20].

Указом от 10 апреля 1798 года о переводе башкир и мещеряков в военно-казачье сословие на территориях Оренбургской, Вятской и Пермской губерний была введена и кантонная система управления с целью укрепления юго-восточных границ России и усмирения башкирских земель. Было образовано иррегулярное Башкиро-мещерякское войско, которое делилось на 11 башкирских и 5 мещерякских кантонов. Во главе кантона, что в переводе с французского на русский язык означает «округ», стоял кантонный начальник, назначаемый наместником (генерал-губернатором). Кантоны были в основном созданы по территориальному принципу и охватили регионы Урало-Прикамья не только с башкирским, но и татарским населением. Как правило, в кантон входило, полностью или частично, несколько волостей. Иногда одна и та же волость оказывалась поделенной между несколькими кантонами. Кантоны были разными, охватывая неравное число жителей и деревень, и состояли из юртов, число которых тоже было различным в разных кантонах (от 7 до 48). Один юрт объединял от 100 до 1000 душ. Возглавлял юрт юртовой старшина, ответственный как перед военной администрацией кантона за несение необходимых повинностей по военной службе, так и перед гражданскими, территориальными органами уезда и губернии.

При определении границ кантонов бизякинская вотчина, и раньше уже учитывавшаяся как территория Уфимского уезда (губернии), оказалась в составе Байлярской поземельной волости

11-го башкирского кантона. Вместе с соседними селениями Куразово (Атясево) и Тураево Бизяки в 1798—1854 годах составляли 23 (24) юрт 11-го кантона. Байлярская волость, располагавшаяся в основном в Закамье, была создана на базе так называемых «ицких волостей» в нижнем течении реки Ик, левобережного притока Камы. Она имела три участка вотчинных земель, часть из которых оказалась на правом берегу Камы. Все участки вотчинных земель Байлярской волости были еще ранее обеспечены жалованными и сберегательными грамотами, а в 1796—97 годах они получили новое подтверждение. Так, третьему участку, куда входила деревня Бизяки, даны новые были жалованные грамоты 8 октября 1797 года (по отношению к Бизякам имеется в виду подтверждение «сберегательной памяти», данной Агильдею Тямову и Еману Юскееву по указу Петра I).

Войдя в состав башкирского войска и подчиняясь, таким образом, оренбургскому наместнику (военному губернатору), бизякинцы по гражданскому ведомству являлись государственными крестьянами и подчинялись административным органам Елабужского уезда Вятской губернии. Следовательно, они, с одной стороны, были в подчинении у оренбургского военного губернатора. В то же время, «*состоя на положенном казенном окладе*», платили налоги в казну (государству), несли денежные и натуральные повинности в Вятской губернии.

К числу денежных повинностей относились государственные и местные *земские сборы*, расклад которых производился на все общество по селениям непосредственно губернской администрацией, а внутри общины — по ревизским душам. Так, например, в 1850 году в Вятской губернии на каждую ревизскую душу приходилось 28,5 копеек серебром в год. Временами сбор доходил и до 60 копеек с души (будь это только что родившийся и попавший в ревизскую сказку мальчик, или выбывший (умерший) после ее проведения человек). Как бы ни казались мизерными эти сборы современному читателю, напомним, что при господстве натурального хозяйства даже такие деньги было очень трудно найти.

Деньги собирали и по поводу *дорожной повинности*. Для расходов на ремонт и содержание больших казенных дорог и мостов в 1817—1818 годах, например, обложили башкирцев денежным сбором по 25 копеек с ревизской души. В последующие годы эта повинность выполнялась ими в натуре. Особенно тягостны были

платежи в неурожайные годы. Вся тяжесть повинностей падала на рядовых членов общины, так как сельские должностные лица и представители указного духовенства, как правило, были освобождены от всех повинностей.

Существовала и *подводная повинность*: население предоставляло бесплатно подводы (точнее, упряжку) для земских сообщений членам земского суда и полиции, исправнику, должностным лицам окружного, волостного и сельского управлений и посылаемым от них нарочным. Многочисленность чиновников и постоянные их разъезды делали подводную повинность очень тяжелой – несение этой повинности ежегодно обходилось на один двор в среднем до 3 рублей. Еще одной повинностью являлась *почтовая* – возили почту, эстафеты и курьеров по расписанию губернатора. Несущие эту повинность должны были находиться на почтовых станциях «безотлучно».

Возка почты производилась и по Оренбургской линии между почтовыми станциями и крепостями. Командируемые на возку почты снаряжались от сельского общества, каждый «о двуконь», «с исправной упряжью и повозками», «с принадлежащим оружием», чтобы они «не были в тягость ни себе, ни службе». Кроме оружия, командируемым обязательно полагалось иметь при себе топор и косу – им приходилось чинить и строить мосты и укрепления, заготавливать сено... Общество же снабжало их продовольствием на все время командировки – каждому по восемь пудов хлеба, а в зимнее время – и фуражом. Посылаемые на эту службу должны были быть «здоровые, средних лет, не старые и не слишком молодые» [ЦГИА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 11, л. 13].

Выполнения этих повинностей требовала с биякинцев не только вятская администрация, но и военное ведомство. То есть администрация Вятской губернии по образу жизни и основным занятиям считала жителей деревни принадлежащими к сословию государственных крестьян, а оренбургский военный губернатор причислял их к сословию башкир-казаков. Таким образом, биякинцы оказались в двойном подчинении, что создавало им значительные трудности в жизни.

Какие же повинности несли биякинцы по военному ведомству, кроме почтовой? Для раскрытия этой темы воспользуемся исследованием А. З. Асфандиярова «Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.)» (с. 50–99). Повинности были общими для все-

го иррегулярного войска (не только для башкиро-мещеряцкого, но и казаков Оренбургского войска) и определялись специальными документами.

Основной воинской повинностью Башкиро-мещеряцкого войска и казаков Оренбуржья являлась *охрана пограничной линии*. Оренбургская пограничная линия начала создаваться еще в 30-х годах XVIII века. Она проходила от реки Тобол до Каспийского моря и делилась на пять дистанций (участков). Служба делилась на летнюю и зимнюю. Срок летней службы продолжался шесть месяцев: с 16 мая по 15 ноября. По истечении этого срока команды возвращались домой, а на смену им приходили зимние. Их служба длилась также полгода – с 16 ноября по 15 мая. Число наряжаемых на зиму было значительно меньше (примерно третья часть от летнего количества), так как зимой на границе стычки происходили намного реже, чем летом.

Кроме охраны границ по Оренбургской линии, начиная с 1745 года башкирское войско направляло тысячную команду и на Сибирскую пограничную линию сроком на один год. Эта служба была самой обременительной, так как нужно было ехать на дальнейшее расстояние на целый год. Это вызывало сильное недовольство среди башкир-казаков, поэтому в 1800 году *линейная служба* в Сибири была заменена *этапной службой* по Сибирскому тракту (для конвоирования ссыльных). Этапная служба башкир, тоже годовая, продолжалась до конца 40-х годов XIX века. Кроме того, башкирские полки участвовали и в *охране западных рубежей страны*, где оставались по нескольку лет. Иногда они привлекались и для подавления народных волнений, и в полицейскую службу в больших городах и на ярмарках, и для розыска и поимки беглых крестьян и солдат и т.д.

Согласно правилам, «прием и отвод» команд, следуемых на линию и домой, производились дистанчными (дистанция – промежуток от одного укрепленного пункта на линии до другого. – А.М.) начальниками из башкир. Они назначались кантонными начальниками по три человека на кантон и утверждались губернатором. Юртовые старшины передавали свои команды по спискам кантонному начальнику. Он, в свою очередь, тоже по спискам, передавал их в присутствии земского исправника дистанчным начальникам. При этом дистанчные начальники тщательно проверяли соответствие очередности и возраста, а также, чтобы каждый был

«о дву конь» с «исправным седельным прибором и с крепкой ременной упряжной сбруей». «Все мундирные и амуничные вещи» на людях, а также провиант и «подможные» деньги принимались ими по описи. Затем они давали квитанцию с указанием количества и исправности принятого. И собранные от кантона команды отправлялись своим ходом на линию, где казаки распределялись по крепостям и редутам. Условия службы на линии были тяжелыми и жесткими.

Еще более тяжелыми были условия так называемой *«рабочей службы»*, которая постепенно начала вводиться феодальным государством уже в 20–30-е годы XIX века по мере того, как стала отпадать необходимость в линейной службе башкир-казаков. Для этого на основе введенной правительством обязательной трудовой повинности из башкирцев создавались команды, называемые «рабочими», использовавшиеся для выполнения различных казенных работ. Прежде всего, правительство начало расширять использование людских ресурсов Башкиро-мещерякского войска при строительстве сооружений, обеспечивавших войсковые операции в Оренбургском крае. Рабочие команды являлись источником дарового труда. Численный состав таких команд рос из года в год, и казенная работа становилась основной формой несения службы в Башкиро-мещерякском войске. С конца 40-х годов XIX века на линейную службу приходилось уже только 14%, а на работы и в транспортные команды – 86% всего наряда. Такому резкому изменению способствовали постепенное превращение Оренбургской губернии из пограничной во внутреннюю область страны и сокращение необходимости охраны границ.

Какие же виды работ выполнялись рабочими командами? Это развернувшееся в 30-х годах XIX века строительство «коммерческого» тракта Верхнеуральск – Стерлитамак (вырубка и корчевка леса, выкапывание канав вдоль дорог, постройка мостов, установка надолбов и верстовых столбов и т.д.) протяженностью 252 версты (1 верста=1,06 км). В дальнейшем дорога была продолжена до Бугульмы. В 1835–1838 годах с целью «выпрямления» Оренбургской линии была создана новая пограничная линия на участке Орск – Троицк. Особенно изнурительным был труд в *«транспортной команде»*, когда гужевые отряды башкир использовались для перевозки в Оренбург и новые крепости продовольствия, а также дров и строительных материалов, не получая за это никакого воз-

награждения. После доставки грузов эти же команды занимались и заготовкой сена для прилинейных казаков. Использовались рабочие команды и для сооружения укреплений на новых территориях, присоединенных к России. Привлекались они и к работе по благоустройству городов Оренбург, Уфа и др., где выполняли и строительные работы.

Длительные командировки по военному ведомству отнимали время, необходимое для домашних хозяйственных работ, и вызывали недовольство у служащего в Башкиро-мещерякском войске населения. Поэтому в 1828 году военный губернатор был вынужден разрешить башкирцам передавать выполнение почтовой гоньбы наемщикам из казаков других войск. Для исполнения *почтовой повинности* они часто нанимали за себя прилинейных казаков Оренбургского войска. При этом башкирцы отдавали подрядившимся своих лошадей, упряжь, повозку (телегу / сани). Желаящим выполнять эту работу в зимнее время они платили по 160–175 рублей ассигнациями за каждую пару лошадей [ЦГИА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 2017, л. 79]. Добавлю, что в XIX веке стали широко применяться ничем не обеспеченные бумажные деньги – ассигнации, курс которых колебался от 3 до 25 копеек серебром за рубль.

Для содержания почт по всей Оренбургской линии от башкир требовалось 204 пары лошадей. Каждая пара лошадей обходилась им от 250 до 350 рублей ассигнациями, если учитывать расходы на провиант и фураж в натуре, а также вспомогательные деньги, которыми снабжались выполняющие эту повинность. Всем кантонам отбывание ее обходилось ежегодно от 80 тысяч до 100 тысяч рублей, что составляло, в зависимости от расстояния кантонов до линии, от 30 копеек до 1 рубля 70 копеек с каждой ревизской души [Там же, оп. 1, д. 3532, л. 6–12]. Как видим, почтовая повинность тоже была одной из самых обременительных обязанностей.

Разорительными для населения Башкиро-мещерякского войска были и непостоянные, *единовременные сборы*, например, связанные с оформлением ревизских сказок, на наем переписчиков и на гербовую бумагу. Для этого с каждой ревизской души собирали до 50 копеек. Население обычно платило переписчикам натурой. Сборы денег на гербовую бумагу при подаче прошений и на оплату различного рода штрафов из случайных превратились в постоянные компоненты фискального гнета. Захваты вотчинных земель и угодий, злоупотребления чиновников порождали потоки жалоб

со стороны терпевших ущерб жителей, которым за оформление каждой из них на гербовой бумаге приходилось платить до трех рублей ассигнациями. Например, бизякинцы потратили немало денег и сил для доказательства своего права на вотчинную землю при проведении Генерального межевания земель.

Параллельно с переходом на кантонную систему управления на башкирских землях началось и межевание земель. *Генеральное межевание земель* – крупнейшее мероприятие по аграрной политике в стране – началось еще в 60-х годах XVIII века. «Следует отметить основной принцип Генерального межевания – это земельные измерения по дачам. *Дача* – это условная территориальная единица, охватывающая один или несколько десятков населенных пунктов... Принцип создания дачи на территории края (Оренбургская, Пермская, Саратовская, Вятская губернии в первой половине XIX века) – башкирская волость обычно составляла отдельную дачу Генерального межевания. Однако здесь были и исключения, когда в состав башкирской дачи мог входить отдельный населенный пункт или же группа волостей» [История, 2011, с. 113].

С 1794 года общее руководство межеванием в стране перешло к Межевому департаменту Сената, находившемуся в Петербурге. Оперативное руководство возлагалось на Межевую канцелярию, располагавшуюся в Москве. Основная тяжесть полевых работ ложилась на межевые конторы, созданные в губерниях. В их компетенцию, наряду с организацией и наблюдением за землемерными работами, входило и оформление, проверка планов, межевых книг дач и выдача их владельцам. При этом за межевую документацию с населения дачи взималась пошлина. Межевые конторы для межевания направляли в уезды землемерные команды, состоявшие из землемера, помощника землемера, старшего и младшего землемерных учеников, 1–2 канцеляристов и 4 солдат.

В ходе землемерных работ каждая команда участвовала в составлении следующих документов: полевого журнала (записок), дневного журнала, экономического журнала, специальных геометрических планов с межевыми книгами и т.д. Важной частью работы межевой команды было составление экономического журнала (экономических примечаний), где давались характеристика каждого населенного пункта и численность населения по пятой ревизии 1795 года, а также его занятия, структура землепользования и т.д. Много времени землемеры уделяли составлению кар-

тографической документации. Для каждой земельной дачи нужно было составить специальный геометрический план и межевую книгу – словесное описание дачи с указанием географических ориентиров. Самой сложной частью работы межевой конторы было решение спорных дел о границах дач. Для доказательства принадлежности спорного участка владельцы дач могли предъявлять на рассмотрение в межевую контору выписи из писцовых книг, всякие крепости, жалованные грамоты. Кроме того, в качестве доказательства конкретного мнения о границах дачи могли использоваться бесспорное владение до 1765 года и свидетельства понятых.

25 июня 1797 года был подписан указ о начале межевания в Оренбургском крае и сопредельных территориях Вятской, Пермской, Саратовской губерний, где размещались земли некоторых волостей Башкиро-мещеряцкого войска. При этом учитывалось вотчинное право башкир и татар. В случае представления ими старинных жалованных грамот чиновники закрепляли за жителями всю территорию конкретной отмежеванной дачи.

Генеральное межевание в Безьякеевской тюбе Байлярской волости проводилось в 1805 году, но выяснение спорных вопросов продолжалось до 1849 года. Спорными оказались практически все приграничные земли и многие сенные покосы бизякинской дачи. Дело в том, что в жалованной грамоте, полученной еще в XVI веке Тогаем Беляковым, были четко определены только южная (по Каме участок длиной примерно в 20 верст) и северная (исток речки Безьяка) границы. Находящиеся же на западе и востоке границы вотчины не были точно определены. В XVII–XVIII веках, когда шло интенсивное заселение края, это позволило государственным органам перевести часть земель в казенные оброчные статьи. В это же время наследники Тогая Белякова и сами, как правило, на основе устных договоров, припускали на свои земли (т.е. давали в аренду) безземельных переселенцев. Так на бизякинских землях появились припущенники – ясачные татары и тептяри, основавшие свои деревни на речке Безьяка. Кроме того, часть сенокосов, на которые была богата бизякинская вотчина, была также отдана в аренду малоземельным соседям. Со временем условия аренды забывались, припущенники-арендаторы да и чиновники на местах начинали считать эти земли казенными. Все это и выявилось при оформлении межевых документов. Об этом подробнее поговорим

в следующей главе, а сейчас вернемся к рассмотрению истории межевания бизякинской вотчины.

В РГАДА, Национальном архиве РТ, Центральном историческом архиве РБ и Кировском областном архиве сохранились материалы, которые позволяют представить, как шло межевание земель, какие земли входили в бизякинскую дачу и т.д. Сразу отметим, что земли деревни Бизяки составили отдельную от других населенных пунктов дачу. Прежде всего, обратимся к преамбуле, предваряющей геометрический план дачи деревни Бизяки [НА РТ, ф.324, оп. 727, д. 116]. Геометрический план – это чертеж (карта), где графически четко обозначены границы дачи, а в преамбуле содержатся сведения о том, как проходило межевание и какие земли входили в дачу. Хотя вместе с планом-картой и не найдена была межевая книга со словесным описанием дачи и ее географических ориентиров, в другом деле мы найдем и их. Перейдем к рассмотрению имеющихся в нашем распоряжении материалов. Вот первая часть преамбулы к плану.

«Геометрический специальный план Вятской губернии Елабужского уезда дачи деревни Безяки с принадлежащими к ним землями, которые состоят во владении у башикирцев и тептярей.

Межевание учинено в прошлом 1805 году августа 8 дня старшего землемера коллежского асессора Коева, за болезнью его исполненным коллежским регистратором Петром Малининым, а по решению Вятской межевой конторы споров утверждением окончено в 1807 году октября младшим землемером губернским секретарем Кирилою Петровым. По решению межевой канцелярии, утвержденному Правительствующего Сената межевым департаментом, утверждением окончено в 1829 году мая 23 дня младшим землемером XIV класса Иваном Федотовым».

Из преамбулы мы узнаем имена чиновников, проводивших межевание. Обратим внимание на время, потребовавшееся на эту процедуру. Хотя губернская межевая контора споров достаточно быстро, в течение двух лет, провела свою часть работ, процедура утверждения затянулась. Вся процедура заняла почти четверть века – с августа 1805 года до мая 1829 года. И потребовалось еще пять лет до выдачи бизякинцам плана и межевой книги. Это произошло лишь в 1834 году [см.: Асфандияров, 2009, с. 49]. Однако и после этого еще долго продолжалось разбирательство. Такое растяжение во времени, понадобившееся для оформления необ-

ходимых документов, с одной стороны, можно объяснить присущей бюрократической машине российской администрации медлительностью, но не только. При межевании возникли спорные с соседями участки, а разбирательство по этим спорным землям затянулось по времени. Мы его рассмотрим отдельно.

Сохранились и «Экономические примечания» к планам Генерального межевания Елабужского уезда Вятской губернии, где дается описание владений деревни Бизяки к началу XIX века. Приведу здесь полностью выписку из «Экономических примечаний».

«Дача деревни Безяка, владения башкирцов тептярей

— число дворов 95, душ мужеска 266, женска 279 —

Положение имеет деревня Безяка по правую сторону речки Безякинки, а дачею простирается до реки Камы, озера и истока Козы, озер Четкуки и Пенери на правой, а оврагов Сейтякова, Сухого, разнотазванного урочища на правой и по обеим сторонам от вершков Безымянного, Курбана, речек Кусяш, Безынкина, оврага Сухого, истоков Старого Безяка, Лурта, озер Малого, Большого, Елтыкова, Казы, Казандыша и многих безымянных озер и отвершков. Показанная река Кама в летнее жаркое время шириною..., глубиною... бывает, берега и дно, а также по оной каковой ход бывает...; в ней рыба равно и на водах птица тех же родов, как описано выше сего в № 61. (Это описание следующее: «В жаркое время бывает Кама от 300 до 350 сажен, глубиною от 3-х сажен. В ней рыба белуга, осетры, сомы, севрюга, красная, белая рыбица, стерляди, окуни, сароги, ерши, гольцы и пескари» (л.103). — А.М.). Речки течение имеют весьма малое, в них рыбы не бывает. Озера Каз, Кандыш, Пинер, Казандыш шириною бывают от 6-ти до 10-ти сажен, глубиною от 1-го до 2-х аршин. В них рыба — караси и лини, которая ловится жителями для домашнего употребления. В реке, речках и озерах вода для употребления людям и скоту здорова, земля грунт имеет чернозем, а местами сероглинистый. По удабриванию на ней лучше родится рожь, ячмень, овес, пшеница, а прочие семена средственны. Сенные покосы травой хороши, лес произрастает по суходолу и болоту, строевой и дровяной. В нем звери и птица тех же родов как описано в № 64. (Вот оно: «В нем звери набегом, бывают зайцы и другие, птицы дрозды, соловьи, чижи, синицы и щеглы, и на водах дикие утки, разного рода кулики». — А.М.). Крестьяне состоят на положенном казенном окладе, промысел имеют хлебопашеством и скотоводством, к чему и радательны, зажитка средственного, женищины сверх полевой рабо-

ты упражняются в домашних рукоделиях, прядут лен, посконь и овечью шерсть. Ткут холсты и сукна для своего употребления, а частью и на продажу».

[РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 337, л. 109–110]

Содержание экономических примечаний для нас весьма интересно, ибо оно позволяет как бы воочию увидеть расположение владений деревни Бизяки, их границы, какими они были двести с лишним лет тому назад, к началу XIX века. Географические названия, несмотря на некоторые искажения в русском написании, хорошо узнаваемы сегодняшними бизякинцами и позволяют подробно представить границы владения дачи.

Документ этот дает представление не только о владениях бизякинцев, но и об их занятиях. Основным их занятием были, как отмечено в «Экономических примечаниях», хлебопашество и скотоводство. Там же указано и качество пахотной земли – черноземные (отмечу, что к нашим дням чернозем исчез), лишь местами сероглинистые. Основные зерновые – это рожь, ячмень, овес, пшеница, которые дают хороший урожай на удобренных землях. Сеяли также полбу, горох, гречиху, просо, хотя они и давали «средственный» урожай. Были и огороды, хотя мы и не знаем, какие овощи на них выращивались. Выращивали также лен и коноплю, что видно из следующей цитаты: *«женщины сверх полевой работы упражняются в домашних рукоделиях, прядут лен, посконь (коноплю. – А.М.) и овечью шерсть. Ткут холсты и сукна для своего употребления, а частью и на продажу».*

Фактически это описание показывает, что хозяйство бизякинцев было натуральным. Конопляники располагались по берегам Бизякинки. Это сейчас конопля упоминается лишь как наркотик. А тогда в деревенском хозяйстве конопля использовалась на многие нужды: конопляное масло – для освещения жилищ и как еда; семена – при приготовлении еды (я еще помню различную стряпню с коноплей – перемячи, кыстыбий и др.); жареная конопля (как жареные семечки) была детским лакомством и т.д. Стебли конопли вымачивали в воде, обрабатывали особым образом и получали волокно – посконь. То же самое проделывали со льном. Волокно льна и конопли шло на изготовление пеньки и полотна. Из пеньки изготавливали разного назначения канаты, веревки и т.д. Прядение, тканье домашним способом, шитье одежды, мешков и других необходимых в хозяйстве вещей из льняного полотна

и поксоны — все это было обязанностью женщин. Отмечалось также, что крестьяне в работе «радетельны, зажитка средственнаго».

По Межевой инструкции всем башкирцам, вошедшим в пятую ревизию (РС 1795), полагалось по 15 десятин на каждую мужскую душу. Исходя из этого расчета, бизякинская дача должна была быть не менее 3990 десятин. Сюда входила совокупность угодий: пашни, сенокосы, выгоны, леса и воды, болота и т.д. После сложных подсчетов и выяснений Межевая контора определила размеры бизякинской дачи и описала состав земель, который дан в преамбуле к геометрическому плану. Чтобы картина стала полной, приведу это перечисление: «А внутри того обмежеванном от всех смежных владений одною окружною межею по нынешней мере

И по исчислению земли состоит:

Пашенной — 903 десятины 625 сажен

Сенного покосу — 507 десятин 1054 сажени

Сенного покосу, по коему дровяной лес — 224 десятины 1109 сажен

Лесу строевого курочного (?) — 1180 десятин 945 сажен

По болоту дровяного лесу — 1199 десятин 1668 сажен

Под поселением с огородами, вермениками (?) и конопляниками — 36 десятин 718 сажен

Под проезжими дорогами — 13 десятин 418 сажен

Под песчаным местом — 54 десятины 1015 сажен

Под бечевником реки Камы, по коему песчаное место — 28 десятин 1080 сажен

Под полурекою Камою 139 десятин 1776 сажен

Под половиною волошной речки озером истоков и под речками истоком озерными заливами и протоками — 58 десятин 1215 сажен

Под чистым болотом — 12 десятин 809 сажен.

А всего во всей окружной меже удобной и неудобной земли 4358 десятин 433 сажени. А за исключением неудобных мест осталось одной удобной земли 4051 десятина 1320 сажен.

На том числе во время межевания земли внутри окружной межи состояла деревня Безяки, в коей жило всего по последней поданной к пятой ревизии сказке состоит дворов 95, в них башкирцев мужчин там 244, женщин 261; ныне налицо мужчин 331, женщин 342. Тептярей по пятой ревизии мужчин 22, женщин 11; ныне налицо мужчин 43, женщин 31 душа».

[НА РТ, ф.324, оп. 727, д. 116]

Итак, бизякинская дача включала *4358 десятин 433 сажени*. Удобная земля составляла из них *4051 десятину 1320 сажений*. В перерасчете на одну мужскую душу приходилось в среднем 15 десятин 555 сажений удобной земли. Данная в плане подробная роспись позволяет делать дальнейшие подсчеты. Так, пашни приходилось на душу 3,395 десятины, лугов — 1,9 десятины, да еще сенокосов на полянках по дровяному лесу 0,8 десятин. На каждый двор с огородами приходилось в среднем 0,38 десятины. Более половины владений бизякинцев составляли леса — всего 2380 десятин 213 сажений (строевой и дровяной). Они занимали территорию между рекой Камой и деревней (так называемый дровяной лес по болоту), а всю территорию по левой стороне Безякинки занимал строевой лес, в основном в виде дубрав (см. План-чертеж в первом форзаце).

Обращает на себя внимание подробная роспись не только пашен, лесов и сенокосов, но и других участков. Поясню некоторые из них. *«Под полурекою Камою 139 десятин 1776 сажен»* — это значит, что за бизякинцами были признаны не только земли по берегу Камы, но и часть реки до ее середины, используемая для рыболовства, а острова, находившиеся на этой части Камы — для сенокосов. Далее. *«Под бечевником реки Камы, по коему песчаное место — 28 десятин 1080 сажен»* — бечевник — это береговая полоса вдоль рек и озер, используемая для нужд судоходства и сплава, сухопутная дорога вдоль берега водного пути, для буксирования судов на канате людьми (бурлаками) или лошадьми (тогда еще не было пароходов, и грузы перевозили на баржах, которые «тянули бечевой»). *«Под половиною волошной речки озером истоков и под речками истоком озерными заливами и протоками — 58 десятин 1215 сажен»*. Здесь речь идет о территории, занятой водами озер и рек, заливов и протоков. *«Волошная речка»* — рукав или протока (а возможно, и искусственно прорытая речка-канал), по которой волоком протаскивали груз (лодки) из одного водного пространства в другое.

На все эти земли и была «1805 года сентября 16 дня учинена межа, и по решению Вятской межевой конторы утверждена в 1807 году ноября 8 дня по решению оной же конторы, утвержденному Межевой канцелярией и Правительствующим сенатом по межевому департаменту; утверждением окончено 1829 года июня 7 дня» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 150—150 об.]. А «14 декабря 1859 года по распоряжению судебной палаты была произведена

оценка: 1-е,— Безякинской дачи владения башкирцев деревни Безяков с пространством удобной и неудобной земли 4358 десятин 433 сажени, которое оценено в 34580 рублей» [Там же, л.148]. Пользуясь тем, что у нас есть объемное дело из фондов Елабужского уездного суда, содержащее не только документы о правах на владение землей башкирами и тептярями, но и этапы следствия, рассмотрим перипетии межевания земель бизякинской вотчины в следующем очерке.

Тяжба о землях бизякинской вотчины

Итак, «межевание учинено» было 16 сентября 1805 года. Пока землемеры оформляли необходимые документы, выяснилось, что немало участков, которые бизякинцы считали своими, не вошло в обмежеванную дачу. К тому же на часть территории дачи претендовали жители сел округи. Вятская межевая контора, несмотря на эти претензии, 2 января 1807 года подписала «решительное определение» о том, что «о показанных башкирских землях дело решено». Об этом было сообщено претендентам на земли. 14 января 1807 года это решение было представлено в первый и шестой департаменты Правительствующего Сената. 29 и 30 января копии «с решительного определения» были также отосланы в Вятскую казенную палату и Уфимскую экспедицию [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 72 об.— 73]. Так межевание было «по решению Вятской межевой конторы споров утверждением окончено в 1807 году... октября младшим землемером губернским секретарем Кирилою Петровым» [НА РТ, ф. 324, оп. 727, д. 116].

Однако бизякинцы не удовлетворились этим решением и подали в Межевую канцелярию в Москву апелляционную жалобу на решение Вятской Межевой конторы. Приведу довольно пространное изложение содержания ее. «В сей жалобе писано, что деревня Безяк состоит на жалованной земле предкам их Агильдку Тямову да Яманку Юскееву по грамоте 7205 года и по выписи 207 года от стольника и воеводы Кудрявцова, что предки во время владения теми землями некоторую часть оных отдавали во владение на время из условленной платы живущим близ их деревни Безяков поселянам села Богородского Икское устье тож, села Богоявленского Тихие горы тож, селениям Сетяково, Такашево, Макаровой, Тоймы, Сарсаз, Псеевы крестьянам, черемисам, та-

тарам и тептярям, а деревни Старой Юмьи вотьякам остров для расчистки, что означенные поселяне, имея в виду владения предков их башкирцов на жалованной грамоте и выписи, усилились завладением и поселились на завладенных у них землях целыми селениями да немалою числа душ и притом многократно не только на завладенных местах, но и на неоспоримой по близости их деревни Безяков земле вырубил леса, о чем, как о самосильном их поселении, так и о вырубке лесов в 1784, 1794 и 1803 годах были поданы в Мензелинский уездный суд явочные прошения, что часть их сенных покосов, состоящая под самой их деревней по обе стороны речки Безяки из владения их с давних лет взошла в казенный оброк и по переоброчкам переходила разным частным людям, а в 1808 году по принадлежности этой оброчной статьи к их деревне Безякам Вятскою казенною палатою на основании Указа Правительствующего Сената 1803 года марта 6 дня отдана их селения обывателям из платимого прежде оброка в казну 30 руб, который ими башкирцами за 1808, 1809 и 1810 годы внесен сполна, что при генеральном размежевании земель вышеписанных селений обыватели на владеемые ими земли укреплений никаких не представили, а учинили спор, якобы те земли принадлежат им, межи и урочища землемеру Вятской межевой конторы Малинину объявили не те самые, какие у их де башкир значатся в грамоте и в выписи, а совсем другие, речку Безяк, проходящую чрез их владения, наименовали тремя названиями, что жалованную грамоту и выпись они хотя и представляли землемеру Малинину, но он не принял, а от означенных поселян объявленные ими межи и урочища утверждал, почему поверенный их Максютов прошением, поданным 24 февраля 1806 года в Вятскую межевую контору с приложением жалованной грамоты, выписи и копий с явочных прошений просил усиленно завладенные показанных селений обывателями земли им башкирцам возвратить, но межевая контора никакого удовлетворения не сделала и кроме сего оброчную землю, состоящую близ их селения, отданную Вятскою казенною палатою в наделение на число душ из платежа оброка 30 рублей отдана жителям села Богоявленского — Тихих гор; при сей жалобе представлены копии с грамоты 7205 и с выписи 1700 годов, тех же самых, которые были представлены в межевую контору» [НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 67 об. — 69 об.].

Разбирательство продолжилось в Москве в Межевой канцелярии. 11 февраля 1808 года Межевая канцелярия затребовала все

материалы из Вятки, что и было выполнено 15 апреля того же года [Там же, л.73]. Пока апелляция жалоба бизякинцев ожидала своей очереди на рассмотрение среди череды множества подобных жалоб в Москве, в Вятке «обер-форштмейстером (форштмейстер — старший чиновник лесного ведомства в губернии, чьей главной заботой была охрана казенных корабельных лесов от пожаров и самовольных порубок. — А.М.) было открыто новое обстоятельство: таковые же башкирцы и татары, жительствующие в Елабужском округе деревень Безяков, Тураевой и Куразовой, передали генеральному землемеру споры на смежные земли и леса, бывшие прежде во владении казенных крестьян разных селений; какое те башкирцы имеют право присваивать те земли, неизвестно, и что по сему обер-форштмейстер представил гражданскому губернатору приказать кому следует, права башкирцев и тептярей по Елабужской округе рассмотреть, и ежели они особой привилегии не имеют, то сделать между ними и русскими крестьянами в этих правах уравнение на основании межевой инструкции, расчисляя всем им по 15 десятин на каждую душу, и просил Межевой конторе предписать, чтобы она выдачу башкирцам и тептярям планов на их владения по Сарапульскому и Елабужскому уездам удержала до точного рассмотрения прав их судебным порядком» [Там же, л. 21—22].

Постановлением от 17 апреля 1812 года Вятское губернское правление предписало Елабужскому уездному суду разобраться в этом вопросе, для чего потребовало «выписать башкирцев деревень Безяков, Тураевой и Куразовой или их поверенного с документами на владенные ими земли». Началось новое расследование в Елабужском уездном суде с собиранием вновь документов, с привлечением поверенных и понятых сторон, претендующих на спорные земли. В ходе следствия выяснилось, что чиновники в разные годы взяли в казну 19 участков считавшихся бизякинскими земель. Уже говорилось о возникновении на этих участках деревень Сетяково, Икское Устье и Тихие Горы. Часть взятых в казну участков была отдана казной на различных условиях жителям других окрестных сел. В результате в спор оказались замешанными, кроме названных, деревни Куразово и Тураево, составлявшие вместе с Бизяками один юрт, Текашево, Псеево, Ахтиял, Ижевка, Мунайка, Тойма, Старая Юмья и неназванные деревни Алнашской и Камаевской волостей...

Новое разбирательство дела в Елабужском уездном суде, таким образом, «возникло по одному протесту Вятского обер-форштмейстера, основанному на мнимом его предположении будто башкирцы, обитающие в Сарапульском и Елабужском уездах, не должны иметь земель более окружающих их казенных крестьян» [Там же, л. 82]. Тем не менее, оно прошло все этапы расследования и дошло до Межевого департамента Правительствующего сената, который, «возвращая в Межевую канцелярию при указе от 31 октября 1828 года за № 2388 дело, предписал решение канцелярии коим дававшее в том, чтобы деревни Безяков владения башкирцев оставить в границах бывшего до 765 года владения, и спорные отводы, отведенные той деревне из разных дач, уничтожить, и те спорные земли оставить в тех дачах, от коих оные отведены были, кроме одного места под знаком (указан знак тамги, похожий на «3»). — А.М.)» [Там же, л. 97].

Однако местные чиновники вновь и вновь находили причины для возобновления расследования. В 1832 году «...все права башкирцев на занимаемые земли рассматривались уже в Верховном правительстве» [Там же, л. 82]. «В именном высочайшем указе, данном Правительствующему сенату 10 апреля 1832 года, помещенном в Полном Собрании Законов под № 5287-м, между прочим изображено: мнения прекратить отныне все розыскания по владению башкирцами землями, дабы таким образом утвердить права башкирцев на принадлежащие им земли, и положить конец разорительным тяжбам, повелеваем: *признать башкирцев владельцами всех этих земель, кои отныне бесспорно им принадлежат*» [Там же, л. 177–177 об.].

Хотя после этого указа бизякинцы и получили в 1834 году на руки план своей дачи и межевую книгу, спокойствие для них на этом не наступило. Елабужские чиновники решили: «Этот именной указ приведен под 1469-ю статью; по сему распоряжение гражданской палаты в 1841 году о проверке на местах, по каким именно актам учинено башкирцам бесспорное отмежевание земель, как имеющее утайки отыскивание в сих землях казенной принадлежности, было бы противно изъявленному именованному указу, если б палата не имела в виду спора, замеченного со стороны казны обер-форштатмейстером еще прежде сего именованного указа, а вследствие сего спора башкирские земли в именованных уездах не подходили под действие того именованного указа, признав-

шего башкирцев владельцами тех только земель, кои бесспорно им принадлежат» [Там же, л. 177 об.]. И Елабужский уездный суд вновь возбудил дело о бизякинской даче.

Издавна для разбора тяжёбных дел население избирало из своей среды поверенных и уполномочивало их действовать от своего имени в присутственных органах, но из-за незнания законов и судебных порядков они редко добивались справедливого решения своих исков. Поэтому в системе управления Башкиро-мещерякским войском имелись стряпчие (ходатаи по делам. — А.М.) из числа русских чиновников, знающих законоположения [ПСЗ, т. 12, № 1028]. В сложных случаях поверенные действовали под контролем и руководством стряпчих. Действуя «в пользу башкирцев», стряпчие давали делу надлежащий законный ход. Они должны были выслушать решение судебных органов, а в случае неправильного решения обязаны были «выражать неудовольствие свое и вносить дело на рассмотрение высшей инстанции. Присутствие стряпчего требовалось и при межевании башкирских земель для наблюдения «за справедливым и законным действием межующих» [См.: Асфандияров, 2005, с. 40–41].

И в случае тяжбы бизякинцев участвовали стряпчие. Так, стряпчий 11-го башкирского кантона Скарятинов 21 октября 1842 года подал в уездный суд новую объяснительную записку. В ней «стряпчий к защите прав башкирцев представляет на благоусмотрение суда: 1-е, — если башкирцы действительно имеют у себя противу прочих сословий превосходство в землях, то одно это нисколько не должно было вовлекать в сомнение вятского обер-форштмейстера, ибо все земли башкирцев, состоящие по реке Каме, прилежат к Оренбургскому краю, принадлежат им со времен древнейших и впоследствии за верную службу их жаловано им в вечное владение; и 2-е, — все права башкирцев на занимаемые земли рассматривались уже в Верховном правительстве, и те из них, которые обмежеваны бесспорно, по именному Высочайшему указу от 10 апреля 1832 года признаны неотъемлемою собственностью башкирцев, следовательно теперь, за силою этого указа, по одному неосновательному протесту вятского обер-форштмейстера, из дач башкирцев Сарапульского и Елабужского уездов по трем — Исенбаевской, Безякейской и Тураевской, бесспорно обмежеванных земель назад тому несколько уже десятков лет, нет никакого резона пересматривать снова навеки

утвержденные высочайшей властью права башкирцев» [Там же, л.82–82 об.].

Однако расследование продолжалось. Летом 1849 года Елабужский уездный суд решил провести выездное заседание суда в деревне Бизяки.

«Присутствие уездного суда открыто 20 июня 1849 года в деревне Безяках, а 24 того же июня, прибыв на место по чинимому пункту генерального плана литер А депутата башкирской стороны стряпчий Туленков словесно представил временному присутствию уездного суда Елабужского, что при этом пункте во владении башкирцев и тептярей не только нет излишне отмежеванной казенной земли, но противу грамоты 7205 года октября дня еще не вполне отмежевана земля, так как по грамоте Долгая гора должна быть границею башкирских владений, а она в сем месте в казенных владениях. Посему Туленков просил сделать до этой горы измерение или осмотр и записать оный в акт, и что подобно сему он, стряпчий Туленков, и в прочих, где из башкирских владений земля отошла в казенное ведомство, будет предъявлять и просить записывать в акт; например, впадение речки Безяка должно быть внутри башкирской дачи, но по межеванию впадение сей речки далеко уже в казенном владении; [...] на точном основании распоряжения гражданской палаты должно производить поверку внутри башкирских и тептярских дач только в том, не заключается ли в тех приписных отмежеванных противу актов казенных земель и лесов, а не отыскивать, как требует башкирский стряпчий за генеральною границею в казенных дачах земель, принадлежащих якобы башкирцам и тептярям; посему окружной начальник не согласился на исполнение требования башкирского стряпчего Туленкова, ибо всякие обыски после генерального межевания воспрещены статьею 712-ою и примечанием к 797 ст. X-т. Св.зак. изд. 1842 г; с окружным начальником согласился землемер Вятской палаты государственных имуществ» [Там же, л. 111–113].

В результате «вследствие таковых отзывов Елабужским уездным судом 25 июня 1849 года постановлено: присутствие сего суда в деревне Безяках закрыть, членам и канцелярии отправиться в г. Елабугу и о том депутатам объявить» [Там же, л. 117]. Для продолжения следствия суд запросил из Москвы межевые документы по Бизякинской даче, на что Межевая канцелярия указом от 7 ноября 1850 года за № 31630 дала Елабужскому уездному суду новое

разъяснение: «Прежде владеемая башкирцами и тептярями земля и угоды находились из платежа ясака деньгами, медом и зверями. Потом по указу Правительствующего сената от 24 марта 1754 года, последовавшему с высочайшего повеления г. Оренбургскому губернатору Неплюеву предписано ясак с них снять, за каковым указом и за силою Межевой инструкции 12 главы 19 пункта владеемые земли по тем укреплениям оставить за теми башкирцами и тептярями и уравнения землями с русскими казенными крестьянами делать не следует» [Там же, л. 74 об.— 75]. Но елабужские чинуши с неимоверным упорством продолжали сомневаться в достоверности права бизякинцев на земли.

И хотя Межевая канцелярия отказала суду в его желании получить документы, суд, тем не менее, назначил новый выезд в Бизяки на 15 июня 1851 года. По каким-то причинам он был отложен. В документах следственного дела дальнейшие события описаны следующим образом: «Члены уездного суда прибыли в деревню Безяки 23 июня 1852 года. Елабужский уездный землемер Титов от 26 июня 1852 года объяснил уездному суду, что как видно из указа Межевой канцелярии, настоящее дело межевым производством давно уже окончено, что производить поверку в натуре границ по выданным планам и межевым книгам, кроме того что она потребует продолжительного времени, он считает совершенно излишней, потому что с обеих сторон, т.е. башкирской и казенной, никаких споров об этом не объявлено, а ежели и есть споры о границах, то дела об них производятся особо, и что означенную поверку производить он считает даже несогласным с 5-м пунктом указа бывшей Вятской палаты гражданского суда от 17 ноября 1841 г за № 2376, где сказано на бесспорно обмежеванные земли башкирцев и тептярей вытребовать к делу планы и произвести на месте поверку, по каким актам учинено отмежевание, а не поверку границ, но этой поверки актов в настоящее время уездному суду невозможно, потому что документы, т.е. полевые производства с первоначальными планами хранятся в Межевой канцелярии».

Башкирский стряпчий Хребтович «присовокупил, что он находит нужным все находящиеся при деле документы на земли башкирцев и тептярей представить в комиссию, высочайше утвержденную в городе Уфе для рассмотрения прав башкирцев и их припущенников. Вследствие сего уездный суд 25 июня 1852 года постановил: [...] отослать все дело для рассмотрения в комиссию,

высочайше утвержденную в городе Уфе о наделении башкирских припущенников землями, а членам уездного суда и депутатам отправиться по своим местам и занятиям. Судебная палата указами от 19 ноября и 22 декабря 1852 года дала знать уездному суду, что это дело надлежит окончить сообразно сведениям и сенатскому решению и по другим обстоятельствам» [Там же, л. 118–120].

12 августа 1859 года состоялось новое решение уездного суда «относительно разбора прав башкирцев на земли». В нем отмечалось, что «межевые судебные места решениями прекратили только споры о границах земель, но выданная на владение оными башкирцами беспспорной по 883 ст. 3ч. Св.зак. межевания, планы и межевые книги не могли за силою 884 ст. зак. межевания быть принимаемы» [Там же, л. 177 об. – 178]. Следовательно, елабужские крючокотворы продолжали искать зацепки для ограничения прав бизякинцев. Их остановило только издание в 1863 году «Положения о башкирцах».

«Положение о башкирцах» определяло, что «общественные вотчинные земли, в прежнее время пожалованные башкирцам или иначе им доставшиеся, обмежеванные за башкирскими обществами при генеральном межевании и состоящие в беспспорном их владении, принадлежат сим обществам на праве собственности, что такие земли предоставляется башкирским обществам продавать и отдавать в срочное содержание; и что каждый член общества может требовать, чтобы причитающийся на его долю из вотчинной общественной земли участок был выделен ему в частную собственность». Следовательно, «такое точное определение прав башкирцев на обмежеванные за ними при генеральном межевании земли, как бы ни были им доставшиеся, разрешает предложенный вопрос тем, что настоящее дело в палате следует производством прекратить и неисполненную Елабужским уездным судом по указу гражданской палаты поверку земель по актам оставить без исполнения, равно и решение сего суда, состоявшегося 12 августа 1859 года относительно разбора прав башкирцев на земли, как не могущие ни увеличить, ни уменьшить тех прав, предоставленных положением о башкирцах, оставить без исполнения и с тем, чтобы употребленные уездным судом по делу прогонные деньги были отнесены на счет казны» [Там же, л. 178–179].

Таким образом, тяжба бизякинцев с местными властями продолжалась без малого шесть десятилетий. Об изменениях в поло-

жении крестьянства, в частности, в положении служивших в составе бывшего Башкирского войска, мы поговорим позже, а пока займемся рассмотрением материалов ревизских сказок XIX века.

Вновь рассказывают ревизские сказки...

Итак, у нас имеются материалы шестой – десятой ревизий 1811, 1816, 1834, 1850 и 1858 годов для башкирского сословия и списки шестой – девятой ревизий 1812, 1816, 1834 и 1850 годов о тептярах (ревизии проводились отдельно для башкирцев и тептярей, поэтому мы будем рассматривать их по отдельности). Что они могут нам рассказать о жизни наших предков? Начнем с анализа материалов шестой ревизии, поданной 20 сентября 1811 года (См.: Приложение). В этой ревизии учитывались только мужчины.

В 1811 году жители Бизяков входили в юрт (команду) башкирского юртового старшины *Смаила Амирова*. Нам неизвестно, когда и при каких условиях Смаил Амиров стал юртовым старшиной, но можно предположить, что он, скорее всего, был из потомков Тогая Беякова, получившего право на владение землями по речке Безяке. Кроме Бизяков в его юрте состояли еще четыре деревни – Куразово, Тураево, Ключ Курбану, Ключ Ахтиял. В составе юрта числилось всего 509 мужчин, из них 286 человек – бизякинцы. Старшине помогали руководить командой еще 11 младших чиновников и один мулла. В Бизяках это юртовой помощник в чине походного есаула *Идрис Ильясов*, юртовой есаул *Зейнилбашар Шункаров*, юртовой сотник *Сейфелмулюк Сапаров*, хорунжий *Зейней Сапаров*, походный есаул *Тойчин Максютов*, походный старшина *Зейней Ильясов* и указной мулла *Имангул Юсупов*. Остальные пять чиновников жили в деревнях Куразово и Тураево.

По закону о Башкиро-мещерякском войске юртовой старшина должен был быть назначен кантонным начальником из числа нескольких кандидатур. «Главной обязанностью юртового старшины были организация и отправка два раза в год команд на линейную службу из числа казаков-очередников подчиненных ему деревень. Кроме того, он руководил сбором налогов, следил за выполнением государственных и денежных повинностей» [История, 2011, с. 164]. В выполнении этих обязанностей ему помогали чиновники, количество которых зависело от числа служащих казаков. Чиновничество в башкирском войске делилось на действительное и внеш-

татное. К действительным относились армейские и казачьи чины (урядник, хорунжий, сотник, есаул и т.д.), к внештатным, которые обычно присваивались в башкирском войске, — походные или зауряд-чины (зауряд-хорунжий, зауряд-сотник, зауряд-есаул...). Это означало, что они были временно исполняющими обязанности казачьих чинов, как, например, походные чины из нашего списка. Перечисленные семь бизякинцев составляли часть не только сельской, но и кантонной элиты.

Особое место в руководстве деревней занимал и указной мулла. Практически вся жизнь деревни проходила при непосредственном участии мусульманских духовных лиц. Они являлись и жрецами (исполняя религиозные обряды), и преподавателями (почти каждый мулла имел при мечети конфессиональную школу — «мектеб» или «медресе»), и администраторами (раздел наследства, регистрация актов гражданского состояния и др.), и судьями (вели бракоразводные и наследственные дела и т.д.), а при необходимости и врачами. И в кантонный период, когда Башкирское войско оказалось в полном подчинении у Оренбургского военного губернатора, мусульманское духовенство имело значительные права в области суда над прихожанами. Так, указным муллам предоставлены были решение дел о наследстве, о разделе имущества, вопросы брака и развода и т.д. В Бизьяках эту должность исполнял в то время 32-летний *Имангул Юсупов*.

Рассмотрим возрастной состав жителей-мужчин деревни к 1811 году: 1) дети и подростки до 16 лет — 123 души; 2) от 17 до 20 лет — 28 душ; 3) 21—30—41 душа; 4) 31—40—46 душ; 5) 41—50—30 душ; 6) 51—60—12 душ; 7) 61 и старше — 10 душ. Группа с 17 до 20 лет мной выделена особо, так как именно этот возраст являлся подготовительным к службе в башкирском войске. Юношей в 17 лет брали на учет и записывали в список очередности для наряда на службу. Своеобразную подготовку к службе они проходили в своей деревне. Службу же начинали после исполнения 20 лет. Отметим, что самую большую часть жителей села составляли дети и подростки (123 человека). Затем шли служащие в войске мужчины (от 21 года до 50 лет). Таких в деревне было 117 человек. К ним присоединим и 12 мужчин от 51 года до 60 лет. Как правило, это уже освободившиеся от линейной службы, но еще крепкие работники. Кстати, судя по тому, что юртовому старшине С. Амирову было 52 года, они могли не только трудиться в своем хозяйстве,

но и продолжать выполнять воинские обязанности, например, обучать молодежь, готовить ее к службе в войске.

Самых старших же было всего 10 человек. Можно предположить, что именно эти старейшины возглавляли роды коренных бизякинцев. Правда, для доказательства этого предположения у нас не хватает конкретных данных. Отсутствие в документах родовых фамилий не дает нам возможности связать даже старшее поколение, записанное в РС 1811, с включенными в РС 1763 жителями. Возможно, если бы были данные четвертой и пятой ревизий, можно было бы восстановить и их родословные, как это было сделано в отношении нашей родословной. Но в этом случае мне помогло семейное шеджере.

Отметим, что не только элита, но и старейшины, пользующиеся доверием и уважением односельчан, играли значительную роль в решении вопросов внутренней жизни сельского общества. Они не только следили за благополучным состоянием своего села, но и надзирали за аккуратным исполнением земских повинностей, за противопожарными и санитарными мероприятиями. Конечно, я не могу утверждать, только ли эти 10 дедов входили в круг старейшин, или все 22 жителя старше 50 лет (в 72 дворах) участвовали в нем, но уважение ко всем старшим воспитывалось у бизякинцев с детства. По списку 1811 года выделим лишь самых старших жителей села: это *Сулюков Кузьяш*, 88 лет, *Даутов Гадель*, 84 лет, *Бикеев Ядыгар*, 84 лет, *Уразманов Ахмар*, 79 лет, *Мусин Мустай*, 74 лет, *Семенев Коштан*, 71 года, *Бикеев Шункар*, 69 лет, *Рахманкулов Рахмай*, 69 лет, *Даутов Габидулла*, 66 лет. Можно быть уверенным, что без их одобрения, а если нужно, и мудрого совета даже юртовой старшина не обходился (кстати, ему самому было уже 52 года; следовательно, его вскоре должны были сменить более молодые люди).

Обратим внимание на состав семей бизякинцев по шестой ревизии. Ученые-демографы делят семьи на малые (простые) и неразделенные, или сложные. *Малая семья* — это брачная пара с неженатыми детьми или без них, ведущая самостоятельное хозяйство; чаще всего это семья из двух поколений — родителей и детей. *Сложная или неразделенная семья* — это семья из двух и более брачных пар, с детьми или без, находившихся в прямом или боковом родстве между собой и живущих в одном дворе. Поэтому ученые подразделяют их, в свою очередь, на несколько типов: *отцовские* (три и более поколений), *братские* (два и более женатых брать-

ев с детьми) и т.д. Для большей части дворов, по РС 1811, в Бизьяках было характерно расселение сложными семьями (таких было 37 из 72). Из них 16 дворов можно отнести к отцовским; братских семей было 12. Остальные 9 сложных семей, в свою очередь, можно разделить на группы «братья-отцы-племянники» и т.д. Много в общине было малых семей (35 из 72 дворов), причем в восьми из них было лишь по одному мужчине.

Главой семьи, как сложной, так и малой, являлся старший в семье мужчина (отец или старший брат), даже если он был стар или немощен и не работал в хозяйстве. Он обладал правами вотчинника, распоряжался имуществом, участвовал в мирских сходах, а также в принятии решений по вопросам продажи, аренды и т.д. Кроме того, главы семейств имели большие обязанности перед общиной и государством. Главы малых семей, входящих в одну неразделенную семью, не имели таких прав, так как не вели отдельное хозяйство. Как правило, раздел сложной семьи на две или более малых семей происходил после смерти главы сложной семьи. Только после раздела и обзаведения своим хозяйством бывшие в составе сложной семьи мужчины приобретали права и обязанности самостоятельного главы малой семьи.

По количеству мужских душ в одном дворе мы видим следующую картину: по 1 м.д. — 8 дворов, по 2—14, по 3—10, по 4—12, по 5—7, по 6—4, по 7—5, по 8—7, по 9—1; кроме того, в одном дворе проживало вместе 16 м.д. Самым большим был *двор № 8 Максютых*. Здесь мы видим совместное проживание фактически четырех семей. Три брата — Салих (58 лет) с пятью сыновьями, Мратхузя (42 лет), также с пятью сыновьями и Сейфин (40 лет) с двумя сыновьями составляли три параллельные семьи. Была и четвертая семья — у Хакима Мратхузина (28 лет) был свой сын. Таким образом, в одном этом дворе было учтено 16 мужских душ. На примере Максютых мы видим сочетание в одном дворе разных типов семей. Думаю, что к этому же роду нужно отнести и семью походного есаула Тойчина Максютова (35 лет), учтенного с двумя сыновьями в отдельном дворе. Таким образом, в роду Максютых можно насчитать 19 ревизских душ. Если к ним прибавить женскую половину семьи, то получится, что этот многочисленный род составлял около десятой части жителей села.

Не менее мощным был и род юртового старшины Смаила Амирова (52 лет). Его собственный двор мы определим как *малую се-*

мью. Но Амировым принадлежали еще два двора — № 7 (братская семья), где указаны три брата — Исхак (46 лет), Имангул (43 лет) и Губейдулла (32 лет) с детьми (всего 8 мужчин) и № 55 (также братская семья). Здесь учтены шесть братьев — Забир (37 лет) с сыном, Фазаил (35 лет) с сыном и еще четверо младших неженатых братьев: Фетхулла (29 лет), Абдулгафар (19 лет), Абдулхаир (18 лет) и Абдулнасыр (13 лет). Здесь я также насчитала 19 ревизских душ. Кроме этих двух родов, в списках шестой ревизии есть еще родственники, обосновавшиеся малыми семьями — Даутовы, Абдуловы и т.д. По моим подсчетам, в 72 дворах было 56 родов, продолжатели большинства которых до сих пор живут в Бизьяках и других регионах страны.

Еще одно наблюдение: получается, что по ревизским сказкам 1811 года в Бизьяках числилось 72 башкирских двора и 12 дворов, находившихся в составе тептярского войска, всего 84 двора. По пятой же ревизии 1795 года в Бизьяках было 95 дворов. Остается непонятным, куда исчезли 11 башкирских и тептярских дворов из деревни, хотя число мужских душ в деревне в целом выросло (с 266 до 327). Возможно, эти 11 дворов были переведены (или перешли сами) во время организации башкирского войска и тептярских полков в другие юрты или кантоны. Изменения могли быть связаны и с межеванием земель, проводившимся с 1805 года, когда жившие в одном дворе две-три семьи братьев (а это было характерно для кучевого расселения родов) были учтены вместе как одно хозяйство.

И еще одно наблюдение по РС 1811. Походный старшина *Зейней Ильясов*, по всей видимости, решил обосноваться в своем поместье, заселившись отдельно от деревни на ее землях. На плане бизякинских земель есть овраг, по которому указан приток Безякинки Курбану. Поэтому можно допустить, что новая деревня была основана именно при впадении небольшого ключа Курбану в Безякинку.

Если основной обязанностью бизякинцев перед государством была служба в Башкирском войске, то основным занятием наших предков, обеспечивавшим их существование, были земледелие и скотоводство. Они сеяли хлеб, пасли скот, заготавливали на зиму сено и дрова. Рыболовство, охота, бортничество были также неотъемлемым занятием бизякинцев. Этому способствовала сама природа: во владении бизякинцев были богатые рыбой и водопла-

вающей птицей озера, речки и часть реки Кама, сочные заливные луга, смешанные леса, пригодные для бортничества и охоты. Мелколесье служило поставщиком не только дров, но и разных ягод и орехов, сырья для плетения лаптей, а также корзин и изготовления необходимой в домашнем хозяйстве посуды. Все это способствовало длительному сохранению у бизякинцев даже в XIX веке натурального способа ведения хозяйства, когда почти все необходимое для жизни изготовлялось в своем хозяйстве.

Активно участвовали в этом процессе и женщины. Они не только вели дом, воспитывали детей, трудились наравне с мужчинами на сенокосе и уборке хлебов. Их обязанностью также было обеспечение членов семьи одеждой. Для этого они пряли шерсть, лен, коноплю (посконь), выращенные в собственном хозяйстве; ткали полотно, валяли шерсть. Из приготовленных таким образом тканей женщины шили вручную практически всю одежду для детей и других членов семьи. Одной из обязанностей женщин была и заготовка всевозможных ягод, трав и овощей на зиму. В полном их распоряжении был не только огород на приусадебном участке. С начала весны до поздней осени они собирали дикорастущие травы, орехи и ягоды, служившие им зимой хорошим подспорьем как при приготовлении еды, так и для лечения при простуде и других болезнях.

Хозяйственные работы для мужчин деревни прерывались обязательной службой в Башкиро-мещерякском войске. Зачисленные в войско наши прадеды в официальных документах назывались башкирцами или казаками. По существовавшим правилам, в строевые части должны были поочередно привлекаться здоровые мужчины в возрасте от 20 до 50 лет. Пополнение состава служащих происходило за счет юношей, которых брали на учет с семнадцатилетнего возраста. После осмотра попечителями и медицинского освидетельствования годные к службе юноши зачислялись в списки очередности. Включенные в списки очередности с 17 лет юноши службу начинали с двадцать первого года. Очередь каждого для отправления полугодовой службы подходила в мирное время через 4–5 лет. Наряд командироваемых на службу производился в основном в зависимости от количества дворов или от числа служащих людей. В среднем снаряжение одного человека приходилось на 4–5 дворов.

Регулярная служба башкир и мишарей по Оренбургской линии, начатая еще в 1742–1743 годах, и в XIX веке отправлялась ими

за свой счет. Снаряжение их на службу производилось в порядке общественной «подмоги», так как многие очередники не могли сами полностью экипироваться. Несостоятельных казаков, как и в других юртах, обеспечивали всем миром, т.е. сельским обществом Бизяков, оружием, строевыми и вьючными лошадьми, продуктами питания и даже форменной одеждой. При выезде на линию каждый казак получал от общества по 8 пудов муки и 1 пуду крупы. Кроме того, односельчане выдавали им «подможные» деньги, которые собирались с членов общины (в разное время по 27–45 и даже по 40–75 копеек с души), и провиант на дорогу до места назначения (полное снаряжение и продовольствие для одного служащего в войске в 50–60-х годах XIX века обходилось в 49–64 рубля серебром). Таким образом, военная служба ложилась тяжелым бременем на плечи всего населения. Команды, выступавшие в дальние походы, переходили на казенное содержание только через 100 верст от сборного пункта. По указу 1797 года находящимся на летней службе казакам выдавали по 1 рублю в месяц на каждого, что не покрывало и минимальную часть их расходов [История, 2011, с. 61–63].

Итак, по ревизской сказке 1811 года в Бизяках было учтено 117 мужчин 21–50 лет, которые в обязательном порядке по очереди должны были отправляться на полугодовую военную службу. Кроме того, 28 юношей 17–20 лет также должны были быть включены в списки очередности. Определим, что ежегодно в мирное время от 20 до 30 хозяйств Бизяков лишались самых трудоспособных мужчин на полгода («чистой» службы), точнее на 7–8 месяцев (учитывая время на дорогу и комплектование наряда). Особенно сильно страдало хозяйство деревни при усиленных нарядах. Увеличение или уменьшение наряда зависело от внутренней и международной обстановки. Самым тяжелым периодом для всего Башкиро-мещеряцкого войска, как и для всей страны, были 1812–1814 годы, когда для участия в защите отечества были созданы специальные башкирские полки.

Что представлял из себя башкирский полк? «В 1811–1814 годах башкирский полк насчитывал 500 рядовых, или «башкирцев» по терминологии того времени, 10 пятидесятников («урядников»), 5 хорунжих, 5 сотников, 5 есаулов («обер-офицеры»), командира полка и его помощника. Именно такой штат имели и казачьи полки. Из нестроевых чинов в полку были писарь, квартирмейстер

и полковой мулла. Итого 530 человек. Все эти чины были из башкир» [История башкирского, 2011, с. 74]. Всего было скомплектовано 20 башкирских полков. Полки были конными, каждый воин имел строевую и вьючную лошадь с имуществом. Башкирцы должны были иметь национальное обмундирование и вооружение. Обмундирование состояло из суконного кафтана синего или белого цвета, широких шаровар того же цвета с красными широкими лампасами, белой остроконечной войлочной шапки, ременного пояса, кожаной портупей и сапог. Вооружены же башкирцы были в основном луками и стрелами, пиками, а некоторые – саблями, ружьями и пистолетами. Все это снаряжение воины должны были приобретать за свой счет.

Из башкир 11-го кантона, в основном располагавшегося в селениях Мензелинского уезда, в 1812 году был полностью сформирован Шестой башкирский полк. Бизякинцы, относившиеся к Байлярскому кантону этого уезда, естественно, также оказались в составе 6-го полка. Полк выступил в поход 21 сентября из Мензелинска. Его путь лежал через Елабугу, Арск, Казань, Свияжск, Чебоксары на Нижний Новгород, где собирались полки и по мере готовности отправлялись в армию. Шестой полк прибыл туда 16 октября. Однако его отправили не в действующую армию, а на подавление волнений в Поволжье [История, 2011, с. 82].

Уже 25 октября полк получил приказ двигаться на Устюжну. Прибыв туда 25 декабря, полк приступил к выполнению полицейских функций. Силой оружия он умирал крестьян заводчика А. И. Яковлева, которые отказались выполнять его приказ об отправке 220 человек из Череповецкого и Устюжно-Железопольского уездов на уральские заводы. Затем по Высочайшему повелению полк охранял дорогу из Санкт-Петербурга в Вологду. Впоследствии он был направлен в Витебск, где также нес полицейскую службу. 1 апреля 1814 года полк был переведен из Витебска в Борисов для содержания караулов. Находящиеся в Белоруссии третий, пятый, шестой башкирские полки в 1813–1814 годах несли также службу на кордонах по реке Неман, конвоировали пленных, сопровождали рекрутские партии. Многоверстные марши, болезни (как тогда писали в рапортах, «лихорадка», «горячка») наносили большой урон башкирскому войску. Месячные рапорты показывают, что даже при возвращении домой полки теряли много людей. Так, в шестом полку по возвращении на родину к 1 января 1815 года

состояли штаб-офицер, командир полка, его помощник, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, 10 пятидесятников, писарь, «солдат для письменных дел», 463 башкира-казака, денщик, 477 лошадей [Там же, с. 82–83].

Сколько наших предков было в этом полку, мы не знаем, но, исходя из общего числа бизякинцев, обязанных нести службу, можно предположить, что их было не меньше трех-четырёх десятков. Нам же по документам известно лишь об одном бизякинце, служившем в шестом башкирском полку. Это зауряд-сотник Шамсутдин Смагилов сын Усманов 1781 года рождения. В формулярном списке о службе 11-го кантона за 1836 год указано, что в 1812–1814 годах он находился в армии в шестом башкирском полку, в походах и сражениях не бывал. Тем не менее, был награжден серебряной медалью на Андреевской (голубого цвета) ленте «В память Отечественной войны 1812 года».

После завершения Отечественной войны и Заграничных походов 1813–1814 годов необходимо было возвращаться к мирной жизни, восстанавливать разрушенную войной экономику страны. Нужно было точно определить количество податного населения. Правительство решило провести новую, седьмую по счету, перепись населения. В Бизьяках седьмая ревизия проводилась 8 августа 1816 года. По его преамбуле, гласящей «Ревизская сказка 1816 года июля... дня Вятской губернии Елабужского уезда 11-го башкирского кантона Байлярской волости старшины Зайнебашара Шункарова деревни Безяков состоящих мужеска и женска пола башкирцах», видно, что юртового старшину Смаила Амирова сменил *Зейнебашар Шункаров*, в 1811 году бывший юртовым есаулом. Можно предположить, что эта смена произошла в годовину испытаний – в 1812 году, потребовавшем много сил и энергии для победы над Наполеоном. Видимо, 24-летний юртовой есаул показал достаточно умения и организаторских способностей. И в условиях военного времени ему было отдано предпочтение. Однако для избрания юртовым старшиной недостаточно было лишь храбрости и военных заслуг. Не владевшие «ни российской, ни татарской грамотой» кандидаты, хотя и избранные большинством голосов, не утверждались в должности юртовых старшин [Асфандияров, 2005, с. 146]. Следовательно, можно считать, что З. Шункаров грамотой владел и, несмотря на молодость, стал юртовым старшиной.

Седьмая ревизия учитывала не только мужчин, но и женщин. Отмечу, что о женской половине населения сведения очень скудны, так как в конкретной ревизской сказке приведены только имя, возраст и положение в семье. По материалам следующей ревизии уже невозможно определить судьбу большинства из них (вышли ли они замуж или умерли и т.д.). В юрт старшины З. Шункарова входили, кроме Бизяков (318 мужчин и 334 женщины), деревни Тураево (162 м., 148 ж.), Куразово (67 м., 87 ж.), Ключ Курбан (12 м., 5 ж.), Ключ Ахтиял (10 м., 6 ж.) и Кукшан (1 м. и 2 ж.). Всего в юрте было 570 мужчин и 579 женщин. Эти сведения приведены в *«Ведомости Елабужского уезда 11-го башкирского кантона Байлярской волости старшины Зейнебашара Шункарова»*, предшествующей РС 1816 [НА РТ, ф. 3, оп. 2, д. 492, л. 1].

По шестой ревизии (РС 1811) в деревне Бизяки состояло 286 мужчин (+4 в Курбану Ключ). Из них за 4 года умерло 24, были пропущены трое, вновь родилось 53 мальчика; к 1816 году всего стало жителей – 318 мужчин и 334 женщины. За четыре года резко увеличилось число дворов. Если в РС 1811 в Бизяках был указан 71 двор, в РС 1816 их стало 118. При этом отметим, что появление новых дворов происходило не за счет переселенцев из других мест, а путем деления больших неразделенных семей. Распались семьи, состоявшие из нескольких брачных пар с детьми, которых, помимо родства, связывало единое хозяйство. Чаще всего это происходило после смерти главы большой семьи, когда его сыновья, уже имевшие свои семьи, заводили самостоятельные хозяйства. Например, так произошло с хозяйством моего пра...деда Хузяша Сулюкова, умершего в 1812 году. В РС 1816 вместо одной сложной семьи здесь записаны уже три отдельных двора. Поделились на индивидуальные хозяйства и братские семьи, как, например, Сапаровы, Максютовы и др.

Можно предположить, что при введении кантонной системы управления родственные семьи в Бизяках объединились: если по пятой ревизии в Бизяках было 95 дворов, то к 1811 году их осталось 72 (при достаточно большом увеличении количества мужчин). Однако оседлое население, в частности, бизякинцы, в основном вышедшие из ясачных татар, но приписанные к башкирскому войску, видимо, не столь нуждались в неразделенном хозяйстве. В момент создания войска они сочли такое объединение необходимым, но уже к 1816 году из 37 неразделенных дворов (РС 1812) остались неразделенными только 11, состоявшие, как правило, из трех поко-

лений. В результате за четыре года в общине преобладающей стала малая семья, состоявшая из двух поколений — родителей и детей.

При рассмотрении состава мусульманских семей обычно обращается внимание на проблемы полигамии-моногамии в них. Материалы РС дают возможность и для рассмотрения вопроса о многоженстве. По РС 1816, трех жен имел З. Шункаров, по две жены было еще у 10 мужчин. В остальных 107 дворах наблюдается моногамия, однако во многих дворах имеются приписки «2-жена» или «сын от 1-жены», которые показывают, что мужчина женился второй раз после смерти первой жены. Вообще на основе анализа всех ревизских сказок можно отметить, что многоженство в Бизьяках не было распространенным явлением. Отмечу также, что была очень высокой женская смертность, причем часто женщины умирали при родах (от белой горячки).

Перейдем к материалам восьмой ревизии. В Бизьяках она была проведена 8 февраля 1834 года. За 18 прошедших после седьмой ревизии лет умерло 87 мужчин, трое мужчин были сосланы в Сибирь, трое отданы в рекруты, один находился в бегах. За это время родилось 197 мальчиков. Хозяйств стало 162 (по РС 1816, их было 118, в 9 хозяйствах пресеклась мужская линия, и они стали выморочными). Появление новых 53 хозяйств произошло за счет выделения в самостоятельное хозяйство подросших и женившихся сыновей. Сложные, в 3 поколения семьи претерпели изменения: как правило, старшее поколение представляла лишь живущая в семье сына мать главы семьи. Всего в Бизьяках, по РС 1834, было 434 мужчины и 421 женщина. О полигамии можно сказать лишь то, что по две жены имели 9 мужчин. Старше 60 лет было 17 человек. Юртовым старшиной в 1834 году был Ахмет Батырев. Однако его среди жителей Бизьяков нет. Это позволяет нам заключить, что он, по всей вероятности, жил в какой-то из других деревень, входивших в 23-й юрт.

А Зейнибашар Шункаров, дослужившийся до первого чина, дававшего дворянство (16 мая 1821 года он стал чиновником 14-го класса), стал личным дворянином и выбыл из башкирского сословия вместе со своими женами и детьми, рожденными после 1821 года. Его дети, рожденные до 1821 года, остались в башкирском сословии. Сам он тоже остался жить в Бизьяках, но учитывался отдельно, по чиновничье-дворянскому разряду.

К этому времени в деревне было уже два указных муллы — кроме 54-летнего Иманкула Юсупова, служившего в этой должности

уже не менее четверти века, указан еще 36-летний Шагиислам Рафиков. У самого хазрата Иманкула Юсупова была классическая неразделенная семья. Она была в 1834 году и самой многочисленной — 9 мужчин и 7 женщин. Здесь мы видим 3 поколения и фактически 2 семьи: 1-я — сам мулла и его жена с 4 сыновьями и 3 дочерьми; 2-я семья — его старший сын Габдуллатиф и его жена с 3 сыновьями и 2 дочерьми. Таких неразделенных семей в Бизьяках практически уже не осталось. Кстати, возможно, что Габдуллатиф-махдум, выучившись у отца, к этому времени уже служил имамом и проживал в одной из деревень, но, приписанный к бизьякинскому сельскому обществу, во время ревизий продолжал числиться жителем Бизьяков.

Какие изменения показала девятая ревизия (РС 1850)? В Бизьяках она была проведена 11 августа 1850 года. Списки были троекратно прочитаны на общих мирских сходках деревни и подписаны не только главой 23-го юрта и переписчиком, но и управляющим 12-м кантоном хорунжим Султановым. Сменился глава юрта: управление юртом вновь вернулось к роду Шункара Бикеева. В 1850 году управляющим 23-м юртом являлся его 54-летний внук, урядник Хисметулла Зейнибашаров Шункаров. За 16 лет, прошедших между двумя ревизиями, родилось 203 мальчика, а умерло 74 мужчины. К сожалению, по женской половине жителей мы подобные подсчеты не можем сделать. Но можем констатировать, что население Бизьяков продолжало увеличиваться за счет естественного прироста и составило 558 мужчин и 503 женщины. Выросло и количество дворов — их стало 207.

Обратим внимание еще на некоторые факты. В 1836 году были сосланы на поселение в Сибирь 32-летний Тухватулла Зейнибашаров и 50-летний Шангарей Салихов. К сожалению, других материалов, кроме указания в РС 1850, найти не удалось. Я могу только предположить, что такое наказание они получили за серьезную провинность. Кроме того, двое бизьякинцев находились в бегах (о них чуть позже) и еще двое — Хамидулла Саткулов (с 1842 г.) и Смагил Баязитов (с 1849 г.) — находились в неизвестной отлучке. По РС 1834 также было указано, что трое бизьякинцев сосланы на поселение в Сибирь, трое отданы в рекруты (отмечу, что это тоже одна из форм наказания, так как казаки башкирского войска были освобождены от рекрутских наборов), один находился в бегах. Все эти факты являлись формами протеста рядовых членов

общества против постоянно усиливавшегося военно-феодалного гнета.

Тяжелые условия линейно-пограничной службы, невыносимый палочный режим и постоянное использование дистанчными начальниками и другими чиновниками труда находящихся на службе башкирцев нередко приводили к их пассивному протесту – к бегству со службы или из рабочей команды, что влекло за собой жестокое наказание в случае поимки. Их разыскивали во всех кантонах, о «розыске дезертиров по указанным их приметам» объявлялось даже в «Оренбургских губернских ведомостях». За поимку беглых была определена плата от 75 копеек до 1 рубля 50 копеек за каждого. Несмотря на это беглым удавалось долгие годы скрываться от преследования властей. В случае же поимки их ожидали наказание розгами (шпицрутенами), отдача в солдаты, ссылка в Сибирь на поселение или каторгу и даже смертная казнь [Асфандияров, 2005, с 161–162].

Возвращаясь к ревизским сказкам, отметим еще одно явление, встретившееся среди бизякинцев впервые за полвека: четверо бизякинцев – Ахметша Батыршин (23 года), Абдулсаттар Яхьин (36 лет) и Ибатулла Рафиков (30 лет) в 1849 году, и Мухамедьяр Смагилов (29 лет) – в 1850 году приняли христианство. Мы не знаем, что заставило их отказаться от веры предков. Но какими бы ни были причины этого их поступка (был использован «кнут» или «пряник»), мы можем утверждать, что эти четверо мужчин оказались за пределами бизякинской общины и по принятым тогда порядкам были переселены в христианскую среду.

Любопытна судьба бывшей неразделенной семьи Иманкула Юсупова. Со смертью 60-летнего хазрата в 1840 году его большая семья распалась на три отдельных хозяйства. Его старшие сыновья со своими семьями завели самостоятельные дворы, и в каждом дворе подрастало по три-четыре сына. А вот отчому дому не повезло: двое следующих сыновей находились в бегах. Габдулвали находился в бегах с 1840 года, а Габдулгаллям – с 1844 года. В 1850 году в отчете доме жили только 20-летний младший сын хазрата Габдулсатдик с 12-летним племянником Габдулнафиком, сыном Габдулвали.

Десятая ревизия была проведена в Бизьяках 26 февраля 1959 года, т.е. через семь с половиной лет после предыдущей. Причину такого малого промежутка между ревизиями можно объяснить тем, что в стране готовилась крестьянская реформа, с одной стороны,

и, параллельно, шла реорганизация Башкирского войска. Оба мероприятия требовали уточнения численности крестьянского населения всех разрядов. Кстати, материалы РС 1859 по деревне Бизяки были обнаружены в фонде оренбургского военного губернатора, причем этот список был составлен позднее, в 1863 году. Поэтому в нем есть и добавленные сведения о смерти, замужестве или разводах отдельных жителей, случившихся в 1859–1863 годах.

Результаты реорганизации отразились и в этом документе. В-первых, уже в преамбуле указано, что Бизяки теперь составляют третий юрт 17-го башкирского кантона Елабужского уезда Вятской губернии вместе с деревнями Куразовой, Ключ Ахтиял Чулман тож, Ключ Курбан Базяки тож, Псеевой и Сарсазовой [ЦИА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 10377]. Во-вторых, башкирцы и тептяри, раньше учитывавшиеся отдельно, вошли в один общий список, так как в 1855 году тептяри были причислены к башкирскому войску. Этим объясняется значительное увеличение количества дворов и численности жителей деревни: к 1859 году в Бизяках числилось 257 дворов, в которых жили 757 мужчин и 697 женщин. Десятая ревизия оказалась последней не только перед крестьянской реформой 1861 года, но и вообще последней. Надо полагать, ревизии выполнили фискальные цели феодального государства, а в новых условиях становились необходимыми новые формы учета населения.

Подведем некоторые итоги анализа ревизий, проводившихся в Бизяках в XIX веке. Вначале рассмотрим таблицу, в которой сведены вместе данные шести переписей населения по деревне Бизяки.

Таблица № 4

Сводная таблица данных ревизских сказок по деревне Бизяки

	РС 1795	РС 1812	РС 1816	РС 1834	РС 1850	РС 1859	В% к РС 1795
Количество дворов	95	72	118	162	207	257	270,5
Мужчин	244	290	318	434	559	757	310
Женщин	261		334	421	503	697	267
Всего душ	505		604	855	1062	1454	288
На 1 двор в среднем	5,3		5,2	5,3	5,1	5,6	
Из них мужчин	2,6	4	2,5	2,7	2,7	2,9	
женщин	2,7		2,7	2,6	2,4	2,7	

Итак, таблица помогает увидеть, как менялись численность дворов и количество мужчин и женщин в деревне на протяжении всего лишь шести с половиной десятилетий. Она наглядно демонстрирует увеличение в Бизьяках численности дворов и количества мужчин и женщин от ревизии к ревизии. Нужно подчеркнуть — несмотря на почти тройной рост их, среднее количество живущих в одном хозяйстве мужчин и женщин оставалось почти стабильным (отметим лишь тенденцию к еле заметному увеличению числа мужчин и уменьшению количества женщин). Таблица четко показывает приверженность бизякинцев к малой семье, что мы наблюдали во время всех ревизий (за исключением шестой). Нужно отметить и другие изменения. Во-первых, значительно изменились имена, которыми нарекались дети: если ранее большая часть бизякинцев имела имена тюркского происхождения, то в XIX веке их заменили мусульманские имена. И еще одно наблюдение: увеличилось число браков между односельчанами — до середины века наши прадеды предпочитали женить сыновей на девушках из других деревень и дочерей также отдавать замуж в другие деревни.

Рассматривая материалы РС 1812, мы обратили внимание на то, что после итоговой записи есть приписка: «Также Байлярской волости из общественной деревни Безяков вновь заселяющейся деревни Ключ Курбану из бизякинцев башкирцы походный старшина Зейней Ильясов». На мой взгляд, слова «вновь заселяющейся деревни» позволяют предположить, что Зейней (Зейнетдин) Ильясов с тремя сыновьями поселился на месте (или рядом) бывшей деревни Бозак Токмак, но назвал ее по имени речки, впадающей в речку Безяка «Ключ Курбану Безяка тож». Это название мы встречаем во всех последующих ревизских сказках, причем они составлялись отдельным списком от Бизяков.

Появление второго названия объясняется не только тем, что это поселение расположилось на месте впадения родника Курбану в Безякинку, и тем, что ее основал выходец из деревни Бизяки Зейней Ильясов. Есть и третье объяснение: жители Ключ Курбану, хотя и жили в некотором отдалении от основной части Бизяков, всегда считали себя бизякинцами, у них была общая вотчина, общая мечеть; и собирались они на совместные мирские сходы. И в дальнейшем деревня сохраняла оба названия, и числились в ней также потомки выходцев из Бизяков. Рассмотрим сведенные в таблицу данные из пяти последующих ревизских сказок.

**Сводная таблица данных ревизских сказок по деревне
Ключ Курбану**

	РС 1812	РС 1816	РС 1834	РС 1850	РС 1859
Количество дворов	1	5	6	7	7
Мужчин	4	12	22	22	22
Женщин			14	26	28
Всего душ			36	48	50
На 1 двор в среднем			6	7	7
Из них мужчин	4	3	3,7	3,1	3,1
женщин			2,3	3,7	4

Увеличение количества хозяйств к 1816 году произошло за счет поселения здесь пропущенных во время предыдущей ревизии бизякинцев. Лишь одно хозяйство было записано на прибывшего из Казанской губернии Хакимуллу Габделгафарова, который, однако, не смог закрепиться в Ключ Курбану (он умер 32 лет от роду в 1818 году, не оставив после себя потомства). Всего в этой деревне жили представители четырех родов. Заметно, что в отличие от больших Бизяков в Ключ Курбану по данным двух последних ревизий общее количество мужчин было меньше общего количества женщин, а семьи были более многолюдными. Изменения в количестве жителей происходили благодаря естественному приросту, а числа дворов — в связи с делением увеличивавшихся больших семей.

После смерти основателя этой деревни 57-летнего Зейнетдина Ильясова в 1833 году продолжатели его ветви (сыновья и внуки — всего 6 мужчин и 5 женщин) «с разрешения начальства в 1835 году переселились в Мензелинский уезд деревню Баланны 21 юрта». Обратим внимание на эту приписку. Хотя мы не знаем причин переезда (не только в другую деревню, другой уезд, но и в другой юрт), отметим, что такое переселение возможно было только с разрешения руководства Башкирским войском. В сборнике «Материалы по статистике Вятской губернии. Том VI, ч. 1. Елабужский уезд», опубликованном в г. Вятка в 1890 году, есть приписка волостного старшины «селение Курбан Ключ де-факто не существует, а считается только состоящею при деревне Бизяки» [с. 72]. Можно предположить, что жители деревни Курбан Ключ, всегда считавшие себя бизякинцами (о чем говорит постоянно повторяв-

шаяся приписка «Безяки тож») и имевшие общие с бизякинцами корни и общее вотчинное право, окончательно переселились в Бизяки во время переустройства деревни по строительному плану в середине XIX века.

И наконец, обратим внимание на ревизские сказки по тептярским Бизякам. Материалы четвертой (РС 1782) и пятой (РС 1795) ревизий до нас не дошли. Однако из других документов известно, что по пятой ревизии 1795 года в Бизяках было двенадцать тептярских дворов, в которых числилось 22 мужчины и 11 женщин. Сохранились материалы следующих четырех ревизий. Шестая ревизия (РС 1811) показывает, что тептяри считались государственными окладными крестьянами, т. е. платили все обязательные подати. Они состояли в команде старшины Раймана Ибрашева, входившей в состав Байлярской волости. По 5-й ревизии (1795), в Бизяках было 22 души мужского пола тептярей; к 1811 году – 6-й ревизии – их стало 37 душ государственных окладных тептярей. Родилось 20 мальчиков, 5 душ выбыло (трое умерли, один – Ишим Кариев в 1805 году был сослан в Сибирь на каторгу, еще один – Кутый Ибрашев в 1805 году потерялся неизвестно где). Из 12 семей 2 – Зайтовы, 4 – Ибрашевы, 2 – Рахимовы, 2 – Карсановы и 2 – Балтановы. Сопоставив материалы первой (РС 1722), третьей (РС 1764) и шестой (РС 1811) ревизий, можно сделать вывод, что все они являются продолжателями рода Кальмета (или Альмета). Таким образом, в деревне Бизяки к 1811 году остались представители лишь одного тептярского рода. При этом бросается в глаза, что среди тептярей почти нет мужчин пожилого возраста (всего 3 человека старше 50 лет).

Седьмая ревизия проводилась 11 марта 1816 года. Дворов стало 14, мужчин – 45. В этой ревизии учитывались и женщины. Их было 21. За 4 года родилось 11 мальчиков. Для наглядности и удобства анализа сведем в одну таблицу данные по всем известным нам ревизиям и посмотрим, какие изменения происходили у бизякинских тептярей с течением времени.

Сводная таблица данных ревизских сказок о тептярах

Кол-во дворов	РС1722	РС1748	РС1764	РС1795	РС1811	РС1816	РС1834	РС1850	РС1858
Мужч.	9	10	17	22	35	45	63	92	89
Женщ.		Н/у	Н/у	11	Н/у	21	44	79	69
Всего душ				33		66	107	171	168
На 1 дв				2,75		4,7	7,6	12,2	6,3
Муж. на 1 двор	4,5	1,2	2,4	1,8	2,9	3,2	4,5	6,6	3,6
Жен. на 1 двор				1		1,5	3,1	5,6	2,7

В этой таблице прежде всего бросается в глаза сохранение одного и того же количества дворов в 1816, 1834 и 1850 годах при неизменном росте жителей в них. Если в 1816 году на один двор приходилось в среднем 4,7 человека, то в 1834 году – 7,6, а в 1850 году – 12,2 человека. С одной стороны, это объяснялось, видимо, тем, что тептяри были припущенниками (арендаторами) у бизякинцев-вотчинников, и при межевании за ними были закреплены земли, исходя из данных пятой ревизии 1795 года. Новые же участки, даже под усадьбу, им было неоткуда взять, ибо и у вотчинников – хозяев бизякинских земель – был постоянный естественный прирост населения, и они также начали нуждаться в земле. С другой стороны, большое число душ на один двор касалось лишь нескольких семейств. В тептярской общине Бизяков хозяйств с большим количеством жителей было два. Это дворы старшины Раймана Ибрашева и Балтана Булякова, чьи сыновья стали муллами и перебрались в другие селения.

Человек, живший в данном поселении и однажды включенный в ревизскую сказку этого сельского общества, причислялся именно к нему. И в последующем, даже если он по какой-либо причине (например, выучившись и став муллой в другой деревне) в силу исполнения своих обязанностей с особого разрешения постоянно жил в другой деревне, во время ревизий он и члены его семьи продолжали учитываться по прежнему месту жительства. К тому же и земельный надел на новом месте жительства он не получал.

Для дальнейшего анализа сведем данные ревизских сказок о количестве мужчин и женщин, живших в этих дворах, в одну таблицу.

Сравнительная таблица числа душ

	1811	1816	1834	1850	1858
Райман Ибрашев (к-во душ) Из них: семья З. Райманова	5 м.	5 м.+2 ж.	13 м.+6 ж. 7+3	22 м.+6 ж. 11+3	9 м.+3 ж. 6+3
Балтан Буляков (к-во душ) Из них: семья Г. Балтанова	4	4	6+2 5+1	7+11 5+10	16+22 13+21

В 1816 году Зайнетдину Райманову было 16 лет, а Габдуллатифу Балтанову — 21 год. Ясно, что в это время они еще жили в Бизьяках с родителями. В дальнейшем положение изменилось. С середины 20-х годов Зайнетдин Райманов и Габдуллатиф Балтанов, приглашенные жителями деревень Табарли и Кичкутан для исполнения обязанности мулл, с разрешения жителей своей общины перебрались в эти деревни на постоянное жительство. Однако во время ревизий они учитывались по деревне Бизьяки.

Как видно из таблицы, в 1834 году во дворе Раймана Ибрашева числилось уже 19 человек, из них 10 человек относилось к семье его сына Зейнетдина. Фактически же этот двор состоял из четырех семейств (кроме семьи самого главы двора, было еще три женатых сына с детьми). Во дворе же Балтана Булякова после его смерти в 1820 году главой стал его старший сын Габдуллатиф, т.е. эта семья была обычной, в этом дворе вместе с его семьей жили мать и неженатый брат. Ко времени девятой ревизии численность жителей этих двух дворов еще более увеличилась, причем из 28 человек рода Раймана Ибрашева, умершего в 1838 году, ровно половину составляла семья З. Ибрашева, а из 18 жителей двора Балтана Булякова 15 принадлежали семье Г. Балтанова.

Однако вернемся к ревизским сказкам. В них мы видим любопытные изменения в сословной принадлежности тептяр. В преамбуле РС 1811 они названы государственными окладными тептярями, в РС 1816 и РС 1834 — просто тептярями, в РС 1850 — тептярями из татар, а в РС 1859 — башкирцами из тептяр. Эти изменения, на мой взгляд, подтверждают предположение о том, что бизьякинские тептяри — это ясашные татары-припущенники на землях бизьякинцев-вотчинников. А запись в РС 1859 связана с началом реорганизации башкиро-мещеряцкого и тептярского войск. Промежуточное положение тептяр, закрепленное с самого начала их существования как сословия, не устраивало царское правительст-

во. Им неоднократно предпринимались попытки включить тептярей в число государственных крестьян, что всегда вызывало противодействие тептярей. Волнения 1834–1835 годов в ряде тептярских команд особенно ясно показали, что перевод их в разряд государственных крестьян может привести к непредсказуемым результатам. Тем не менее, к середине XIX века этот вопрос окончательно назрел. Поэтому в 1855 году тептяри были переведены в башкирское сословие и присоединены к Башкиро-мещерякскому войску, получившему название Башкирского войска [см.: История, 2011, с. 202]. В 50-х годах XIX века, после объединения Тептярского войска с Башкирским, бизякинские тептяри также стали называться башкирцами. В ревизской сказке 1858 года они вошли в один общий бизякинский список. Тептяри-башкирцы в Бизьяках жили до переселения их на казенные дачи в 1864–1886 годах.

Эволюция кантонной системы

Тридцатые–сороковые годы XIX века – это время, когда перед царским правительством вплотную встал вопрос о ликвидации крепостного права. Малоудобренные земли, обрабатываемые примитивными орудиями, давали низкие урожаи, истощались. За неполных двадцать лет государственная деревня испытала восемь неурожайных годов. То же происходило и на землях башкирского войска. Необходимость перемен в сельском хозяйстве становилась очевидной. В 1837 году для управления государственными крестьянами, казенными землями, лесами и «кочевыми инородцами» было учреждено Министерство государственных имуществ. Начались изменения, вошедшие в историю как реформа Киселева, призванная перестроить государственную деревню. На местах для управления этой перестройкой создавались губернские палаты государственных имуществ и окружные правления. Были созданы на началах крестьянского самоуправления и низовые звенья – волостные и сельские управы. В недрах канцелярии оренбургского военного губернатора также неоднократно появлялась мысль о переводе части башкиро-мещерякского войска в податные сословия – то в ведение удельного ведомства, то в ведение Министерства государственных имуществ.

Хотя реформа Киселева напрямую и не затронула территории башкирского войска, изменения, сходные с изменениями в госу-

дарственной деревне, происходили и там. В зависимости от проводимой в крае политики, а также в соответствии с внешнеполитическими задачами, правительство вносило изменения и в систему управления башкирским войском. С продвижением российских границ вглубь территорий современного Казахстана и Средней Азии встал вопрос о ликвидации Оренбургской приграничной линии. Следовательно, и башкиро-мещерякское, и тептярское, и другие казачьи войска, сыграв свою роль, становились ненужными.

Со второй четверти XIX века, и особенно в середине его, правительство встало на путь постепенного обращения служащих кантонов в неслужащие. При этом личную службу башкир заменяли особым денежным сбором, что являлось подготовкой перевода всех башкир в податное состояние. Значительные изменения в башкиро-мещерякском войске произошли в связи с присоединением к нему тептярей. По Положению от 22 февраля 1855 года о присоединении тептярей и бобылей Оренбургской, Пермской и Вятской губерний к Башкиро-мещерякскому войску оно стало называться Башкирским войском. Произошло новое распределение башкир по кантонам, которых теперь стало 28. К началу 60-х годов военную службу несло лишь население девяти южных кантонов, а жители остальных 19 кантонов были обложены денежным сбором. Бизяки вместе с другими поселениями Елабужского и Сарапульского уездов Вятской губернии вошли в состав нового 17-го кантона с центром в деревне Салауш (ныне Агрызский район РТ).

Надо сказать, что 30–40-е годы XIX века были полны всевозможных попыток реформ и нововведений. Каждое нововведение сопровождалось усилением фискального гнета, расширением числа трудовых повинностей, ущемлением прав населения. Поэтому «в каждом новом распоряжении генерал-губернатора или командующего войсками массы усматривали наступление нового бедствия, разоряющего их скудное хозяйство и разрушающего их жизненно-бытовые и национальные традиции,— отмечает А. З. Асфандияров.— Трудящиеся, привыкшие ожидать только худшего, порою выступали даже против объективно прогрессивных мероприятий властей» [Асфандияров, 2005, с. 163]. Здесь мы рассмотрим несколько таких мероприятий.

Возьмем, к примеру, создание хлебных магазинов для хранения продовольственного зерна (термином «магазин» в то время называлась не торговая точка, а хранилище, склад). Еще в 1799 году

было решено создать в Оренбургской губернии сельские запасные магазины, куда жители должны были делать взносы хлебом. Собранный хлеб должен был страховать население от голода на случай неурожая и обеспечивать семенным материалом. Поначалу башкирцы, тептяри и мишари не облагались хлебным сбором. Но указами 1822–1823 годов и они, наравне с другими, вместо взносов натурой были обложены денежным сбором по 25 копеек ассигнациями с души. Такие сборы продолжались до 1834 года, когда был установлен ежегодный комбинированный подушевой налог из зерна натурой и деньгами по 10 копеек. Сбор зерна и денег предполагалось осуществлять до тех пор, пока на каждую ревизскую душу не накопится по 1 четверти (1 четверть = 142–150 кг) озимого, полчетверти ярового хлеба и денег в размере 1 рубля 60 копеек ассигнациями (48 копеек серебром) [См.: История башкирского..., 2011, с. 136].

В оседлых кантонах, вносящих хлеб натурой (к ним относился и 11-й кантон, в состав которого входили Бизяки), по указу 1837 года были заведены запасные хлебные магазины, строительство которых производилось за счет сельских обществ. Постройка одного магазина по плану в 50-х годах обходилась каждому обществу в среднем до 150 рублей серебром [Асфандияров, 2005, с. 106–108]. В случае неурожая, голода, дефицита семян на посев жители оседлых кантонов должны были брать зерно в ссуду из своих запасных магазинов. В целом хлебные магазины должны были играть положительную роль в жизни населения. Но даже такая благая в целом забота – страхование от голода и создание семенного фонда на случай неурожая, которые в России случались довольно часто, оборачивалась для населения дополнительными поборами, вызывавшими ропот большинства жителей.

В Бизьяках первый такой запасной хлебный магазин появился в конце 30-х годов. В 1855–1856 годах был построен второй, позднее – еще один такой магазин. В списке населенных мест Елабужского уезда, по сведениям 1869 года, в Бизьяках значатся три запасных хлебных магазина [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 282, л. 44 об.]. Отметим, что строительство их шло довольно туго, приводя иногда к различным тяжбам и судебным-следственным делам. Материалы такого дела, касающиеся строительства второго запасного хлебного магазина в Бизьяках, сохранились и в фонде Елабужского уездного суда. Рассмотрим их.

Строительство началось с предписания управляющего 12-м башкирским кантоном сотника Кеякова от 13 мая 1855 года о постройке дополнительного и поправке старого магазина в деревне Бизяки. Юртовой старшина зауряд-хорунжий Хисматулла Шункаров, собрав сходку представителей деревень Бизяки и Тураево, объявил о необходимости выполнения задания. Затем сельчане составили приговор, который приводится здесь полностью.

«1855 года мая 31 дня.

Мы, нижеподписавшиеся Елабужского уезда 12 башкирского кантона 23 юрты по 9 ревизии 910 душ и 333 домохозяина жители разных деревень, выслушав объявленное нам старшиной Шункаровым предписание управляющего 12 башкирским кантоном, последовавшее с распоряжения высшего начальства от 13 мая за № 1110 относительно постройки дополнительного и поправки старого магазина, постановили сей приговор в том, что для нашей юрты нужно выстроить дополнительный магазин о 12 закромах. На постройку оного и поправку старого магазина потребно по нашему расчету 600 бревен и 48 дубовых стоек, каковой лес приготовим в вотчинных своих дачах. Постройку магазина будем производить сами натурою, и для наблюдения за правильною работою наняли плотника башкирца деревни Безяков Габдулгагира Тойчинова с платою ему по 6 копеек с души, а на распилку и на покупку железных материалов определили собрать по 4 копейки с души, всего с 910 душ 91 рубль серебром.

К подлинному приговору руки и тамги приложили 11 домохозяев» [НА РТ, Ф. 986, оп. 1, д. 305, л. 28].

Судя по предписанию юртового старшины Шункарова сельскому начальнику (старосте) Камалитдину Хусеинову от 3 сентября 1856 года, строительство магазина затянулось. В деле приведены варианты этого документа на татарском языке и в переводе на русский язык, сделанном переводчиком Мензелинского земского суда Гизетулой Бахметьевым. Вот этот перевод:

*«3-й юрты от старшины Шункарова
Сельскому Камалитдину Хусеинову*

Строго предписываю тебе, с получения сего тотчас собираемые по предмету дополнительного магазина деньги, где таковые остались, т.е. в каком десятке есть недобор, приказав строго десятникам собрать оные теперь же и отнюдь не оставив от сего числа — доставить сборщику Абдулсадыку Имангулову; а также кем не доставле-

ны к приемщику Нигаматулле Гайнуллину бревна и дубовые столбы теперь же не оставив от сего дня приказать им доставить таковые Гайнуллину и сего же числа приказав начать стройку магазина — мне о том донести для донесения моего начальству, что очень нужно.

Старшина Шункаров 1856 года сентября 3 дня.

Переводил переводчик Мензелинского земского суда Гизетулла Бахметьев».

[НА РТ, Ф. 986, оп. 1, д. 305, л. 28]

Судя по этому предписанию, сбор денег и строительство затянулись, и юртовой старшина потребовал от своих подчиненных ускорения дела. Магазин в 1856 году был построен, причем сменился плотник, руководивший постройкой. Им стал башкир 17-го кантона 3-й юрты деревни Бизяков Габдулсадык Имангулов. Однако после окончания строительства возникли трения между юртовым старшиной и плотником. Г. Имангулов в течение 1857 года четырежды — 30 января, 28 марта, 10 мая и 30 декабря — обращался к командующему Башкирским войском с жалобой на юртового старшину.

Суть жалобы описана в рапорте попечителя 6-го попечительства майора Богданова от 27 октября 1862 года исправляющему должность командующего Башкирским войском: юртовой старшина Хисматулла Шункаров «...в первых числах сентября 1856 года, сделав в своей деревне Бизяках команды своей сходку, объявил с предписания начальства, о постройке дополнительного общественного хлебного магазина натурою; и для исполнения сего, сверх желания просителя, приказал обществу нанять его (Г. Имангулова. — А.М.), как знающего плотничное мастерство; заверив при том, что настоящая послуга будет зачтена ему за службу военного действия. Чем он убедясь, принял постройку ту на себя; и общество определило ему за труды по 30 коп. серебром с каждой души. Когда же была окончена им постройка, то Шункаров, дав ему 2 сентября за № 207 предписание и книгу, приказал внести в последнюю не то количество, которое общество ему назначило и им уже получено, а только по 10 копеек с души; и в случае неисполнения он обещался *кончить ему голову*. Заключая из сего, что Шункаров приказал сделать сбор с общества по 30 копеек с души, самопроизвольно, и дабы оправдать себя перед начальством, приказал внести в книгу только по 10 коп. и опасаясь угроз Шункарова, Имангулов просил произвести о вышеизложенном обстоятельстве

законное следствие и Шункарова предать действию закона; на время же производства этого следствия его, Шункарова, от должности старшины удалить (*что и исполнено*)».

[НА РТ, Ф. 986, оп. 1, д. 305, л. 88–89]

По жалобам Г. Имангулова было начато следствие, чему, видимо, способствовало неприязненное отношение к Х. Шункарову кантонного начальника сотника Кеякова, как предполагал взявший на себя контроль над этим делом майор Богданов. В итоге он пришел к заключению: «Оказался же Шункаров виновен: в допущении в юрте своей недозволенного законом сбора денег; но как таковой производился обществом добровольно для общественной надобности и претензии на это ни от кого не имеется; а между тем Шункаров по настоящему делу удален уже от должности юртового старшины, — то он, Шункаров за это и не подлежит уже более никакой ответственности.

В сих соображениях я полагаю бы: Зауряд-хорунжего Шункарова, на основании 334 статьи того же Устава, от всякой ответственности освободить. Впрочем мнение это и поступки сотника Кеякова, вместе с делом, имею честь предоставить на рассмотрение Вашего Высокоблагородия.

Майор Богданов».

[НА РТ, Ф. 986, оп. 1, д. 305, л. 93–94]

Тем не менее, Елабужский уездный суд, также рассмотрев это дело, решением от 22 апреля 1865 года за излишний сбор денег объявил выговор Х. Шункарову [Там же, л.196]. Завершая эту тему, добавлю, что следственное дело очень обширное, в нем имеются и другие материалы, например, список свидетелей и участников постройки магазина из 75 фамилий и копии формулярных списков сотника Кеякова и зауряд-хорунжего Шункарова. Имеются и другие материалы, как характеризующие подследственных, так и касающиеся решения бытовых вопросов бизякинцев.

Еще одно мероприятие, призванное благоустроить населенные пункты на территории Башкиро-мещерякского войска, было начато в 40-х годах. Дело в том, что для большинства поселений была характерна старинная криволинейная гнездовая (или кучковая) уличная застройка. «Едешь, кажется, по улице и вовсе неожиданно встретишь на пути то плетень, то ворота, то амбар или что-нибудь подобное», — отмечали чиновники. Запутанные улочки и переулки, тупики, беспорядочность расположения дворов и построек, или

как тогда описывали, «мудреный лабиринт переулков и закоулков» — являлись реликтом ранних этапов оседания родоплеменных групп и формирования постоянных поселений [см.: Шитова, 1984, с. 38—47].

В 1843 году оренбургским военным губернатором был утвержден типовой план, согласно которому предполагалось произвести принудительную перестройку жилищ и поселений на территории войска. За основу его была принята улично-квартальная застройка городского типа, заимствованная из «Устава строительного». План предусматривал прямые и широкие улицы, разделенные переулками. Главная улица, на которой располагались общественные здания, должна была находиться вдоль тракта или проезжей дороги. Согласно этому плану дома по улицам должны были отстоять один против другого от 10 до 15 саженей (ширина улицы). При этом дворы для безопасности от пожаров должны были иметь между собой промежутки или пустые места длиной до 12 саженей (до 25 метров). Бани и кузницы должны были располагаться в отдалении от усадеб, на берегах рек, озер и оврагов.

Этот план был разослан кантонным начальникам, в обязанность которых вошло и наблюдение за постройкой домов и аулов в соответствии с типовым планом. Они, в свою очередь, получая распоряжения высших чиновников, требовали их исполнения от юртовых старшин и сельских начальников и должны были иметь «неослабный надзор» за переустройством поселений. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что в 1845—1846 годах башкирам лесных районов было приказано заготовить осенью и зимой достаточное количество леса. Каждому домохозяину разрешалось заготовить до 200 бревен. Новые дома должны были иметь высоту от пола до потолка «отнодъ не меньше трех аршин» и два-три окна на фасадах, выходивших на улицу.

Так с 1847 года начало осуществляться массовое перемещение селений из приречных долин на почтовые тракты и гужевые дороги, строились новые дома, менялся привычный облик сельского двора. Предписания начальства выполнялись, как и следовало военно-служилому сословию, почти безоговорочно и дали неплохой результат: за 4—5 лет обновилась почти половина жилищного фонда Башкиро-мещерякского войска. Конечно, встречались и курьезные моменты. Как отмечает А. З. Асфандияров, «характерным по духу времени и по содержанию является приказ от 1859 года

сотника Манашева, начальника 17-го кантона; в нем он требовал от юртовых старшин и сельских начальников «немедленной переноски старых строений на план и [в] возможной поспешности устройства ворот и заплотов, в особенности... улиц и сноса с старых мест домов, которые вдались в улицы. Наблюдать за чистотой на улицах, сметая разную нечистоту метлою по крайней мере два раза в неделю; так же на дворах и в комнатах, и за опрятностью в одежде жителей» [Асфандияров, 2005, с. 128–129].

Полное переустройство селений на территории иррегулярных войск завершилось к 70-м годам. Даже сейчас, спустя полтора столетия после этой перестройки, можно заметить следы ее. В частности, видны различия в расположении улиц и дворов в деревнях современных Агрызского и Менделеевского районов. Для примера, если взять две хорошо знакомые мне деревни — мои родные Бизяки и Иж-Буби, — мы сразу заметим, что в Иж-Буби — деревне бывших ясачных татар — до сих пор сохранились остатки старинной криволинейной уличной застройки, тогда как Бизяки имеют прямые улицы и переулки, а фасады домов смотрят своими окнами друг на друга через улицу. В более поздних документах статистического комитета Вятского губернского правления отмечается добротность домов и других строений в деревне. Например, есть даже сведения о том, что в 1887 году из 243 жилых строений Бизяков только три были крыты соломой, а 240 зданий имели крыши деревянные — из теса и дранки [ГАКО, ф.583, оп. 1, д. 607, л. 58].

Отмечу, что до середины XX века в Бизяках еще сохранялось несколько усадебных участков, выпадающих из улично-квартальной застройки. Так, в частности, дом, в котором я родилась и росла, располагался на участке, к которому вел тупиковый проулок. Во время перепланировки и перестройки деревни на «выпрямленной» Малой улице построил свой дом брат нашего прадеда Мухаметгали Бикташев, а наш прадед Ибрагим, являвшийся младшим сыном Бикташа Кузяшева, остался в отчем доме, оказавшемся на задворках большой усадьбы урядника М. Бикташева. Участок Бикташевых занимал территорию, на которой в годы моего детства находилось пять усадеб.

По мере выделения в отдельное хозяйство женившихся сыновей М. Бикташева на этом участке появлялись и новые постройки. Сначала на задворках же появилось хозяйство Мухамедьяна, затем справа от дома Мухаметгалея — дом для Ахметзяна, а сле-

ва — дом для Ахметгарая. Тогда-то и возник тупиковый проулок между домами Мухаметгалая и его сына Ахметзяна, который вел к домам Мухамедьяна и Ибрагима. Младший сын Шагиахмет унаследовал дом отца, как и следовало по обычаю. Первый же сын, Бахтигарай, видимо, отделившийся от отца еще до перестройки деревни, создал усадьбу на новом месте, впрочем, находящемся не так далеко от родового гнезда. Усадьба Мухаметгалая, таким образом, оказалась тесно застроенной. А наш двор, как пережиток криволинейно-гнездовой застройки, сохранялся до переноса нашей усадьбы в 1951 году на Малую улицу на освободившееся место усадьбы Ахметгарая.

У нас нет документов, показывающих, когда конкретно Бизяки «получили» свою квартально-уличную планировку. Но все же мы можем предположить, по косвенным данным, что это произошло в 50-е годы XIX века: в ревизской сказке 1850 года семьи Мухаметгалая и Ибрагима Бикташевых учтены в одном дворе, а в РС 1859 — в двух дворах. Переустройство поселений на территории Башкирского войска, безусловно, являлось мерой прогрессивной. Однако оно проводилось, как всегда, чрезвычайно поспешно и принудительно, тогда как для такого крутого переустройства не только деревень, но и дворов и домов, а, следовательно, и привычного быта, требовалось время.

Еще одним проявлением заботы правительства о крестьянском населении страны было внедрение посадки картофеля. Начатое с благой целью, это мероприятие, как и все предпринимаемые царским правительством начинания, принимало уродливые формы принуждения, проводилось грубо. К тому же попытки распространения новой продовольственной культуры в 1830 году совпали со вспышками эпидемии холеры. Все это привело к распространению всяческих суеверий и вызвало бунты и возмущения. 30–40-е годы вошли в историю России как время «картофельных» и «холерных» бунтов. Особенно активными были эти возмущения в Поволжье и Приуралье. Здесь я хочу напомнить читателю стихотворение Габдуллы Тукая «Картофель и просвещение», где великий поэт, на мой взгляд, очень метко описал процесс внедрения картофеля в народную среду. Вот отрывок из него в переводе Р. Морана:

«О картофель! Всех пугал ты странным вкусом, странным видом,
Мужики тебя считали вольнодумцем и джадидом.

Мол, пришел ты к нам на землю от безбожников досужих,

И смертельный яд таится в этих клубнях неуклюжих.
О картофель! Ты немало претерпел обид в те годы!
Мужики тебя губили, вырывая с корнем всходы:
Звали «яблоком неверных», «чертов плод» — ругались яр
И тому, кто ел картофель, угрожали божьей карой...».

Я, конечно, не могу утверждать, что наши предки столь же рьяно противились посадке картофеля, но что это сопротивление было, можно не сомневаться. Разведение картофеля в земледельческих районах Башкиро-мещерякского войска началось в 30-х годах, но продвигалось очень медленно. Об этом говорит и следующий факт. В 1840 году в Бизьяках картофель еще не сажали. «В 1840 году на 881 душ деревни Бизьяки было засеяно хлеба озимого 223, ярового 318 четвертей. Картофель им еще незнакомая культура, — отмечает А. З. Асфандияров и добавляет: — Только в 7 деревнях из 157 в 11-м кантоне сажали картофеля всего 33 четверти» [Асфандияров. Аулы..., с. 50; ЦГИА РБ, ф. 2, оп. 1, д. 4873, л. 170—175]. В целом же по всей России даже в 1875 году под посадку картофеля отводилось всего 1,5% посевной площади [Пайпс, 1993, с. 190]. Так что превращение его во «второй хлеб» было еще впереди.

«Допекали» бизякинцев и мелочная опека, и всевозможные запреты, которыми были окружены служащие Башкирского войска в повседневной жизни. А если к этому прибавлялись неприязненные отношения между начальником кантона и юртовым старшиной, как это было между начальником 17-го кантона сотником Кеяковым и юртовым старшиной 3-й юрты этого же кантона зауряд-хорунжим Шункаровым, то доставалось всем. Вот как описывал один из таких случаев попечитель 6-го попечительства в своем рапорте от 27 октября 1862 г.:

«Бывший начальник 17 кантона сотник Кеяков от 25 января 1858 года за № 40 донес командовавшему войском, что юртовой старшина зауряд-хорунжий Шункаров, несмотря на строгое воспрещение начальства о неувольнении подозрительного поведения башкир на Мензелинскую ярмарку таковых увольнял, выдавая им на это подложные свидетельства; в доказательство чего представил то: что на одном из тех свидетельств, написанном 29 декабря № 80, а на другом от 28 числа № 399. Кроме того, он, Шункаров, возложенные на него поручения по службе исполняет медленно, в хозяйственном распоряжении допускает большие упущения; делает

по службе ослушание и не исполняет начальственных предписаний, за что хотя были делаемы ему замечания и выговоры, но они им оставлялись без внимания. При чем представил 5 увольнительных свидетельств, выданных Шункаровым башкирам и три рапорта его сотнику Кеякову о выдаче таких же».

Попечитель выяснил следующее: «Зауряд-хорунжий Шункаров отозвался, что таковые выданы им не порочного поведения башкирцам, а напротив, доброй нравственности, и не на сто дней, а на семь. Что вполне подтвердили: юртовой писарь Араслангали Хамитов и башкиры, получившие те свидетельства; с тем последнее, что вскоре по получении ими оных сотник Кеяков вытребовал их в свою квартиру, свидетельства те от них отобрал, а на какой предмет, им неизвестно. А башкир Ильяс Незамутдинов показал, что с выданным ему старшиной Шункаровым рапортом он хотя и явился к сотнику Кеякову и просил его о выдаче билета на отлучку на Мензелинскую ярмарку для продажи вязовых дуг, но он потребовал с него за то 1 рубль 50 копеек серебром; когда же им таковые ему даны не были, то Незамутдинов и дозволения на отлучку не получил. Как Незамутдинов, так и все башкиры, которым Шункаров выдал на отлучку свидетельства, и просил Кеякова о выдаче оных, на повальном обыске в поведении одобрены, и по мирским приговорам они, кроме Хисматуллы Мендеева, наказаны не были. Он был наказан розгами за неисправную городьбу полевых прясел и за отлучку из жительствова».

Для проверки возникшего между Кеяковым и Шункаровым спора попечитель привлек пятерых свидетелей — указных мулл Мухаметрахимова и Мухаметвалеева, бывшего начальника 17-го кантона сотника, ставшего есаулом Манашева и своего переводчика коллежского регистратора Дашкина. «Они удостоверили: что сведения эти написаны были не на сто, а на семь дней; поправка же из *семи — сто* сделана умышленно, и это легко было исполнить прибавкою только сверху точки. Сотник Кеяков, не сознаваясь в поправке этих свидетельств и в требовании с башкира Незамутдинова денег 1 руб. 50 коп. серебром, отзывался, что если он, Незамутдинов с товарищами, в помянутом рапорте за № 40-м, опорочены им в поведении, то не без причины и повода; что от чего произошла в свидетельствах объясненная поправка неизвестно; и что башкир Незамутдинов не уволен им на ярмарку потому, что считался им в числе порочных людей. От роду сотнику Кеякову

ныне 70 лет, в службе состоит с 1 мая 1808 года, а в настоящем чине с 26 апреля 1856 года, в штрафах ни за что не находился, женат и не имеет детей. А зауряд-хорунжему Шункарову 53 года, в службе с 2 мая 1826 года, в штрафах тоже не находился; от должности юртового старшины удален 9 июня 1858 года, женат и имеет детей».

Учтя все это, майор Богданов пришел к выводу: «Хотя башкир Габдулсадык Имангулов и сотник Кеяков обвиняли зауряд-хорунжего Шункарова: первый, в принуждении принять на себя постройку дополнительного общественного магазина и делании ему устрашивания за то, что если он не исполнит приказания его, Шункарова, о записке в выданную им ему книгу, полученных с общества за ту постройку денег по 10 коп. с души; а последний в выдаче дурного поведения башкирам письменных видов на отлучку на мензелинскую ярмарку и в выдаче же им подложных свидетельств, представляя в доказательство сего следующее: что на одном из тех свидетельств, написанном 29 декабря № 80, а на другом от 28 числа № 399.

Но зауряд-хорунжий Шункаров во всем выведенном на него не сознался, и на изобличение его в том никаких доказательств в дело не вступило».

Поэтому, заключил майор, «нет и никакого основания винить Шункарова в подложной выдаче увольнительного свидетельства за № 399, ибо это, как выше объяснено, вовсе не свидетельство, а рапорт Шункарова и написан не 28 декабря, как донес сотник Кеяков, но 29 числа; и также в отпуске на Мензелинскую ярмарку людей порочного поведения на продолжительные сроки; ибо им уволены были башкиры напротив поведения хорошего и только на семь дней, на что он имел законное право. В увеличении же срока отпуска в значущихся по делу пяти свидетельствах сильно подозревается сотник Кеяков по следующим данным: что свидетельства эти без всякого основания отобраны им от уволенных башкир, и последнее время — представления их г. командовавшему войском, они находились в руках Кеякова; следовательно, кроме него, никто не мог допустить в них подлога; что сделано им, вероятно, из каких-либо личностей, именно с Шункаровым, а иначе нет к тому повода. Как равно навлекает на себя Кеяков подозрение в требовании с башкира Ильяса Незамутдинова на выдачу на отпуск письменного вида 1 руб. 50 коп. серебром, ибо иначе не было причины не уволить его в таковой. В чем, а равно в выдаче башкиру Тайчину Абсалямому

письменного вида не на тот срок, который был назначен старшиною Шункаровым, а на продолжительный, Кеяков оказался виновным.

В сих соображениях я полагал бы: Зауряд-хорунжего Шункарова, на основании 334 статьи того же Устава, от всякой ответственности освободить. Впрочем, мнение это и поступки сотника Кеякова, вместе с делом, имею честь предоставить на рассмотрение Вашего Высокоблагородия. Майор Богданов».

[НА РТ, Ф. 986, оп. 1, д. 305, л. 88–94]

Эти документы хотя и немного, но раскрывают нам взаимоотношения юртового старшины и его подчиненных башкирцев, которые не стеснялись неоднократно обращаться даже к командующему войском с жалобой на своего старшину. Кстати сказать, смельчаком, вступившим в борьбу с юртовым старшиной, был младший сын муллы Имангула Юсупова Габдулсадык Имангулов. Обратим внимание на то, что рядовой бизякинец не только осмелился обратиться с жалобой на юртового старшину, но и просил об отстранении его от должности на время следствия. Это говорит о достаточной развитости бизякинцев-служащих Башкирского войска. Такие обращения помогают нам понять порядки, существовавшие в Башкирском войске накануне его реорганизации.

Завершая эту главу, нужно подчеркнуть, что было бы неправильно представлять кантонную эпоху в жизни Бизяков только как время жесточайшей эксплуатации государством их жителей, ставшей особенно явной в ходе введения трудовой повинности вместо военной службы башкир. И в составе Башкирского войска (можно сказать, даже — благодаря этому), вопреки установившейся военно-полицейской дисциплине, наши предки не только сохранили, но и способствовали развитию характерных для них с древности энергии, мобильности и выживаемости. Здесь вполне уместно вспомнить татарскую поговорку: «Йөргән таш шомара». Регулярно отправляясь на несение сторожевой службы, бизякинцы из замкнутого мирка патриархальной деревни попадали в новую социально-экономическую реальность, способствовавшую расширению их кругозора. У женщин же, вынужденных брать на себя ответственность за хозяйство и семью в период длительных командировок мужей и сыновей, постепенно, но неуклонно вырабатывались такие качества, как гордость и достоинство полноправной хозяйки дома.

В эпоху преобразований и реформ

О, НЕ ВИДАЛИ СОЛНЦА МЫ,
ВНИЗУ МЫ МУЧИЛИСЬ ВСЮ ЖИЗНЬ,
И ЗРЕЛА В НЕДРАХ НЕДР ЗЕМЛИ
О БУНТЕ ПЛАМЕННАЯ МЫСЛЬ!

Хади Такташ

(Перевод Л. Мартынова)

Реорганизация Башкирского войска и «Положение о башкирах»

Ко времени Великих реформ 60-х годов XIX века военно-служилая система в виде иррегулярных войск для нерусских народов полностью изжила себя. Несмотря на то, что большинство служащих Башкирского войска к моменту его реорганизации в 1855 году перестало отправлять военную службу, формально они продолжали сохранять свой статус. Порядки военной службы, мелочная регламентация всех сторон жизни продолжали тяготеть над мирным населением. В правительственных органах все более осознавалась необходимость освобождения их от военной опеки и уравнивания в правах с остальными разрядами крестьянства. В проектах преобразования Башкиро-мещеряцкого войска, предлагавшихся с первых десятилетий существования кантонной системы управления, все четче проявлялась задача постепенной замены его Оренбургским казачьим войском с одновременным переводом служащих в нем башкирцев и мещеряков в податное сословие. Однако страх перед новой пугачевщиной препятствовал таким решительным действиям.

«Повинности, которые отправляли накануне освобождения башкиры, мишари и тептяри, свидетельствуют о далеко зашедшем процессе феодализации нерусского населения края, — отмечается в «Истории Башкирского народа». — Они вплотную приблизились к объему повинностей государственных крестьян, экономически гораздо более сильных и не страдавших от губительной военной службы». Дореформенные повинности служащих Башкирского войска и их припущенников отличались от повинностей других разрядов крестьян отсутствием у них оброчной и подушной податей. Это объяснялось тем, что башкиры пользовались землями, официально признанными государством их вотчинной собственностью. Однако военная служба, которую несли за это крестьяне-вотчинники, постепенно превратилась в трудовую, а затем и в так называемую казенную подать. Фактически именно эта подать и являлась основным феодальным оброком в пользу государства [История..., 2011, с. 242].

Почти одновременно с Крестьянской реформой 1861 года шла и подготовка ликвидации Башкирского войска. С 1855 года, после присоединения тептярей и смены названия, руководство Баш-

кирского войска предприняло ряд мер для решения земельного вопроса. В частности, с 1856 года работала комиссия для наделения землей башкир-припущенников. Комиссия эта рассматривала и вопрос о бизякинской вотчине и праве на землю бизякинских тептярей, по закону 1855 года ставших башкирцами. При разбирательстве выяснилось, что в бизякинской вотчине земли не хватало даже для наделения землей самих вотчинников (по указу 1932 года, башкирам полагалось по 40 десятин на душу, а тептярям-припущенникам — по 30 десятин на душу). На 324 души башкирцев-бизякинцев (для отсчета были взяты данные седьмой ревизии 1816 года) требовалось 8908 десятин, а у них имелось лишь 4358 десятин — на душу приходилось лишь 11 десятин. Тептярям же арендаторам вместо положенных по закону 1832 года 30 десятин было выделено лишь по 8 десятин на душу. Поэтому военный совет в 1858 году решил наделить бизякинских башкирцев-вотчинников по 13 десятин на душу (по седьмой ревизии) из наличных 4050 десятин вотчинной земли. Тептярей же (43 души по седьмой ревизии) было решено переселить на Шикарли-Каинский (находящийся в 50 верстах от Бизяков) и Каран-Азиковский (в 69 верстах) многоземельные казенные участки в Мензелинском уезде. В 1864 году им там было выделено по 30 десятин земли [ЦГИА РБ, ф. И-172, оп. 1, д. 72, л. 6—9, 41; д. 145, л. 4, 19, 41].

В процессе подготовки переселения бизякинских башкирцев из тептярей на новые участки выяснилось также, что некоторые из тептярских семей только числятся приписанными к Бизякам, а фактически давно уже, исполняя обязанности имамов, проживают в других деревнях Елабужского же уезда. Так, например, разросшееся семейство муллы деревни Кичкутан Абдуллатифа Балтанова, состоявшее из 13 мужчин и 21 женщины, было решено официально приписать к Кичкутанскому обществу. В материалах десятой ревизии по деревне Бизяки есть примечание: «Это семейство Вятскою казенною палатою перечислено в деревню Кичкутан, как изъяснено в письме господина командующего башкирским войском от 22-го августа 1858 года за № 10285» [ЦИА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 10377, л. 83].

Однако жители деревни Кичкутан согласились только с частью этого решения. Об этом повествуют материалы дела «О перечислении из деревни Кичкутана 7-го Мензелинского кантона детей указного муллы Габдуллатифа Балтанова по просьбе башкира

Мухамадиева». 17 марта 1859 года доверенный башкир деревни Кичкутан Юзикея Мухамадиев обратился к командующему Башкирским войском с ходатайством об исключении из списков по д. Кичкутан детей указного муллы Габдуллатифа Балтанова в числе 8 душ. О том, как решился вопрос, пусть говорят документы.

«№ 1615. 27 июня 1864 года. По отделу 3-му, стол 6-й.

Вятской губернии Елабужского уезда Салаушского юртового управления Варзинского общества деревни Кичкутан башкира Юзикея Мухамадиева

Прошение.

Вследствие поданной мною Его превосходительству Командующему Башкирским войском 17 марта 1859 года просьбы, которой ходатайствовали о перечислении по деревне нашей в 10 народную перепись детей 8 душ указного муллы Габдуллатифа Балтанова, на каковую просьбу 4 марта 1860 года № 307 последовало предписание к начальнику 17 кантона следующего содержания, чтобы сыновья муллы Балтанова Мухаметсадык, Мухаметкамал и Габсагтар, проживающие в разных деревнях, отдельными от отца семействами, должны быть причислены в д. Безяки, где они прежде состояли причисленными, и по этому предписанию объявить одножителем нашей деревни с требованием представить в непродолжительном времени выписку из ревизской сказки об упомянутых сыновьях Балтанова для причисления их установленным порядком, следовательно по сему распоряжению и совершенному недостатку земли для посева хлеба не желали иметь их на участках, но к неожиданности жителей Вятская казенная палата в окладных листах изъяснила, что по сбору на государственные подати и земельные повинности, имеющими быть взысканными в казну в течение 1864 года башкирами и бобылями, получившими именным Высочайшим Указом 14 мая 1863 года Гражданское устройство, по нашей деревне вписаны 8 душ указного муллы Балтанова, так как у нас состояло 198 душ наличных.

Вследствие чего снова приемля смелость утруждать особу Вашего Превосходительства неблагородным будет, детей Балтанова в числе 8 душ нужно исключить из деревни нашей по описанной причине и согласно предписания Вашего за № 307 доставить одножителем моим удовольствие.

Февраля 17 дня 1864 года прошение это писал крестьянин г. Мензелинска Дмитрий В.» [ЦИА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 10377].

Итак, три сына муллы деревни Кичкутан А. Балтанова со своими семьями, по свидетельству Ю. Мухамадиева, уже давно жили отдельно от отца в других селениях (всего 8 мужчин и 11 женщин в трех семьях). В ревизской сказке 1858 года все они указаны как одно хозяйство, главой которого считается указанный мулла деревни Тойма Мухаметсадык Габдуллатифов (это указано в РС 1858). Судя по прошению Ю. Мухамадиева, можно предположить, что и два других сына уже являлись муллами в других деревнях округа. Казалось бы, вопрос достаточно быстро решился положительно — 4 марта 1860 года за № 307 последовало предписание командующего Башкирским войском к начальнику 17-го кантона об удовлетворении ходатайства жителей Кичкутана. Однако административная машина дала сбой. И Юзикей Мухамадиев обратился к начальнику войска с новым прошением, так как кичкутанцы «по сему распоряжению и совершенному недостатку земли для посева хлеба не желали иметь их» в составе своей общины. Началось новое разбирательство.

В рапорте помощника начальника Мензелинского кантона хорунжего Султанова итоги его описаны так:

«Во исполнение предписания от 25 минувшего мая за № 4341 поручалось Салаушскому волостному правлению собрать надлежащее совпадение по содержанию прилагаемого у сего прошения башкира деревни Кичкутан Юзикей Мухамадиева, ходатайствующего об исключении из списков по д. Кичкутан детей указанного муллы Габдуллатифа Балтанова в числе 8 душ. Вследствие сего Салаушское волостное правление рапортом от 21 сего июня за номером 644 донесло, что проживающие в подведомственной сему правлению деревне Кичкутан сыновья муллы той деревни Балтанова Мухаметсадык, Мухаметкарим и Габсаттар в числе 8 душ мужского и 10 душ женского пола Вятской казённую палатую в начале 1860 года перечислены по сказкам 10 ревизии из деревни Кичкутан в деревню Бизяки и должны переселиться во вновь отведенный Шикарликаинский участок в Мензелинском уезде и что о своевременном переселении их со стороны волостного правления имеется наблюдение.

Об этом Вашему высокоблагородию имею честь почтительнейше донести. Хорунжий Султанов» (ЦИА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 10377).

Вот еще несколько документов из этого дела:

1. «№ 14750 Управление начальника башкирами 7 Мензелинского кантона

13 ноября 1864 года № 2760.

В отделение управления башкирами.

В отношении сего отделения от 19 сентября за № 12410 имею честь уведомить, что сыновья указного муллы д. Кичкутан в числе 8 душ Вятской казенной палатой помещены в окладных листах по сбору в текущем году податей и повинностей точно по деревне Кичкутан, по ревизии же числятся они по деревне Бизяки, как донесло мне об этом Салаушское волостное правление от 24 октября за № 924.

Исправляющий должность начальника 7 кантона».

2. «О наведении оклада, по новому образованию волостей, дано знать Елабужскому Уездному казначейству 16 ноября 1864 года за № 18751. Комиссия определила: из числа 206 душ мужского пола по деревне Кичкутановой Варзинского общества Салаушской волости Елабужского уезда вследствие отношения Вашего Превосходительства от 12 декабря 1864 года № 17303 и согласно справки исключить 8 душ сыновей указного муллы Габдуллатифа Балтанова за причислением их в деревню Бизяки и затем число душ к 1 января 1864 года по деревне Кичкутановой должно быть 198, о чём Ваше Превосходительство уведомить. Председатель: роспись. Советник: роспись».

3. «Министерство финансов. Вятская казенная палата.

Г. Вятка, 13 января 1865 года.

Об исключении из оклада башкирцев деревни Кичкутановой 8 душ сыновей указного муллы Габдуллатифа Балтанова.

Господину исправляющему должность заведывающего башкирами. Казенная палата по высланной записке Ревизского отделения об исключении из оклада башкирцев деревни Кичкутановой 8 душ сыновей указного муллы Габдуллатифа Балтанова и справке, по коей оказалось, что: 1. Д. Кичкутанова по образованию волостей башкирского народа вошла в Варзинское общество Салаушской волости Елабужского уезда. 2. По деревне Кичкутановой показано к 1 января 1864 года 206 душ мужского пола, в числе коих значится 8 душ сыновей указного муллы Балтанова и 3. По деревне Бизяки значится 757 душ, какое число и должно быть за причислением 8 душ».

И, наконец, в дополнении к десятой ревизской сказке по деревне Бизяки дано перечисление этих 8 душ мужчин и 11 жен-

щин с примечанием — «Семейство это Вятскою казенною палатою поясненною в предписании г. Командующего войском от 9.02.1860 за № 8285 причислено из дер. Кичкутан в дер. Бизяки» [ЦИА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 10377, л.83].

* * *

При подготовке упразднения Башкирского войска решено было руководствоваться основными началами Положения 19 февраля 1861 года по освобождению крестьян от крепостной зависимости. Подготовленный проект после рассмотрения Государственным советом был представлен императору Александру II. 14 мая 1863 года император подписал «Положение о башкирах». В нем говорилось: «Инородцы, известные под названием башкир, мещеряков, тептярей и бобылей, имеющих общее наименование Башкирского войска, получают гражданское устройство как свободные сельские обыватели на основаниях, в сем Положении определенных» [История..., 2011, с. 242].

«Положение о башкирах» состояло из двух частей. Первая часть включала в себя основные законоположения об устройстве башкир и припущенников, определяющие их личные и имущественные права, состав и круг действий волостных и сельских управлений, денежные с них сборы и повинности. Во второй части были временные правила об особом управлении башкирами, которые должны были существовать, пока не будет признана возможной постепенная передача башкир в ведение общих учреждений на основании утвержденного 19 февраля 1861 года общего положения о крестьянах.

Главные статьи Положения 19 февраля 1861 года почти без изменений вошли в «Положение о башкирах» 14 мая 1863 года. В первую очередь, были определены личные и имущественные права башкир. Теперь башкиры и их припущенники, как лично, так и целыми обществами, могли заключать всевозможные договоры, обязательства и подряды с частными лицами и с казной, торговать, открывать и содержать разные промышленные, торговые и ремесленные заведения, заниматься ремеслом в своих селениях и продавать свои изделия как в селениях, так и в городах. Они могли предъявлять иски, вести тяжбы и отстаивать лично или через поверенных свои права, подавать жалобы, быть поручителями и свидетелями (раньше все это делалось только с разрешения кантонного начальника). Без суда и следствия или приговора сельского схода

их не могли теперь лишать прав состояния или ограничивать их в этих правах. И наказаны они могли быть только по судебному приговору или приговору сельского схода, утвержденному распоряжением правительственных органов.

Башкиры и припущенники могли участвовать на сходах, в общественных выборах, составлении мирских приговоров. Им разрешалось отдавать своих детей в общие учебные заведения, поступать на службу по правилам, установленным для сельских жителей, по своему желанию переходить в другие сословия и общества, поступать на военную службу или наниматься в рекруты, отлучаться от места жительства с соблюдением установленных правил. Положение от 14 мая 1863 года определило и их имущественные права. Они могли приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество и отдавать его в залог.

Согласно Положению от 14 мая 1863 года общественные вотчинные земли, состоящие в беспорном владении башкир, остались в собственности их обществ. Выявленные во время размежевания «излишние» общественные земли могли быть проданы по приговору волостного общества с утверждением губернатора. При этом для самих башкир и их припущенников должно было остаться не менее определенных законом участков земли (соответственно, 40 и 30 десятин на душу по седьмой ревизии). Из вырученных же от продажи «излишних» земель денег две трети должны были раздаваться вотчинникам, а одна треть — поступать в мирской и хозяйственный капиталы.

Сельским обществам предоставлялось право пользоваться своими землями или в нераздельном владении членов общества, или же делить их между домохозяевами. Каждый вотчинник мог требовать, чтобы причитающийся на его долю участок земли предоставлялся ему в частную собственность. Если же общество считало выдел участка земли неудобным, то владелец такого надела мог получить за него деньги.

На основе Положения от 14 мая 1863 года вместо полувоенных юртовых управлений создавались общественные органы — сельские и волостные общества. Сельское общественное управление состояло из сельского схода и выбираемого им старосты. Кроме того, в необходимых случаях общество могло назначать особых сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, лесных и полевых сторожей и сельских писарей. Сельский сход состоял из до-

мохозяев и всех должностных лиц. Состоящие под судом и следствием лица не допускались к участию на сходах.

Положение от 14 мая 1863 года определило и круг вопросов, которые должны были рассматриваться на сельских сходах: выборы сельских должностных лиц, назначение выборных на волостной сход, составление приговоров об удалении из общества его порочных членов, временное устранение провинившихся в чем-то домохозяев от участия на сходе, увольнение и прием в его состав людей из других обществ, назначение опекунов и попечителей, разрешение семейных разделов, передел и раздел земли на постоянные участки, выдел участков в частную собственность, распоряжение свободными участками общественной земли и неделимыми угодьями, назначение сборов на мирские расходы, раскладка денежных сборов и натуральных повинностей, избрание кандидатов на должности духовных лиц приходов своего села. Все дела на сходе должны были решаться с общего согласия или большинством голосов (в некоторых случаях двумя третями голосов). Решения сельских сходов были действительными только в том случае, если на них присутствовал сельский староста. На самом же деле деревенские дела нередко решались не на сходах, а небольшим кругом лиц, состоящим из сельского старосты, духовных лиц и их приближенных.

Правда, сам сельский староста обязательно избирался на сельском сходе. В его обязанности входили: созыв и роспуск схода, соблюдение порядка во время его проведения; приведение к исполнению решений сельского схода и распоряжений волостного управления и начальствующих лиц; наблюдение за наличием меж и межевых знаков, за исправным содержанием дорог, мостов, гатей и перевозов, а также за исправным несением денежных и натуральных повинностей; выдача билетов на отлучку; в его ведении было и мирское хозяйство. Старосты выполняли также некоторые полицейские функции по охране порядка и безопасности: разбор дел враждующих между собой односельчан, охрана имущества общинников, поимка беглых и т.д. Сельскому старосте было предоставлено право подвергать виновных наказанию за незначительные проступки в присутствии двух свидетелей из стариков — назначать на общественные работы до двух дней, взыскивать в пользу мирских сумм до 1 рубля или подвергать аресту до двух дней. Наказанные же могли подать жалобу волостному суду в двухдневный срок, если считали наказание неправомерным.

Волостное управление включало в себя волостной сход с волостным старшиной и волостным судом. Волостной сход составлялся из сельских и волостных должностных лиц, а также выборных от каждых двадцати пяти дворов. Как правило, проводился он раз в месяц в присутствии волостного старшины и не менее двух третей выборных. На нем выбирались волостные должностные лица и судьи волостного суда, рассматривались вопросы, относящиеся к хозяйственным и общественным нуждам всей волости или нескольких сельских обществ, определялись размеры пособий нуждающимся из общественных запасных магазинов, назначались и распределялись мирские сборы и повинности. Опираясь на волостное правление, сельских старост, волостной суд и сборщиков податей, волостной старшина был ответственен за порядок и спокойствие на территории волости.

Волостной суд избирался ежегодно из числа выборщиков, участвовавших в волостном сходе (от четырех до пятнадцати судей), и решал дела по маловажным проступкам: споры и тяжбы между домохозяевами по недвижимому имуществу в пределах общественного владения; дела по займам, покупкам, продажам и всякого рода сделкам и обязательствам, не превышающим 100 рублей; рассматривал дела по вознаграждению за убытки и ущербы, причиненные имуществу жителей волости. Волостной суд имел право по незначительным делам привлекать виновных к общественным работам до 6 дней, аресту до 7 дней или к денежному взысканию до трех рублей, а также подвергать виновных телесному наказанию до 20 ударов.

Положением от 14 мая 1863 года было предусмотрено образование особого, имевшего временный характер, управления, просуществовавшего два года. Оно находилось под непосредственным руководством генерал-губернатора. Задача управления заключалась в наблюдении за хозяйственно-распорядительным порядком впредь до передачи служащих Башкирского войска в одно ведомство с другими сельскими жителями империи, т. е. оно должно было подготовить условия для перевода населения в гражданское ведомство. Деление территории Башкирского войска на 28 кантонов было упразднено. Согласно Положению от 14 мая 1863 года было образовано 11 новых кантонов по административно-территориальному принципу. Они обозначались номерами и в то же время носили названия уездов. Но были и исключения, касавшиеся

территорий, находившихся в малоохваченных Башкирском войском уездах. Они, как и прежде, продолжали оставаться в подчинении у руководства двух уездов. Например, жители Сарапульского и Елабужского уездов Вятской губернии, входившие в состав 3-го юрта 17-го кантона с центром в Мензелинском уезде, должны были подчиняться в административном порядке начальнику 11-го Мензелинского кантона, в то же время оставаясь в ведении руководства Вятской губернии.

Губернские власти тщательно готовились к объявлению Положения о башкирах. Попечители и кантонные начальники получили подробную инструкцию об установлении строгого надзора за населением. Общее управление башкирами и 11 новых кантонных управлений были открыты в августе 1863 года. По поводу введения нового Положения было распространено воззвание к башкирам с переводом на татарский язык его сокращенного варианта и дана инструкция кантонным начальникам по практическому его внедрению в жизнь. Она предписывала: при образовании сельских обществ без нужды не увеличивать в них численность населения; вотчинникам и припущенникам рекомендовалось по возможности составлять отдельные общества. Начальники кантонов должны были следить и за тем, чтобы волостные общества по числу жителей тоже были не слишком велики (от 1 до 5 тысяч душ в каждом). Они имели право смещать сельских старост, волостных старшин и других должностных лиц по тем или иным причинам и временно назначать вместо них новых, но с условием проведения повторных выборов [ЦГИА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 12598, л. 36].

В том же 1863 году во всех 11 кантонах были созданы сельские и волостные общества (130 волостных и 808 сельских) и избраны должностные лица. В Мензелинском уезде было создано 12 волостных и 54 сельских общества. На основе утвержденного Александром II Мнения Государственного совета «О передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство» от 2 июля 1865 года кантонные управления и общее управление башкирами были упразднены, а их функции распределялись между общими и уездными по крестьянским делам присутствиями и мировыми посредниками. Ликвидация военно-административного устройства жизни нерусского населения края явилась частью крестьянской реформы, положившей начало новой эпохе в Российской империи.

Социально-экономическое положение деревни в новых условиях

К 1 февраля 1866 года была завершена непосредственная передача в гражданское ведомство бывших служащих Башкирского войска, проживавших на территории пяти губерний (Вятской, Оренбургской, Пермской, Самарской и Уфимской). Упразднение особого управления башкирами, дела которого передавались в общие гражданские учреждения, принесло бизякинцам освобождение от двойного подчинения: деревня Бизяки, как и другие считавшиеся башкирскими деревни, теперь полностью находилась в ведении администрации Вятской губернии и ее Елабужского уезда.

Для деревень, расположенных в губернии и входивших ранее в состав Башкирского войска, в Елабужском уезде была создана новая волость – Салаушская, причем она представляла собой не территориальную единицу с определенными границами, а единицу административно-сословную. При этом нужно подчеркнуть, что сохранение сословного термина «башкир» и после упразднения Башкирского войска можно объяснить недоверием мусульман к термину «крестьяне». Для них этот термин, все шире применявшийся для обозначения населения, занятого в сельском хозяйстве, был равнозначным термину «христиане» (от которого и произошло), поэтому употребление этого термина по отношению к мусульманам немедленно возбуждало среди них слухи о предстоящем крещении.

Население Салаушской волости состояло только из вотчинников – башкирцев и тептярей, владевших землей по праву собственности (по сути, татар). В волость вошло 16 поселений, в которых насчитывалось 1566 дворов и 9321 душа обоего пола [Список..., л. LII]. Поселения, входившие в эту волость, оказались разбросанными по территории пяти уже существовавших до этого волостей Елабужского уезда. Так, например, Бизяки вместе с деревнями Курбан Ключ (Безяки тож), Тураево, Куразово, Псеево, Ахтиял составляли Тураевский куст Салаушской волости. Он занимал юго-восточную часть Кураковской волости, ограниченной с юга рекой Камой. Интересно, что дворы ясашных татар, проживавших издавна в некоторых из этих деревень (например, в Псеево), остались в Кураковской волости [Материалы..., 1890, с. 72].

Обратим внимание и на то, что Салаушская волость отличалась от других волостей тем, что ее жители были объединены единством языка (татарского!) и мусульманской религии. Она просуществовала в таком составе вплоть до свержения царизма и установления Советской власти в России. Почему царское правительство, стремившееся растворить нерусские народы среди русского населения, пошло на такой шаг — создание отдельной волости, ответить сложно. Однако можно предположить, что, опасаясь волнений, которых в условиях проведения крестьянской реформы в стране было и так немало, правительственные органы решили практически сохранить привычные для бывших служащих башкирского войска элементы управления, выделив из Байлярской волости отдельную Салаушскую волость.

«Вообще сословия и народности в Елабужском уезде очень спутаны,— отметили в предисловии составители сборника «Материалы по статистике Вятской губернии». — Например, жители починка Новых Бозяков Асановской волости (переселенцы из деревни Бизяки. — А.М.), принадлежащие в настоящее время к государственным крестьянам и считающиеся татарами, еще недавно принадлежали к башкирам — тептярям-припущенникам. На этом основании новобозяковцев называют так: «татары из государственных крестьян, бывшие башкиры из тептярей-припущенников». Принявши казенный поселенческий участок в Асановской волости, чего они легко могли достигнуть, как припущенники, новобозяковцы тем самым уже вышли из прежней сословности и превратились из тептярей в крестьян государственных; татарами же они себя неправильно именуют потому, что в сословном отношении они совершенно сравнялись с последними, а также потому, чтобы кто-нибудь не счел их вотчинниками или припущенниками» (Материалы..., 1890, л. II).

На мой взгляд, это говорит о том, что тюркоязычное население края даже во второй половине XIX века оставалось еще однородной, этнически недифференцированной массой. В то же время это разъяснение показывает, что не только чиновники, но и сами жители считали понятия «башкиры», «тептяри» равнозначными с термином «государственные крестьяне», т. е. термином сословным, тогда как термин «татары» в их понимании означал родовое или этническое определение. Составители же сборника в дальнейшем при характеристике мусульманского населения уезда часто употребляли лишь термин «татары».

Новую пореформенную эпоху деревня Бизяки начинала как одно из самых больших поселений волости. В списке населенных мест Елабужского уезда за 1859 год указано, что «Бизяки – деревня *башкирская* на речке Безяке в 30 верстах от уездного города, в 25 верстах от стана». В ней было 265 дворов, в которых проживало 778 мужчин и 724 женщины. Все жители «вероисповедания магометанского, племени *татарского*». Имелась деревянная магометанская мечеть. Отмечено, что жители занимаются хлебопашеством и вывозкой бревен, угля и поташа [ГАКО, ф. 574, оп. 1, л. 29–30 об., 51]. Обратим внимание на выделенные курсивом слова. И здесь термин «башкирская деревня» обозначает принадлежность к крестьянскому сословию, в котором были такие группы, как государственные, помещичьи, удельные, башкирские и т.д.; определение же «татарского племени» указывало на этническую принадлежность жителей деревни.

Еще одно примечание. По последней, десятой ревизии 1858 года в Бизяках было 257 дворов, в которых проживало 757 мужчин и 697 женщин. Разница в цифрах объясняется тем, что в списке населенных мест учтены вместе с жителями больших Бизяков и жители деревни Курбан Ключ, Бизяки тож, в РС 1858 учитывавшиеся отдельно.

Главное богатство крестьян во все века и времена представляла земля. При переводе бизякинцев из военного в гражданское состояние подтвердилось, что в бизякинской вотчине земли не хватало даже для наделения необходимым ее количеством самих вотчинников. Поэтому еще в 1858 году военный совет при Оренбургском губернаторе решил переселить тептярей из Бизяков на Шикарли-Каинский (находящийся в 50 верстах от Бизяков) и Каран-Азиковский (в 69 верстах) многоземельные казенные участки в Мензелинском уезде. В 1864 году им там было выделено по 30 десятин земли, положенных по закону 1832 года (из расчета 43 души по седьмой ревизии) [ЦГИА РБ, ф. 172, оп. 1, д. 72, л. 6–9, 41; д. 145, л. 4, 19, 41, 89].

Однако к этому времени тептярей в Бизяках было уже 96 человек в 31 хозяйстве. Поэтому перебрались на новое место не все тептяри. Оставшаяся часть их после отказа вотчинников давать им в аренду землю вынуждена была переселиться из Бизяков в деревню Текашево (в 4 верстах к северу от Бизяков), где они почти двадцать лет ожидали выделения им участков земли. В 80-х годах им, наконец, выделили два участка – Новоусовский и Крутовраж-

ский в Асановской волости Елабужского уезда. В 1884—1885 годах на этих участках и возник починок, получивший название Новые Бизяки. Приведу описание его из «Материалов по статистике Вятской губернии»:

«Починок **НОВЫЕ БИЗЯКИ** (Новоусовский, Крутовражский) находится при речке Усе — в 72 верстах от [уездного] города, в 23 верстах от [волостного] правления и в 5 верстах от мечети. В селении есть свой неуказный мулла, занимающийся также обучением детей. Населяют тептяри, принявшие от казны участок № 58 «Новые Бизяки», состоящий из двух участков — Новоусовского и Крутовражского. В 1884—85 годах этот участок и был занят тептярями, приехавшими из деревни Текашевой Кураковской волости, где они прожили около 20 лет совершенно без земли. В деревню Текашеву они переселились уже из деревни Бизяки, откуда были изгнаны башкирами, старинными владельцами земли, тогда как сами были припущенниками. Ревизских душ в селении 24 перечисленных и 12 не перечисленных, а всего 36.

Земля первое время была разделена из числа ревизских душ; в 1887 году ее переделали, по общему согласию, на 40 душевых наделов, полагая на каждый двор по 2 души, кроме одного солдата и одной сироты, получивших по одной душе. Общество сдало в аренду крестьянину деревни Псеевой лесной участок в 6 десятин за 12 рублей на 12 лет, с условием превратить его в пашню, причем лесной материал поступает в пользу арендатора. Скот пасется на своих полях без пастухов» [Материалы..., 1890, с. 48].

Итак, еще в середине 60-х годов в Бизяках остались только вотчинники, собственники земли. Все бывшие бизякинскими тептяри были переселены. Оставшиеся в деревне несколько тептярей были пришлыми в качестве мулл или примачков и не входили в бизякинское общество; поэтому им не полагалось и земли. Однако отказ в сдаче в аренду земли бывшим припущенниками у бизякинцев тептярям практически не изменил положения. Бизякинцы и после переселения тептярей остались малоземельными. Напомним, что в 1859 году в деревне было 265 дворов, в которых проживало 778 мужчин и 724 женщины. Следовательно, количество мужских душ более чем в два раза превышало учтенное при расчетах количество. На деле на 1 душу в Бизяках приходилось лишь чуть больше 5 десятин земли. Сюда входили не только пахотные земли, но и луга, леса, выгоны и т.д.

Относительно лесов. При межевании в начале века в Бизякинской даче было учтено более 2300 десятин строевого и дровяного леса. Строевой лес в Салаушской волости составляли ель, пихта, дуб, клен, ильм и орешник, дровяной – сосна, а орешник, тальник, липа, вяз, осина считались кустарником или мелколесьем. В бизякинской вотчине к 70-годам XIX века практически исчезли строевой и дровяной лес, осталось лишь мелколесье. Особенно широкое истребление лесов в крае шло в 30–50-х годах, когда строевой лес вырубался и вывозился для строительства крепостей по Оренбургской линии. Кроме того, лес использовался и для изготовления угля и поташа для заводов Урала. И, наконец, немало леса ушло на перестройку деревни в 40–60 годах по новому плану (вспомним, что выдавалось разрешение на вырубку двухсот деревьев на двор). В результате к середине 80-х годов в Тураевском районе Салаушской волости остался лишь «лес дровяной и жердяной, в Безьяках – один кустарник» [Материалы..., 1890, с. 76].

Новая пореформенная эпоха для жителей Бизяков, как и края в целом, началась с тяжелых испытаний. За 30 лет – с 1863 по 1893 годы – в Поволжско-Уральском крае было 4 неурожайных года (1867, 1877, 1883 и 1891) и 7 лет значительного недорода (1864, 1865, 1868, 1870, 1873, 1880 и 1887), т.е. каждый третий год был для села тяжелым. Особенно тяжелыми были 60-е годы. Почти ежегодно повторявшиеся засуха и неурожай, в свою очередь, приносили эпидемии тифа и холеры, уносившие немало жизней детей и стариков. В нашем распоряжении есть рапорты указных мулл деревни Бизяков: первой соборной мечети Абдулхалила Абдулгаллямова от 14 января 1869 года и второй соборной мечети Миннигузы Гимранова от 23 января 1869 года в Вятский губернский статистический комитет о числе родившихся и умерших за 1868 год. Рассмотрим их данные. Так, в приходе первой мечети за год родились 31 мальчик и 18 девочек; второй мечети – 15 мальчиков и 8 девочек. Умерших же за этот год было 50 человек в первом приходе и 12 человек во втором, всего по деревне 62 человека. Рассмотрим возрастной состав умерших. Детей до 10 лет умерло по двум приходам 42 (16 мальчиков и 26 девочек), или 67,7%. Остальные умершие были людьми старшего возраста (54–79 лет) [ГАКО, ф.574, оп. 1, д. 267, л. 65–67, 83–85]. Эти данные говорят о высокой детской смертности, которая, безусловно, явилась и результатом голодных 1864–1868 годов.

Естественно, недороды и неурожаи отрицательно сказывались на слабом крестьянском хозяйстве. Оно приходило в такое разорение, что их владельцы годами не могли уплатить налоги, росли недоимки. Вот цитата из отчета казанского губернатора в министерство государственных имуществ: «Государственные крестьяне разных деревень Мамадышского округа из татарского населения, по случаю скудного урожая хлебов в течение последних годов, пришли в совершенное разорение и не имеют средств даже пропитать себя. Поля их не засеваются, все они находятся в крайнем безденежье, дети их собирают милостыню» [История..., т. 1, 1955, с. 336]. Эту характеристику в той или иной степени можно отнести и к соседнему Елабужскому уезду.

Об экономическом состоянии Салаушской волости, куда входила и деревня Бизяки, можно получить представление из рапорта волостного правления за 1874 год. В волости было 6 сельских обществ с 16 деревнями (Бизяки и Курбан Ключ составляли отдельное общество). В них было 1506 дворов (из них 1503 дома крестьянских и 3 дома общественных), 13 мечетей. В волости было 2 хлебных запасных магазина (тогда этим термином обозначалась не торговая точка, а хранилище) и 4 амбара, в которых было наличного озимого хлеба 972 четверти 5 четей 4 гарнца и ярового — 412 четвертей 3 гарнца. У крестьян волости в недоимках по окладам числилось 1158 четвертей озимых и 740 четвертей яровых хлебов (в 1 четверть входило примерно 8 пудов).

По семейным спискам крестьян было 4590 мужчин и 4424 женщины, духовного звания — 26 мужчин и 53 женщины. Земли в волости было всего 43734 десятины; из них усадебных земель было 307 десятин, общинной пахотной — 4651 десятина. Леса и мелколесье занимали 23959 десятин, выгоны — 2841 десятину, луга — 3134 десятины, неудобной земли было 8841 десятина.

В 1874 году было посеяно 3251 четверть хлебов: 1846 четвертей озимой ржи, 52 четвертей — яровой пшеницы, 68 четвертей — ячменя, 870 четвертей — овса, 90 четвертей — гречихи, остальных хлебов — 318 четвертей. Собрано урожая всего 13909 четвертей. Из них: 8307 — ржи, 236 — пшеницы, 272 — ячменя, 3480 — овса, 360 — гречихи и 1254 четвертей остального зерна. Кроме того, льна было посеяно 389 пудов, конопли — 315 пудов; снято льняного семени 397 пудов, волокна — 494 пуда, конопляного семени — 487 пудов, волокна — 417 пудов. Судя по этим данным, урожайность

хлебов в 1874 году была неплохой. Лошадей в волости было 2140 голов, рогатого скота – 2480, овец – 3464. У 135 пчеловодов было 2218 ульев, с которых получили меда 272 пуда, воска – 51 пуд. Скота на 1 двор приходилось: лошадей – 1,4, рогатого скота – 1,6, овец – 2,3 головы [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 487, л. 105].

Наиболее достоверным способом измерения урожайности является использование показателей, демонстрирующих, сколько раз урожай воспроизводит посеянное зерно (когда, к примеру, одно посеянное зерно при уборке урожая приносит пять зерен, мы говорим о коэффициенте урожайности 1:5, или «сам-пят»). Как правило, в России даже во второй половине XIX века коэффициент урожайности был от «сам-3» до «сам-5», «в худые годы падая до «сам-друг», в хорошие годы поднимаясь до «сам-четверт» и даже до «сам-пят», но в среднем урожайность веками держалась на уровне «сам-третьей» (чуть ниже этого на севере и чуть выше на юге). В принципе такой урожайности в общем-то хватало, чтобы прокормиться», – отмечает Ричард Пайпс [Пайпс, 1993, с. 20].

Если перевести в «сам»ы, то в Салаушской волости в 1874 году урожайность составила 4,28 «сам»а, что свидетельствует о благополучном годе. По Пайпсу, коэффициент 1:4 («сам-четверт») – «это минимальная урожайность, при которой имеет какой-то смысл заниматься хлебопашеством, ибо ее хватает, чтобы прокормить население» [Там же, с. 18]. И еще одна цитата из этой же работы: «Можно утверждать, что цивилизация начинается лишь тогда, когда посеянное зерно воспроизводит себя по меньшей мере пятикратно; именно этот минимум (предполагая отсутствие ввоза продовольствия) определяет, может ли значительная часть населения освободиться от необходимости производить продукты питания и обратиться к другим занятиям. «В стране с достаточно низкой урожайностью невозможны высокоразвитая промышленность, торговля и транспорт». Можно добавить: невозможна там и высокоразвитая политическая жизнь» [Там же, с. 19].

В дальнейшем положение сельского хозяйства в крае (как и в стране в целом) продолжало ухудшаться. «Нет сомнения, что ближайшей причиной вышеуказанных нужд являются последовательные с 1874 г. скудные урожаи, полный недород хлеба в 1877 г. и неудовлетворительность прошлогоднего урожая. Но, тем не менее, самые эти неурожаи зависят не только от морозов, засух, градобития, несвоевременных чрезмерных дождей и других

случайностей, предупредить и предвидеть которые невозможно, но и от оскудения почвы вследствие дурного хозяйства и полного почти отсутствия удобрения, от неудовлетворительности земледельческих орудий, от плохой обработки полей, от оставления части их совершенно незасеянную, по небрежности или по неимению лошадей, и от других явлений, устранимых лишь с улучшением сельского хозяйства», — отмечал барон А. А. Иксуль-Гильденбандт в докладной записке по итогам своей поездки в поволжско-уральские губернии министру внутренних дел Д. А. Толстому от 20 мая 1884 года [Аграрный..., 1936, с. 4].

Плохая обработка полей примитивными орудиями являлась **одной** из причин низких урожаев. У бизякинцев, как и у других земледельцев губернии, наиболее употребительным пахотным орудием была соха, поскольку она более всего подходила староплахотным мягким пашням трехполья. Ее отличала универсальность (применялась для собственно пахоты, запахивания навоза и семян, окучивания и т.д.). Она была посильна для маломощной крестьянской лошади и относительно дешева, но и пахала неглубоко, что приводило к засорению полей. В Бизьяках также издавна применялся и деревянный плуг-сабан. Это было тяжелое орудие, требовавшее многочисленной упряжки лошадей (в 4–6 голов). Поэтому его применяли, главным образом, при распашке залежных земель и на тяжелых суглинках. Для выравнивания почвы после пахоты и запахивания семян применялись деревянные рамные бороны.

В уборке хлебов и на сенокосе участвовали и мужчины, и женщины. Как озимой, так и яровой хлеб жали серпами; горох, чечевицу и гречиху мужчины часто скашивали косами. Скошенный хлеб увязывали в снопы, что считалось работой женщин и подростков. Снопы укладывали в различной формы клады прямо на поле или свозили на гумно при усадьбе. В силу климатических особенностей края — нередкие дожди во время страды, продолжительная сырая осень и т.д. — снопы нужно было предварительно сушить на поле. Из-за сокращения сроков уборки или чтобы избежать осыпания зерна, хлеба приходилось иногда убирать недозревшими и оставлять в поле на дозревание. Многие не имели возможности или необходимости обмолачивать урожай сразу по окончании жатвы. Поэтому для сушки снопов применяли специальный остов из жердей и веток в виде шалаша.

Молотьба зерновых производилась ручным способом, цепами. При благоприятных обстоятельствах молотили зимой, в феврале-марте. Это время было относительно свободным от прочих хозяйственных забот, да и молотьба шла успешнее, поскольку в морозные дни зерно легче отделялось от колоса. Для очистки обмолоченного зерна от семян сорняков, мякины, мелкого сора, пыли его провеивали на ветру ручным способом (лопатой, ведром, решетом). Для получения из зерна муки и крупы служили мельницы и крупорушки. Ручные мельницы с деревянными жерновами и деревянные же ступы-крупорушки в Бизьяках были почти в каждом доме. Применялась также сила воды и ветра. Так, на речке Безякинке уже в 60-х годах были построены две водяные мельницы и работали две конные обдирки [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 282, л. 44].

В 80-х годах в земских губерниях страны было развернуто систематическое обследование крестьянского хозяйства. В Вятской губернии широкое обследование экономического состояния крестьян с анкетированием селений было проведено в 1884–1893 годах. Результатом его стало издание многотомных поездных «Материалов по статистике Вятской губернии». Анализу экономического состояния Елабужского уезда и его селений посвящен шестой том «Материалов» (в двух частях), опубликованных в городе Вятка в 1889–1890 годах. В первой части опубликованы материалы по оценке земельных угодий уезда: дана подробная характеристика территории и землевладения, почв, полеводства и урожайности, сенокосов. Также сделан анализ цен на рабочую силу, продукты полеводства, на аренду земли и сенокосов. Вторая часть содержит подворную опись поселений. Здесь приведены сведения о демографии, социально-экономическом и хозяйственном положении селения, грамотности населения, развитии местных и отхожих промыслов, пчеловодства и хмелеводства. В качестве примера такой подворной описи поселения можно взять описание починка Новые Бизяки, приведенное нами выше, а по Бизьякам (и по другим поселениям Салаушской волости) такой подворной описи в книге не оказалось.

Судя по отдельным примечаниям обследовавших Елабужский уезд статистиков, жители Салаушской волости отказались участвовать в подворной описи. Чиновники же, видимо, опасались возникновения волнений. Дело не только в том, что слабое экономическое состояние крестьян, сильно зависевшее от погодных

условий, держало край в постоянном напряжении. Например, после неурожая 1877 года, когда хлеб сгнил на корню, основная часть населения сильно обнищала. Не успели крестьяне сколько-нибудь оправиться от этого бедствия, как на них обрушился недород 1880 и неурожай 1883 года. Несмотря на рост недоимок, правительство продолжало добавлять новые поборы и повинности. Недовольство мусульманского населения вызывала и национально-религиозная политика правительства.

Ответом на новые поборы и повинности, усиление национально-религиозных притеснений стало мощное движение татарских крестьян в Поволжье и Приуралье 1878–1879 годов. Хотя в Салаушской волости и не было таких активных выступлений, настрой населения был очень напряженным. Любое распоряжение властей (особенно письменное) вызывало всевозможные слухи и толки, и, прежде всего, конечно, распространялись традиционные слухи о крещении мусульман и сокращении земельных наделов. Можно предположить, что распоряжение о проведении подворного обследования вызвало тревогу у населения волости. Руководство Елабужского уезда, опасаясь волнений, видимо, решило в этих условиях ограничиться заполнением опросных листов лишь по данным о населенных пунктах уезда, имевшимся в волостном управлении.

Начнем с некоторых показателей по Вятской губернии в целом. Так, в Вятской губернии на 1 татарский двор в среднем приходилось 12,3 десятины, на 1 башкирский двор – 16,2 десятины наделной земли. В то же время интересно посмотреть и распределение земли между отдельными имущественными группами. У татар безземельными и малоземельными (1–10 десятин) были 47,5% дворов, среднеземельными (10–25 десятин) – 45,4%, многоземельными (25 десятин и выше) – 7,1% дворов; у башкир же – 30,4%, 50,7% и 18,9% дворов соответственно. Точнее представить хозяйственную состоятельность этих групп населения помогут нам сведения о количестве скота. Скота в переводе на крупный приходилось в среднем на 1 двор у татар – 2,4, у башкир – 2,5 голов. Более конкретно картина выглядела так: у татар никакого скота не имели 18,2% дворов, у башкир – 17,9% дворов; у татар 33,4% дворов были безлошадными, 44,9% – однолошадными, 15,5% – двулошадными, 6,2% – многолошадными, у башкир же – соответственно – 32,2%, 46,2%, 14,9% и 6,7% [Материалы..., т. XII, 1900, с. 60, 80, 91, 115].

Рассмотрим это явление на примере Бизяков. Так, по данным 1889—1890 годов, в Бизьяках на 308 дворов приходилось 17 жеребцов, 179 мерин, 242 кобылы — всего 438 взрослых (рабочих) лошадей и 121 малолетка. Безлошадных в Бизьяках было 61 хозяйство, однолошадных — 116, двулошадных — 59 хозяйств, в 72 хозяйствах было три и более взрослых лошадей. В процентном отношении картина выглядела так: безлошадных или беднейших хозяйств было 19,8%, однолошадные или бедные хозяйства составляли 27,7%, двулошадные, или середняки — 19,2%, зажиточных дворов с тремя и более взрослыми лошадьми было 23,4% [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1355, л. 68—78]. Как видим, положение с лошадьми в Бизьяках значительно отличалось от средних данных по губернии. Здесь более заметна поляризация, происходившая в крестьянской среде. Однако эта поляризация была связана не с улучшением сельскохозяйственных отраслей, а с вовлечением бизякинцев в капиталистическое производство, проявлением чего были отходничество и промыслы.

Территория Салаушской волости, куда входили Бизяки, в «Материалах...» охарактеризована так: «Значительная часть селений (Псеево, Тураево, Сарсаз, Безяки) находится в пределах Кураковской волости и отстоит от деревни Салауши, где помещается волостное правление Салаушской волости, на расстоянии 20—25 верст; от границ волости они отделены селениями Кураковской и Асановской волостей. Таким образом, данная волость разбросана в пяти отдельных пунктах и представляет собою не территориальную единицу с определенными границами, а единицу административно-сословную, именно, все население волости состоит из вотчинников башкир и тептярей, владеющих землей по праву собственности». Далее указывается, что поля волости ровные, только «более или менее холмистым и пересеченным оврагами и логами является поле деревни Безяковской, смежное с деревней Сетяковской» [Материалы..., 1890, с. 72].

Описание проводилось по «вопросным листам для поселений», материалы которых сохранились в фондах статистического комитета Вятской губернии [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 607]. В двух заполненных в 1887 году опросных листах по деревне Бизяки имеются следующие сведения. Деревня Бизяки вместе с поселением Курбан Ключ составляла отдельное сельское общество, в котором по окладному листу казенной палаты числилось 685 мужчин и 649 жен-

щин. Отметим, что окладные листы составлялись в 1866 году в ходе перевода служащих башкирского войска в гражданское состояние.

По крестьянскому разряду жители Бизяков записаны как «башкиры бывшие военного ведомства, получившие гражданское устройство как свободные сельские обыватели», имеющие в общинном пользовании собственную землю. Удобной земли, находящейся в общинной собственности бизякинцев, было 2990 десятин, в том числе пашенной – 992 десятины. Земель в частной и личной собственности у них не было. Есть и примечание: «В Бизякинском сельском обществе по окладному листу Казенной палаты значится два селения – Бизяки и Курбан Ключ. Между тем в натуре лишь одно селение Бизяки, а жители деревни Курбан Ключ проживают в Бизяках. Волостной старшина Ахунзян Фазуллин». В деревне было 225 дворов, жилых строений в них было 243. Все жилые строения деревянные; 240 из них крыты деревом (тесом и дранкой) и только три покрыты соломой. Имелось две деревянные мечети, деревянный хлебозапасный магазин, магазин, крытый тесом, одна торговая лавка под жилым строением, две мукомольные вододействующие мельницы на речке Бизякинке [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 607, л. 57–58].

Пахотными землями, так же как и другими угодьями (сенокосы, выгоны и т.д.), бизякинцы владели сообща. Основным занятием их было земледелие. Как правило, земли делились не по качеству почвы, учитывалась только величина участков: на каждую душу было принято давать по одной полосе в каждом поле и на лугах (в зависимости от жребия). Ширина полос колебалась от 3 сажень до 10–15 сажень на душу. Однако чиновники отмечали, что «татары вообще не любят дробить земли на мелкие полосы...» [Материалы..., 1890, с. 76]. Отмечена и другая особенность: «Татары, благодаря природной, необычайной энергии в работе, справляются со своим небольшим хозяйством скоро, и, чтобы не сидеть дома сложа руки, нанимаются работать на вотяков, которые, наоборот, очень медленны и вялы в работе. Вообще по успешности и энергичности труда татары занимают первое место среди населения уезда; за ними уже следуют русские, черемисы и, наконец, вотяки» [Там же, с. 8].

Система полеводства в волости, как указано в сборнике, – обычное трехполье (чередующиеся каждый год поля – яровое, озимое, пар). «Рожь сеют только в озимом поле. В яровом поле

на половину сеют овес, а на $\frac{1}{4}$ — полбу. Остальное пространство засевают ячменем, пшеницей, в незначительном количестве гречей, льном, коноплей, горохом и картофелем. Лен, конопля и горох занимают самую незначительную часть ярового клина (по 5—10 фунтов на двор). Смена хлебов — по навозу сеют рожь, ячмень или пшеницу, пар; рожь, полба, пар; рожь, овес, пар. [...] Удобрение — навоз. Вывозят преимущественно осенью, по первому снегу. Складывают в кучи; весной разбрасывают на полосе и запахивают после посева. Орудием обработки почвы преимущественно служит одноральная соха, называемая сабаном, хотя кое-где есть и курашинки; встречаются еще двуральные сохи, как, например, в деревне Безяки. Боронят частью бороною с деревянными зубьями, частью с железными. Глубина вспашки от 5 до 6 дюймов (1 дюйм = 2,54 см. — А.М.). На тяжелых суглинках пахарь может вспахать в день до $\frac{1}{3}$ десятины, на легких — $\frac{2}{3}$.

Приводятся в «Материалах» и сведения о посевах: «На десятину ржи в старополье высевается 10 пудов, полбы — 12 пудов, овса — 13—14 пудов, ячменя и льна — 9 пудов, пшеницы — 10 пудов, гречи — 5 пудов. Семена для посева хлебов исключительно местного урожая. Яровые хлеба начинают, как и везде, сеять с конца апреля и с первых чисел мая. Прежде сеют овес, ячмень, полбу, горох, а затем, числа около 20 мая — лен, гречу и коноплю. Рожь в некоторых селениях сеют под соху, а в большинстве сел — под борону; яровые хлеба все сеют под борону. Посевы ржи начинаются с 1 августа.

Жатва ржи начинается с 20 июля, а яровых — с 1 августа. Коноплю рвут около 15 сентября и даже с 1 октября. Хлеба жнут с серпами, горох косят литовками. Хлеба укладывают в копны, свозят домой в «кабаны». Молотьба хлебов ведется ручная, при помощи молотил, а провеивают лопатами «по ветру»; веялки встречаются очень редко. Молотят всюду сырмомолотом — овинов нет; сушат в избах и банях.

Осенью 1887 года цена на рожь — 32—34 коп. за пуд, овес — 23 коп.; весной рожь — 40 коп. за пуд» [Материалы..., 1890, с. 73—74].

Продолжим знакомиться с описанием земель Салаушской волости: «Сенокосы заливные по реке Каме; трава высокая, широколистная. Урожайность сенокосов по реке Каме — 275 пудов с десятины. Сенокосы начинаются с 20 июня.

Пастбищем для скота в волости служат луга, леса и поля. В лугах скот пасется после скоса травы, а до этого времени ходит в лесу

и полях. Выгон в волости может считаться очень хорошим среди других волостей — скот никогда не голодает. Пастбища везде сухие и с хорошим кормом. В деревне Безяки есть отдельный выгон, огороженный изгородью, где пасут больше телят. Скот ходит без пастухов». Даны сведения и о количестве скота: «Скота в волости в 1887 году, в переводе на крупный, насчитывается 4740 голов, что на каждый двор составляет 2,5 головы. Из них взрослых лошадей — 2044, молодняка — 486, коров дойных — 1306, подростков — 1167, овец — 3932 и коз — 1680. Дворов, не имеющих никакого скота, насчитывается 269, или 14,4%, безлошадных 312 (27,5%), безкоровных — 932 (51,1%)». Указано также что «огороды имеются при каждом дворе, но только очень небольшие. Садят здесь лук, картофель, морковь, свеклу и прочее, но всего по несколько грядок. Удобряют огороды навозом ежегодно» [Материалы..., 1890, с. 74–75].

Есть и отдельное описание Тураевского куста, куда входила деревня Безяки. «3) Тураевский район волости:

Селения расположены в Кураковской волости и занимают юго-восточную ее часть, окруженную с юга Камою. Общий уклон полей — к Каме. Почвы преимущественно суглинистые. В деревнях Тураево и Безяковской залегают подзолистый, довольно легкий суглинок.

Сенокосы заливные, по реке Каме. Лес дровяной и жердяной, в Безяках — один кустарник. Пастбищ для скота много, хорошего качества. Скот пасется в полях, лесу и лугах после укоса травы...» [Материалы..., с. 76].

Чтобы увидеть изменения в социально-экономическом состоянии деревни Безяки, рассмотрим дополнительные сведения. Так, в списке населенных мест Елабужского уезда, составленном 7 февраля 1877 года, в деревне Безяки указано 243 двора, в которых проживало 720 мужчин и 691 женщина [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 280, л. 10 об.]. А в списке селений по волостям и станам Елабужского уезда, составленном через 10 лет, в том же 1887 году, когда проводилось обследование, в деревне Безяки указано уже 940 мужчин и 859 женщин [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 401, л. 164 об.]. В «Перечневых сведениях», составленных в 1891 году для военного ведомства, перечислено 308 домохозяев и 6 посторонних лиц, проживающих на землях Безякинского сельского общества [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1355, л. 68–78].

Уменьшились за пореформенные годы размеры земельных владений бизякинцев. Если в 1866 году в бизякинской вотчине было учтено 4050 десятин земли, то к 1887 году их землевладение сократилось до 2990 десятин. У нас нет документов о причинах этого сокращения; мы можем лишь допустить, что бизякинцы продали эти земли (более 1000 десятин). Подчеркну, что у бизякинцев не было излишка земель. Они могли расстаться со своими землями только по великой нужде — возможно, деньги понадобились для уплаты недоимок, которые особенно резко увеличивались в неурожайные годы.

Сократились и размеры наделов в перерасчете на двор и на душу. По подсчетам экономистов, в условиях Среднего Поволжья и Приуралья надел, обеспечивающий прожиточный минимум, должен был равняться 5 десятинам на одну ревизскую душу. Как же обстояло дело в Бизьяках? Произведем некоторые подсчеты. К 1890-м годам в Бизьяках на один двор приходилось 9,7 десятин земли, из них пашенной — 1,9 десятины. Напомню, что, по подсчетам статистиков в Вятской губернии, на 1 татарский двор в среднем приходилось 12,3 десятины, на 1 башкирский двор — 16,2 десятины, т.е. татары и башкиры считались среднеземельными (малоземельными считались дворы, имевшие до 10 десятин земли). Эти данные ясно показывают, что бизякинское общество страдало от малоземелья. Фактически можно сказать, что в Бизьяках к концу века была острая нехватка земли. Конечно, это не значит, что в деревне совсем не было дворов с большим количеством десятин. Однако при сохранявшемся в деревне уравнительном землепользовании, когда земля делилась по числу мужских душ, при низкой рентабельности земледелия и скотоводства состоятельность (или, наоборот, бедность) чаще зависела от состава семьи и дополнительных приработков. При переделе земли дворы с большим количеством мужчин (допустим, в семье — отец, мать и пятеро сыновей) и земли получали больше, чем семьи, где только один мужчина, а все остальные — женщины.

Как правило, одни лишь занятия сельским хозяйством не приносили достаточного дохода для нормального существования семьи. Распространенным занятием у бизякинцев, как и у всего сельского населения, сыздавна были промыслы, которые носили подсобный характер и были связаны с сезонной занятостью крестьян. Как и в большинстве деревень, в Бизьяках были свои ко-

жевенных дел мастера, изготовлявшие упряжь, тачавшие сапоги и другую обувь, свои портные, как правило, изготовлявшие шубы, тулупы и другую верхнюю одежду, свои печники, плотники и другие специалисты, производившие почти все, что было необходимо в деревенской жизни. А женщины не только вели и содержали дом, воспитывали детей, без устали работали по хозяйству, но и были искусными мастерицами, занимаясь прядением, ткачеством, шитьем, вышиванием, одевая членов семьи и украшая дом изготовленными своими руками изделиями. Хотя со временем, например, изготовлявшаяся дома ткань постепенно уступала место фабричной, для постоянного ношения главенствующей оставалась домотканая и сшитая руками хозяйки одежда.

Главными причинами не только сохранения, но и дальнейшего развития различных форм ремесла оставались короткий сельскохозяйственный цикл работ и низкая урожайность, заставлявшие крестьян искать дополнительный заработок. К тому же недостаточный уровень развития фабрично-заводского производства и отсутствие у населения средств на покупку фабричных изделий сохраняли устойчивый спрос на кустарные изделия. При патриархальной форме ведения хозяйства, которая сохранялась у бизякинцев и в конце века девятнадцатого, практически почти все необходимое для жизни и хозяйства изготовлялось в самом хозяйстве.

Какие же промыслы были распространены в Бизьяках? Здесь, как и повсюду в деревнях, занимались такими местными промыслами, как изготовление мелких кожаных изделий (обувь, упряжь и т.д.), тележно-санный промысел (телеги, дровни, оглобли, дуги и т.д.), сами делали также грабли, лопаты и другой инвентарь, плели лапти. Кустарные изделия местных умельцев из предметов «домашнего потребления» постепенно превращались в товар, приносящий кое-какой доход. Так, плетением лаптей, как правило, «занимались у себя дома дети и старики»; но в 1877 году, например, для постоянного приработка им занимались 4 человека, выработавшие в год 720 пар татарских лаптей, которые были проданы местным жителям и на базарах и принесли по 2 рубля дохода. Во многих хозяйствах занимались тканьем кулей и рогож. 32 человека занимались изготовлением саней и дровней (в год было выработано 800 изделий, что принесло им от 35 до 75 рублей дохода). Занимались также изготовлением вязовых дуг (15 человек изготовили в год 1500 дуг, доход — от 10 до 20 рублей); 5 человек за-

нимались изготовлением дубовых полозьев (250 пар); два человека занимались плетением коробов из ветвей черемухи (75 коробов); один человек валял войлочные шляпы из шерсти (за 40 шляп получил 15 рублей). Указывается, что промыслы эти возникли около 15–20 лет назад, что вызвано было малоземельем и наличием досужего времени у жителей [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 389, л. 158].

Итак, по мере проникновения капиталистических отношений в деревню менялся и характер подсобных промыслов. Теперь уже в рамках сельского хозяйства развивалось кустарное и промысловое производство для продажи. Крестьяне занимались ремеслом у себя дома. Готовую продукцию продавали сами на базарах или сдавали откупщикам. Занимались и отхожими промыслами – вырубкой леса, распиловкой бревен, сплавом и т.д. По данным Вятского статистического комитета, в 1874 году отхожими промыслами были заняты 277 бизякинцев [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 487, л. 106].

Во второй половине XIX века в Елабужском уезде стало бурно развиваться промышленное производство. Елабужские купцы 1-й гильдии Ушковы основали на скупленных ими землях уезда химические заводы. В 1850 году К. Я. Ушковым был основан Кокшанский химический завод в 30 верстах от Елабуги (примерно такое же расстояние было и до пристани на Каме – Икского Устья), а в 1868 году начал работать в пойме речки Тойма у деревни Бондюга Бондюжский химический завод, созданный П. К. Ушковым. С этого времени работа для заводов стала одним из существенных источников пополнения семейного бюджета для многих крестьян окрестных деревень.

Бизякинцы также оказались включены в орбиту заводов, отстоящих первый в двадцати, второй – в десяти верстах от деревни. Во-первых, они нанимались рубщиками, распиловщиками, возчиками на лесных делянках, расчищавшихся для строительства заводов; во-вторых, занимались перевозкой сырья от пристани до заводов и их продукции в обратном направлении. Наконец, в-третьих, благодаря заводам, в деревне возник новый вид промысла – плетение из ивовых прутьев больших корзин для перевозки в них 20-литровых бутылей с заводской продукцией. Так к концу XIX века и в Бизьяках ремесло постепенно уступало место промыслу. Главным становился промысел, связанный с промышленным производством. Развитию этого промысла у бизякинцев способствовала и природа. Берега речки и многочисленных озер, распо-

ложенных на бизякинской земле, были покрыты зарослями тальника, ивы и черемухи, из прутьев которых и раньше бизякинцы плели необходимые в хозяйстве предметы. Когда появился надежный спрос на продукцию (она была необходима развивающемуся производству Бондюжского химзавода), часть крестьян-кустарей постепенно стала работать по заказу предпринимателя, который распределял заказы, забирал готовую продукцию, платил им сдельно и сам занимался сбытом. Так в деревне появилось производство, которое по типу можно отнести к рассеянной мануфактуре.

Одним из таких предпринимателей стал Гильмибашар Шункаров, внук Зайнибашара Шункарова, бывшего юртовым старшиной и дослужившегося до получения личного дворянства. В 70–90-х годах Гильмибашар Шамсибашарович Шункаров был одним из самых зажиточных бизякинцев. Во время Всероссийской переписи 1897 года 48-летний Гильмибашар дал о себе следующие сведения: основное его занятие — земледелие, дополнительное — служащий у купца. В его усадьбе было три жилых дома (можно допустить, что один дом был для 80-летней матери, в двух других жили две его жены, 43 и 25 лет, с детьми); у него было шесть сыновей от 14 лет до 1 месяца и одна дочь 10 лет. Указано, что сам Гильмибашар, его мать, младшая жена, дочь и три старших сына грамотны по-мусульмански. Отмечу, что взрослых работников в семье, кроме хозяина, не было. Но в хозяйстве жили три работника-мужчины и одна служанка, работавшие на основе найма. Его двор был и одним из самых многолюдных в деревне: в нем проживало 10 мужчин и 5 женщин. Среди нанятых рабочих двое мужчин, видимо, были его приказчиками, а еще один работал в хозяйстве.

Плетением корзин в деревне по заказу Г. Шункарова, в основном, занималась беднота, а более состоятельные сельчане, имевшие двух и более лошадей, приработок получали путем перевозки сырья и продукции. Работали обедневшие бизякинцы и грузчиками на пристани Тихие Горы, возникшей при строительстве Бондюжского завода. В целом можно сделать вывод, что именно развитие промыслов способствовало поляризации деревни.

События 90-х годов: голод и перепись

В последнее десятилетие XIX века в России произошли значительные события, во многом определившие дальнейшее ее развитие. Во-первых, страна вступила в полосу аграрного кризиса, проявлением которого стал голод 1891 года, получивший широкое звучание во всем мире. Во-вторых, начался небывалый промышленный подъем, в результате которого Россия из отсталой аграрной страны стала превращаться в страну аграрно-промышленную. В-третьих, была проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи. Все эти события непосредственно коснулись и населения деревни Бизяки, этой небольшой точки на огромной территории империи.

Уже отмечалось, что в течение всей пореформенной эпохи в бизякинском обществе наблюдалась стойкая тенденция к сокращению душевого надела. Проблема усугублялась тем, что бизякинцы, как и все население края, страдали от отсутствия современных земледельческих орудий, плохой обработки полей, почти полного отсутствия удобрений, результатом чего являлось оскудение почвы. К этому нужно добавить частые недороды и неурожаи. Все это, как мы видели, заставляло бизякинцев искать приработок на стороне. Наиболее тревожным симптомом неблагополучия в деревне становился массовый голод. В неурожайные годы голод нередко сопровождался эпидемиями. Так случилось и в 1891 году. Надо отметить, что в крае ему предшествовали недороды 1886—1890 годов. Это значило, что все запасы крестьян, если они имелись, исчезли еще в эти предшествующие годы.

Особенно катастрофичный неурожай и, как его следствие, голод и эпидемии тифа и холеры 1891 года охватили 17 губерний страны, в том числе и Вятскую губернию. По подсчетам центрального статистического комитета МВД, в пострадавших губерниях к концу сбора урожая 1891 года на руках у крестьян оказалось лишь 8,56 пуда (140 кг) хлеба на душу. Этого количества зерна не могло хватить даже на продовольствие до следующего урожая (минимальная потребность равнялась 13 пудам на душу). А ведь зерно было нужно еще и для кормления скота и засева полей (еще 5—6 пудов на душу). Правительство организовало выдачу ссуды из расчета 12,3 кг в месяц на душу. Но этого было недостаточно — необходимо было по 18—19 кг на душу в месяц, или 13—14 пудов зерна

в год на человека. Во-вторых, помощь была организована не сразу, с большим опозданием.

Катастрофическое состояние деревни привлекло широкое внимание общественности. Голод 1891 года подробно и в потрясающих деталях был описан в публицистической и художественной литературе, на страницах периодической печати. В частности, «Вятские губернские ведомости» (ВГВ), начиная с № 72 от 7 сентября 1891 года, почти в каждом номере помещали материалы о положении голодающих сел, о помощи пострадавшим от небывалого неурожая. В № 74 от 14 сентября было помещено постановление Вятского уездного временного комитета для пособия нуждающимся в продовольствии. В своей речи на открытии губернского земского собрания губернатор сообщил о сильнейшей засухе и неурожае в губернии, о том, что помощи ждать неоткуда, так как соседние губернии переживают такие же неурожаи. Говорили на собрании и о продовольственных ссудах голодающим, о необходимости предоставлять крестьянам возможность для заработков (№№ 98, 99 газеты от 7 и 11 декабря).

Газеты раскрывали ужасающую картину голода, который начался в деревнях уже в сентябре-октябре 1891 года. «Войдите в любую избу в татарской, русской или удмуртской деревнях — везде вас встретит безвыходная нищета семей, плохо одетые, истощенные дети... Загляните в печь, и вы увидите какие-то черные кружки: не то земля, не то камни (а ведь это хлеб). У некоторых усмотрите роскошь: 3—4 картофелины или пирог с начинкой лебеды — и этот засушенный кусок семьи нередко одолжен соседями» [ВГВ, № 91 1891, 25 ноября].

Аналогичная картина описана и в корреспонденции из Симбирской губернии, присланной в газету «Волжский вестник» (ВВ), издававшуюся в Казани: «Нужда здесь страшная, люди едят то, что отказываются есть животные. Хлеб готовится из лебеды, с примесью из мякины и небольшого количества ржи; отвратительный на вкус, горький и притом сыроватый — это единственная пища старого и малого» [ВВ, № 240, 1891, 22 октября]. В отчете за 1891 год вятский губернатор подчеркивал: «Последствиями неурожая отчетного года и значительных недородов последних пяти лет явилось сильное расстройство крестьянского быта, значительное сокращение рабочего скота, уменьшение площади посевов

и крайняя нужда в продовольствии и семенах» [ГАКО, ф. 3, оп. 233, 1892 год, д. 1060, л. 4].

Крестьянство, не представлявшее существование нормального хозяйства без лошади, даже в голодные годы старалось сохранять лошадей до последнего клочка сена и соломы. Так было и в 1891 году, когда не уродился фуражный хлеб (овес) — основной корм для лошадей. Засуха охватила не только поля, но и луга, в результате — нехватка сена. Уже осенью из-за отсутствия кормов и распространения болезней начался падеж лошадей. В архивах сохранились сведения, которые наглядно демонстрируют, насколько глубоко неурожай 1891 года затронул скотоводство в целом и, особенно, коневодство.

Рассмотрим это явление на примере Бизяков. Так, накануне этой трагедии в Бизяках на 308 дворов приходилось 17 жеребцов, 179 мерин, 242 кобылы — всего 438 взрослых лошадей и 121 малолетка. Безлошадных в Бизяках было 61 хозяйство, однолошадных — 116, двулошадных — 59 хозяйств, в 72 хозяйствах было три и более взрослых лошадей. В процентном отношении картина выглядела так: безлошадных или беднейших хозяйств было 19,8%, однолошадных (или бедные) хозяйства составляли 27,7%, двулошадные (или середняки) — 19,2%, зажиточных дворов с тремя и более взрослыми лошадьми было 23,4%. Напомню, что, по сведениям «Материалов по статистике Вятской губернии» 1887 года, у башкирского сословия безлошадные составляли 32,2%, однолошадные — 46,2%, двулошадные — 14,9%, многолошадные — 6,7%. Как видим, положение с лошадьми в Бизяках значительно отличалось от средних данных по губернии. Объяснялось это, видимо, тем, что наличие большого числа рабочих лошадей давало возможность получать дополнительные средства для существования. Определенно можно сказать, что в многолошадных хозяйствах лошади использовались как тягловая сила для перевозки грузов на химических заводах Ушковых.

По перечневой ведомости за 1891 год мы видим катастрофическое уменьшение поголовья лошадей в деревне. Лошади сохранились лишь в 72 хозяйствах (23,4%). В них было всего 192 взрослых лошади (6 жеребцов, 89 мерин и 97 кобыл) и 120 малолеток. При этом в 4 дворах (1,3%) было только по 1 малолетке, однолошадных дворов было 14 (4,5%), по 2 рабочих лошади было в 23 хозяйствах (7,5%), по 3 и более лошадей имелось у 31 домохозяина (10,1%).

У них у всех, кроме одного, имелись еще жеребьята и/или малолетние лошади. Поляризация, происходившая в крестьянской среде, стала еще более заметной. Об этом говорит более детальный анализ группы, имевшей по 3 и более лошадей. По 3 взрослых лошади имелось в 15 дворах, в каждом из них имелись и лошади-малолетки (по 1 было в 6 дворах, по 2 – тоже в 6, в 3 дворах – по 3 малолетки). По 4 взрослых лошади имели 6 хозяев (малолеток у них было по 1 у четверых, у одного – 2 и еще у одного 4 малолетки); по 5 лошадей было в 5 дворах (в 4 – по 1 и у одного – 2 малолетки). Многолошадных было тоже пять человек. Это Тазитдин Зайнибашаров (9 рабочих лошадей и 5 жеребят), Муфтахутдин Низамутдинов (9–3), Гайнитдин Хисамутдинов (7–13), Гилмибашар Шункаров (7–3), Мухаметсадык Имангулов (6–2). Другой полюс представлен безлошадными хозяйствами; их оказалось 236 (или 76,6%).

Это было катастрофой. Потеряв лошадей, большая часть населения села окончательно разорилась. Начался голод, а вместе с ним – эпидемия холеры и тифа, унесшая много жизней. Можно примерно представить масштабы эпидемии, если обратиться к данным метрических книг, по которым можно определить количество умерших за тот или иной год. Сохранившиеся данные об умерших за 90-е годы таковы: в 1890 году в Бизьяках умерло 60 человек; за 1891 год данные не сохранились; в 1892 году умерло 157 человек, в 1893–20 (по первой махалле, по второй данные не сохранились); в 1894 году умерло 45 человек, в 1897 – 55 человек [ГАКО, ф. 204, оп. 9 доп., д. 31]. Эти цифры говорят сами за себя. Отмечу только, что 157 смертей за один 1892 год – несомненный результат голода и эпидемий.

Завершая рассказ о голоде 1891 года, подчеркну, что после него крестьяне стали еще более неоплатными должниками перед государством: им необходимо было не только платить очередные ежегодные подати, но и возвращать ссуду за полученную помощь во время голода. Средства нужны были и для приобретения семян для посева и покупки лошадей. Население деревни Бизьяки, как и всего Вятского края, с огромным трудом выходило из состояния обнищания.

Важным общественным событием в Российской империи конца XIX века стала первая всеобщая перепись населения 1897 года. Она носила всеобщий характер и затронула все группы и слои населения империи. К этому времени проводившиеся в России с эпохи правления Петра I подушные переписи, получившие название ревизских сказок, уже сыграли свою роль. После отмены крепостного права в 1861 году переписи населения в стране не проводились. Проведение в стране буржуазных реформ потребовало новых, более передовых форм учета населения. «О проведении переписи по принципиально новым критериям в России заговорили еще в 1857 году, — отмечает И. К. Загидуллин. — [...] К проведению всеобщей переписи Российская империя шла практически весь пореформенный период. [...] Заложив в основу проведения переписи достижения статистической науки, власти, можно сказать, превзошли сами себя» [Загидуллин, 2000, с. 6–8].

5 июня 1895 года императором Николаем II было утверждено «Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи». В нем отмечалось, что перепись имеет «целью привести в известность численность, состав и местное распределение» населения. Учету подлежали «все жители империи обоего пола, всякого возраста, состояния, вероисповедания и племени, как русские подданные, так и иностранцы». В основу проведения переписи было положено подворное обследование. Было решено собрать довольно большой объем сведений, предложения о которых были разработаны на международных статистических конференциях. Вся эта информация должна была записываться переписчиками на основе устных ответов обследуемых; никаких документов, подтверждающих их, не требовалось.

Было разработано три формы опросных листов. Переписной лист формы А предназначался для заполнения в сельских обществах. На каждое хозяйство счетчиком заполнялся отдельный переписной бланк. Он был рассчитан на 10 человек. Если в хозяйстве было больше людей, заполнялся и второй лист. Переписные листы печатались на русском языке, но в местностях с «иностранческим» населением, имеющим свою письменность, под русскими названиями граф был помещен их перевод. Так, для 13 губерний Поволжья и Приуралья было приготовлено 1331 тысяча экземпляров переписных листов формы А с переводом на «татарском (казан-

ском) наречии». По подсчетам Главной переписной комиссии, для Вятской губернии должно было потребоваться 70 тысяч экземпляров бланков формы А с переводом на татарский язык [Загидуллин, 2000, с. 21–24].

Были специально составлены и изданы «наставления» для счетчиков с разъяснениями правил заполнения бланков. На первой странице (титальном листе) записывались название поселения, волости, уезда, губернии, фамилия и имя домохозяина, принадлежность двора данному лицу, число жилых строений, из какого материала они сделаны и чем крыты. На второй-третьей страницах печатались вопросы, на которые предстояло отвечать. Перепись приурочивалась на 28 января 1897 года. По инструкции от 31 августа 1896 года переписные работы должны были начаться не раньше как за месяц и не позже 20 дней и завершиться не позднее, чем за три дня до назначенного дня переписи.

Большое значение в подготовке переписи имело разъяснение населению целей и порядка проведения переписи, так как было ясно, что оно воспримет это очередное мероприятие государства, по меньшей мере, с традиционной настороженностью. Как бывало уже не раз, когда любое нововведение в государстве вызывало у населения слабые надежды и большие опасения, и в этот раз власти предполагали возможный бойкот переписи и даже неповиновение властям. С целью сохранения общественного спокойствия губернаторам было предписано принять все возможные меры, чтобы не только местные власти, но и «само население сочувственно отнеслось к настоящему делу и своим содействием способствовало его благополучному выполнению» (циркуляр МВД от 7 августа 1895 года). Было указано на необходимость предупреждения «всех случаев, могущих служить поводом к уклонению населения от переписи или к недружелюбному к оной отношению» [Загидуллин, 2000, с. 31].

Разъяснительную работу среди населения власти возложили, прежде всего, на духовенство. Отношением от 2 июня 1896 года, например, министр внутренних дел предписал Оренбургскому магометанскому духовному собранию мобилизовать мусульманское духовенство на проведение разъяснительной работы среди населения. 18 июля 1896 года Духовное собрание адресовало ахунам и муллам циркулярное письмо на русском и татарском языках следующего содержания:

«Циркулярно.

*Ахунам и муллам округа Оренбургского магометанского
Духовного собрания*

В скором времени имеет быть всеобщая перепись населения. Ввиду этого Духовное собрание предлагает Вам разъяснить своим прихожанам, что перепись назначена по Высочайшему повелению Государя Императора, что перепись будет произведена только для того, чтобы иметь верные сведения о том, сколько какого народа у нас в государстве проживает, сколько русских, сколько магометан сколько евреев, язычников и т.д., кто чем занимается, сколько имеет лет, какое имеет семейство и т. под.; что все эти сведения требуются только для верного счета и от переписи не будет никакого вреда — ни магометанской религии, ни магометанским школам; не следует также опасаться, что вследствие переписи будут отбираться земли или увеличиваться повинности, и поэтому при производстве переписи следует давать беспрепятственно самые правильные о всем показания, так как этого желает Государь Император.

Настоящее распоряжение сделано вследствие предложения господина министра внутренних дел от 2-го июля сего года за № 3095.

*Оренбургский муфтий хаджи М. Султанов
Члены Фахриддинов
Ахуны Капкаев
Мухамедов
За секретаря Еникеев
Столоначальник (подпись)».*

Циркуляр этот был напечатан в виде листовки на одном листе с текстом на русском и татарском языках. Однако ни это обращение муфтия, ни меры, предпринимаемые местными властями в губерниях с мусульманским населением, не приносили желаемого результата. Обстановка в татарских деревнях продолжала накаляться, росли слухи о насильственном крещении, о наступлении на татарские школы и т.д. Губернаторы должны были выступить со специальным обращением к мусульманскому населению. Как пишет И. К. Загидуллин, «в плане воздействия на татарских крестьян печатным словом более дальновидной и предусмотрительной оказалась администрация соседней Вятской губернии. Ее начальник Клингенберг распространил среди мусульман обращение

с гарантией их религиозных прав в связи с проведением переписи населения» [Загидуллин, 2000, с. 118].

Далее он достаточно подробно описывает действия казанского губернатора, практически «дословно заимствовавшего» обращение вятского губернатора, и приводит этот текст. Вчитаемся в него.

«До сведения моего дошло, что среди исповедующего магометанскую веру населения вверенной мне губернии распространяются ложные слухи по поводу предстоящей переписи. Считаю нужным разъяснить, что перепись имеет исключительно одну цель: верный подсчет населения. Никаких перемен после нее не будет: школы (медресе и мектебе) останутся те же, которые существовали до ныне, детей никто силою не будет заставлять учиться, мечетей и молельной мусульманских никто и не думает закрывать. Поэтому каждый хозяин должен без всякого страха давать ответ счетчикам, помня, что всякое сопротивление и неисполнение требований начальства влечет за собою наказание. Настоящее объявление предписываю объявить на сходах, вывесить в волостных правлениях, училищах, местах скопления народа, и давать отдельным лицам, в случае выраженного о том желания» [Там же, с. 120].

Получившее в народе название «успокоительной грамоты» обращение вятского губернатора к мусульманам, напечатанное на татарском языке и распространенное в декабре 1896 года, видимо, возымело свое действие. В отличие от соседних Казанской и Уфимской губерний, где в некоторые села пришлось даже вводить войска, перепись в Вятской губернии прошла более или менее спокойно.

В частности, в Уфимской губернии волнения татарского населения вызвала графа о сословной принадлежности. Дело в том, что мусульманское население обычно отождествляло термин «крестьянин» со словом «христианин» с соответствующими ожидаемыми последствиями. Поэтому уфимский губернатор Н. Богданович циркуляром за № 769 от 29 декабря 1896 года «в исключительных случаях для успокоения умов местного населения и для обеспечения беспрепятственного производства переписи» разрешил записывать «башкирами» вместо «крестьянин» в графе сословная принадлежность не только этнических башкир, но и остальных мусульман (РГИА, ф. 1290, оп. 10, д. 244, л. 20). Кстати, и бизякинцы в графе о сословной принадлежности получили запись «баш-

кирское». Это позволяет предположить, что и в других губерниях воспользовались циркуляром уфимского губернатора.

В Государственном архиве Кировской области сохранились материалы переписи 1897 года по деревне Бизяки. Это переписные бланки, заполненные на русском языке счетчиком Арыслангалием Хамитовым. Первая страница бланка представляла собой титульный лист, где записаны название поселения, волости, уезда, губернии, фамилия, имя, отчество домохозяина, принадлежность двора данному лицу, число жилых строений, из какого материала они сделаны и чем крыты. На развороте листа – второй и третьей страницах дана таблица из 16 граф, в которых записаны данные обо всех проживающих в этом хозяйстве. Названия граф даны на двух языках – сначала на русском, ниже – на татарском. Перепись собрала информацию о каждом бизякинце по 16 показателям: имя и фамилия (имя отца) главы хозяйства, семейное положение, сведения о других членах семьи, их отношение к хозяину (родство), пол, возраст, состояние или сословие, вероисповедание, место рождения, место приписки, место постоянного пребывания, родной язык, грамотность (2 пункта – умение читать и учебное заведение), занятие (тоже два показателя – главное и побочное), физические недостатки.

Во время переписи в Бизяках было учтено 381 хозяйство, в которых проживало постоянно живущих 1020 мужчин и 945 женщин. Из них приписное к Бизякинскому обществу население составляли 1014 мужчин и 922 женщины. Абсолютное большинство приписных (за исключением нескольких тептярей-примаков) отнесены к башкирскому сословию. Лишь в пяти дворах жили тептяри и в трех дворах государственные крестьяне (это зятя-примаки и два двора муллы Габдулхалима Сайфуллина и его сына Фатхутдина), принятые в Бизякинское общество. Неприписные к нему семьи жили в пяти арендованных у бизякинцев хозяйствах. Это были тептяри (семейство недавно скончавшегося Габдулсалих-хазрата из четырех мужчин и двух женщин). Государственными крестьянами считалось семейство муллы Мухаметзакира Минихузина из двух мужчин и четырех женщин, а также хозяина мелочной лавки Шагимардана Хамзина из трех мужчин и двух женщин. Лиц некрестьянского сословия (мещан), также державших лавки, было 2 семьи (два мужчины и четыре женщины).

Из 381 хозяйства в 40 дворах было по два жилых строения и в шести дворах — по три жилых строения, всего, таким образом, в деревне было 433 жилых строения (все построены из дерева). Почти все они крыты также деревом (лишь четыре дома крыты тесом и десять изб — соломой). Вполне определенно можно сказать, что наличие нескольких домов являлось показателем состоятельности. Можно также допустить, что второй-третий дома многочисленные семейства использовали для нужд своей семьи, как например, было у Гильмибашара Шункарова. Маленькие же семьи из трех-четыре человек могли отдавать свои свободные дома под общественные нужды (например, Низамутдин Хисамутдинов содержал земскую станцию).

Во всех бланках основным занятием бизякинцев указано земледелие. В графе побочных занятий перечислены: 2 чеботаря, 4 пчеловода, 3 плотника-работника, 1 валенщик, 1 портной, 1 скорняк. Две женщины (мать и дочь) указали, что они занимаются рукоделием, 1 назвался «хозяином мелочной лавки», 1 — «служащим у купца». Из пяти посторонних двое также являлись хозяевами мелочных лавок, еще 2 — духовные лица. Все пятеро посторонних хозяйств арендовали усадебную землю и огороды. Кроме того, в этой же графе отмечены волостной судья, сельский староста и содержатель земской станции. Здесь же нашло отражение отношение к воинской службе: 26 нижних чинов запаса, 3 ратника, 3 ополченца; отмечены как временно отсутствующие и 15 солдат, находившиеся на военной службе.

Все бизякинцы вероисповедания мусульманского (записано — дин ислам, мухамеданский, мусульманский). На мой взгляд, очень любопытны ответы о языке общения: в 10 семьях разговаривали на «турки», остальные — на «мусульманском». Видны и колебания в определении языка общения: в 9 бланках сначала записано «турки», но оно зачеркнуто и написано «мус». По-моему, эти ответы характеризуют осознание бизякинцами лишь обособления в религиозном, но никак не в этническом отношении. Определение же родного языка как «турки» дали как грамотные, так и неграмотные бизякинцы.

Проблеме грамотности посвящены две графы: в одной определялось умение читать и на каком языке, в другой — у кого и где учился. Отвечавшие положительно указывали чаще всего «да, по-мусульмански» или «да, по-татарски». Почти всех грамотных би-

зякинцев (и мужчин, и женщин) обучали чтению муллы (образование в медресе получали лишь 16 человек). Грамотные имеются в 175 дворах; в 206 хозяйствах нет ни одного грамотного человека. Умеют читать 84 домохозяина. Обращает на себя внимание, что умеющих читать женщин заметно больше, чем грамотных мужчин (например, грамотных жен домохозяев было 92).

Таковы вкратце итоги переписи 1897 года по деревне Бизяки.

Мечети и имамы в жизни деревни

Центром общественной и духовной жизни Бизяков, как и всех татарских деревень, была мечеть. Ислам для бизякинцев, как и для всех мусульман, был не только системой религиозных догм. Во многом он был системой норм частной и общественной жизни, накладывающей сильный отпечаток на мировоззрение. Вся повседневная жизнь деревни регулировалась законами шариата, а мусульманское духовенство пользовалось большим авторитетом. Именно оно выступало объединяющим началом в общине. Хозяйственные, торговые, семейные и другие отношения между членами общины строились на основе норм и предписаний ислама. Правила поведения, основанные на «достоверных книгах шариата» и обычном праве, охватывали, по существу, все без исключения стороны жизни человека. Всякое изменение установленных еще при дедах порядков труда и жизни, в отношениях между членами семьи и односельчанами, как и изменение традиционных форм жилища, покроя платья и формы головного убора, не поощрялось.

Всякая сельская община «представляет собой миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламуизма,— писал в 1881 году известный тюрко-татарский просветитель Исмаил Гаспринский в работе «Русское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения мусульманина». — [...] Община эта имеет совершенно независимое духовенство, не нуждающееся ни в каких санкциях и посвящениях. Всякий подготовленный мусульманин может быть ходжой (учителем), муэззином, имамом, ахуном и т.д. при согласии общины» [Гаспринский, 1993, с. 39].

Профессор Казанской духовной академии М. Машанов в докладе миссионерскому съезду 1910 года отмечал: «Будучи сам

из народа, знакомый не только со всеми нуждами и интересами своих прихожан, но даже со всеми симпатиями и антипатиями, склонностями и стремлениями, идеалами социальными и религиозными, мулла сам живет жизнью своих прихожан и принимает к сердцу все, что имеет интерес в глазах этих последних, — он как бы сливается со своей общиной, будучи заправителем ее духовных интересов; прихожане смотрят на него как на своего человека, только более развитого, более понимающего и в большинстве случаев беспрекословно слушаются голоса своего духовного руководителя» [Машанов, 2002, с. 46].

Мулла был знатоком религиозного закона и его толкователем прихожанам, влиял на формирование общественного мнения сельской общины — махалли, осуждал или поддерживал действия того или другого члена общины с точки зрения шариата. Он был духовным руководителем прихожан: следил за их нравственностью и соблюдением предписаний шариата, осуждал нарушителей. Кроме того, мулла являлся одним из самых уважаемых участников всех семейных событий в их жизни: заключал браки, читал молитвы над больными, присутствовал на свадьбах и поминках. Ему принадлежало бесспорное духовное лидерство в махалле (общине): он был не только самым образованным религиозным авторитетом, но и судьей, и учителем, и даже нередко врачом в продолжавшем вынужденно жить замкнуто татарском обществе. Будучи учителем в созданном им медресе, он уже в силу этого оказывал опосредованное влияние на взрослых, что было очень важно для сохранения единства общины и воспитания соответствующего климата. Деятельность имама в деревне не ограничивалась только религиозными и обрядовыми рамками. Он непосредственно участвовал в управлении всеми делами сельской общины, имея особый голос при решении любых вопросов, вникал во все без исключения гражданские дела. Мулла являлся советчиком односельчан во всех жизненных вопросах.

Общественное мнение, контролируемое религиозной общиной, подвергало осуждению действия «непокорных». Люди боялись не столько «кары небесной», сколько мнения общины. Этому способствовали условия существования общины. Фактически каждая община представляла как бы небольшое государство в государстве со своими законами, общественными порядками, а ее центром была мечеть. Как правило, в каждой деревне была своя мечеть,

построенная на средства общины. Община же содержала на свой счет ряд общественных зданий, таких, как мечеть, помещение для омовений, школа, несла расходы по их содержанию и ремонту. За счет общины содержался также обслуживающий персонал мечети — имам и азанчи (муэдзин).

Первый известный нам мулла в Бизьяках, имя которого дошло до нас в материалах ревизских сказок, это *Имангул Юсупов* (1778—1840). В РС 1811 о нем даны следующие сведения: указной мулла 32 лет, имеет двух сыновей — Абдулгалима, 9 лет и Абдулвали, 3 лет. Из этих скромных сведений можно заключить, что Имангул имел достаточное образование, чтобы получить признанный государством статус указного муллы. В каком медресе, у какого мудрриса он получил образование, мы не знаем. Сделав же небольшие подсчеты, заметим, что указ на свою должность он получил примерно в 20—22 года (его старшему сыну к 1811 году было 9 лет, следовательно, он окончил учебу и женился в этом возрасте). Это было время, когда создавалось иррегулярное Башкиро-мещерякское войско, а инициатор и организатор его оренбургский наместник О. А. Игельстром не только сам назначал кантонных начальников, но и утверждал первых юртовых старшин и указных мулл.

«Согласно указу государя от 10 апреля 1798 г. о наделении кантонной системы управления, избранные из числа принадлежащих к иррегулярному войску лиц муллы освобождались от службы, — цитирует его письмо И. К. Загидуллин. — Правительство передало военному руководству право назначения духовенства: кантонные начальники лично знакомились с кандидатом на должность муллы или муэдзина, выявляли степень «востребованности новых духовных должностей в поселении», командировали кандидата для сдачи экзамена в религиозное управление, находящееся в Уфе» [Загидуллин, 2006, с. 135—136].

Определенного жалованья мулла не получал. Однако сельские общества, пригласившие муллу, должны были обеспечивать его существование и сферы деятельности. Ясно, что на образ жизни и поведение приходских мулл существенное влияние оказывала среда обитания. Одинаковое с крестьянами правовое положение, проживание их основной массы в сельской местности, наличие крестьянского хозяйства объединяли его социально-экономические и общественные интересы с прихожанами-хлебопашцами. И по своему духовному облику имам мало чем отличался от при-

хожан. «Его мысли и думы текут по тому же руслу, что и у каждого из его прихожан, потому что мулла и его прихожане одинакового воспитания и образования» [Коблов, 1998, с. 17].

Общность интересов и убеждений во многом сближали муллу с прихожанами: «Он, вставший во главе их в качестве вождя и руководителя, в большинстве случаев умело руководит ими в желательном для него направлении. Трудно обмануть муллу или скрыть что-либо от него. Для него понятны не только все действия, но и мысли прихожан, потому что он живет одинаково с ними жизнью, а потому всегда сумеет повлиять на них. С другой стороны, прихожане видят в мулле не постороннего для них человека, а человека их среды и беспрекословно подчиняются его авторитету» [Там же, с. 18]. Религиозное влияние муллы в мусульманском приходе зависело от его моральных качеств, интеллектуальных способностей, образа жизни, поведения. Если мулла усердно исполнял свои обязанности, был примером для односельчан, он пользовался у сельчан авторитетом и был общепризнанным руководителем социокультурной жизни деревни.

Имангул Юсупов был одним из таких руководителей. По материалам последующих ревизий видно, что в течение десятилетий, до самой своей смерти в 1840 году, он исправно нес свою службу. За десятилетия исполнения им своих обязанностей на его глазах выросло несколько поколений прихожан. Во всех важнейших событиях их семейной жизни (будь то рождение ребенка, свадьба или смерть кого-либо из членов семьи и т.д.) он в той или иной степени принимал участие. За почти полувековую службу в Бизьяках Имангул хазрат, активно участвовавший во всех делах деревни, являвшийся учителем и воспитателем поколений бизьякинцев, знавший каждого прихожанина лично, заработал большой авторитет. Значимую роль в юридическом статусе духовного лица по гражданским делам играла и его примирительная функция, что также обеспечивало авторитет среди односельчан.

В духовно-назидательном плане служебные обязанности муллы заключались: а) в представительстве во время богослужения в мечети; б) в преподавании прихожанам необходимых религиозных познаний; в) в постоянном, неустанном произношении прихожанам проповедей о необходимости мира и согласия между всеми мусульманами, произнося таковые проповеди в самых благородных и мягких выражениях; г) в умении ценить религиозное род-

ство мусульман и общечеловеческие права и дорожить ими, равно и в умении склонять к тому же массу населения» [Загидуллин, 2006, с. 141]. Выполнение всех этих функций приводило к сосредоточению в руках муллы значительной власти в деревне. Как духовный руководитель общины он разбирал семейные конфликты, делал назидания и увещевания; в качестве судьи производил раздел наследства по нормам шариата. Муллы руководили общественной молитвой, заключали браки, проводили обряды наречения имени и похоронно-поминальные обряды, участвовали в поминках по шариату, принимали участие в решении различных споров. Кроме того, имамы осуществляли функции, возложенные на них официальной властью: объявляли и разъясняли правительственные распоряжения, а с 1832 года вели метрические книги, куда записывали практически все главные события в жизни человека.

Я не встретила документа с указанием времени постройки первой мечети в Бизьяках. Но определенно можно сказать, что ко времени назначения Имангула Юсупова указным муллой она уже была построена. На первых порах к зданию мечети особые требования не предъявлялись. Это могло быть любое здание, способное вместить в пятницу всех молящихся. По мере развития законодательства в 20–30-х годах XIX века появились специальные требования к строительству мечетей и разделение их на пятивременные и соборные. В «Книге о числе находящихся в Вятской губернии мечетей на 1917 год» указано, что первая соборная мечеть в Бизьяках была построена в 1844 году [ГАКО, ф. 583, оп. 604, д. 149, л. 110 об.]. Видимо, именно тогда мечеть в Бизьяках стала соборной, что позволило бизьякинцам пригласить второго муллу. Вполне допустимо, что Имангул хазрат, когда появилась необходимость, рекомендовал на должность второго муллы своего ученика. В материалах РС 1834 мы видим в деревне двух указных мулл — кроме 54-летнего Имангула Юсупова указан еще и указный мулла 36-летний Шагиислам Рафиков. Обратим внимание, что 36-летний Шагиислам Рафиков, видимо, ставший вторым указным муллой во второй половине 20-х годов, был не пришлым человеком со стороны, а коренным бизьякинцем.

Посмотрим на изменения в семье Имангула Юсупова. У хазрата к 1834 году была классическая неразделенная большая семья. Она была и самой многочисленной в деревне — 9 мужчин и 7 женщин. Здесь мы видим 3 поколения и фактически 2 семьи: 1-я —

сам мулла и его жена с 4 сыновьями и 3 дочерьми; 2-я семья — его старший сын Габдулгалим и его жена с 3 сыновьями и 2 дочерьми. Таких неразделенных семей в Бизьяках практически уже не осталось. Это навело меня на мысль, что Габдулгалим-махдум, выучившись у отца, возможно, к этому времени уже служил имамом и проживал в одной из деревень, но, приписанный к бизякинскому сельскому обществу, во время ревизий продолжал числиться жителем Бизяков. К сожалению, других доказательств этой гипотезы я не нашла, разве только можно логически продолжить ее: Имангул-хазрат, готовивший своих учеников в муллы, должен был и сына включить в эту группу.

Понятно, что для того, чтобы исполнять обязанности муллы, человек должен быть сведущ в мусульманских науках. При этом знаний этих должно было быть достаточно для получения указа, т.е. официального признания его знаний на испытаниях при Оренбургском духовном собрании. Указной мулла, к тому же, получал от Оренбургского Духовного собрания не только звание имам-хатыпа (т.е. муллы-проповедника), но и мударриса (руководителя медресе) или мугаллима (учителя). Мугаллим обычно давал лишь самые первоначальные сведения по основам ислама, а мударрис, по возможности, готовил учеников к занятию должности муллы. Добавлю к этому, что указным муллам, служившим в деревнях Башкирского войска, было вменено в обязанность создание своих медресе для подготовки духовных лиц в соседние приходы.

По всей видимости, Имангул-хазрат создал свое медресе, в котором шакирды обучались не только азам ислама. По мере надобности своих учеников, в числе которых был и сын Рафика Сардинова Шагиислам (а, возможно, и старший сын муллы Габдулгалим), он готовил в муллы сам. Это предположение подтверждается двумя фактами, приведенными Р. Мардановым в его статье по истории деревни Бизьяки. Основываясь на архивных документах (эти материалы он позднее предоставил и мне), он писал, что его прадед бизякинец Мендикеев Гизатулла (1801—1868) в 1824 году был приглашен жителями деревни Тюрдели (ныне Агрызский район РТ) муллой и был имамом этой деревни 44 года. Еще один бизякинец, Зайнутдин Райманов (1802—1852), из тептяр, пишет Р. Марданов, также в эти годы стал имамом деревни Табарли (таким же образом). Судя по возрасту, и Шагиислам Рафиков (1798—?) закончил обучение и стал муллой в Бизьяках тоже примерно в это

время. Можно с большой вероятностью утверждать, что известных нам три муллы-сверстника из одной деревни образование получили у одного мударриса, и этим мударрисом, видимо, был Имангул Юсупов. Остается только согласиться с мнением Р. Марданова: «Факт приглашения в одно и то же время двух молодых бизякинцев в муллы других деревень (а это еще только известные нам факты) дает повод предположить, что, по-видимому, в то время в Бизьяках было хорошее медресе» [Мәрданов, 2004].

Когда эти строки были уже написаны, совершенно неожиданно появилось еще одно подтверждение этого факта. Со мной на связь вышел Нафиков Ильдар Файзрахманович из Набережных Челнов. Занимаясь историей своей деревни Кичкутан (Агрызский район РТ), он выяснил, что кичкутанцы примерно в то же время пригласили к себе исправлять должность муллы жителя деревни Бизяки Балтанова Абдуллатифа из тептяр. Присланные им архивные документы не только подтверждают предположение Р. Ф. Марданова о существовании в Бизьяках медресе, но и позволяют увидеть, как шло приглашение муллы и утверждение его в должности (см. Приложение № 4).

Я не нашла конкретных документов о назначении Шагиислама Рафикова указным муллой. Но само это его звание, записанное в РС 1834, предполагает, что он прошел все этапы для получения его. У меня в руках оказались интересные документы двух других бизякинцев, раскрывающие общий порядок определения в муллы. Эти документы любезно предоставили в мое распоряжение Р. Ф. Марданов (о мулле деревни Табарли Зейнетдине Райманове) и И. Ф. Нафиков (о мулле деревни Кичкутан Габдуллатифе Балтанове). Обе деревни ныне входят в Агрызский район РТ. Рассмотрим эти документы (полностью они даны в Приложении № 4).

Оба подбора документов касаются порядка становления обоих мулл имамами. Из них видно, что в середине 20-х годов З. Райманов стал исполнять обязанности муллы в деревне Табарли, а Г. Балтанов перебрался с той же целью в деревню Кичкутан. Обосновавшись в этих деревнях и прослужив в течение четырех-пяти лет имамами без указа, оба муллы решили получить указ на отправление своих обязанностей. Для этого им сначала нужно было получить приговоры на сходах соответствующего сельского общества о приглашении имама мечети. У нас имеются оба приговора.

Из приговоров видно, что оба бизякинца сначала в течение нескольких лет «исправляли должность муллы» неофициально, «без указа» и прошли «испытания» у своих прихожан. Оба муллы, как отмечается в приговорах, оказались «весьма к магометанскому закону рачительны и знающие». А Абдуллатиф Балтанов даже занимался обучением детей мусульманским наукам, и кичкутанцы желали бы иметь его не только имамом мечети, но и мударрисом и учителем. Поэтому кичкутанцы решили приговором мирского схода, что «ежели он по испытании Магометанским собранием окажется в знании, то оного Балтанова определить к нашей мечете мударисом и учителем... и ежели будет начальству благоугодно, на определение снабдить указом». Под приговором поставили свои подписи или тамги 29 человек. Зейнетдин Райманов также заслужил похвалу своих прихожан, «а посему мы, мирские люди, и желаем его, Райманова, иметь при нашей мечети муллою навсегда, с тем, чтоб он просил от правительства Указ по изъявленному им желанию».

Однако до получения указа нужно было пройти еще ряд этапов. Следующий шаг на пути получения указа — получение увольнительного приговора от бизякинских башкирской и тептярской общины. Такой приговор с приложением печати старшины Раймана Ибрашева, под чьим началом находились тептяри-бизякинцы, был получен Г. Балтановым в марте 1830 года. С документами кандидат на должность имама Кичкутанской пятивременной мечети отправился в Уфу «в Оренбургское духовное магометанского закона собрание» держать экзамен на знание мусульманских наук. Однако там выяснилось, что А. Балтанов поспешил: ему сначала необходимо было явиться в Вятское губернское правление, получить там разрешение и только потом поехать в Уфу.

Так как поездка из Уфы в Вятку и обратно означала бы для него «не только убыток, но даже и самое разорение», А. Балтанов не нашел ничего лучшего, как в декабре 1832 года обратиться к самому императору Николаю I с просьбой (Приложение № 4). Документов с результатами этого его прошения у нас нет. Хотя из-за отсутствия документов нельзя проследить дальнейшие события, тем не менее, по другим материалам мы знаем, что он, а после него и его наследники вплоть до закрытия мечетей в советское время исправляли обязанности имама не только в Кичкутане, но и в других населенных пунктах округа. По-видимому, после всяческих мытарств он

получил свой вожделенный указ, подобный тому, какой был выдан Зейнетдину Райманову в 1832 году.

З. Райманов при сборе документов оказался более предусмотрительным. В декабре 1931 года, собрав необходимые документы (это приговор Табарлинского сельского общества от 25 января 1931 года, приговор Бизякинского сельского общества от 25 ноября 1931 года и собственное прошение), он обратился в Вятское губернское правление. По законам того времени 31 декабря 1831 года Вятское губернское правление обратилось в Оренбургское духовное собрание с отношением о проведении испытания «в знании правил магометанского закона» З. Раймановым и при успешном результате назначении его в Табарлинскую мечеть. Зейнетдин мулла успешно прошел эти испытания 16 июня 1832 года. 25 июня того же года он получил указ за № 897 [См.: Мәрданов, 2011, с. 145]. Но официально он стал имамом Табарлинской пятивременной мечети и учителем только после того, как по отношению, полученному от Оренбургского Духовного собрания, Вятское губернское правление утвердило его в этой должности.

Таков был достаточно сложный путь получения официально-го разрешения на занятие должности указного муллы. Примерно такой же путь до официального вступления в должность прошли и Шагиислам Рафиков, и Гизатулла Мендикеев. К этому еще нужно добавить, что неплохо знавшие арабский, персидский, чагатайский (тюркский), татарский языки (или их смесь, которая считалась языком науки и на котором создавалась богословско-учебная литература), кандидаты в муллы слабо знали русский язык (или совсем не знали его), что создавало дополнительные трудности при хождении по инстанциям.

Коротко остановлюсь на судьбах бизякинцев, ставших имамами и посвятивших себя религиозно-нравственному воспитанию своих прихожан. В книге Р. Ф. Марданова, посвященной истории деревни Табарли, имеется немало сведений и о Зейнетдине Райманове и его потомках. Хотя Зейнетдин мулла и жил долгие годы, до самой своей смерти в 1852 году, в Табарлях, по законам того времени он со своей большой семьей (только сыновей у него было шесть человек) официально оставался причисленным к деревне Бизяки. В 1864 году его семья оказалась в списке переселяемых в Шикарли Каен, хотя и после смерти Зейнетдина муллы она продолжала жить в Табарлях. Продолжателей дела отца среди его

сыновей не оказалось. В 1868 году они, расчистив от кустарника и распавав участок земли на краю деревни, построили там дома, в 1871 году закрепили за собой этот участок официально и зажили привычной жизнью земледельца. Только после этого потомки муллы стали полноправными членами Табарлинского сельского общества, а их многочисленные потомки и поныне живут в Табарлях и других местах [Мәрданов, 2011, с. 31].

Рассказал Р. Марданов и историю своего предка Мендикеева Гизатуллы (1801–1868), ставшего имамом деревни Тюрдели в 1824 году по приглашению ее жителей. Гизатулла хазрат служил здесь муллой 44 года, вплоть до самой своей смерти, имел свою школу. Он обучал азам ислама не только детей своих прихожан, но, тайком, и детей из соседней деревни Крынды, считавшейся крещено-татарской. Насильно обращенные в православие жители этой деревни, боровшиеся за возвращение к вере предков, находили постоянную поддержку у муллы, попавшего за эти свои действия под неусыпный контроль полиции и жандармов. После его смерти в 1868 году дело отца продолжили его сыновья. За подстрекательство населения деревни Крынды к возвращению в ислам и сопротивлению строительству церкви в ней три сына муллы Ахмади, Мухаметшакир и Мухаметсадык в 1877 году были осуждены на десять лет ссылки [Там же, с. 207].

Третий бизякинец, Абдуллатиф Балтанов (1795 – после 1863), не только сам долгие десятилетия был духовным руководителем и учителем в деревне Кичкутан, но и стал основателем большой династии мулл Балтановых в округе. Его сыновья Мухаметсадык (1818 г.р.), Мухаметкамал (1822 г.р.), Габсаттар (1826 г.р.) и Мухаметлатиф (1829 г.р.), отучившись в медресе у Абдуллатиф хазрата и усовершенствовав свое богословское образование в других медресе и самообразованием, продолжили дело отца в разных деревнях округа. Так, в материалах десятой ревизии 1858 года указано, что сорокалетний Мухаметсадык является муллой деревни Тойма (ныне Менделеевский район РТ). Хотя место службы двух следующих сыновей мне неизвестно, есть документ, из которого следует, что они также стали муллами. Это ходатайство, с которым доверенный башкир деревни Кичкутан Юзикей Мухамадиев 17 марта 1859 года обратился к командующему башкирским войском. В нем мы читаем: «Сыновья муллы Балтанова Мухаметсадык, Мухаметкамал и Габсаттар, проживающие в разных деревнях, отдельными от отца

семействами, должны быть причислены в д. Безяки, где они прежде состояли причисленными» [ЦИА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 10377].

Напомню, что во второй половине 50-х годов была реорганизация башкирского и тептярского войска, и тептяри стали называться башкирами. В это же время семейство муллы деревни Кичкутан Абдуллатифа Балтанова было решено официально приписать к Кичкутанскому обществу, где оно фактически проживало. В материалах десятой ревизии есть примечание: «Это семейство Вятскую казенную палатою перечислено в деревню Кичкутан, как изъяснено в письме господина командующего башкирским войском от 22-го августа 1858 года за № 10285» [ЦИА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 10377, л. 83]. К этому времени разросшееся семейство хазрата из 13 мужчин и 21 женщины было поделено на два хозяйства: 1) Абдуллатифа Балтанова, куда входили его жена, дочери и младший сын Мухамедлатиф со своей семьей, всего 5 мужчин и 11 женщин; 2) Мухаметсадыка Абдуллатифова с братьями Мухаметкаримом и Габсаттаром, все со своими семьями, всего 8 мужчин и 10 женщин.

Хотя в письме командующего речь шла только о первом хозяйстве, при раскладе податей и второе хозяйство оказалось включенным в состав Кичкутанского общества. Разобраться с этой путаницей и восстановить справедливость и просил поверенный кичкутанцев. Разобрались: «Вследствие сего Салаушское волостное правление рапортом от 21 сего июня за номером 644 донесло, что проживающие в подведомственной сему правлению деревне Кичкутан сыновья муллы той деревни Балтанова Мухаметсадык, Мухаметкарим и Габсаттар в числе 8 душ мужского и 10 душ женского пола Вятскую казённую палатою в начале 1860 года перечислены по сказкам 10 ревизии из д. Кичкутан в д. Бизяки и должны переселиться во вновь отведенный Шикарликаинский участок в Мензелинском уезде и что о своевременном переселении их со стороны волостного правления имеется наблюдение.

Об этом Вашему высокоблагородию имею честь почтительнейше донести. Хорунжий Султанов» [ЦИА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 10377].

В материалах Всероссийской переписи 1897 года по деревне Кичкутан есть и семья указного муллы Мухамедлатифа Абдуллатифова, 68 лет. В ней числилось 8 мужчин и 5 женщин. Его сыновья Тазиддин, 1858 года рождения и Габдулла, 1872 года рождения, окончив знаменитое медресе Иж-Буби, также стали муллами: пер-

вый получил указ 11 декабря 1881 года, второй — 17 апреля 1900 года [см.: Гимазова, 2004, Приложение]. Следовательно, Тазиддин заменил своего деда, а Габдулла — отца на этом благородном поприще. Завершая тему о династии мулл Балтановых, отмечу, что в Иж-Буби училось не менее десяти внуков и правнуков Габдуллатифа Балтанова. Внуки, так же, как и их отцы, стали муллами в селах Елабужского и Сарапульского уездов, а правнуки — ниспровергателями старой и строителями новой жизни в Советском Татарстане, за что и поплатились в годы репрессий.

Любопытна судьба бывшей неразделенной семьи Имангула Юсупова. Со смертью 60-летнего хазрата в 1840 году его большая семья распалась на три отдельных хозяйства. Его старшие сыновья со своими семьями завели самостоятельные дворы, в которых подрастало по три-четыре сына. А вот отчому дому не повезло: двое следующих сыновей находились в бегах. Габдулвали находился в бегах с 1840 года, а Габдулгаллям — с 1844 года. В 1850 году в отчем доме жили только 20-летний младший сын хазрата Габдулсатдик с 12-летним племянником Габдулнафиком, сыном Габдулвали. Как указано в РС 1858, потомкам хазрата принадлежало в Бизьяках четыре хозяйства, а находящиеся в бегах сыновья так и не нашлись.

Шагиислам Рафиков (1798—?), ставший указным муллой в середине 20-х годов, продолжал свою деятельность и после смерти Имангула Юсупова. Однако в середине 50-х годов, прослужив в родной деревне более четверти века, как показывает РС 1858, он оказался муллой в деревне Иж-Байки Сарапульского уезда. Я не знаю причин этого переезда, но можно только предположить — вряд ли это произошло добровольно: трудно представить, что человек под шестьдесят лет стремился сам покинуть родную деревню. По-видимому, между хазратом и сельским обществом (или его верхушкой) возникли разногласия по каким-то вопросам. Ведь именно мечеть была местом, где обсуждались общественные дела. Выступление приходских духовных лиц на стороне крестьян вносило организующее начало в действия жителей, укрепляло их уверенность в своих действиях, в целом консолидировало общину. Если же отношение муллы не совпадало с мнением большинства, то духовное лицо оставалось не у дел, нередко становясь объектом, которому посылались угрозы со стороны прихожан.

Как бы там ни было, с этого времени муллами в Бизьяках были лишь посторонние, пришлые из других мест. Возможно, в Би-

зяках первым муллой-небизякинцем был тептяр из деревни Тумук Мензелинского уезда Мухаметсалих Мухаметсадыков. О нем других сведений почти нет, лишь известно, что он умер в 1895 году – сохранился камень на его могиле, который сфотографировал и прочитал Раиф Марданов. Приведу описание, которое он передал мне: камень небольшой, его высота 50 см, ширина 34 см. На первой стороне читаются надписи: «похоронен здесь имам [...] [Мухаметсалих] сын имама и мударриса Мухаметсадыка Гадельшина по грегорианскому календарю в 1895-м, по хиджре в 1313-м году». На оборотной стороне указано: «написал зять мулла Таджуддин бине Мухаметшакир сын Габдусалямов». Ученый в письме к потомкам имама добавил, что имя его он восстановил по архивным документам. Хай абый Гильфанов добавил в шеджере муллы еще одно имя: «Исангул – Гадельша – Мухаметсадык – Мухаметсалих». В материалах Всероссийской переписи 1897 года по деревне Бизяки записан его сын Мухаметшарип Мухаметсалихов, 19 лет, из тептярей. На его попечении после смерти отца остались мать, три брата и сестра. Их усадьба была построена на арендованной у бизякинского общества земле. Арендовали они и землю под огороды. Продолжатели этого рода и ныне живут в Бизяках.

Первым муллой-небизякинцем мог быть и тептяр деревни Салауш Сарапульского уезда Габделхалим Габделгаллямов сын Сейфуллин (1832–1917). Мне удалось восстановить часть его родословной по ревизским сказкам деревни Салауш. В РС 1834 по деревне Салауш записаны: Сейфулла Ишкенин 49 лет, указной мулла по деревне Тойма, его жена Меюрбик 43 лет, их сын Абдулгаллям 26 лет и внук Габдулхалим 1 года, их дочери Фархизиган 16 лет и Шамсикамар 3 лет [НА РТ, ф. 3, оп. 2, д. 533, л. 92 об.–93]. Итак, Габделхалим бине Габделгаллям бине Сейфулла бине Ишкения происходил из потомственных мулл. Его дед, а потом, видимо, и его отец были муллами деревни Тойма. Сведений о начальном этапе его жизни и деятельности в Бизяках очень мало. Можно предположить, что образование он получил в медресе своего деда, а получив указ, стал имамом соборной мечети в Бизяках. Произошло это, видимо, в середине 50-х годов, когда бизякинский имам Шагиислам Рафиков по неизвестным нам причинам был вынужден покинуть родную деревню, и внук муллы деревни Тойма Габделхалим стал отправлять должность указного муллы в Бизяках.

Из данных 1911 года известно, что в 1860 году у него была школа [ГАКО, ф. 205, оп. 2, д. 2847, л. 19 об.]. Есть сведения и о том, что в 1895 году он еще продолжал обучать мальчиков в своей школе и носил звание ахуна [ГАКО, ф.205, оп. 2, д. 2189].

В материалах Всероссийской переписи 1897 года по деревне Бизяки есть и семья указного муллы Сейфуллина Габделхалима Габделгаллямова сына, 64 лет. В ней указано 5 мужчин и 6 женщин. Записано, что сам Халим хазрат и 4 его сына получили образование в медресе. О самом старшем же сыне хазрата, Гайнутдине, известно лишь по материалам переписи 1897 года, что в то время ему было 24 года, у него была жена Бибигафифа Ахметьянова, 21 года, и две дочери – 2 и 6 лет. Других сведений о нем нет. А вот три следующих сына – Фатхетдин (1864–1924), Рафагетдин (1876–1937) и Ахметсафа (1884–?) – учились в известном медресе Иж-Буби. В Иж-Буби училась, уже в XX веке, и дочь Халим хазрата, Фахира, 1893 года рождения [Гимазова, 2004, Приложение].

Третий мулла-небизякинец появился в деревне позже. Это Гимранов Минихузя, крестьянин Мамадышского уезда, получивший образование в известном медресе Тюнтер. По рассказам его внуков, Файзелхак абый Хуснутдинова и Хай абый Гильфанова, Хузя-Ахрар хазрата Гимранова (Ахрар – в переводе с арабского на татарский язык означает «знатный, независимый»; видимо, хазрату его имя Минихузя казалось слишком простым, крестьянским, и он придумал себе приличествующий мулле псевдоним. – А.М.) привез в Бизяки казанский купец, живший здесь какое-то время и с разрешения бизякинского общества построивший вторую мечеть. Произошло это, видимо, в середине 60-х годов, так как в списке населенных мест за 1859 год указана одна деревянная мечеть [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 63, л.30], а за 1869 год – две деревянные мечети [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 282, 44 об.], хотя Хай абый годом построения второй мечети называл 1856 год. Годы жизни Хузя-хазрата (так его называли бизякинцы) мне не удалось установить. Внуки его называли годом его смерти 1898 год, как приблизительный, но в материалах Всероссийской переписи 1897 года Хузя-хазрат уже не числится. Его усадьба записана за Минехузидным Мухаметзакиром, 28 лет, из государственных крестьян. В его семье указаны 2 мужчины и 4 женщины. Отмечено также, что он арендует у общества усадебную землю, на которой имеется 2 жилых строения. Добавлю, что Закир Минихузидин учился в медресе

Иж-Буби, видимо, стал муллой в 1895 году, после смерти второго имама второй мечети Мухаметсалиха Мухаметсадыкова, еще при жизни отца.

Как видим, все три пришлых муллы осели в Бизьяках, завели свои семьи, но во всех официальных документах числились посторонними и давались в конце списка бизьякинцев с указанием места их происхождения. Исключение составил Габделгаллямов сын Габделхалим Сайфуллин, возможно, благодаря своим деяниям или званию ахуна принятый (причисленный) с семьей в бизьякинское общество и в документах 90-х годов оказавшийся в общем списке.

Добавлю, что бизьякинские мечети, как первая, построенная в 1844 году, так и вторая, построенная в 60-х годах, были соборными. Следовательно, в них было по два имама и муэдзин. Для исполнения обязанностей старший мулла распределял обязанности между имамами и муэдзином. Они несли значительную нагрузку по исполнению обрядов: вместе или по очереди совершали пятикратный намаз в мечети, полуденные пятничные и годовые праздничные общественные богослужения, производили ритуалы наречения имени новорожденным, погребения умерших, участвовали на 3-м, 7-м, 40-м днях поминовения усопшего и т.д. Духовное лицо, совершавшее эти обряды, получало садаку, размер которой определялся местной традицией и экономическим благосостоянием прихожанина. Сельский имам, сопровождавший своих земляков во всех их мирских радостях и горестях, исполнявший обязанности судьи и одновременно педагога, учителя деревенских ребятешек, имел для общины неимоверно больший вес, чем любое официальное лицо местной администрации, будь то староста и даже волостной старшина.

Школьное обучение на рубеже XIX – начала XX веков

Наличие в деревне мечети и муллы практически означало и появление учебного заведения, так как имам, как определено шариатом и отмечено в российских законах, должен давать своим прихожанам необходимые религиозные познания. Каждый указный мулла был правоспособным учителем, так как получал от Оренбургского Духовного собрания не только звание имам-хатыпа (т.е. муллы-проповедника), но и мударриса (руководителя медресе)

или мугаллима (учителя). При вступлении на должность он давал обещание сельскому сходу не только исполнять религиозные обряды, но и обучать детей арабской грамоте и основам вероучения. Первоначальное обучение было почти обязательным и для муллы, и для родителей мальчиков, каково бы ни было их финансовое положение.

У меня нет официальных документов с датой основания школы в Бизьяках, но можно однозначно утверждать, что она возникла одновременно с появлением в деревне муллы и мечети. Следовательно, можно говорить о безусловном существовании школы (медресе), основанной первым указным муллой Бизьяков Имангулом Юсуповым. К тому же в своем детстве я слышала немало рассказов о том, что школа в Бизьяках существовала издревле, что наши деды и бабушки, как и их предки, учились грамоте у мулл и абыстай. Среди рассказов, услышанных мной в детстве, был и такой: в Бизьяках когда-то было медресе, готовившее мулл; но после смерти мударриса заменившие его муллы занимались лишь первоначальным обучением детей грамоте. Это предание подтверждает положение, что уровень обучения в учебных заведениях, открываемых при мечетях, зависел лишь от познаний и желания муллы. Кстати сказать, четкое разделение татарских школ на мектебы (начальные школы) и медресе (средние и высшие школы) установилось только на рубеже XIX–XX веков, когда появилось новометодное обучение. Школы, независимо от уровня обучения, до этого имели одно название – медресе, что означало «место, где обучаются», хотя слово «мектеб» (место, где пишут) тоже употреблялось [Махмутова, 1982, с. 13].

Если мулла обладал познаниями и желанием продолжать обучение детей дальше, он объявлял в мечети родителям, что собирает шакирдов для дальнейшего обучения. Это и значило – открыть медресе. Дальнейшее уже зависело лишь от желания и возможностей как мальчиков и их родителей, так и муллы. При этом ни особых помещений, ни школьного оборудования, ничего, что означает современное понимание этого процесса, не требовалось. Преодолевшие трудности начального обучения и проявившие способности мальчики, если позволяли возможности родителей, продолжали затем обучение в этом или переходили учиться в близлежащее или дальнее медресе. Обучались и девочки. Их обучением занималась жена муллы – абыстай.

В русских источниках в разное время неоднократно подчеркивалось серьезное отношение татар-мусульман к вопросам религиозного обучения и воспитания (можно вспомнить записи путешественников и ученых П. Рычкова, Г. Георги, К. Фукса и других, специально подчеркивавших это). «Обычно прихожане строго контролировали отношение мулл к школьному делу и в случае халатности, уклонения от деятельности по распространению книжного слова сигнализировали в Духовное собрание, даже выносили приговоры об избрании общине другого духовного руководителя», — отмечает и современный исследователь М. Фархшатов [Фархшатов, 1994, с. 55].

Обучение могло состоять из нескольких этапов. Сначала мальчики, как правило с 5–8 лет, приступали к знакомству с азбукой и овладению чтением, а иногда и письмом, а также элементарными религиозными навыками. Обучение начиналось с освоения азов сложного арабского алфавита (Сложность, прежде всего, заключалась в том, что 29 букв алфавита имели по несколько начертаний, общее число которых доходило до 118, количество гласных было недостаточным, для их обозначения применялись особые знаки; обучение велось буквослагательным методом и по учебникам на незнакомом языке и т.д.). Усвоив механизм буквосложения (а это могло занимать и два–три года, и пять и более лет, в зависимости от заинтересованности и способностей ученика и учителя), ученики приступали к чтению религиозно-дидактических произведений типа «Иман шарты» (Условия веры) и «Хафтияк» (Седьмая часть Корана). Обучение было индивидуальным: «Каждый ученик проходит курс учения совершенно отдельно от других учеников, имея ежедневно свой урок, отличный от урока, заучиваемого учеником, рядом с ним сидящим. Заданные учителем уроки ученики учат вслух, громко, как бы стараясь перекричать один другого. В школе стоит гул, в котором трудно разобрать отдельные звуки» [РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 420, л. 9 об.]. Поскольку такой метод не позволял одновременно работать со всеми учащимися, учитель-мулла назначал себе помощников из старших учеников, которые назывались «хальфа». В таком случае сам мударрис, как правило, готовил их в муллы. Успешно освоившего основы исламских наук ученика он затем рекомендовал в имамы других сел.

Являясь частными или общественными учебными заведениями при мечетях, школы не имели официально утвержденных про-

грамм и уставов. За редким исключением в этих школах не было единого определенного курса учения. Каждый мулла-учитель учил тому, что знал сам, и так, как учили его самого. «Время прохождения курса в мектебе не определено, и каких-либо подразделений на классы не существует; периоды же при обучении считаются от времени усвоения одной книги, например, «Иман-Шарт», до перехода к изучению другой, например, «Хафтияк» – это равносильно переходу из класса в класс» [РГИА, ф. 733, оп. 173, д. 102, л. 225]. Продолжительность учения зависела не только от учителя, но и от успехов и возможностей каждого ученика: «При старании ученики могут пройти весь курс мектеба и медресе в 10 лет, но обыкновенно на это требуется больший срок» [РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 420, л. 9 об.].

Организация учебно-воспитательной деятельности школы определяется ее целью. Конечная цель мусульманского училища – «научить мусульманских детей чтению и письму, познакомить их с установками ислама, воспитать их в доброй нравственности и указать им путь к достижению благополучия земного и небесного и тем содействовать миру и покою государства» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 466, л. 57]. В соответствии с этой целью учебный курс мектеба включал овладение арабской грамотой (на что уходило год и более времени), чтение, иногда письмо, основы вероучения и начальные сведения по арифметике. Овладевшие достаточно сложным механизмом буквосложения мальчики приступали к чтению религиозно-дидактических произведений на языке тюрки: «Ахыр заман китабы» (Книга о светопредставлении) С. Бакыргани (ум. в 1186), «Кыйсса-и Юсуф» (Сказание о Юсуфе) Кул Гали (конец XII – начало XIII вв.), «Мухаммадия» (Посвящение пророку Мухаммаду) М. Челеби (ум. в 1451), «Рисаля-и Газиза» (Рассказ о Газизе) Т. Ялчыгулова (1768–1838), «Бадавам» (Постоянно повторяй) и «Кисекбаш китабы» (Книга об отсеченной голове) неизвестных авторов и др. [Татар, 1984, с. 115–157, 273, 282, 443–452].

Изучение этих книг играло важную роль в религиозно-нравственном воспитании учащихся. В форме диалогов, анекдотов, красочно и живо описанных сцен они исподволь внушали читателю идеи и доктрины ислама. В то же время от знакомства с лучшими образцами мусульманской назидательной литературы школьники выносили и некоторые сведения по истории, географии, этике, эстетике, что способствовало умственному развитию детей. Чте-

нием нескольких произведений татарской и восточной литературы для большинства детей обучение в мектебе заканчивалось.

Найденный нами самый ранний официальный документ, где даны сведения о бизякинских школах, относится к 1869 году. В ведомости об инородческих училищах Елабужского уезда за 1869 год отмечено, что в деревне Бизяки имелись две соборные мечети и две школы, существующие с 1865 года. Преподают указные муллы Минихузя Гимранов и Мухаметсадык Гадыльшин. В школах обучалось: «местных» учеников 10 мальчиков и 5 девочек, а также были и «посторонние» ученики — 11 мальчиков и 9 девочек. Преподавались Азбука, Алкоран и арабский язык по татарским учебникам. Школы содержались на счет жителей, дети которых обучались. Первая школа помещалась в доме казанского купца Фаткуллы Капкаева, вторая — в общественном доме [ГАКО, ф.574, оп. 1, д. 324, лл. 63, 66 об., 67].

В нашем распоряжении есть и «ведомость о числе татарских магометанских школ в Вятской губернии на 1 июля 1895 года», в которой имеются сведения о бизякинских школах: «6. В деревне Бизяки Салаушской волости:

1) находится в доме муллы Гимранова; преподают ахун Минихузя Гимранов и жена его Раузатыльзинан; обучаются 10 мальчиков и 15 девочек.

2) В доме хатыпа Сейфуллина, в задней половине, на кухне; преподают хатып Абдулхалим Абдулгаллямов и жена его Бибидур-ратилодинан Зиман; обучаются 35 мальчиков и 25 девочек.

3) В доме имама Мухаметсадыкова, на кухне; преподает имам Мухаметсалих Мухаметсадыков; обучаются 15 мальчиков и 15 девочек» [ГАКО, ф. 205, оп. 2, д. 2189, л. 16 об.].

Какие выводы можно сделать на основе этих данных? Во-первых, у всех трех мулл, сведения о которых имеются у нас, были свои школы. Во-вторых, сведения составлены, по меньшей мере, небрежно. Такой вывод напрашивается по многим приметам:

а) титулы мулл даны по-разному и неполно, что очень хорошо заметно на примере Абдулхалим-хазрата (его полный титул — имам-хатып и мударрис, ахун), тогда как обычно в таких ведомостях о школах, кроме слов «имам» или «мулла», указываются слова «мударрис» или «мугаллим»;

б) в первой мечети, кроме муллы Абдулхалима Абдулгаллямова, должен быть и второй мулла, следовательно, он также занимался

обучением детей; им, скорее всего, в это время был его старший сын Гайнутдин; на присутствие второго учителя показывает и число учеников — 35 мальчиков (одному мулле явно не справиться с таким количеством детей — нужно не менее двух учителей); 25 девочек для одной абыстай тоже многовато;

в) вообще цифры о количестве учеников явно названы наугад, округленно;

г) по рассказам наших бабушек и дедушек, учившихся в медресе Халим-хазрата на рубеже XIX—XX веков, они занимались не на кухне у мутлы (там занимались девочки с абыстай), а в наемном помещении (как правило, в задних или отдельных избах прихожан мечети); к тому же трудно представить, что в одной кухне могли одновременно разместиться 60 мальчиков и девочек.

Все это говорит о том, что мутлы и староста села, выполняя требования уездного начальства, сохраняли видимость подчинения, в то же время не считали нужным давать точные сведения о состоянии образования в деревне. Такая скрытность вообще была характерна для татарских школ. Кстати, это подтверждается и «Ведомостью о числе магометанских мектебов и медресе в Елабужском уезде Вятской губернии за 1899 год». В ней отмечено: «24. Бизьяки — 1 мектеб в собственном неудобном помещении; преподает мулла Мухаметзакир Минихузин Гимранов; учатся 30 мальчиков и 20 девочек» [ГАКО, ф. 205, оп. 2, д. 2273, л. 2 об.]. Здесь вообще не названы другие школы, хотя об их наличии мы знаем из других данных.

Для нас будет не менее интересным и отчет инспектора народных училищ Елабужского уезда Вятской губернии Сергея Парамонова по осмотру мусульманских школ (мектебе) во второй половине 1903/1904 учебного года [ГАКО, ф. 205, оп. 2, д. 2273, л. 4—15 об.]. Инспектор отметил: «Магометанских начальных школ в Елабужском уезде в настоящее время числится 25; из них собственно народных 1 школа и уездных 24. [...] В первую половину было осмотрено 7 и во вторую остальные 18 школ». Перечисляя школы, находившиеся в отдельных помещениях, он также назвал только одну школу — мутлы Мухаметзакира Минихузина в Бизьяках.

Далее он рассказал, с какой целью осматривались школы, и о трудностях, встретившихся при этом: «Осмотр татарских школ имел в виду знакомство, как с внешнею, так и с внутреннею жизнью, насколько последнее предоставлялось возможным выпол-

нить. Существенным препятствием для знакомства с организацией и постановкой учебно-воспитательной части, деятельности преподающих лиц и выяснения особенностей и отличий мусульманских школ по сравнению с русскими были: 1) слабое знание, а иной раз и полное неумение мулл говорить по-русски (как, например, мулл дд. Кудашево, Бизяки, Дюм-Дюм), вследствие чего не имел возможности получить сведения о школах; 2) не будучи совершенно знакомы с педагогическими способами и приемами ведения предметов, муллы не в состоянии удовлетворить своими ответами на предлагаемые им вопросы относительно организации программы и хода учебных занятий; жизнь мусульманских школ остается, благодаря этому, неизвестной; 3) намеренное замалчивание со стороны мулл многих фактов из жизни школы или сообщение сведений, не соответствующих действительности». Эта оценка инспектора подтверждает сделанные мной чуть ранее предположения.

«Все почти мусульманские школы, кроме Елабужской, с юридической точки зрения не имеют права на свое существование, так как ни одна из них не имеет законного разрешения от учебной администрации, а открыты и существуют без ведома и участия со стороны последней, хотя сравнительно немногие из числа их открыты до издания закона 26 марта 1870 г., — продолжил излагать свои наблюдения инспектор. — Это явление объясняется, с одной стороны, без сомнения, неведением мулл о необходимости испрашивать на то разрешение, а отчасти, как мне кажется, и желанием не иметь дело с вмешательством в жизнь школ чуждых по их предвзятому мнению лиц для последней, видя в них людей несодействующих успеху школ и самому существованию их, а имеющих в виду какие-то скрытые и недоброжелательные цели. И в отношении самих мулл и нежелании общения с лицами учебного надзора сквозит недоверие, переходящее в известных случаях в неприязнь».

В отчете инспектора имеются и предложения о путях устранения этих нежелательных для контролирующих лиц явлений: «В целях устранения обстоятельств, препятствующих в той или иной степени знакомству лиц учебного надзора с магометанскими школами, было бы желательно поставить в обязательство ищущих звания мулл: 1) надлежащее знание русского языка, т.е. умение правильно и толково говорить, читать и писать; 2) знание того,

как надо вести дело преподавания и обучения учащихся грамоте, т.е. чтению и письму, а также началам арифметики; 3) поставить в известность мулл о безусловной необходимости при открытии ими школ испрашивать им учебное ведомство предварительно разрешения и 4) через мусульманское духовное правление сделать известным муллам, что открываемые ими школы (мектебы и медресе) подчинены ведению и надзору инспекции, которой они должны оказывать содействие при осмотре и посещении ими таковых школ».

Указаны в отчетах и недостатки татарских школ, замеченные инспектором в ходе осмотра: «К существенным недостаткам татарских школ [...] должны быть отнесены: 1) несоответствие размера помещений числу обучающихся в них. Это несоответствие в некоторых случаях порождает крайнюю тесноту, как, например, в Бизьяках, Дюм-Дюме, Тойме, Кудашеве и других; 2) отсутствие в достаточной степени света, воздуха, тепла, а также и чистоты; эти отрицательные стороны школьных помещений свойственны, в большей или меньшей степени, почти всем без исключения мусульманским школам. По-видимому, при отводе помещения под школы не имели в виду гигиенических условий, и все сводилось лишь к тому, чтобы было только где учить. Привыкнув жить в своих избах в антигигиенических условиях, устроители и под школы отводят такие же помещения. Указанные недостатки школьных помещений, взятые в совокупности, несомненно, вредно влияют на здоровье учащихся. А если принять во внимание, что при некоторых из числа таких школ учащиеся в течение учебного времени и живут, уходя домой лишь временно за съестными припасами и другими нуждами, а остальное время проводят в школе, где у них на стенных полках, на полатах или на печи лежат в куче подушки, постель, школьные и домашние принадлежности, растет и степень распространения между ними заразительных болезней».

Теперь рассмотрим, какие выводы сделал инспектор о том, чему и как обучали детей в школах Елабужского уезда. «Предметами обучения служат: а) мусульманское вероучение; б) мусульманская грамота (чтение и письмо); в) первоначальное счисление; но последнее составляет предмет занятий с учащимися только лишь в очень немногих мектебах, — указал инспектор. — Ни в одной из мусульманских школ учащиеся не обучаются русской грамоте. Отсутствие уроков русской грамоты, насколько удалось выяснить,

объясняется следующими причинами: 1) цель открытия мусульманских школ, по мнению мулл, имеет в виду обучение не русской грамоте, а татарской, как показывает на то и само название школ; 2) обучиться в одно и то же время и русской, и татарской грамоте для крестьянских мальчиков, совершенно не знающих русского языка, весьма тяжело; 3) большинство мулл сами недостаточно знакомы с русским языком и люди малограмотные; 4) никак не располагают для того свободным временем; 5) само общество не видит необходимости в обучении детей русской грамоте и по невежеству своему не выражает желания и даже противится, находя это излишним».

Инспектор объяснил также, что курс обучения в мектебах уезда различный, в частности, в Бизьяках, до 3 лет. «Каждый ученик учится в школе столько, сколько может, и время пребывания в школе для них не ограничено каким-либо определенным и обязательным для них сроком», — отметил он. Указав на несовершенство методов преподавания, он добавил: «Чему учащиеся в русской школе выучиваются в 4—5 месяцев (например, чтению), учащиеся мусульманских школ не могут преодолеть в один или полтора года. [...] Ежедневные, кроме праздничных дней, занятия обыкновенно продолжаются 6—7 часов, начинаясь в 8 или 9 часов утра и кончаясь в 3 или 4 часа пополудни с промежутком времени в час для обеда, причем времени для отдыха ученикам между уроками, как в наших школах перемены, в мектебах нет». Говоря о типах школ, С. Парамонов отметил, в частности, что в Бизьяках обучение старометодное, и добавил: «На каждый из учебных предметов ежедневно употребляются: на уроки вероучения — 1 час; на обучение чтению — от 2 до 3 часов; 3) на обучение письму — 2 часа и на обучение арифметике — 1 час».

Названы в отчете и учебники, которые использовались в школах Елабужского уезда: «Для прохождения учебных предметов, изучаемых в мусульманских школах, употребляются следующие книги и руководства: а) по обучению по мусульманскому вероучению: 1) Гакаидель исламия (принципы исламской веры) Максудова; 2) Его же: Шаригатель Исламия (законы и требования мусульманской веры); 3) Его же: Гибадатель Исламия (книга обучающая, как надо молиться). Кроме того, обязательными руководствами для всех школ остаются Коран (откровения Магомета) и Автияк (часть корана); б) по обучению грамоте: 1) Иман шарты 2) Автияк

3) Коран (в школах, где обучение ведется по старинному букво-слагательному способу) и в) учебники: 4) Тагирова, 5) Максудова Мугаллимин сабиян (друг детей)» [ГАКО, ф. 205, оп. 2, д. 2273, л. 4–15 об.].

Итак, инспектор народных училищ Елабужского уезда Сергей Парамонов представил достаточно объемные и объективные наблюдения о мусульманских школах уезда. Из них мы видим, что практически все школы, кроме Елабужской, в начале XX века были старометодными, обучение в них велось традиционным, выработанным в течение веков, образом. Позднее такое обучение получило название кадимистского (от слова «кадим», что по-арабски означает «старый»). Обращает на себя внимание настороженное отношение мулл к официальному проверяющему лицу, которое было характерно для татарских деревень в целом по отношению ко всем чиновникам. В таких случаях муллам и другим лицам очень «помогала» ссылка на «незнание» русского языка, когда можно было отговориться «непониманием».

Добавлю, что все школы в уезде давали только самое начальное образование, больших медресе не было. Занятия в школах, как правило, начинались глубокой осенью, в октябре, и завершались не позднее апреля. По рассказам моего отца, Хазиахмета Махмудова (1900 года рождения) и его сверстников, учившихся в бизякинских школах в 1908–1916 годах, Фатхутдин-хазрат, Закир-мулла и другие учили их грамоте уже по-новому. Папа приводил нам в пример своего старшего брата Нуриахмета (1899 года рождения), который, будучи старше папы всего на год, начал ходить в школу с восьми лет, но никак не мог овладеть грамотой. На третий год обучения отец отправил его в школу в соседнюю деревню Псеево. Однако за годы, проведенные в старометодной школе, он уже потерял всякий интерес к учебе, и только стремление быть не хуже младшего брата подвигло его к преодолению отвращения от учебы. И выучился он грамоте только с помощью младшего брата.

Итак, примерно в 1908–1910 годах молодые муллы в Бизьяках перешли к новому, звуковому методу обучения. Что же это за метод?

Еще в 80-х годах XIX века крымско-татарский просветитель Исмаил-бей Гаспринский задался целью преобразовать жизнь мусульман России. Преобразования эти просветитель решил начать с реформы начальной мусульманской школы. В ее основе лежал «ысуле джадид» (новый метод). «Новый метод» И. Гаспринского

включал в себя, прежде всего, звуковой метод обучения грамоте и введение в программу начальных мусульманских школ основ общеобразовательных (светских) предметов — арифметики, географии, истории и т.д., не входивших ранее в круг обучения.

Он призван был вытеснить «ысуле кадим» (старый метод), основанный на громоздком буквослагательном методе обучения грамоте и зубрежке религиозных текстов на арабском языке, этой «латыни» мусульман. Для распространения своих идей И. Гаспринский использовал издаваемую им газету «Тарджеман». В газете раскрывались преимущества нового метода, описывались и первые экзамены в новометодных школах. Газета подчеркивала: на показательных экзаменах «происходило невиданное зрелище: дети, начавшие учиться 5–6 месяцев тому назад, уже читали и писали на родном языке, разбирали арабское чтение по Корану и знали уже кое-что по вероучению и арифметике» [Тарджеман, 1894, 2 октября].

Однако дело перехода к новому облегченному методу обучения грамоте шло очень трудно. Как писал знаток школьного дела у мусульман Н. А. Бобровников, анализируя процесс возникновения новометодной школы, «старая школа не хотела сразу сдаться и выдвигала против новометодной школы обвинение в неправовереии, утверждая на основании религиозных авторитетов, что реформа школы есть дело антирелигиозное», что делало путь преобразований еще более извилистым и трудным. Кроме того, государство не только не оказывало помощь в создании более современных школ для мусульманского населения империи, но и всячески препятствовало ему. В результате «мусульманские школы были вынуждены искать средства для реформы исключительно в самом мусульманском обществе,— отмечал тот же Бобровников.— [...] Очевидно, что новометодное направление есть создание русских условий и что распространение и укрепление его зависит не от заезжих агитаторов, а создается известными деятелями на местах» [РГИА, ф. 733, оп. 176, д. 46, л. 282–283].

Конечно, новометодные школы, открывавшиеся в этот период, представляли собой различные ступени школ переходного типа от конфессионального обучения к светскому. Это объясняется тем, что процесс становления новой школы происходил при отсутствии единого направляющего центра, стабильных программ и учебников, нехватке подготовленных педагогических кадров [Махмутова,

1982, с. 51–52]. Большинство этих школ оставались чисто конфессиональными. Единственным их отличием от традиционной школы было появление новых учителей и учебников, обучение грамоте новым звуковым методом, что в два-три раза ускоряло процесс обучения. В других вводилась еще и классно-урочная система, очень часто своеобразно понятая — деление на классы проводилось по названиям книг, которые ученики изучали. Эти школы, оставаясь конфессиональными, означали уже начало отхода от чисто религиозного образования. Быстрое обучение грамоте, осмысленное чтение текстов, написанных на понятном с детства родном языке, а не на неизвестном арабском, прививали учащимся любовь к чтению, способствовали их развитию, будили их мысль и сознание.

Активное создание системы начального новометодного образования среди татар началось в годы революции 1905–1907 годов и после нее, когда появились учителя-мугаллимы, сами получившие образование в первых новометодных медресе. Такими были и бизякинские муллы Фатхутдин Сайфуллин и Мухаметзакир Минхузин (Гимранов), окончившие ставшее к тому времени широко известным медресе Иж-Буби.

«Я имею данные утверждать, — подчеркивал в 1910 году Н. А. Бобровников, — что, вероятно, почти все мектебы и медресе Европейской России затронуты в той или иной мере новометодным направлением. Это не значит, конечно, что в этих учебных заведениях появилась классная мебель европейского образца, однообразная форма одежды и т.п. [...] Школы в громадном большинстве сохранили традиционный облик мусульманских школ, но в них появились новые книги и новые молодые учителя... Мои наблюдения приводят меня к убеждению, что в Европейской России уже поздно делить мусульманские учебные заведения на старометодные и новометодные» [РГИА, ф. 733, оп. 176, д. 46, л. 336 об.].

Такими были и бизякинские новометодные мектебы, внешне ничем не отличавшиеся от старых школ. В «отчете ревизии о магометанских школах» Елабужского уезда за 1911 год в деревне Бизяки указаны две школы: в первой из них, открытой в 1860 году, обучает мулла Фатритдин Сайфуллин; второй мектеб открыт в 1875 году, обучает мула Мухаметзакир Минхузин. Отмечено, что обе школы частные, существуют без официального разрешения, «учение проводится в силу Корана». Русский язык не преподается. Муллы «образовательного ценза» не имеют, разрешения на преподавание

также не имеют, но считают себя «обязанными учить, как вероучители» [ГАКО, ф. 205, оп. 2, д. 2847, л. 19 об.— 20]. Если учесть, что ревизия эта проводилась в период, когда было разгромлено медресе Иж-Буби и разворачивались следствие и суд над братьями Габдуллой и Губайдуллой Буби, то станет понятным, почему бизякинские муллы тщательно скрывали от ревизоров и свой «образовательный ценз», и свои методы преподавания, которые они освоили, обучаясь в Иж-Буби.

В 1914 году Елабужское уездное земство открыло в Бизьяках и трехгодичное земское русско-татарское начальное училище [ГАКО, ф. 205, оп. 4, д. 3225, л. 53—53 об.]. Если мусульманские школы содержались за счет общества, то эта школа была в Бизьяках первой, которая содержалась за счет земских средств. Она во многом отличалась от мусульманских школ. Земская школа была смешанной, т. е. в ней вместе могли обучаться мальчики и девочки. Школа была оборудована соответствующей мебелью (парты, классные доски, напольные счеты и др.). Обучение в ней велось по классно-урочной системе по программе земских начальных училищ с использованием специальных учебников. Основным языком преподавания был русский язык. Наш отец, начавший учиться в этой школе со дня ее открытия, рассказывал, что в первый год учеников было мало (всего 10—15 человек), что они долго привыкали к русской учительнице, не знавшей татарского языка, и к языку, который они почти не понимали. Так в Бизьяках накануне еще более сильных потрясений появилась школа европейского типа, потрясшая привычные основы обучения.

Через грозы века двадцатого...

СОСТАРИЛИСЬ ПРЕДАНИЯ, ГОДА,
МИРЫ, ВЕКА, ВСЕ СФЕРЫ МИРОЗДАНИЯ
И ВСЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ...
И ВОТ ОНИ СЕЙЧАС,
КАК СВОДЫ ПОТОЛКА ВЕТШАЮЩЕГО ЗДАНИЯ,
ПОВАЛЯТСЯ НА НАС!

Хади Такташ
(Перевод Л. Мартынова)

Состояние деревни в начале двадцатого века

Россия вступала в новый век с грузом проблем уходящего века. Нерешенность в стране многих проблем — экономических, социально-политических, национальных — вызывала многочисленные конфликты, которые привели страну к революционному взрыву. Громкое поражение России в русско-японской войне, революция 1905—1907 годов, появление и работа Государственных дум, Столыпинская аграрная реформа, первая мировая война, наконец, революции 1917 года — таков краткий перечень наиболее значимых событий в России в начале XX века. Безусловно, каждое из этих событий прямо или опосредствованно затрагивало все население огромного государства, где бы оно ни проживало.

Что же происходило в это время в далекой от столиц и промышленных центров Вятской губернии, ее Елабужском уезде и деревне Бизяки? Вятская губерния продолжала оставаться аграрным регионом. Хотя в Елабужском уезде значительное развитие получило химическое производство, подавляющую часть населения уезда составляли крестьяне, которые постепенно втягивались в рыночные отношения. Крестьянина на рынок гнали нужда, необходимость получить средства, требующиеся для уплаты налогов и недоимок, т. е. растущие поставки хлеба на рынок не были результатом роста урожайности хлебов, так как основная масса крестьян продолжала вести свое хозяйство по-прежнему, рутинным способом.

Ведущей системой земледелия продолжало оставаться трехполье. При должном удобрении почвы, считают ученые, оно еще позволяло получать стабильные урожаи. Однако не только погодные, но и политические, социально-экономические и демографические условия во второй половине XIX века поставили существование традиционной системы в неблагоприятные условия. Наступил так называемый «кризис трехполья»: истощение пашни, снижение плодородия почвы и, как следствие, падение урожайности хлебов. Не имевшие возможности прокормиться и платить налоги со своих наделов, крестьяне все чаще были вынуждены обращаться к другим видам хозяйственной деятельности: ремеслам, отходничеству и т.д. [История..., 2013, т. VI, с. 278].

В нашем распоряжении есть справка за 1899—1900 сельскохозяйственный год по Елабужскому уезду Вятской губернии, которая подтверждает эти наблюдения. Справка эта интересна и тем, что

в ней обобщен материал, полученный от респондентов на местах. В ней отмечено, что прошлый, 1899 год был неурожайным. А зима 1899/1900 гг. была среднеснежной, благоприятной для озимей; самым холодным месяцем оказался февраль. «Топливо, как экономический фактор важен для крестьянина. Печи топили дровами и соломой. На печь в год уходит 8 сажень дров, соломы — 16 возов. В Салаушской волости топливо приобретают в частных дачах». Население провело зиму хорошо и удовлетворительно (ответы респондентов распределились примерно пополам). Указано также, что «погода в июне хлебам благоприятствовала. Вредное влияние на хлеба оказывали град, ливни, заморозки, сорная трава».

Отмечено, что, несмотря на все старания уездных властей, обеспечить население уезда лошадьми после убыли 90-х годов не удалось. «Главною причиной *безлошадности для уезда* является смерть лошадей от недоедания и бедность вообще. Несмотря на то, что в прошлом году были выданы степные лошади, % безлошадных в уезде вообще значителен; и по сведениям волостных правлений, собранным к 23 апреля, в уезде считается 2757 безлошадных дворов, или 7,54%, так что количество безлошадных почти втрое меньше прошлого 1899 года, когда безлошадных при переписи скота насчитали в уезде 6636 дворов. При посеве яровых безлошадные обходились разными способами: нанимали за деньги, за отработку, помощью», — отмечается в справке.

Читаем дальше: «В Елабужском уезде число крупных хозяйств не особенно велико, и потому нанимателями на сельскохозяйственные работы являются крестьяне. Нужда в рабочей силе является у крестьянина во время спешных сельскохозяйственных работ. Силы некоторых местных крестьян часто не все расходуются на собственное хозяйство, а потому со стороны их и бывает предложение рабочих рук. Оставляя свое хозяйство такие рабочие могут лишь на короткий срок, и потому преобладающей формой найма является поденщина. [...] Нанимать приходится главным образом на жатву и пашню». Указана и средняя стоимость рабочих рук в мае 1900 года: работнику с лошадью платили 67–77 коп.; без лошади — 29–34 коп., работнице — 22–29 коп., подростку — 14–16 коп. в день на своих харчах.

Составители справки подчеркнули: «Хлеб — главное богатство нашего населения, достатком или недостатком его меряется благополучие того или иного года. Каков 1899/1900 сельскохозяйст-

венный год в этом отношении? Своего хлеба хватает до декабря-января у 10%, до февраля — у 8%, до марта — у 16%, до апреля — у 10%, до мая — у 22%, до июня — у 6%, до июля — у 28%. В среднем в обычный год хватает хлеба на 5 месяцев в 13 ответах, на 10 месяцев — в 14, до нового урожая — в 43 ответах. (Указаны отдельно ответы в южном районе, куда относятся и Бизяки: 6–6 — 15. — А.М.)». Отмечено также: «Хлеба себе не хватает и из-за продажи его осенью для уплаты податей и по разным другим причинам».

Есть сведения и о состоянии скотоводства. Отмечено, что в среднем по уезду скот был поставлен в стойло 15 октября. В Салаушской волости скот выпустили на волю 24 апреля, в стойло поставили 17 октября. Стойловый период продолжался, в среднем, 157 дней. По уезду выпустили 48,17% — кормленный, 47,58% — средний, 9,25% — истощенный скот. Волостные правления в уезде насчитали к 23 апреля 1900 года 54530 лошадей, 51817 коров, 145139 овец [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 385, л. 9–21].

Бизякинцы, как и все население татарских сел Елабужского уезда, стремились максимально использовать свои земельные наделы. На своих полях они по-прежнему в основном выращивали рожь и овес; а ячмень, полбу, гречиху, пшеницу, просо, горох, чечевицу, лен и коноплю выращивали понемногу. Озимое поле полностью было отдано под рожь. Это соответствовало господствовавшему здесь трехполью. В целом по Вятской губернии сборы озимой ржи в 1900 году составили 53,9% к общему сбору хлебов. Основной культурой в яровом поле был овес. В том же 1900 году в губернии под овсом находилось 35,8% всех посевных площадей. Широкому расширению посевов овса в крае в конце XIX — начале XX века способствовала особая его неприхотливость к плодородию почвы. Значительные размеры посевов овса обуславливались и большим спросом на него как на фураж в условиях широкого использования гужевого транспорта в эпоху активного роста перевозок продукции капиталистического производства.

Остальные продовольственные культуры бизякинцы возделывали, в основном, для собственного употребления, в очень небольших количествах. Типичным для полунатурального даже в начале XX века хозяйства бизякинцев было возделывание прядильных растений льна и конопли. Правда, в связи с распространением в деревне фабричных тканей применение их волокна в домашнем качестве несколько сократилось. Однако традиционное исполь-

зование волокна этих культур в хозяйственных целях по-прежнему играло большую роль.

В крестьянском хозяйстве все было взаимосвязано. Уезд продолжало лихорадить в зависимости от природных явлений: на смену неурожайному 1899 году пришел благоприятный 1900 год. Но в 1901 году вновь оказался большой недород хлебов в 17 губерниях Волго-Уральского региона, в том числе и в Вятской губернии. В начале XX века продолжало сохраняться положение, характерное для пореформенной эпохи, когда неурожаи повторялись через каждые 6–7 лет. Продолжались они, как правило, два года подряд и нередко вызывали голодную смерть населения деревни. После каждого такого года нужны были время и средства для восстановления пришедшего в упадок хозяйства. Малоземелье, падежи скота и его продажа для уплаты налогов и другие причины сдерживали и развитие животноводства. Так же, как практиковалось в губернии и в уезде в последней четверти XIX века, и в начале XX века маломощные хозяйства часто переносили последствия неурожаев лишь благодаря земским и правительственным ссудам на продовольствие и семена, а также на лошадей, которых земства закупали для обеспечения безлошадных.

Животноводство оставалось второй после земледелия важной отраслью хозяйства. Домашние животные являлись источником продуктов питания (мясо, молоко, яйца) и сырья для разнообразных ремесел (шкуры, шерсть, пух, перья, кость). Лошади были основной тягловой силой для пахотных орудий и транспортных средств. Продукция животноводства, как и сами животные, обладая значительной рыночной стоимостью, давала сельчанам дополнительные средства для ведения хозяйства. Домашние животные были также источником навоза — важнейшего удобрения для поддержания плодородия почвы.

Привычное течение обычной жизни деревни встревожили два события начала XX века — русско-японская война и первая в истории страны революция. 1905 год в России начался с событий 9 января, получившего название Кровавого воскресенья. По промышленным центрам прокатились волнения рабочих. Бурлили обе столицы и университетские центры. Оживилось национальное движение. В Поволжье и на юге страны активизировалось крестьянское движение. Но Елабужский уезд, как, впрочем, и остальная провинциальная Россия, продолжал, в основном, жить повседневно-

ными работами. Несмотря ни на какие войны или революции нужно было проводить весь цикл сельскохозяйственных работ, выращивать скот, платить налоги... Малая активность населения края в годы революции, видимо, объяснялась и тем, что здесь почти не было крупного помещичьего землевладения, т.е. для выдвижения главного требования крестьян — «земля крестьянам!» — не было условий. Это хорошо демонстрирует рапорт уездного исправника от 27 февраля 1906 года: «Крестьянское же население, в общем, отнеслось большей частью без участия к реформам, ожидая от них только прибавки земли и сложения части лежащих на земле налогов» [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 600, т. 9, л. 65].

Елабужская уездная земская управа при подготовке сведений по уезду для верноподданнейшего отчета вятского губернатора за 1905 год обратила внимание на погодные условия: «Отчетный год в отношении урожая ржи, как главного продовольственного хлеба, по сравнению с предшествующим 1904 годом, был неблагоприятным. По результатам же урожая яровых хлебов, в особенности трав, год нужно признать благоприятным, — отмечено в этих сведениях. — [...] Севу ржи осенью мешала дождливая холодная ветреная погода; и дальнейшему росту озимых тоже. Перед выпадением снега почва промерзла глубоко. Зима была многоснежной, умеренной; весна несколько поздняя, но более дружная. Снег сошел к 15 апреля». Далее приведены конкретные сведения о времени посева яровых в уезде — «Овес начали сеять 27 апреля, ячмень с 1 мая» и о времени жатвы — «Рожь начали жать с 24 июля — по 5 августа. Жатва яровых — с 6 по 26 августа». Указано, что холодная весна задержала рост озимых; лето было в общем благоприятное, но во время уборки мешали дожди [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 593, л. 4].

В материалах, подготовленных губернским статистическим комитетом к отчету губернатора за 1905 год, есть и сведения о коэффициенте урожайности хлебов в 1905 году в Елабужском уезде в «сам»ах: «Рожь — сам 4,8; овес — 5,5; пшеница — 4,8; ячмень — 8,3; греча — 4,3; картофель — 8,8; лен — 4,8; пенька (конопля. — А.М.) — 4,3». Эти данные показывают, что урожай хлебов был хорошим. Указаны и цены на рабочие руки по денно на полевых работах: женские руки оценивались в 35–40 копеек, мужские — 45–55 копеек, рабочий с лошастью в день получал 0,9–1 рубль [Там же, л. 149]. Приведены и сведения об изменениях стоимо-

сти ржи и овса в зависимости от времени года. Так, сразу после уборки хлебов пуд ржи стоил 40 копеек, ржаной муки — 45,5 копеек, овса — 30 копеек; зимой соответственно 54, 60 и 65 копеек; в начале лета — 58, 65 и 37 копеек [Там же, л. 150]. Указаны и цены на домашний скот: по уезду в среднем лошадь стоила 43 рубля 76 копеек, корова — 24 рубля 95 копеек, овца — 3 рубля 10 копеек. А в Салаушской волости за лошадь нужно было заплатить от 30 до 40 рублей, за корову — от 18 до 25 рублей, за овцу — от 2 до 5 рублей [Там же, л. 204].

И в рапорте уездного исправника от 27 февраля 1906 года также содержатся сведения для верноподданнейшего отчета вятского губернатора за 1905 год: «Урожай хлебов был в общем удовлетворительный и имевший благотворительное влияние на торговлю, промыслы, заработки и кустарные изделия. Торговля велась оживленная; предметы промышленных и кустарных изделий получили больше сбыта по случаю увеличения на них требования; цены и заработки повысились, — отмечалось в нем. — Скот у крестьян перезимовал благополучно. И нужды в корме не имелось». Далее исправник привел существующие в уезде цены на скот, сено и зерновые: рабочая лошадь стоила от 20 до 60 рублей, корова — 15–30 рублей, овца — 1–3 рубля, свинья — 1–12 рублей. Цена пуда сена колебалась от 6 до 30 копеек, ржаной соломы — от 15 до 90 копеек; пуд овса стоил от 35 до 43 копеек, пуд ржи — 50–60 копеек, ржаной муки — от 40 до 80 копеек. Только в конце рапорта исправник перешел к политическим событиям и отметил, что в Елабуге за весь 1905 год был лишь один митинг в городском театре [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 600, т. 9, л. 64–65].

Исправник отметил также, что «кустарные и отхожие промыслы в уезде малоразвиты и занимается ими незначительная часть населения». Он обратил внимание и на занятия нерусского населения уезда: «Инородческое население уезда занимается преимущественно хлебопашеством и лишь незначительная часть промыслами, а именно: плетением из лыка лаптей, пестерей, мочальных шлей, тканьем из мочала кулей, выдолбкою деревянных кадок и лопат, шерстобитным, тележным, санным промыслами, вывозкою дров и заводских товаров, выработкою и вывозкою их на пристань, вязанием рыболовных снастей, катанием из шерсти шляп и валяных сапог, плотничным, кузнечным и прочим ремеслом» [Там же, л. 66].

В «списках населенных мест Елабужского уезда за 1905 год» указано, что в Бизьяках насчитывалось 367 дворов, где проживало 1066 мужчин и 1028 женщин [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 617/3, л. 211 об.]. Земли у них было в общинном владении 2986 десятин [Там же, д. 620, л. 110]. Они усердно трудились на своих землях, земля из-за истощения почвы была малоурожайной и была неспособна прокормить семью без дополнительных приработков. Кроме привычных промыслов и извоза они находили работу на заводах Ушковых, которые продолжали расширяться и открывать новые производства. В 1905 году Бондюжский завод насчитывал уже 1294 рабочих, а Кокшанский – 450, произвели они продукции первый на 1758607 рублей, второй – на 637650 рублей [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 600, л. 70]. В начале XX века многие бизякинцы работали на них уже не только грузчиками и возчиками. Больше их было на Бондюжском заводе, располагавшемся в 10 верстах от Бизяков. Это позволяло бизякинцам устраиваться на завод на работу на постоянной, а не только на поденной основе.

Приработки нужны были бизякинцам и для уплаты постоянно растущих налогов. По-прежнему они несли и натуральные повинности, распределявшиеся равномерно между сельчанами. В начале XX века сохранялись следующие натуральные повинности: 1) служебная – выполнение различных поручений волостного и сельского управлений;

2) подводная – поставка подвод для разъездов должностных лиц волостного и сельского управлений по служебным обязанностям;

3) квартирная – отвод квартир при проходе партий новобранцев и нижних воинских чинов, а также должностным лицам;

4) дорожная – исправление проселочных дорог, постройка на них мостов, гатей и т.п., содержание мостов и провозов через реки;

5) караульная – охрана общественных хлебозапасных магазинов, наблюдение за безопасностью от пожаров, сопровождение арестантов по уезду, охрана мертвых тел и следов преступлений [Там же, л. 73].

Самой трудоемкой, как отмечалось в документах, являлась дорожная повинность, требовавшая от бизякинцев постоянного внимания, много сил, времени и расходов. Много хлопот добавляли им служебная и подводная повинности, особенно во время весенне-летней страды.

В начале XX века в Вятской губернии стали публиковать сельскохозяйственные обзоры, в которых давались данные текущей статистики по уездам, описание погоды и состояния хлебов и т.д. Приведу выдержку из описания состояния хлебов и трав в Елабужском уезде к 25 июня 1913 года: «Непрекращающиеся дожди с половины мая и до сего времени поддерживали все время в почве даже избыток влаги (кое-где вред озимым от дождя и града). Точно также и для яровых; как последствие сильных дождей — сорная трава. Начала рожь колоситься в среднем по уезду 30 мая, колебания же от 5 мая до 3 июня. Причина большого колебания в том, что во многих местах рожь вышла из-под снега довольно плохая — редкая, и только благодаря сильным дождям она со второй половины мая начала сильно куститься и из плохой стала хорошей. И такая-то рожь, которую некоторые корреспонденты называют «сборной», сравнительно позже стала колоситься и цвести. Цветение же ржи началось в среднем по уезду с 15 июня, колебания с 1 июня по 3 июля; и здесь та же причина, и непрерывные дожди, которые задержали цветение и созревание» [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 945, л. 10].

В этих обзорах приведены также данные о состоянии озимого посева по Салаушской волости. Оценка давалась по четырехбалльной системе (2,0 состояние считалось плохим, от 3,0 средним, от 3,2 — выше среднего, от 3,5 — хорошее). При уходе под снег состояние хлебов в волости было хорошим, в 4 балла (по уезду — 3); при выходе из-под снега — среднее — 3 (по уезду то же); к 1 июня — то же; к 25 июня — хорошее — 3,5 (по уезду — 3,6 — хорошее) [Там же, л. 10 об.]. Интересны в связи с этим данные следующей таблицы.

Таблица № 8

Сведения о состоянии яровых посевов в Салаушской волости

	Овес	Ячмень	Картофель	Пшеница	Полба	Горох	Греча
К 1 июня	3,3	3,3	3,8	3,3	3,3	3,3	3,5
К 25 июня	3,5	3,8	3,5	2,8	3,8	3,8	4,0

Отметив явное улучшение состояния яровых, статистики подчеркнули: «Точно также улучшились и травы в этот период, кроме болотных сенокосов, т.к. излишек влаги ухудшает качество и уменьшает количество сена на них, в сухие же годы — наоборот» [Там же, л. 11об.— 12].

Рассмотрим две сводные таблицы, показывающие динамику урожая хлебов по Елабужскому уезду в 1912–1917 годах. Первая содержит данные сбора с одной десятины в пудах, вторая – в «сам»ах.

Таблица № 9

**Сбор хлебов по Елабужскому уезду в 1912–1917 годах
(с 1 десятины в пудах)**

Культуры	1912	1913	1914	1915	1916	1912–16с	1917	1912–17
Рожь	89	72	48	64	54	67	43	63
Овес	69	55	51	59	56	57	30	53
Ячмень	87	78	72	73	53	61	31	56
Пшеница	11	55	67	56	39	46	29	43
Полба	18	68	65	68	44	53	50	51
Ярица	–	–	–	–	–	–	–	–
Греча	41	23	11	27	1	23	13	21
Горох	28	29	13	19	20	22	14	20
Конопля	22	22	15	30	16	21	19	21
Картофель	360	372	312	324	306	326	378	342

[Составлена мной по материалам: ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 994, л. 32–34]

Таблица № 10

Урожай в «сам»ах по Елабужскому уезду в 1912–1917 годах

Культуры	1912	1913	1914	1915	1916	1912–16	1917	1912–17
Рожь	9.4	7.6	5.5	6.7	5.7	7.0	4.5	6.6
Овес	5.3	4.2	3.3	4.5	4.3	4.4	2.3	4.1
Ячмень	2.7	7.8	7.2	7.3	5.3	6.1	3.1	5.6
Пшеница	1.1	5.5	6.7	5.6	3.9	4.6	2.9	4.3
Полба	1.4	5.4	5.2	5.4	3.5	4.2	4.0	4.1
Лен	3.4	4.0	1.8	3.3	1.7	2.8	1.4	2.6
Греча	9.1	5.2	2.4	5.9	2.5	5.0	2.8	4.7
Горох	4.7	4.8	2.2	3.1	3.3	3.6	2.3	3.4
Конопля	2.7	2.7	1.9	3.7	2.0	2.6	2.4	2.6
Картофель	6.0	6.2	5.2	5.4	5.1	5.6	6.3	5.7

[Составлена мной по материалам: Там же, л. 39–44]

Есть сведения и о сборе сена. В эти годы, по оценочным данным, в Елабужском уезде в средний год собирали с заливных лугов 107 пудов с 1 десятины, с суходольных лугов – 61 пуд, с болотных лугов – 53 пуда; по губернии сбор был 93, 47 и 4 пуда соответственно [Там же, л. 53].

Как видим, по сравнению со второй половиной XIX века коэффициент урожайности, колеблясь от 2,6 до 7 «сам»ов по разным культурам, повысился незначительно – до 4,6 «сам»а в среднем. Это показатель того, что при сохранявшихся условиях производства уезд не мог производить достаточного количества товарного хлеба (при среднем показателе «сам 4,6» его должно было хватать

лишь на питание семьи, уплату налогов и семена для посева). В то же время нужно отметить, что неплохие урожаи давали такие культуры, как рожь, ячмень, картофель и гречиха. Динамика сбора хлебов в предреволюционные пять лет показывает, что произошел некоторый рост урожайности. При рассмотрении колебаний урожайности культур по годам, однако, можно сделать вывод о сильной зависимости ее от погодных условий. Интересен в этом отношении 1912 год, давший рекордные урожаи ржи, гречихи и картофеля при очень низких сборах яровых. Падение же урожайности в 1916 году, по всей видимости, следует объяснить условиями военного времени. Таблицы демонстрируют, что условия эти еще более ухудшились в революционном 1917 году, когда разруха, нехватка рабочих рук и лошадей стали еще более заметными.

В годы первой мировой войны царское правительство все более осознавало необходимость регулирования продовольствия в стране. По постановлению Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу Министерство земледелия распорядилось провести в 1916 году первую Всероссийскую сельскохозяйственную перепись. Это одно из последних крупномасштабных мероприятий российской статистики эпохи царизма по сбору данных о состоянии аграрного сектора экономики было проведено в мае-июле 1916 года и охватило 77 губерний и областей.

Перед возглавившим страну после свержения царизма в феврале 1917 года Временным правительством наряду со многими другими встал и продовольственный вопрос. Требовались точные сведения о землевладении и землепользовании для намечавшейся аграрной реформы. Для нужд продовольственной кампании также нужно было обновление данных сельскохозяйственной переписи 1916 года. Новая программа была разработана отделом переписи при управлении делами Особого совещания по продовольствию и утверждена на Всероссийском съезде земских статистиков, проходившем в Москве 18–21 апреля 1917 года. Надвигающаяся в стране продовольственная катастрофа заставила Временное правительство провести новую сельскохозяйственную перепись уже летом 1917 года.

Вторая Всероссийская сельскохозяйственная перепись проводилась с мая по октябрь 1917 года, в самое «горячее» для крестьян время. Перепись регистрировала такие сведения, как число

хозяйств, состав семьи, численность и виды скота, размеры посевных площадей по культурам, земельным площадям и угодьям, аренда земли, наличие сельхозинвентаря, промышленных и торговых заведений. Материалы переписи (поездные ее итоги по 57 губерниям) были опубликованы уже в советское время, в 1923 году. Полнота охваченных переписью объектов, как отмечается в предисловии сборника, пострадала во всех губерниях из-за сильного аграрного движения летом 1917 года. Имели место и массовые отказы населения от участия в переписи.

Несмотря на сложность обстановки (перипетии 1917 года, гражданская война и дальнейшие события в стране), в местных архивах сохранились многие материалы переписи 1917 года, в частности, опросные листы и бланки похозяйственного опроса населения. Эти документы, собранные в отдельные папки по населенным пунктам, достаточно хорошей сохранности, являются бесценным материалом для наиболее полной характеристики деревень в переломный момент истории. В Национальном архиве Татарстана хранятся и материалы сельскохозяйственной переписи 1917 года по деревне Бизяки. Это подворные опросные листы и бланки с итогами похозяйственного опроса населения. В трех больших папках содержатся 462 подворных опросных листа и 11 итоговых бланков по группам хозяйств. Внимательное изучение содержания этих материалов показало их уникальность. Хотя, по неизвестным нам причинам, отсутствуют несколько опросных листов и один итоговый бланк, изучение и анализ основного банка документов позволяет представить состояние деревни к осени 1917 года [НА РТ, ф. 991, оп. 2, д. 330–332].

Первая группа документов – опросные листы, в них содержатся сведения о жителях конкретного хозяйства: полные о хозяине двора и данные о составе семьи без указания имен, но с определением родственных отношений и возраста. Здесь же даны сведения о количестве земли, скота, посевов по культурам. Имеются неполные данные о наличии торгово-промышленных заведений, об аренде земель, о дополнительных занятиях. Также есть сведения о призванных на действительную службу и мобилизованных на промышленные предприятия (см. Приложение № 8).

Некоторые наблюдения по опросным листам. Сохранилось всего 462 заполненных опросных листа. В двух опросных листах указано, что хозяева этих дворов отказались давать какие-ли-

бо сведения, поэтому указаны только имя и фамилия владельца. Кроме того, в 16 листах тоже нет сведений, так как владельцы этих хозяйств с семьями во время опроса отсутствовали в деревне. В 452 хозяйствах жили приписанные к бизякинскому обществу, 10 дворов принадлежали посторонним, т. е. не бизякинцам. Это духовные лица, торговцы, кузнец, портной со своими семьями. Они не имели земли и не занимались земледелием. В 16 хозяйствах главами записаны женщины, как правило, вдовы с малыми детьми. В некоторых опросных листах имеются сведения о призванных на действительную службу (11 человек) и состоявших на учете на Бондюжском, Ижевском и Кокшанском заводах (всего 13 человек). Кроме того, можно встретить записи типа «караульщик пчел», «рыбак», «торгует рыбой», «чернорабочий», «ведет мелочную торговлю» и т.д.

Интересны сведения о количестве и видах домашних животных в каждом хозяйстве, о размерах посевов по видам культур. Начнем с посевов. Бизякинцы владели наделами от одной до семи разверсточных единиц. Разверсточная единица — это участок земли, полагающийся на одну душу при разделе общинной земли, она учитывалась при разверстке налогов и других поборов. Одна душа при этом могла определяться по последней ревизии, по наличным душам или по тягловой силе. Можно предположить, что в данном случае разверсточные единицы были определены по числу мужских душ по последней ревизии 1858 года, что произошло при переводе бизякинцев в разряд сельских обывателей и включении их в оклад в 1866 году. С тех пор, по-видимому, переделов земли не было, и наделы переходили по наследству. При создании новых хозяйств производился и раздел надела. Об отсутствии новых переделов говорят такие факты, как наличие хозяйств, где есть только один мужчина, который владеет несколькими единицами земли, и наоборот, хозяйства с 5–6 мужчинами имеют лишь одну-две единицы.

Опросные листы дают возможность выяснить распределение земли по разверсточным единицам внутри бизякинской общины. Так, наделы из одной разверсточной единицы были в 119 хозяйствах, из двух — в 146, из трех — в 99, из четырех — в 39, из пяти — в 28, из шести — в 10 хозяйствах. Надел из семи единиц был лишь в одном хозяйстве. Им владели Хикматулла Альмухаметов (34 лет, женат, жена 24 лет и дочь 3,5 лет) и два его нежена-

тых брата, 30 и 20 лет. Следовательно, можно предположить, что при женитьбе братьев и выделении их в самостоятельное хозяйство надел также будет поделен на 3 части. Впрочем, хозяйство это было далеко не богатым: Хикматулла имел только одну лошадь, одну корову и одну овцу с ягненок. И засеял он лишь две с половиной единицы; на них было высеяно 15 пудов ржи и 20 пудов овса. Остальные четыре с половиной надела были сданы в аренду трем лицам.

Об аренде земли. В 1917 году в Бизьяках дополнительные участки земли брали в аренду 17 хозяйств (от 0,4 до 4 единиц). Чаще всего арендовали у своих родственников или соседей, отсутствовавших в деревне. Столько же владельцев сдавали землю в аренду. 27 хозяйств совсем не засеяли свои наделы. Однако отметим, что большинство из них отдавали землю в аренду.

Есть отметки о недосеве из-за отсутствия рабочих рук или нехватки семян. При изучении опросных листов бросается в глаза, что почти половина бизьякинцев – 203 хозяйства – засеяли свои наделы только двумя культурами. Это рожь и овес. При одной единице земли, как правило, ржи высевали пять пудов, овса – шесть с половиной пудов. Остальные культуры – пшеницу, ячмень, полбу, горох, гречиху, лен, коноплю – высевали мало, за редким исключением, только для внутреннего употребления. Самое большое разнообразие культур было высеяно в хозяйстве Калимуллы Нигматуллина.

Рассмотрим, каким был состав его семьи. Самому хозяину было 60 лет, его жене – 55 лет. У них пятеро сыновей (35, 29, 25, 19 и 10 лет) и три дочери (19, 17 и 16 лет). Двое старших сыновей женаты (снохи 33 и 29 лет). Есть два внука (7 и 5 лет) и внучка (6 лет). Итого в хозяйстве было 15 человек – 8 мужчин и 7 женщин. Указано, что второй сын работает на Бондюжском заводе. В хозяйстве Калимуллы Нигматуллина было 8 лошадей, 3 коровы, 2 теленка, 12 овец. Ему принадлежал надел в 5 разверсточных единиц. Еще 3 единицы он взял в аренду. На этих землях было высеяно 43 пуда ржи, 45 пудов овса, 5 пудов пшеницы, 13 пудов ячменя, 6 пудов полбы, 2 пуда гороха, 0,5 пуда льна, 0,1 пуда конопли. Все это показывает, что хозяйство было крепким, а семья – работающей. Вряд ли здесь можно говорить об эксплуатации наемного труда. Но можно предположить, что в этом хозяйстве выращивали и товарный хлеб (на продажу). Кстати, и количество лошадей говорит

о том, что мужчины этой семьи наверняка занимались извозом, таким образом добывая прибавочный продукт.

Приведу еще два примера. 1) Хозяйство Хикматуллы Салимуллина, 30 лет. Семья из пяти человек: брат 26 лет, сын 3 лет, жена 23 лет и сноха 28 лет. Имеется 2 лошади, 1 корова, 2 телят, 8 овец, 2 разверсточные единицы земли. Засеяно рожью (10 пудов) и овсом (13 пудов) 1,9 десятины пашни. Под паром находится 1,2 десятины земли. 2) Хозяйство Гайнутдина Ахмадянова, 60 лет. Семья также из пяти человек: жена 55 лет, два сына, 20 и 29 лет, дочь 18 лет. Имеется 2 лошади, 1 корова, 6 овец, 6 разверсточных единиц земли. Засеяно 5,9 десятины пашни: по 30 пудов ржи и овса, 2 пуда пшеницы, 6 пудов полбы. 3,6 десятины земли находится под паром. Как видим, оба хозяйства и по составу семьи, и по движимому имуществу почти одинаковы. Но земли во втором хозяйстве в три раза больше, что, как можно предположить, давало ему возможность работать на рынок, тогда как первому хозяйству, в основном, урожая хватало только для обеспечения своего хозяйства и семьи.

А вот сведения о хозяйстве моего деда: Ибрагимов Махмут, 45 лет, имеет жену 40 лет, трех сыновей (17, 16 и 13 лет), двух дочерей (12 и 8 лет). Все были грамотны. В хозяйстве деда было 2 лошади, 1 корова, 4 овцы с 2 ягнятами и коза. Имел дед 3 разверсточных единицы земли. Засеяно 2,9 десятины земли: ржи высеяно 15 пудов, овса — 14 пудов, пшеницы — 5 пудов. Под паром находилось 1,8 десятины земли. Кроме того, дед занимался шорной торговлей. Было два специально выстроенных из камня здания для хранения товара. Напомню, что прадед Ибрагим фактически оставил его нищим (в 1891 году он лишился лошади и умер сам, то ли от голода, то ли от тифа). В начале самостоятельной жизни у деда Махмута с матерью были лишь дом и надел земли. Надо полагать, что он был трудолюбивым и очень сметливым. Женится на такой же трудолюбивой девушке Шамсикамал, дочери Зайнуллы. Приобрел лошадь, корову, в свободное от полевых работ время занялся скупкой кожи, шорных изделий (сбруи, различных ремней), кожаной обуви (ичигов, тапочек и т.д.). Вначале он и сам занимался изготовлением шорного товара, но скупка готового товара по деревням открывала больше возможностей, и он полностью переключился на разъездную торговлю. По воспоминаниям нашего отца, торговал он и на ярмарках (Мензелинской, Спасской в Елабуге), пару

раз вместе с односельчанами добирался и на далекую Макарьевскую ярмарку. Словом, дед постепенно встал на ноги и к 1917 году был уже крепким середняком.

Рассмотрим судьбы еще одного рода. В одном из предыдущих очерков шла речь об одном из самых «крутых» бизякинцев конца XIX века – Гильмибашаре Шункарове. В 1898 году он внезапно умер, оставив крепкое хозяйство, двух жен и шесть малолетних сыновей: Гумара 15 лет, Мулланура 9 лет, Гусмана 8 лет, Мирсайтгали 5 лет, Шункара 4 лет и Зиннура 1 года. Что известно об этом хозяйстве к 1917 году? У сыновей Гильмибашара Шункарова было четыре отдельных хозяйства:

1) У Гумара Шункарова (33 лет) жена 35 лет, два сына (5 и 2 лет) и 4 дочери (14, 12, 10 и 8 лет). В его хозяйстве нет никакой живности, есть лишь одна разверсточная единица земли, на которой он высеял 5 пудов ржи и 6,5 пуда овса.

2) Гусман Шункаров, 28 лет, живет с матерью 60 лет. У него состояние хозяйства такое же, как и у старшего брата.

3) Хозяйство Мулланура Шункарова, 30 лет. У него жена 19 лет. Сюда же приписаны его брат 26 лет (видимо, Мирсайтгали), работающий фельдшером в Мензелинском уезде, с женой 20 лет. За братьями числятся 2 разверсточные единицы земли, которые засеяны 10 пудами ржи и 13 пудами овса. Сам Мулланур состоит на учете на Ижевском военном заводе (по-видимому, работает там же).

4) К четвертому хозяйству приписаны Шункар Гильмибашаров 22 лет и его брат 19 лет (Зиннур). У них также 2 единицы земли, которые сданы в аренду мулле Рафагутдину Халилову «за подать», т.е. Рафагутдин-хазрат должен был оплачивать налоги, приходившиеся на долю братьев. Освободившись от земли и налогов, оба брата ушли из деревни. Отмечено, что Шункар находится на учете на Ижевском заводе, Зиннур отсутствует.

Итак, от богатства Гильмибашара Шункарова, легенды о котором «дожили» в Бизьяках до конца XX века, к 1917 году осталась только земля и, вероятно, дома. Что бы ни явилось причиной разорения этого очень состоятельного хозяйства (только ли смерть хозяина и малолетство сыновей?), разделившиеся на самостоятельные хозяйства сыновья пополнили ряды беднейших бизякинцев, не имевших никакого скота. Судьба этого рода, на мой взгляд, ясно показывает неустойчивость благосостояния населения деревни, особенно если вспомнить, что в первой половине и в середине де-

вятнадцатого века два представителя этого рода, будучи юртовыми старшинами, в прямом смысле слова держали в руках не только свою деревню.

Перейдем к анализу второй группы документов переписи 1917 года. Это специальные бланки с итогами похозяйственного опроса населения. Видимо, вся деревня была поделена на 12 групп, примерно, по 40 хозяйств. Сохранилось 11 бланков. Отсутствует бланк под № 8. В бланках собраны итоговые сведения по каждой группе о количестве и составе населения, о численности и видах скота, о размерах посевных площадей по культурам [НА РТ, ф. 991, оп. 2, д. 331, л. 156–166].

После сведения в одну таблицу данных одиннадцати бланков (см. Приложение № 9) получили следующую картину. В бланках учтено 428 хозяйств (напомню, по опросным листам их 462). В них проживало наличных мужчин 1071, из них трудоспособных – 380, полутрудоспособных – 170 человек; отсутствуют по мобилизации 159 мужчин, по другим причинам – 38 мужчин. В Бизьяках наличных женщин учтено 1119, из них трудоспособных – 545, полутрудоспособных – 134. Итого наличного населения обоего пола – 2190 человек, отсутствуют 205 человек. Распределение хозяйств по рабочим-мужчинам: в 113 хозяйствах мужчины-работники отсутствуют, по одному трудоспособному мужчине имеют 250, по два – 55, по три – 10 хозяйств. В процентном соотношении это выглядит так: 26,4%: 58,4%: 12,8%: 2,3%.

Хозяйств со скотом в Бизьяках счетчики насчитали 333, или 77,8% всех хозяйств. Рабочих лошадей в них было 471, молодых лошадей – 8, жеребцов – 11. Взрослых коров было 415, нетелей – 49, быков – 7, подтелков – 8, телят – 224. Овец было – 1374, ягнят – 389, коз – 26, козлят – 13. Интерес представляют и сведения о количестве лошадей и коров в одном хозяйстве. Так, безлошадных дворов было 83, или 19,4%, с одной лошастью – 185 дворов, или 43,2%, с двумя – 106 дворов, или 24,8%, с тремя и более лошадьми – 15 дворов, или 3,5%. Хозяйств без коровы было 100, или 23,4%, с одной коровой – 197, или 46%, с двумя – 87, или 20,3%, три и более коров было в 25 хозяйствах, что составляло 5,8%.

Напомню, что безлошадные хозяйства считались беднейшими, с одной лошастью – бедными. Судя по приведенным данным о количестве лошадей, в 1917 году в Бизьяках бедные и беднейшие хозяйства составляли более 60% дворов, середняки – почти четверть

дворов, крепкие хозяйства — лишь 3,5% дворов. Выше отмечалось, что обеспеченность хозяйств лошадьми оказывала большое влияние и на уровень земледелия. В 1917 году в Бизьяках под посевами было занято всего 1297,7 десятины земли, под паром было: оставлено 737,5 десятины; недосева было озимых 11 десятин, яровых 19,5 десятины [НА РТ, ф. 991, оп. 2, д. 331, л. 156—166].

Итак, все эти сведения вкупе с итоговыми данными по группам хозяйств дают наиболее полное представление о состоянии деревни Бизьяки. Несомненно, можно сказать, что в условиях войны и революционных событий в деревне нарастало обнищание крестьянства. Для выводов же о раслоении деревни и выяснения степени проникновения капиталистических отношений у нас не хватает информации.

Годы смутные, дни тревожные

1917 год... Завершался третий год кровопролитной первой мировой войны. Свержение царизма... Весть о свержении царизма разносилась по стране с небывалой быстротой. Февральскую революцию народы России встретили с воодушевлением. Разрушив самодержавный режим, она как бы в одночасье раскрыла перед россиянами новые горизонты для осуществления их самых потаенных чаяний, самых широких надежд. На несколько месяцев (а казалось — навсегда!) Россия стала самой свободной страной в мире. В стране в целом и в татарском обществе в частности начались изменения разного характера. Повсюду проходили митинги, демонстрации, всевозможные съезды — профессиональные, крестьянские, религиозных деятелей, военные, женские и т.п. На них, как и везде по России, обсуждались важнейшие политические вопросы того времени: о войне и мире, о земле, о демократической республике и Учредительном собрании, о национальном равноправии и самоопределении...

Можем ли мы сейчас, спустя 100 лет, определить, как восприняли весть о свержении царизма в Бизьяках наши прадеды и деды, а также тогда еще совсем молодые наши отцы (например, моему отцу, Махмутову Хазиахмету, было всего неполных 17 лет!)? Мне кажется, деревня, получив известие, что в стране больше нет царя, прежде всего, насторожилась и замерла в шоке. «Как это так? Как же мы без царя-то? Что-то теперь будет?» — над подобными

вопросами, по всей вероятности, ломали головы и старики, и молодежь. Однако повседневные заботы брали свое — царь, есть он, или его свергли, где-то далеко; где-то далеко идет война, митингует народ, проходят съезды... А для хлебопашца, как всегда, на первое место выдвигаются весенне-полевые работы, когда землю грех оставлять пустующей; в условиях, когда столько молодых сильных мужчин были мобилизованы на войну, для оставшихся в деревне это становится тем более насущным; затем сенокос, затем уборка хлебов... Тем не менее, уже весной-летом, в самый разгар страды, в деревне начали появляться мусульманские агитаторы и представители разных партий с понятными народу лозунгами «Мир народам!», «Земля крестьянам!», «Вся власть Советам!». И началось...

В Елабужском уезде, как и повсюду, происходила реорганизация власти. Уездная земская управа, среди работников которой были не только представители либеральных партий, но и меньшевики и эсеры, попыталась взять руководство уездом в свои руки. Однако уже на первом уездном съезде Советов был избран исполнительный комитет Елабужского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, где очень активно действовали немногочисленные большевики и мусульманские активисты. «Срок созыва первых трех [съездов Советов] не представляется возможным установить ввиду утери данных во время бывших двух эвакуаций», — указано в отчете отдела управления уездом за ноябрь 1918 — ноябрь 1920 года, направленном в редакцию газеты «Кызыл юл» («Красный путь»). Там же приведены сведения, что за этот период состоялось девять уездных съездов Советов и указаны даты проведения IV—IX съездов: IV — съезд состоялся 20 февраля 1918 года, V съезд — в июне 1918 года, VI съезд — 1 декабря 1918 года, VII съезд — 28 июня 1919 года, VIII съезд — 10 февраля 1920 года, IX съезд — 15 августа 1920 года [НА РТ, ф. 6066, оп. 1, д. 51, л. 33—35].

Относительно мусульманских активистов. Случилось так, что в Елабуге в этот период оказались несколько радикально мыслящих молодых татар. Для того времени они были хорошо образованы и знали друг друга еще по учебе в медресе Иж-Буби и Ижевском высшем начальном училище (кстати, это не начальная школа, как может показаться; окончившие ее, выдержав испытания, получали свидетельство на звание учителя народного училища). Это братья Гирфан и Губайдулла Балтановы, Юнус Валидов, Га-

сым Мансуров и другие, жаждавшие революционного обновления мира, избавления человека труда от эксплуатации, социального и национального гнета. Они развернули кипучую деятельность по организации новой власти в уезде и вовлечению татарского населения в этот процесс.

20–22 июня 1917 года в Елабуге состоялся съезд мусульман уезда, на котором присутствовало 67 делегатов из 15 волостей. Было принято решение о создании постоянно действующего уездного мусульманского комитета, председателем которого стал Мансуров Гасым Гатаевич (1894–1955). Родившийся в семье муллы деревни Терси Елабужского уезда Вятской губернии Гасым учился в знаменитом медресе Иж-Буби. Когда оно было разгромлено царским самодержавием в 1911 году, шестнадцатилетний Гасым поступил в Ижевское высшее начальное училище, которое окончил в 1914 году, выдержав экзамен на звание учителя. В 1915–1916 годах учительствовал в Осинском уезде Пермской и Сарапульском уезде Вятской губерний, где приобщился к работе социал-демократической организации. Осенью 1916 года он перебрался в город Ижевск и стал учителем русско-татарской школы. Вечерами вел занятия с рабочими чугунно-литейного завода, активно участвовал в организации политических забастовок. После победы Февральской революции при создании Совета рабочих депутатов чугунно-литейного завода его избрали членом совета, а затем и членом правления профсоюза конторских служащих. 10 июля 1917 года Ижевская заводская организация большевиков приняла его в члены партии и направила на работу в Елабугу.

На съезде мусульман были также избраны представители в уездную управу и исполнительный комитет Елабужского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Одним из них был Юнус Нуриманович Валидов (1889–1925), уроженец деревни Балтачево Елабужского уезда Вятской губернии, окончивший (первым учеником) знаменитое медресе Иж-Буби, а затем Ижевское высшее начальное училище. «До Февральской революции учительствовал в деревне Салауши. Был подвергнут судебной ответственности за постановку революционных пьес в школе. Подвергался покушениям со стороны реакционного духовенства и кулацко-богатых элементов, — писал он в своей «Краткой биографии» для ОК РКП(б). — В 1917–18 гг. — член земуправы Елабужского уезда до эвакуации при наступлении Колчака» [цит. по: Мулаянов, 2013, с. 32].

На втором уездном мусульманском съезде, состоявшемся 14–15 августа 1917 года, рассматривались вопросы культурно-национальной автономии и народного образования в уезде. Обсуждался и вопрос о мерах борьбы с контрреволюционными проявлениями в уезде; речь шла также о выборах в Учредительное собрание. В целях подготовки мусульманского населения к выборам было решено направить пропагандистов в татарские села. В частности, в Салаушскую волость был командирован М. А. Дулатов [Музейный..., 2010, с. 2].

25–27 октября 1917 года в Петрограде состоялся II Всероссийский съезд Советов, провозгласивший в стране Советскую власть. Съезд принял ленинские декреты о мире и земле, избрал первое Советское правительство – Совет народных комиссаров (СНК) во главе с В. И. Лениным. 2 ноября СНК принял «Декларацию прав народов России». 20 ноября 1917 года на заседании СНК было принято Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Молодое правительство страны заверяло мусульман: «Мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока. Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями России. Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Вы сами должны быть хозяевами своей страны. Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию» [Декреты, 1957, с. 113–115]. Это обращение, как и другие документы новой власти, было переведено на татарский язык, опубликовано и разослано по уездам.

Советская власть была установлена в г. Елабуге 6 (19) ноября 1917 года, в уезде – в феврале 1918 года. 4 апреля 1918 года была распущена уездная земская управа. «Руководители ее, правые эсеры и меньшевики, перед роспуском скрылись, делопроизводство и архив сохранились», – отмечено в архивных документах. Власть в уезде перешла в руки исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 26 апреля 1918 года исполком постановил создать культурно-просветительный отдел для мусульман [Летопись, 1985, с. 169].

Среди бумаг Елабужского уездного исполкома имеется очень интересное постановление от 20 февраля 1919 года, ярко сохранившее революционный дух эпохи и проникнутое романтикой ожиданий скорейшего коммунистического будущего. Приведу здесь его полностью:

«В заседаниях общего собрания Елабужской организации РКПБ от 6 февраля с.г. и уездного исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 4 февраля с.г. обсуждался вопрос о переименовании Елабужского уезда в *«Елабужскую трудовую коммуну»* и, признав таковую замену слов вполне существенной, как исходящей из действительности, ибо первые шаги к восстановлению коммунального строя уже сделаны: торговля муниципализирована, дома коммунальны, уезд покрылся сетью трудовых коммун, что является принципом конкретного понятия, дабы произвести переименование, поэтому постановили: Елабужский уезд переименовать в *«Елабужскую трудовую коммуну»*. На основании чего отдел управления уездом предписывает всем советским учреждениям при переписке употреблять вместо слов *«Елабужский уезд»* *«Елабужская трудовая коммуна»*. Все штампы и печати советских учреждений должны быть переделаны по образцам, данным в советскую типографию и типографию союза потребительских обществ.

Заведующий отделом управления Х. Чернышев.

Заведующий общим подотделом М. Евстафьев.

Секретарь А. Красильников» [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 206, л. 20].

Началась гражданская война. В 1918–1919 годах территория уезда неоднократно оказывалась под ударом чехословаков и белогвардейцев. В этот период создавались и самостоятельные революционные органы власти, которые существовали одновременно с уездным исполкомом Советов: «с февраля по апрель 1918 года — военно-революционный штаб Красной гвардии; с октября по 4 декабря 1918 года, после нашествия чехословаков, — Ревком первый; с 13 марта по 2 мая 1919 года, после первого нашествия колчаковских войск, — Ревком второй; и с 28 мая по 1 июля 1919 года после второго нашествия колчаковцев — Ревком третий» [НА РТ, ф. 6066, оп. 1, д. 51, л. 32]. Революционные комитеты действовали как чрезвычайный орган, объединяющий деятельность советских учреждений в целях организации обороны. В составе первого ревкома находился и Елабужский комиссариат по мусульманским делам, работой

которого руководил Х. Г. Габдрахманов. Работа его членов сводилась к разъяснению политики Советской власти в татарских селах и к участию в вооруженных отрядах по борьбе с контрреволюцией и изъятию «излишков» продовольствия в составе продотрядов.

В течение сентября 1918 года части Красной Армии вытеснили интервентов и белогвардейцев из Мамадыша, Елабуги, затем – Чистополя, Агрыза, к середине ноября – из Бугульмы, Набережных Челнов, Мензелинска. После освобождения уезда от белых в ноябре 1918 года возобновилась деятельность комиссариата по мусульманским делам в новом составе (комиссар Искандаров Н., секретарь отдела Сахабутдинов А.), так как первый состав полностью ушел на фронт на защиту Советской власти. В составе комиссариата по мусульманским делам было создано семь отделов: общий (руководитель Бакеев А.), народного образования (Балтанов Г.), агитационно-организационный (Валидов Ю. Н.), по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (Усманов М. У.), статистики, военный и печати. В декабре 1918 года начался выпуск газеты «Чулман» («Кама»). Просуществовав около четырех месяцев, в апреле 1919 года она перестала выходить в связи с новым наступлением колчаковцев и эвакуацией.

К работе с мусульманским населением, как правило, привлекалась наиболее образованная часть татар – это учителя новометодных и русско-татарских школ. Вот, к примеру, «именной список учителей, работавших в отделе по делам мусульман в 1918–1919 годах:

1. Юнус Валидов – заведующий отделом – с VI крестьянского съезда;

2. Назыб Искандаров – редактор газеты и член коллегии – с V – крестьянского съезда;

3. Зиннур Шункаров – заведующий подотделом агитации и пропаганды – с 5 декабря (кстати, бизякинец. – А.М.);

4. Нури Исламов – заведующий подотделом по борьбе с контрреволюцией – с V крестьянского съезда;

5. Салих Хасанкаев – заведующий подотделом сельской статистики – с 1 ноября;

6. Максум Мусин – секретарь подотдела сельской статистики – с 27 января;

7. Аглямутдин Сахабутдинов – секретарь отдела – с 1 ноября».

Список составлен 10 февраля 1919 года [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 51, л. 104].

Еще 13 марта 1919 года в связи с началом нового нашествия колчаковских войск в уезде был воссоздан второй Ревком, работавший по 2 мая, до эвакуации советских органов из Елабуги. 4 мая 1919 года десантом Волжской военной флотилии был освобожден от белогвардейцев Чистополь, 29 мая — Елабуга. 1 июня войска 28-й дивизии 2-й армии под командованием В. М. Азина освободили от колчаковцев Агрыз (Летопись, 1985, с. 188–189). В целях скорейшего налаживания деятельности советских органов после второго нашествия колчаковцев с 28 мая по 1 июля 1919 года в Елабуге действовал Ревком третий.

В ходе гражданской войны, даже в самые тяжелые ее моменты, молодая Советская власть придавала чрезвычайное значение печатному слову; зачастую книги, газеты, листовки считались не менее ценным продуктом, как вооружение, продукты питания, фураж. На освобожденных от белогвардейцев территориях почти сразу же начинали выходить газеты на русском и других языках. Так, летом 1919 года, после освобождения уезда от белых и восстановления Советской власти, в Елабуге стала выходить газета «Кзыл юл» («Красный путь»). Ответственными за выпуск газеты были Хасанкаев С., Исламов Н. и Мансуров Г. Было выпущено семь номеров газеты по полторы тысячи экземпляров [Музейный..., 2010, с. 3].

Процесс формирования местных органов Советской власти на территории уезда завершился в марте-апреле 1918 года. В Бизьяках первый совет крестьянских депутатов появился еще осенью 1917 года. Он был избран на сельском сходе. Председателем стал Гафаров Ахтамзян (1865 года рождения, татарин, неграмотный, середняк, в семье 10 человек, служил в царской армии, пехотинец); товарищем председателя — Сафиуллин Хикматулла (1869 года рождения, татарин, неграмотный, бедняк, в семье 11 человек, не служил). Так как среди бизьякинцев не нашлось человека, достаточно грамотного для ведения делопроизводства на русском языке, секретарем был приглашен Стрелков Федор Афанасьевич, 1887 года рождения, кряшен, образование низшее, бедняк [НА РТ, ф. Р-6066, оп. 1 д. 192, л. 90]. О работе этого состава сельсовета конкретных данных нет.

Перевыборы новых органов на местах — сельских и волостных Советов — происходили ежегодно осенью, а иногда и чаще, в зависимости от появления новых законов или других обстоятельств.

Это было время, когда постоянно что-то менялось. Мне кажется, что первые пять лет существования Советской власти были самыми трудными в жизни наших дедов и прадедов. Во-первых, уничтожалась не только обычная жизнь, ломалось все — и привычный уклад жизни, и традиционные отношения в семье и обществе, и представления о добре и зле... Это уже была не происходившая где-то далеко революция или война. От этой революции и войны не было возможности отсидеться где-то в сторонке, уповая на Бога и полагаясь на судьбу. Революция и война пришли в твой дом, в твою деревню... Население не знало, как приспособиться чуть ли не к ежедневной смене власти, как сберечь нажитое имущество. Ведь и те, и другие (белые и красные) отбирали скот и птицу, хлеб, сено, фуражное зерно и другие продукты, а также реквизировали лошадей вместе с упряжью и повозками, мобилизовали молодежь.

Естественно, что основная часть населения не только не разделяла революционные идеалы новой власти, многим они были просто неизвестны. Новой власти, обещавшей крестьянам чуть ли не «рай на земле», приходилось принимать чрезвычайные меры по изъятию у крестьян продуктов их труда, а это значило, что на деле получалось совсем наоборот. Пассивность одних, сопротивление других, ставших первой жертвой распределительных тенденций, экстремизм охранителей прошлого вызывали политическое и экономическое насилие новых властей.

Гражданская война также диктовала чрезвычайные меры. Как уже говорилось, территория уезда, в том числе и Бизяки, в 1918—1919 годах неоднократно оказывалась то в руках красных, то в руках белых. Хотя непосредственных столкновений между белыми и красными в Бизяках или вблизи деревни не было, стрельбы было предостаточно: стреляли из всякого оружия — из ружей, пулеметов, пушек; стреляли и белые, и красные. Не раз бывало так, что с одного конца деревню покидали белые, а с другого в нее въезжали красные, и наоборот. Наш отец, Махмутов Хазиахмет, рассказывал, что мальчишки должны были играть около полевых ворот и предупреждать старосту о предстоящей смене власти. А у старосты, Султан абзый, постоянно были с собой бляха старосты еще с царских времен, которую он вешал на шею при известии о приближении белых, и буденновка, которую он надевал при красных.

Облегчения не было и в периоды мирных передышек. Среди первых законов военного времени были декреты, направленные

на централизацию продовольственного дела, проведение хлебной монополии. Народный комиссариат продовольствия получил неограниченные полномочия для закупки у населения хлеба по твердым ценам. Развернулась деятельность продовольственных комитетов, продотрядов и комбедов на местах, которые зачастую не закупали, а просто отбирали хлеб и другие продукты. Свое завершение продовольственная политика нашла в принятии декрета СНК РСФСР от 11 января 1919 года о введении продразверстки. Вначале продразверстка вводилась только на хлеб и фуражное зерно, позже — на мясо и картофель, а к концу 1920 года — практически на все сельскохозяйственные продукты.

Хотя считалось, что отнимают «излишки» у кулаков и середняков, ставших при нивелировании сельского населения большинством деревни, отнимали не только излишки, а и самое необходимое, вплоть до семенного зерна, которое крестьяне берегли «пуще глаз» даже в самые голодные годы. Размер изымаемых у крестьян излишков продовольствия рассчитывался достаточно произвольно: брались за основу погубернские данные о размере посевных площадей, урожайности, запасах прошлых лет и раскладывались по уездам, волостям, селам, отдельным крестьянским хозяйствам. Разверстка затрагивала интересы большинства населения страны — крестьянства — и не могла не вызвать ряд отрицательных явлений. У крестьян пропадал всякий интерес к земледельческому труду («для чего пахать, сеять — работать с раннего утра до позднего вечера, если все отбирают?»). Это приводило к сокращению посевных площадей и снижению производительности труда, натурализации крестьянского хозяйства и т.п. К тому же, кроме продразверстки, на крестьян возлагались и другие повинности — гужевая, дорожная, различные чрезвычайные налоги, натуральный налог, мобилизация в армию...

Как же могло случиться, что, несмотря на постепенное превращение «рая», обещанного в октябре 1917 года, в «кошмарный ад», основная масса крестьян вставала на сторону Советской власти уже в годы гражданской войны — они поставляли людей в армию, бесплатно кормили страну, выполняли массу повинностей? Ответов может быть много, но главным было подчинение превратностям судьбы и убеждение — Советская власть дала им землю. Поэтому все наступления белых, как правило, опрокидывались по мере продвижения вглубь от городов. Белые были для крестьян

отбирателями земли, «белой костью», а красные, несмотря на все, своими; поэтому крестьяне в массе своей поддерживали новую власть. В. И. Ленин, придававший большое значение жизненному опыту крестьянства, подчеркивал, что оно при сравнении выбирало Советскую власть. Когда крестьяне испытали на себе, говорил он в июле 1919 года, «когда увидели, что большевики брали одну лошадь, а колчаковцы брали все, — и лошадей, и все остальное, и вводили царскую дисциплину, они встречали Красную Армию как избавительницу» [ПСС, т. 39, с. 41].

По мере освобождения от белых необходимо было восстанавливать местные органы власти, налаживать жизнь населения. Для этого созывались сходы сельчан, волостные и уездные съезды Советов. Крестьяне, выступая на волостных и уездных съездах Советов после освобождения от белых, жаловались на грабежи и издевательства колчаковцев. Так, сразу после изгнания белых 15 июня 1919 года состоялся сход крестьянских депутатов Кураковской волости, куда теперь вошли и Бизяки. На сходе присутствовало по одному человеку от каждого села. Вот выдержки из протокола этого схода:

«Порядок дня.

1. Текущий момент.

2. Доклады с мест.

3. Выборы инструктора по перевыборам сельских советов.

Слушали:

1. Доклад т. Виноградова о продвижении вперед Красной Армии и взятии Уфы.

2. И по поводу безразличного отношения населения волости к власти (Все выступавшие жаловались на разграбление белыми бедняков и середняков, на отсутствие хлеба и т.д. — А.М.). [...] Представитель Бизяков: «Отношение к Советской власти хорошее, кроме некоторых лиц. Хлеба не хватает 9 тысяч пудов. Ушедшие с белыми возвратились все». [...]

Решение: Составить комиссию из трех человек, которой поручить собирать все сведения по поводу причинения убытков при нашествии белогвардейцев» [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 101, л. 41–44].

На волостных сходах 15 июня 1919 года из Бизяков присутствовал Гимазетдин Назмутдинов, 18 июня — Хикматулла Сафиуллин и Шайгаллям Шаймарданов, 16 июля — Ахмадиша Зиганшин и Бикмухамад Ахмадянов, 24 июля — Хикматулла Сафиуллин

и Фардитдин Биктимиров, 28 августа — Исмагил Сафиуллин. На втором волостном сходе 18 июня был избран новый состав Кураковского волысполкома, председателем стал Егор Плеханов из деревни Ижевка [Там же, лл. 87—333].

28 июня 1919 года состоялся VII уездный съезд Советов, обсудивший состояние дел в уезде после изгнания колчаковцев. Вот выступление на нем представителя от Салаушской волости Юнуса Валидова:

«Салаушская волость — одна из прикамских волостей Елабужского уезда, а потому она при обоих нашествиях белых банд, будучи на пути наступления и отступления, потерпела много разрушений; и поэтому экономическое положение волости жалкое. [...] При учете в прошлом году хлеба не доставало населению 41 тысяча пудов — волость голодает.

Политическая окраска волости следующая: в Салаушской волости, занимаясь выработкой дегтя, смолы, угля и других веществ, некоторая часть населения превратилась в буржуйчиков и эксплуатировала трудящиеся массы. После Октябрьской революции эксплуататоры вывелись, потому что они лишились того, что имели при старом режиме. После этого остались недовольные и всячески агитировали против Советской власти. Население разделилось на два противоположных лагеря. Учителя, часть интеллигенции и молодые крестьяне отстояли Советскую власть, работа шла, но в связи с мобилизацией разыгрался печальный факт — кулацкие элементы и обманутая кулаками часть населения деревни Салауши восстали и убили трех работников — председателя сельского исполкома В. Сахабутдинова, секретаря и военрука.

От последнего нашествия волость очень пострадала — уведено много лошадей, телег и т.д. Все противники Советской власти, буржуйчики и спекулянты, удрали с белыми, вся волость очищена от противников Советской власти. Настроение волости революционное. Советом народного хозяйства в последние дни приступлено к организации трудовых артелей. Много незасеянных полей, нужда в сельскохозяйственных орудиях» [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 100, л. 30 об.].

VII уездный съезд Советов определил, как ближайшую задачу, укрепление Советской власти и выяснение состояния хозяйства уезда. Были созданы уездная и волостные комиссии по оказанию помощи пострадавшим от контрреволюции, которые начали соби-

рать сведения о количестве дворов по селениям, об обеспеченности хозяйств тягловой и трудоспособной рабочей силой, семенами и т.д. Так, на 10 сентября 1919 года в Кураковскую волость входило 45 селений; среди татарских деревень самой большой по количеству дворов были Салауши — 758 дворов; затем — Бизяки — 447 дворов, Тураево — 401 двор. В Камаево насчитывалось 280 дворов, в Кичкутане — 230, в Псеево — 145, в Иж-Буби — 76 дворов, в соседнем русском селе Икское Устье указано 200 дворов [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 121, л. 5].

На 20 ноября 1919 года по Кураковской волости в 45 населенных пунктах насчитывалось всего 3029 рабочих лошадей. Самой «обеспеченной» лошадьми деревней в волости оказались Бизяки, где насчитывалось 183 рабочих лошади. На 17 декабря 1919 года по волости было 8957 «трудоспособных элементов» (в Бизяках — 674 человека) [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 73, лл. 430—431, 509—511]. Уездные органы власти предприняли организацию пополнения тягловой силы деревень, но поставки лошадей были недостаточными. «Удовлетворение граждан лошадьми и другим необходимым сельскохозяйственным скотом не представляется возможным, так как в волости в настоящее время уже нет названного скота», — сообщал 13 декабря 1919 года председатель Кураковского волисполкома Габдрахманов [Там же, д. 51, л. 159].

Имеются сведения и о состоянии посевных площадей. Так, в 1919 году в Бизяках под общественным яровым засевом было всего лишь 123 десятины; из них 104 десятины засеяно овсом, гречихой — 5 десятин, ячменем — 4 десятины, горохом — 6 десятин, просом и коноплей — по одной десятине. Общественный недосев объясняется отсутствием семян. Указано, что засеяны все пустующие огороды [Там же, д. 260, л. 8]. Из этих данных можно сделать вывод, что в Бизяках была налицо натурализация крестьянского хозяйства: то, что засеяно на огородах — это для себя, а урожай от общественных посевов, скорее всего, «заберут власти». Есть планы и на будущее: в 1920 году предполагалось засеять яровыми 426 десятин и столько же десятин отвести под пары [Там же, д. 262, л. 16]. Следующие сведения о количестве скота в волости и деревне говорят о том, что руководство уезда и губернии, по-видимому, прилагало немалые усилия для возрождения крестьянского хозяйства. В Кураковской волости на 31 августа 1920 года было 4145 лошадей, 1035 коров, 3329 овец, 97 коз; из них в Бизяках насчитыва-

лось 315 лошадей, 384 коровы, 1071 овца и 17 коз [Там же, д. 269, л. 10]. Такой рост количества скота в разоренной деревне без помощи властей вряд ли был бы возможен. Об этом говорят и протоколы заседаний уездной комиссии по оказанию помощи пострадавшим от войны.

Елабужский уездный исполком сообщал в Вятский военно-революционный комитет: «В сентябре 1918 года Елабужский уезд был терроризирован белогвардейскими бандами; многие волисполкомы уезда были совершенно разорены ими. В некоторых волостях увезены все документы, книги, бланки и прочие канцелярские принадлежности, на что после освобождения Елабужского уезда от белых потребовались огромные расходы. На покрытие этих расходов нужны средства, а средства приходится изыскивать на местах, то-есть облагать мирскими сборами всех граждан. Комитетом ввудел на Елабужский уезд в 1918 году был открыт кредит в сумме 144 тысячи рублей на личный состав волостных исполкомов, то есть председателя, его заместителя и секретаря». Так как «означенные лица приняты на средства казны в ноябре-декабре 1918 года», уездный исполком решил, что на оплату их труда уйдет примерно 75 тысяч рублей, и ходатайствовал об использовании оставшейся неизрасходованной части кредита «для организации ячеек для укрепления Советской власти и ремонт волисполкомов, пострадавших от белых» [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1 д. 51, л. 57].

В архиве сохранилось много сведений о первых сельских советах, о людях, вошедших в их состав. Для примера приведу список членов и депутатов Бизякинского сельсовета Кураковской волости, составленный в 1920 году (нумерация сквозная по волости):

«123. Салих Шакиров 1882 года рождения, военную службу проходил, середняк, депутат;

124. Хасан Шайхулахметов 1876 года рождения, военную службу проходил, бедняк, депутат;

125. Закир Садыков 1868 года рождения, военную службу не проходил, бедняк, депутат;

126. Тазетдин Камалетдинов 1862 года рождения, военную службу не проходил, бедняк, депутат;

127. Закир Сиракаев 1883 года рождения, военную службу не проходил, бедняк, депутат;

128. Якуб Ахмадянов 1870 года рождения, военную службу не проходил, бедняк, депутат;

129. Губайдулла Гарифуллин 1876 года рождения, военную службу проходил, середняк, депутат;

130. Миниахмет Ибатуллин 1872 года рождения, военную службу проходил, бедняк, депутат;

131. Галлям Галимов 1865 года рождения, военную службу не проходил, бедняк, депутат;

132. Давлетша Сабитов 1881 года рождения, военную службу не проходил, бедняк, депутат;

133. Залылетдин Шарафутдинов 1879 года рождения, военную службу проходил, середняк, депутат;

134. Сабир Шакиров 1877 года рождения, военную службу не проходил, бедняк, депутат;

135. Мухаметгарай Ахметгараев 1881 года рождения, военную службу проходил, бедняк, депутат;

136. Шакирзян Мухаметзянов 1865 года рождения, военную службу проходил, бедняк, депутат;

137. Тухватулла Губайдуллин 1857 года рождения, военную службу не проходил, середняк, депутат;

138. Тухватулла Киямов 1857 года рождения, военную службу не проходил, середняк, депутат;

139. Низамутдин Низамутдинов 1852 года рождения, военную службу не проходил, бедняк, депутат;

140. Мифтахутдин Калимуллин 1882 года рождения, военную службу проходил, бедняк, депутат;

141. Мухаматша Мухамадиев 1875 года рождения, военную службу проходил, бедняк, депутат;

142. Салимулла Набиуллин 1885 года рождения, военную службу проходил, бедняк, депутат;

143. Гайнулла Хисматуллин 1855 года рождения, военную службу не проходил, бедняк, депутат;

144. Габдулла Калимуллин 1877 года рождения, военную службу не проходил, середняк, депутат;

145. Гайнулла Гибадуллин 1850 года рождения, военную службу не проходил, бедняк, депутат;

146. Назмутдин Кабиров 1880 года рождения, военную службу проходил, бедняк, депутат;

147. Ахтамзян Гафаров 1865 года рождения, военную службу проходил, середняк, председатель сельсовета;

148. Сибатулла Гизатуллин 1872 года рождения, военную службу проходил, середняк, товарищ председателя;

149. Хикматулла Гайнуллин 1889 года рождения, военную службу не проходил, бедняк, секретарь сельсовета» [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 154, л.277 об. – 278 об.].

Сельские советы в основном занимались хозяйственными вопросами жителей деревни, готовили разнообразные сведения о состоянии села по запросам волисполкомов и уездных исполкомов, а также вышестоящих органов. Среди первоочередных задач, которые должны были решать местные советы, в условиях гражданской войны была и проблема обеспечения Красной Армии кадрами. И в 1918–1919 годах, когда Елабужский уезд неоднократно оказывался в руках белых и боевые действия шли на его территории, и позднее, в 1920–1922 годах, когда шло изгнание белых с территории страны, организация призыва крестьян в ряды армии требовала отрыва от земли значительного числа молодых мужчин.

Рассмотрим этот процесс на примере Кураковской волости и деревни Бизяки. Вопросами мобилизации граждан волости в ряды Красной Армии специально занимался Кураковский волостной военкомат. Мобилизации подлежали здоровые граждане от 18 до 40 лет, не эксплуатирующие чужого труда. Их именной список сначала составлялся сельским советом по годам призыва, проверялся и уточнялся волостным военкоматом, затем передавался в Елабужский военкомат. Материалы обширных папок, хранящихся в фонде Кураковского волостного военкома, позволяют нам выяснить имена бизякинцев 1884–1900 годов рождения, мобилизованных в Красную Армию.

Мобилизация начиналась с Приказа Елабужского военкомата. Вот несколько сокращенный мной вариант одного из множества приказов.

«Приказ Елабужского военкомата № 80 10 июня 1919 года

10. Во исполнение приказа Казанского губвоенкома от 7 июня с.г. за № 505, [...] основанного на постановлении Совета рабоче-крестьянской обороны, объявленного ВЦИК № 109, объявляется призыв на действительную военную службу в ряды Красной Армии всех граждан, родившихся в 1900 году, постоянно и временно проживающих в городе Елабуге и его уезде.

11. Все вышеуказанные граждане обязаны явиться в приемную комиссию при Елабужском уездном военкомате по адресу (ул. Карла Маркса, кв. быв. нотариуса Нечаева) к 9 часам утра [...] (Призывники Кураковской волости должны явиться 14 июня. — А.М.).

12. От явки по призыву освобождаются:

1/ Состоящие на основании Приказа Ревсовета республики от 15 ноября 1918 г. № 260 на военной службе в строевых частях, управлениях, штабах, учреждениях и заведениях, подведомственных наркомату по военным делам.

2/ Одержимые тяжкими болезнями, препятствующими личной явке, удостоверенные надлежащим медицинским свидетельством.

13. Волостным военкоматам доставить лично призываемых в приемную комиссию и присутствовать при приеме граждан своей волости, имея при себе по высланной ранее форме именные списки на призываемых в двух экземплярах.

14. Все призываемые должны иметь при себе личную карточку, выданную военкоматом при учете мужского населения. [...]

16. Все призванные не могут быть отпущены со сборного пункта, а потому обязаны явиться вполне готовыми к отправке.

17. Призванные по настоящему приказу граждане должны состоять на военной службе впредь до указания РСФСР в зависимости от военного положения страны.

18. Ответственность за несвоевременную явку возлагается не только на волвоенкомы, но и на глав семейств, которым принадлежат призываемые, и сельские советы.

Подписи уездвоенкома В. Тимофеева и др.» [НА РТ, Ф. Р153, оп. 1, д. 1, л. 171].

По этому приказу были призваны из Бизяков 17 человек. Вот их имена:

«Именной список родившихся в 1900 году, не эксплуатирующих чужого труда по Кураковской волости, составлен 14.06.19

Бизяки

83. *Мухаматдинов Фатхутдин [...]*

84. *Мухамедзянов Хазимухамед 138. Сиразетдинов Мухаматдин*

85. *Гилязутдинов Мухамедкарим 139. Махмут-Ибрагимов Хазиахмат*

86. *Гайнетдинов Гилязетдин 140. Араслан-Галеев Давлятша*

87. *Гимазетдинов Мухамедзакир 141. Гимазетдинов Багаутдин*

88. *Шагимарданов Харис* 142. *Исмагилов Динмухамат*
89. *Шакиров Мухаметзакир* 143. *Сибатуллин Мулланур*»
90. Гафаров Мухамедкарим
91. *Нигаматуллин Исрафил*
92. *Шайхидинов Шайханур*
93. Ахматсахибов Ахматзаки

[НА РТ, ф. Р153, оп. 1, д. 1, лл. 322об. — 324, курсивом выделены отправленные в войсковые части призывники. — А.М.]

По сообщению военного комиссара от 5 августа 1919 года в этот призыв были отправлены в войсковые части по Кураковской волости 155 человек, из них 11 бизякинцев: Шайхидинов Шайханур, Гимазетдинов Мухамедзакир, Мухаматдинов Фатхутдин, Валеев Харис, Исмагилов Шаймухамат, Гимазетдинов Багаутдин, Сибатуллин Мулланур, Махмутов Хазиахмат, Шакиров Мухаметзакир, Нигаматуллин Исрафил, Сиразетдинов Мухаметдин [Там же, л. 401—402]. Их семьям полагался продовольственный паек, о чем говорит следующий документ:

*«Отношение Елабужского отдела соцобеспечения
в Кураковский волисполком от 10 сентября 1919 года.*

Отдел препровождает при сем список красноармейцев, принятых на действительную службу.

Предлагаем сейчас же проверить, какие семьи еще не представлены на продовольственный паек. На все те семьи, которые имеют право на получение пайка, составить список» [Там же, л. 400].

Согласно моим подсчетам по имеющимся в этом фонде спискам, в годы гражданской войны в Красную Армию подлежало мобилизации не менее 140 бизякинцев. Именные списки составлялись по годам рождения. У лиц старших возрастов, служивших в царской армии, указывался и род войск. Например, в списке лиц 1892 года рождения, подлежавших мобилизации по призыву, было 18 пехотинцев, 2 артиллериста и 6 не проходивших военную службу [Там же, лл. 89—90, 93—94]. После заключения Брестского мира между Германией и РСФСР в деревню начали возвращаться военнопленные. Им полагалось два месяца отдыха, после чего они также подлежали мобилизации в Красную Армию.

Ради справедливости нужно отметить, что мобилизовывали в свою армию и белые. Однако проходившие через Бизяки отряды белых, судя по документам и воспоминаниям односельчан, были русско-православными и на татарских крестьян, в лучшем случае,

смотрели лишь как на обозных работников. Они, забирая из деревни коней с упряжью и повозками (крестьянские лошади для конницы были малопригодны), для ухода за ними мобилизовывали и молодых мужчин, которые при первой возможности сбегали от белых. [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 101, л. 44]. Но вот еще один интересный документ — Икско-Устьинский сельсовет сообщал: «Во исполнение приказа о мобилизации военнопленных старой армии, родившихся в 1889—1898 годах, коим истек двухмесячный срок по возвращении из сего, доносим, что их мобилизовали белые» (Стиль документа сохранен. — А.М.) [см.: НА РТ, ф. Р153, оп. 1, д. 1, л. 203].

Добавлю, что в основной массе бизякинцы не рвались ни в Белую, ни в Красную армию. Об этом говорят, например, приказы Кураковского волвоенкомата Бизякинскому сельсовету. Из приказа от 17 октября 1919 года: «Кураковский волвоенкомат приказывает вам 17 октября 1919 года в 9 часов утра выслать всех граждан от 18 до 40 лет включительно в Бондюжский завод для переосвидетельствования, которые не явились в назначенное время, а также выслать лиц родившихся в 1901 году, так как они не явились целиком. За несвоевременное исполнение весь состав сельсовета будет предан суду революционного трибунала, как за неподчинение Советской власти, так и за укрывательство дезертирства» [НА РТ, ф. Р153, оп. 1, д. 1, л. 347]. Или из приказа от 20 октября 1919 года: «Кураковский волвоенкомат приказывает вам всех принятых граждан вашего общества на военную службу под наблюдением сельсовета препроводить в город Елабугу 27 октября 1919 года к 8 часам утра». Далее шло предупреждение о том, что уклонившиеся будут считаться дезертирами и подлежат преданию суду ревтрибунала [Там же, л. 544]. Все это характеризует достаточно сложную эпоху, когда населению приходилось привыкать к новым порядкам, устанавливаемым Советской властью.

Голод 1920—1922 годов

1920 год — год создания Татарской республики. Проблема национального самоопределения татарского народа в той или иной форме давно требовала своего решения. Не останавливаясь на большой предыстории образования республики, приведу лишь некоторые факты. В конце 1919 года в Москве состоялся II Всерос-

сийский съезд коммунистических организаций народов Востока. Он принял решение о проведении в жизнь Положения Наркомнаца о Татаро-Башкирской Советской республике, опубликованного в газете «Правда» еще 23 марта 1918 года, и избрал ревком ТБССР. Однако все делегаты Башкирской республики, образованной в марте 1919 года, высказались против создания объединенной республики. Решение вопроса было перенесено в ЦК РКП(б). Политбюро ЦК, по предложению В. И. Ленина, 13 декабря 1919 года отменило Положение о ТБССР. 26 января 1920 года оно «одобрило в принципе организацию Татарской Советской социалистической республики». Тогда же была создана комиссия для изучения и определения границ будущей республики.

По запросу Учетного отдела подотдела землеустройства Казанского губернского земотдела в связи с работами по подготовке к созданию Татреспублики были подготовлены сводные данные и по Кураковской волости Елабужской трудовой коммуны Казанской губернии. Кстати сказать, руководителем земотдела был назначен Юнус Валидов, с начала революционных событий в уезде входивший в руководство Елабужской трудовой коммуны и хорошо знавший Елабужский уезд.

Приведу сведения по учету населения деревни Бизяки: на 22 января 1920 года в Бизяках проживало 1298 мужчин и 1250 женщин, всего 2548 человек. Из них нетрудоспособных 632 мужчины и 688 женщин, всего 1320 человек. Следовательно, трудоспособных было менее половины жителей — 1228 человек. Дано и распределение населения по возрастным категориям: детей до 7 лет было 307 мальчиков и 234 девочки, от 8 до 13 лет — 147 мальчиков и 248 девочек, подростков от 14 до 17 лет — 115 юношей и 99 девушек, взрослых от 18 до 60 лет — 551 мужчина и 463 женщины и старше 60 лет — 178 мужчин и 196 женщин. Был произведен также учет имеющегося в селе скота и инвентаря: население имело 436 лошадей, 434 взрослых коровы и 9 телят, 15 коз; сельскохозяйственный инвентарь деревни составляли 285 сох, 238 борон, 390 кос и 500 серпов [НА РТ, ф. Р-5518, оп. 1 д. 14, л. 5—12].

Однако первоначально Елабужский уезд не вошел в состав ТАССР, несмотря на то, что при подготовке документов это включение планировалось. К тому же, Елабужская трудовая коммуна еще в 1919 году обращалась в Казанский губернский совет с просьбой о включении ее в состав Казанской губернии. При-

веду несколько цитат из представления, направленного тогда в Казанский губернский совет: «Много лет тому назад при монархическом строе в населении возникал вопрос о присоединении Елабужского уезда к Казанской губернии, но правительство вообще не шло навстречу требованиям народа... [Теперь] жизнь сама выдвинула на очередь обсуждение вопроса о присоединении, ибо в сердце каждого елабужанина глубоко засела эта святая мысль». Указав затем на разницу расстояний от губернских центров до Елабуги (из Казани — 180 верст, а из Вятки — более 400 верст) и трудности сообщения с Вяткой, елабужане добавили: «Вятке нет никакого дела до Елабуги, живи она как хочет и не затрагивай мол нас своими, вероятно, для них «пустышными запросами» [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1 д. 51, л. 169].

Есть еще один, на мой взгляд уникальный, документ, показывающий, что вопрос о вхождении в состав Татарской республики обсуждался на всех уровнях. Это протокол заседания Кураковского волостного исполнительного комитета. 5 октября 1920 года он специально рассматривал вопрос о присоединении к Татарской республике. Из волости присутствовало 17 представителей. После достаточно оживленного обсуждения было принято следующее решение: «Общее собрание постановило остаться при Кураковской волости Вятской губернии за исключением мусульманских деревень, которые изъявили добровольное желание перейти к Татарской Советской республике. Желающих деревень список прилагается: 1) Псеево, 2) Тат. Сарсаз, 3) Тойма, 4) Текашево, 5) Камаево, 6) Тураево, 7) Илькино, 8) Куразово, 9) Бизяки, 10) Тат. Ахтиял, 11) Тойгузино и 12) Тат. Кокшан» [НА РТ, ф. 6066, оп. 1 доп. д. 1, л. 60–61]. Решением ВЦИК РСФСР от 5 января 1921 года Елабужский уезд был выведен из состава Вятской губернии и передан ТАССР. Решением Совета народных комиссаров ТАССР от 10 июня 1921 года был образован Елабужский кантон [НА РТ, ф. 732, оп. 1, д. 40, л. 108–109]. При определении территории уезда Бизяки числились в составе Кураковской волости. В 1925 году центр волости был перемещен в деревню Камаево.

Это было время, когда в экономической политике правительства произошли существенные изменения. На X съезде РКП(б) в марте 1921 года В. И. Ленин провозгласил переход от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике (нэп). Продразверстка была заменена продналогом (ее уменьшили в два

раза), разрешены частные предприятия, введена свобода торговли. В деревне допускались частичная аренда земли и использование наемного труда. К осуществлению более гибкой новой экономической политики перешли и в молодой Татарской Республике.

Но не успело население приступить к строительству мирной жизни, как всю территорию республики охватил небывалый голод. Беда, конечно, пришла не вдруг, а стала неизбежным следствием комплекса причин. Первая мировая война, переросшая в гражданскую, в общей сложности продолжалась более семи лет. Войны забрали из деревни наиболее работоспособную часть населения. Выращивать хлеб фактически было некому и нечем. Из-за нехватки рабочих рук, лошадей, инвентаря многие поля из года в год оставались незасеянными. В итоге резко сократилось снабжение городов и поселков продовольствием. Продразверстка и переход к политике военного коммунизма привели к тому, что к осени 1920 года продотряды выгребли у крестьян весь хлеб, вплоть до семенного зерна, считавшегося неприкосновенным.

Ко всему этому нужно присовокупить и климатический фактор. Неблагоприятная ситуация для Елабужского уезда сложилась уже к лету 1920 года, так как посеы озими, в основном, не взошли. Предпринятые по Елабужскому уезду (кантону) меры по пересеву участков яровыми не дали положительных результатов из-за засухи. Осенью 1921 года руководство уезда (Г. Балтанов, Ефстафьев) стало предпринимать ряд срочных и неотложных мер. С 20 ноября 1920 года решением кантонного исполкома волостные земельные комитеты для проведения полевых работ 1921 года стали выделять крестьянским хозяйствам яровые семена и семена поздно высеваемых растений – гречихи, льна, конопли и картофеля. Потребность Елабужского кантона в семенах составила 600 тысяч пудов (с учетом площадей, отведенных под яровые – 63 тысячи десятин). Однако семенной фонд из государственных фондов в условиях разрастающегося голода полностью получен не был [Музейный..., 2010, с. 6].

7 января 1921 года состоялось общее собрание жителей Бизякинского сельского общества. Присутствовало 300 человек, председатель собрания – Гайнулла Гибадуллин, секретарь – Хикматулла Гайнуллин. В собрании участвовал представитель кантона Мазитов. Повестка дня: текущий момент и об обсеменении ярового поля 1921 года. Постановление собрания по второму пункту:

«Мы, граждане деревни Бизяки, обязуемся сохранить семенного материала при себе и обязуемся обсеять ярового поля на 1921 год не оставить ни одну десятину земли не засеянным. Председатель неграмотный Гибадуллин, секретарь Х. Гайнуллин». Весьма примечательным документом, характеризующим эпоху, является расписка, полученная Мазитовым от руководства Бизякинского сельсовета: «Дана настоящая расписка Бизякинским сельсоветом гражданину то-есть товарищу в том заручаемся за Бизякинское сельское общество что засеять яровой полей в 1921 году не оставить не засеянной ни одну десятину. Подписались: Председатель сельсовета Х. Гайнуллин, секретарь Гайнуллин, член Сибагатулла Гизатуллин (неграмотный, за него расписался Габдрахманов» (стилистика документов сохранена. — А.М.) [НА РТ, ф. 5518, оп. 1, д. 127, л. 53–64].

К февралю 1921 года в Бизяках было 1242 мужчины и 1335 женщин. Пересчитан был и весь скот — в деревне оставалось 197 рабочих лошадей, 35 трехлеток, 214 коров, 15 подтелков, 5 коз и 586 овец. В своем отчете за февраль 1921 года Кураковский волисполком отметил, что «отношение населения к Советской власти сочувственное, но с появлением голодающих некоторые деревни враждебны; нужды населения удовлетворяются слабо»; и добавил с отчаянием: имеется большая «нужда в указаниях, как поступить с безхлебными гражданами — излишек не оказалось, а число голодающих с каждым днем прибывает» [НА РТ, Ф. 6066, оп. 1, д. 55, л. 78–93].

14 марта 1921 года Елабужский кантонный исполнительный комитет в целях сохранения имеющегося у населения скота издал приказ, запрещающий самовольный убой скота и продажу населением домашнего скота. Волостными исполкомами дополнительно был проведен учет животных в личных хозяйствах. Кураковская волость предоставила следующие сведения по переучету населения: в волости 27392 едока, из них трудоспособных — 6290 (?); взрослых от 16 лет — 14852; дети: до 1 года — 1991; до 5—3355; до 10—3689; до 16—3505. Скота было: лошадей рабочих до 4 лет — 660, старше 4—2479; молодых — 145 жеребят, 220 малолетних лошадей; коров 2897, быков-производителей — 43, телят до 1 года — 736, до 2 лет — 300; овец — 4871 взрослых, 1969 ягнят; взрослых коз — 209, козлят 89; кур — 9271, гусей 1116, уток 277, индеек 22, всего птицы 10686 [Там же, оп. 1 доп., д. 6, л. 163]. По сведениям о количестве населения и скота на 27 мая 1921 года «в Бизяках

было 484 двора, в которых проживало 1242 мужчины (из них один русский) и 1335 женщин; имели они 163 рабочих лошади и 168 малолеток до 2 лет, 235 дойных коров и 201 молодняка до 2 лет, 360 овец, 8 коз, птицы 1210 голов и 368 десятин непойменных покосов» [Там же, оп. 1. доп., д. 8, л. 8].

12–13 июня 1921 года состоялся X Елабужский кантонный съезд Советов, на котором присутствовал 151 делегат (74 от крестьян, 34 от рабочих, 43 от служащих). На повестке дня были следующие вопросы: недород прошлого года, замена продразверстки продналогом, организация кооперации, передача мелкой промышленности в частные руки. Говорили о переходе к мирному строительству, организации сельхозартелей и потребительских обществ, что, по мнению выступавших, даст возможность улучшить ведение сельского хозяйства, так как артели будут снабжаться сельскохозяйственным инвентарем и пр. Отмечалось, что продразверстка по уезду за прошедший год была выполнена приблизительно на 40–50% (полагалось с десятины: продовольственных культур – 7 пудов, кормовых – 9 пудов, бобовых и круп – 7 пудов, масличных – 13 пудов, соломы яровой – 29 фунтов, ржаной – 1 пуд 30 фунтов, сена – 3 пуда, картофеля – 72 фунта и продукции птицы – 1–2 фунта). Слабое выполнение разверстки было объяснено плохим урожаем 1920 года вследствие засушливого лета [НА РТ, ф. 5852, оп. 1, д. 141, л. 15–340].

Засуха повторилась и в 1921 году. Урожай 1921 года составил: ржи – 4,5 пуда с десятины, овса – 6,6 пудов, ячменя – 7,3 пуда, пшеницы – 6,9 пудов, гречи – 5,6 пудов, гороха – 8,9 пудов, проса – 6,9 пудов, полбы – 6,7 пудов. В переводе на рожь весь урожай по кантону равнялся 39324 пудам; потребность же – 3 597 185 пудов [Там же, л. 27].

Двухлетняя засуха 1920–1921 годов уничтожила посевы хлебов на огромных площадях. Разразившийся в 1921–1922 годах страшный голод принял небывалые размеры. Елабужский кантон, Татарская республика, Поволжье и Приуралье не были единственным регионом, по которому прошла голодная смерть. Но, пожалуй, именно здесь он принял ужасающие масштабы. В конце июля 1921 года в Татарстане была создана комиссия помощи голодающим (Помгол). Борьба с голодом была признана важнейшей задачей Советов. В январе 1922 года в республике голодало 2,4 миллиона человек из 2,7 миллионов. К голодомору добавилась эпидемия

тифа. В борьбе с голодом использовались различные меры. Среди населения проводился сбор пожертвований, организовывались «недели помощи голодающим», общественные столовые.

В адрес Помгола республики из других областей страны поступило свыше 8 миллионов пудов продовольствия. Более 1,3 миллиона рублей предоставило Российское общество Красного Креста. Весомую помощь оказала международная общественность. На средства, собранные Международным комитетом рабочих (Межрабпром), было закуплено и отправлено в Россию более 33 миллионов пудов продовольствия. Широкую деятельность по оказанию помощи голодающим развернули отделения Американской администрации помощи (АРА). По линии АРА в республику поступило более трех миллионов пудов продовольствия, в том числе муки, крупы, ржи, кукурузы. Первоначально помощь АРА предназначалась только детям и больным. В начале января 1922 года в волостных центрах Елабужского кантона было развернуто 11 столовых АРА, где было организовано питание 7700 детей [Музейный..., 2010, с. 7]. В сентябре 1922 года за счет присланных ею продуктов по республике питалось 150 тысяч детей [История, 2001, с. 347].

В январе-феврале 1922 года ситуация в кантоне стала принимать угрожающие размеры. 22 февраля 1922 года руководители Елабужского кантисполкома обратились к председателю Центрального комитета помощи голодающим при ВЦИК РСФСР М. И. Калинину с письмом, в котором описывалось положение в кантоне. Письмо полностью опубликовано [см.: Музейный..., 2010 с. 7]. Несколько фактов из этого письма. «Елабужский кантон Татарской республики, имея посевные площади при трехпольном севообороте в 168 тысяч десятин, до 1921 г. всегда имел от 2 до 3 миллионов пудов хлебных излишков, каковые вывозились за пределы кантона. По сведениям бывшего Елабужского статистического бюро, валовый сбор всех хлебов был: в 1914 г.— 11 млн 702 тыс. 908 пудов, в 1916 г.— 11 млн 354 тыс. 505 пудов и в 1918 году — 3 млн 655 тыс. 523 пудов»,— напомнили авторы письма.

«В 1921 г. кантон, ввиду засушливого лета, не только не получил достаточное количество хлеба, но такового далеко не хватало для прокормления населения, скота и обсеменения (на обсеменение озимого клина в 1921 г. кантон получил семенной материал около 170 тысяч пудов), ввиду чего из 152 тысяч человек 90% по-

головно голодает. В пищу приходится употреблять разного рода суррогаты — ольховую, ореховую, осиную кору, опилки, ореховые шишки, лебеду и прочее, но нужно заметить, что вышеупомянутые суррогаты имеются не у всех, при том и в недостаточном количестве. Чистого хлеба по кантону можно встретить у 1—2% населения. Вообще положение кантона критическое, — отметили руководители кантона с тревогой. — На почве голода и недоедания население беспощадно начало истреблять рабочий и молочный скот, что, конечно, впоследствии серьезно может сказаться на развитии сельского хозяйства и поднятии земледелия».

Вопрос о борьбе с голодом и его последствиями стал основным и на XI Елабужском кантонном съезде Советов 8—9 ноября 1922 года. На съезде присутствовало 128 делегатов (95 с решающим и 33 с совещательным голосом); из них было 67 крестьян, 14 рабочих заводов, 14 от рабочих и горожан). В выступлениях отмечалось, что наблюдавшееся с начала гражданской войны сокращение посевных площадей, общее падение крестьянского хозяйства и отсутствие рабочих рук и скота привели к недосеву в 36,3% озимей осенью и весной яровых. Поэтому для ухудшения положения достаточно было малейшего стихийного бедствия. Оно не заставило себя ждать: отсутствие дождей, появление вредителей и пр. выдвинуло угрозу нового голода.

Приводились ужасающие сведения. С сентября 1921 года по кантону умерло 7515 взрослых, 341 ребенок. Число голодающих — 380752 взрослых, 299081 ребенок, т.е. в результате голодало в среднем 65% всего населения. Было организовано питание детей Помголом: в октябре 1921 года в кантоне действовало 107 общественных столовых на 7600 человек, в мае 1922 года — 120 столовых на 30000 человек. Из кантона было две эвакуации детей в благополучные местности — 1-я группа в 250 детей была отправлена в Самарканд (добрались живыми лишь 27); 2-я группа из 500 детей была отправлена в Киев (здесь условия оказались более благоприятными, и большая часть детей была спасена). На татарских педагогических курсах в 1921/22 учебном году учебными были только три месяца; занятия прекратились из-за отсутствия топлива и пайков, учащиеся вынуждены были попрошайничать. Продналог был выполнен только на 4,5—14%. Уже в 1921 году ощущался большой недостаток рабочего скота. В 1922 году произошло новое его сокращение; по сравнению с 1921 годом убыль мелкого рогатого

того скота составила 58%, крупного рогатого скота — 32%, рабочего скота — 24% [НА РТ, ф. 5852, оп. 1, д. 141, л. 10–29].

Последствия голода еще долго давали о себе знать. Однако они начали преодолеваться уже к концу 1922 года. К лету 1923 года была прекращена программа помощи АРА. Комитет помощи голодающим (Помгол) был преобразован в Комитет по борьбе с последствиями голода (Последголод). Населению оголодавших деревень необходимо было все: продукты питания для выживших, инвентарь и рабочий скот для распашки заброшенных земель, семена для посева... Распределением получаемой от государства помощи занимались местные органы власти. По протоколам заседаний Кураковского волисполкома попробуем проследить, что это была за помощь.

5 февраля 1923 года. Идет распределение по деревням волости сельскохозяйственного инвентаря и лотерейных билетов, полученных от Последголода. Бизяки получили 1 плуг, 15 серпов и 102 билета.

5 мая 1923 года. Распределение пайков ржи «ввиду неимения хлеба». Волость получила 450 пудов (Бизяки и Тураево — по 70 пудов, остальные деревни — от 10 до 40 пудов).

Из выступления председателя волисполкома 13 мая 1923 года: «Последствия голода тяжело отразились на сельском хозяйстве. Большинство сельского населения осталось без рабочего скота и семян. Выдача земледельческому населению семенных ссуд, рабочего скота на льготных условиях несколько спасли положение. Обработка полей безлошадным в порядке платности и бесплатности нужна и должна быть проведена в обязательном порядке. В крайнем случае применение договорной системы тоже должно иметь место. Наряду с посевной кампанией нужно принять энергичные меры к борьбе с саранчой». Принято постановление: «Обязательно принять энергичные меры по обработке земли безлошадным путем временного устройства воскресников».

15 мая 1923 года. Распределение пайков ржи, отпущенных Последголодом в ссуду с возвращением в 1925 году после снятия урожая. Бизяки получили 30 пудов. Распределение семян [НА РТ, ф. 6066, оп. 1, д. 145, л. 8–38].

Как видим, разоренная страна с разрушенным хозяйством мало чем могла помочь сельчанам. Тем не менее, и эта поддержка помогла деревне выстоять, а выстоявшим приняться, как всегда, за налаживание хозяйства.

Восстановление крестьянского хозяйства

После окончания гражданской войны в деревню начали возвращаться красноармейцы, повидавшие свет, соскучившиеся по земле, по мирному труду. Немного оглядевшись и засучив рукава, они стали принимать активное участие в сельских делах, в восстановлении хозяйств и установлении новых порядков. Это не всегда устраивало консервативную часть жителей, пытавшихся сохранять традиционные порядки на селе, когда слово стариков на сходе было законом. Как вспоминали очевидцы событий, на сельских сходах, проходивших в то время чуть ли не каждую неделю, можно было наблюдать невозможное до революции явление — при решении многих вопросов верх теперь брало молодое поколение бизякинцев. Все большую роль бывшие красноармейцы играли и в работе сельсовета, пытавшегося организовать жизнь деревни по-новому. Справедливости ради нужно сказать, что работа сельсоветчиков в основном строилась по инструкциям и заданиям волостного и кантонного исполкомов и других советских учреждений.

Реализация Декрета о земле должна была привести к увеличению удельного веса середняков в деревне. Но последствиями гражданской войны и голода стало, если можно так сказать, уравнительное обнищание деревни. Скорое восстановление крестьянского хозяйства было насущной задачей не только самих крестьян, но и государства, ибо крестьянство было основным поставщиком сельскохозяйственной продукции для страны. Правительство считало, что решить эту проблему можно через создание коллективных хозяйств в виде товариществ по совместной обработке земли, различных артелей, кооперативов, коммун, совхозов и т.д. Однако деревня оставалась приверженцем индивидуального хозяйства. Отсюда еще одна проблема, решения которой требовали от сельского актива вышестоящие власти — создание в Бизьяках любой из форм коллективных хозяйств.

21 мая 1924 года состоялось собрание большой группы бизякинцев, на котором обсуждался вопрос о создании в деревне «сельскохозяйственного кооператива для содействия сбыту сельскохозяйственных продуктов и предметов промысла». Собравшиеся решили учредить сельскохозяйственное товарищество, установить вступительный взнос в размере 50 коп. и пай в размере 1 руб.

50 коп., предоставить рассрочку для беднейших членов на 2 месяца. В правление кооператива были избраны Гареев Мухаметкарим, Гайнуллин Хикматулла, Башаров Гусман, кандидатами – Мухамадьянов Ахун, Кашфутдинов Ахкям; избрали также ревкомиссию – Ямангулов Самигулла, Мухамадьянов Мулланур, Ситдииков Зиннур и кандидатами Губайдуллин Зиннур, Тухватуллин Гатаулла. Было решено вступить членом в Елабужский кооперативный союз [НА РТ, ф. 5874, оп. 1, д. 766, л. 1–20].

На собрании приняли устав товарищества, в котором были намечены конкретные цели и направления деятельности: «Товарищество имеет целью: а) предоставлять своим членам кредит натурой на удовлетворение всякого рода их хозяйственных нужд; б) извлекать свободные средства от населения путем развития вкладных операций; в) содействовать облегчению расчетов; г) приобретать требуемые в промыслах и хозяйствах членов товарищества инвентарь, материалы, сырье и предметы оборудования; д) вести посредничество по сбыту продуктов труда своих членов; е) организовать всякого рода хозяйственные учреждения и предприятия, содействующие улучшению и развитию производительного хозяйства своих членов; ж) распространять среди местного населения знания по сельскому хозяйству, промыслам и кооперации».

Бизякинское сельскохозяйственное кооперативное товарищество было зарегистрировано 18 июля 1924 года под № 408 в Бюро содействия сельскому хозяйству и кустарно-промысловой кооперации при Наркомземе ТАССР. Учредителями кооперативного товарищества были 39 домохозяев. Интересно посмотреть список учредителей.

Таблица № 11

**Список членов-учредителей Бизякинского
сельскохозяйственного товарищества**

Имя, фамилия и отчество	Нац.	Парт.	Число членов семьи	Грамотность	Имущество			Оценка им-ва
					дом	лош.	круп. скот	
Махмутов Хазей	тат	б/п	4	грам.	1	1	1	255
Кашфутдинов Ахтям			3	грам.	1	1	1	270
Серакаев Мухаметзакир			2	грам.	1	1	1	280
Мухаметдинов Муфтах			7	грам.	1	1	1	280
Гареев Мухаметкарим			5	грам.	1	1	1	270
Хуснутдинов Кирами			5	грам.	1	1	1	240

Махмутов Нури	4	грам.	1	1	1	250
Гайнуллин Хикмат	4	грам.	1	1	1	260
Башаров Гусман	4	грам.	1	-	1	120
Гареев Габдулла	5	грам.	1	1	1	200
Фазлыев Хузя	3	негр.	1	1	1	210
Закиров Сабир	3	негр.	1	-	-	85
Башаров Гумар	8	грам.	1	-	1	90
Ямангулов Салим	4	грам.	1	1	1	180
Фатхуллин Ибат	5	грам.	1	1	1	270
Гаямов Фаттах	2	грам.	1	1	1	180
Шайгалимов Закир	2	грам.	1	-	1	120
Минихузин Мухаметзакир	8	грам.	1	1	1	210
Хуснутдинов Гильфан	6	грам.	1	1	1	230
Гильфанов Биктимер	4	грам.	1	-	-	160
Фассахова Сара	5	негр.	1	1	1	195
Шарафутдинов Заляя	4	грам.	1	1	1	215
Тухватуллин Гатаулла	4	негр.	1	1	1	225
Гарифуллин Хикмат	7	негр.	1	1	1	210
Ахмадянов Ахматша	2	негр.	1	-	1	130
Хузин Нургали	3	негр.	1	-	1	145
Шункаров Мулланур	4	грам.	1	1	1	215
Зайнутдинов Фатахутдин	7	грам.	1	1	1	210
Исмагилов Минрахман	5	негр.	1	1	1	235
Мухамадянов Мулланур	4	грам.	1	1	1	195
Галеев Багаданур	6	грам.	1	-	1	215
Тухватуллин Гайният	6	грам.	1	1	1	255
Ситдилов Закир	8	грам.	1	1	1	215
Губайдуллин Зиннур	5	негр.	1	1	1	250
Мулахматов Гарай	5	грам.	1	1	1	290
Хузин Мингали	3	негр.	1	1	-	180
Мухамадянов Ахун	4	грам.	1	1	1	300
Губайдуллин Наби	3	негр.	1	-	1	130
Давлетшин Гарай	7	грам.	2	1	-	220

[НА РТ, ф. 5874, оп. 1, д. 766, л. 1–20]

Итак, из 39 объединившихся в товарищество хозяйств в 9 не было лошадей, в 5 – коров. Стоимость всего движимого и недвижимого имущества отдельного хозяйства не превышала 300 рублей. Большинство учредителей кооператива имели средний по тому времени достаток, о чем говорит наличие дома, лошади и коровы, а также оценка имущества. Кстати, учредителями товарищества стали члены сельсовета почти в полном составе во главе с председателем Башаровым Гусманом и даже духовные лица –

мулла 2-й мечети Минихузин (Гимранов) Мухаметзакир и азанчи этой же мечети Хуснутдинов Гильфан. Отметим также, что среди учредителей кооператива было 28 грамотных и 11 неграмотных.

Приведу некоторые сведения из отчета Бизякинского товарищества за период с 1 октября 1924 года до 1 октября 1925 года: «Район деятельности – бакалейно-мануфактурная торговля и сбыт сельскохозяйственных материалов и продуктов. Устав зарегистрирован 18 июня 1924 года; начало операций – 21 июня 1924 года. Состоит членом Елабужского кооперсоюза. Паевый взнос – 1,5 руб., вступительная плата – 50 коп. Всего 60 членов, открыто кредитов до 1500 руб. К началу года было 42 члена, за год вступило 20; 2 человека умерло.

Состав членов: имеют от 1 до 2 десятин посевов – 46, от 2 до 4 десятин – 12; от 4 до 8 десятин – 2 чел.

Безлошадных – 5, 1 лошадь имеют 55 членов; с 1 коровой – 33, с 2–27 членов.

Членов правления – 3 (платных), ревкомиссии – 3, из них 1 парт / комсом, служащих по найму – 2 – платно. Собраний товарищества было 67, заседаний правления – 12, проведено 3 ревизии.

Обороты за отчетный год: дебет – 125879,49 руб.; кредит тот же, остаток к концу отчетного года – 17109,80 руб.

Капиталы – к началу отчетного года – 6,50 руб., приход – 712,50 руб., всего к концу года – 719 руб.

Для сбыта заготовлено: ржи 75 пудов на сумму 72,39 руб., сена – 25055 пудов на сумму 6088,25 руб.; корзин – 34181 на сумму 4833,91 руб.; обручей – 310200 на сумму 4048,80 руб.; прочих товаров на сумму 4855,46 рублей».

[НА РТ, ф.4535, оп. 1, д. 17, л. 263–266]

Как показывают эти данные, первый год работы товарищества был вполне успешным. Вступление в него новых 20 членов (т.е. увеличение состава на треть) говорит и о растущем авторитете организации.

В нашем распоряжении имеется документ, характеризующий состояние деревни Бизяки в то же время. Это черновик анкеты по деревне Бизяки. Анкетирование было проведено для получения полной картины состояния деревень Елабужского кантона в 1924 году. Вот эта анкета (вопросы не указаны, есть только нумерация).

«Домохозяйств 447; состав сельсовета 12 человек, партийных нет.

1. Население около 2000 человек
2. Деревня поделена на 8 районов
3. Проведено общих собраний 25, заседаний сельсовета 2
4. Взгляд населения на сельхозналог и ссуду сознательный.

Сельхозналог%, ссуда 70%

5. Значение сельхозналога объяснено достаточно
6. Школьный работник – член сельсовета
7. Изб-читален нет, нет средств
8. –
9. Детей в школе -, вне школы -, неграмотного взрослого населения 1000 человек
10. Население и скот до нового урожая не обеспечены хлебом
11. В настоящее время хлеб покупают почти все
12. Рождений больше, браков 5
13. Увеличение скота за счет молодняка. И побочные заработки на заводе частично. Безлошадных 140
14. Потребность семян на яровой клин около 1500 пудов, но население отказывается брать
15. Состояние пожарного обоза исправное, пожаров нет
16. За исключением одной бани застраховано, хищников заметно
17. Крыс и мышей даже больше
18. Артелей нет
19. Мельниц нет
20. Мосты неисправны, дороги тоже, оврагов много, действуют разрушающе
21. Леса нет, лишь кустарник
22. –
23. Духовенство спокойно, антирелигиозной пропаганды нет
24. Комсомольцев 4, но в общественной работе участвуют частично
25. Реализация татарского языка не проведена
26. Допризывников 28, на общественной работе не участвуют
27. Побочные заработки на заводе и у себя дома корзиноплетение
28. Антисоветских выступлений нет
29. –
30. –

31. Техаппарат соответствует

32. Кооперативное сельскохозяйственное продовольственное товарищество авторитета не имеет

33. Страхование посевов и скота слабо

34. Демобилизованных красноармейцев 7, 1 из них в сельсовете». *[НА РТ, ф. 4535, оп. 1, д. 7, л.36]*

Итак, анкета показывает, что к 1924 году последствия голода в деревне еще не были преодолены (пункты 10–11, 14). Об этом говорят и другие документы. В частности, в протоколах волисполкома отмечено, что в 1924 году продолжалось распределение яровых семян для весеннего сева: весной 1924 года Бизьякам было выделено 730 пудов овса, 10 пудов ячменя, 30 пудов пшеницы, 150 пудов гречихи, 40 пудов гороха – всего 1060 пудов семян [НА РТ, ф. 6066, оп. 1, д. 164, л.16]. Это означало, что у бизьякинцев своих семян не было; по меньшей мере, их было недостаточно (брали же семена в ссуду крестьяне неохотно, только при особой нужде).

Отказ от ссуды сельчан также считался показателем недостаточной работы сельсовета. Об этом говорит и анкета – проведено всего 2 его заседания, к тому же многие пункты анкеты не заполнены, что говорит об отсутствии должного учета. Свои заседания сельсовет, видимо, заменял сходами. Проведение 25 общих собраний, на мой взгляд, также является показателем слабости сельсовета, а не только бурной активности сельчан.

Осенью 1924 года состоялись очередные перевыборы Бизьякинского сельсовета. Рассмотрим его состав:

Башаров Гусман – председатель, 1889 г. рожд., самоучка, бедняк, в Красной Армии не служил, избран 3-й раз.

Губаев Наби – заместитель председателя, 1882 г. рожд., самоучка, бедняк, в Красной Армии не служил, избран 4-й раз.

Стрелков Федор Афанасьевич – секретарь, 1887 г. рожд., крестьянин, образование нижесреднего, в Красной Армии не служил, избран 7-й раз.

Члены:

1. Сафиуллин Хикматулла – 1869 г. рожд., неграмотный, в Красной Армии не служил, избран 3-й раз.

2. Газизов Минахмат – 1886 г. рожд., неграмотный, служил в Красной Армии, избран 2-й раз.

3. Ишмурдин Давлет – 1901 г. рожд., неграмотный, служил в Красной Армии, избран 1-й раз.

4. Исмагилов Ислам — 1898 г. рожд., малограмотный, служил в Красной Армии, избран 1-й раз.

5. Шарипов Закир — 1882 г. рожд., неграмотный, в Красной Армии не служил, избран 1-й раз.

6. Клячев Гатаулла — 1891 г. рожд., образование низшее, служил в Красной Армии, избран 2-й раз.

7. Назыров Ахат — 1901 г. рожд., образование ниже среднего, служил в Красной Армии, избран 2-й раз (школьный работник).

[НА РТ, ф. 6066, оп. 1, д. 2, л. 156–157]

Как видим, в новый состав сельсовета вошли опытные кадры (в частности, полностью сохранилось руководство), имевшие от года до шести лет стажа работы в сельсовете. Обращает на себя внимание и то, что он значительно обновился за счет вернувшихся после службы в армии красноармейцев (они представляют половину его членов — 5 человек), что должно было активизировать его работу.

Имеется еще один интересный документ, который дает сведения об экономическом состоянии бизякинцев на 1925 год. Это подворный список домохозяев с указанием посевных площадей, находящихся в их пользовании (см. Приложение № 10). Всего в этом списке учтено 473 хозяйства. В них проживал 2191 человек (едок). Было засеяно в 1925 году всего 841,31 десятины пашни, из них озими было 414,51 десятины и 426,80 десятины яровых.

Список интересен и тем, что в нем указано количество душ (едоков) в каждом хозяйстве, а также размеры посевов по каждому хозяйству. Судя по этим данным, на едока положено было засеять 0,19 десятины озимых и 0,20 десятины яровых. В зависимости от размеров семьи на хозяйство приходилось до 4,68 десятины посевов. Например, у Шарипова Гайнутдина и Назмутдинова Низамутдина в семьях было по 13 человек; посевов у них было по 4,68 десятины (2,28 озимых и 2,40 яровых). Одной из самых больших была еще неразделенная тогда пашня двух братьев Махмутовых (всего 10 едоков); посевов у них было 3,90 десятины (1,90 озимых и 2,00 яровых). Столько же посевов имели еще 4 хозяйства. В 19 хозяйствах была засеяна лишь норма 1 едока — 0,39 десятины, хотя не все они были одиночками — в 7 хозяйствах было по 2–3 едока.

Обратим внимание и на то, что под № 473 отмечен мулла 2-й мечети (Мини) Хузин. Несмотря на то, что в его семье указано 9 едоков, он не имел земли. Напомню, что муллы и первой, и вто-

рой мечети не были коренными бизякинцами и не были приписаны к бизякинскому обществу. Поэтому они не пользовались общинной землей и до революции, арендуя лишь земли под усадьбу. Возможно, поэтому в этом списке нет муллы 1-й мечети Халилова Фатхутдина и азанчя Ахметсафы Сайфуллина. А вот другой служитель культа 2-й мечети — азанчи Хуснутдинов Гильфан с семьей в 8 едоков имел посеы в 3,12 десятины. Как вспоминал его сын, Хай абый Гильфанов, Гильфан-хазрат был не только хорошо образованным по-мусульмански муллой, но и обладал знаниями восточной медицины. За помощь, оказанную им сельчанам во время голода и эпидемий 1921—1922 годов, бизякинцы на сходе приняли решение о включении его в свое общество и выделили ему землю [НА РТ, ф. 4535, оп. 1, д. 20, л. 7—13].

«Населяющее Татарскую республику крестьянство соединяется в земельные общества, пользующиеся землей пока на общинных началах, т.е. крестьянская семья получает от общества землю в зависимости и пропорционально числу едоков на семью», — объяснено в материалах обследования расслоения крестьянских хозяйств в ТАССР, проведенного в 1924—1925 годах [НА РТ, ф. 5874, оп. 1, д. 1229, л. 1].

Прежде чем остановиться на очень интересных наблюдениях этого обследования, вернемся на несколько лет назад, к первым шагам Советской власти, в частности, к Декрету ВЦИК от 19 февраля 1918 года «О социализации земли». Декрет провозгласил: «Всякая собственность на землю отменена навсегда»; объявил землю достоянием государства и создание общенародного земельного фонда с последующей безвозмездной передачей земли крестьянам. По этому декрету было предусмотрено уравнительное распределение земли по едокам. Трудовой нормой переходного времени было решено считать то количество земли, которое может быть обработано одним полностью работником на одной лошади. Перераспределение земли по едокам вместо прежнего по мужским душам должно было повсеместно завершиться к осени 1918 года.

Когда и как это происходило в Бизьяках, мы не знаем. Вспомним, что бизякинское сельское общество было собственником земли, где все хозяйства села имели свои наделы. Поэтому можно предположить, что перераспределение земли по едокам, в основном, шло внутри хозяйств, лишь иногда претендуя на часть на-

делов «более земельных» односельчан. Одно можно утверждать — сначала гражданская война, продразверстка, затем засуха, голод, эпидемии, восстановление разрушенного хозяйства, по-видимому, сняли остроту земельного вопроса. И только в 1923—1925 годах отодвинутый на второй план вопрос о земле постепенно возвратился на свое место. Об этом говорит и то, что подворный список посевных площадей появился только в 1925 году. Однако к этому времени фактически произошло уравнильное обеднение всех бизякинцев, о чем говорит размер посевной площади — в 1925 году была засеяна всего 841,31 десятины пашни из имеющихся в деревне 4281 десятины земель.

Вот здесь наступило время вернуться к материалам обследования крестьянских хозяйств в ТАССР. «Весь уклад крестьянского хозяйства зиждется на едоке и на работнике [...] В то время как едок есть потребитель продукции крестьянского хозяйства и частично накопитель средств применения труда (земли), работник является производителем продукции и приложением своего труда [...] Он] пытается пополнить ресурсы хозяйства, заткнуть накопившиеся бреши и произвести дальнейшее накопление средств. Обычно, чем больше работников в хозяйстве, тем больше абсолютная сумма заработка на хозяйство, — отмечено в них. — [...] Третья отправная, уже косвенная величина в крестьянском хозяйстве есть земля и средства производства. Без приложения труда они представляют из себя лишь мертвый капитал».

Если до революции земля представляла главную ценность, ибо в деревне было более чем достаточно рабочих рук, которые и при использовании примитивных орудий труда могли ее обрабатывать, то в обессилевшей деревне при недостаточности рабочих рук земля на самом деле превращалась в «косвенную величину», в «мертвый капитал». Для группировки хозяйств по достатку теперь исследователи за основу взяли именно людские ресурсы. И авторы обследования выделили три типа крестьянских хозяйств, характерных для Татареспублики: «бедняцкое — оно же малосемейное, средняцкое — среднее семейное и мощное — многосемейное, богатоедокое и в то же время богатое работниками». В условиях, в которых тогда существовала деревня, таким образом, стало главным количество едоков, ибо они не только потребители, но и «накопители средств применения труда (земли)». Но этого недостаточно. Чтобы

хозяйство стало мощным, нужно, чтобы едоки были работниками, могущими обработать свою землю.

В постепенно оправлявшейся после войн и голода деревне происходили позитивные изменения. Подрастало и включалось в работу молодое поколение сельчан, восстанавливалось животноводство. В материалах обследования отмечается, что «группа бедных хозяйств уменьшилась с 1924 года по 1927 год на 10,76%; из них 9,6% перешло в группы средней посеваемости и 1,16% в группу многопосевных хозяйств». Изменения замечены и в животноводстве — «группы безлошадных и бескоровных хозяйств повсеместно уменьшаются. Наблюдается рост одно- и двухлошадности и рост количества коров». Указано, что содержание рабочей лошади в год обходится крестьянскому хозяйству в 84,40 руб.

Интересны выводы, которые сделали авторы материалов: «По всем признакам резкой разности между группами нет. Эксплуатируемыми хозяйствами следует признать 0,6% хозяйств, пользующихся наемным трудом в промышленных заведениях. Последние две группы посеваемости (10 — свыше 16 дес.) резко выделяются от остальных групп по посеваемости, найму в аренду земли, найму рабочих в промысловые заведения, найму на сельскохозяйственные работы, каковые дают 1,89% от всех хозяйств Татарской Республики, их можно причислить к группе кулацких хозяйств. Бедняцких же хозяйств насчитывается 49,33%» [НА РТ, ф. 5874, оп. 1, д. 1229, л. 1—42].

Отсутствие резкой разницы между различными группами доказывают и материалы, представленные в эти годы Бизякинским сельсоветом. По ним практически не прослеживается наличие больших зажиточных хозяйств, а количество бедняцких и середняцких хозяйств распределялось примерно поровну. Деревня с большим трудом справлялась с последствиями голода. Так, из протокола заседания Бизякинского сельсовета от 12 августа 1925 года видно, что бизякинцы еще не смогли ликвидировать задолженность за семенные ссуды, полученные в 1922, 1923, 1924 годах. О какой зажиточности может идти здесь речь? [НА РТ, ф. 4535, оп. 1, д. 4, л. 256].

В 1926 году работа сельсоветов Камаевской волости была проверена представителем кантисполкома Бигиевым. Из его отчета: «**Безяки** — татарское селение в 495 дворов и 2298 едоков. О повседневной работе сельсовета. Селение разбито на 8 районов, и в каж-

дый район прикреплен 1 член сельсовета. Заседание сельсовета — 1 раз, а собрания — 6, где были поставлены вопросы, как-то: международное положение, Парижская коммуна, о радиоприемнике, постройка школ, о XV кантонном съезде советов, о племенном быке и устройстве мостов и т.д. Также был заслушан доклад о работе Кредитного кооперативного общества взаимопомощи. В собраниях ставят доклады и принимают активное участие школьные работники. Посевная кампания проводилась. Имеется в Кредитном кооперативном обществе взаимопомощи сортировка, триер. Отсортировано более 1000 пудов семян, а протравлено 150 пудов. Поставлен доклад агронома, но результатов нет. В селении кооператива нет, также нет партийцев и комсомольцев. Сельхозналог прошлого года выполнен на 93%, также семсуда. Задолженность по всем видам всего 397 пудов. Руководящие материалы в сельсовете имеются. Учета работы нет». В выводах по результатам обследования сельсоветов Камаевской волости Бизякинский сельсовет назван в числе бездействующих [НА РТ, ф. 6066, оп. 1, д. 285, л. 55–56, 89–90].

Из сведений о засеве ярового клина на урожай 1926 года: в деревне Бизяки весной 1926 года было засеяно пшеницей 70 десятин, овсом — 150 десятин, ячменем — 20 десятин, гречихой — 120 десятин, просом — 21 десятина, чечевицей — 3 десятины, льном — 5 десятин, картофелем — 8 десятин; фактического засева было 397 десятин, недосев из-за отсутствия семян гороха, конопли и вики составил 10 десятин [НА РТ, ф. 4535, оп. 1, д. 17, л.426]. Имеются и данные о количестве скота: к 1 июля 1926 года в деревне было лошадей — малолеток (3–4 лет) 50, рабочих лошадей старше 4 лет 383, жеребят до 1 года 20, одно-двухлеток 19; крупного рогатого скота — коров от 2 лет 471, телок от 1 до 2 лет — 109, телят 60, быков 3; взрослых овец 891, ягнят 170; взрослых коз 26, козлят 41; птицы насчитывалось 1693 [Там же, л.387].

Эти цифры показывают, что к лету 1926 года бизякинцы почти восстановили свое хозяйство. Реализация Декрета о земле в ходе восстановления народного хозяйства привела к увеличению в деревне доли середняков. Этому, по-видимому, способствовало и то обстоятельство, что новая экономическая политика позволяла крестьянам заниматься побочными промыслами и торговлей, арендовать землю, а также нанимать батраков. Приработок, как правило, шел на восстановление хозяйства (на покупку лошади,

коровы, орудий труда), выплату ссуды, полученной в 1920—1925 годах, уплату государственных и местных налогов — продовольственного, земельного, дорожно-гужевого и т.д. и недоимок по ним. Напомню, что замена продразверстки продналогом пришлось на неурожайные голодные годы, и хотя она уменьшала в два раза нагрузку на крестьян, это уменьшение осталось тогда почти незамеченным.

С 1923 года все крестьянские государственные и местные налоги были объединены в единый сельскохозяйственный налог, уплачиваемый как в натуральной, так и в денежной форме. С января 1924 года он стал взиматься только в денежной форме. Чтобы понять, что включалось в единый сельскохозяйственный налог, рассмотрим окладной лист по единому сельскохозяйственному налогу на 1929—1930 год Сиракаева Закира. Предполагалось, что с 1,65 десятины посева он должен был получить доход в 33 руб.; с 1,40 десятины сенокоса — 21,90 руб. Имеющаяся у него лошадь должна была принести 21 руб. дохода, корова — 18 руб., 4 овцы — 4,80 руб., 1 колодный улей — 2 руб. Итого его хозяйство должно было принести 105,50 руб. дохода. Кроме того, неземледельческий заработок его был исчислен в 79 руб. (он торговал железо-скобяными товарами по патенту 2-го разряда). Всего, таким образом, его годовой доход равнялся 185 руб. Едоков в семье было 2 человека. Исходя из всего этого, Сиракаеву Закиру было положено уплатить 10 руб. 75 коп. единого налога [НА РТ, ф. 4530, оп. 1 доп., д. 10, л. 83]. Как видим, в этот окладной лист внесены все виды дохода.

Есть и данные проведенного в 1927/28 году анкетирования о доходности, получаемой от неземледельческих заработков в хозяйствах, облагаемых сельскохозяйственным налогом. Сумма облагаемого дохода от этих заработков установлена волостным налоговым комитетом. Всего заполнено на русском или атарском языках 22 анкеты, причем в одну анкету включено шесть человек, создавших артель рыбаков по договору на пять лет. Для артели рыбаков, имевших сеть 60 сажень и занимавшихся рыбной ловлей 9 месяцев в году, ежегодный налог определен по 70 руб.

Анкеты о неземледельческом доходе заполнены на четверых служителей религиозного культа — мулл Минихузина Закира (350 руб. налога), Кодрачева Латыпа (400 руб. налога) и Халимова Сафу (90 руб. налога), а также азанчя Хуснутдинова Гильфана, который, к тому же, получал дополнительный заработок от поль-

зования сепаратором (всего ему установили 180 руб. налога). За пользование сепаратором налог должны были платить еще шестеро бизякинцев — Мухаметьянов Ахун (65 руб.), Назметдинов Кашфетдин (70 руб.), Башаров Гусман (77 руб. 75 коп.), Шайгалимов Зинур (65 руб.), Самигуллин Махмут (40 руб.) и Сабитов Шакир (30 руб.). Губайдуллин Тухбатулла должен был уплатить налог в 90 руб. за владение конной обдиркой (крупорушкой), Зайнуллин Хузяхмат — тоже за крупорушку, но 60 руб. Хусаинову Авзалетдину за выпекание по праздникам хлеба на продажу был установлен налог в 50 руб., портному Ямангулову Салимулле — в 60 руб. [НА РТ, ф. 4535, оп. 1, д. 38, л. 7—22].

Интересно, что анкетирование не коснулось бизякинцев, занимавшихся мелкой торговлей (их в Бизьяках к этому времени было не менее десяти, но, видимо, их обороты были еще ничтожно малы). Обращает на себя внимание и разница в размерах налога (например, за сепаратор налог колебался от 30 до 77,50 руб.). Правда, в последнем случае, видимо, учитывалось и жалованье, которое Башаров Гусман получал как председатель сельсовета. Нужно также отметить, что многие хозяйства не могли вовремя расплатиться с налогами. Так, к 1 января 1827 года в именном списке недоимщиков по деревне числилось 102 человека; их общий долг составлял 442 руб. 48 коп. [НА РТ, ф.4535, оп. 1, д. 38, л. 1—3]. Получается, что в среднем каждый недоимщик должен был государству чуть более 4 руб. Казалось бы, по нашим меркам, мизерные суммы, однако для того времени и эти деньги найти было неоткуда. Для сравнения: в сезон весенне-летней страды можно было наняться батраком за 50 коп. в сутки или за 8 руб. в месяц. Вот сведения о батраках деревни Бизьяки, представленные сельсоветом 16 апреля 1925 года: «Бахтигараев Шакир, 29 лет, работает сезонно за 50 коп. в сутки у Давлетшина Нурия; Мухамадянов Хазей, 15 лет, работает временно без оклада у Тухватуллина Гаптуллы; Минигалеев Фасых, 15 лет, работает временно без оклада у Серакаева Закира; Хусаинов Хуснутдин, 25 лет, работает временно за 8 рублей в месяц у Садыковой Магруфы; Гимашев Минигарай, 15 лет, работает временно без оклада у Муллахматова Гарая» [НА РТ, ф.4535, оп. 1, д. 17, л. 66].

Еще один путь получения приработков, использовавший бизякинцами со второй половины девятнадцатого века — постоянная или поденная работа на Бондюжском и Кокшанском заводах. Од-

нако и там разруха еще не была преодолена, платили за работу крестьянам мало и нерегулярно, что обнаружил прокурорский надзор над оплатой работы крестьян. Так, к 15 марта 1925 года Бондюжский завод был должен 13 бизякинцам 96 руб. 53 коп., Кокшанский завод — 7 бизякинцам 66 руб. 46 коп. [Там же, л. 141—149].

Постановлением от 21 октября 1927 года маломощные крестьянские хозяйства по решению налоговых комиссий районов полностью или частично могли быть освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога. Так, по Бизякам на 1927—1928 хозяйственный год претендовали на такую льготу 94 домохозяина. 26 из них было отказано, по 68 хозяйствам было получено положительное решение [Там же, л. 25—26].

По мере восстановления народного хозяйства страны постепенно начали работать рыночные механизмы. На полках магазинов в городах стали появляться товары. Активнее заработали ярмарки и базары, где крестьяне могли продавать излишки выращенной ими сельскохозяйственной продукции. Кстати сказать, в мае 1925 года базар из Бондюги был перемещен в Бизяки. Протоколом общего собрания от 19 мая 1925 года базарным днем было назначено воскресенье [НА РТ, ф. 4535, оп. 1, д. 4, л. 208]. Правда, каких-либо других данных о работе этого базара мне найти не удалось. Имеются лишь сведения о среднегодовых рыночных ценах в 1925 году на базарах Елабужского кантона.

Думаю, что современному читателю будет небезынтересно познакомиться с этими ценами. Так, пуд ржаной муки стоил 1,34 руб., овса — 1,04 руб., гороха — 2,16 руб., сена — 0,38 руб., мяса говяжьего — 7,45 руб., масла сливочного — 20,20 руб., масла топленого — 23,30 руб. Закупочная цена на картофель составляла треть цены за рожь. На Красноборском базаре Елабужского кантона осенью 1925 года лошадь стоила 170 руб., корова — 50 руб., овца — 8 руб. Цены на бакалейные товары там же: сахар — 32 коп. фунт, чай — 4,30 руб. фунт, соль — 2 коп. фунт, мыло — 22 коп. фунт, спички коп. фунт — 15 коп. пачка, керосин — 12 коп. литр, ситец — 46 коп. метр, масло подсолнечное — 35 коп. фунт [НА РТ, ф. 5874, оп. 1, д. 1178, л. 1—91].

В декабре 1927 года прекратило существование Бизякинское сельскохозяйственное кооперативное товарищество. Можно предположить, что вначале, в 1924—1925 годах, оно сыграло положительную роль, но в дальнейшем работа товарищества пошла

на спад. И его члены стали постепенно покидать его, занявшись индивидуальным хозяйством и торговлей. В этих условиях и развалился бизякинский кооператив. К тому же, члены его не умели вести коллективную деятельность по сбыту и торговле, возникало много недоразумений между членами кооператива, кредитов выделялось мало, всем не хватало. Росло недовольство работой руководства товарищества, ибо его рядовые члены считали, что оно не способно отстаивать интересы коллектива перед властями. Покинув кооператив, бывшие его члены решили самостоятельно заняться как производством, так и сбытом так необходимой стране продукции. Можно предположить, что здесь свою роль сыграла и политика правительства в отношении крестьянства.

Раскулачивание и коллективизация

В конце 1925 года XIV съездом партии большевиков была провозглашена политика индустриализации страны. Наряду с восстановлением промышленных предприятий, их расширением и техническим обновлением было решено начать новое промышленное строительство. Для достижения максимальных темпов индустриализации и реконструкции народного хозяйства на 1928/29—1932/33 годы был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. В результате менялась география размещения заводов и фабрик, появлялись новые города и поселки. Рост городского населения требовал и увеличения поставок сельскохозяйственной продукции.

Основу аграрного сектора экономики страны по-прежнему составляли мелкие крестьянские хозяйства, имевшие полунатуральный характер. Они и были основными поставщиками сельскохозяйственной продукции для всего населения страны. Хотя в 1926 году посевные площади в Татарстане несколько превысили довоенный уровень, общий сбор хлебов составил всего 80% довоенного уровня. Товарность зерна была еще меньше и уменьшалась с каждым годом. По сравнению с 1913 годом в 1926 году она составила 79%, в 1927 году — 64%, в 1928 году — 42% [История, 1960, с. 244]. Урожайность главных в крестьянском хозяйстве хлебов — ржи и овса — даже в лучшие годы не превышала 7 центнеров с гектара. Она и не могла быть выше: на истощенных полях использовались все те же примитивные орудия — сохи, бороны,

серпы и косы. Почти пятая часть крестьянских хозяйств была безлошадной. Чрезвычайно низкой была и продуктивность животноводства. Деревня не имела достаточных возможностей для того, чтобы обеспечить устойчивое снабжение развивавшейся промышленности сырьем, а увеличивавшееся городское население — продуктами питания.

Перестройка в аграрном секторе страны являлась экономической необходимостью. Переход к нэпу предполагал широкую кооперацию мелких крестьянских производителей; крепкие хозяйства, возникшие на основе кооперирования, и должны были обеспечить страну сельскохозяйственной продукцией. Однако различные формы кооперации, создаваемые в деревне, оказывались недолговременными. Большая часть крестьянства шла в кооперацию лишь с целью получения государственных кредитов, семенных и денежных ссуд, различных льгот при приобретении инвентаря и лошадей, для восстановления своего разоренного событиями 1914—1922 годов хозяйства. Это значило, что «кавалерийская атака» на деревню не удалась.

Государство вместо поддержки крепких единоличных хозяйств пошло по пути усиления давления на село, все чаще делая попытки взять под свой контроль процесс производства и, особенно, реализацию зерна и продуктов животноводства, а также установление твердых низких цен на продукцию сельского хозяйства. Большая часть крестьянства, естественно, к этой политике давления относилась настороженно. Она хотела сама распоряжаться продуктами своего труда. Из-за низких закупочных цен крестьяне стали придерживать хлеб, а власти встали на путь использования чрезвычайных мер, насильственного изъятия хлеба. На рубеже 1927—1928 годов в стране разразился хлебозаготовительный кризис. Власти же не нашли иного способа воздействия на крестьян кроме реализации чрезвычайных мер, насильственного изъятия хлеба. В 1928 году И. В. Сталин выдвинул тезис об обострении классовой борьбы и обосновал необходимость сверхналога (или «дани») с крестьянства. Механизмом извлечения этой дани являлись так называемые «ножницы» — разница цен на промышленные товары и продукцию сельского хозяйства. Но этого оказалось недостаточно.

Одной из форм насильственного отъема у сельского населения продукции сельского хозяйства и средств производства (прежде

всего, земли) стало раскулачивание. Оно проводилось в России (СССР) в 1918–1933 годах и первоначально, в эпоху «военно-го коммунизма», проходило в форме «красногвардейской атаки на капитал». Наряду с конфискацией части земельных угодий и средств производства, на зажиточных крестьян (кулаков), как на «чуждых элементов», возлагались различные чрезвычайные налоги (контрибуции), они лишались избирательных прав и т.д.

Первые сведения об ограничении избирательных прав части жителей Бизяков встречаются в статистических материалах и протоколах собраний, посвященных проведению выборов в местные советы и делегатов на съезды Советов разных уровней. Вот, например, среди статистических сведений о составе населения по волостям Елабужского уезда имеются следующие данные: на 1 января 1920 года в Бизяках были налицо 1121 мужчина и 1430 женщин; 90 мужчин были призваны в Красную Армию; по ст. 10 Конституции РСФСР 1918 года имели избирательное право, не считая находившихся в армии, 300 мужчин и 374 женщины [НА РТ, ф. 6066, оп. 1, д. 58, л. 15 об.]. Осенью 1921 года в Бизяках в 484 дворах проживало 2176 человек, из них имеющих право голоса, согласно Конституции, было 691 человек [Там же, оп. 2, д. 50, л. 204].

После небольшого перерыва в период восстановления хозяйства, когда насильственные политико-административные и экономические меры по отношению к крестьянству были приостановлены, так как с разоренного крестьянского хозяйства было нечего взять, уже в 1926 году вновь приступили к лишению избирательных прав по конституции РСФСР 1918 года. Так, в 1926 году в Бизяках были лишены права голоса 9 семей. Это Валиевы Габдрахман, его жена Бадар и дочь Фархизиган, Давлетшины Нури и Гайнизинан, Калимуллины Габдулла и Фархитза, Кудрячовы Латыф и Асма, Муллахузины (Минихузины. – А.М.) Закир, Зихап и Шамиль, Сиракаевы Закир и Биби, Сайфуллины Сафа, Минихаят и Ахметзия, Хуснутдиновы Гильфан и Зиган, Шаймардановы Шайгаллям и Асма [НА РТ, ф. 4530, оп. 1 доп., д. 30, л. 70]. Все они позднее попали под репрессивный каток.

В конце 20 годов с отказом властей от политики нэпа и началом сплошной коллективизации, атака на крестьянство была возобновлена с новой силой. В деревнях вновь появились специальные уполномоченные и вооруженные отряды, которые производили повальные обыски крестьянских дворов и изымали хлебные «из-

лишки». Тех, кто был уличен в сокрытии хлеба, зачисляли в кулаки и судили по обвинению в спекуляции с конфискацией имущества, скота, инвентаря. У нас нет материалов, рассказывающих о том, как это происходило в Бизьяках в конце 20-х годов, но можно утверждать, что эта чаша не миновала и зажиточных крестьян нашей деревни. Это подтверждается документами более позднего времени [НА РТ, ф. 4530, оп. 1 доп., д. 21, л. 19–22].

Вот характеристика-сопровождение на бизьякинца Хатруллина Хикмата, переправляемого с семьей в волость (возможно, что в написании фамилии допущена ошибка – это мог быть Хайбуллин Хикмат).

«Гражданин деревни Бизьяков, 1883 года рождения, до революции занимался хлебопашеством, имел 1 дом, 2 конюшни, 1 амбар, 1 баню и надворные постройки; в старой армии не служил. После революции занимался хлебопашеством, имел вышеуказанное хозяйство и скот, имел посевную площадь 7 га, арендовал землю в 1930 году посевной 2 га, луговой 5 га, постоянный наемный труд не имел, сезонных имел до 5 человек. Имел улей до 25 штук. В Красной Армии не служил, к раскулачиванию и к высылке не подвергался. В 1931 году хозяйство перевели в зажиточное и облагался твердым заданием и индивидуальным налогом. В 1931 году был осужден за невыполнение государственных заданий на 18 месяцев, решением суда ТР отменен. В 1933 году весенняя посевная площадь 1,38 га, из них пшеницы 0,50 га, требуется семян 0,75 кг. Овес 0,13 га, семян 0,20 кг, полбы 0,20 га, семян 0,30 кг, проса 0,25 га, семян 0,8 кг, картофель 0,30 га, семян 41,20 кг.

В настоящее время имеет семян – во время проверки оказалось семян разных культур 28 кг, картофеля 100 кг, отсортировано 60%, навоз не увезен, золы не готовил, сельскохозяйственный инвентарь не отремонтирован. Мясозаготовка не выполнена. Социально опасный элемент против колхоза как кулак.

13 апреля 1933 года

Председатель сельсовета Гимазетдинов

Председатель колхоза Исмагилов

Актив Галеев, Гизатуллин

Секретарь...».

Из следующего документа под названием «Социально-экономическая характеристика» мы узнаем, что у Хатруллина была семья из пяти человек – жена Баял, 1884 года рождения, сын Гали,

1913 года рождения, сын Нагим, 1918 года рождения, дочь Рабига, 1923 года рождения. Также есть пояснение, что «до 1932 года х-во было зажиточное, после восстановления в настоящее время середняк». Из этих документов видно, что Хатруллины пострадали из-за «излишков» семян и картофеля, обнаруженных во время проверки. Какова была дальнейшая судьба этой семьи, мне не удалось узнать. Могу лишь сказать, что в «Книге памяти Республики Татарстан» их имена я не встретила.

Приведу отрывок из воспоминаний (доклада к 60-летию бизякинского колхоза) Габделхака Гильфановича Хуснутдинова (1914–2003), проработавшего в колхозе и промысловой артели более полувека на разных должностях (от помощника счетовода до главного бухгалтера) и хорошо знавшего жизнь деревни изнутри. Этот доклад его дочь Габдуллина Гузель поместила в интернете на сайте «бизяки. рф». «С 1924–25 годов друг за другом стали появляться различные постановления о перестройке сельского хозяйства, были организованы крестьянские комитеты, стали поговаривать о создании колхозов и совхозов для того, чтобы заставить крестьян совместно работать. Это разрушило веками существовавшую в одной и той же форме жизнь и культуру крестьян, лишило их не только религиозных, но и национальных праздников и обычаев», — отмечает он в своем докладе [www: бизяки.рф].

В начале 1928 года по всем республикам и областям страны был разверстан жесткий план хлебозаготовок. В случае отказа крестьянина сдать хлеб фактически за бесценнок его привлекали к суду. Четвертую часть конфискованного хлеба получали бедняки. Только в январе-феврале 1928 года в Татарстане осудили «за саботаж» 533 человека [История, 1960, с. 370–371]. Угроза арестов и сами аресты, лишение избирательных прав непокорных крестьян и другие формы давления должны были заставить крестьян объединяться в колхозы. При этом арестам и другим формам репрессий подвергались не только кулаки и духовенство, но и середняки и даже бедняки.

Обратимся опять к воспоминаниям. «В это время не было людей, вернувшихся в деревню после учебы в школах или училищах и способных претворять в жизнь государственные решения. Была лишь молодежь, не только прошедшая службу в Красной Армии, но и получившая там соответствующие знания и воспитание. Именно они вместе с учителями вели разъяснительную работу

о политике правительства. Они же были и депутатами сельского совета, и членами его исполкома, — продолжал Г. Хуснутдинов. — В 1926 году вернулся из армии Тухватуллин Габдулла. Он внес в жизнь деревни много новшеств. Создал крестьянский комитет и стал его председателем; начал знакомить людей со способами увеличения урожайности хлебов (привез сортировку). Он также начал разъяснять народу, что в различных местностях республики началась коллективизация, что это же будет и у нас. Эти его разъяснения не понравились народу, особенно подкулачникам, начавшим его травлю. Вскоре, в августе 1929 года, Тухватуллин и еще 7 человек были арестованы».

Об этих арестах сохранились и архивные документы. Аресты в Бизьяках прошли 28 октября 1929 года. Были арестованы Гайнутдинов Гариф Тазетдинович, 1894 года рождения, единоличник, Губайдуллин Гумер, 1898 года рождения, единоличник, Гараев Карим, 1907 года рождения, единоличник, Давлетшин Нури, 1878 года рождения, зажиточный крестьянин, торговец, Тухватуллин Габдулла, 1902 года рождения, единоличник, середняк, председатель крестьянского комитета, Шаяхметов Ясави, 1887 года рождения, единоличник, середняк, плотник, Шаймарданов Шайгардан, 1875 года рождения, крестьянин, бывший торговец. Чуть позже, 10 декабря 1929 года, был арестован отец Габделхака Хуснутдинова Гильфан, 1876 года рождения, единоличник, азанчи.

Их судила «тройка» при ОГПУ ТАССР в Казани (в нее входили представители трех органов власти — партийной, советской и карательной). Двое — Тухватуллин Габдулла и Давлетшин Нури — были приговорены 21 января 1930 года к высшей мере наказания и конфискации имущества по ст. 58—11 «за выступления против организации колхозов и хлебозаготовок»; они были расстреляны 26 января 1930 года в Казани. Еще двое — Хуснутдинов Гильфан и Шаймарданов Шайгардан — были приговорены 5 февраля 1930 года по ст. 58—11 «за агитацию против мероприятий Советской власти» на пять лет ссылки в Северный край с конфискацией имущества, остальные четверо тогда же и по той же статье — на три года концлагерей (По материалам «Книги памяти Республики Татарстан»).

На мой взгляд, этих арестованных вряд ли можно назвать кулаками. Правда, указано, что Давлетшин Нури и Шаймарданов Шайгардан занимались торговлей, следовательно, по логике следствия, были зажиточными. Хуснутдинов Гильфан пострадал

за то, что был азанчи, т.е. духовным служителем. Хотя у приговоренных к высшей мере наказания и осужденных на пять лет северных лагерей было конфисковано имущество, это было лишь сопутствующим наказанием. Обвинение же Тухватуллина Габдуллы, председателя крестьянского комитета, сельского активиста, в «выступлениях против организации колхозов и хлебаготовок» никак не вяжется с тем портретом, который оставил нам явно относившийся к нему с огромным уважением Габделхак абый. Его арест, а затем и расстрел, по-видимому, можно объяснить кознями относившихся к нему враждебно подкулачников.

В 1930 году были разработаны специальные законодательные акты по усилению политики раскулачивания. В январе ЦК ВКП(б) принял два важных постановления — «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» и «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». На их основе 16 февраля 1930 года было принято постановление ЦИК и СНК ТАССР «О ликвидации в Татари кулачества как класса».

В регионах сплошной коллективизации, куда был отнесен и Татарстан, отменялся закон о разрешении аренды земли и применении наемного труда, местным органам предоставлялось право решать вопрос о конфискации имущества кулаков. Предусматривалось разделение кулацких хозяйств на три категории. В первую категорию должны были войти «активные участники антисоветской и контрреволюционной борьбы». В отношении этих лиц рекомендовалось применять жесткие репрессивные меры (расстрел, заключение в тюрьмы и концлагеря, переселение в спецпоселения, полная конфискация имущества и т.д.). В отношении второй категории (экономически мощных кулацких хозяйств и семей осужденных по первой категории) предполагалось применить полную конфискацию средств производства и выселение в отдаленные районы страны (Сибирь, Соловки, Казахстан и др.). Основная масса кулачества (75–80%) — владельцы менее мощных хозяйств, активно не выступавшие против Советской власти, но эксплуатировавшие наемный труд и имевшие мелкие предприятия и торговые заведения, — должна была войти в третью категорию. Их предусматривалось расселить в пределах тех же административных районов, как правило, на худших землях...

В первой половине 1960-х годов я училась заочно на истфаке Казанского университета, и мне нужно было выполнить контрольную

работу по истории ТАССР. Тогда шло разоблачение культа личности Сталина, начинался поиск новых подходов к изучению истории нашей страны. Я решила написать о коллективизации деревни и построить контрольную работу на материале по рассказам своего отца Махмутова Хазиахмета (1900 года рождения, бывший красноармеец, участник гражданской войны, сельский активист), в 1927–1937 годах бывшего секретарем сельсовета. Приведу несколько эпизодов из его воспоминаний. «Я тогда работал секретарем сельсовета. Из Елабуги требовали немедленной организации в деревне колхоза, но бизякинцев невозможно было уговорить расстаться со своей землей. Весь 1930 год чуть ли не ежедневно приезжали в деревню представители волости, кантона, собирали сходы и агитировали бизякинцев организовать колхоз. Но бизякинцы, считавшие, что при этом они, прежде всего, лишатся земли, которую их предки веками владели на праве собственности, упорствовали. Нам на помощь прислали двадцатипяти тысячника из Москвы Кондакова. И наконец, мы, собравшиеся 10–15 человек сельского актива, создали колхоз».

Добавлю, что 2 марта 1930 года в газете «Правда» был опубликован примерный Устав сельскохозяйственной артели, принятый Колхозцентром, одобренный Народным комиссариатом земледелия СССР и утвержденный Совнаркомом СССР и ЦИК СССР. Он тут же был переведен на татарский язык и отпечатан. Правление Всетатколхозсоюза уже 3 марта 1930 года разослало его по всем татарским деревням для руководства. На рубеже 1929–1930 годов в стране началось так называемое движение двадцатипяти тысячников, когда решением партии большевиков для более успешного проведения коллективизации на помощь крестьянам было решено послать в деревню передовых рабочих из Москвы, Казани и других рабочих городов и поселков.

Итак, в Бизяки был прислан Кондаков Ахметзян из Москвы. Не знаю, насколько весома была его роль в создании бизякинского колхоза (папа о нем только упоминал, а по воспоминаниям Г. Хуснутдинова, он подпал под влияние подкулачников деревни и стал пьянствовать, совсем не занимаясь вопросами коллективизации), но факт остается фактом — организационное собрание группы бизякинцев прошло под его председательством. Оно состоялось 13 января 1913 года в зале школы. Приведу здесь текст протокола (написан от руки карандашом), сохранившегося в архиве [НА РТ, ф. 4530, оп. 1 доп., д. 16, л. 25–25 об.].

«Протокол

собрания учредителей сельскохозяйственной артели в деревне Бизьяках Елабужского района, состоявшегося 13 января 1931 года. На собрании присутствуют: 1. Сираев Ф. 2. Кашфеев Ах. 3. Фатхуллин Мул. 4. Мини Ахмет 5. Ситдигов З. 6. Махмутов Х. 7. Кондаков. 8. Тухватуллин Салаватулла. 9. Тухватуллин Сингатулла.

На собрании председательствует Кондаков.

Секретарь Аглямков (директор школы. — А.М.).

Повестка дня:

1. Об организации сельскохозяйственной артели и прием устава и определение названия артели
2. Выбор членов правления
3. Выбор членов ревизионной комиссии

Слушали:

1. Об организации сельскохозяйственной артели, принятие устава и определение названия артели. Прочитывается устав.

Постановили:

Организовать сельскохозяйственную артель под названием «Сталино»; примерный устав сельскохозяйственной артели принять полностью без изменений.

Слушали:

2. О выборе членов правления артели

Постановили:

Правление избрать из трех человек. Единогласно в правление избираются:

1. Председателем Кондаков. 2. Махмутов Хази — секретарем. 3. Сираев Фатих — заместителем председателя.

Слушали:

3. О выборе членов ревизионной комиссии

Постановили:

Ревизионную комиссию избрать из трех человек. Избранными единогласно оказались: 1. Ситдигов Закир. 2. Мавлявиева Минниса. 3. Фатхуллин Муллахмат.

Собрание закрывается в 7 часов вечера.

Председатель А. Кондаков

Секретарь Аглямков».

Вместе с протоколом в деле имеются и другие документы. Это, прежде всего, примерный устав сельскохозяйственной артели на татарском языке в виде небольшой книжечки размером в чет-

верть тетрадного листа. На чистой страничке книжечки написано карандашом по-татарски (на яналифе): «Подписавшие Устав», и далее идут подписи и их расшифровка: Валеев, Махмутов, Губайдуллин, Марьям, Шайдуллин, Тухватуллин, Мавлявиева, Тухватуллин Сал., Камалетдинов, Фатхуллин, Сираев, 12 Кашбиев [Там же, л. 24].

В этом же деле имеются материалы и других колхозов Елабужского района, где приложен Устав с текстом на русском языке. Воспользуюсь им для знакомства читателей с его структурой и некоторыми пунктами. Устав состоит из 10 глав и 22 пунктов. Имеются Приложения, где даны Выписка из постановления Правления Всетатколхозсоюза от 3 марта 1930 года и перепечатка статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной в газете «Правда» 2 марта 1930 года. Помещение этой статьи в виде приложения к примерному уставу, видимо, должно было подчеркнуть заботу «вождя народов», особо указавшего на *«добровольность колхозного движения и учет разнообразия условий в различных районах СССР»*.

Прочитую и некоторые, на мой взгляд, наиболее интересные пункты Устава. Первый пункт с определением целей и задач артели: «Батраки, бедняки и середняки селений... района Елабужского округа АТССР добровольно объединяются в сельскохозяйственную артель, чтобы общими средствами производства и общим организованным трудом построить крупное коллективное хозяйство и, таким образом, обеспечить действительную и полную победу над кулаком, над всеми эксплуататорами и врагами трудящихся, действительную и полную победу над нуждой и темнотой, над отсталостью мелкого единоличного хозяйства и создать высокую производительность труда и товарность коллективного хозяйства».

Вторая глава носит название «О земле» и состоит из двух пунктов. «Все межи, разделявшие земельные наделы членов артели, уничтожаются и все полевые наделы сливаются в единый земельный массив, находящийся в коллективном пользовании артели, — гласит один пункт. — При обобществлении полностью всех земельных угодий оставляются в единоличном пользовании приусадебные земли (огороды, сады и т.п.), причем там, где это необходимо, по решению правления артели и с утверждения общего собрания изменяются размеры земель». Второй пункт предупреждает: «Единый земельный массив артели ни в коем случае не должен умень-

шаться. Наделение выбывших членов артели земель за счет земельной площади артели воспрещается. Выбывающие из артели могут получать землю лишь из свободных земель госфонда».

Третья глава посвящена средствам производства: «Обобществляются – весь рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, весь товарно-продуктивный скот, все семенные запасы, кормовые средства в размерах, необходимых для содержания обобществленного скота, хозяйственные постройки, необходимые для ведения артельного хозяйства, и все предприятия по переработке. Жилые постройки членов артели не обобществляются.

При обобществлении сельскохозяйственного инвентаря оставляется в личном пользовании членов артели мелкий сельскохозяйственный инвентарь, потребный для работы на приусадебных землях. Из обобществленного рабочего скота правление артели в случае необходимости выделяет минимально необходимое количество лошадей для обслуживания личных нужд членов артели. В однокоровных хозяйствах молочный скот не обобществляется. В многокоровных хозяйствах оставляется в личном пользовании одна корова, остальные обобществляются. Из обобществленного молочного скота создается товарное артельное хозяйство.

Обобществление мелкого скота, т.е. свиней и овец, производится в районах развитого промышленного животноводства по мелкому скоту с оставлением у членов артели некоторого количества мелкого скота в размерах, установленных артелью. В районах непромышленного животноводства свиньи и овцы не обобществляются. Домашняя птица не обобществляется» [НА РТ, ф. 4530, оп. 1 доп., д. 16, л. 2–9].

Однако вернемся к вопросу о создании сельхозартели им. Сталина в Бизьяках. Среди материалов имеется и «список членов сельхозартели, организованной 13 января 1931 года в деревне Бизьяках Елабужского района», с указанием социального положения, количества едоков и работоспособных в семье, а также количества лошадей. Всего в списке указано 18 домохозяев. Подтвердили свое согласие подписями 15 человек, три середняка, видимо, передумали – их фамилии вычеркнуты. Есть на списке надпись: «правильность подписей в сем списке за исключением вычеркнутых Бизьякинский райсовет заверяет» [Там же, л.27]. Вот этот список.

Таблица № 12

**«Список членов сельхозартели, организованной 13 января
1931 года в деревне Бизьяках Елабужского района**

№	Фамилия и имя	Возраст и парт.	Социал полож.	Всего едо- ков	Из них работ.	Рабочий скот
1.	Муллахметов Габдулла	Комсом.	Батрак	1	1	
2	Махмутов Хазей	30	Средняк	7	2	1
3	Мавлявиева Минниса		Батрак	5	4	
4	Сираев Фатых		Ниже ср.	2	2	1
5	Гимашев Назметдин-вычерк.		Средняк			
6	Ситдигов Закир – вычеркн.		Средняк			
7	Тухватуллин Сингатулла		Средняк	5	2	1
8	Тухватуллин Салаватулла		Средняк	4	3	1
9	Фатхуллин Муллахмат		Средняк			1
10	Кашфиев Ахяями		Ниже ср.	5	2	1
11	Губайдуллин Гайнулла		Бедняк	3	2	
12	Камалетдинов Файзи	Комсом.	Служ.	1	1	
13	Валеев Харис		Бедняк	4	2	
14	Ахметзянов Мул-вычеркн.		Средняк			
15	Закиров Миниахмет	37	Батрак	1	1	
16	Гусманова Марьям	30	Бедняк	5	1	
17	Шайдуллина Махуб		Бедняк	3	2	
18	Гаптрахманов Т			2	1	
	Всего			55	28	6

Подписи поставили 15 человек».

Итак, в списке в конечном счете оказалось 15 домохозяев. Рассмотрим, прежде всего, социальное положение записавшихся в артель: 3 батрака, 4 бедняка, 4 середняка, двое обозначили состояние своего хозяйства как «ниже среднего», 1 не определился. В 15 хозяйствах было 55 едоков, из них 28 работников. На всех было 6 рабочих лошадей. Скажем прямо, очень уж незавидное сообщество получилось. И вряд ли оно могло привлечь в свой состав новых добровольных членов.

У меня почти нет архивных данных о дальнейших событиях 1931 года в жизни этого новообразования. По рассказам нашего отца Махмутова Х., одновременно ставшего секретарем и в сельсовете, и в сельхозартели, первоначально даже в организационном плане дела шли с большим скрипом. Бизьякинцы бойкотировали артель – не только не появлялись новые ее члены, но даже часть записавшихся 13 января в артели удерживали лишь их подписи да боязнь ареста и ссылки. Кондакова вскоре отозвали, а на его

место прислали другого двадцатипятилетия — Салиха Гимазтинова, рабочего Бондюжского завода, взявшего шефство над бизякинским колхозом. Усилилось и давление волостных и уездных властей на членов сельсовета. Всякого рода распоряжения и разнарядки, «спускавшиеся сверху», требовали увеличения численности колхозников и выявления в селе «вредителей и кулаков» и т.д. Были и угрозы лишения свободы, и аресты как самих сельских активистов, так и наиболее авторитетных среди односельчан хозяев. Несмотря на такие действия, из ряда вон выходявшие даже для людей, уже видевших всевозможные карательные операции в эпоху «военного коммунизма», бизякинцы не спешили с организацией коллективного хозяйства.

Посмотрим, что говорят архивные документы. Вот план хлебозаготовок по деревне Бизяки на 1931 год. В Бизяках учтено всего 601 хозяйство. Общая площадь посевов в колхозе составляла 198,65 га, у единоличников — 513,15 га, всего посевов было 711,80 га; на 1 хозяйство приходилось 1,22 га посевов. Всего одно такое хозяйство должно было собрать 13,49 ц (при среднем уровне 11), следовательно, валовый сбор хлебов для колхоза определялся в 2184 ц, для единоличников — 5644 ц [НА РТ, ф. 4530, оп. 1 доп., д. 14, л. 26]. В сводке выполнения хлебозаготовок по Бизякинскому сельсовету на 19 ноября 1931 года указаны следующие цифры: плановое задание колхозу 1076 ц, выполнено 704 ц; единоличникам — задание 3474 ц, выполнено 1538 ц; твердое задание 26 хозяйствам (надо полагать, в это число вошли лишенцы) — 450 ц, выполнено 373 ц. Таким образом, по плану хлебозаготовок хозяйства Бизякинского сельсовета должны были сдать 5000 ц хлебов, сдали к 19 ноября 1931 года 2516 ц, т.е. план выполнен на 50,3% [Там же, л. 1–2].

Как видим, среди этих цифр нет указаний на количество колхозников и единоличников по отдельности. Вспомним, что 13 января в колхоз вступили 15 хозяйств. План же, по всей видимости, составлялся на предполагаемое число хозяйств, которые должны вступить в колхоз. Сделав небольшие подсчеты, увидим, что в 1931 году это число предполагалось довести до 130 хозяйств. Удалось ли это? Есть интересные документы, которые могут послужить ответом. Это, во-первых, протокол заседания пятерки по хлебозаготовкам с участием членов президиума Елабужского райисполкома: «Слушали: об уточнении плана хлебозаготовок (Зубков).

В ходе хлебозаготовок выявился целый ряд проколов в планировании. [...] По отношению некоторых селений, как Бизяки, план сознательно доводился преувеличенный как кулацкому селению, но это полной реальности себе в ходе заготовок не нашло и сейчас план не выполняется. Уполномоченные в интересах выполнения плана в этих селениях совершают грубейшие перегибы. Поэтому из имевшейся некоторой страховки в доведенных планах надо некоторым селениям план снизить, секретно сообщив об этом уполномоченным по селениям или участковым уполномоченным.

Постановили:

- 1) Уменьшить годовой план по Сарайлям 1000 ц, Полянка, Мунайка, Трехсвятское, Гришкино 500 ц, Бизяки 1500 ц, Камаево 150 ц.
- 2) Указанное снижение планов довести только до сведения ответственных уполномоченных» [Там же, л. 72].

Итак, коллективизация в Бизяках шла с таким трудом, что вся деревня в районных учреждениях стала считаться «кулацкой» (видимо, имелась в виду психология сельчан); следовательно, с ними можно было не церемониться, а поступать как с врагом. Однако план хлебозаготовок в 5000 ц, наложенный на Бизяки без учета возможностей деревни, оказался невыполнимым, несмотря на допущенные уполномоченными «грубейшие перегибы». Поэтому было решено секретно от бизякинцев (даже от руководства деревни) сократить план на 30%.

Относительно «грубейших перегибов». Отец рассказывал, что уполномоченные применяли различные их виды. Например, и на сходах, и приглашая на «беседы» бизякинцев по отдельности, они ставили перед ними, казалось бы, безобидные вопросы типа «кто против колхоза?» или «ты признаешь Советскую власть?», ответить на которые можно было лишь положительно. Однако все понимали, что положительный ответ будет приравнен к согласию на вступление в колхоз. Однажды один из уполномоченных собрал в школе большой сход, поставил у двери караул, приказав ему впускать всех, но никого не выпускать. Он сначала долго говорил о благах артельной жизни, затем поставил вопрос ребром: «Кто против колхоза?» и предложил им уйти со схода. Дело осложнялось тем, что это было вскоре после ареста очередной группы «кулаков», и было ясно, что ушедших ждет та же участь. Тем не менее несколько человек ушли. Уполномоченный же объявил всех оставшихся новыми членами артели имени Сталина и поручил активу

сельсовета собрать от них подписи о добровольном вступлении в артель. Так артель выросла сразу более чем на 100 человек.

Приведу очень интересный документ, который, как мне кажется, подтверждает этот рассказ отца. Это характеристика бизякинского колхоза имени Сталина, составленная в первой половине 1933 года. «Коллективное хозяйство организовано в 1931 г. Имеет в настоящее время 123 хозяйства. В 1932 году, в период весеннего сева, пережил громадный отлив членов колхоза (100 хозяйств), однако оставшаяся сознательная часть колхоза (43 хозяйства) полностью и в срок выполнила план весеннего сева», — начинается она [НА РТ, ф. 4530, оп. 1, д. 17, л. 96].

Итак, «громадный отлив членов колхоза», по-видимому, можно объяснить тем, как они были «добровольно» приняты в колхоз. В то же время отметим, что количество «не мытьем, так катаньем» вовлеченных в артель хозяйств постепенно увеличивалось. В похозяйственной книге за 1937–1939 годы, хранящейся в архиве сельсовета, есть и сведения о времени вступления в колхоз большей части хозяйств. По ним получается, что в 1931 году вступило в колхоз 45 хозяйств, в 1932 году — 25 хозяйств. Хотя в похозяйственной книге 1933 год как год вступления почти не упоминается, в начале 1933 года количество хозяйств в колхозе, как указано в первом документе, дошло до 123. Однако в процентном отношении это составляло всего лишь 25% всех хозяйств. Тем не менее, дела в артели постепенно налаживались.

Продолжим рассмотрение отчета за 1933 год. «В 1933 г. план весеннего сева выполнен с превышением на 84 га за счет освоения земли единоличников. Ранние яровые были посеяны в 6 дней, поздние в 3 дня, ранний пар поднят к 20 мая на 100%.

Колхоз имеет овощную ферму в 40 га, в 1933 году заложил 100 парниковых рам по своей инициативе. Занимаясь огородничеством 2 года, колхоз добился блестящих результатов и был в 1932 г. премирован на районной выставке. Имеющаяся молочно-товарная ферма в 100 голов обеспечена в 1933 году вновь построенным скотным двором.

Финплан 1 и 2 кварталов выполнен досрочно с превышением.

Заем 4-го, завершающего года пятилетки реализован с превышением на 8%. Заем 2-й пятилетки реализован полностью.

В период весеннего сева бригады колхоза были охвачены соревнованием, как между собой, так и внутри бригад. Результа-

том соцсоревнования является перевыполнение норм выработки по вспашке до 1,80 га на 2-х лем. плуге, по посеву вручную до 6 га.

Для обслуживания колхозников на поле было организовано общественное питание. Колхоз в течение весенней полевой кампании выпускал стенгазету, организовал премирование бригад переходящим знаменем и т.д.

В колхозе имеется крепкая рыбацкая артель, которая единственной в районе выполнила в 1932 году план лова; в 1933 году план 1-го квартала выполнен» [Там же].

Ряд архивных материалов позволяет нам выяснить, какими темпами шла коллективизация в дальнейшем. Вот сведения о состоянии сельского хозяйства и численности населения по сельсоветам Елабужского района, составленные в декабре 1934 года.

«Рост коллективизации особенно шел с 1933 года. Если с 1.01.1932 по 1.01.1933 года был прилив 4%, то с 1.01.1933 по 1.01.1934 года он составил 21%, — указано там. — Тянут по коллективизации вниз селения Абалач, Тогаево, Брюшли, Бизяки [...] (всего перечислено 13 деревень. — А.М.), где процент коллективизации от 33% до 50%» [Там же, оп. 1 доп., д. 19, л. 139]. Интересно и продолжение этих сведений, касающихся Бизяков: «По татарской части населения процент коллективизации снижают селения Бизяки — 49%, Ст. Гришкино — 33%. Это ставит перед нами задачу взять эти селения под особое руководство и обслуживание со стороны руководящих организаций района». И далее: «Сейчас у нас остались неколлективизированными Абалач, Тогаево, Брюшли, Бизяки и другие (всего 13 деревень. — А.М.). Объясняется это, во-первых, потому, что у ряда сельсоветов притупилась классовая бдительность, и, во-вторых, совершенно неудовлетворительная массово-разъяснительная работа» [Там же, л. 243].

Судя по этим данным, даже неоднократно проведенная кампания по раскулачиванию не давала нужных результатов. Рассмотрим некоторые факты раскулачивания. Оно, как и везде, осуществлялось как общественная кампания, с участием представителей советских и партийных органов. Вопрос о раскулачивании того или иного лица обычно обсуждался на собрании актива или «сельской тройки» (представителей партийного, колхозного и сельского актива). Контрольные цифры по раскулачиванию спускались на места сверху. Так, еще в 1930 году бюро Татарского обкома ВКП(б) установило для республики ориентировочно 4%

кулаков всех трех категорий, хотя в 1927 году специальная комиссия, изучавшая вопросы расслоения крестьянских хозяйств, пришла к выводу, что в Татарстане лишь около 2,4% крестьянских хозяйств могут быть причислены к кулацким, из них только 0,6% можно назвать эксплуататорскими [НА РТ, ф. 5874, оп. 1, д. 1229, л. 1–42].

Решение бюро обкома с установками под грифом «секретно» было разослано на места. В нем сельсоветам и волисполкомам предписывалось к 10 марта 1930 года завершить составление списков кулацких хозяйств с указанием числа едоков, подлежащих переселению и расселению. Жесткие требования, спущенные по цепочке Москва-Казань-Елабуга-Камаево-Бизяки, заставляли сельсоветчиков находить кулаков (в любом случае план надо было выполнить). По Бизякам в этот список были включены в основном те, кто к этому времени уже состоял в списках «лишенцев» гражданских прав. Все понимали, что это первый шаг к раскулачиванию, поэтому «лишенцы» пытались предпринимать шаги по восстановлению своих прав гражданства.

Мне пришлось познакомиться с несколькими объемными архивными папками, где собраны «заявления и жалобы граждан, лишенных прав гражданства, по восстановлению» по Елабужскому кантону. В них имеются и соответствующие решения. Для примера приведу только два решения по бизякинцам. Отмечу, что в это время Камаевская волость была переведена в Набережно-Челнинский кантон, поэтому в документе указан этот кантон, но дела хранятся в елабужском фонде.

1. «Выписка из протокола заседания Президиума Н. Челнинского кантонного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 19 апреля 1930 г.

СЛУШАЛИ: Заявление гр. дер. Бизяки Сиракаева Закира, рождения 1873 г., имеет семью — жена 50 лет. Лишен избирательных прав за торговлю. Систематически до и после революции торговал железо-скобяными товарами по патенту 2-го разряда. Постоянное эксплуатирование батраков, кроме того нанимал сезонников. Ко всем мероприятиям Советской власти относился враждебно. Ведет агитацию против совработников. На основании постановления бедняцко-средняцкого собрания раскулачивать. Имущества на 1427 руб.; кулак, раскулачен к 3-й категории.

Постановили:

Раскулачивание утвердить и хозяйство отнести к 3-й категории» [НА РТ, ф. 4530, оп. 1 доп., д. 10, л. 77].

2. «Выписка из протокола заседания кантонной комиссии при КИКе по рассмотрению списка лишенных избирательных прав от 23 июня 1930 г.

СЛУШАЛИ: Заявление гр. д. Бизяки Калимуллина Габдуллы 1874 г.р., кулак, раскулачен к 3-й категории. Лишен избирательных прав в 25 г. как бывший торговец обувью, бакалеей по патенту 2-го разряда. Ко всем мероприятиям Соввласти относился враждебно. Имел постоянно батрака. Имущество отчуждено на 616 руб.

Постановили:

В ходатайстве отказать, раскулачивание подтвердить» [Там же, л. 74].

В деле имеются и другие документы, по мнению просителей, способные помочь им оправдаться, а по мнению карательных органов – подтверждающие обвинение. Например, Калимуллин Габдулла представил справку Бизякинского сельсовета о том, что он всегда полностью выплачивал все положенные платежи и никогда не выступал против мероприятий вроде заготовительных кампаний. Поэтому сельсовет считает его надежным для властей человеком (Приведу и подлинник, написанный на татарском языке:

«Бу белешмә биреләдер Чаллы кантоны Камай вулысы Бәзәкә авыл гражданы Калимуллин Гаптуллага аның өчен дәрәслектә ул һәр вакытта үзенә тиешле булган салымнарны 100% белән түләп барды һәм төрле заготовка шикелле кампанияләрдә аяк чалу эше сизелмәде. Хөкүмәткә ышанычлыклы кеше икәнлеге күрсәтеп биреләдер.

Бәзәкә авыл советы рәисе – подпись Гыйззәтуллин
Язучы Мәхмүтов»).

Второй документ, представленный им, – это удостоверение от 6 февраля 1929 года следующего содержания: «Предъявитель сего Калимуллин Гаптулла является сборщиком утильтоваров (разные отходы крестьянского хозяйства) для Агрызского заготовительного пункта Госторга и на основании [...] имеет право производить сборку отходов за наличный расчет без выборки патента.

Гр. Калимуллин на службе в Госторге не состоит» [Там же, л. 92–94].

Кроме того, имеется пространное заявление самого Калимуллина на татарском языке (арабской графике) с подробным изло-

жением перипетий его жизни. Итак, представленные им документы, на непредвзятый взгляд, рисуют нам крестьянина-труженика, всеми силами стремящегося «выбиться в люди». У него большая семья: в списке 1825 года показано 8 едоков (все женщины, 2 сына родились позднее, в 1926 и в 1928 годах). Их всех надо кормить и одевать, выдавать замуж, наконец (это тоже требует немалых расходов); надо платить налоги и другие сборы. Чтобы свести концы с концами, занялся торговлей (по сути, мелочной, разъездной: так громко фигурирующая в обвинении «обувь» — это самодельные тапочки — «чуни»).

Когда его в 1925 году включили в список «лишенцев», отказался от торговли и занялся сбором утильсырья. Батрака же и сезонных работников нанимал только потому, что в хозяйстве он один не справлялся с делами. Кстати, стоимость отчужденного имущества — 616 руб. — также далека от богатства, как и его портрет далек от портрета бездельника, использующего чужой труд. Однако комитетчики при вынесении постановления не только не обратили внимания на его доводы, но даже не учли справку сельсовета о его благонадежности, характеризующего его как человека, исправно платившего налоги и никогда не выступавшего против мероприятий Советской власти. Наоборот, они обвинили его во всех смертных грехах, превратив середняка (скорее, даже бедняка) в злостного кулака. Сельсоветчикам же и активу в таких случаях, как рассказывал папа, сильно попадало от вышестоящих властей за укрывательство кулаков и других враждебных элементов.

На сельсоветчиков давили не только власти. В деревне активизировались противники коллективизации. Г. Хуснутдинов в своих воспоминаниях приводит целый ряд примеров варварской расправы с членами сельсовета, относящихся к 1930 году. А вот пример 1931 года: «В конце сентября 1931 года, когда мы отправились на поимку сбежавшего из тюрьмы Гимазтинова Г., стреляли в председателя колхоза Гимазтинова Салаха и меня. Выяснить виновных не удалось. Это был первый удар в нас (видимо, имеются в виду сторонники колхоза. — А.М.) — стало ясно, что среди нас имеются враги». Осенью 1931 года стреляли и в нашего отца Махмутова Х. (стреляли в окно, когда папа поздно ночью сидел за бумагами; одна из пуль застряла в матице; в детстве я любила придумывать разные истории, глядя на эту отметину).

Серьезная угроза существовала и для Башарова Гусмана, несколько лет бывшего председателем Бизякинского сельсовета, в 1926 году избранного членом ЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов шестого созыва. С 1927 года он являлся председателем Камаевского волисполкома, ответственным за организацию сельхозартелей в Камаевской волости. По словам Г. Хуснутдинова, угроза была настолько реальной, что осенью 1931 года друзья ночью тайно вывезли его в Ижевск.

«Эта перестройка (коллективизация) стала очень большим поворотом в жизни крестьян, принесла им много горя и мучений. Отъем у крестьян земли, лошадей, упряжи, семян, рабочего инвентаря и всего хлеба, разбор и вывоз с усадеб сараев и других дворовых построек для строительства ферм для обобщественного скота порождали у крестьян бескрайнее чувство горя и озлобленности. Из-за слома отобранных у крестьян построек оголились улицы, была разрушена вся красота деревни. Брали на учет не только весь скот, но и куриц. На крестьян были наложены различные налоги и займы, к этому добавилась обязательная сдача государству мяса, молока, яиц и т.д. Все это изменило взаимоотношения в деревне; жившие дружно, почти по-родственному сельчане превратились во врагов», — вспоминал Г. Хуснутдинов.

Вторая волна раскулачивания в Бизьяках началась 15 апреля 1931 года. Были арестованы Валеев Габдрахман (1865 г.р.), Гатауллин Минимухамет (1905 г.р.), Калимуллин Габдулла (1874 г.р.), Муллахметов Гарай (1889 г.р.), Рамазанов Мингаз (1865 г.р.), Сайфуллин Сафа (1884 г.р.), Тухватуллин Салим (1906 г.р.), Тухватуллин Санагат (1886 г.р.), Хусаинов Афзалетдин (1876 г.р.), Шайгаллямов Фаттах (1892 г.р.). Аресты продолжились 10 мая 1932 года, когда были арестованы Тухватуллин Гатаулла (1892 г.р.), Хузин Нури (1906 г.р.), Шаяхметов Ахметсахиб (1862 г.р.), Шайдавлятов Шайми (1901 г.р.). Все они были осуждены тройкой при ГПУ ТАССР 22 августа 1931 года и 21 сентября 1932 года как «участники кулацко-религиозной группировки» за «антиколхозную и религиозную агитацию» (ст. 58—11, 58—10) с конфискацией имущества и высылкой вместе со всей семьей в спецлагеря, созданные при больших стройках в Уральской области (в 1934 году она была поделена на четыре области — Челябинскую, Свердловскую, Пермскую и Тюменскую).

Как отмечает С. А. Красильников, исследователь крестьянской ссылки в Сибирь, «это была административная (внесудеб-

ная) ссылка, не обычная, поскольку носила семейный характер (репрессии касались всех — от младенцев до стариков); она осуществлялась в соединении с принудительными работами (ранее это была форма только судебных репрессий), и была бессрочной (ранее ни один вид высылки или ссылки не назначался на срок более десяти лет)» [Красильников, 2003, с. 11].

Раскулачивание и высылка на спецпоселения происходили планомерно и по особым разрядам. Например, карательные органы Татарстана обеспечивали дешевой рабочей силой Уральскую область, куда направлялось не менее трети всех раскулаченных. Прежде всего, это Магнитка — город и завод, строительство которых началось с июня 1929 года. «К весне 1931 года на Магнитке начали разворачиваться массовые земляные и бетонные работы. Крайне сложно было найти людей для изнурительного труда по рытью котлованов. С учетом этих обстоятельств 25 апреля 1931 года появилось постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О состоянии и подготовке кадров для обеспечения своевременного пуска Магнитогорского и Кузнецкого заводов», — пишет С. Ахметзянов. — ... Данное постановление наверняка сопровождалось секретными распоряжениями для местных партийных органов и ОГПУ по разворачиванию массового раскулачивания и высылке семей, прежде всего крестьянских, на магнитогорскую стройплощадку» [Ахметзянов, 2015, с. 13–14].

На самом деле, практически все раскулаченные в 1931–1932 годах бияркинцы с семьями оказались на строительстве Магнитки. Вот несколько фактов о бияркинцах. Вместе с Муллахметовым Гараем там оказалась вся его большая семья — жена Кадерле 1899 г.р., сыновья Махмут 1915 г.р. и Зиннур 1930 г.р., дочери Хадича 1914 г.р., Фатхия 1920 г.р., Мадина 1924 г.р., Назия 1928 г.р.; вместе с Калимуллиним Габдуллой, о котором я уже рассказывала, на Магнитке оказались его жена Фархитзя 1877 г.р., дочери Хатира 1915 г.р., Зайтуна 1918 г.р., малолетние сыновья Габдулхай 1926 г.р. и Саитзян 1928 г.р. Об условиях повседневной жизни и принудительного труда строителей магнитки ярко рассказал С. Ахметзянов в цитированной выше книге.

Безусловно, административный нажим, борьба с антиколхозным движением давали свои результаты. Однако такая политика вызывала и своеобразные формы сопротивления крестьян. По рассказам отца, Махмутова Х., в те годы бияркинцы начали в массовом порядке забивать скот, распродавать имущество и ухо-

дить из деревни, не дожидаясь раскулачивания, благо было куда уходить — в городах и рабочих поселках, на промышленных предприятиях и стройках — везде требовалась рабочая сила. Но такая форма противостояния крестьян коллективизации была возможна только до 1932 года. В 1932 году в стране была установлена жесткая паспортная система, крестьяне в целом оказались прикрепленными к своим хозяйствам.

Главную роль в жизни деревни в 1920–1930 годы играл сельсовет — нижнее звено административных, представительных и исполнительных органов Советской власти. В его деятельности все было важно — и учет населения, хозяйства и скота, и состояние дорог, мостов и колодцев, и сбор всевозможных налогов, и состояние школы, избы-читальни, клуба, здравоохранения и т.д. В нашем распоряжении имеется акт ревизии деятельности Бизякинского сельсовета с 1 января 1933 года по 1 января 1934 года, составленный 29 января 1934 года (см. Приложение № 13). Он показывает, что сельсовет был ответственен за все, что происходило в селе. Прежде, чем перейти к анализу содержания этого акта, посмотрим, кто же тогда входил в состав сельсовета.

Таблица № 13

**Сведения о составе Бизякинского сельсовета
на 1 ноября 1933 года**

ФИО	Партийность	Год рожд.	Членство в к/х	Соц. проис.	Соц. полож.	Время работы в сов.	Примечания
Гимазетдинов Гильфан	ВКПб	1888	Да	Крест	Бедняк	1919	Предс. Зам пр. Секр. парторг
Гизатуллин Наби	б/п	1888	Да	Крест	Бедняк	1929	
Махмутов Хази	б/п	1900	Да	Крест	Середн	1927	
Ганиев Габднур	ВКПб	1911	Да	Крест	Бедняк	1931	
Башаров Гусман	б/п	1888	Да	Крест	Середн	1926	
Гильфанов Фаттах	ВЛКСМ	1909	Да	Крест	Бедняк	1932	
Бикмухаметов Фатхи	б/п	1905	Да	Крест	Середн	1931	
Зиннуров Мулланур	ВЛКСМ	1913	Да	Крест	Середн	1933	
Габдрахманова Татжиба	б/п	1885	Да	Крест	Бедняк	1929	
Шаймарданов	б/п	1909	Да	Крест	Бедняк	1933	
Шайхнур							
Фаттахов Низамби	б/п	1906	Ед/лич	Крест	Бедняк	1930	
Гимазетдинов Муфтах	б/п	1898	Да	Крест	Середн	1932	
Идаев Гайнутдин	б/п	1896	Да	Крест	Середн	1932	

Хузин Гильми	б/п	1907	Да	Крест	Середн	1932	
Гайнуллин Калимулла	б/п	1896	Да	Крест	Бедняк	1932	
Маннапов Сахип	б/п	1897	Да	Крест	Середн	1932	
Газизов Миннахмат	б/п	1890	Да	Крест	Середн	1932	
Гайсин Минигали	б/п	1907	Да	Крест	Середн	1932	
Гимадиев Кашаф	б/п	1906	Да	Крест	Середн	1932	
Мингазетдинов Ки- рами	б/п	1910	Да	Крест	Середн	1932	
Шарифуллин Нури	б/п	1905	Да	Крест	Середн	1931	
Хикматуллин Мул- ланур	б/п	1907	Да	Крест	Середн	1932	
Низамутдинов Гали	б/п	1905	Да	Крест	Бедняк	1932	
Мухаметзянов Ми- нахм.	б/п	1884	Да	Крест	Середн	1932	
Ахметзянов Карами	б/п	1905	Да	Крест	Бедняк	1932	
Ревизионная комиссия							
Садыков Гата							
Шакиров Файзи		1902	К/х	Крест	Служ	1932	
Хузин Закир		1892	К/х	Крест	Служ	1932	
		1893	един/л	Крест	бедняк	1931	

За предс. с/с Ф. Шакиров

Секретарь Махмутов

9 ноября 1933 года». [НА РТ, ф. 4530, оп. 1 доп., д. 21, л.26]

Итак, по состоянию на 1 ноября 1933 года в Бизякинский сельсовет входило 25 человек, из них 24 являлись членами колхоза и лишь один был единоличником. Все – крестьяне по происхождению. По социальному положению – 10 бедняков и 15 середняков. Двое были членами партии большевиков и двое комсомольцами. Председателем сельсовета был член ВКП(б) Гимазетдинов Гильфан (его послужной список до Бизяков – был председателем Псеевского сельсовета, затем Кураковского /Камаевского/ волносполкома, заведующим отделом Елабужского кантисполкома, в Бизяки командирован на 3 года до конца 1933 года), его заместителем – Гизатуллин Наби, секретарем – Махмутов Хази. Ганиев Габднур был секретарем партячейки. Из седьмой графы, где указано время работы в выборных советских органах, видно, что большинство (14 человек) были избраны в сельсовет в 1932 году, двое – в 1933 году. Остальные имели больший опыт работы. Отдельно была избрана ревизионная комиссия из трех человек. Обратим внимание, что двое из них были служащими (учителями) и один единоличник.

Таблица № 14

Сведения о числе хозяйств и населения по Бизякинскому сельсовету (данные на 5 ноября 1933 года)

Наименов. сектора	Всего хоз-в	Всего едоков	До 18 л. мужчин	До 18 л. женщин	Св. 18 л. мужчин	Св. 18 л. женщин	В т. числе отходн-в
Колхозники	202	905	187	224	202	292	45 тр/сп
Единоличн.	313	1439	296	378	324	441	136 тр/сп
Всего	515	2344	483	602	526	733	181

[Там же, л. 76].

Итак, на 5 ноября 1933 года в Бизякинской артели состояло лишь 40% дворов, а 60% хозяйств оставались единоличными. Любопытные данные есть в акте проверки. Оказывается, из 313 единоличных хозяйств лишь 226 имели свою землю, а 87 хозяйств земли не имели. Можем предположить, что это хозяйства отходников, которых среди единоличников было 136 трудоспособных. Интересно, что отходники, т. е., работавшие на стороне, имелись и в вступивших в колхоз (видимо, недавно) семьях. В акте указаны и изменения в составе населения: в 1933 году в деревне родилось 87 душ, умерло 94 человека (обратим внимание на то, что раньше этот учет вели муллы).

В акте имеются и сведения о состоянии животноводства. В 1932 году в колхозе было 108 лошадей, у единоличников – 207; в 1933 году в колхозе стало 140 лошадей (из них 15 жеребят), у единоличников – 169 (1 жеребенок). Крупного рогатого скота в 1932 году в колхозе было 45 голов, у единоличников – 348; в 1933 году в колхозе стало 112 голов (из них дойных коров 49, телок 23, телят 37, племенных быков 3), у колхозников – 129, у единоличников – 197 голов. Эти данные являются наглядным свидетельством помощи колхозу государства и притеснения единоличников.

Следующий раздел акта посвящен налогам и различным сборам с населения. Из него можно узнать, какими налогами и сборами облагались крестьяне. Вот их перечисление: сельскохозяйственный налог, обязательное страхование, государственные займы – это сборы, шедшие в бюджет государства. Кроме того, были и сборы в бюджет сельсовета – это внутренние налоги, разные штрафы и отчисления, единовременные сборы, например, на ремонт и строительство дорог и мостов, различные культурные сборы. Из сельского бюджета оплачивался труд руководства сельсовета, учителей, заведующих избой-читальней, клубом, а также

хозяйственно-канцелярские расходы сельсовета, школы и просветительских учреждений; обеспечивались страхование служащих и пожарная безопасность села.

В акте отмечено проведение агротехнических мер (сбор золы, вывоз на поля навоза, снегозадержание), указаны количество и типы машин и сельхозинвентаря в колхозе и у единоличников, заготовка для строительства камня и песка. Особый раздел отведен школьным делам и ликвидации безграмотности. Из него можно узнать, что в школе имелось 10 групп, занятия которых проходили в трех местах. Всего учащихся в них числилось 360 (100%-й охват детей школьного возраста), 280 из них были учащимися первой ступени, 80 – второй ступени (в данном случае термин «ступень» употреблен вместо слова «класс»). Неграмотных и малограмотных по селу было 448 человек, из них 306 человек (147 неграмотных и 159 малограмотных) занимались в группах ликбеза. Для этих занятий подготовлено 8 домов, обучают их 17 культармейцев [НА РТ, ф. 4530, оп. 1, д. 23, л. 108–114].

По итогам этой проверки 30 января 1934 года было проведено общее собрание населения Бизякинского сельсовета. Присутствовало 329 человек. Выступили в прениях Назмутдинов, Шайхутдинов, Башаров, Фаизов, Галиев. Вот некоторые выступления:

«Назмутдинов: Плохо работал сельсовет по санитарному состоянию деревни. И некоторые колодцы и ключи. Особенно отстает наше селение насчет питьевой воды нигде не отремонтировано. В дальнейшем надо будет сельсовету выделить на это дело отдельные средства или организовать на это дело граждан селения и иметь несколько справных колодцев, в ближайшее время положить конец, чтобы колхозницы и домохозяйки не бегали по полторы версты за водой.

Шайхутдинов: Сельсовет не сумел организовать работу здравоохранения. Нужно ходатайствовать об открытии в деревне фельдшерского пункта; из-за каждой маленькой болезни приходится ехать 10–12 км до фельдшера.

Фаизов: Клуб и изба-читальня не соответствуют, поэтому плохо поставлена работа».

Постановление собрания: «усилить работу по подготовке к весеннему севу по единоличному сектору; добиться 100%-го выполнения плана дорожного строительства; до 15.02 взять точный учет семенного фонда по единоличному сектору и отре-

монтировать требующий ремонта сельхозинвентарь и машины; полностью подготовить и проверить тягловую силу и привести в состояние к весеннему севу; к весеннему севу охватить колхозным членством 100%-население единоличников; выделить соответствующее помещение клубу и избе-читальне и оборудовать их» [НА РТ, ф. 4530, оп. 1, д. 23, л. 104–106; см. также: Приложение № 14].

В нашем распоряжении есть и годовой отчет бизякинской сельхозартели им. Сталина за тот же 1933 год. В нем отмечено, что коллективное хозяйство организовано с 1 января 1931 года. Основными направлениями почему-то указаны огородничество и животноводство (возможно, потому, что это новые направления в колхозе). Созданы молочно-товарная, мясо-товарная, пчеловодческая фермы. Имеется кузница. Организованы 4 полеводческие, 1 овощеводческая и 1 животноводческая бригады. В колхозе 198 хозяйств, в них всего 842 едока, из них 462 работника (отходников 37 человек, 13 из которых отсутствуют более года). В 1933 году вступило в артель 128 хозяйств, 2 хозяйства исключены из артели [НА РТ, ф. 5874, оп. 1, д. 1730, л. 135–137].

Артель имела 1701,14 га пахотных земель. Под приусадебными огородами находилось 10,25 га, полевыми огородами — 70 га (полевые огороды — это земля, выделенная на поле колхозникам с небольшими приусадебными участками для выращивания огородных культур, в основном, картофеля). Луга занимают 892 га. Всего пригодных земель 2673,39 га; всего в земельном фонде 2663,14 га. Под урожай 1933 года было засеяно озимыми 405,48 га, яровыми — 469,67 га, всего 875,15 га. Черный пар для осеннего засева занимал 323,66 га, чистые пары для весеннего засева 1934 года — 502,33 га. Итого всего пашни было 1701,14 га. В 1933 году выработано 48613 трудодней, в 1932 году — 25175.

В 1933 году в колхозе было 108 лошадей (1 жеребец, 47 кобыл, 52 мерина, 8 жеребят до года), из них рабочих лошадей — 100. В 1934 году планировалось 140 лошадей (1 жеребец, 49 кобыл, 75 мерин, 7 жеребят до года и 8 до двух лет); из них рабочих лошадей — 125. Крупный рогатый скот артели составлял 96 голов (51 дойная корова, 23 теленка старше года, 19 быков, 3 будущих быка-производителя старше двух лет); план на 1934 год — 112 голов (49 дойных коров, 23 телки старше двух лет, 37 телят до года, 1 бык и 2 будущих быка-производителя старше двух лет).

Перечислен и имевшийся к этому времени сельскохозяйственный инвентарь: 30 двухсошниковых сох, 12 плугов с одним лемехом, 28 железных, 5 деревянных борон, 1 ручной культиватор, 2 луговые бороны (грабли), 6 окучников, 2 сеялки, 4 лобогрейки, 4 конных бороны, 8 сенокосилок, 1 триер, 3 сортировки, 8 веялок, 1 льномялка, 2 резки для корнеплодов, 2 соломорезки, 2 конных молотилки, 67 разных телег, 10 одноколок, 3 сепаратора.

Такое богатство, появившееся у артели всего лишь за три года существования, говорит не только о том, что при ее создании применялись меры принуждения типа раскулачивания или ограничения в правах единоличников, но и о большой поддержке со стороны государства молодых коллективных хозяйств. Появление в деревне такого разнообразия сельхозинвентаря и большого количества скота служило хорошим средством агитации в пользу вступления в артель не только для бедноты, но и для середняков. Переход властей к более умеренным темпам коллективизации, большее внимание материально-техническому оснащению села, развитие различных форм помощи промышленных предприятий, в частности организация шефства, больше способствовали привлечению в колхозы новых членов. Из воспоминаний отца: прибытие в деревню новой техники вызывало большой интерес у всего населения от мала до велика (отмечу, что в это время весь этот инвентарь, в основном, работал при помощи силы лошадей или людей).

В годовом отчете есть и раздел о количестве скота в личном хозяйстве колхозников: число хозяйств, имевших корову – 92, имевших теленка или телку – 38, без крупного рогатого скота – 68; в 71 хозяйстве держат овец (в наличии всего 128 голов), в 2 хозяйствах есть козы; в 89 хозяйствах держат птицу (всего 260). Большим подспорьем для колхозников являлись приусадебные участки, где в основном выращивался картофель. Сохранение личного хозяйства у колхозников также говорило в пользу колхоза, ибо это разбивало множество мифов о размерах обобществления, распространявшихся в эти годы...

За эти годы в колхозе им. Сталина появились новая конюшня на 100 голов, изолятор для больных животных на 2 головы, 2 овощехранилища для хранения 983 тонн картофеля (одно из них новое), 11 амбаров для хранения зерна, 1 новый лабаз для машин, 1 парник на 150 кв. м, 4 постоянных тока в поле. В распоряжении

колхоза было три жилых дома общей площадью 130 кв. м, дом для правления артели площадью 40 кв. м, один дом под детские ясли (30 детей).

Следующий раздел отчета посвящен посевам. Так, ржи планировалось засеять на 256 га, засеяли 365,5 га, яровой пшеницы 40 га – 60,5 га, овса 30 га – 41,8 га, гороха 20 га – 38,7 га, чечевицы 20 га – 20 га, вики 20 га – 0, черного гороха 20 га – 0. Всего планировалось засеять хлебов на 548 га, засеяли 788,97 га. Картофеля планировалось посадить на 30 га, посадили на 30 га; льном предполагалось засеять 20 га, не засеяли из-за отсутствия семян; конопли по плану 5 га и засеяли 5 га; для силоса по плану полагалось засеять травами 10 га, засеяли 3,25 га, корнеплодов – 15 га – 1,5 га. Лугового сена предполагалось заготовить с 892 га, столько же заготовлено. Под овощи планировалось занять 40 га, заняли 40,5 га (капуста, морковь, огурцы, помидоры, лук).

В 1933 году колхоз получил 74300 рублей дохода (из них 31876,79 руб. за счет продажи продукции государству). Расход составил 72226,78 руб. Из них: на новое строительство и ремонт ушло 9758,94 руб., на покупку продуктового скота – 2600 руб., рабочего скота – 715 руб., на покупку сельхозмашин и инвентаря 3669,76 руб., транспортных средств и другого инвентаря – 2647,35 руб., оборудование для фермы – 15 руб. На один трудодень пришлось: 4,770 кг зерна, 0,310 кг овощей, 4 копейки денег. Надо сказать, что 1932–1933 годы в Бизьяках, как и в целом в Татарстане, выдались урожайными. Хотя в отчете нет раздела о полученных в эти годы урожаях в Бизьяках, приведенные данные говорят сами за себя [Там же, л. 137–138].

Итоги раскулачивания и коллективизации в Бизьяках Г. Хуснутдинов подвел следующим образом: «В это время в деревне было 598 хозяйств. Из них: 6 хозяйств было отправлено в Магнитогорск, 6 хозяйств отпустили из деревни по собственной воле, 12 хозяйств вступили в Тихогорскую артель, 3 хозяйства перебрались в Елабугу на маслотрестзавод, 2 хозяйства вступили в Мунайкинский колхоз. 562 хозяйства вступили в наш колхоз, и 1 июля 1935 года отработовали, что коллективизация успешно завершена. 7 хозяйств остались вне колхоза».

Посмотрим наиболее интересные для нас данные годового отчета колхоза за 1935 год. Полевых бригад стало 6, животноводческих – 1, овощеводческих – 2, производственных – 1. На 1 января

1936 года было 406 дворов, в них было всего душ 1829, из них трудоспособных 847. Имелись клуб на 150 мест, изба-читальня на 50 мест, детский сад на 50 мест. Была построена новая ферма для крупного рогатого скота, количество которого достигло 186 голов, из них 76 маток. На 1 января 1935 года было 160 лошадей, из них 126 рабочих. На 1 января 1936 года лошадей стало 294, из них рабочих 240. Ульев соответственно было 49, стало 72. На 1 трудодень в 1935 году пришлось 3,030 кг зерна, 2,410 кг картофеля, 1,710 кг овощей, 6,420 кг соломы, 0,02 копейки денег.

В отчете названы и основные кадры артели. Посмотрим, какие сведения имеются о них. Председатель колхоза Мухаметзянов Фархи, 1903 года рождения, член ВКП(б), малограмотный; зампредела Файрушин Ахмади, 1898 года рождения, малограмотный, в колхозе с 13.09.1931; председатель ревкомиссии Зайнуллин Фарди, 1909 года рождения, член ВКП(б), образование среднее (директор школы – А.М.); счетовод Гильфанов Габдулхак, 1914 года рождения, образование ниже среднего, в колхозе с 23.04.1931; заведующий молочно-товарной фермой Ахметзянов Гали, 1912 года рождения, неграмотный, член ВЛКСМ, в колхозе с 13.09.1931; бригадиры полевых бригад: Мифтахов Кирами, 1914 года рождения, образование ниже среднего, в колхозе с 29.11.1934; Ибатуллин Гали, 1909 года рождения, член ВЛКСМ, образование ниже среднего, в колхозе с 14.10.1931; Набиуллин Хаким, 1909 года рождения, образование ниже среднего, в колхозе с 12.04.1931; Тазиев Миназ, 1901 года рождения, образование ниже среднего, в колхозе с 6.05.1933; Гильфанов Нури, 1908 года рождения, образование ниже среднего, в колхозе с 17.03.1931; Гайсин Шахми, 1895 года рождения, неграмотный, в колхозе с 10.04.1931; бригадиры овощеводческих бригад: Ясавиев Гали, 1915 года рождения, неграмотный, в колхозе с 27.06.1935; Гимадиев Хамат, 1907 года рождения, неграмотный, в колхозе с 24.04.1933 [НА РТ, ф. 5874, оп. 1, д. 2089, л. 73–78].

Вступали в колхоз и в последующие годы. Так, в похозяйственных книгах, хранящихся в архиве Бизякинского сельсовета, имеются отметки о вступлении в колхоз 11 хозяйств в 1936 году, 9 хозяйств в 1937 году, 2 хозяйств в 1939 году (отмечу, что имеется много хозяйств без отметки о времени вступления в колхоз). Приведу еще несколько сведений из годовых отчетов 1938 и 1940 годов. В начале 1938 года в колхозе состояло 427 хозяйств. В этом году вступило в колхоз 23 хозяйства, 1 хозяйство было выведено

из него. На 1 января 1939 года в колхозе насчитывалось 446 хозяйств. Трудоспособных было 620 человек. У колхоза появилась одна грузовая машина [НА РТ, ф.5874, оп. 1, д. 2641, лл. 178–185].

В 1940 году в колхозе было 447 хозяйств, в которых проживало 1839 человек. Из них трудоспособных было 620 человек, кроме того было 193 человека трудоспособной молодежи с 12 до 16 лет. В 1940 году было выработано 60317 мужских и 55500 женских трудодней. В 10 полевых бригадах работал 501 человек, в овощеводческой бригаде – 58 человек, за яблоневым садом ухаживал 1 человек, на строительных работах были заняты 12 человек, в животноводстве – 24 человека. Общественная земля колхоза составляла 5232,30 га; яблоневый сад занимал 66 га, огороды – 6 га, сенокосы – 861,59 га, пастбища – 63,56 га, приусадебные земли 103,62 га (при 447 хозяйствах колхозников и 6 хозяйствах служащих). В колхозе было 360 лошадей, 100 дойных коров, 160 телят. Имелось 5 амбаров для хранения зерна на 300 тонн (один новый на 55 тонн), 3 хранилища для картофеля на 950 тонн. Председатель колхоза Мухаметзянов Фархи Мухаметзянович, бухгалтер Мухаметзянов Гарай Закирович, председатель ревкома Багаутдинов Касым Багаутдинович. Было 11 бригадиров, 1 агротехник, 1 ветфельдшер, 2 заведующих фермами, 2 шофера (Сиракаев Фатых и Багаутдинов Касым. – А.М.), 2 пастуха для крупного рогатого скота, 24 конюха [НА РТ, ф. 5874, оп. 1, д. 3184, л. 191–203].

Итак, мы рассмотрели данные четырех годовых отчетов – за 1933, 1935, 1938, 1940 годы. Они являются наглядной иллюстрацией развития колхоза в Бизьяках. Маломощная артель, объединившая в 1931 году 15 хозяйств (больше по принуждению сверху, чем по собственному желанию), за каких-то 5–6 лет превратилась в большое коллективное хозяйство. Бизьякинцы понемногу втягивались в новые условия жизни. Забота о куске хлеба отошла на второй план. В ходе коллективизации были обобществлены земля, нехитрый инвентарь, основная тягловая сила – лошади, труд людей. В личной собственности колхозников остались жилые постройки, мелкий инвентарь, продуктивный скот в количестве, предусмотренном Уставом сельхозартели, в их пользовании был также небольшой приусадебный участок земли (до 0,5 га) для ведения личного подсобного хозяйства. Новый примерный устав сельхозартели, принятый на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников в 1935 году, все это обобщил и законодательно

оформил новые отношения в деревне, определил правовые основы колхозного строя, главные принципы организации производства и общественной жизни в колхозах.

Коллективизация коренным образом изменила традиционные условия труда, быта и весь уклад жизни деревни. Процессы, происходившие в эти годы, сложно и противоречиво взаимодействовали со многими сторонами жизни общества. Произошли резкие изменения в социальной структуре села. Для принятия новых условий существования понадобилась «революция в умах» — изменение сознания крестьян. С установлением жесткой паспортной системы в 1932 году колхозники были практически прикреплены к земле. Устав 1935 года отменил свободный выход из колхоза (многие современные исследователи и, особенно, политики называют это «вторым крепостным правом в России»).

Судьбы мечетей и мулл

Если вся жизнь дореволюционной татарской деревни так или иначе была связана с религией, и муллы играли в этой жизни главенствующую роль, то с первых дней Советской власти началось ограничение сферы деятельности религиозных учреждений.

Декретами СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 года и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 21 января 1918 года было запрещено преподавание религии в школе, что вызвало недовольство не только религиозных служителей, но и широких слоев населения. Даже мусульманский комиссариат Казанского Совета выступил против немедленного претворения в жизнь этих декретов. В постановлении комиссариата от 18 марта 1918 года говорилось: «Мусульмане автономны в своих культурно-национальных и религиозных делах и могут принимать в жизнь декреты Советов Народных Комиссаров через мусульманские комиссариаты, сообразуясь с духом и бытовыми условиями своего народа. На основании этого объясняется, что во всех мусульманских мектебах, медресе Казанской губернии преподавание закона божия будет преподаваться беспрепятственно» [Тутаев, 1970, с. 108–109].

Казанский губернский съезд учителей-татар, состоявшийся в мае 1918 года, свое отношение к этим декретам выразил в специальной резолюции:

«1. Казанский губернский съезд мусульманских учителей приветствует отделение религии от государства и считает, что эта мера была нашим давнишним желанием.

2. Если говорить о духовной жизни, об общественном и семейном положении нашего народа, то мы увидим следующее: наше дошкольное воспитание и внешкольное образование не налажены, у нас еще мало культурных семей. Не налажено также ни общественное, ни религиозное, ни национальное воспитание среди нашего народа, поэтому при таком положении наш народ никак не подготовлен к тому, чтобы правильно воспитать своих детей. Исходя из этого, съезд признает необходимость религиозного воспитания наших детей и находит нужным в настоящий момент преподавание религии в наших школах; съезд верит, что нынешнее правительство, считаясь также с мнением народа, положительно отнесется к этому решению» [Там же, с. 163].

Таким образом, Казанский губернский съезд учителей-татар, подчеркнув роль религии в духовной жизни народа, фактически выступил против немедленного отделения школы от мечети, за сохранение традиционных национальных корней татарской системы образования и воспитания, основанного на высоких моральных принципах ислама. Это, конечно, не обеспечило лояльное отношение органов власти к конфессиональным школам, но дало возможность на местах в течение ряда лет менее болезненно осуществлять переход к новой школе.

Как центральные, так и местные органы власти придавали огромное значение переустройству на новых основах всех сторон жизни народа, в частности, более консервативной ее части — сельских жителей. Стремясь уменьшить влияние религиозных деятелей на духовную жизнь населения, власти отбирали у мулл одну за другой функции, издавна считавшиеся их прерогативой. Так, они лишились права обучать детей, перестали вести и метрические книги — функция учета движения населения перешла к сельским советам. Однако их влияние на прихожан, а, следовательно, и на жизнь села все еще оставалось значительным.

Среди многочисленных проблем, которые требовали от правительства безотлагательного решения, был вопрос религиозный. В 1923 году Наркомат внутренних дел СССР начал проводить регистрацию религиозных обществ по стране. В Национальном архиве РТ сохранились два дела о регистрации мусульманских религи-

озных обществ села Бизяки Елабужского кантона. Они включали в себя заявления в Елабужский отдел управления НКВД с просьбой о регистрации бизякинских религиозных обществ, протоколы общих собраний при двух мечетях от 23 июля 1923 года (при первой мечети) и от 31 июля 1923 года (при второй мечети), уставы обществ, списки учредителей, членов исполнительного органа и списки служителей мечети. Все документы обоих приходов совершенно идентичны, различие лишь в именах. Поэтому рассмотрим лишь документы первого прихода. Вот постановление общего собрания:

«1. Учредить Бизякинское религиозное общество при первой мечети.

2. Признание советской власти.

3. Признание ныне действующего магометанского совета.

4. Принятие выработанного правительством устава религиозного общества.

5. Возбудить ходатайство о регистрации учреждаемой общины».

Сыновья Абдулхалим-хазрата Сайфуллина, продолжавшие исполнять свои обязанности при первой мечети и после революции, сохранили свои посты и после регистрации общины. Муллою остался Халимов Фатхатдин, азанчеем — Сайфуллин Ахматсафа, служившие в этой должности и до революции. Членами исполнительного органа при первой мечети стали, кроме духовных лиц, Ибат Фатхуллин, Хусаинов Авзалетдин и Махмутов Хазиахмет (секретарь). При второй мечети мулла Минихузин Ахматзакир и азанчи — Хуснутдинов Гильфан, прежние руководители второй махали, также сохранили свои должности. Членами исполнительного органа при второй мечети стали Хузин Закир, Шрафутдинов Гильфан, Шаймарданов Фатах, Сиразетдинов Фардатдин и Хуснутдинов Гильфан (секретарь).

Обратим внимание на 4-й пункт постановления: устав религиозного общества был выработан правительством; поэтому он был принят безо всяких изменений. В уставе стоит обратить внимание и на шестой его пункт, где определен порядок закрытия общества. Он состоит из двух подпунктов, гласящих:

«11. Общество может быть закрыто: 1/ по постановлению соответствующего губернского или облисполкома; 2/ вследствие ареста части членов общества; 3/ по постановлению общего собрания членов общества.

12. В случае закрытия общества все имущество, находящееся в пользовании общества, возвращается местному совету по инвентарной описи, составленной специальным уполномоченным, избранным для сего ликвидационным собранием общества» [НА РТ, ф. 55852, оп. 1, дд. 415, 416].

Хотя создание религиозных обществ при мечетях выглядело как инициатива населения, на деле это означало, что государство поставило их деятельность под неусыпный контроль. Мечети и духовенство, так же как и другие религиозные учреждения, активно вытеснялись из общественной жизни. Деятельность духовенства была строго ограничена лишь выполнением религиозных обрядов. Введя в жесткие рамки существование религиозных обществ, власть стремилась любыми способами устранить возможного конкурента в политической, идеологической и культурной сферах. Вскоре новая власть приступила к ужесточению режима существования религиозных обществ.

Советская власть последовательно вела антирелигиозную политику, целью которой было атеистическое воспитание. В печати все чаще появлялись обвинения служителей культа в контрреволюционной деятельности, антиколхозной агитации. Очень скоро в ход пошло все — аресты, конфискация имущества, самовольное закрытие религиозных и создание антирелигиозных обществ. Так, в 1925 году в стране была создана массовая организация «Союз воинствующих безбожников», члены которой не только участвовали в пропаганде атеистических знаний, но и выступали инициаторами закрытия и разрушения церквей и мечетей. Большое внимание уделялось изданию атеистической литературы. Издавались антирелигиозные газеты и журналы на русском и татарском языках «Атеист», «Безбожник» в Москве. В 1929—1933 годах в Казани издавался журнал «Сугышчан алласызлар (Воинствующие безбожники)» — орган Татарского ОК ВКП(б) республиканского Совета воинствующих безбожников.

В Бизьяках также появились члены этой организации, однако в сохранявшей традиционные устои деревне их призывы к разрушению мечетей не нашли отклика даже среди молодежи. Лишь несколько «крикунов» время от времени «баламутили» народ, но их конкретные дела не шли дальше выпуска боевых листовок и организации антирелигиозных действий вроде концертов, маршей с пением сатирических куплетов в дни религиозных праздников.

По воспоминаниям моей мамы, Валиахметовой Ркии Ахметовны (1912–1982), с 1931 года работавшей учительницей в Бизьяках и вместе с другими учителями наладившей работу комсомольской организации, направив ее на созидание, а не на разрушение, особенно активизировались «безбожники» в 1929–1937 годах.

В 1935 году вновь заговорили о сносе минаретов обеих мечетей. По требованию районных организаций сельсовет организовал даже специальное заседание для обсуждения этого вопроса. Однако маме и другим учителям удалось убедить сельский актив, что сами по себе минареты не несут религиозной нагрузки, что это по сути башня, подчеркивающая своеобразный колорит именно татарской деревни. «Башни различного назначения имеются и в городах, и в деревнях. Если русскую деревню издали можно узнать по колокольням закрытых церквей и пожарной каланче, то почему бы не оставить минареты как отличительный знак нашей деревни, даже если закрыть сами мечети и использовать их под культурные учреждения?» — объясняли они.

В сведениях о молитвенных зданиях от 29 марта 1935 года, хранящихся среди дел Бондюжского райисполкома, отмечено, что в ведении верующих в деревне Бизьяки имеются две мечети [НА РТ, ф. 2758, оп 1, д. 15, л. 4]. В Бондюжском районе, недавно выделенном из Елабужского района в самостоятельный, было 24 молитвенных здания. До 1 апреля 1936 года было закрыто 17. Из них 13 зданий использовались под культурные учреждения, 4 здания — под склады. Остались незакрытыми 6 молитвенных зданий, из которых 4 действующих и 2 недействующих. Продолжали работать 2 мечети в Бизьяках и по одной мечети в Камаево и Абалачах, не функционировали церкви в селах Тихие Горы и Тат. Челны. В районе осталось 4 зарегистрированных служителя культа, видимо, муллы в действовавших мечетях [НА РТ, ф. 2758, оп 1, д. 15, л. 119–120].

8 августа 1937 года состоялось заседание Президиума ЦИК ТАССР, на котором наряду с другими рассматривался вопрос об использовании молитвенных зданий. Выписка из его протокола с надписью «не подлежит оглашению» была разослана по районам. Вот два пункта из этой выписки:

«1. Запретить занятие действующих церквей и мечетей под склады зерна, как колхозов, так и госучреждений.

2. Закрытые ранее церкви и мечети должны использоваться под культурные учреждения, а там, где молитвенные здания не обо-

рудованы под культурные учреждения, в отдельных случаях, как временная мера, по ходатайству общих собраний колхозников, колхозов и сельсоветов и с санкции райисполкомов считать возможным использование молитвенных зданий под склады зерна» [Там же, л. 215].

Как бы долго не держались бизякинцы за свои мечети, постепенно менялась психология, уменьшалось число если не верующих, то посещающих мечети. В результате к 1939 году мечеть второго бизякинского прихода совсем опустела, да и в мечети первого прихода читались только пятничные и праздничные намазы, которые, в основном, посещались лишь стариками. В головах бизякинцев постепенно, но неуклонно утверждалась мысль о необходимости закрыть мечети как молитвенные учреждения.

В марте – апреле 1939 года было проведено три общих собрания жителей деревни Бизяки (нужен был кворум в две трети всех имевших право голоса бизякинцев, помещения же, вмещающего единовременно столько народу, не было). На повестке дня стоял один вопрос – изыскание помещения для сельмага, роддома и фельдшерского пункта в Бизяках. На собраниях участвовали проживавшие в Бизяках колхозники, рабочие, интеллигенция и одиночники. Председатель собрания – Кулячев Г. В президиуме Ибатуллин Гали, Аглиева Газза, Газизова Татджиба, Хасанов Фазлый, Калимуллин Паравай, Газизов Минахмет; секретарь Белов.

Первым выступил некто Ахметшин (судя по содержанию его выступления, представитель районных властей): «В короткий срок необходимо закончить строительство клуба, найти помещения под сельмаг, роддом, фельдшерский пункт, обустроить конный двор, мастерскую, артезианский колодец. [...] Пути выполнения этих задач сельсовету видятся следующим образом: Передав пустующее на сегодня здание мечети под школу, освободившиеся от школы дома использовать под сельмаг, роддом и фельдшерский пункт. Надеюсь, и вы присоединитесь к решению сельсовета». Выступавшие в прениях Зиннуров, Ибатуллин, Кулячев высказались за поддержку решения сельсовета, Сабитов Мухаметнур предложил найти деньги для строительства здания под сельмаг. Низаметдинов Газиз предложил передать под сельмаг амбар, находящийся в ведении правления. Всего в этот день выступило 12 человек. При голосовании за решение сельсовета проголосовали 314, против – 2 человека [НА РТ, ф. 2758, оп. 1, д. 15, л. 121–132].

Протоколы второго собрания не сохранились. На третьем собрании более активными оказались женщины. Так, выступившие одними из первых Низаметдинова Сабира и Сабирова Мамдуда заявили: «Мы эту мечеть строили всем селом, собирая хлеб, яйца. И новые здания необходимо построить таким же образом». Выступления Марданова и Шайдулатова можно свести к следующим фразам: «От посещения мечети десятком стариков кому польза? Новые же учреждения, несомненно, принесут пользу». Башаров и Махмутов еще раз разъяснили необходимость принятия решения о закрытии второй мечети и объявили, что на первом собрании поддержали это решение 314 человек. На этом собрании «за» проголосовал еще 321 человек, двое были против [НА РТ, ф. 2758, оп. 1, д. 15, л. 135–139].

К протоколам прикреплены и списки участвовавших на собраниях с их подписями о согласии закрыть мечеть второй махали. В анкете, заполненной при закрытии ее, указано, что из двух биякинских мечетей функционирует одна, посещаемость ее до 15 человек. На общих собраниях 5, 6, 7 апреля участвовало 735 человек из 915 имевших право голоса. За закрытие второй мечети проголосовал 731 человек, против — 4 человека. Решено передать здание этой мечети для использования под школу. Отмечено, что требуется некоторый ремонт для приспособления помещений под классы. Средства для этого у школы имеются [Там же, л. 212].

На основе всех этих документов появился «Указ Президиума Верховного совета Татарской АССР о закрытии мечети второго прихода в деревне Бизяки Бондюжского района» от 5 мая 1939 года. Он гласит: «Утвердить постановление президиума Бондюжского РИКа от 13 апреля 1939 года о закрытии мечети второго прихода в деревне Бизяки. Здание мечети передать Бондюжскому райисполкому для использования под школу. Председатель Президиума Г. Динмухаметов.

*За секретаря президиума Г. Ишмуратов
Казань, Кремль, 5 мая 1939 г.»* [Там же, л. 260].

Остававшаяся единственной в районе действующая мечеть первого прихода деревни Бизяки была закрыта в 1941 году. Вот выписка из протокола очередного заседания исполкома Бондюжского райсовета депутатов трудящихся от 7 февраля 1941 года: «Слушали: 7. Материалы о закрытии мечети первого прихода деревни Бизяки (вопрос внесен исполкомом Бизякинского сельсовета).

Постановили: 1. По вопросу о закрытии мечети первого прихода проведено три собрания граждан деревни Бизяки, где из всех избирателей, имевшихся в деревне 872 человек, присутствовали 635 человек и постановление о закрытии мечети вынесено единогласно; исходя из чего материалы о закрытии мечети первого прихода деревни Бизяки считать оформленными в соответствии с существующим законодательством по данному вопросу. 2. Возбудить ходатайство перед президиумом Верховного Совета ТАССР – об утверждении закрытия мечети и передаче ее под культурное учреждение в соответствии с постановлением исполкома Бизякинского сельсовета депутатов трудящихся». «Указ Президиума Верховного совета Татарской АССР о закрытии мечети первого прихода в деревне Бизяки Бондюжского района» был подписан 1941 года [Там же, л. 309].

В акте передачи мечети первого прихода исполкому Бизякинского сельсовета указано, что из-за отсутствия лица, ответственного за мечеть, она оставалась безхозной, открытой, без замков. Описание мечети: это здание, построенное на узком фундаменте, в длину вместе с сенями оно имеет 22 метра, в ширину – 7,5 метров, высота внутри здания – 3,5 метра. Дошатая крыша обновлена в 1924 году, внутренний двор окружен деревянным решетчатым забором. В связи с отсутствием совета при мечети и специальных людей, ответственных за имущество, комиссия сама составила опись имущества. В нее вошли две керосиновые десятилинейные лампы (одна без пузыря), одна тридцатилинейная лампа (без пузыря, дырявая, протекает), 21 кошма (коврики для намаза, два из них рваные), 1 ветхая подстилка на пол из мочала размером 2 x 2,5 м, около трех кубометров дров [Там же, л. 301–303].

Здания обеих мечетей еще долго служили бизякинцам. В «нижней» мечети (так называли мечеть второго прихода) располагались младшие классы бизякинской средней школы (я училась там в первом классе), а затем интернат для старшеклассников из других деревень. В «верхнюю» мечеть весной 1941 года перевели детский сад, в который я ходила 4 года. Минареты мечетей оставались украшением деревни, пока летом 1951 года в минарет «верхней» мечети не попала молния. Я помню, как днем во время грозы раздался сильный гром, и начался пожар. Когда его потушили, остатки минарета пришлось убрать, перекрыть крышу. Само же здание мечети еще долго служило как детский сад. Также долго, до сере-

дины 70-х годов, сохранялась в первоизданном виде «нижняя» мечеть с минаретом. Когда же обе мечети и минарет разобрали из-за ветхости, деревня как бы осиротела.

Такова история наших мечетей в советское время. Судьбы же бизякинских мулл, так же как и судьбы десятков тысяч религиозных служителей и их семей, сложились гораздо трагичнее. Габделхалим ахун Сайфуллин, еще в конце XIX века передавший первую («верхнюю») мечеть в ведение своих сыновей, умер в 85-летнем возрасте в 1917 году. Его сын Фатхутдин, прослуживший имам-хатыбом около сорока лет, скончался в 1924 году. Хотя на его долю выпало много тревог и волнений в первые годы Советской власти, что, несомненно, сократило его жизнь, ему «посчастливилось» умереть в своей постели. Известна и его могила на бизякинском кладбище, на которой стоит камень с надписью. Участь же его братьев Сайфуллиных Рафагутдина (1876—1937) и Ахметсафы (1884—?) сложилась намного трагичнее. Они и члены их семей попали под каток репрессий 20—30-х годов.

Ахметсафа хазрат, бывший азанчеом первой мечети, вместе со всеми духовными лицами Бизяков одним из первых был лишен избирательных прав. Он и его семья фигурируют во всех списках «лишенцев» с начала 20-х годов. Он несколько раз оказывался в Елабужской тюрьме, пока в 1929 году не был выслан из деревни на Дальний Восток, так он с семьей оказался во Владивостоке. Сайфуллин Рафагутдин, выполнявший обязанности азанчи во второй половине 20-х — начале 30-х годов, хотя до этого занимался крестьянским трудом и мелкой торговлей, также был лишен избирательных прав как сын ахуна, торговец, а затем и азанчи. В 30-х годах также несколько раз оказывался в Елабужской тюрьме, был расстрелян там же в 1937 году.

Судьбы мулл второй мечети были не менее трагичны. Они также были лишены избирательных прав. Минихузин Закир, ставший муллой-хатыбом после смерти отца Гимранова Минихузы в 1895 году и оставшийся муллой и при регистрации мечети в 1924 году, есть в списках «лишенцев», но дальнейшая его судьба по архивным материалам не прослеживается. По-видимому, он также скончался во второй половине 20-х годов от пережитых волнений. Азанчи «нижней» мечети Гильфан Хуснутдинов, 1876 года рождения, был арестован 10 декабря 1929 года. «Тройкой» при ОГПУ ТАССР 5 февраля 1930 года он был приговорен на пять лет

ссылки в Северный край с конфискацией имущества по ст. 58—11 «за агитацию против мероприятий Советской власти».

Его четверо детей (дочь и трое сыновей-подростков) остались на попечении бабушки Раузателзинан (1869—1964), матери его умершей жены. Они скитались по чужим домам и баням, так как их дом и все имущество были конфискованы. По рассказам ее правнучки Гузели Габдуллиной, построенный в 30-х годах старшим внуком бабушки Зинан Габдулхаком дом стал семнадцатым их пристанищем. Сам же Гильфан Хуснутдинов, хотя вернулся из ссылки в 1935 году, однако не жил в Бизьяках. По словам его сыновей, чтобы не причинить им вред, он какое-то время скитался по землянкам и шалашам, простудился и умер в декабре 1936 года. Похоронен в Бизьяках.

В списках «лишенцев» встречаются имена и других бизьякинцев, попавших в них как «служители культа». Это сын муллы, азанчи Кудрячов Латып 1876 года рождения с женой Асмой, 1881 года рождения (по-видимому, он сменил в должности муллы Закира Минихузина), азанчи Гиззятуллин Ахмет, 1865 года рождения, с женой Шамсизямал, 1897 года рождения, азанчи Хусаинов Абзали, 1870 года рождения с женой Гиззенисой, 1875 года рождения, и дочерью Рабигой, 1913 года рождения. Это, видимо, бизьякинцы, ставшие исполнять религиозные обряды после того, как мечети остались без официальных мулл. Есть в архивных делах и запись такого типа: «В Бизьяках работают две мечети. В первом приходе религиозные обряды ведет колхозник Хафизов Закир, во втором приходе — колхозник Мухаметзянов Шакирзян». Эта черновая запись в тетради, без нумерации страниц вшитой в дело со списками «лишенцев». Судя по расположению в папке, запись сделана в 1935—1936 годах. По всей видимости, работник исполкома только что образованного Бондюжского района, знакомясь с районом, записывал в этой тетради для себя сведения о селах и населении района [НА РТ, ф. 2758, оп. 1, д. 7, л. 14/44].

Становление советской школы

На протяжении первых пяти-шести лет Советской власти происходило организационное становление всех структур новой советской системы власти. Одним из важнейших его направлений было разрушение старой и создание новой системы образования.

Структуры органов управления народным образованием в эти годы были непостоянными, многократно изменялись. Большую роль при этом играли отделы по работе с мусульманским населением, создаваемые при исполнительных комитетах Советов разных уровней. Вся работа по созданию новой системы образования на местах велась на основе декретов, постановлений и инструкций Советского правительства. С первых дней Советской власти молодое руководство комиссариата по мусульманским делам при исполнительном комитете Елабужского совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов развернуло в татарских селах просветительскую деятельность. Братья Гирфан и Губайдулла Балтановы, Юнус Валидов, Гасым Мансуров, Зиннур Башаров и другие, жаждавшие революционного обновления мира, избавления человека труда от эксплуатации, социального и национального гнета, развернули кипучую деятельность по организации новой жизни в уезде.

В Бизьяках пропаганду Советской власти и агитацию за новую жизнь начали молодые бизьякинцы Башаров Зиннур, Балтин Насырттин и Сайфуллин Махмут. Башаров Зиннур (1895—?), младший продолжатель влиятельного в XIX веке, к 1917 году значительно обедневшего рода, подростком вместе с братом Шункаром Гильмибашаровым перебрался в город Ижевск. Шункар работал на Ижевском оружейном заводе, а Зиннур, окончив Ижевское начальное училище и выдержав испытания, получил свидетельство на звание учителя. Сайфуллин Махмут (1898—?), внук Халим-хазрата и старший сын Фатхутдин-хазрата Сайфуллиных, такое же образование получил в уездном городе Елабуге. Балтин Насырттин также рос в Бизьяках, хотя приписан он был к мещанскому обществу города Елабуги. Его дед, елабужский мещанин, арендовал землю в Бизьяках и держал лавку. Образование Насырттин получил также в Елабуге, имел свидетельство на звание учителя. Именно они положили начало новой советской школе в Бизьяках.

Так, уже в 1917/1918 учебном году в Бизьяках работало три учителя. Каждый учитель вел свой класс. За основу они взяли земскую школу, существовавшую в Бизьяках с 1914 года. Обучали они детей не только азам грамоты и началам арифметики, но и новой жизни, объясняя им, по мере своего понимания, будущее устройство жизни на коммунистических началах. Их деятельность, хотя и не была стабильной и прерывалась по разным причинам, пре-

жде всего в связи с событиями гражданской войны, с переводом некоторых из учителей на работу в уезд и губернию и т.д., отражала желание молодых образованных бизякинцев изменить старый мир, а для этого, прежде всего, заняться просвещением молодежи. Молодые учителя создавали просветительские кружки молодежи, пытались организовать ясли-сады для самых маленьких, избы-читальни и т.д.

Материалы архивных фондов рассказывают, что уездный отдел народного образования и отдел по работе с мусульманским населением, по мере возможности, пытались поддерживать начинания молодых учителей. Вот некоторые документы:

«Удостоверение

Мусульманский подотдел по народному образованию сим удостоверяет, что в деревне Бизьяках Кураковской волости действительно организован просветительский кружок молодежи, и просит исполком выдать разрешение товарищу Балтину (предъявителю сего удостоверения) на заказ штампея и печати для указанного кружка.

Заведующий мусульманским подотделом по народному образованию Г. Балтанов» [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 51, л.58].

В протоколах заседаний коллегии уездного отдела народного образования не раз упоминается Бизякинское начальное училище. Например, в октябре 1919 года говорится о необходимости пяти десятилинейных ламп для Бизякинской школы (размер помещения 45х40х5); для культурно-просветительского кружка в Бизьяках нужна 1 лампа (сила лампы – 20* для одного помещения); 2 декабря 1919 года речь идет о снабжении двух его печей и т.д. [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 331, лл. 7, 55, 62].

Сохранились и статистические данные. В 1918–1919 учебном году в Бизякинской школе указано 92 мальчика и 80 девочек; в 1919–1920 учебном году было трое учащихся, 135 мальчиков и 75 девочек. В списке школ 1-й ступени и учащихся в них за 1918–1919 учебный год перечислены и имена учителей трех комплектов Бизякинской школы: Шункаров Зиннур (его имя зачеркнуто, так как он с 5 декабря был переведен в уездный город, где был назначен заведующим подотделом пропаганды и агитации в Елабужском уездном отделе по делам мусульман; вместо него записан Халитов Сибгатулла. – А.М.); названы также Сайфуллин Махмут и Бал-

тин Насырттин, имеющие звание учителя, и Сайфуллина Зулейха, окончившая двухклассную русско-татарскую земскую школу [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 362, л. 12, 36, 46, 74].

Несмотря на трудности начавшейся гражданской войны, в 1918 году было принято Положение о единой трудовой школе РСФСР. В примечании к нему говорилось: «Для практического проведения в жизнь обязанности для всех детей школьного возраста посещения школ I и II ступеней отделы народного образования должны немедленно приступить к разработке плана школьной сети, учету всех детей школьного возраста от 6 до 7 лет, составлению смет на постройку и оборудование школ, содержание личного состава, по организации питания детей и снабжению их обувью, одеждой и учебными пособиями» [Там же, л. 114].

Интересно посмотреть на сведения о населении Бизяков, представленные в связи с этим предписанием в УОНО 15 февраля 1919 года за подписью председателя сельсовета Гафарова: мужчин старше 55 лет — 127 человек, женщин старше 50 лет — 112 человек; детей до 3 лет — 104 мальчика и 115 девочек, от 3 до 8 лет — 146 мальчиков и 163 девочки, от 8 до 13 лет — 135 мальчиков и 137 девочек, от 13 до 18 лет — 154 юноши и 133 девушки. Из них круглых сирот — 25 мальчиков и 28 девочек, полусирот — 15 мальчиков и 17 девочек; в селении проживало всего 1274 мужчины и 1400 женщин [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 372, л. 38]. Разработке школьной сети помешало новое наступление колчаковских войск, так как из Елабуги спешно эвакуировались все советские учреждения. После освобождения уезда от белых и восстановления Советской власти уездный отдел народного образования вновь приступил к организации советской школы в деревнях. Так, в Бизяках вновь заработала школа первой ступени, в которой обучением детей грамоте по-новому в 1919—1920 учебном году занимались 3 учащихся; всего обучалось 92 мальчика и 80 девочек. Есть и другие данные на 1 декабря 1919 года, где указано, что учащихся было 3 учителя и 2 учительницы, учили они 137 мальчиков и 73 девочек [Там же, д. 362, л. 12; д. 363, л. 106 об.].

Из протоколов общего собрания представителей сельских советов Кураковской волости от 26 марта 1920 года: в Бизяках произведена регистрация грамотных и неграмотных, организован школьный совет, но занятий еще не было [НА РТ, ф. 6066, оп. 1 доп., д. 1, л. 19—21]. 6 апреля 1920 года было проведено общее со-

брани Бизякинского сельского общества. Присутствовало около 300 человек, вели собрание председатель сельсовета Сафиуллин Хикматулла и секретарь Гайнуллин Хикматулла. Представитель управления уездом Альметов выступил с докладом о текущем моменте, где особый упор сделал на проблеме борьбы с разрухой после освобождения края от белых. Большинством голосов был избран новый состав сельсовета: председателем стал Мухаметзянов Мулланур, секретарем – Калимуллин Мифтахутдин. Обратим внимание на то, что среди текущих дел Альметовым был поставлен вопрос о ликвидации безграмотности в деревне и организации союза молодежи. Решение собрания – принять к сведению и исполнению [Там же, оп. 1, д. 50, л. 27].

Дошедшие до нас материалы переписки Бизякинского школьного совета с Елабужским уездным отделом народного образования раскрывают положение дел с обучением детей в деревне. Так, в отношении от 4 октября 1920 года бизякинцы сообщали, что учитель Балтин, назначенный и на 1920/21 учебный год в бизякинскую школу, не явился на работу по неизвестной причине, а учительница Сайфуллина З. заболела тифом. Они просили УНО прислать им замену, а также открыть еще один комплект, так как учащихся в деревне много. Надпись на отношении – «Пришлем позже». 24 октября бизякинцы вновь просили о замене учительницы – Разия Юзикеева 8 октября заболела тифом и отправлена домой. Надпись – «К сожалению, прислать не сможем». 28 октября – отношение с просьбой назначить гражданина деревни Камаев Сагдудина Калимуллина учителем в Бизяки; на нем запрос от 31 ноября документов об образовании Калимуллина. 29 октября просьбу бизякинцев поддержал заведующий Кураковского волостного ОНО – «дабы дело образования не хромало; в особенности в таком большом селении, имеющем более 4000 населения» [НА РТ, ф. Р-164, оп. 1, д. 449, л. 42–76].

Представляют интерес два заявления Бизякинского школьного совета на имя уездного отдела народного образования. Приведу их здесь полностью:

«Безякинский школьный совет уведомляет уездный отдел народного образования, что в деревне Безяки по сие время нет учителя Балтина и учительницы Сайфуллиной, которая больна и заниматься не может. В настоящее время на местах находятся Юзикеева и вновь назначенные Мазитов и Плеханова, которые

не принимали никаких школьных дел и бумаг от старых учителей, а потому на все запросы Волотнароба никаких сведений дать не могут.

Школьный совет просит Уотнароб прислать учителей прошлого года Балтина, Шакирова и Хамадинова для принятия от них всех школьных бумаг и инвентаря. И в самом непродолжительном времени прислать заместителей вместо Балтина и Сайфуллиной, так как занятия в нормальном виде вести невозможно.

19 октября 1920 г.

Председатель С. Емангулов

За секретаря Плеханова» [Там же, л. 77].

Второй документ: «Совет Безякинской школы I ступени просит уездный отдел народного образования удовлетворить нашего детского сада практиковавшей (т.е. имеющей опыт. — А.М.) руководительницей, потому что Г. Масагутова, руководительница нашего детского сада, не знает как обращаться с детьми и не знает, что это такое — дошкольное воспитание, чем оно выражается. И не заботится о добавлении детей в детский сад.

Примечание: тов. Масагутова начала заниматься в детском саду только около 10 октября, а целая осень не работала аккуратно. И в настоящее время детям не дает никакого воспитания.

Просим возвратить бывшую руководительницу в Безякинский детский сад, которая в настоящее время находится в Мордвинском детском саду, которая была опытная и детям очень довольная.

30 октября 1920 г.

Председатель С. Емангулов.

За секретаря Плеханова.

Сельсовет просит удовлетворить.

Председатель Гр. Гизатуллин.

Секретарь Х. Гайнуллин».

На заявлении надпись: «Назначена Мухамедзянова. 14 ноября» (стиль документа сохранен) [Там же, л. 80].

Итак, уже из этих материалов видно, что созданный в марте 1920 года школьный совет работал достаточно активно. Он следил не только за посещением школы учащимися, но и за качеством обучения и воспитания детей, добиваясь от уездного руководства обеспечения школы и детского сада опытными учителями и воспитателями. Обратим внимание и на то, что в Бизьяках сразу после установления Советской власти заработала не только школа,

но и не позднее 1919 года был открыт детский сад (ясли) — новое явление в татарской деревне. Учитывая, что в Бизьяках к 15 февраля 1919 года было 53 сироты и 32 полусироты (мальчиков и девочек), то можно предположить, что как в школу, так и в детский сад, в первую очередь, собирали их. Нужно подчеркнуть, что детей, по мере возможности, обеспечивали одеждой, обувью, школьными принадлежностями. Было организовано питание детей не только в детском саду, но и в школе. Это стало особенно важно, когда начался голод.

У нас есть возможность посмотреть, что представляла собой бизьякинская школа к началу 1921 года, так как сохранились анкеты школ по волостям Елабужского кантона к 1 января 1921 года. Указано, что в Бизьяках существует мусульманская школа первой ступени, основанная в 1914 году как земская смешанная, где мальчики и девочки обучались вместе. Помещалась она в наемном деревянном помещении из четырех комнат (две комнаты по 56 кв. аршин, или 168 куб. аршин, две комнаты по 42 кв. аршин, или 126 куб. аршин). Освещение керосиновое, отопление печное (всего 4 печи). Котлов для кипятка нет. Наиболее нуждающимся учащимся и детям красноармейцев выдавались одежда, обувь, белье. По болезни учащиеся пропустили 10 уроков, из-за неимения обуви и одежды и по другим причинам — 180 уроков.

Таблица № 15

Данные о движении учащихся по деревне Бизьяки

Классы	Осень 1920 г.	Нач. уч. года	Выбыло	На 1.01.1921 г.
1	5	84 м. 65 д. 149 вс.	11 м. 4 д. 15 всего	73 м. 61 д. 134 вс.
2	52 м. 23 д. 75 вс.		4 м.	48 м. 23 д. 71 вс.
3	41 м. 23 д. 74 вс.		5 м.	36 м. 33 д. 69 вс.
4	26 м. 10 д. 36 вс.		11 м.	15 м. 10 д. 25 вс.
Всего	119 м. 58 д. 185 вс.	84 м. 65 д. 149 вс.	31 м. 4 д. 35 вс.	172 м. 127 д. 299 вс.

Занятия в школе начались 11 октября, продолжительность учебного дня — 5 часов. Всего в школе в этом учебном году было 5 учителей: 1. Плеханова Александра Семеновна, 20 лет, русская, окончила 6 классов Елабужской женской гимназии, начала работать в 1919 году, в Бизьякинской школе — с 1920 года, преподаватель русского языка, беспартийная, из земледельцев; 2. Юзикеева Разия, 18 лет, имеет начальное образование, начала работать в 1918 году, в Бизьякинской школе — с 1919 года, ведет одну группу;

3. Сайфуллина Зюлейха, 22 лет, окончила двухклассное начальное училище (оно давало право на преподавание. — А.М.), начала работать в 1919 году, в Бизякинской школе — с 1920 года; 4. Калимуллин Сагдей, 30 лет, начал работать в Бизякинской школе с 1920 года, беспартийный, ведет одну парную группу; 5. Мазитов Нуриахмет, 20 лет, начал работать в 1918 году, в Бизякинской школе — с 1920 года, партийный, ведет 4 группы. 2 учителя имели нагрузку по 20 часов в неделю, трое — по 24 часа.

В школьный совет входили 2 учителя, 2 ученика и 1 представитель от населения. Отмечено, что обязательное обучение не осуществляется из-за недостатка помещения, учителей, учебников, письменных принадлежностей, одежды, обуви. Есть сведения и о хозяйственных работниках (сторожах). Это Абзалетдин Хусаинов, Ахматзакир Сиракаев, Усман Шайхетдинов, Биктимер Садыков. Анкету составила Плеханова А. С. (НА РТ, ф. 3682, оп. 3л, д. 453, л. 26–27).

Как видим, в Бизяках к этому времени не было уже ни Башарова Зиннура, ни Сайфуллина Махмута, ни Балтина Насыртина. Башарова Зиннура еще в 1918 году взяли в Елабугу для работы в мусульманском отделе. Затем он ушел добровольцем в Красную Армию. Следы его затерялись на фронтах гражданской войны. Балтин Насыртин пропал осенью 1920 года (по словам Ф. Хуснутдинова, он был членом партии большевиков, вернувшимся раненым с фронтов гражданской войны; по-видимому, его убили противники Советской власти). Сайфуллина Махмута Фатхутдиновича в 1920 году тоже взяли на работу в Елабугу, где ему было поручено дело организации Школы Коммуны (детдома) для детей сирот. Более двадцати лет, до ухода на фронт в 1942 году, он работал директором Елабужского детского дома, куда вернулся и после войны.

Одной из главных проблем была острая нехватка учительских кадров, что демонстрируют и материалы по Бизякинской школе. Вначале проблема подготовки учителей преимущественно решалась открытием краткосрочных педагогических курсов, но и это не могло покрыть потребности в учителях. Так, например, в 1918 году в Елабуге были открыты постоянно действующие годовичные татарские педагогические курсы. Однако, хотя «татарские педагогические курсы существуют четыре года, но выпусков не было, так как ежегодно выпускные группы целиком отправляются в Ка-

зань для продолжения образования. В 1921—1922 учебном году учебными были только три месяца», — отмечалось на XI Елабужском кантонном съезде Советов 8—9 ноября 1922 года [НА РТ, ф. 5852, оп. 1, д. 268, л. 10].

Становление советской школьной системы происходило в трудных условиях. Старое разрушалось, а новое с утвержденными учебными планами и программами, так же как и новые учебники, еще нужно было создать. Для этого нужны были не просто образованные кадры, а люди, как тогда говорили, «политически грамотные». Нужно было вводить обязательное начальное обучение, что также невозможно было осуществить без новых кадров. Выборочная школьная перепись, намеченная в республике в связи с подготовкой ко введению обязательного начального обучения на 15 декабря 1927 года, выявила много недостатков в школьном деле. В предварительный список школьных учреждений, подлежащих переписи по Камаевской волости, попала и Бизякинская школа. Обследование ее выяснило, что к этому времени в Бизяках существовала школа I ступени, в которой три школьных работника (так тогда стали называть учителей, сокращенно — шкрабы. — А.М.) обучали 124 ученика. У школы не было единого здания, каждый комплект (так называлась группа учащихся, обучающаяся у одного учителя) располагался в отдельном помещении, подысканном сельсоветом [НА РТ, ф. 1296, оп. 12, д. 487, л. 70].

Итак, выявилась еще одна проблема — отсутствие школьных помещений. Занятия с детьми в Бизяках, как до революции, так и в первое десятилетие Советской власти, проходили в непригодных для обучения и воспитания детей обычных деревенских домах, без необходимого для любой школы инвентаря и оборудования. Поэтому вопрос о строительстве школ был поставлен уже в Положении о единой трудовой школе РСФСР, принятом в 1918 году. Однако гражданская война, голод, разруха отодвинули вопросы строительства. В 1926—1927 учебном году Камаевской волости Елабужского кантона на строительство новых школ в деревнях Бизяки, Камаево, Тойма было выделено 6600 рублей [НА РТ, ф. 1296, оп. 12, д. 493, л. 6 об.].

Перед бизякинцами встал вопрос о месте для строительства школы. Внутри деревни не было свободной территории, где могла бы разместиться новая школа со всеми необходимыми постройками, спортивной площадкой, большим садом. К тому же

на сельских сходах против размещения «безбожной» школы на территории деревни очень активно выступило старшее поколение бизякинцев и женщины, все еще надеявшиеся на изменение отношения властей к религиозным учреждениям и религиозному воспитанию. Молодое руководство и активисты деревни, на которых большое влияние имели учителя, решили построить школу в отдалении от деревни, на горе, находящейся на левом берегу речки Безякинка.

Это, конечно, кажется несколько странным — располагать школу так далеко от домов, да еще, к тому же, дорогу в школу преграждала речка. Зная ту эпоху, можно предположить, что горевшая мыслью о близкой победе мировой революции и строительстве социализма молодежь имела далеко идущие планы. В мыслях о светлом будущем они видели на этой горе центр знаний и просвещения — целый комплекс школьных зданий с просторными кабинетами, оборудованными всем необходимым для трудового воспитания детей мастерскими, спортивными залами, интернатом для учащихся, столовой и т.д. Поэтому их не пугала ни отдаленность школы от села, ни отделенность ее от деревни речкой, весной становящейся непроходимой, ни насмешки недоброжелателей.

Строительство школы возглавили заведующий школой Аглям Султан и председатель сельсовета Башаров Гусман. Для заготовки строительного материала для школы была выделена делянка в лесу на противоположном левом берегу реки Кама. Заготовкой бревен по разнарядке сельсовета сельчане занимались зимой 1926—1927 года. Весной 1927 года во время половодья к Бизьякам были доставлены бревна сплавом (тогда Кама отстояла от деревни на 5—7 км). Летом-осенью 1927 года развернулось строительство. Торжественное открытие школы было приурочено к празднованию десятой годовщины Октябрьской революции. В школе устроили большое собрание, на нем присутствовали представители волостной и кантонной властей. Школа получила имя «Десятилетия Октября». Силами молодежи и учителей был устроен большой праздничный концерт.

В новой школе заработали все три комплекта начальной школы. Однако с наступлением холодов стали проявляться огрехи, допущенные при строительстве школы. Они были настолько значительны, что потребовался серьезный ремонт только что построенного здания. В нашем распоряжении есть очень интересные доку-

менты, описывающие все недостатки строительства, выявленные в первый год существования школы. Это докладная записка заведующего школой Аглямова Султана и смета на ремонт, направленные им в Елабужский кантонный отдел народного образования 6 марта 1928 года. Приведу здесь эти документы полностью, без исправлений, чтобы современный читатель мог ощутить дух времени.

«Так как постройка школы закончилась поздно осенью и полы были сырые, постольку в настоящее время они все разошлись, так что полы во время ходьбы прыгают как клавиши, и из подполья дует, а с потолка сыплется земля. Поэтому ныне летом их нужно сколотить, в противном случае зимой все тепло будет уходить через потолок. Тем более Кантонный отдел народного образования (КОНО) отпускает денег на окраску полов и окон и дверей, поэтому важно до окраски указанные пыльные работы закончить.

Печи также сложены были в холодное время, так что каждый положенный кирпич замерзал тут же. Ввиду того теперь все печи и дымовые трубы на крыше и на чердаке истрескались и получалось повреждение в оборотах. Поэтому во всех голландских печах нет тяги, весь дым идет в комнату, что с одной стороны опасно в пожарном отношении, а с другой — портится помещение и весь день пахнет угаром и дымом как в сушилке.

Затем в КОНО мною поданы смета и объяснительная записка на переустройство уборной комнаты под классную комнату, на что со стороны заведующего КОНО было дано предварительное согласие. Следовательно, по окончании учебного сезона я получу официальное разрешение и деньги и приступлю к переустройству таковой. Следовательно, как для учащихся, так и для учителей уборную придется устроить на воле, на что потребуется небольшая сумма. Сумма, отпускаемая КОНО, все расходы не покрывает. Поэтому они как ремонт входят в волбюджет школы (хозработы).

Так как в бюджете (хозрасход) Бизякинской школы имеется порядочный остаток, и плюс к тому экономия от уплаты уборщику (на лето предполагается обходиться без сторожа для экономии), школа думает провести все указанные в смете работы. Поэтому школа просит обратить на это серьезное внимание.

Директор школы С. Аглямов» [НА РТ, ф. 4535, оп. 1 д. 77, л. 59].

А вот и смета Бизякинской школы I ступени имени «Девятилетия Октября» от 6 марта 1928 года.

- «Смета на ремонт печей, сколачивание потолков и полов в 1928 г.*
- Ремонт 4 печей — на 37 руб.
 - Сколачивание потолков — 65,7 кв. м. — на 72,47 руб.
 - Сколачивание полов — на 71,33 руб.
 - На устройство передвижного ватер-клозета с покрытием верха, устройством стульчаков и обшивкою стен — 27, 88 руб.

Всего 208,68 руб.

Заведующий школой Султан Аглямков» [НА РТ, ф. 4535, оп. 1 д. 77, л. 57–58].

Оснащение школы продолжалось и в дальнейшем. В 1928 году Елабужский кантонный отдел народного образования выделил новой Бизякинской школе «парт двухместных — 20 новые; трехместных — 20 новые; шкаф 1 — плохой; стол — 1 новый; стулья — 3 новые; доска стоячая — 2 новые; часы — 1 новые; счеты — 1 новые; посуда для воды 1 новая» [Там же, л.119].

Итак, с 1927/28 учебного года, точнее, после устранения недостатков строительства весной-летом 1928 года, в Бизьяках появилось школьное здание, отвечающее тогдашним потребностям бизякинцев. Следующий этап — создание работоспособного коллектива учителей и учащихся, перед которым, так же как перед всей страной, стояли большие задачи. Напомню, что это была эпоха индустриализации и реконструкции народного хозяйства страны. Составной частью политики ускоренной модернизации стала культурная революция, одной из основных целей которой было создание государственной системы образования.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства страны предусматривал целый ряд мер культурного строительства. Так, в пятилетнем плане республики были намечены введение всеобщего обязательного начального обучения детей, ликвидация неграмотности взрослого населения до 40 лет, расширение сети школ и учреждений культуры (изб-читален, библиотек, клубов и т.д.). Отношением от 25 июля 1928 года Елабужский кантисполком сообщал в Камаевский волисполком, что по плану всеобща в течение 6 лет в пределах волости в ряде населенных пунктов назначено кантотделом народного образования открытие новых школ и расширение комплектов в существующих школах. В том числе указывалось, что в Бизьяках в ходе переписи населения 1926 года было учтено 2374 души. На такое количество населения полагалось 5 комплектов вместо имеющихся трех. Следовательно,

в 1928—1929 учебном году нужно было расширить школу на один комплект и предусмотреть расширение до пятого комплекта в будущем году [Там же, л.136].

В августе 1930 года был принят закон о всеобщем обучении в Татарстане. В нем была поставлена задача поэтапно осуществить всеобуч для детей 8—10 лет в объеме школ I ступени, обязательное обучение переростков 11—15 лет, не прошедших школу I ступени. Однако решение задачи, связанной с всеобучем и ликвидацией неграмотности, для татарского населения было осложнено переводом татарского языка на новый алфавит на основе латиницы (яналиф). Решение о введении яналифа было принято в 1927 году. В результате его осуществления практически все татарское население оказалось в положении неграмотных. Фактически это был курс на отрыв татарского народа от своей тысячелетней культуры. Из-за смены алфавита стали ненужными, а позднее, и недоступными, десятки тысяч ранее изданных арабским шрифтом книг и учебников. Перевод же всей литературы на яналиф, обеспечение ею всех образовательных учреждений требовали времени и огромных расходов.

Тем не менее, уже к середине 30-х годов повсеместно было введено обязательное начальное четырехлетнее обучение детей и подростков, не прошедших начального обучения. Наряду с развитием школьного обучения в 20—30-е годы осуществлялась большая работа по ликвидации неграмотности среди взрослых. По воспоминаниям моей мамы, Валиахметовой Ркии Ахметовны (1912—1982), приехавшей в Бизяки учительствовать в августе 1931 года, этой работой также занимались в свободное от основных занятий время учителя и активная молодежь деревни.

Мама рассказывала, что до Великой Отечественной войны в Бизяках учительствовали лишь приезжие преподаватели, причем коллектив учителей постоянно менялся, так как районное руководство предпочитало ежегодно «перекидывать» учителей из одной школы в другую. Фактически это было выражением недоверия учителям, боязнь их закрепления в деревне. В 20-х — начале 30-х годов была только начальная школа, работу которой «лихорадило» и из-за частой смены руководства школы и учителей, и из-за отрицательного отношения родителей учеников к «безбожной» школе.

Так, в 1931—1932 учебном году должно было открыться три первых класса, причем учителя ходили по домам и сами набира-

ли учеников в свои классы. Из воспоминаний мамы: «В 1931 году после окончания годичных учительских курсов при Елабужском педучилище я была направлена учителем в Бизякинскую школу. Добралась до Бизяков 15 августа в три часа пополудни. Нашла школу и, узнав, что мне дают первый класс, в тот же день начала работу. Хотя была только середина августа, школа уже работала. Начала знакомиться с детьми и их родителями. Есть достаточно развитые дети».

Далее мама вспоминала: «Хотя считалось, что в деревне еще зимой был организован колхоз, фактически он существовал лишь на бумаге. Нам, только что прибывшим в Бизяки молодым учителям, сразу же поручили работу и по вовлечению в колхоз бизякинцев. Где там! Бизяки очень отсталая деревня, жители сильно противятся созданию колхоза. На собрания не приходят, к нам относятся как к чужакам, актива почти нет. В школе нет ни бумаги, ни чернил, ни книг. А ученики все прибывают. Всего в моем классе будет 47 учеников. Работать очень тяжело, порядка нет. Конечно, район помогает». Напомню, что все учителя были очень молодые и почти не имели опыта работы (например, маме было 19 лет, и она только начинала свою трудовую деятельность). Молодые учителя были чужими для бизякинцев и потому, что они приносили с собой в Бизяки чуждый для сельчан мир, иную культуру: они отличались от сельчан городской одеждой и обувью, у девушек, как правило, были не косы, а модная стрижка, ходили они без платков, или на их головах были кокетливые шляпы и шапочки; их речь также была иной, значительно отличавшейся от говора бизякинцев. Все это настраивало сельчан, переживавших период разрушения привычного им мира, против чужаков, принесших новые порядки в деревню; на их взгляд, именно эти учителя и были виновны во всех их напастях.

Требовалась большая работа по разъяснению и старшим, и малым необходимости распространения новых порядков, установившихся в стране после революции, и на Бизяки: нужно отдавать детей в новые школы, где не учат религии, но учат грамоте и труду, а также воспитывают в них бережное отношение к вековым обычаям и традициям; нужно вступать в колхоз, так как только с помощью государства можно преодолеть неурожай и голод, являющиеся бичом деревни и т.д. Мама вспоминала, что такие разъяснения учителя вели постоянно: и в домах сельчан (они не приходят на со-

брания — значит, учителя идут по домам), и на уроках в школе, и на занятиях по ликвидации безграмотности со взрослым населением. Мама была ответственной за эту большую работу (напомню, что в 1931 году, когда переход на «яналиф» еще только начинался, безграмотными оказались и те, кто владел грамотой на арабской графике, так что работы хватало).

Мама вместе с другими учителями занялась укреплением новой советской школы. При ее активном участии возникли пионерская, а затем, когда появились старшие классы, и комсомольская организации. Хотя группа пионеров в Бизьяках появилась еще в 1927 году, пионерское движение тогда не получило развития (группу организовал приехавший на лето к родителям студент Казанского пединститута Зиннур Гимранов, после отъезда которого группа разошлась). Придавая большое значение пионерской организации в работе с детьми, молодая учительница принялась за воссоздание ее. Это дело она начала с разъяснений целей и задач создания детской организации наиболее активным родителям учеников своего класса. Получив согласие родителей, ученики, вдохновленные рассказами любимой учительницы о делах пионеров, с радостью приняли ее предложение. В частности, в числе самых лучших своих помощников мама называла Амину Бадретдинову, Махмутова Шарифа.

Так мама «оживила» работу с детьми. Начав с 10–15 учеников своего класса, мама и директор школы поставили задачу вовлечения в пионерскую организацию лучших учеников всей школы и постепенно добились этого. Как вспоминала мама, заинтересовать детей новым для них делом было легко, но убедить их родителей в необходимости такого шага — эта задача была намного сложнее. Этого смогли добиться лишь постоянной разъяснительной работой всех учителей вместе, доказав делом, что став пионером, дети становятся более ответственными как в школе, так и дома. И преподавание в школе, и работа по ликвидации безграмотности, и работа с детьми и их родителями вне уроков требовали много времени. Практически все учителя были заняты с утра до ночи. Тем не менее, они находили время и для самообразования (без него невозможно представить учителя), и для продолжения своего образования в учебных заведениях. Так, мама в 1931–1934 годах заочно обучалась в Елабужском педтехникуме и получила диплом учителя начальной школы.

В 1935—1936 учебном году в Бизьяках открылся пятый класс, где учителя должны были вести занятия уже по отдельным предметам. Так в Бизьяках было положено начало всеобщему семилетнему обучению. К этому времени в Бизьякинской школе работало уже около десяти учителей. Часть учителей, уже работавших в Бизьяках, перед открытием пятого класса прошла специальное обучение на кратковременных предметных курсах в Елабуге. В частности, наша мама специализировалась для преподавания татарского языка и литературы. В 1934—1935 учебном году она занималась на девятимесячных краткосрочных курсах по подготовке учителей неполной средней школы отделения языка и литературы при Елабужском педтехникуме. В свидетельстве на ее имя, выданном 26 июля 1935 года, значится: «гр. Валиахметова Р. допускается к преподаванию Н.С.Ш. по предметам тат. языка и литературы. Для получения права преподавания в средней школе обязан сдать испытания за курс заочного или вечернего пединститута по соответствующему отделению». И 25 сентября 1935 года мама была зачислена на первый курс заочного отделения факультета татарской литературы и лингвистики Казанского государственного педагогического института.

В 1935 году произошло событие, привлекшее внимание бизьякинцев: 4 августа 1935 года в Бизьякинском сельсовете был зарегистрирован брак секретаря сельсовета Махмутова Хазиахмета (Хазея) Махмутовича и учительницы Валиахметовой Ркии Ахметовны. Это был новый обряд, заменивший никах и соответствовавший новой жизни, что и привлекло внимание сельчан. Свадьба тоже отличалась от обычных сельских свадеб — был устроен «кызыл туй (красная свадьба)», скромный, но очень торжественный. По-новому стали проводиться и праздники имянаречения, и даже похороны. Имена детям также давались непривычные. Так внедрялись новые советские обряды (еще в 20-е годы все события, происходившие в жизни сельчан с участием духовенства, перешли в ведение сельсоветов, но новые обряды в деревню начали проникать лишь в 30-е годы). Выстраивание новых отношений в деревне, как и внедрение новых обрядов, выпадало на долю учителей и сельского актива, ибо именно они должны были стать примером во всем.

По рассказам родителей и односельчан, а позднее и моих собственных наблюдений, сельская интеллигенция представляла новые

порядки, устанавливавшиеся в стране, и поэтому не имела права на неправильные шаги или ошибки. Вся общественная жизнь деревни в те годы кипела вокруг сельсовета, где по вечерам немногочисленная интеллигенция и молодежь села занимались текущей работой. Здесь выпускали боевые листки, распределяли предстоящие дела, готовили различные мероприятия. Наши родители были в центре всех этих дел. Они были уважаемыми и авторитетными людьми в деревне, всей душой и телом отдавались любимому делу.

Родители не были разрушителями и ниспровергателями всего и вся, как это было характерно для многих строителей новой жизни того времени. Вообще они были созидателями, сторонниками всего нового. Так, первыми в деревне они приобрели патефон, велосипед, радиоприемник и многое другое. У мамы была и ножная швейная машина, на которой она обшивала не только нас, семью, но и всех, кто к ней обращался с такой просьбой. Эту машинку знаменитой немецкой фирмы «Зингер» купил вскоре после ее рождения на ярмарке в Симбирске в 1912 году ее отец, мой дедушка, Субаев Валиахмет Сагдиевич, а бабушка, Сара Иззатовна, сумела как-то сохранить ее во время конфискации имущества (дед, как духовное лицо, был осужден на пять лет концлагерей с конфискацией имущества) и привезла ее маме в Бизяки.

Другим центром общественной жизни была школа. В 1937/38 учебном году в Бизяках был открыт 8-й класс, и школа получила статус среднего учебного заведения, причем вместе с новым статусом она получила и новое имя. На начало 1937–1938 учебного года в Бизякинской средней школе, теперь носившей новое имя – имя Кирова, было три первых и по две параллели вторых-четвертых классов. Всего в начальных классах было девять групп; в них числилось 297 учеников (из них 155 девочек): 1-й класс – 105 (51 девочка), 2-й класс – 74 (42 девочки), 3-й класс – 59 (27 девочек) и 4-й класс – 59 (35 девочек). В пятых-седьмых классах также было по две параллели, всего 6 групп; в них обучалось 178 учеников (из них 72 девочки): 5-й класс – 65 (23 девочки), 6-й класс – 57 (28 девочек), 7-й класс – 56 (22 девочки). Во вновь открытый восьмой класс было принято 22 юноши и 8 девушек. Всего в школе было 16 групп с 505 учащимися. Указано в отчете и число учащихся, оставленных на второй год. По всем классам их набралось 39 человек. Работала в Бизяках и школа подростков, где обучались переростки, не получившие начального образова-

ния. В ней в первом-втором классах обучалось по 10 подростков, в третьем — 12 подростков, всего в трех классах получали начальное образование 32 переростка, из них 17 девушек [НА РТ, ф. 3682, оп. 1, д. 2282, л. 44, 21].

Имеется годовой отчет и о работе детского сада. В 1937 году в биякинском детском саду было две группы детей. Всего в детский сад ходило 30 детей. С ними занимались четыре воспитательницы (включая заведующую), и было два человека хозяйственного и обслуживающего персонала. Бюджет учреждения состоял из средств колхоза (3025 руб. 62 коп.) и средств промстрахкассы (8899 руб. 91 коп.), всего 11925 руб. 53 коп. Помещение детского сада состояло из четырех комнат с общей полезной площадью 288 кв. м. Заведовала детским садом Хабриева [Там же, л. 223].

Первый выпуск Биякинской средней школы имени Кирова состоялся в 1940 году. Сохранилась фотография, на которой запечатлены участники торжественного выпуска — первые биякинцы с полноценным средним образованием, их учителя и актив деревни. Однако биякинцам, как и всему татарскому народу, пришлось еще раз переучиваться: на этот раз в связи с переводом татарского алфавита на кириллицу. Правда, на этот раз, в основном, неграмотной оказалась большая часть старшего поколения, тогда как молодым, получившим образование в советской школе, было легче: они уже познакомились с русским алфавитом на уроках русского языка, и им необходимо было запомнить лишь несколько новых букв татарской кириллицы. Кстати, в 1940 году в Бондюжском районе было всего пять средних школ: в рабочем поселке Бондюга две — русская и татарская, в деревнях Бияки и Камаево — татарские и в деревне Ильнеть — марийская школа. В 1940—1941 учебном году открылась еще одна русская средняя школа в деревне Икское Устье [НА РТ, ф. 3682, оп. 1, д. 2632, л. 2].

В 1940—1941 учебном году в Биякинской средней школе в 19 группах обучалось 540 учащихся. Занимались они в пяти зданиях общей площадью 646 кв. м., в которых располагалось 12 классных комнат. Их площадь была равна 543 кв. м. Семь групп занимались во вторую смену [НА РТ, ф. 3682, оп. 1, д. 2631, л. 46]. В этом учебном году в школе родной деревни стал преподавать физику и математику Габделхай Гильфанович Гильфанов (1921—2015). Окончив в 1939 году в числе лучших Елабужский педтехникум, он получил направление в Казанский университет, но учиться там ему факти-

чески не пришлось. Его перенаправили в военное училище, куда он не попал по состоянию здоровья (но, скорее всего, потому, что был сыном репрессированного муллы. — А.М.). Вернувшись домой, 1839—1840 учебный год он проработал в Бондюжской татарской школе № 2 учителем физики и математики, после чего получил перевод в родную школу. Но ему не удалось закончить учебный год — в мае 1941 года он был призван на действительную службу в Красную армию.

Хай абый (все его ученики, в том числе и я, именно так называли и называют его; употребление сокращенного варианта мусульманских имен приняло всеобщий характер в советское время, хотя и до революции в обиходе довольно широко использовалась лишь какая-то часть имени), пережив все мытарства плена (он оказался в плену в самом начале войны) и послевоенных проверок, в 1946 году вернулся в Бизяки, но не сразу смог приступить к работе в школе. Лишь в 1949 году, закончив заочное отделение физико-математического факультета Елабужского учительского института, он преподавал математику вплоть до выхода на пенсию в 1982 году. Затем он в 1956 году окончил заочное отделение Казанского пединститута, с 1961 года был завучем, в 1965—1970 годах — директором Бизякинской средней школы; в 1963 году ему было присвоено звание заслуженного учителя Татарстана.

Думаю, будет уместно назвать здесь имена учителей, работавших в Бизяках до войны, внесших свой вклад в создание средней школы. Все они были приезжими, большинство из них работали, как правило, один-два учебных года, после чего переводились в другую школу (это была характерная черта того времени). В 30-х годах в Бизякинской школе преподавали Ачаев Иван, Ахметвалиева Магфия, Белов Сергей, Гараева Халима, Газизов Латиф, Графетдинов Гимаз, Гарифзяновы Бадри и Гульсум, Даутова Сакина, Димитриев Николай, Егоров Александр, Замалеттинова Файруза, Исхаков Фассах, Комаров Иван, Кошкина Гайша, Марыскин Закир, Моисеев Иван, Моркин Иван, Мухаметтинов Шаех, Садыков Гата, Талипова Тайфа, Тулбаев Махмут, Феклин Христофор, Федорова Дарья, Хузин Гильметтин (имена эти я взяла из похозяйственных книг за 1937—1939 годы).

Марданов Минрахман и его жена Валидова Таскира стали работать в Бизякинской школе с 1936—1937 учебного года. В 1938—1941 годах М. Марданов был директором школы. Его жена, Тас-

кира апа, близкая подруга моей мамы, умерла в 1940 году и похоронена на Бизякинском кладбище (сохранилась фотография с ее похорон). С 1938 года в школе стали работать Графетдинов Гимаз (1912 г.р.), Комаров Мирон (1913 г.р.), Смирнов Иван (1913 г.р.) из деревни Утяганово, Ситтиков Мухаметзян (1913 г.р.) из Тураева, Шарафиев Мирсает (1908 г.р.) из Псеева. В 1940–1941 учебном году состоялся второй выпуск Бизякинской средней школы. Вторая группа девушек и юношей, получивших среднее образование в родной деревне, собиралась вступать в новую жизнь, строила планы о дальнейшей работе, о получении высшего образования... Однако все эти планы разрушила война...

Узелки памяти

Я НЕ СКАЖУ, ЧТО В НЕЙ ОТРАДА,
ЧТО ПАМЯТЬ ЭТА МНЕ ЛЕГКА,
НО МНЕ СВОЕ ИСПОЛНИТЬ НАДО,
ЧТОБ ВДАЛЬ ГЛЯДЕТЬ НАВЕРНЯКА.

А. Твардовский

Суровые годы войны

Две даты — 22 июня 1941 года и 9 мая 1945 года. Между ними — 1418 дней, навсегда врезавшихся в память поколений не только переживших их, но и их потомков. Ведь не случайно появились такие движения, как «Никто не забыт, ничто не забыто», «Георгиевская ленточка», «Бессмертный полк» и др.

Война... Война, как и жизнь, у каждого своя. И отношение к ней — и у переживших лихолетья войны, и у родившихся спустя многие десятилетия после войны, надо полагать, у каждого свое. Мы живем в период, когда с каждым днем все меньше становится не только участников, но и тех, кто ребенком пережил вместе со всеми лихолетья войны. И воспоминания о тех непростых годах становятся все ценнее. Ведь память о тех миллионах, кто ценою своей жизни, невероятным трудом на фронте и в тылу добивался победы, священна...

И у меня свои воспоминания о войне и ее начале. 22 июня 1941 года, когда в одночасье изменилась жизнь... Мне только четыре года, но, как мне кажется, я в деталях помню эти мгновения. Воскресенье. Мы дома. Мама занята мной и моей маленькой сестричкой, которой только что исполнился год. Мы весело играем. Тихо звучит какая-то музыка по радиоприемнику. Вдруг музыка прерывается, звучит мужской голос. Мама бледнеет, беззвучно шепчет «сугыш», прижимает нас обеих к себе, а мы обе вдруг почему-то начинаем громко плакать. Это, видимо, состояние тревоги, исходящее от этого голоса по радио, от маминого беззвучного шепота, передалось нам от мамы, и мы от страха дружно заплакали, хотя ничего не понимали. Это первое мое воспоминание.

Начало войны я помню так: на улицах стало много людей, «взрослые дяденьки» собирались кучками, много говорили. Парни же, сидя по нескольку человек на тарантасах и телегах, ездили по улицам, играли на гармошках и пели. Мне казалось, что это весело и празднично. Празднично потому, что играла гармонь, звучали песни, что в детском сознании, видимо, означало праздник. Но все были встревожены, женщины плакали. А я не понимала, почему все это так происходит. Мама мне объяснила, что где-то далеко от нашей деревни началась война, что эти парни отнюдь не веселятся, а так, уезжая на фронт, чтобы защитить нас от врагов, прощаются с деревней, с нами. Так я узнала такие слова,

как «сугыш», «дошман», «фронт», к которым затем прибавились и многие другие.

Из рассказов мамы: «Мы и ощущали, что война с Германией неминуема, и надеялись, что нашему правительству удастся ее предотвратить. Эти надежды начали укрепляться, когда 14 июня 1941 года было опубликовано в газетах сообщение ТАСС с опровержением слухов о близости войны. В нем говорилось, что Германия, как и Советский Союз, неуклонно соблюдает условия пакта о ненападении 1939 года, и слухи о намерении Германии напасть на нашу страну беспочвенны. Я помню это сообщение ТАСС очень хорошо, так как в течение всей последующей недели неоднократно выступала с его разъяснением и перед учителями, и перед сельским активом, и перед колхозниками. И всего через неделю началась война...».

Следующие мои воспоминания о войне связаны с проводами на фронт отца и брата. Старший и единственный брат — Шариф абый (1923–2001) — летом 1941 года перед самой войной закончил учебу в Елабужском педучилище. Поэтому он призывался в Елабуге. Его с друзьями провожать в Елабугу поехал отец. Я тоже оказалась в числе провожатых (видимо, потому, что в Елабуге жили мамины родители, и меня взяли погостить у них). Мы ехали на двух тарантасах, ехали очень долго. Наступила ночь, было полнолуние и очень тепло и светло. Я засыпала, просыпалась, а мы все никак не могли доехать... Это была, как я уточнила позже, ночь с 7 на 8 августа. Утром Шариф абый простился с нами и ушел на войну.

Проводы папы тоже были летом. Это происходило днем 25 августа. Меня не стали отводить в детский сад, чтобы папа мог попрощаться и со мной. Когда уходили из дома, в открытое окно неслись звуки музыки — играл патефон с любимой папиной пластинкой с народными мелодиями «Салкын чишма» и «Каляу Гайша» (эти мелодии с тех пор у меня ассоциировались с проводами папы на фронт; когда я слышу эти нежные, грустные мелодии, у меня и сейчас щемит сердце). Вместе с папой уходила на фронт целая группа мужчин. Мама и другие женщины поехали провожать их до пристани Тихие Горы. Было очень грустно. Я очень расстроилась, плакала, потому что мама категорически отказалась брать меня с собой. На околице села, у кладбища, меня с трудом оторвали от папы мама и воспитательница детского сада, которая привела туда группу детей проводить уезжавших на войну...

Я начала рассказ о страшной войне со своих детских воспоминаний-впечатлений о событиях огромной трагедии, коснувшейся всех, от мала до велика, так как поняла, что по-другому, отстраненно, описать их я не смогу. Учитывая, что о войне, как бы много о ней ни писалось, все будет мало, я решила написать о себе и жизни нашей деревни в те годы по воспоминаниям своим, детским, и воспоминаниям взрослых с вкраплениями фактического материала.

Приведу рассказ брата, Махмутова Шарифа: «Я только что закончил Елабужский педтехникум. Накануне, 21 июня в субботу, нам выдали дипломы, и мы с ребятами (у нас была мужская группа) отправились на тойминские луга на пикник с ночевкой. Купались, ловили рыбу, жгли костры, пекли картошку, пели песни, дурачились. Когда на другой день вернулись в город, узнали, что на нашу страну напала Германия. Мы всей группой двинулись в техникум, а оттуда к военкомату. Стояли долго, народу было много, кое-кто из молодых были уже с вещмешками, готовые отправиться на войну. Потом к нам вышел военком, объяснил обстановку и приказал всем расходиться, а в понедельник утром явиться по месту службы или учебы. В техникуме нас, выпускников, на другой день собрали отдельно и объявили, что мобилизации подлежат военнообязанные 1905—1918 годов рождения, а те, кто моложе, должны разъехаться по домам и ждать повестки дома».

Брату в то время не было и 18 лет (он родился 2 июля 1923 года), поэтому он вернулся в деревню. Хотя уже в начале июля расширили призыв, и на фронт стали уходить уже и двадцатилетние, повестки брату все не было. И в деревне его сверстники тоже еще не получали повестки. Ожидание было достаточно тягостным. Тогда, посоветовавшись с родителями, Шариф абый решил, как и планировал ранее до войны, съездить в гости в город Березники, где жила папина сестра Нурнида апа с мужем и двумя детьми. Папа обещал сообщить ему телеграммой, если придет повестка. Но Шариф абый успел вернуться раньше повестки. Повестка из Елабужского военкомата пришла в начале августа. Что было дальше, я уже описала в своих воспоминаниях. Сохранилась фотография, на обороте которой Шариф абый написал: «Мы сфотографировались после расставания с вами восьмого в три часа. А сегодня утром, 9 августа, забрали. Я сфотографировался для того, чтобы у вас была память обо мне, если я не смогу вернуться. Не теряйте,

не рвите, поместите в рамку. Ваш сын Махмутов Шариф. 9 августа 1941».

А вот отрывок из воспоминаний Шаргии Ибатуллиной:

«1941 год. Когда началась Великая Отечественная война, мне было 12–13 лет. В день, когда началась война, мы были на нашем картофельном огороде на берегу речки, пололи и окучивали картофель ковшиками. Вдруг из деревни стали слышны какие-то громкие голоса, крики, заиграла гармошка. Мы, жена брата Марьям апа, Камиля апа и я, побросав работу, вернулись домой, на обед. Домашние плачут. На улице собираются люди, разговаривают, плачут. Тут же, еще днем, собрали собрание в деревне, объявили, что «Германия начала войну». С этого часа начали приходить повестки с приглашением в военкомат.

Каждый день шли проводы людей на войну, часто вместе с лошадьми. Отправляли самых хороших лошадей. В некоторые дни уходили на войну по 16–20 мужчин. Плач, шум. Дети и взрослые провожали уходящих до кладбищенских ворот. Мы же, проводив на войну брата Минегали абый, остались большой семьей в десять душ. Молодые и зрелые мужчины, парни, которым только что исполнилось 18 лет, – деревня провожала их каждый день. Они отправлялись через районный центр Бондюгу – теперешний город Менделеевск – по реке Каме, на пароходах. Июнь, июль, август – в эти месяцы постоянно были проводы на войну».

Шаргия апа не только написала воспоминания об этом периоде, но и подготовила для использования в книге ценнейший источник – список бизякинцев – участников Великой Отечественной войны, призванных Бондюжским райвоенкоматом в первый год войны (июнь–декабрь 1941 года). Этот список бондюжцев дан в качестве приложения к книге Назипа Фатыхова «Бондюг Татарстана – Родина семи героев Советского Союза» [Фатыхов, 2010, с. 417–478]. Шаргия апа, как никто другой знающая историю деревни и ее жителей за последние 80 лет, сделала выборку бизякинцев из этого большого списка. Составленный ею список бизякинцев, призванных на фронт в 1941 году, можно назвать наиболее полным из имеющихся на сегодняшний день (см. Приложение № 15). Но в нем нет бизякинцев, призванных другими военкоматами, таких, например, как мой брат, призванный Елабужским военкоматом. Кроме того, и Шаргия апа могла кого-то пропустить (в книге Н. Фатыхова не указаны деревни, и она собирала список

по памяти и именам и фамилиям бизякинцев). В этом списке указано 160 человек. К ним нужно добавить еще и тех бизякинцев, кто встретил войну, будучи на действительной службе в армии, как, например, братья Файзелхак Хуснутдинов и Габделхай Гильфанов или Шакиров Габденур.

Еще раз отмечу, что уже на третий день войны, 24 июня, из Бизяков было призвано 6 человек, а 25 июня на войну ушли еще 43 молодых мужчины. 25 июня 1941 года отправилась на фронт и двадцатилетняя Ахметзянова Нагима, с 1940 года работавшая инструктором в Бондюжском райздравотделе. В Великой Отечественной войне участвовали и другие бизякинки: это Кулячева Марьям, Габдрахманова Зайнаб, Садриева Миниса, Салимуллина Райса, Калимуллина Махмуда, Назмутдинова Махмуда, Косолапова Зоя и Сабитова (Фатхуллина) Вазиха (была радисткой). Все они были призваны в 1942–1943 годах, и большинство служило в зенитных войсках и охране важных объектов в разных местах. Всего же в войне, по словам Хай абый Гильфанова, из Бизяков участвовало 639 человек... В последнее время создатель сайта «бизяки. рф» в интернете Калимуллин Рашит взялся за восстановление имен бизякинцев, участвовавших в Великой Отечественной войне. Изучив все доступные источники (как из центральных, так и местных архивов, а также похозяйственные книги села Бизяки), он на сегодняшний день выявил данные 648 бизякинцев и поместил на сайте. Он обнаружил также список из 107 пропавших на войне бизякинцев, составленный Бондюжским райвоенкоматом 1 января 1948 года, и также поместил его на сайте [www: бизяки. рф, «Бессмертный полк»]...

Мама рассказывала, что 1941 год оказался весьма урожайным. И все село – и остававшиеся пока еще в деревне мужчины, и женщины, и старики, и подростки – все вместе торопились заготовить сено, убрать урожай. Мужчин же, работавших на лугах и в поле, с каждым днем становилось все меньше. В разгар страды женщинам все чаще приходилось заменять мужчин, ушедших на фронт. Забрали из деревни для фронтовых нужд и единственную грузовую машину, и трактора, становилось все меньше лошадей в колхозе (их тоже отправляли на фронт).

В сентябре пришло письмо от папы. Он оказался недалеко от Казани, в марийских лесах в Суслонгере (ставшем печально знаменитым своими ужасными условиями содержания накапли-

ваемых там для отправки на фронт людей. — А.М.). Мама съездила к нему, отвезла теплые вещи и еду. Во вторую поездку, в октябре, она взяла с собой и меня, так как папа просил привезти кого-либо из детей. Я помню, как мы ехали на пароходе. Была поздняя осень, холодно. Все для меня было ново, незнакомо, удивительно: большой белый пароход, множество людей, проплывающие мимо берега... Меня особенно очаровал строгий капитан в своей белой великолепной одежде (у меня появилась заветная мечта — я решила, что когда вырасту, стану капитаном...). В Казани на пристани было много народу, шум, гам, толчея. Мы сели на трамвай, который я увидела впервые. Один мужчина в военной одежде уступил мне место, а мама стояла рядом, держась за петлю из брезента на верхней перекладине. Трамвай двигался без лошади, сам по себе, весь дребезжал, трясся, стучал. Мне было страшно, однако любопытство превосходило: все вокруг привлекало мое внимание. Оставив меня у знакомых, мама поехала к папе, но вернулась очень огорченной. Оказалось, что именно в тот день рано утром папу отправили на фронт...

Обратно домой мы добирались очень долго, около недели. Мы едва попали на один из последних переполненных пароходов. Было очень холодно. Шел дождь напополам со снегом. Я сильно простудилась еще на пути в Казань, а тут мое тело, особенно ноги, покрылись фурункулами. Когда мы наконец-то добрались домой, мои прилипшие к ногам чулки сняли с меня вместе с кожей только после отмачивания в ведре с теплой водой. Единственно приятная вещь от той поездки — мама в Казани купила мне кубики с буквами. И очень скоро с их помощью я научилась составлять слова, а затем и читать. С тех пор чтение стало самым любимым моим занятием на всю жизнь...

Мама, как и все школьные учителя, очень много работала. Мы с Алисой ее почти и не видели. Из рассказов мамы: «После проводов вашего отца я осталась с четырьмя девочками. Старшие — ваши сводные сестры Назия и Рамзия — учились в школе, Альта ходила в садик, а маленькая Алиса оставалась дома, так как в садик брали только одного ребенка из семьи. За Алисой присматривала Банат апа Галеева, жившая по соседству. Кроме того, за вами присматривали и ее брат Ясави с женой Минникамал, которая болела, не могла работать в колхозе и поэтому была всегда дома. Беспокоило отсутствие известий от вашего отца, который прислал только

одно письмо с дороги и пропал без вести... В школе было много работы: не хватало учителей-предметников, так как учителя-мужчины (а их было большинство в школе) друг за другом уходили на фронт; приходилось искать им замену среди девушек, только что окончивших десять классов и даже среди старшеклассников. Все учителя работали по две смены в школе и вели занятия по нескольким предметам. Кроме того, учителя вели большую общественную работу среди населения».

В архивных фондах имеются сведения за 1941–1942 учебный год, показывающие изменения в Бизякинской школе в первый учебный год в условиях начавшейся Великой Отечественной войны.

Таблица № 16

Сведения о движении учащихся по классам

Классы	Число групп	Всего уч-ся на 1.09	Выбыло всего	Из них в связи с переездом	Уч-ся к концу уч. г.	Переведены в след. кл.	Оставлены на второй год
I	1	57	22	8	35	29	6
II	1	49	8	3	41	29	12
III	1	49	12	2	37	25	12
IV	1	51	18	5	37	28	5
I–IV	4	206	60	18	146	111	35
V	2	77	18	7	59	49	9
VI	1	65	27	18	38	28	9
VII	1	32	6	2	26	24	2
V–VII	4	174	51	27	123	101	20
VIII	-	11	11	-			
IX	-	16	16	-			
X	1	15+11	2		24	23	1
Всего	9	422	140	47	293	235	56

[НА РТ, ф.3682, оп. 1, д. 2839, л. 6]

Занятия в I–IV классах начались, как обычно, 1 сентября 1941 года и продолжались 200 рабочих дней. В V–VII и X классах в связи с участием учащихся в уборке урожая в военное время занятия начались с 1 октября и продолжались 175 рабочих дней. Имеются сведения и о состоянии школьной библиотеки. В ней была 361 книга для преподавателей и 672 книги для внеклассного чтения. За год учащимся выдана 781 книга. Работал и интернат, в котором было 8 учащихся, видимо, из соседних деревень. В V–VII и X классах преподавался немецкий язык. Как показывает таблица, в течение учебного года по разным причинам выбыло

140 учеников, из них в связи с переходом в другие учебные заведения — 47 человек. Число групп сократилось почти пополам (в предыдущем учебном году их было 19). Это сокращение было связано не только с уменьшением количества учеников, но и с уходом большинства учителей-мужчин (и даже девушек, как, например, учительница русского языка Косолапова Зоя) на фронт. Закрылись VIII—IX классы. Увеличилось лишь количество учащихся в X классе. Оно, видимо, было связано с поступлением в X класс 8 учащихся из соседних деревень и с освобождением от уплаты за обучение (обучение в VIII—X классах было платным). Таких учеников оказалось 23. Большое число второгодников в школе, видимо, можно объяснить большим количеством пропущенных по разным причинам занятий [НА РТ, ф.3682, оп. 1, д. 2839, л. 6].

В 1942—1943 учебном году школа продолжала еще сохранять статус средней. Заработал VIII класс — в него приняли 35 учеников (большинство из них — 27 человек — были девушки). В две параллели первого класса было принято 64 человека. Всего в начальных классах к началу учебного года было внесено в списки 184 человека (среди них 36 второгодников); в V—VII классах по списку было 108 человек (из них 14 второгодников). К началу учебного года всего в школе числилось 326 учеников; их должны были обучать 4 учителя I разряда и 7 учителей II разряда, из них полную нагрузку имели пять человек, основную нагрузку — тоже пятеро; один учитель — Валиахметова Ркия после тяжелой болезни находилась на инвалидности и не работала. I—IV классы занимались в первую смену. Пионервожатого в школе не было, имелась комсомольская организация, секретарем которой была учительница Амина Бадретдинова. Технического персонала было четыре человека, был и завхоз. Директором школы была Гульсум Гайнуллина, завучем — Дарья Федорова [НА РТ, ф. 3682, оп. 1, д. 3029, л. 7]. К концу 1942—1943 учебного года из школы выбыло 67 человек, осталось 279 учеников. Из них переведены в следующий класс 248, 29 человек оставлены на второй год [Там же, д. 3030, л. 11].

Обстановку военного времени помогают представить и материалы районной газеты «Стахановец» («Стахановчы»), органа Бондюжского РК ВКП(б) и Бондюжского райсовета депутатов трудящихся, выходившей на двух языках. Приведу несколько сообщений из колхоза имени Сталина (Бизяки), увидевших свет на страницах этой газеты. В заметке «Исправляем допущенные ошибки»

председатель месткома Садыков отмечал, что сначала «сбор теплых вещей для фронтовиков был пущен на самотек». Однако «за последнее время в колхозе провели бригадные собрания, где рассказали о героических подвигах защитников Родины, об огромном значении снабжения Красной Армии зимней одеждой и обувью. Члены комиссии ходили по домам колхозников и вели агитационную работу, — отметил автор. — Оживление работы комиссии быстро сказалось на поступлении теплых вещей. Колхозники ежедневно приносят в местный комитет овчины, шерсть, носки, варежки и т.д. За короткое время собрали 150 овчин на полушубки, 9,5 кг шерсти, 22 ватных фуфайки, 18 шапок-ушанок, 11 пар шерстяных варежек и много других вещей, нужных фронтовикам в зимнее время» [Стахановец, № 61, 30 октября 1941 г.].

Большое внимание газета обращала на агитмассовую работу в районе. В номере газеты за 2 ноября 1941 года были напечатаны Призывы ЦК ВКП(б) к годовщине Октябрьской революции. Кроме общих призывов были и отдельные, обращенные к разным категориям населения. Приведу только два из них:

«29. Женщины! Матери, жены и сестры! Немецкий фашизм — злейший враг женщин всего мира! Все силы на борьбу с немецкими империалистами-захватчиками!

30. Женщины и девушки! Овладевайте мужскими профессиями, заменяйте мужчин, ушедших на фронт!».

Были опубликованы в газете речь И. В. Сталина на параде на Красной площади 7 ноября и большой доклад на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1941 года. В разделе «Наши задачи» доклада есть слова, касавшиеся колхозников: для победы над врагом нужно, говорил И. В. Сталин, «чтобы наши колхозники, мужчины и женщины, работали на своих полях не покладая рук и давали бы стране и фронту все больше и больше хлеба, мяса, сырья для промышленности, чтобы вся наша страна и все народы СССР организовались в единый большой лагерь» [Стахановец, № 65, 13 ноября 1941 г.]. Эти материалы широко обсуждались на местах, что нашло отражение на страницах газеты.

Вот передовица из № 68 от 30 ноября 1941 года под заголовком «С честью выполнять указания вождя». В ней мы читаем: «Колхоз им. Сталина отставал с вывозкой хлебопоставок, плохо проходила и молотьба. На второй же день после обсуждения доклада вождя работа значительно улучшилась. Колхозники на молотье хлеба

стали работать по-стахановски. Бригада тов. Сабитовой намолачивает в день по 48 центнеров вместо 40 центнеров. Транспортная бригада перевыполняла график хлебопоставок: вместо 80 центнеров вывозила по 90 центнеров. В настоящее время колхоз завершил хлебопоставки». Особо выделены в материале передовики колхоза: «Транспортная бригада (Низамов) отправила на ссыпные пункты 2314 центнеров лучшего зерна. Машинист-барабанщик Х. Каримуллин, ежедневно обмолачивающий по 45–48 центнеров на молотилке на конной тяге, выполняет норму на 120%. Подавальщица снопов М. Назмутдинова работает за двоих (было положено две подавальщицы. — А.М.) и выполняет норму на 130%».

В этом же номере, в заметке секретаря райкома комсомола, говорится о том, что в фонд строительства танковой колонны «Комсомолец Татарстана» от колхозников колхоза им. Сталина поступило 345 рублей и от школьников Бизякинской школы 220 рублей. В № 72 от 16 декабря 1941 года помещена заметка председателя бизякинского сельсовета Г. Гимазетдинова «Подписка на 6800 рублей». В ней рассказывается, что постановление правительства о проведении денежно-вещевой лотереи было обсуждено во всех бригадах колхоза. В течение 2–3 дней была собрана подписка на покупку лотерейных билетов на сумму 6800 рублей, получено 3600 рублей «живых» денег. Перечислены имена некоторых наиболее активных подписчиков. Интересно сообщение в № 34 от 1 мая 1942 года. В нем сообщается о том, что колхозники колхоза им. Сталина для праздничных подарков фронтовикам сдали 2260 рублей денег, 170 кг мяса, 560 л молока, 455 яиц.

Встречаются в газете и критические заметки. Так, в № 4 от 11 января 1942 года в заметке Г. Ахтямова под названием «Все еще не торопятся» идет речь о медленных темпах обмолота хлебов в колхозе им. Сталина: «Имеются все возможности. Силы машин хватает. Здесь есть одна сложная, одна полусложная, две конных молотилки. Лошадиных и людских сил достаточно, даже если организовать обмолот хлебов в две смены. Можно также очень хорошо организовать обмолот вручную в отдельных бригадах. План обмолота выполнен лишь на 48%. Председатель колхоза тов. Тазиев и председатель сельсовета тов. Гимазетдинов должны всерьез заняться этой важной работой». Еще критика. В № 54 от 23 июля 1942 года А. Зиганшина сообщает, что в колхозе им. Сталина подготовка к уборке хлебов сильно отстает: «Отремонтированы лишь

1 лобогрейка и 1 молотилка. Не приступали к ремонту 8 лобогреек, 3 молотилок, 1 жатки, 15 веялок. Никто не думает об очистке крытых токов и амбаров. Тазиев говорит, что в этом году хлеба будут убираться только вручную, однако более 350 серпов еще не готовы к жатве».

Но вернемся в весну 1942 года. Мама рассказывала, что зима 1941–1942 годов была суровой, вымерзли яблони в колхозном саду и в нашем саду у дома. Наступила весна. В марте 1942 года приехала какая-то комиссия. Мама, как завуч школы, сопровождала их всюду: то в школу, то в сельсовет, то в правление колхоза, то в детский сад. Во время одного из таких переходов она провалилась в речку (через нее надо было переходить, чтобы попасть в школу и обратно, в деревню из школы) и весь день проходила в мокрых валенках. Мама вскоре заболела. Все сначала думали, что это обычная простуда. Но болезнь не отступала, мама все больше слабела, уже не могла ходить, не вставала с постели.

Я помню эти дни. Было очень тревожно, тем более, что приходившие проведать маму женщины говорили в задней избе очень страшные вещи: что мама уже не узнает людей, она умрет или сойдет с ума, что нас с Алисой отправят в детдом (а что это такое, я уже знала из разговоров взрослых)... Я часто забегала к маме с вопросами: «Мама, ты не умрешь? Мама, ты узнаешь меня? Кто я?». Мама меня успокаивала, я выбегала в заднюю избу и кричала: «Мама не сошла с ума, она меня узнала...». Это повторялось много раз до тех пор, пока в очередной раз от измученной болезнью и моими расспросами мамы я не услышала в ответ: «Син Эшти кызы Саня» (так звали соседскую девочку, грязную, оборванную, которую мне обычно приводили как антипример), и я выскочила от мамы с плачем и криком: «Мама сошла с ума!». Это было такое потрясение для меня, что я перестала заходить к маме, замкнулась в себе, сидела тихо в углу и плакала...

Маму увезли в больницу в Бондюгу (ныне Менделеевск). Видимо, это был уже конец апреля (возможно, начало мая), так как снега уже не было, было сухо (что было дальше, я опишу из более поздних рассказов взрослых). В больнице поставили страшный диагноз — менингит, который в то время был почти неизлечим. Через какое-то время наступил кризис в болезни мамы. Лежавшую без сознания маму уже сочли мертвой и отправили в морг. Но в это время, на наше счастье, проведать маму приехал из Елабуги мамин

брат Шахвали абый, прибывший с войны на побывку после контузии, и обнаружил, что мама еще дышит. Он поднял шум, маму перенесли обратно в палату. Мама начала выздоравливать, ее организм постепенно справился с болезнью (мама всю свою жизнь с благодарностью вспоминала своего брата и вылечившего ее опытного доктора Чоловского, эвакуированного из Ленинграда).

В один из дней, в свой очередной поход в Бондюгу к маме в больницу, Назия апа взяла меня с собой. Мы шли пешком (тогда не только машин, но и лошадей-то не было). Это был жаркий летний день 1942 года. Мне только что исполнилось пять лет, а пройти нужно было 12 километров. Естественно, я устала, стала проситься домой, и на полпути мы остановились отдохнуть под дубом (там был длинный подъем, а посередине этого подъема рос дуб). Я не знаю, как Назия апа справилась бы со мной. Но тут появился незнакомый дед с котомкой. Он угостил меня засохшей корочкой хлеба, показавшейся мне очень вкусной, и предложил взять меня с собой. Конечно, я испугалась и, забыв о капризах и усталости, поплелась дальше. Так мы еле-еле добрались до дома, где жили бабушка и двоюродные сестры Наиля и Файруза. Назия апа, оставив меня у них, пошла в больницу, а затем отправилась обратно домой. К маме я попала на следующий день. Повела меня к ней Наиля апа. Мама была очень исхудавшая, но уже полусидела, разговаривала тихим голосом. С помощью сестры она даже повернулась ко мне боком, и я увидела у нее на спине какой-то черный круг. Видимо, это был большой синяк вокруг места, откуда брали пункцию, но запомнился он мне как большая черная дыра в маминой спине.

Маму привезли домой в начале осени 1942 года. Она была еще очень слабой, могла лишь с большим трудом немного передвигаться по комнате. Произошло нечто странное, непонятное для моего детского сознания: наш дом поделился надвое: сводные сестры стали жить в задней половине дома, мы – мама, Алиса, я – в передней; готовить и питаться стали по отдельности; даже корову доили и, соответственно, ухаживали за ней через день по очереди и т.д. Мама была очень слаба, мы же слишком малы для домашних дел. Нам помогали справляться с домашними делами соседи, старшеклассницы, а позже, когда умерла Банат апа, и Адия апа Мухаметзянова с дочерьми (проводив мужа и сына на фронт, она осталась с пятью дочерьми).

Запомнился такой факт. Поздняя осень. Все приусадебные огороды уже убраны, только с нашей половины огорода не убрана картошка. Огород наш располагался внизу у речки. Яркий солнечный осенний день. К нам пришла группа девушек, среди которых я помню Амину апа Бадретдинову и Шаргию апа Ибатуллину. С шутками, смехом они стали выкапывать картофель и носить его в ведрах и мешках наверх во двор. Картофель уродился крупный. Мы с Алисой тоже «помогали»: нам на руки укладывали две-три картофелины, которые мы гордо несли наверх. Мама сидела на крыльчке, хвалила нас, благодарила девушек. Так был спасен наш урожай, а мы обеспечены картошкой на зиму.

Мама постепенно поправлялась, стала заниматься хозяйством. Наступила зима. Нужно было привезти из-за Камы дрова, которые выделили маме как учительнице (учителям отпускали заготовленные в лесу на дрова бревна). Колхоз выделил маме лошадь и помощников, и они уехали. Их не было целый день, нам было голодно, холодно и страшно. Наконец, мама вернулась, успокоила нас, накормила, и мы уснули. Посреди ночи мы проснулись от громкого стука. Мама ушла. Мы с Алисой жались в темноте друг к другу... Оказалось, что нашу корову задрали волки (был наш черед присмотра за коровой, а мамы не было; кто-то оставил ворота открытыми, корова ушла со двора и не вернулась; мама вечером ее поискала, но не нашла и оставила поиски до утра; корова оказалась в поле, пыталась убежать от волков, но ей преградили путь закрытые полевые ворота в деревню). Ее, окруженную у полевых ворот стаей волков, обнаружил сторож, сумел как-то отогнать их. Корову, еще живую, привели домой. Но ее нужно было прирезать, так как волки разорвали ей вымя. Так в начале 1943 года мы остались без коровы-кормилицы. Что это значит для военного времени, объяснять не нужно.

В 1942–1943 учебном году мама не работала в школе, была на инвалидности. Но уже в конце зимы она стала работать в колхозе звеньевой бригады, к которой она была прикреплена как агитатор. Бригадиром полеводческой бригады была молодая девушка Файруза апа Гильфанова, и они вдвоем (были, наверное, и другие звеньевые, но я их не помню) «пропадали» на работе, готовясь к весеннему севу.

Вот «живое» свидетельство тех времен – заметка из газеты «Стахановчы» («Стахановец») от 14 марта 1943 года. В ней корре-

спондент З. Мухаметзянова подводила итоги фронтového месячника: «Соревнуясь в ходе месячника, члены колхоза им. Сталина достигли прекрасных результатов. Особенно хорошо работали 9-я бригада (бригадир Н. Хузин), 2-я бригада (бригадир Ф. Гильфанова) и 10-я бригада. Эти бригады уже сегодня готовы выйти в поле. Примером подготовки к весне являются товарищи Г. Набиуллин, Г. Галиев, Г. Ахмадиев и М. Хафизов, полностью завершившие ремонт машин и инвентаря. Колхоз вывез в поле 90 тонн навоза, собрал 64 центнера золы и 46 центнеров птичьего помета».

Еще одна ее заметка. «В колхозе им. Сталина хорошо организован ремонт сельхозмашин и инвентаря. Благодаря старательной работе товарищей кузнеца Кулячева и его помощника Музаффарова качественно отремонтированы 71 плуг, 33 бороны, 23 культиватора, 10 сеялок, 58 телег, 102 комплекта упряжи», — так сначала отметила положительное в жизни колхоза З. Мухаметзянова в заметке «Нет внимания агромерам», помещенной в газете «Стахановчы» от 8 апреля 1943 года. И добавила: «Однако недостатков в колхозе еще много. Руководство колхоза не проявляет никакого беспокойства по этому поводу. Не уделяется достаточно внимания подготовке семян, проведению агротехнических мероприятий. Снегозадержание выполнено лишь на 40%, сбор золы — на 50%, сбор птичьего помета — на 18%. Из 3800 тонн навоза вывезено лишь 2150 тонн».

Население деревни в годы войны уменьшалось по разным причинам: голод и болезни уносили из жизни десятки людей, особенно детей и стариков, уезжали бизякинцы и на работу в города. Призывы на фронт и мобилизация молодежи на военные заводы шли в течение всей войны. Призывали не только молодых ребят, достигших совершеннолетия, но и зрелых мужчин старше 40 лет. Были среди них и девушки. Мобилизовывали подростков (юношей и девушек) для учебы в ФЗУ, на лесоповал, на заготовку торфа. Кроме того, 25 девушек 18–20 лет в 1943–1944 годах были мобилизованы военкоматом для работы на Челябинском танковом заводе. Вот их имена: Нигамаева Рабига, Гатауллина Гульзиан, Гарифуллина Газзабика, Муфтиева Зайтуна, Гараева Зайтуна, Мухаметзянова Зайтуна, Ахметгараева Амина, Зиннурова Матлуфа, Бикмухаметова Маглума, Багаутдинова Насима, Шарипова Разия, Шакирова Карамиса, Салихова Рахима, Фатхуллина Зайтуна, Зайнуллина Фагиля, Азина Насима, Мубаракшина Банат, Гиззатуллина Га-

лима, Зайнетдинова Галима, Закирова Шамсекамал, Шиабиева Хадича, Гиззатуллина Зайтуна, Гайнуллина Насима, Хабибуллина Мавлиха и Галлямова Хатира. Часть из них вернулась после войны в деревню, но многие так и остались жить в Челябинске.

Рассказывает Шаргия апа: «Чем дольше продолжалась война, тем меньше оставалось в деревне мужчин. А вся работа в колхозе легла на плечи женщин и детей да стариков. Для работы не хватало лошадей, мы стали запрягать быков и коров. На них пахали, возили сено. Быков запрягали парами, так как у них, бедных, не хватало сил в одиночку тянуть плуг или повозку. Когда работали на быках на дальних полях, оставались ночевать там же в приготовленных на скорую руку шалашах. Так как быки шагают медленно (быки, бедные, устают, да и корма им недостаточно), возвращение на них в деревню могло затянуться до утра. А утром опять нужно продолжать работу на том же поле».

Мы снова стали видеть маму очень редко: она с головой ушла в колхозную работу. И только иногда они с Файрузой апа по вечерам сидели у нас дома и обсуждали планы работы. Утром нас обычно будил кто-то из дочерей-подростков Мухаметзяновой Адии (у нее было их пять человек от двух лет и старше, из которых старшая Сабира вместе с матерью была занята в колхозе, а Гамиля и Гайша по очереди присматривали за Алисой). Я уходила в садик, а Алиса с девочками или оставались у нас дома, или ее уводили к ним домой (в садик брали только одного ребенка из семьи, и Алиса начала туда ходить только в четыре года, когда я пошла в школу). Не только наша мама, но и все тогда так работали. С ранней весны до поздней осени в светлое время дома невозможно было застать ни одного работоспособного человека.

В один из весенних дней того же 1943 года мама привела молодую телку, худую, еле державшуюся на ногах от бескормицы. Ее мы назвали Манькой (так же звали нашу прежнюю корову), выходили, и на следующий год у нас появились молочные продукты от своей коровы. Что это значит для военного лихолетья, можно не рассказывать. Несмотря на такие радостные события, как выздоровление мамы или появление у нас своей коровы, зиму 1942—43 годов я вспоминаю как одну из самых трудных в своей жизни. От папы по-прежнему не было никаких вестей, и мама очень переживала это. Она пыталась что-то выяснить через военкомат, но ей лишь выдали справку, что папа «пропал без вести».

Конечно, горе и переживания по поводу близких были повсюду. Когда поздней осенью и зимой мама бывала дома, к нам по вечерам приходили соседки: прочитать или написать письмо на фронт, просто найти утешение в разговорах с мамой или посидеть вечером с вязанием вещей для фронта. Электричества в деревне не было. Дома освещались керосиновыми лампами. Они могли быть трехлинейными, пяти-, семи- или десятилинейными (видимо, в зависимости от ширины фитиля), со стеклянным пузырем (колбой) или без него (такие назывались «сухир лампа (слепая лампа)», так как давали очень мало света). Обычно по вечерам зажигали маленькую настольную «сухир» лампу, так как нужно было экономить: невозможно было купить ни керосин, ни фитиль, ни пузырь. У нас была для каждого дня семилейная лампа без пузыря и большая десятилейная висячая лампа с большим пузырем, которую зажигали, когда собирались соседки с рукоделием. Они делились своими горестями и заботами с мамой. Я любила слушать их разговоры. Мама была оптимисткой, и пыталась убедить соседок (и, наверное, прежде всего, себя), что мужья и сыновья отыщутся, придут письма, закончится война...

Как бы в доказательство своих слов, она доставала со шкафа одну из двух книг, завернутых в салфетки, и, открыв ее наугад, зачитывала отрывок из нее и на его основе внушала соседкам, что все будет хорошо, нужно лишь переждать тяжелое время, не опускать руки перед трудностями и неизвестностью. Я считала, что книги на шкаф мама убрала от меня, хотя прочитать их я бы все равно не смогла. Одна из книг была очень большая и написана арабской вязью, ее мама брала очень редко, когда никого дома не было. Вторая книга — это томик произведений Габдуллы Тукая на латинице. Эту книгу мама брала в руки часто — и при соседках, и без них. Это меня очень удивляло, так как мама знала стихи Тукая наизусть. Я, конечно, спросила ее, почему она читает стихи, которые знает наизусть, по книге. Мама ответила, что в нужный момент не всегда приходят в голову необходимые строчки, а открыв книгу наугад, она всегда находит нужное для себя решение с подсказки первых прочитанных строк (такое использование книги называлось «фал ачу», фактически это было похоже на гадание).

Зиму 1943–44 годов я вспоминаю как один сплошной вечер, когда в нашем доме собирались женщины с прядением и вязанием. Зажигалась большая лампа, было много людей, все пряли шерсть

или вязали. Сначала собравшиеся делились сельскими новостями, рассказывали о полученных с фронта вестях, тут же перечитывались письма от мужей и сыновей. Мама рассказывала им о положении на фронте, затем давала мне газету, чтобы я читала вслух (в то время я уже хорошо читала, хотя еще не училась в школе), а сама тоже садилась вязать. Все они готовили теплые вещи для фронта. Мне особенно запомнились трехпалые варежки (чтобы удобнее было стрелять, вывязывался отдельно напальчник для указательного пальца). Мне тоже хотелось участвовать в общем деле, и Зафира апа, научившая меня вывязывать петли на спицах, оставила мне вывязывание одного напальчника. Взрослые вывязывали за вечер пару и больше варежек и носков, а я была горда тем, что смогла вывязать целый палец. Зафира апа вложила в эту пару записку, что напальчник вывязала шестилетняя девочка Альта, которая желает бойцу победы и скорого возвращения. Чувство гордости, которое я тогда испытала, не описать словами.

Зафира апа (она была старше меня лет на семь) — дочь переехавших в соседний с нашим дом Исмагила и Хамденисы Бахтигаревых, наших дальних родственников. Мы с Алисой очень быстро нашли приют в их теплом доме. У них, в отличие от нашего большого, часто холодного дома, и домик был маленький, и кто-либо постоянно был дома. Исмагил абый часто болел и работал дома — плел корзины по заданию промысловой артели для Бондюжского завода. Хамдитай (так мы обращались к старшим женщинам) и ее сын-подросток Заки абый работали в колхозе и приходили домой только вечером. Зафира апа училась в школе, а после школы занималась домашними делами и помогала отцу. Именно Зафира апа научила меня вязать на спицах и крючком и многим другим житейским делам. Под ее руководством я даже научилась разжигать печку и в шесть-семь лет в первый раз на плите сварила суп. Не знаю, насколько он был вкусен, но мы его съели, а мама даже похвалила меня. Но тут же строго предупредила, чтобы без взрослых я не разжигала печь, так как может случиться пожар.

На долю сельских учителей круглый год приходилась самая разнообразная деятельность. Кроме учительских обязанностей они были ответственны за многое: учителя были агитаторами и пропагандистами, выпускали стенгазеты и боевые листки, отвечали за распространение государственных займов и сбор теплых вещей для фронтовиков; они писали письма на фронт, организовывали

вязание теплых носков, варежек и перчаток из шерсти для солдат; они же вместе с учениками с мая по октябрь «впрягались» в колхозную работу.

Приведу заметку М. Аминова под названием «Дело агитатора в поле» из газеты «Стахановчы» за 9 мая 1943 года, показывающую многогранную работу учительниц-агитаторов. «В третьей бригаде колхоза им. Сталина хорошо поставлена агитмассовая работа. Агитатор Амина Бадертдинова относится к своему делу чрезвычайно ответственно. Эта трудолюбивая комсомолка прилагает много старания для того, чтобы ее бригада была примером в ходе весеннего сева. Регулярно выходит стенгазета, она знакомит колхозников с делами на фронте. Бадертдинова ежедневно бывает на поле среди колхозников, вместе с бригадиром Габдрахмановой вникая во все тонкости посевных, — пишет автор. — А вот агитатор второй бригады Т. Мустафина не была на поле ни разу. И каждый колхозник в день вспахивает здесь лишь 0,30–0,40 га».

Ко всем праздникам учителя и молодежь организовывали концерты самодеятельности или ставили спектакли. С зимы 1943 года в этих концертах начала участвовать и я. Первое стихотворение, которое я прочитала со сцены, я хорошо помню. Это было стихотворение Фатиха Карима «Папочке» (я лишь недавно узнала, что это стихотворение он написал от имени своей дочери Ляли в 1938 году, когда был репрессирован). Содержание его очень подходило для военного времени: девочка спрашивает у матери, когда же вернется ее отец. Я помню, что почти все в зале начали плакать, и меня попросили еще раз повторить стихотворение, когда все успокоились. В дальнейшем я много раз участвовала в подобных мероприятиях с чтением стихов, и почти каждый раз меня просили прочитать еще и стихотворение «Папочке». Моими особенно любимыми авторами были, кроме Фатиха Карима, Хади Такташ и Габдулла Тукай.

Несмотря на военное время, проводились и районные смотры самодеятельности. Так, в заметке о таком смотре зимой 1943–1944 года отчетный концерт бизякинцев назван в числе лучших; отмечено, что ученицы Валиева и Гайнетдинова за исполнение цыганского танца получили премию в 400 рублей [Стахановчы, 1944, № 6, 10 февраля]. Проводились различные праздники и для детей — школьников и дошколят. Эти праздники проходили и в школе, и в детском саду, и в клубе. Так, есть фотография группы детса-

довцев, которую сохранила Саима Шайдулатова (Сайфутдинова), и попала она в мои руки совершенно случайно 1 июня 2016 года при моей очередной поездке в Бизяки. На фотографии группа детей-участников новогоднего утренника зимы 1943–1944 года – наряженных для проведения новогоднего праздника в детском саду. Наряды, видимо, хранились с довоенного времени. Я помню, однако, как мы с мамой делали корону для меня, и мама прикрепляла на нее свои украшения, которые я не раз просила у мамы поносить.

Мама, несмотря на всю ее занятость, всегда старалась по возможности порадовать нас с Алисой то вкусной едой (это могли быть незамысловатые пироги, кыстыбый или шаньги с картошкой или пшеникой, овсяный кисель или просто печеная картошка, которая стала одним из моих самых любимых блюд на всю жизнь), то игрушками, которые она мастерила вместе с нами из подручного материала. Помню, как летом 1944 года она решила накормить нас досыта медом. У нас всегда было один или два улья, и мама, взяв из ульев мед, поставила большой таз с сотами перед нами и разрешила нам поесть его досыта (так, чтобы потом мы не просили). Мы сначала поели один мед, затем с хлебом, с водой... Много ли его может съесть ребенок? Мы и есть больше не могли, но и сказать, что мы наелись, было выше моих сил... И я придумала: сказав, что мы еще не наелись, и убирать мед не нужно, мы пошли во двор поиграть. Потом немного поели и вновь пошли поиграть. Когда это повторилось несколько раз, мама решила прекратить этот бесконечный процесс. Как вспоминала мама позже, когда мы уже выросли, маме не удалось нас перехитрить, и мед для нас так и остался желанным лакомством.

Мы быстро росли, и мама всегда старалась одевать нас красиво. Когда нужна была соответствующая одежда, мама перешивала нам вещи из своей и папиной одежды. Иногда появлялась возможность сшить и из чего-то нового. Так, на 1-е Мая (1943 или 1944 года), где-то достав кусок бязи и выкрасив ее хинином (это были таблетки от малярии, которые окрашивали ткань в лимонно-желтый цвет), мама сшила нам очень красивые платья. 1 Мая, оставив нас в нарядных платьях во дворе дома у Файрузы апа, взрослые ушли в поле (было время сева). Во дворе стоял тарантас, и мы вместе с моим сверстником Заки, братом Файрузы апа, долго играли во дворе вокруг тарантаса. В результате наши с Алисой

платья из нарядных превратились не просто в грязные, а оказались в черных полосках и пятнах (тарантас, оказывается, был только что выкрашен дегтем и оставлен сушиться). При всех моих стараниях вернуть былой красивый вид платьям не удалось (взрослых рядом с нами не было), и я не нашла ничего другого, как скрыть следы «преступления» от мамы. Придя домой, мы переоделись в другую одежду, а оба платья я спрятала в своем тайнике под чуланом. Занятая работой в школе и колхозе мама не сразу обратила внимание на отсутствие наших новых платьев...

С началом войны значительно возрос обязательный минимум трудодней, который должны были выработать колхозники. Постановлением совнаркома Татарской АССР и обкома ВКП(б) от 28 апреля 1942 года было принято решение об увеличении обязательного минимума трудодней колхозников республики до 120 дней, причем были определены и конкретные сроки для выполнения определенного числа трудодней. Так, для большой группы районов, куда входил и Бондюжский, были определены следующие сроки: к 15 июня должно быть выработано не менее 30 трудодней, к 15 августа – еще 28 трудодней, к 15 октября – 46 трудодней, оставшееся число трудодней можно было выработать и после 15 октября.

Увеличение количества трудодней происходило не только по обязанности, распоряжением сверху. Женщины, заменившие мужей и сыновей на лугах и в поле, принимали встречные обязательства, намного превышавшие обязательный минимум. Но применялись и репрессивные меры: не выработавшие его трудоспособные колхозники должны были считаться выбывшими из колхоза и лишались приусадебного участка. Для подростков с 12-летнего возраста также был установлен обязательный минимум (50 дней в году). В школе было сокращено время занятий для учеников 5–10-х классов: с мая по октябрь они были заняты на колхозной работе.

Но, пожалуй, главным и у взрослых, и у подростков было осознание своего долга перед страной, перед фронтовиками. Все пережившие войну в деревне вспоминали, что даже в самые трудные минуты не допускали сомнений в победе нашей страны над фашизмом. Колхозники понимали, что своим трудом они обеспечивают армию и население городов продовольствием, а предприятия – сельскохозяйственным сырьем. В деревне, отдававшей

на фронт, в военную промышленность, на транспорт, на лесо- и торфозаготовки большую часть трудоспособного населения, приходилось особенно тяжело. На колхозников не распространялось нормированное снабжение продовольствием по карточкам, введенное в стране для горожан и сельской интеллигенции. Основным источником питания для них было личное подсобное хозяйство. Однако и оно облагалось высоким налогом. Это значило, что большая часть продукции, выработанная в личном подсобном хозяйстве, уходила в счет налогов: с каждого хозяйства нужно было сдать государству определенное количество мяса, молока, яиц, шерсти, картофеля. Были и денежные налоги — земельный, фронтовой и другие. А ведь в каждой семье было немало детей и стариков.

Сельчанам, подавляющее большинство которых в годы войны составляли женщины и дети, пришлось не только выдержать тяжелейший труд от зари до зари. Им нужно было пережить и голод, и холод, и разные болезни и эпидемии. Но самым тяжелым, пожалуй, было ожидание вестей с фронта. «Старики, за которыми некому было присматривать, умирали с голоду. Некоторых хоронили в полотняных мешках (вместо положенного савана. — А.М.). К тому же почти каждый день из армии приходят вести о смерти близких — похоронки. Тогда радио не было (в самом начале войны радиоприемники, бывшие в деревне редкостью, были даже увезены из деревни. — А.М.). Агитаторы, т. е. учительницы, активные женщины, ходили по домам, успокаивая семьи, пересказывали газетные сообщения. Всем нужно было терпение. Вязали носки для солдат и отправляли их на фронт через военкомат», — вспоминала Шаргия апа Ибатуллина.

Я помню, как пожилые женщины-соседки облегченно вздыхали, когда наступала весна: «Вот и прожили зиму, — говорили они. — Сейчас будет легче: можно будет собирать разные травы, перебьемся. А там, глядишь, и война кончится, вернутся наши, и заживем лучше прежнего». Из воспоминаний Шаргия апа: «Ближе к лету, в апреле-мае, когда появлялись крапива, лебеда, дикий лук, щавель и другие травы, становилось чуть легче. Все, особенно бабушки и детвора, собирали эти травы мешками. Не было, наверное, дома в Бизьяках, в котором не варили бы из них супы и другую снедь, чтобы не умереть с голода. Те, кто держал корову, отрывая от себя и детей, несли в Бондюгу (Менделеевск) молоко,

катык, творог и меняли их на соль-спички. А бабушки и дедушки, у кого таких возможностей не было, брали друг у друга тлеющие угли, чтобы разжечь печку. Печки топили валежником или соломой. Валежник – дрова на зиму старались заготовить летом, но это удавалось не всем. Поэтому не только летом, но и зимой можно было встретить на дороге из мелколесья в пойме Камы женщин и детей, запрягшихся в загруженную валежником доверху тележку или санки».

На этих же тележках и санях, а также в заплечных котомках женщины и подростки привозили (приносили) за 10–12 км из Тихих Гор или за 35 км из Елабуги семена для сева. Как мне запомнилось, почти весь хлеб нового урожая, за небольшим исключением, увозили на хранение на элеватор в Елабугу, а в конце зимы – начале весны нужно было пополнять семенной запас колхоза. Лошадей для перевозки не хватало, поэтому и в это дело впрягались женщины. Вообще в годы войны оставшиеся в тылу женщины и подростки, полуголодные и полураздетые, работали не покладая рук. И не только фронтовики, но все женщины и подростки ковали победу в Великой Отечественной войне. И тех почестей, которые по праву ныне воздаются участникам войны и их вдовам, заслуживают все они.

В 1944 году я пошла в первый класс. Так как в этом году вышло постановление, по которому детей в школе стали обучать с семи лет, первоклассников оказалось много (двойной прием – восьмилетними и семилетними). Нас разделили на три группы. Моей первой учительницей стала Рахилия апа Альметова. Наш класс сначала располагался в здании нижней мечети, но через какое-то время нас перевели в основное здание школы, находившееся за речкой на горе. Возможно, это перемещение было связано с началом зимы. Для отопления двух школьных зданий требовалось очень много дров, который учителя (в основном, женщины) должны были заготавливать сами.

Школа находилась довольно далеко от нашего дома: если раньше до школы нужно было пройти половину деревни по улицам (примерно километр), то теперь дорога была вряд ли короче, но шла она по пересеченной местности: большую часть дороги занимали пологий спуск к речке, переход через нее по льду или по временным мосткам; далее нужно было пройти по ровной долине речки и подняться на гору. Было три пути в гору: очень кру-

той подъем посередине холма, продолжавший нашу дорогу, с его правой стороны тоже крутой, но более удобный подъем, и слева пологий подъем, начинавшийся от родника. По этому широкому пути могли подниматься не только пешеходы, по нему на лошадях подвозили дрова и другие необходимые для школы вещи. Мы обычно поднимались по средней, крутой тропинке (позднее, в самом конце 40-х или начале 50-х годов, там построили удобную красивую лестницу) и пользовались пологим подъемом только в большую грязь.

Так как на новом месте свободного помещения для нас не было, мы учились две группы в одном кабинете. Группы занимали по два ряда парт, у каждой группы был свой учитель. Парты были двух- и трехместные, большие, за которыми мы сидели по три-четыре человека. Один класс сидел лицом к двери, другой наоборот. Учеба мне давалась очень легко, я успевала выполнять не только свои задания, но и интересовавшие меня задания (особенно по математике) другого класса, уроки которого проходили в этом же помещении.

В годы войны была организована всенародная помощь фронту. Я уже говорила о сборе и отправке на фронт теплых вещей. Кроме того, собирали деньги на строительство танков, самолетов, кораблей, засевали сверхплановые «гектары обороны», сдавали в «фонд победы» хлеб, мясо, молоко, овощи, другие продукты сверх плана. Для примера приведу сообщение, помещенное в газете «Стахановчы» от 17 февраля 1944 года: «Например, члены сельхозартели им. Сталина тов. Я. Шаяхметов, М. Газизов, Г. Гимазетдинов, Г. Гайнетдинов и Тазиев внесли в семенной фонд колхоза по шесть пудов картофеля, а З. Фатыхов — три пуда гороха».

Отмечу, что ни картофель, ни горох, ни другая сельскохозяйственная продукция, наверняка, не была лишней в их семьях. Я помню, как ранней весной, как только земля очищалась от снега, многие соседки отправлялись по полям соседних сел искать и собирать оставшийся под снегом картофель. В его поисках проходили десятки километров, причем годилось все — и мерзлый, и гнилой картофель. Дома, тщательно обработав найденное, пекли из него лепешки. Из воспоминаний Шаргия апа: «Война легла на наши плечи неподъемным грузом. Весной с утра до вечера выкапывали на полях соседних деревень Тукай, Псеево, Сарсаз мерзлую картошку, мыли ее в холодной воде речки или даже в лужах, чтобы

до дому не тащить грязь и больше принести домой годный для еды продукт. Домой приходили обессиленные, но довольные, что обеспечили семью едой на несколько дней».

Закончилась война. Мы узнали об этом событии так: урок только начался, когда в класс вошла мама (завуч школы). Она объявила, что закончилась война, поэтому сегодня уроков больше не будет, и все пойдут на митинг. Всех школьников построили в большую колонну, и кружным путем (по пологому спуску, через мост возле родника, по Родниковой и Большой улицам) с песнями мы через всю деревню пошли к клубу. Там уже было много народу. Звучала музыка, было много красных флагов и транспарантов. Все радовались, многие женщины плакали. Начался митинг. Сначала выступили дяденька и тетенька из района. Выступали и наши — председатель сельсовета, вернувшиеся ранеными с фронта дяденьки, учителя. Их выступления перемежались стихами и песнями в исполнении школьников. Я тоже прочитала стихотворение. Митинг закончился, но народ еще долго не расходился.

Из воспоминаний Шаргии апа: «Мы очень долго и с нетерпением ждали дня победы. Среди возвращавшихся с войны было много израненных, без руки или без ноги, слепые, немые, контуженные. Но все-таки их дождалась семья. А сколько осталось после войны сирот? Сколько бизякинцев осталось лежать на полях войны?! И о скольких односельчанах не было никаких известий, кроме листочка из военкомата со словами «пропал без вести»?! Война еще долго давала о себе знать. Ее отзвуки растянулись на многие годы. Не было во что одеться, радовались, когда были лапти на ноги. По весне многие продолжали бродить по полям в поисках мерзлой картошки, собирать съедобные травы по оврагам, лугам и болотам. Для теперешней молодежи все это часто кажется сказкой, выдумкой. А ведь это только малая толика пережитого нами в военные и послевоенные годы».

Завершая свой рассказ о жизни в годы войны в тылу, каким являлась наша деревня, хочу сказать, что, несмотря на свой небольшой возраст (от четырех до восьми лет), я очень хорошо помню события тех лет. В моей памяти хранятся образы великих тружениц — женщин и подростков, с раннего утра до позднего вечера занятых колхозной работой, а в редкие свободные минуты находивших доброе слово не только для своих, но и чужих детей.

Возвращение отца

Все стали ждать возвращения отцов и братьев с войны или хотя бы писем с вестями о скором возвращении. В деревню стали постепенно возвращаться фронтовики. Мои одноклассники, чьи отцы вернулись, ходили гордые и счастливые, пересказывали нам рассказы отцов. Наступило лето, а вестей от нашего папы все еще не было. Письмо от него пришло только в августе. Наконец-то папа нашелся! Он жив! Он скоро вернется! Стали жить ожиданием писем от папы. Он, оказывается, попал в плен к немцам. Сейчас же освобожденные из плена солдаты восстанавливали разрушенные немцами заводы и фабрики. Наш папа вместе с другими работал на восстановлении металлургического комбината в городе Днепропетровск. Письма от него приходили регулярно. Как правило, начальная часть писем была написана на кириллице, и ее читали мы все. Большую же часть письма папа писал на арабской графике. Ее могла читать только мама.

Мне тоже хотелось читать эти непонятные письма, и я стала просить маму научить меня этой грамоте. Мама много раз отказывала мне, но, зная мою настырность, все-таки решила показать написание нескольких букв. При этом она объяснила, что это очень сложное письмо, что, даже выучив все буквы, сразу невозможно научиться читать письма, что для этого нужна большая практика. Она показала мне, как арабскими буквами пишутся несколько простых слов, а также мои имя и фамилия, дала мне папины письма, чтобы я самостоятельно нашла в них хотя бы свое имя. Естественно, что я не смогла это сделать. Мама показала мне написанное папой мое имя, объяснила, что почерки бывают разными, что на арабской графике многие буквы не пишутся или пишутся друг над другом. И вообще, пока я буду учиться распознавать буквы, папа уже придет. И добавила: «Если тебе будет нужно, то научись читать и писать арабское письмо, когда вырастешь» (так, в конце концов, и произошло!).

Наступило 1 сентября. Перескочив через класс, я вместо второго стала сразу учиться в третьем классе, который вела Амина апа Бадертдинова. Она мне очень нравилась еще до школы, и я была рада, что буду теперь учиться у нее. Все ученики в классе были старше меня на два-три года (они начинали учиться с 8 лет). Училась я по-прежнему хорошо, без затруднений, и Амина апа часто

предлагала мне позаниматься с отстающими ребятами после уроков. Это, наверно, была любопытная картина: за столом Амина апа проверяет тетради, а на задней парте маленькая девочка втолковывает мальчику-подростку (или сразу нескольким) азы арифметики или правила грамматики. Мне это нравилось, но и мальчики воспринимали эти занятия вполне адекватно. Я не помню случая, чтобы кто-то из ребят меня обижал.

Наш класс вообще был дружный и старательный. Ребята оказывались в отстающих, как правило, не из-за лени, а потому, что дома не было условий для занятий. Им нужно было помогать по домашнему хозяйству, следить за младшими, ухаживать за скотом и т.д. К тому же не хватало учебников, тетрадей, ручек, чернил, карандашей. Не хватало одежды и обуви. Это видно и по фотографии нашего класса. Фотография была сделана в 1946–1947 учебном году, поздней осенью или ранней весной, что видно по одежде и обуви моих одноклассников.

В апреле 1946 года вернулся папа. Он был комиссован, так как из-за болезни уже не мог работать. Сопровождавший санитар привез его на поезде на станцию Можга, а там встретили Назия апа и сосед Ясави абзый на лошади. И вот папа дома. Он был очень длинный и худой (при росте 1 метр 80 см весил менее 50 кг), без посторонней помощи почти не мог передвигаться. Папа и ел очень мало: я помню, как сказала маме, что папа ест, как наша корова Манька (когда ее привели, она ела очень мало, по одной травинке, выборочно). Шинель на нем была не такая, как у других возвратившихся с войны солдат, а серого, «мышинного» цвета и «болталась» на папе, как на палке. Позднее он объяснил, что это была форма американцев. Оказывается, из плена их освободили американцы. Они же помогли пленным и с одеждой, так как они хотели скорее снять ненавистную лагерную одежду.

Я помню, как несколько вечеров папа рассказывал нам о мытарствах, пришедшихся на его долю. Это давалось ему нелегко, так как он заново переживал все случившееся с ним. Иногда, не в силах продолжать рассказ, он замолкал надолго. В таких случаях мама переводила разговор на будничное, отвлекая его от тягостных воспоминаний. Выговорившись, рассказав о пережитом, папа раз и навсегда наложил запрет на дальнейшие мои расспросы.

Прежде чем пересказать несколько запомнившихся мне эпизодов из его воспоминаний о войне, приведу запись, сделанную в его

военном билете: «26.08.1941 призван по мобилизации Бондюжским РВК ТАССР. 26.08.1941 по 28.10.1941—85 стр. полк — стрелок. 28.10.1941 по 15.11.1941—3745 стр. полк — стрелок. 15.11.1941 по 15.05.1945 находился в плену в Германии лагерь 317. С 15.05.45. по 31 марта 1946 года — рабочий батальона при 3-де им. Петровского Упр-я НКВД по Днепропетровской обл. УССР».

Итак, чуть более двух месяцев папа находился в печально известном учебном лагере Суслонгер. Лагерь этот был организован с началом войны для накопления и обучения мобилизованных в армию солдат и формирования воинских частей. Жили они в больших палатках и землянках, которые сами же выкопали и оборудовали подручными средствами. Порядка в лагере не было, не хватало обмундирования, не было налажено питание. Мама, которая в сентябре съездила к папе и отвезла ему продукты и теплую одежду, рассказывала, что еле узнала его, так как папа очень исхудал, одежда его истрепалась (а папа у нас всегда одевался очень аккуратно!).

28 октября 1941 года сформированный в Суслонгере 3745-й стрелковый полк, в который был зачислен папа, был отправлен на фронт. В начале ноября они оказались в составе Западного фронта, державшего оборону всего в сотне километров от Москвы. Их выгрузили из эшелона на какой-то станции. Затем они, сделав марш-бросок, оказались в чистом поле, где стали обустраиваться в одном из оврагов. Уже ударили морозы, в овраге хотя бы ветра было меньше. Наверху над оврагом они рыли окопы, а в овраге — что-то вроде землянок. Было тихо, не слышно было даже никакой канонады. Командование ничего не объясняло подчиненным. Время от времени командиры куда-то исчезали. Это еще больше вселяло тревогу в сердца красноармейцев. Так прошло несколько дней, пока, проснувшись однажды утром, солдаты не обнаружили, что все командиры исчезли.

Прождав до обеда, но, не дождавшись командиров, брошенные на произвол судьбы солдаты и младший командный состав (сержанты и старшины, среди них оказался лишь один младший лейтенант, прибывший накануне вечером), надеясь, что командование отправилось выяснять обстановку и вернется, на всякий случай решили все же как-то сорганизоваться. Выяснилось, что у них почти нет оружия: еще в пути им раздали по винтовке на двоих, по пять патронов каждому и по гранате на пятерых, сказав, что

оружие они получают на месте дислокации. Но больше оружия они не получали. Младший лейтенант временно взял командование на себя. Командиров рот и взводов пока заменили сержанты, старшины и старослужащие. Прошла полная тревог ночь. А рано утром они услышали грохот танков, немецкую речь и лай собак. Выйдя из своих землянок и палаток наружу, они увидели, что окружены: наверху, по кромке оврага, выстроились немецкие автоматчики; отдельной кучкой, вместе с немецкими офицерами, стояли и их командиры, исчезнувшие предыдущей ночью. Именно они отдали приказ сложить оружие и заявили: «Мы находимся в глубоком тылу немцев, все поблизости занято немцами. Соппротивление бесполезно, война проиграна»...

Так 15 ноября 1941 года для папы начался немецкий плен. Колонны пленных погнали на запад. Группа пленных татар, старавшаяся держаться вместе, решила на побег. Их было 10—12 человек, и, улучив момент, они бежали. Около недели они блуждали по лесам и болотам Белоруссии, но в конце концов немцы с помощью собак напали на их след. Во время этой погони несколько человек погибло, папу ранило в руку. Пойманные семеро татар, истерзанные собаками, жестоко избитые, оказались в пересыльном лагере в Орше.

Дальше начались новые злоключения. Лагерь. Этапы. Новые лагеря. Наказания. И непреходящее чувство голода. Размещавшиеся поздней осенью и зимой под открытым небом либо в наспех вырытых землянках или кое-как сколоченных бараках, они сотнями гибли без медицинской помощи от болезней, истощения, голода и холода в пересыльных лагерях. У папы воспалилась раненая рука, которую ему наспех перевязали куском ткани, оторванным от подола его рубашки. Медицинской помощи не было, перевязать руку было нечем. У папы поднялась температура, он потерял сознание. Его товарищи по несчастью нашли врача среди военнопленных. Когда доктор снял повязку, оказалось, что у папы уже начиналась гангрена. Нужна была немедленная операция. Доктор обычным перочинным ножом, прокалив его на костре, вскрыл распухшую руку, вычистил ее от гноя, присыпал золой и снова перевязал, оторвав клочок от папиной же рубашки. Затем удалось достать из медпункта какие-то противовоспалительные средства. Постепенно под присмотром этого врача рука папы стала заживать.

Наконец, закончились скитания по пересыльным лагерям Белоруссии, Польши, Германии, и папа оказался в лагере военнопленных под официальным названием Шталаг 317 «Маркт Понгау», расположенном в городе Санкт-Иоганн в Австрии. Лагерный комплекс в Маркт Понгау состоял из «Северного лагеря», в котором были помещены лишь советские пленные, и «Южного лагеря», где содержались французы, сербы, бельгийцы, англичане и итальянцы. Большая часть советских военнопленных использовалась на работах за пределами лагеря. Папа вместе с другими военнопленными работал в каменоломне, таскал с речки гравий, песок и камни, а весной 1943 года с несколькими товарищами попал на сельский хутор. Там тоже было трудно. На них смотрели как на бессловесных рабов. Та же тяжелая работа с утра до вечера. Тот же голод и холод. Та же неизвестность.

И вот здесь, на хуторе, произошел случай, потрясший папу до глубины души. Однажды утром, когда они с товарищем кормили свиней, на крыльцо вышла хозяйка и громко позвала: «Альта!». Услышав имя своей дочери, папа растерялся и без сил сел там, где стоял. О чем только он не подумал за эти мгновения. Сначала ему в голову пришла мысль, что немцы дошли до Бизяков, и мы оказались каким-то образом здесь, на хуторе. Затем он понял нелепость такого предположения — выяснилось, что хозяйка позвала свою служанку, которую также звали Альта. На его состояние обратили внимание и его товарищ, и служанка. Через товарища, немного знавшего немецкий язык, он объяснил ситуацию, сказав, что у него есть дочь, которую тоже зовут Альта. С тех пор, пока они были на хуторе, служанка иногда подбрасывала им то лишнюю свеклу, то брюкву, то остатки еды хозяев или приготовленное для свиней варево из овощей и зерна.

Дальнейший рассказ о жизни папы в плену и после освобождения предлагаю прочитать в рассказе моей сестры Махмутовой Анисы Хазиевны «Две войны моего отца». Дело в том, что не только папа, но и все другие фронтовики долгое время не хотели вспоминать войну. Рассказав по возвращении домой о «своей войне», они как бы ставили точку на этом этапе своей жизни, стараясь скорее забыть не только о злоключениях, которых немало досталось каждому, но и о своих подвигах. Только в 60-х годах, через два десятилетия после окончания войны, было снято своеобразное «табу» с рассказов о войне. Поэтому и Аниса, проводившая с ро-

дителями больше времени (в отличие от нас с Алисой, она окончила среднюю школу в Бизьяках), запомнила многое из рассказов отца. Вот сокращенный вариант воспоминаний, написанных ею для сайта «бизьяки. рф».

Две войны в жизни моего отца

Наш папа, Махмутов Хазиахмет Махмутович, родился в 1900 году в деревне Бизьяки Бондюжского района ТАССР, образование — 6 классов Бизьякинской неполной средней школы, беспартийный, служащий, специальность — финансовый работник. Ему пришлось воевать в двух войнах.

В 1917 году произошла революция, которая плавно перешла в гражданскую войну. Наша деревня не осталась в стороне от этих событий. Кругом шла война, и Бизьяки оказывались то в руках красных, то белых. В каждом населенном пункте тогда выбирался староста. В нашей деревне старостой был Султан абзый. У него был отличительный знак главы — медальон. Папа рассказывал, что, когда началась гражданская война, староста носил с собой и медальон, и буденовку — приходят белые, он сразу надевает на шею свой медальон, приходят красные — тут же на голове появляется буденовка. Иной раз он даже не успевал их менять, потому что в одном конце деревни оказывалась армия белых, в другом конце красных. Каждый раз они забирали с собой мужчин на службу: кто-то попадал к красным, кто-то к белым, выбирать не приходилось, забирали и все... Белой гвардии нужны были лошади с повозками. Старший брат папы Нуриахмат абый попал к белым, так как он уже был совершеннолетним; и у них белые забрали и лошадь с телегой, и Нуриахмат абый.

Вскоре в стране установилась Советская власть. С мая по июль 1919 года дивизия Азина с сражениями взяла Сарапул, Агрыз, Елабугу, Ижевск. В военном билете папы написано: «Призван в 1919 году Елабужским районным военкоматом, признан годным к строевой службе и зачислен в 165 стрелковый полк». Отец попал в 28-ю стрелковую дивизию Азина. Вместе с ним был еще один парень из нашей деревни, к сожалению, я не помню его имени. Из-за болезни вдвоем они оказались в лазарете в Ижевске. Папа старался ночью не спать, и не зря. В одну из ночей он услышал разговор врачей около кровати односельчанина. Они говорили, что этот солдат неизлечимо болен, и что его надо «убрать», т. е. расстрелять.

Как только врачи ушли, папа разбудил парня и передал ему разговор докторов. Вдвоем они решили, что больному нужно сбежать. Таким образом, не дожидаясь утра, тот ушел, а папа остался, вылечился и продолжал воевать. Позже они встретились уже в деревне, столько было воспоминаний, радости, что они остались в живых. В 1922 году в Омском госпитале для папы закончилась война, и он вернулся в деревню.

Начались коллективизация, раскулачивания... Отец был очень активным человеком в жизни, и его избрали секретарем сельсовета. В этой должности он проработал около десяти лет. В один из осенних вечеров стреляли в него в окно нашего дома. Пуля чудом не попала в папу, а попала в матицу, она так и осталась там. Кто это сделал и почему — не смогли выяснить. Этот эпизод оставил в жизни отца свой след — как только вечером зажигали дома свет, он сразу же торопился задернуть занавески. Мне было смешно, я не понимала, в чем дело. Мама потом рассказала эту историю.

К началу Великой Отечественной войны папе было 41 год. 26 августа 1941 года он был призван по мобилизации Бондюжским райвоенкоматом на войну. С 26 августа по 28 октября 1941 года он проходил подготовку в печально известном лагере для красногвардейцев-курсантов и «срочников», который находился в районе станции Суслонгер республики Марий-Эл.

28 октября 1941 года папа был отправлен на фронт в стрелковый полк — стрелком. Война шла в Белоруссии, враг уже приближался к Москве. Дали им одно ружье на двоих, по пять патронов каждому, на пятерых одну гранату... Как воевать? Велели самим добывать оружие в бою. Потом я узнала, что в начале войны это было в порядке вещей. В ночь с 14-го на 15-е ноября остановились на отдых и расположились в овраге в ложине. Лил осенний дождь, и уже подморозило. В 5 часов утра солдаты начали просыпаться и слышали немецкую речь. Наверху на краю оврага они увидели немецких офицеров и солдат. Вместе с ними были два командира Красной Армии, которые командовали до этого полком, где служил папа. Отец рассказывал, что они здоровались за руку с немецкими офицерами и разговаривали с ними по-немецки. Оказалось, что их ночью окружили немцы. Что это было — предательство? Все это в голове не укладывается. На этом война для папы закончилась, и с этого времени началась жизнь в плену.

Их угнали в Германию. По пути 12 татар сбежали. Но их поймали в болотах Белоруссии, натравили на них собак, жестоко избили. Папа был ранен в руку. Их загрузили в товарный поезд и отправили в Австрию. Вагон был предназначен для перевозки скота. Папа попал в лагерь военнопленных под официальным названием Шталаг 317 «Маркт Понгау», который существовал с 1938 по 1945 гг. в городе Санкт-Иоганн в Австрии. Папа вместе с другими военнопленными таскал с речки гравий, песок и камни для строительства. Кто-то сказал, что можно есть улиток, и они собрали их в свои рубашки. Ночью в бараке вдруг начался какой-то шум, стук. Было темно, и поэтому ничего не видно, а ходить было запрещено. Утром все выяснилось — это сыпались улитки, за ночь их осталось мало, почти все уползли, так что поесть не удалось. По пути на работу, увидев, как кто-то выбрасывает очистки, они бросались их собирать — тут же по ним открывали огонь, в лучшем случае избивали.

В 1943 году разрешили военнопленных раздавать как батраков австрийским фермерам. Папа попал к зажиточным крестьянам. У них он выполнял всю грязную и тяжелую работу, ел вместе со скотиной, спал под открытым небом, отношение к нему было как к рабу. О побеге невозможно было и думать, так как с него не спускали глаз. Еще он не знал, что происходит на родине. Говорили, что Москва уже в руках немецких войск. Хозяева держались как победители. Один из местных жителей рассказал папе, что в Альпийских горах растет цветок эдельвейс, у того человека, который увидит его, исполнятся все желания. Когда хозяева его отправляли за сеном в горы, папа искал этот цветок. Он потом говорил: «Я видел эдельвейс, и поэтому живой вернулся домой», при этом радовался как ребенок.

В лагере их почти не кормили. Им иногда давали по 100 граммов риса, сахарного песка и немного табака. Кто не мог жить без курева, менял рис и песок на табак и умирал от голода. Отец всегда говорил, живой остался только потому, что не курил. В 1944 году их уже никуда не выпускали. Папу поставили санитаром в лазарете, чтобы убирать всю грязь. Столько ужасов ему пришлось увидеть. Он иногда рассказывал об этом: «В одном конце лазарета принимают больных и раненых, из другого конца на носилках вытаскивают мертвых и полуживых, чтобы выбросить в яму. Слой человеческих тел закрывают землей и снова кидают тела. Из этой ямы

постоянно слышны были стоны. Очень страшно было слышать. От голода некоторые ели человеческое мясо, отрезанное с мертвых тел... Это было страшно».

Время от времени пленных увозили. Говорили, что их будут сжигать в печах концентрационного лагеря Маутхаузен, который находился не очень далеко от их лагеря. По утрам и вечерам на небе появлялась черная туча, и пахло горелым мясом. Вроде, ко всему привыкает человек, но к этому невозможно было привыкнуть. После этих воспоминаний отец надолго уходил в себя. Издевательств тоже хватало. Один полицай привязался к папе, хотел отнять у него сапоги. Когда папа отказался, тот пожаловался немецкому офицеру. В итоге офицер ударил папу кастетом по виску так, что он потерял сознание. Потом он ослеп на этот глаз. Среди военнопленных были хорошие, добрые люди. Когда у папы началась гангрена в раненой руке, нашли врача среди узников, и он вылечил его руку золой и лекарствами, которые приносили тайком из лазарета. Но были и предатели, которые становились полицаями. Папа говорил, что они были хуже фашистов.

В последние полгода перед роспуском в мае 1945 года лагерь был переполнен, снабжение стало еще хуже, гигиена была в катастрофическом состоянии. Папа рассказывал: «Рубашку снимешь и бросишь на пол, и она тихонько шевелится и куда-то идет — двигали ее вши, которых было очень много, они были черные и крупные, а как они кусались!».

В лагере существовала подпольная организация — это было лагерное движение сопротивления, которое готовило людей к освобождению, помогало раненым, больным, спасало от расстрела красных командиров и офицеров, знакомило со сводками о передвижении советских солдат, поднимало дух военнопленных и т.д. В феврале 1945 года эта организация тайно собрала политически надежных людей. Среди них был и папа. Говорили, что придет день, и советские солдаты победят и освободят от фашистской чумы Европу. 7 мая 1945 года в лагере произошло восстание военнопленных. Его подготовила и провела как раз эта организация, и управление лагерем перешло в руки самих узников. Собрали всех в большом бараке, откуда-то появилось красное полотно, которым накрыли стол. Тут же был выбран президиум. Открывая собрание, ведущий поздравил всех с победой, рассказал план действий. Тут же привели немецких офицеров и полицаяев. Среди них были

и тот фашист, который избил папу, и полицей-предатель. Были обвинительные выступления. Народ сильно волновался, хотел расправиться с ненавистными мучителями сам. Но совершить самосуд не дали. Вынесли им всем приговор и увезли их куда-то. Что с ними произошло потом, папа не знал.

Вечером 8 мая 1945 года в Маркт Понгау прибыли американские солдаты полка парашютистов, и лагерь был сдан им. Для советских военнопленных появление американцев, с одной стороны, было радостно, потому что они их освободили. Но, с другой стороны, было удивительно — пленные ждали своих, а тут появились люди, одетые в другую форму, разговаривающие на чужом языке. Они накормили пленных, раздали одежду. Бывшие узники могли свободно ходить по лагерю и даже выходить за пределы его территории. 10 мая 1945 года немецкие охранники сдали американским военным свои винтовки. Так закончилась война для узников Шталага 317... Постепенно в течение следующих недель лагерь покидали группы военнопленных разных наций, отправляющиеся на свою Родину. Последними 5 июня 1945 года начали уходить выжившие советские узники.

У нас дома хранятся 5 фотографий папы, привезенные из плена. Не знаю, как папа их сберег и смог потом довести до дома. С обратной стороны всех фотографий есть записи рукой отца. После освобождения силами бывших пленников могилы узников были приведены в порядок. Американцы сфотографировали этот мемориал. На одном памятнике написано: «Здесь в 1941 году зарыто 167 красноармейцев, замученных голодом немецкими фашистами, часть из них полуживыми. Вечная память мученикам фашизма». А на другой фотографии папа написал: «7 июня 1945 года день открытия памятника, который был установлен силами самих военнопленных после освобождения, на могиле, где похоронено 3500 человек, замученных голодом, истязаниями немецких фашистов. Этот день останется в памяти навечно». На фотографии вокруг памятников стоят освобожденные пленные, среди них есть и папа. На одном снимке запечатлена могила двух татар — Танаева Саида и Шакирова А. Они умерли уже после освобождения от истощения. Памятник поставили 26 мая 1945 года. Есть еще фотография друга папы — Закирова Габдуллы из Кукмор, который сфотографировался в форме американского солдата 14 июня 1945 года в Австрии в старинном городе Леобен. После войны несколько раз папа

хотел найти его, но страх останавливал поиски, ведь они для страны были предателями. До середины июня советские узники оставались в лагере. Со дня победы прошло уже больше месяца, а они все еще находились в этом страшном месте. В память об ужасных годах папа привез из немецко-фашистского лагеря железный номерок, где написано Stalag 317 XVIII с 40521, на другой стороне — Т 147, на трех углах есть дырки для веревки, чтобы повесить на шею. 40521 — это номер папы, Т 147 — это номер барака. Папа никогда не брал в руки этот жетон и не любил расшифровывать то, что там было написано. Если на шее не висел этот номерок, сразу расстреливали: нет номерка — нет и человека. Этот жетон разломан на две части, немного испорчен, но прочитать надпись можно.

Перед отправкой на Родину советским военнопленным предлагали ехать в Америку. С каждым бывшим узником велись переговоры, говорили, что на Родине их считают предателями, что их ждут концентрационные лагеря. Некоторые согласились и уехали в Америку, но их было очень мало. Многие, хотя и знали, что так и будет, тем не менее, рвались к своим родным, к семьям. Папа говорил, что он жил только мечтой о родной деревне и о своих домочадцах, что не представлял себе жизнь без них, поэтому и не согласился на переезд в другую страну. Скоро в лагерь пришла советская армия. Бывших узников отправили домой.

На Родине многие попали из Шталага в трудовые лагеря. С июня 1945 года по 31 марта 1946 года папа трудился в рабочем батальоне на заводе им. Петровского управления НКВД по Днепропетровской области УССР. Бывшие военнопленные, изможденные голодом, болезнями и ранами, восстанавливали завод. Долгие четыре года от папы не было известий. Его считали без вести пропавшим. Мама пыталась найти мужа, но все было тщетно. Только с дороги, уже с Украины, папа смог отправить первое письмо домой. Это был уже август 1945 года. В апреле 1946 года его признали негодным к строевой службе и отправили домой. Сестра Назия апа привезла папу со станции Сягинск (Можга) домой. Этот высокий мужчина весил всего 47 кг, был очень сильно болен, еле держался на ногах. Мама его выходила народными средствами. В военном билете написано: «11 августа 1947 года признан годным к нестроевой службе».

И даже после всех этих мучений не было спокойствия. На всякий случай всегда была готова котомка с сухарями и нижним бе-

льем, которая висела на гвозде. Время от времени эти сухари меняли на свежие. Дважды, в 1949—1951 годах, ночью увозили его люди из НКВД в районный центр по доносу односельчанина. Хотя и знали, кто это был, ничего не могли сделать. Папа каждый раз расставался с мамой и всей семьей навсегда. Там его водили на допрос. Но начальник НКВД знал отца как честного человека и хорошего работника и каждый раз отпускал его. Как они выдержали такую жизнь, когда столько лет днем и ночью приходилось ждать стука в ворота, который мог закончиться тюрьмой или расстрелом!!! В 1956 году папу реабилитировали. В военном билете написано: «Принят на учет 3 апреля 1948 года, снят с учета 30 января 1961 года». Папе к этому времени был почти 61 год. К 20-летию юбилею Победы в 1965 году папа был награжден медалью. Начиная с этого времени на каждый юбилей его награждали медалями, приглашали на встречи и т.д. Папа умер в 1980 году. До смерти он по ночам во сне всхлипывал, стонал, кричал. Мы будили его, успокаивали. Я спрашивала: «Опять плен не дает спать, да?». Он ничего не говорил, только кивал головой.

Как он выдержал все это — не знаю. Почему ему так «везло»? Как говорят, наверное, судьба такая... Несмотря на все это, он не потерял интереса ко всему, до конца он любил жизнь, родную деревню, свою семью, был веселый, острый на язык, всегда готовый на помощь людям. Никогда не ругал он свою судьбу, страну, в которой жил, никого не осуждал, ни с кем не ругался, никто не слышал из его уст бранного слова. Вся деревня уважала его. Я думаю, что до сих пор, кто его знал, вспоминают папу только добрым словом.

У него совсем не героическая жизнь. Но, с другой стороны, это такая сложная и страшная судьба, которая полностью зависела от того, что происходило в нашей стране, да и во всем мире.

Махмутова Аниса».

К этому повествованию я добавлю еще только один факт. В семейном архиве сохранился клочок бумаги в четвертушку тетрадного листа, где отец тщательно записывал дорогу из плена на родину: «306 лагеря выехали 4/VIII. Прибыли Рум. Сигет 14/VIII. От Сигета выб. 9/IX. Прибыли Львов 13/IX. От Львова прибыли Зем. Вода 15/IX-45 г. От Зем. Вода Радатыч прибыли 16/IX-45 г. Выбыли 21/X-45 г.». Эта запись интересна не только обозначением маршрута.

Путь эшелона из Австрии на Украину занял более двух месяцев. При этом обращает на себя внимание то, что на границе в Сегеде бывшие военнопленные пробыли почти месяц. Можно допустить, что так долго органы НКВД решали вопросы размещения их. Факт еще одного месячного промежутка, на мой взгляд, только подтверждает это предположение.

Оставшиеся в живых военнопленные 1941 года, к которым относились и наш папа, и братья Файзелхак и Габделхай Гильфановы (Хуснутдиновы), и другие, смогли пережить трагедию величайшего масштаба и вернуться домой. Всем им, конечно, повезло — они выжили. Но, кроме удачи, было и другое — огромная воля к жизни, способность удержаться на самом краю: не умереть от голода, не заразиться тифом, не погибнуть от воспаления легких, с достоинством принять судьбу и не надеть форму вражеской армии. Закаленные, все испытывавшие, несломленные люди. Затем пришло освобождение и встреча с сотрудниками органов госбезопасности. А потом — затянувшееся на долгие годы возвращение в мирную жизнь...

Папа вернулся домой очень больным и истощенным. В семейном архиве сохранились две справки, с которыми он приехал. 1) Направление к глав. врачу 2-й особой больницы от 19 марта 1946 года следующего содержания: «Командование 72-го отдельного рабочего батальона при заводе Metallургического оборудования просит дать справку о заключении его болезни и о негодности к физическому труду тов. Махмутову Хазию Махмутовичу. Ком. 72-го отд. раб. бат. лейтенант Холодко». 2) Справка управления НКВД по Днепропетровской области от 31 марта 1946 года: «Гр-н Махмутов Хази 1900 г. действительно находился в рабочем батальоне при заводе им. Петровского и с сего числа направляется к постоянному месту жительства, как нетрудоспособный.

Татарская АССР Бондюжского района с. Бизяки.

Пред. Обл. проверочно-фильтрационной комиссии при У.Н.К.В.Д. Д/П области майор Студенков».

У папы был сильный радикулит, болела спина, не слушались ноги; и мама делала все, чтобы поднять его на ноги. В лечении отца большую помощь маме оказывала Сахабиева Миниямал (1876 — середина 1960-х годов?). Думаю здесь нелишним будет небольшой рассказ об этой замечательной женщине. В деревне все ее знали как повивальную бабку («кендек эби»). Фактически почти все

родившиеся в советское время (до конца 50-х годов) бизякинцы прошли через ее руки. Она была не только хорошей акушеркой, но и знающим лекарем. У бизякинцев она пользовалась большим уважением и любовью. Штрихи к ее биографии.

Сахабиева Миниямал на рубеже XIX–XX веков была выдана замуж за муллу деревни Калмия Мензелинского уезда Рамазан хазрата. Как вспоминали ее родственники, еще до Первой мировой войны, оставив жену с двумя маленькими детьми, умер ее муж. Затем она вышла замуж за бизякинца Хикматуллу Сафиуллина, также оставшегося вдовцом с двумя детьми. О нем в деревне до сих пор сохраняется много рассказов, где нередко быть связана с небылью. Так, например, рассказывают, что он чуть ли не двадцать (а то и сорок) лет прослужил кучером у большого генерала (а может быть, и у самого царя) в Петербурге, научился говорить по-русски и любил вставлять в свою речь русские слова. На самом же деле родившийся в 1870 году Хикматулла отслужил в царской армии положенный срок (от трех до шести лет), что доказывается материалами Всероссийской переписи 1897 года. Там указано, что сын Сафиуллы Зайнуллина Хикматулла, 26 лет, холост, является нижним чином запаса, т. е. к 1897 году он уже жил в деревне (см. Приложение № 7).

Мы не знаем в точности, когда и как познакомились и поженились Хикматулла и Миниямал, но в материалах сельскохозяйственной переписи 1917 года Миниямал, 40 лет, и ее дети уже указаны в составе семьи Хикматуллы, 46 лет. Семья была очень бедная, имела только одну разверсточную единицу земли, которую они засеяли рожью и овсом; скота не было (см. Приложение № 8). Возможно, в связи с бедностью Миниямал, бывшая до этого абыстай (следовательно, грамотная и имевшая навыки помощи женщинам при недомоганиях), и в Бизьяках начала оказывать помощь роженицам, а затем и другим сельчанам. Мама, любившая и очень уважавшая Миниямал эби, рассказывала, что хотя я и Алиса родились в бондюжском роддоме, она довольно часто пользовалась и советами «кендек эби». Особенно большую помощь она оказала маме при ее выздоровлении после болезни в 1942 году и в буквальном смысле помогла появиться на свет нашей младшенькой Анисе.

Из воспоминаний Анисы: «В детстве (до самого взросления) я думала, что Миниямал эби моя настоящая бабушка, но никак не могла понять, почему у меня бабушек целых три. Мама, когда

что-либо пекла (а случалось это довольно часто), посылала меня к ней: «Иди, пока не остыло, отнеси бабушке, пусть поест свеженькое». Домик у них был небольшой, в передней части избы «сэке» (нары), всегда у них чисто, все в порядке. Бабушка всех посетителей встречала приветливо, старого и малого называла «улым», «кызым», никого не отпускала, пока не угостит чаем. «Кендек эби» в течение всей жизни очень многим в Бизьяках помогла появиться на свет, все ее очень уважали и ценили»...

Я помню, как в течение года или даже больше мама каждый день топила баню. Папу туда отводили мама и Назия апа, поддерживая с двух сторон. Приходила Миниямал эби. Она и мама его парили, делали массаж, готовили ванны со всякими травами и снадобьями. Через три-четыре часа такого лечения он возвращался домой сам, мама только немного поддерживала его. Лечили его и в районной больнице. Сохранилась справка о том, что он с 19 сентября по 21 октября 1946 года находился на стационарном лечении в Бондюжской райбольнице по поводу обострения радикулита поясничной области и правостороннего ишиаса, откуда был выписан без улучшения. Но пребывание на стационарном лечении отцу было необходимо для оформления инвалидности. Ему определили вторую группу инвалидности.

Что не удалось сделать официальной медицине, смогла сделать народная целительница Миниямал эби. Постепенно папа выздоравливал, болезнь отступала. Таких, как папа, получавших безвозмездную помощь от Миниямал эби в послевоенных Бизьяках, было немало. Папа же, выздоровев, с 1 сентября 1947 года вернулся к своей довоенной работе и стал работать агентом по сельхоззаготовкам Бондюжского райуполминзага. С 1 марта 1956 года он был переведен в Бондюжский РайФО на должность участкового инспектора, где проработал до выхода на пенсию в марте 1960 года.

Деревня моего детства

Нас, родившихся в 30-е годы XX века, в последние годы все чаще называют детьми войны. Соответственно и большинство наших детских воспоминаний относится к годам военного и послевоенного лихолетья. Однако мои самые первые воспоминания относятся к годам довоенным. Видимо, мне было три года, когда я начала обращать внимание на окружающих меня людей,

интересоваться происходившими вокруг событиями. Конечно, в памяти трехлетнего ребенка могут отразиться только события, так или иначе касающиеся его самого. Таким событием, накрепко врезавшимся в мою память, было рождение моей сестры Алисы. До ее появления весь «мир» — моя семья, окружающие меня люди — «вертелся» вокруг меня, в центре внимания взрослых была я. А теперь все их внимание перекинулось на вдруг ожившую куклу. Свою сестричку я восприняла именно как чудесным образом ожившую большую куклу — в отличие от моей большой куклы эта «кукла» шевелилась, издавала какие-то звуки. Взрослые брали ее на руки, пеленали, как мне казалось, играли с ней, но мне было разрешено только смотреть на них. Мама мне объяснила, что это не кукла, а моя сестричка, и с ней пока нельзя играть; но она будет расти, и скоро мы сможем играть вместе. Пока же я, как старшая сестра, должна оберегать ее, помогать взрослым в уходе за ней. Так у меня, как у взрослых, появились первые обязанности.

Примерно тогда же я, кажется, начала понимать, что наша деревня очень большая. Дело в том, что перед появлением сестрички меня стали водить в детский сад. Он располагался в нижнем конце деревни (примерно в километре от нашего дома, находившегося в средней ее части). По пути в садик я уставала, и провожавшие меня взрослые часть пути несли меня на руках. Самые первые мои воспоминания об отце связаны именно с этой дорогой. Однажды в садик провожал меня папа. Пройдя пару переулков, при выходе на главную улицу я запросилась к папе на руки. Но папа, вместо того, чтобы взять меня на руки, поставил меня на большой камень, отломил былинку, чем очень удивил меня. Он серьезно объяснил мне, что я уже большая девочка и не должна капризничать, и мы пошли дальше (в моем детстве отцы еще не носили детей на руках по улице).

Еще одно воспоминание, связанное с садиком. Садик располагался в двухэтажном доме. На второй этаж вела крутая лестница. Как-то я упала с этой лестницы так неудачно, что пуговицей до крови поранила подбородок; след от этой ранки остался у меня на всю жизнь как память об этом здании. Здание садика сгорело в начале 1941 года, и детский сад перевели в пустовавшее здание верхней мечети. Оно находилось в средней части главной улицы, примерно на том же уровне, что и наш дом, и мой путь в садик

резко сократился. Эти первые мои воспоминания продолжили события военных лет, о которых я уже рассказывала.

До школы я была очень мало знакома с нашей большой деревней, так как мы, малышня, без взрослых опасались уходить далеко от своих домов. Хотя мы большую часть времени проводили на улице, во время своих игр ограничивались территорией, включающей лишь два-три квартала своей улицы. Лишь начав учиться, я начала более основательно знакомиться с деревней. Во-первых, мы начали учиться в здании нижней мечети, и, чтобы дойти до него, нужно было пройти половину деревни. Во-вторых, мои одноклассницы жили в разных концах большой деревни. Времени после уроков у нас было много, поэтому мы иногда посещали друг друга. Росла я, и постепенно прибавлялись мои познания о деревне, о ее улицах и переулках не только по рассказам, но и воочию. Когда я вспоминаю деревню моего детства, передо мной встают Бизяки 1944–1951 годов. Поэтому в этой главе я в основном буду иметь в виду именно деревню этого периода, ограниченного моей учебной в бизякинской школе. Опишу деревню такой, какой она запечатлелась в моей памяти.

Наша деревня была расположена вдоль длинной, но маловодной речки, которую мы называли просто «инеш», и тянулась она километра на два. Она состояла из трех параллельных улиц и множества переулков. Средняя улица считалась главной. Ее называли «Олы урам (Большая улица)», она была длинная и прямая, просматривалась почти насквозь. Там проходила большая дорога – «тракт», были расположены все общественные здания – сельсовет, почта, правления колхоза и промышленной артели, библиотека, два магазина. На этой же улице были и здания двух мечетей – первая мечеть находилась в центре деревни, оставаясь слева при повороте дороги с въезжего переулка на главную улицу. Вторая была построена в километре от первой в нижнем конце этой улицы. В моем детстве в нижней мечети располагалось несколько начальных классов, а в верхней – детский сад. Вокруг этой мечети большой участок был огорожен забором, вдоль которого росло много кустов сирени. Половина главной улицы располагалась вдоль тракта, который около нижней мечети спускался вниз с холма, поворачивал налево, и, пройдя по мосту через речку, поднимался на следующий холм.

Сразу при въезде в деревню по тракту была расположена «Арт урам (Задняя улица)». Она была не такая прямая, как «Олы урам»,

и не такая широкая. Мне всегда было непонятно, почему она называется задней, если является первой при главном въезде в деревню. По моей детской логике так должна была бы называться третья улица, расположенная по увалу вдоль речки и как бы повторявшая ее изгибы. Но она называлась «Кече урам (Малая улица)», хотя была почти такая же длинная, как и главная улица. Я уже писала, что была очень любознательной девочкой, настоящим «почемучкой», с вопросами «приставала» ко всем и не отступала до тех пор, пока не получала удовлетворявшего меня ответа. Так произошло и в этот раз. Мне, наконец, кто-то объяснил, что название улицы определяется по отношению к речке и что «Арт урам» появилась позднее двух других. Оба въезда на главную улицу завершались «басу капкасы (полевыми воротами)». Полевые ворота — это два столба, врытых на обеих сторонах улицы; к одному столбу прикреплялись «ворота» — прямоугольник, представлявший собой решетку из толстых жердей или плетенку из прутьев. Днем ворота были открыты, а на ночь они закрывались и привязывались ко второму столбу толстой веревкой-канатом. А две другие улицы завершались со стороны поля поперечным плетнем.

Кроме этих трех параллельных улиц были еще три поперечные: «Тау башы (Нагорная)», «Тау асты (Подгорная)» и «Чишмә башы (Родниковая)». Нагорная улица как бы продолжала главную улицу, т. е. располагалась вдоль тракта, но за речкой через мост на другом холме. Она тянулась не вдоль речки, а вверх от нее с запада на восток. Подгорная улица являлась как бы продолжением Нагорной и находилась в нижней части деревни под холмом, на котором располагались основные улицы. В отличие от других улиц, где дома стояли в два ряда друг против друга, она была односторонней. Родниковая улица находилась в верхней части деревни. Начиналась она от «Кече урам» и вела вниз к большому роднику, откуда брали воду для питья. Улицы, расположенные параллельно речке, через равные промежутки были пересечены множеством переулков. Они были более узкими, но прямыми и достаточными для проезда транспорта (тогда гужевого). Переулки назывались либо именами и прозвищами людей, проживавших в домах, расположенных в переулке или около него, либо по общественным зданиям (Госман тыкрыгы, Чәрләй тыкрыгы, Мәчет тыкрыгы и т.д.). Были и тупиковые проулки. Такие проулки преобладали на Нагорной и Родниковой улицах. Наш дом находился в таком же

тупиковом проулке. В моем детстве почти все дворы и улицы-переулки уж весной покрывались мягкой душистой травой; для нас, детворы, эта трава-мурава служила удобным покровом для игр.

Дома в деревне были одноэтажные, деревянные, представлявшие дом-пятистенок (алты почмаклы өй) – соединение двух срубов, имеющих общую стену, или избу (дүрт почмаклы өй), соединенную с сенями. Лишь на Главной улице было два-три двухэтажных дома, нижняя часть которых была сложена из камня, а верхняя – из дерева. Сени в пятистенках примыкали к задней избе или располагались в средней части между двумя избами. В первом случае они, как правило, были дощатыми и сбоку имели один или два чулана. Внутри нее помещение домов обоего типа – жилая часть – обычно не имело деления на отдельные комнаты. Но определенные участки дома имели свое предназначение и при необходимости могли отделяться занавесками (чаршау). В домах-пятистенках передняя изба, выходящая окнами на улицу, считалась парадной (алгы як или ак йорт). Она больше служила спальней для хозяев и местом для приема гостей. Повседневная жизнь обычно протекала в задней избе.

Значительную часть помещения занимала печь. Она устанавливалась в противоположном от двери углу, боком к ней, на некотором расстоянии от стены. Это было, видимо, связано с противопожарной безопасностью и стремлением увеличить площадь теплоотдачи. Печь в передней части имела два параллельных выступа. В один из них вмазывался чугунный котел, в котором готовили пищу. Второй назывался «гөлбәч». Туда обычно ставили керосиновую лампу. Вообще печь выполняла целый ряд функций – обогрева помещения, приготовления пищи, выпечки хлеба и пирогов, сушки продуктов, одежды и обуви, хранения кухонной утвари, места отдыха пожилых и обогрева детворы. Участок перед печью, игравший роль кухни, обычно отделялся занавеской. Зимой там же огораживали участок для новорожденной живности.

Другую большую часть дома занимали нары (сәке). Они располагались в передней части избы под окнами от стены до стены и, занимая почти половину дома, заменяли собой стулья, диван, кровати и даже стол. В один из углов нар днем складывались спальные принадлежности. Остальные части нар днем служили местом игр для детей, там же бабушки читали намаз. Там же и ели: стелили посередине нар скатерть и садились вокруг нее. А на ночь нары

превращались в большую кровать. Были и полати. Они обычно устраивались за печкой и служили местом хранения вещей и утвари, а иногда и местом для сна детей.

Обязательной принадлежностью почти каждого дома были сундуки различного объема, обитые жостью. В них хранили одежду, полотенца и другие наиболее ценные вещи, например, приданое, которое девушки начинали готовить заранее. На сундуках спали, на них же складывали одеяла, подушки и т.д. А у бабушек в сундуках, кроме праздничной одежды, полотенец, платков, шалей и заранее приготовленных для похорон вещей, хранились маленькие узелочки с разными вкусами, так привлекательными для нас, детворы. В них были горсточка разных сушеных ягод, изюма, орехов, пряностей, конфет, пряников, печенья и даже бавырсаки, которые манили детвору. А смешанный с нафталином запах всего этого запомнился нам на всю жизнь. Несмотря на этот незабываемый запах, мы, дети военной поры, всегда ждали, когда же бабушки откроют свои волшебные сундуки и, возможно, угостят нас конфеткой, кусочком сахара, орешками или сушеными ягодами.

В памяти встает незабываемая картина: середина лета... Старшие на работе, дома только бабушка, я и Алиса. Вот бабушка, завершив намаз, подходит к своему сундуку. Она обычно после намаза доставала из своего сундука книгу и читала. Мы, опасаясь даже вздохнуть, смотрим за ее действиями. Бабушка долго ищет в своих карманах ключ от сундука (она обычно надевала на себя несколько платьев, и требовалось много времени, чтобы в одном из многочисленных карманов найти ключ). Наконец, ключ находится, открывается сундук, из него до нас доходит своеобразный влекущий нас запах бабушкиного сундука. Маленькая Алиса уже около бабушки. Бабушка же «колдует» над своими узелками. Алиса — хрупкая, худенькая девочка четырех-пяти лет (мне думалось иногда, что она похожа на ангелочка из сказок) — не выдерживает и спрашивает: «Бабушка, а это что?»... Бабушка не может оставить ее вопрос без ответа. Иногда она даже дает сестре что-то из своих запасов и сухо говорит: «Уходи, не путайся здесь под ногами». Мы уходим, делим 4—5 ягодок смородины или черемухи и долго сосем их, пытаюсь растянуть удовольствие...

Наш дом находился в тупиковом проулке в самом центре деревни. Проулок этот ответвлялся от Малой улицы в сторону речки и как бы являлся продолжением въездной части тракта, которая

через Главную улицу переходила в переулок Гусмана. Продолжением его и являлся наш проулок. В нем было всего два дома. В первом от улицы маленьком доме жила тетя Камиля с тремя маленькими детьми. Весной 1942 года она и ее двое детей умерли, отравившись прозимовавшим зерном, а оставшегося в живых мальчика отправили в детдом. В этот дом позже переехали Исмагил абый Бахтигараев с женой Хамденисой и детьми-подростками Заки и Зафирой.

Тупик завершался огромными (не только на детский взгляд) и тяжелыми воротами, за которыми располагалась наша усадьба: широкий двор, поросший травой, большой дом-пятистенник, хозяйственные постройки, сад перед домом и за ним. Сразу за воротами по правую сторону находилась каменная кладовая с железной дверью и деревянным сеновалом наверху, за ним следовал лабаз с большими воротами, куда на зиму свозили сено для скота и дрова. Затем отдельно стояли ледник (он заменял холодильник, о котором мы тогда и не слышали) и баня. Рядом с баней была небольшая калитка, от нее тропинка спускалась к речке. Здесь открывалась прекрасная панорама: под горой участок, на котором мы сажали картофель, и речка, берега которой покрыты тальником; за ней довольно широкая и ровная долина, на которой картофельные участки, доходившие до цепочки «гор» — так мы называли противоположный берег. Увалы этой возвышенности весной покрывались зеленым ковром разных трав и цветов, зимой же они становились белоснежными. Ими можно было бесконечно любоваться...

По увалу параллельно реке шла вторая группа хозяйственных построек под одной крышей: дровяник, открытый со стороны двора лабаз, и соединенные друг с другом два теплых сарая из бревен для коровы и овец. Там же был и курятник. За постройками находился пологий склон, а внизу участок, где мы сажали картофель. С левой стороны от больших ворот шел сплошной забор, отделявший нашу усадьбу от соседних, расположенных по линии улицы. Наш дом-пятистенок располагался посередине северной стороны двора. Он несколько отличался от большинства домов в деревне не только своим расположением, но и внутренним убранством. В нем не было привычных для обычного сельского дома широких нар и полатей. Вместо них использовались фабричные кровати, самодельные шкафы, диваны, столы и стулья. В целом, не только

убранство, но и весь наш быт был устроен несколько «по-городски», или, как говорили сельчане, «по-учительски». У нас были патефон с пластинками, ножная швейная машина, велосипед; до войны был и радиоприемник (с началом войны его забрали в район). Мама, мастерица на все руки, и одежду нам шила «по-городски». Она обращала внимание и на нашу речь, учила нас правильной литературной речи. Однако, несколько различаясь одеждой и речью, во всем остальном мы не отличались от других детей.

В соседних домах было много детей, впрочем, как и по всей деревне, где в каждом доме росло не меньше трех-четырёх детей. Несмотря на войну и не менее голодное послевоенное время, нехватку еды и одежды, мы много и весело играли. Обычно для игр собиралось 5–10 соседских девочек. Каких только игр не было у нас! Прятки, догонялки, классики, «глухой телефон» и т.д. летом, катанье с горки на санках и самодельных ледянках зимой... Особенно вольготно мы, детвора, чувствовали себя летом. Летом улицы, как и дворы наших домов, покрывались мягкой пушистой травой, и только посредине улицы пролегла еле заметная колея от подвод. Мы бегали босиком, одежды было минимум. Летом наши руки и ноги покрывались цыпками. Папы были на войне, мамы — на работе. А за нами присматривали бабушки, свои и чужие.

Вообще-то бизякинцы, народ довольно суровый и даже резковатый, детей не баловали. Не было никакого сюсюкания. Да и ласковые слова от взрослых мы почти не слышали. Но по отношению к детям они были справедливы, без повода нас не ругали. Во многом мы были самостоятельными, но при необходимости со своими детскими бедами и горестями можно было поделиться с любимым взрослым, особенно с соседями (и мы были уверены, что нам помогут). Хотя и росли, в основном, на улице, мы не можем сказать, что были заброшены. Можно сказать, у нас был коллективный воспитатель — вся деревня. И взрослые нас воспитывали не словом, а делом.

Наш главный воспитатель — это труд. С раннего детства на примере взрослых мы приучались трудиться. С пяти-шести лет у каждого из нас были свои обязанности — мы должны были присматривать за домашней птицей, вовремя ее кормить-поить; носить из речки воду телятам, которых старшие, уходя на работу, остав-

ляли на привязи на пригорках на той стороне реки, встречать свою живность при возвращении стада и т.д. Все эти дела нужно было выполнять добросовестно и вовремя, тогда никто нас не ругал (но и не хвалил тоже — просто так положено поступать). Так с раннего детства мы приучались к ответственности, привыкали к понятиям — что такое хорошо и что такое плохо. Самой же большой нашей обязанностью был присмотр за младшими сестренками и братишками. Они постоянно были с нами, участвовали в наших играх. Хотя у нас были и куклы, сделанные руками старших. Но ими мы играли обычно дома осенью-зимой. А летом нам игрушки были не нужны, точнее, все могло стать игрушкой — старый лапоть становился санями или телегой, осколки разбитых чашек и листы лопуха превращались в посуду. Вечно голодные, мы знали, какие травы, ягоды и корни можно есть, и с увлечением их собирали. При этом не забывали следить за младшими, чтобы они не тащили все в рот...

О соседях. При выходе из нашего проулка на Малой улице направо был дом Ясави абзый Галеева. Его жена Минникамал плохо видела, была больна и всегда находилась дома. У них было трое сыновей — подросток Нургали абый, Саэтгали (старше меня на три-четыре года) и Тимергали (зимой 1943 года он заболел тифом, после которого, как говорили взрослые, «тронулся умом»). У Ясави абый были и две сестры — Асма и Банат. Банат апу я хорошо помню — она помогала маме по дому и присматривала за нами (в 1943 году она умерла, возможно, от тифа).

Слева от проулка находился дом бабушки Гайши Ахметзяновой. Гайша аби, проводив на войну всех своих детей — трех сыновей (Муллахмета, Хузяхмета, Минахмета) и дочь Нагиму — жила вместе с невесткой Мачтурой и внучкой Вафирой. Они жили очень бедно. Я, например, помню такую картину: Гайша аби и тетя Мачтура сидят за столом. Они уже съели картошку «в мундире» или кашу из дикого лука. На столе большой кипящий самовар (такие называли «ведерными») и чайное блюдце с небольшим количеством муки. Больше на столе ничего нет. Перед ними чашки с горячим чаем (заварка — сушеное разнотравье или морковный чай). Они, по очереди, макают палец в муку, слизывают ее и выпивают чай; затем также выпивается вторая, третья чашка... Таким, видимо, был часто их обед.

Из всех соседских бабушек я лучше всего помню Гайшу аби. Бабушка Гайша была очень доброй и почему-то любила с нами общаться (может, потому, что у нее не было своих малых внуков). Не находя тепла от своей родной бабушки, я его, видимо, искала у Гайши аби. Иногда она нам рассказывала сказки, легенды, напевала байты и мунаджаты. Это, конечно, бывало нечасто. Но вот Гайша аби, покончив с домашними делами, садится у ворот отдохнуть. Мы, детвора, тут как тут: собираемся около нее, просим рассказать что-либо. Мне особенно нравилось слушать байты и мунаджаты в ее исполнении. Бабушка Гайша тоненьким голоском напевала их, а потом объясняла их содержание.

Или вот еще одна картина. Папа обычно привозил к нам на лето бабушку, а зимой она жила в Бондюге, с тетей Нурнидой. В один из дней бабушка «устраивала прием»: приходили ее провести несколько бабушек-родственниц и подруг. Как правило, в такие дни дома никого (кроме меня) не было. Я же устраивалась с книгой в уголке другой половины дома и старалась сидеть очень тихо, не привлекая бабушкиного внимания. Обычно приходили Кудряаби с Родниковой улицы, Сарби аби с Нагорной и соседка Гайша аби. Сначала они со вкусом пили чай, обсуждая свои новости, потом читали намаз. В это время я тихо пробиралась к ним в переднюю половину дома и пряталась под столом. Затем они снова садились за стол. И вот тут-то начиналось главное, из-за чего я так терпеливо высиживала дома и пряталась под столом: бабушки начинали читать нараспев мунаджаты и байты.

Я их слушала с большим вниманием, старалась запомнить, а когда гости расходились, начинала «приставать» к бабушке: «Бабушка, спой, пожалуйста, байт (например, «Сак-Сок»), или только вот это место, объясни, пожалуйста...». От бабушки же обычно в ответ звучало: «Я не пою, петь грешно... А ты опять пряталась да?». Я: «Вот же, вы пели. Спой уж, пожалуйста». Бабушка: «Мы не пели, байты и мунаджаты сказывают (напевают), а не поют...». Я, не понимая разницы между пением и напеванием, опять: «Ну, не пой, а напой, пожалуйста, только вот это место, я не успела его запомнить». Бабушка: «Ну и упрямая же ты, все стараешься по-своему делать... Иди, исчезни с глаз моих...». Вот тогда я уходила к Гайше аби... Так я постепенно знакомилась с произведениями устного народного творчества («Сак-Сок бәете», «Алабуга бәете»,

«Әхмәдиша бәете», «Таһир-Зөһрә», «Бәдәвам» и другие я узнала именно от Гайша аби в детстве).

Напротив ее дома жила тетя Рахима. Детей у нее не было. Рядом с ее домом росла большая черемуха, ягоды которой были для нас очень соблазнительны. Со временем они начинали осыпаться, а иногда и соседские мальчишки трясли ее ветки — вот тогда для нас наступал пир: мы с земли собирали упавшие гроздья и ели эти терпкие, но вкусные ягоды (нам сводило скулы, губы и язык становились синими, а мы не могли остановиться).

Рядом с этим домом был дом Гайшаттай Каримовой. Она, проведив на войну мужа, осталась одна с четырьмя детьми мал-мала меньше (подросток Хадича апа, моя ровесница Файруза, ровесница Алисы Фания и новорожденный сын Шарипжан). Эта маленькая, худенькая женщина никогда не унывала. Даже в самые тяжелые дни, когда свою ораву нечем было кормить, она не забывала спросить нас, не голодны ли мы, и поделиться последней лепешкой из мерзлой картошки или тарелкой супа (каши) из дико-го лука. Эта маленькая женщина так и не дождалась своего мужа, погибшего в 1942 или в 1943 году под Сталинградом, но, несмотря на такое огромное горе, не потеряла духа, не поддалась горю, осталась такой же доброй и справедливой, находила повод пошутить, поднять настроение всегда полуголодным детям.

Я помню имена и десятков других наших соседей и односельчан. Вот несколько семей Башаровых: дом Гусмана абзый был в переулке, носившем его имя (я помню не только его самого, но и его сыновей-подростков Рашита и Рифката). На углу, соединявшем переулок с Малой улицей, жила Газзаттай с сыном Фоатом. Ее две дочери были мобилизованы на работу на железной дороге. Через один или два дома от нее был дом Шункар абзый и Бадарттай. Их единственный сын Мирсает абый был призван в армию буквально за неделю до начала войны, в 1942 году даже приезжал долечиваться после госпиталя. Он провоевал всю войну, а его родители и жена Таскира апа с маленькими сыновьями Минегали и Мулламухаметом дождались его возвращения. Шункар абзый в 1942 году также был призван в армию, служил в обозе и вернулся домой через год или два службы. С войны он вернулся совсем другим человеком: если до войны он любил возиться с детворой, то вернулся неразговорчивым, замкнутым; устроился в рыболовецкую бригаду и с ранней весны до поздней осени пропал на Каме, возвращал-

ся в деревню только помыться в бане, поменять белье да взять кое-что из продуктов...

Научившись читать в четыре-пять лет, я перечитала сначала все книги на кириллице, имевшиеся дома. Читала я и книги, которые приносили старшие сестры и мама из библиотеки. Мне было шесть-семь лет, когда в чулане под половицей я случайно нашла две аккуратно завернутые в мешковину книги. Однако читать эти книги я не могла, так как многие буквы были мне незнакомы. Помогла мне соседка Зафира апа. Ей было 13–14 лет, и я постоянно обращалась к ней с различными вопросами и просьбами. И тут она помогла, написав мне печатными буквами новый для меня алфавит. Так я познакомилась с «яналиф»ом (татарским алфавитом на латинице). Решив, что кто-то убрал эти книги как ненужные (что «яналиф» отменили, мне сказала Зафира апа), я начала читать. Первая книга оказалась сборником пьес Карима Тинчурина. Я довольно легко ее одолела. Но самое главное, мне очень понравилось читать пьесы — они оказались гораздо понятнее и интереснее, чем сплошные тексты «толстых» книг, которые я уже читала на кириллице.

Но вторая книга — роман «Наши дни» Галимджана Ибрагимова — оказалась для меня малопонятной. И я решила обратиться за помощью к маме, которую мы видели тогда очень редко. Оправившись после болезни, она вновь работала от зари до зари — кроме учительства, она еще была звеньевой в колхозе. Дождавшись маму ночью, я попросила объяснить мне непонятные места в книге. Но мама почему-то страшно побледнела, вместо объяснений спросила меня, где я взяла эту книгу, кто видел ее у меня, отобрала у меня книги и запретила мне даже вспоминать о них. Вот так обстоятельства приучали нас не задавать «лишних вопросов», быть осмотрительными. Объяснения по этому поводу я получила, только повзрослев, когда имена этих писателей и их творчество вернулись к нам. Мама рассказала, что тогда учителей обязали сжечь книги «врагов народа», но у нее, учительницы татарского языка и литературы, не поднялась рука на такое святотатство. А за хранение книг «врагов народа» можно было угодить в тюрьму. С тех страшных лет у мамы выработалась устойчивая привычка — все купленные книги (даже для нас) она после прочтения отдавала в школьную библиотеку, объясняя нам это тем, что мы уже прочитали, а другие еще нет.

После того случая с книгами мама записала меня в библиотеку. Библиотеку мы называли «избач» (сокращенное от «изба-читальня»), и находилась она на главной улице. Я уже давно хотела брать книги из библиотеки (несколько библиотечных книг мне давала читать и Зафира апа), но мне объяснили, что туда записывают только школьников. И вот, в порядке исключения, я как взрослая, стала ходить за книгами в библиотеку. Что за книги я читала? Конечно, это, прежде всего, были сказки и стихи. Я их читала залпом. Они запоминались легко, с одного-двух прочтений. Я полюбила стихи Габдуллы Тукая (впрочем, многие из них я уже знала наизусть), Хади Такташа, Фатыха Карима и др. Помню, какое сильное впечатление на меня произвела трагедия Хади Такташа «Жир уллары» («Сыновья Земли»). Было много произведений о войне. Это были тоненькие книжечки о героизме наших солдат, о подвигах партизан, о зверствах фашистов...

О прочитанном я любила рассказывать всем, кто меня слушал. Прежде всего, это, конечно, были мои сверстники, с которыми мы с Алисой проводили много времени. Они слушали мои рассказы почти с таким же интересом, как и рассказы бабушек. Поэтому, когда я проигрывала во время какой-либо игры и должна была выполнить что-нибудь в наказание, меня все чаще просили рассказать что-либо из прочитанного. Иногда к моим слушателям прибавлялись и бабушки, которые, как и дети, воспринимали героев моих рассказов как живых, знакомых им людей, переживали их беды и горести, радовались их победам. Особенно часто это случалось, когда я пересказывала рассказы и стихи о войне. Начав учиться в школе, я приобрела новых слушателей. Это были мои одноклассницы, многих из которых до школы я почти не знала, и мои любимые учительницы Рахили апа и Амина апа. Прочувшись в первом классе у Рахили апа, я «перескочила» через класс и стала учиться в третьем классе у Амины апа, так как и учителя, и мама (завуч) решили, что я справлюсь с программой третьего класса.

У Амины апа я училась в третьем и четвертом классах. Это было тяжелое послевоенное время. Полуголодные, плохо одетые, но тянущиеся к знаниям, мы готовы были выполнить любое задание нашей любимой учительницы. Она проводила с нами много времени и кроме уроков. Я помню, как она организовывала для нас экскурсии по окрестностям деревни. Так, в третьем классе в конце учебного года она повела нас на колхозный пчельник, находив-

шийся в полутора-двух километрах к востоку от деревни. В конце учебного года в четвертом классе мы пошли исследовать нашу речку. Шли вдоль речки (и по ней тоже) вверх по течению. Хотя мы и не дошли до истока Бизякинки (Амина апа сказала, что он находится очень далеко), она повела нас к началу маленького ручейка, который впадал в нашу Бизякинку. Он начинался с маленького ключа, бывшего из-под земли. Амина апа объяснила, что исток нашей Бизякинки такой же; по ее течению в нее вливается много ручейков, и наша речка становится все больше и многоводнее...

1946 год оказался необычайно засушливым, неурожайным. Зима 1946—1947 года запомнилась мне как одна из самых тяжелых и в жизни нашей семьи. Во-первых, тяжело болел папа. Во-вторых, это была не менее голодная, чем в военные годы, зима. Голодно было всем. И у нас в доме, где даже в годы войны мы ели хлеб из ржаной муки, мама стала печь хлеб из смеси ржаной муки и тертого картофеля. Я не могла есть этот хлеб, даже от его запаха меня тошнило. К тому же я почему-то решила, что скоро умру. Не знаю, так повлияла на меня папина болезнь, или чья-либо смерть (а их в эту зиму в голодной деревне было достаточно много), или прочитанная книга, но я совершенно искренне считала, что не доживу до своего десятилетия. И я заявила, что все равно скоро умру, поэтому не буду мучиться и есть то, что не принимает мой организм.

Все считали, что это очередная моя фантазия, мой каприз. Но мама восприняла мои слова серьезно и стала выпекать для меня отдельный хлебец из чистой муки. Это особенно раздражало папу (чего только не пришлось ему есть в плену!): он был уверен, что мама балует меня. По его настоянию мама испекла мне хлеб из общего замеса, но той формы, к какой я привыкла. Хотя я не знала этого, но сразу, по запаху, определила подмену. Я не могла есть не только этот хлеб, но и картофельные оладьи (драники), которые иногда пекла мама, и лепешки, которые пекли во всей деревне из прозимовавшей на поле картошки. А вот Алисе они очень нравились. Она их ела в доме у Гайшаттай, и просила маму испечь такие же. Чтобы выполнить ее «заказ», мама обменяла у соседей хорошую картошку на мерзлую. И не только Алиса, но и все желающие в доме несколько раз «лакомились» «новым блюдом». Этот случай говорит о том, что мама прислушивалась к нам и, по мере возможности, исполняла наши желания (говоря словами других взрослых, «потакала нашим капризам»).

Мама всегда была для меня примером, непререкаемым авторитетом. Она очень любила свою работу, которой отдавалась душой и сердцем, но и домашние дела она выполняла легко, без видимых со стороны усилий. И это при том, что сельские учителя целыми днями были заняты как профессиональной, так и общественной работой. Я не знаю, когда она все успевала, но у нас всегда в доме был порядок, еда (и самая обычная, и всевозможные пироги) приготовлена, домочадцы присмотрены. В свободные же минуты она занималась с такой же охотой рукоделием — шила, прядла шерсть, вязала. На своей швейной машинке она обшивала не только нас, домочадцев, но и других сельчан (девушек и молодых женщин). Могло быть и так: какая-то из них могла прийти в буквальном смысле накануне праздника с куском ткани, и мама всю ночь проводила за машинкой, чтобы девушка могла покрасоваться на празднике в новом наряде.

Мама всегда поддерживала наши мечты. Например, когда в четырехлетнем возрасте я решила стать капитаном, она поддержала меня, сказав, что имеются такие училища, где «готовят» капитанов. А в 1994 году она обратила мое внимание на напечатанный в газетах указ, запрещающий принимать девушек в речные техникумы. Тогда (в семилетнем возрасте) я сказала, что буду учительницей, и мама меня поддержала, сказав: «Очень хорошо. Семь поколений твоих предков учительствовали. Нет профессии более уважаемой и нужной, чем учительство и воспитание детей». Естественно, будучи почемучкой, я тут же стала расспрашивать про наших предков. Но, сколько бы я ни старалась узнать подробности о них, тогда мама категорически прекратила мои расспросы. В моем детстве расспрашивать о предыдущих поколениях родственников было не положено. Даже моя настырность и любознательность оставались, если мама произносила три слова: «Узнаешь, когда вырастешь». Мои попытки познать прошлое наших предков отложились на более поздний срок, ибо к периоду своего взросления я уже научилась не интересоваться прошлым своего рода. К этому времени в нас уже укоренилось крепкое убеждение, что настоящая история начинается только с Октября 1917 года, а в жизни простого люда до революции ничего интересного не могло быть, так как в ней царили лишь темнота да невежество.

И к истории семи поколений маминых предков я вернулась не просто взрослой, а став уже намного старше, только в 1970—

1980-х годах. Именно тогда в разговорах с мамой и маминым братом Шахвали абый я узнала их родословную. Вот она: *Такаш – Ирей – Сыбай – Мостафа – Гомар – Мухаммедамин – Сагдетдин – Валиахмет – Шахвали (Ркия) – Хасан (Альта)*. Несколько поколений наших предков по маминой линии были духовными лицами (азанчи и муллами) в своей родной деревне Мочалей Бунинского уезда Симбирской губернии и, следовательно, обучали и воспитывали и детей, и взрослых.

Мне не суждено было расти с дедушками. Папин отец Ибрагимов Махмут бабай умер еще в 1921 году, а с маминым отцом, Субаевым Валиахметом (1870–1949), я общалась лишь несколько раз, так как он жил в Елабуге и умер, когда мне было всего 12 лет. Но все же дедушку Валиахмета я помню очень хорошо. Мама после войны возобновила учебу (заочно) в Елабужском учительском институте и брала меня с собой в Елабугу на время летней сессии. Вот эти две-три недели я и общалась с мамиными родителями. Помню уроки и наставления дедушки, которые получила при общении с ним. Моя память сохраняет его незабвенный образ. Это был худощавый, очень опрятный, аккуратный во всем, очень приятный в обращении дедушка. Его ласковый взгляд, приветливое обращение, негромкий голос, совершенно седые, аккуратно подстриженные волосы и борода — все в нем привлекало взгляд, выдавало в нем незаурядного человека.

Дедушка мой любил во всем порядок, его ежедневный распорядок состоял из точно выполняемых правил: пятивременный намаз, утром чай с несколькими блинчиками, в обед неприхотливая еда, затем чтение и небольшая прогулка, а вечером вся семья собиралась за столом на ужин. Меня всегда удивляло, что, вернувшись с работы или учебы, его взрослые дети проходили в его комнату и подробно рассказывали о своих делах. Я ни разу не видела дедушку разгневанным, он никогда в разговоре не повышал голос. У дедушки была очень красивая, правильная речь. Говорил он с еле заметным акцентом (как я теперь понимаю, мишарским) литературным языком. В своей речи он обычно использовал различные поговорки и пословицы, вставлял и стихотворные отрывки. Мне казалось, что от него идет какое-то тепло, он как бы был источником добра и света. Даже сейчас, когда я вспоминаю дедушку Валиахмета, я невольно улыбаюсь, в памяти возрождаются его «уроки», его наставления, и понимаю, что это был высокообразованный

интеллигент. Только в 80-х годах я узнала, что дедушка был репрессирован в 1931 году как духовное лицо, его имущество конфисковано, а сам он сослан в Сибирь на 5 лет. Вернулся он оттуда совершенно больным, но не в родную деревню, а в Елабугу (поэтому-то мама ничего не рассказывала о прошлом своих предков)...

Летом 1947 года меня отправили в пионерский лагерь. Лагерь был заводской и находился в сосновом бору на крутом берегу Камы, недалеко от Тихих Гор и поселка Бондюга. Из пребывания в лагере я помню несколько фактов. Самое главное, пожалуй, скудное питание. Еще не была отменена карточная система на хлеб и другие продукты. Поэтому мне не полагался хлеб, который давали всем детям (в лагере, в основном, отдыхали заводские дети). Хлеб мне посылали из дому, а приносила его Назия апа, ставшая работать секретарем сельсовета и каждую неделю приезжавшая по делам в райцентр. Это, во-первых. Во-вторых, почти каждый день после завтрака нас уводили в лес собирать грибы. Собранные нами грибы относились на кухню, и в меню у нас каждый день было что-то грибное – суп, грибы на второе (жареные, тушеные и т.д.), пирожки с грибами. Для меня это была незнакомая еда, к которой я испытывала отвращение (даже в войну бизякинцы не употребляли в пищу грибы). Единственная польза для меня от наших походов – я научилась отличать съедобные грибы от несъедобных и полюбила сам процесс сбора грибов...

Перемены в моей жизни

В 1947–1948 учебном году я училась в пятом классе Бизякинской школы. Теперь с нами занимались уже несколько учителей-предметников. Учеба давалась мне по-прежнему легко, и родители, считая, что меня нужно больше загружать, договорились с молодой учительницей русского языка Натальей Николаевной, что она будет дополнительно заниматься со мной русским языком. Родители, к тому же, решили со следующего учебного года отдать меня учиться в русскую школу, находящуюся в районном центре – поселке Бондюга, а до этого нужно было приучить меня к общению на русском языке.

Наталья Николаевна, пожалуй, была первым русским человеком, который на моей памяти стал постоянно жить в нашей деревне. Начиная с ней заниматься, я практически не могла по-

строить правильно ни одного предложения по-русски. Конечно, у нас были уроки русского языка, которые вела Амина апа в 3–4-м классах, и у меня уже сложился какой-то словарный запас, но общаться с кем-либо на русском языке мне не приходилось. Правильную русскую речь мы слышали только в кино. Даже радиоприемник у нас вновь появился только в 1947 году. Но по нему мы, видимо, слушали только передачи на-татарском языке из Казани. В моей памяти нет воспоминаний о прослушивании нами по радио в те годы русскоязычных передач.

Наталья Николаевна учила меня именно разговорному языку, прививала навыки общения на русском языке. Для того, чтобы мы пообщались с говорящими по-русски детьми, нас с Алисой даже повезли в Бондюгу на елку в семью Метшиных. Ильяс абый Метшин и его жена Закия апа Валеева работали в Бондюжском райкоме партии. Закию апа я знала, так как еще в годы войны она стала уполномоченной от райкома по колхозу им. Сталина и часто бывала у нас дома. Хотя разговоры и праздник в их доме, в основном, шли на татарском языке, дети больше говорили по-русски. Преодолев стеснение, и я пыталась приобщиться к их разговорам. На празднике я впервые при всех на русском языке прочитала стихотворение Н. А. Некрасова «Мужичок-с-ноготок». Хотя к этому времени у меня уже был достаточно большой опыт выступлений на сцене, это, на другом языке и среди чужих мне людей, далось мне с большим трудом.

С 1 сентября 1948 года основную часть жизни я стала проводить в Бондюге. Меня зачислили в 5 а класс школы № 1 поселка Бондюга. Мама посчитала, что повторное обучение в пятом классе облегчит усвоение русского языка. Так, с 1 сентября 1948 года для меня началась совершенно новая жизнь. В одиннадцать лет я оказалась вне родного дома, вне родной деревни, среди чужих людей, в чужой обстановке. Хотя папина сестра Нурнида апа с сыновьями и бабушкой тоже жили в Бондюге, их дом находился далеко от школы, в микрорайоне, называемом Камашево. Поэтому меня устроили на квартиру в соседнем со школой доме у Маймуны апа, которая жила вместе с сыном на два-три года постарше меня и дочерью моложе меня. Я прожила у них первую четверть, затем меня перевели на квартиру к бабушке Сорокиной, жившей через два дома от школы. Видимо, родители решили, что мне нужно больше общаться на русском языке, а у Маймуны апа была татарская

среда. Квартиру эту родителям предложила Закия апа Валеева. Она договорилась со своей соседкой, бабушкой Сорокиной, которая с дочерью тетей Полей жила рядом с ними.

К сожалению, я никогда не знала имени-отчества бабушки, у которой я благополучно прожила три года. Ее все – и взрослые, и дети – называли «бабушка Сорокина». Она сама сразу сказала мне, чтобы я называла ее «бабушка». Бабушка с виду была очень суровая женщина, ее боялись все дети, да и взрослые остерегались лишней раз обратить на себя внимание бабушки. На самом деле она была очень доброй и справедливой. Она была верующей, на Пасху ходила пешком из Бондюги в находящееся в 50 километрах село Костенеево Елабужского района в церковь и, отстояв всенощную, возвращалась обратно. Судя по этому, можно предположить, что лет ей было немногим за пятьдесят. Бабушка постоянно заботилась обо мне, следила за тем, чтобы я была сыта и одета. Она следила за моей речью, хотя сама была малограмотной; тетя Поля проверяла мои уроки, в общем, они относились ко мне очень тепло, по-родственному. Я прожила у них все три года, которые училась в Бондюге.

В конце каждой недели я возвращалась домой в Бизяки. Тогда на дорогах не только автобусов, но и машин не было, и люди больше ходили пешком или, очень редко, лишь по серьезным делам, ездили на лошадях, запрягавшихся, в зависимости от времени года, в тарантас или сани. Я очень хорошо запомнила, как я одна первый раз пошла из Бондюги домой в Бизяки. Приезжавший в пятницу по работе в уполминзаг папа привез мне продукты на неделю и сказал, чтобы я оставалась в Бондюге и в воскресенье навестила бабушку. Но как я могла ждать еще неделю для возвращения домой? Мне и эта неделя показалась нескончаемой. Наступила суббота. Мы учились во вторую смену. После уроков, особо не задумываясь, я решила отправиться в деревню домой.

В Бизяки из Бондюги было два пути – сверху, мимо деревень Бондюга и Сетяково, и снизу – через мелколесье в пойме Камы. Я выбрала первый путь, хотя он считался длиннее. Был теплый сентябрьский вечер, еще светило солнце. Дорога была пустынной, я шла одна на всю округу. Пока я поднималась к деревне Бондюга, расположенной на пригорке, были видны, как на ладони, и поселок Бондюга, и завод. Мне было весело, я прошла первых два километра довольно быстро. Однако стало стремительно темнеть,

село солнце. Все же с пригорка я успела разглядеть нашу деревню, что придало мне смелости. Часам к девяти, уже в темноте, я добралась до Сетякова. Это была крещенотатарская деревня, к жителям которой мы, не только дети, но и взрослые, относились настороженно. Чужой и чуждый для нас мир пугал меня, но оставшиеся три-четыре километра до дома были еще страшнее — впереди предстояло пройти два оврага и кладбище. К тому же я очень устала.

Я решила, что если увижу свет в каком-либо сетяковском доме, попрошусь переночевать, хотя я там почти никого не знала. Темно, ни в одном окне света не видно (тогда ложились рано — электричества не было, керосин для ламп расходовали экономно). На мое счастье, в одном из крайних домов я увидела слабый свет и постучалась. Открывшей мне дверь хозяйке дома сказала, что я дочь Хазея Махмутова из Бизяков, и попросилась переночевать. Его она знала, так как папа работал агентом по сельхоззаготовкам. Она уложила меня спать на нары, где уже спали несколько человек. Когда меня разбудили, все уже встали. Поблагодарив хозяйку, я пошла дальше домой. Помню, что я встретила колхозников, высаживавших березы на лесополосе между оврагами. Среди них была и Зафира апа, очень удивившаяся моему появлению на дороге. Думаю, что не меньше удивились и родители, когда около девяти часов утра я попала домой.

Так завершилось мое первое самостоятельное путешествие из Бондюги в Бизяки. Впоследствии в течение трех лет я проделывала его чуть ли не каждую неделю, но папа поначалу строгонастрого запрещал мне выходить на дорогу одной. Сначала он сам несколько раз по субботам приезжал на велосипеде, и мы возвращались вместе домой. Хотя сидеть на раме было не очень удобно, это было все же лучше, чем идти пешком. Несколько раз меня подвозили Азаль абый Файрушин и Тагзим абый Кулячев. Они были учителями в деревне Абалач или Илькино и, возвращаясь на воскресенье домой на велосипедах, догоняли меня у деревни Бондюга. Наступила зима. Папа нашел мне попутчицу — Гульзиян апа, работавшую в Бондюге и по субботам возвращавшуюся в деревню. С ней мы обычно шли нижней дорогой, через мелколесье в пойме Камы. Обратнo в Бондюгу я возвращалась в понедельник. Обычно с вечера папа находил в деревне попутчиков, отправлявшихся на лошади в Бондюгу по делам в понедельник, и пристраивал меня к ним в повозку, так что дорога на учебу была вполне комфортной.

Возможно, именно это примирило меня с неизбежной разлукой с родителями, с Алисой, с привычной домашней обстановкой.

Я оказалась единственной татаркой в классе, причем очень плохо говорившей по-русски. Я думаю, что если бы у меня была правильная разговорная речь, на это никто не обратил бы особого внимания (в то время национальная принадлежность вообще не играла особой роли). Одноклассники довольно быстро приняли меня в свою среду, только мальчишки вначале немножко передразнивали. Конечно, самолюбивой и очень обидчивой девочке, привыкшей первенствовать среди одноклассников, в такой обстановке было очень некомфортно. Я, хоть и «дичилась» и замкнулась в себе, обратно в деревню не просилась, понимала, что надо много заниматься. И тут мне помогли мои одноклассницы и, конечно, книги. Я много читала, теперь уже книги на русском языке. Их я брала и у Закии апа, которая покупала их для своих детей (у нее были дочь и сын моложе меня). Давали мне почитать книги и одноклассницы. Особенно запомнилась мне большая библиотека в доме Гали Куликовой, с которой мы сблизились благодаря любви к чтению уже позже, в 6–7-м классах.

Все девочки в классе с первого дня относились ко мне неплохо. Но самой лучшей моей подругой стала Вера Денисова. Она была отличницей, лучшей ученицей в классе. Возможно, ей первоначально поручили помогать мне освоиться в новой среде. Вера была очень доброй и обязательной девочкой, и вскоре мы с ней подружились. Все три года, которые я проучилась в Бондюжской средней школе № 1, мы с ней были неразлучными подругами. Наши пути разошлись после седьмого класса — Вера уехала учиться в город Миасс Челябинской области, где она поступила в горный техникум, а я поступила учиться в Елабужское педучилище.

Первую четверть в пятом классе я завершила с тремя «пятерками» (математика, география и немецкий язык) и тремя «двойками» по разговорным предметам (русский язык, литература и история). Хотя вторую четверть я закончила без «двоек», и в классе со всеми установились добрые отношения (даже мальчишки перестали меня дразнить), я никак не могла освоиться в школе. Я думаю теперь, что дискомфорт я чувствовала из-за учительницы русского языка, которая из-за отсутствия опыта или любви к своему предмету и к детям создавала обстановку отчужденности. Ее уроки были малоинтересными, формальными; ее раздражал каждый непра-

вильный ответ. Это чувствовала не только я, привыкшая в Бизьяках к иному отношению учителей к детям, но и все другие мои одноклассники. Но нам «крупно повезло». Молодая учительница по русскому языку с нового года ушла в декретный отпуск (возможно, именно этим ее положением объяснялось ее отношение к урокам и к нам).

С третьей четверти ее заменила пожилая учительница Мария Михайловна, бывшая уже на пенсии, как говорили, бывшая «земская учительница». Она не только сумела заинтересовать нас русским языком на уроках, но и проводила очень интересные дополнительные мероприятия, совершенствуя наши знания. Если первая учительница мои успехи почти «не замечала», проверяя лишь положенное, то Мария Михайловна, наоборот, «загружала на полную катушку», давая бесконечные задания: наравне с лучшими в классе учениками я писала рефераты, выступала с рассказами на конкретные темы, которые должна была сама составить. Во внеурочное время она проводила с нами обсуждение прочитанных по ее заданию книг. То мы собирали поговорки и пословицы, загадки, скороговорки, составляли и решали кроссворды, то писали сочинения на темы сказок, то ставили инсценировки... Думаю, что именно благодаря Марии Михайловне я почти в совершенстве владею русским языком и люблю его. Если любовь к родному языку и литературе привила мне моя мама, то именно Мария Михайловна помогла мне узнать красоту и богатство русского языка и привила любовь к русской литературе.

К окончанию пятого класса я уже приспособилась к самостоятельной жизни. У бабушки жизнь моя проходила спокойно, размеренно; наладились и мои питание, и быт. Отец с осени привозил картошку, а остальные продукты (мясо, молоко, масло) понемножку приносила из дому и я сама, да и папа тоже что-то привозил. Времена были суровые, было трудно не только с продуктами, но и с хранением их (о холодильниках мы даже не слышали). У меня был маленький чугунок для приготовления еды. Я до школы (мы учились во вторую смену) оставляла в нем очищенную картошку, остальное (это могли быть мясо, какая-то крупа или приготовленная мамой и высушенная лапша) добавляла бабушка и ставила в топившуюся печь. Если же добавить было нечего, тогда варилась лишь картошка, но к возвращению из школы меня всегда ждала теплая еда. Конечно, с сегодняшней точки зрения,

вряд ли такую жизнь можно назвать сытной, но я, во всяком случае, не страдала от голода.

Впрочем, так скудно тогда питались все. Вот, к примеру, обычный ужин в семье Метшиных. Закия апа и Ильяс абый приходили с работы поздно (как я уже писала, они были райкомовскими работниками). Закия апа на скорую руку готовила ужин (чаще всего, это была картошка «в мундире»). Все (взрослые и двое маленьких детей) садились за большой начисто выскобленный стол (клеенка появилась позже). Часто Закия апа приглашала и меня (я же жила только через коридор). Перед каждым из нас клалось две-три картошины и по большому куску хлеба. На блюдечке было немного растительного масла и соль. Вся эта неприхотливая еда исчезала со стола моментально. Дальше – чай в граненых стаканах. Если было, Закия апа перед каждым из нас троих насыпала по горсточке сероватого сахарного песка, и мы чаевничали, обмакивая оставшийся хлеб в этот песок.

Родители мне каждую неделю давали и какие-то небольшие деньги, на них можно было купить пирожки (с ливером или джемом) в школьном буфете. Но они практически были почти не съедобными – пережаренные, жесткие как подошва. В магазинах же покупать было нечего, были большие очереди и за хлебом. Зато была черная икра в большой деревянной бочке. Я, конечно, никогда ее раньше не ела, хотя с икрой была знакома. Ведь мы жили на Каме, и рыба и рыбные продукты бывали на нашем столе (мне особенно нравилась жареная икра речных рыб). И однажды, не видя на прилавке больше ничего съедобного, я решила купить черную икру. На имевшиеся у меня деньги продавщица взвесила мне граммов сто икры, завернув ее в плотную бумагу. Однако икра эта оказалась настолько соленой, что ее без хлеба или чего-то подобного невозможно было есть. Все же я ее не выбросила, а сложила в кармашек портфеля и, когда очень хотелось есть, брала в рот несколько икринок и сосала. Этот деликатес мне совсем не понравился, но именно поэтому мне его хватило надолго, и даже портфель мой пропитался его запахом основательно. День, когда в Бондюге оказывался папа, для меня превращался в праздник: он водил меня в заводскую столовую, где мы ели пельмени и пили компот. Дома в деревне мама также старалась встречать меня какой-то вкусной едой. Для меня же самой вкусной едой была печеная картошка. Что бы ни было вкусного на столе (даже будь это

балиш и другие пироги), я просила: «А печеная картошка есть?». И только съев одну-две картофелины, переходила к другим яствам.

Так прошло три года. В психологическом плане привыкание к самостоятельной жизни было для меня очень сложным. Приходя домой по субботам и попадая в привычную обстановку, я отдыхала душой и телом, но не успевала расслабиться, как вновь нужно было отправляться в чужую среду. Фактически я жила между двумя мирами — татарско-деревенским и русско-городским (Бондюга в то время была поселком заводского типа и районным центром). Мне этот переход давался с таким трудом, что, возвращаясь домой, мне уже никуда не хотелось уходить из дому. Бывшая в деревне очень общительной и открытой для всех девочкой, я постепенно замкнулась в себе, научилась скрывать свои горести и беды, «ушла» в книги.

Постепенно я отходила и от своих деревенских подружек. И только в каникулы и праздники я могла общаться с ними. Так, когда я училась в шестом или седьмом классе, во время майских праздников мы организовали «карга боткасы (воронью кашу)», устраиваемую в честь прихода весны, летом ходили за ягодами... Но в деревне дети выросли быстрее, и 13–14-летние девочки (я уже говорила, что в классе все были старше меня на 2–3 года), с которыми я рассталась при переходе в Бондюжскую школу, за эти три года превратились в девушек. Они уже не только были полностью заняты домашними делами, но и интересы у них изменились, особенно когда они закончили седьмой класс и на деле стали считаться взрослыми.

Я не смогла полностью войти и в круг интересов заводских девочек. Причина была та же — я не могла участвовать во внеклассных играх, которые большей частью проходили в субботу-воскресенье, когда я уходила в Бизяки. Я была дружна лишь с двумя-тремя девочками. Кроме Веры и Гали это была новенькая девочка — пришедшая к нам в шестом классе Роза Гильмутдинова, переехавшая в Бондюгу вместе с родителями с Украины. Она не говорила по-татарски, но и по-русски разговаривала с сильным украинским акцентом, что ее также отдаляло от остальных. Нас, вероятно, сблизило то, что мы были не заводскими. В шестом-седьмом классах я продолжала хорошо учиться, в свидетельстве об окончании седьмого класса было лишь две «четверки» — по геометрии и физкультуре.

Весной — летом 1951 года родители решили перестроить дом. Построенный в 1920 году еще дедом Махмутом, он довольно-таки обветшал и требовал ремонта — нужно было заменить подгнившие нижние звенья сруба. Была и другая причина. Освободился участок перед нашим домом, выходящий на улицу (как я уже писала, наш дом находился в проулке), и родители решили передвинуть дом и хозяйственные постройки на этот участок. Так что лето-осень этого года выдались хлопотливыми.

Были и хлопоты другого порядка. Этой весной я окончила седьмой класс, и на семейном совете решили, что я буду поступать в Елабужское педучилище. Дело в том, что к этому времени старшие брат и сестры уже жили отдельно от нас. Шариф абый служил в армии и жил с семьей в Карелии, Назия апа вышла замуж за односельчанина Насифуллина Гарая, а Рамзия апа с семьей жила в Березниках. У родителей же было слабое здоровье, а им нужно было еще вырастить нас троих — двухлетнюю Анису, одиннадцатилетнюю Алису и меня. Мне исполнилось 14 лет, и родители решили, что пока они в силах содержать нас, нужно, чтобы я получила надежную профессию в Елабужском педучилище.

Я согласилась и приняла это как должное, так как еще в семь лет решила стать учительницей. К тому же и моя подруга Вера тоже решила поступать в техникум. В Елабуге жили мамин брат Шагвали абый с семьей и бабушкой Сарой. Передав меня на попечение бабушки, родители продолжили хлопоты со строительством дома. Бабушка, почти не знавшая русского языка, тем не менее сопровождала меня всюду — и в фотографию, и в приемную комиссию... Сдав успешно вступительные экзамены, я стала жить в Елабуге в общежитии. Алиса же повторила мой путь — ее отдали в пятый класс той же русской школы в Бондюге. Таким образом, в Бизьяках остались только родители и маленькая Аниса.

Следующие четыре года — время моего взросления — прошли в небольшом старинном уютном городе. В те времена жизнь в Елабуге мало чем отличалась от деревенской — многие жили своим хозяйством, держали домашнюю живность, по утрам даже собиралось стадо и уводилось за город... Теперь я еще реже бывала в деревне: ее от Елабуги отделяли 35 км; чтобы добраться до нее, точнее, до Бондюги (а дальше ждал уже привычный пеший путь), нужно было часами ждать попутную машину. Мы забирались в загруженный кузов и с ветерком добирались до деревни Мунайка

или, если повезет, до Бондюги. Об опасностях (технике безопасности) тогда никто не думал. Но такие поездки случались редко, так как не успеешь добраться до дому, уже нужно собираться обратно. Кроме того, в сентябре и все воскресенья до зимы мы были заняты на уборке урожая в подшефном колхозе им. Бехтерева. Сократились и мои летние каникулы — один месяц мы также должны были «отрабатывать» в подшефном колхозе им. Бехтерева в деревне Сарали. Так я продолжала все больше отдаляться от родной деревни.

В 1955 году я окончила педучилище и получила диплом учительницы начальных классов. Наш выпуск был последним — существовавшее с 1917 года Елабужское педучилище было закрыто, учащиеся первого-третьего курсов были переведены в другие училища (татарское отделение — в Мензелинск, русское — в Тетюши). Работавший в Елабуге учительский институт, выпускавший учителей для неполных средних школ, еще в 1953 году был преобразован в пединститут, в котором было два факультета. Родители хотели, чтобы я продолжила в нем свое образование, но я хотела сначала поработать в школе. После долгих споров родители были вынуждены уступить. В результате с 15 августа 1955 года я стала учительницей первого класса школы № 50 города Казани.

Вся моя дальнейшая жизнь связана с Казанью. Здесь я десять лет проработала в школе, в 1965 году заочно окончила истфилфак Казанского университета. Была принята в том же году в аспирантуру по кафедре истории СССР, защитила в 1971 году кандидатскую диссертацию на тему «Борьба за женское светское образование у татар (1861–1917 годы)». С 1967 по 2010 год преподавала в университете: была ассистентом, старшим преподавателем, доцентом. Сейчас на пенсии. Уже прошло более 60 лет, как я окончательно уехала из деревни. Однако не было года, чтобы я не приезжала в Бизяки хотя бы на несколько дней. Естественно, что во время своих приездов я всегда интересовалась изменениями, происшедшими в деревне, в какой-то мере принимая участие в сельской жизни: помогала родителям в заготовке сена и дров, участвовала вместо мамы в субботниках и воскресниках, которые были обязательными для учителей даже во время их отпусков, и т.д.

Изменения в жизни деревни

После окончания войны солдаты не все сразу вернулись домой. Мы все с нетерпением ждали их возвращения. Сначала вернулись израненные, ставшие инвалидами по ранению, потом демобилизованные бизякинцы старших возрастов. Особенно много солдат вернулось в 1945–1947 годах. Возвращению отцов и братьев, соседей и знакомых мы, детвора, радовались ничуть не меньше взрослых. Мальчишки, которым в качестве подарка перепали пилотки и ремни от отцов и братьев, неизменно гордо носили их. Все пересказывали друг другу услышанное от вернувшихся, обогатились и наши игры. По подсчетам Хай абый Гильфанова, из 639 бизякинцев, участвовавших в Великой Отечественной войне, домой вернулись 469 человек, 170 бизякинцев погибли или пропали без вести. Молодые же фронтовики, в основном призванные в 1944–1945 годах, оставались служить в армии до начала 50-х годов. Некоторые (неженатые) мужчины оседали в городах, предпочитая любую работу, лишь бы не возвращаться в колхоз.

С жизнью деревни в эти годы я была знакома поверхностно, в основном, по разговорам родителей. В первые послевоенные годы в деревне жилось не менее трудно, чем в годы войны. Менялись председатели сельсовета и колхоза. Дольше всех — с 1946 по 1954 год — председательствовал в колхозе Гильфанов Нуриахмет абый. Это было очень тяжелое время для всех. Также засушливыми, как 1946, оказались 1948 и 1949 годы. Деревне с оскудевшей за годы войны материально-технической базой приходилось очень трудно. Не было техники — тракторов и машин. Требовали ремонта производственные помещения и сельскохозяйственная техника. Остро ощущалась нехватка всего: лошадей, семян, кормов, рабочих рук. Сохранялся обязательный минимум трудодней, повышенный еще в 1942 году. За его невыполнение колхозники могли подвергнуть уголовному наказанию или лишить приусадебного участка. При этом произошло резкое снижение ценности трудодня по сравнению с довоенным временем. Именно тогда трудодни стали называть «палочками». Если по ним колхозники что-то и получали, то только после полного расчета колхоза с государством.

После окончания войны люди справедливо ждали государственных решений по облегчению условий жизни. Ряд таких решений в стране был действительно принят и осуществлен. В самом

конце 1947 года была отменена карточная система и проведена денежная реформа. Начиная с 1947 года, ежегодно снижались цены на товары повседневной необходимости и продукты питания. Я помню, как мы с нетерпением ждали этого снижения. Однако эти мероприятия не приводили к заметному улучшению материального положения людей. На их благосостоянии неблагоприятно сказывались налоги и ежегодно проводимые займы. Принудительная покупка государственных облигаций сильно ухудшала и без того тяжелое положение сельчан. Чтобы найти средства для уплаты всевозможных налогов и займов, сельчане продолжали искать приработки. Это было то же плетение корзин для Бондюжского завода, сбор плодов шиповника и калины, благо мелколесье в пойме Камы было богато этими необходимыми для аптечного производства ягодами. Бизякинцы несли в Бондюгу для продажи молоко, масло, катык и яйца, по сути отбирая их у своей семьи.

Работая с похозяйственными книгами, хранящимися в архиве Бизякинского сельсовета, я обнаружила вложенный в одну из книг заполненный черновик единовременного отчета о возрастном и половом составе населения деревни Бизяки на 1 января 1948 года. Думаю, что к этому времени подавляющее большинство фронтовиков уже вернулось домой, и мы сможем сопоставить довоенные и послевоенные цифры, чтобы выяснить изменения, произошедшие в составе населения деревни. Рассмотрим, что представляло население послевоенной деревни по этим данным. Всего в Бизякинском сельсовете к 1 января 1948 года числилось 386 хозяйств колхозников, в том числе наличных хозяйств было 355, 31 хозяйство пустовало; наличного населения в семьях колхозников было 1437 человек, отсутствовал 51 человек. Сравнивая эти данные с приведенными выше сведениями за 1940 год, мы увидим значительные изменения, которые произошли за годы войны. В 1940 году в колхозе имени Сталина было 447 хозяйств, в которых числилось 1839 душ. Следовательно, число хозяйств за годы войны уменьшилось на 92, или на 20,6%, число душ – на 402, или на 21,9%.

Кроме колхозников, в Бизяках жили служащие, кооперированные кустари и рабочие. Таких хозяйств было 42 (из них 33 наличных, 9 пустовавших). В них числилось 109 человек, 28 отсутствовало. Единоличников было 6 хозяйств (13 человек); в 4 хозяйствах временно проживало 15 человек. Таким образом, к 1 января

1948 года в деревне было 438 хозяйств (392 наличных и 42 пустующих), в которых учтено было живущих в деревне 1571 человек и 83 отсутствующих. Всего к 1 января 1948 года в деревне проживало 647 мужчин и 924 женщины. Интересные наблюдения мы также получим, обратив внимание на возрастной состав жителей деревни.

Таблица № 17

Возрастной и половой состав населения Бизяков к 1.01.1948 г.

Годы рождений	Мужчины		Женщины		Всего
	абс.	в %	абс.	в %	
1938-1947	150	48,5	159	51,5	309
1928-1937	241	49,6	245	50,4	486
1927-1918	54	30,5	123	69,5	177
1917-1908	49	29	120	71	169
1907-1898	54	34,6	102	65,4	156
1897-1893	21	48,8	22	51,2	43
1892-1888	34	38,6	54	61,4	88
1887 и ранее	44	30,8	99	69,2	143
Всего	647	41,2	924	58,8	1571

Безусловно, среди выбывших из деревни за годы войны людей (более 20%) были не только погибшие на войне, но и умершие от голода и болезней. Не нужно забывать также, что какая-то часть мобилизованных на заводы-фабрики и стройки бизякинцев закрепилась на них. Не вернулась в Бизяки и какая-то часть солдат. Если мы возьмем первые две младшие возрастные группы, не участвовавшие в войне, то увидим, что количество мужчин и женщин в них примерно равное: 150:159, 241:245. Мужчины старших возрастов (1893—1897 годов рождения), хотя и попали под призыв в 1942—1944 годах, чаще привлекались на тыловую службу и в обоз, да и жизненного и боевого опыта у них было больше. Поэтому разница между количеством мужчин и женщин в шестой группе не столь разительна. А заметная разница числа женщин и мужчин в двух последних группах показывает, по-моему, что женщины более стойки к испытаниям жизни — они и тогда жили дольше мужчин.

В третьей-пятой группах призывного возраста (1898—1927) картина совсем другая; особенно это заметно при рассмотрении процентного соотношения мужчин и женщин в них. Мужчины в этих группах составляют лишь от 29 до 34,6%, тогда как женщины занимают от 65,4 до 71%, т. е. в этих группах мужчины составляют треть, женщины — две трети жителей. Следовательно, в этих трех

группах каждая вторая женщина — это вдова или не вышедшая замуж девушка, чей предполагаемый жених остался на поле брани. На мой взгляд, именно они в военные годы и после нее принесли самую большую жертву. Именно они и оставшиеся без отцов дети понесли самую большую утрату, если можно так выразиться, оказались самой обиженной частью населения страны.

В годы войны все женщины одинаково несли тяжести войны. Однако после войны они оказались в разных «весовых» категориях. Женщины, у которых вернулись мужья и сыновья, были счастливы уже тем, что они смогли увидеть их, испытать с ними радость совместной жизни. Если даже их мужья вернулись израненными, инвалидами и недолго прожили после войны, их мужья вернулись живыми, вернулись победителями. Конечно, смерть близкого — это большое горе, но есть и утешение для оставшихся — они похоронили их на родной земле. А вдовы? Хорошо еще, если они получили «похоронку», где сообщались место и время гибели мужа или сына. Казалось бы, что уж тут может быть хорошего? Оказывается, в жизни возникают и такие ситуации, когда известие о смерти может быть добром...

А сколько женщин — жен, матерей — и детей, не зная о судьбе своих близких, годами были вынуждены выдерживать унижения и обиды. Была такая большая категория солдат, объединенная термином «пропавшие без вести». Здесь были и попавшие в плен, и погибшие на полях сражений и в большинстве оставшиеся на местах сражений не похороненными, особенно в период отступления в первые годы войны. Их уже в годы войны безо всяких доказательств стали называть предателями Родины, что сказалось и на судьбе их родных и близких. Такое отношение продолжалось и после войны еще в течение почти двух десятилетий. Я думаю: может быть, желание рядовых участников войны поскорее забыть о ее тяготах было из-за какого-то чувства неловкости перед погибшими и пропавшими без вести и их родными за то, что они выжили?

Только успела я написать об этих своих раздумьях, как на сайте «бизяки.рф» обнаружила новый материал, опубликованный Рашимом Калимуллиним. Это список 170 пропавших без вести бизякинцев, составленный 13 января 1947 года Бондюжским райвоенкоматом. Хочу подчеркнуть, что военкомат составил этот список не для помощи и поддержки их родственникам, а совсем наоборот, для

ограничения их прав. Нужно добавить также, что в последующем оказалось, что среди них было немало оказавшихся в плену или погибших на полях сражений в 1941–1942 годах. Мы знаем, что и сейчас еще, спустя семьдесят лет после войны, нет-нет да находят останки таких без вести пропавших...

Вынужденные с утра до вечера почти бесплатно работать на государство, крестьяне жили впроголодь и испытывали лишения и нужду в повседневной жизни. У многих за время войны обветшали дома. Средств же на ремонт, а тем более на новое строительство, не было. Жители села стремились использовать любую возможность, чтобы уйти от тяжелой крестьянской доли. Но сделать это было совсем непросто. Крестьяне по-прежнему не имели паспортов и, по сути, находились в полукрепостном состоянии. Возможность легально уйти из деревни представляли так называемые оргнаборы на фабрики и заводы, на шахты и строительство, в рыболовецкие хозяйства Дальнего Востока, Камчатки и Сахалина, регулярно проводившиеся среди сельского населения, а также учеба в средних и высших учебных заведениях и служба в армии.

В основном сельчане жили за счет личного подсобного хозяйства. Но и здесь правительство пошло по пути ограничения — у колхозников были отобраны полевые участки, розданные в годы войны. Были резко повышены налоги на приусадебные участки. Сокращение личного подсобного хозяйства сельчан сразу после войны привело к негативным последствиям не только для них. Сокращалась и продукция, поступающая из деревни на рынки в городах и рабочих поселках. По рассказам родителей я знаю, что каждый двор должен был поставить государству строго определенное количество молока, мяса, яиц, шерсти. Зачастую крестьяне должны были сдавать государству даже те виды сельскохозяйственной продукции, которую не производили в своем хозяйстве. Были повышены сборы и налоги с доходов от продаж на колхозных рынках. К тому же торговать своей продукцией колхозники могли лишь при выполнении хозяйством государственных поставок. Напомню, что папа работал агентом по сельхоззаготовкам, и по мере взросления я стала помогать ему в его подсчетах. И поэтому я знала воочию об этих трудностях, выпавших на долю крестьян. Тяжелое положение в деревне стало немного выправляться лишь после смерти Сталина.

Конец 1950-х — начало 1960-х годов, вошедшие в историю как эпоха Н. С. Хрущева, — это время, когда в области сельского

хозяйства шли бесконечные преобразования — выделение и организация особых сельскохозяйственных районов и областей, укрупнение — разукрупнение колхозов и совхозов и т.д. Естественно, ни одна деревня, ни один колхоз не могли остаться в стороне от этих преобразований-потрясений. В конце 50-х годов был укрупнен и колхоз имени Сталина. В его состав вошли колхозы «Труженик» (Икское Устье), «Игенче» (Сетяково), «Первое мая» (Тат. Текашево) и «Красный Октябрь» (Мар. Текашево). Даже после разоблачения культа личности колхоз еще долго носил имя Сталина и получил новое название — колхоз «Кама» — только в конце 1970-х годов.

Необходимо сказать и о хрущевских реформах, способствовавших улучшению благосостояния населения. В 1954—1958 годах были повышены заготовительные и закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, снижены нормы ее обязательных поставок, с колхозов списаны задолженности. Были отменены обязательные займы, все виды платы за обучение в средних и высших учебных заведениях. Благодаря всем этим мерам несколько увеличились и доходы сельчан.

В 1954 году Нуриахмет Гильфанов, достаточно результативно наладивший работу в колхозе родной деревни, был переведен председателем в другой колхоз. После него, в 1954—1957 годах, председателем колхоза им. Сталина работал бывший до этого председателем сельсовета Галимзян Шакиров, в 1957 году председателем колхоза стал Багаутдинов Касыйм. В феврале 1958 года председателем колхоза в Бизьяках стал Ахмеров Баян Валеевич (1914—1992). Уроженец деревни Кузякино Актанышского района, он в 1930—1940 годах был работником народного просвещения, в 1940—1957 годах находился в рядах Красной (Советской) Армии, участник Великой Отечественной войны (имеет ордена Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медали). Баян Валеевич стал председателем колхоза им. Сталина в числе «тридцатитысячников», направленных на село.

Отдавший семнадцать лет своей жизни армии, Б. В. Ахмеров и в Бизьяках, чьи жители славились неуступчивым характером, оказался умелым организатором, строгим и требовательным к себе и другим работникам. Будучи опытным воспитателем, большое внимание он уделял созданию коллектива руководящих кадров, прежде всего, подбору и воспитанию работоспособных членов

правления, обучению кадров механизаторов и животноводов. Например, когда самая работающая мужская часть колхозников начала в массовом порядке уходить в нефтегазовое производство, в колхозе были организованы курсы трактористок, куда было направлено около двадцати женщин. В 1971 году пятнадцать из них вошли в женскую бригаду трактористок (Ахметзянова Файруза, Ганиева Маугида, Зиннатуллина Мугаллима, Исмагилова Файруза, Мухаметдинова Мавлиха, Салимуллина Миннияма, Салимуллина Фатима, Хабибуллина Сазиды, Шаймарданова Газзабика, Шакирова Маулида, Шарафутдинова Наталья, Шаяхметова Наджиба и др.).

Об их успехах не раз рассказывали в радио- и телепередачах, появлялись статьи и фотографии в газетах и журналах. Восемь трактористок из этой добившейся значительных успехов и прославленной бригады в 1975 году были участницами слета передовиков сельского хозяйства в Москве. Приведу отрывок из воспоминаний Маулиды Шакировой, проработавшей на тракторе пятнадцать лет. Эти воспоминания были помещены на сайте «бизяки. рф» в записи Р. Мирзаяновой в ноябре 2016 года: «За руль «железного коня» я села в 1975 году, будучи на третьем месяце беременности. Нас в бригаде было пятнадцать женщин, работали слаженно и дружно. Управлять техникой учил Ахат Шаймухаметов. Он наверно мог бы нами гордиться: каждая из нас оказалась примерной ученицей. Мы не только лихо водили трактор, со временем освоили и ремонтные дела... Из той бригады, которая была известна не только в районе, но и за его пределами, теперь уже мы остались в живых только троим – Маулиха Мухаметдинова, Файруза Исмагилова и я».

В 1960-х годах на бизякинских полях появилась новая культура – кукуруза. Бизякинцы уже в первые годы ее возделывания стали добиваться значительных успехов. Для примера приведу несколько отрывков из «Репортажа с кукурузных полей колхоза имени Сталина», опубликованного в газете «Яңа Кама»: «Приятно видеть сладкие плоды своего труда. И председатель колхоза товарищ Баян Ахмеров переживает такие радостные минуты. Вот он стоит на кукурузном поле среди скрывающих его с головой зеленых растений и строго смотрит, как бы говоря: «Если постараемся, мы еще и не такой урожай получим». Видимо, председатель не хочет довольствоваться только достигнутым».

После этих слов автор репортажа через фотоснимки знакомит читателей с Б. В. Ахмеровым и передовиками кукурузоводов. В га-

зете помещены также фотографии бригадира Икско-устынской бригады Ермолиной, мастера-кукурузовода Миннахмета Халикова и звеньевых Фарита Салахетдинова, получивших по 400–500 центнеров зеленой массы с гектара. Справедливо будет отметить, что в артели имени Сталина из года в год все больше внимания уделяется возделыванию кукурузы. Здесь не только выращивают богатый урожай, но и по-хозяйски заботятся о его хранении. Еще до уборки урожая кукурузы в колхозе были хорошо подготовлены места для ее силосования. Для этого были выкопаны и новые траншеи. Автомшины без остановки возят сюда зеленую массу, — отметил автор. — И механизаторы, участвующие в скашивании зеленой массы, работают бережно, помня об усердном труде кукурузоводов. Они каждый день скашивают по 6–7 гектаров кукурузы. Уже скошена для силосования зеленая масса с 75 гектаров».

На самом деле, и в моей памяти сохранились ярко-зеленые кукурузные поля, издавлек привлекая внимание. При приближении к ним они напоминали густой лес, встающий перед путником сплошной непроходимой зеленой стеной — так высоки были невиданные до тех пор в наших краях растения. Перед достигавшими в высоту 2,5–3 метров величавыми стенами человек невольно останавливался.

Б. В. Ахмеров проработал на посту председателя колхоза двадцать пять лет (с 1958 по 1983 год). За свой самоотверженный труд он был награжден орденами Знак Почета и Октябрьской революции. При Б. В. Ахмерове колхоз превратился в передовое хозяйство. Когда он принимал колхоз, в нем было три трактора, три комбайна, три автомшины, 325 голов крупного рогатого скота, 574 овцы, 315 свиней. Через 20 лет в колхозе было 20 гусеничных тракторов, 20 колесных тракторов, 17 комбайнов «Колос» и «Сибиряк», 13 грузовых автомашин. На фермах насчитывалось 1850 голов крупного рогатого скота, 1100 овец, 700 свиней, 3500 кроликов. В колхозе было 4800 гектаров пахотных земель, 1800 гектаров заливных лугов [Яна Кама, 1977, 7 нояб.]. В начале 80-х годов средний урожай зерновых культур достиг 20 центнеров с гектара, удой на корову — 3000 литров.

Конечно, все эти достижения не нужно связывать только с именем талантливого организатора. Это был период хозяйственных и социальных реформ в стране, довольно активного социально-экономического развития города и села. К тому же, пребывание

Б. В. Ахмерова на посту председателя крупного колхоза совпало с интенсивным развитием в регионе нефтегазодобычи. С начала 50-х годов в Бизьяках и округе появились первые искатели нефти – бурильщики. 20 мая 1955 года произошло знаменательное событие – из скважины № 15, пробуренной у деревни Сетяково, в трех километрах от Бизьяков, забил первый фонтан нефти. Так было открыто нефтяное месторождение, получившее название Бондюжского. Выходящий вместе с нефтью на поверхность попутный газ тогда просто сжигался. С каждым годом все больше факелов горело вокруг Бизьяков – по ним мы узнавали, сколько еще скважин стало давать нефть.

Для того, чтобы весь этот сжигаемый газ начал служить народному хозяйству страны, понадобилось еще несколько лет. По мере расширения нефтегазодобычи стало возможным создание нефтегазодобывающего управления «Прикамнефть». Первые 6600 тонн нефти молодой нефтепромысел отправил на барже по Каме в сентябре 1958 года. В двух километрах от Бизьяков возник сборный пункт, куда собиралась нефть со всей округи. Отсюда начинался проходивший под руслом Камы нефтепровод Бондюга – Альметьевск, запущенный в 1961 году.

Вместе с нефтью в наши края пришла промышленная и бытовая электроэнергия. Можно сказать, что с 1961 года началась новая эпоха в истории нашей деревни. Электрификация села послужила основой для создания современной материально-технической базы всех отраслей производства в колхозе. Были построены крупные животноводческие комплексы, на которых предусматривались механизация и автоматизация всех производственных процессов. Появился крупный машинный двор со сложным набором техники. Резко возросло применение минеральных удобрений.

Интенсивное развитие нефтедобычи в районе способствовало появлению в деревне благ цивилизации – электричества, дорог с твердым покрытием и т.д. Были построены объекты социально-бытового назначения. Ставшей средней еще с 1 сентября 1951 года Бизьякинской школе было тесно в старых стенах, которые, к тому же, значительно одряхлели. В 1961 году начали строить новое здание школы на новом месте, на этот раз у въезда в деревню со стороны Бондюги. Из-за недостатка средств строительство затянулось. Только с осени 1967 года школа заработала на новом месте. В этом же году был построен новый клуб. В 1967–1968 го-

дах на улицах появились колонки с артезианской водой. В домах некоторых бизякинцев появился сжиженный газ в баллонах. Газификация же всей деревни произошла намного позднее.

Бытовое электричество пришло в деревню летом 1961 года. В дома провели электричество по самому простому принципу — установили на потолке одну висячую лампочку и на стене выключатель к ней. Все остальное хозяева должны были проводить сами. Например, в нашем доме-пятистенке нужно было, по меньшей мере, установить еще три лампочки и столько же выключателей и розеток. Специалистов-электромонтеров же в деревне не было. Лишь несколько сельских самоучек занимались этим делом. Дел у них было невпроворот, заказов много. Я как раз в эти дни приехала в отпуск к родителям. Папа в течение недели или двух искал по деревне монтеров, и, отчаявшись, предложил мне взяться за это дело. Я сначала категорически отказалась, но родители оказались очень настойчивы.

И я вынуждена была согласиться (мама с детства внушала мне: «То, что может сделать человек, ты тоже должна смочь; нужно только не трусить»). Вооружившись книгой «Домоводство» и справочниками, взятыми у учителя физики Фoaта Кулячева, я сначала изучила теорию, а затем приступила к практическому осуществлению этого для меня невысказанного дела. Как ни странно, у меня это получилось: я осталась жива сама, и пожар в доме не случился! Мама оказалась в очередной раз права. Когда М. Ш. Шаймиев выдвинул лозунг «Без булдырабыз!», я сразу вспомнила мамины слова «син булдырасын»; по-видимому, это был один из столпов национального воспитания детей в семье: любой человек должен и может сделать все, что делает другой. Проводка, выполненная мной, служила нашей семье еще десятки лет безотказно.

В то же время нужно отметить, что вместе с развитием нефтегазодобычи появлялись и серьезные проблемы для колхоза и населения — были изъяты из обращения значительные массивы пахотных земель, загрязнялись нефтью водные источники (я помню гусей и уток, которые на Бизякинке пачкались нефтью). Но самой значительной для колхоза, наверное, стала кадровая проблема: все больше бизякинцев становилось нефтяниками. А это еще больше затрудняло подбор кадров в колхозе.

В эти годы и правительством был предпринят ряд мер для восстановления справедливости по отношению государства к сельскому населению. Пожалуй, наиболее значимым социальным

достижением тех лет было введение единой системы государственного пенсионного обеспечения колхозников принятием закона Верховного Совета СССР от 15 июля 1964 года «О пенсиях и пособиях членам колхозов». В это время я была в Бизьяках и помню, как к нам приходили десятки пожилых людей, в основном женщин: кто-то за советом, кому-то нужно было написать заявление в отдел социального обеспечения, кому-то — подтвердить стаж работы. И наши родители, по мере возможности, помогали всем (много заявлений от имени приходивших к нам сельчан написала и я).

Появление в деревне электричества открыло новые возможности для обустройства жизни сельчан. Стремясь зажить по-новому, бизякинцы по мере своих возможностей стали обустраивать свой быт, используя достижения цивилизации. Это было сопряжено с немалыми трудностями. Во-первых, они были связаны с малыми доходами большинства сельчан. Во-вторых, даже имея достаток (прежде всего, в семьях, члены которых работали на «нефтянке» и имели постоянный доход), невозможно было приобрести в открытой продаже необходимое в домашнем хозяйстве оборудование. Это было связано с тем, что промышленность, выпускавшая бытовую технику, не поспевала за растущим спросом населения. Именно в эти годы слово «достать» на практике заменило слово «купить»: «доставали» все — от одежды и обуви и продуктов питания до бытовых приборов и т.д.

Да, в 60–80-х годах жизнь в стране (а не только на селе) изменилась в корне. Менялась она и в нашей деревне прямо на глазах. У сельчан рос достаток. Все больше строилось новых домов. Они обустраивались уже по-новому, как говорили у нас, «по-городски». Исчезали старые, сколоченные самими хозяевами или сельскими умельцами столы и стулья, нары, топчаны и полати. Вместо них появлялась фабричная мебель — кровати и диваны, шкафы и зеркала, столы и стулья. Применяемые веками для хранения продуктов погреба-ледники стали заменяться холодильниками. Относительный достаток позволил сельчанам лучше питаться и одеваться. Изменилась и одежда сельчан, лишаясь национальных особенностей и приобретая все больше ранее присущий лишь городским жителям общий вид. Вместе с электричеством в домах стали появляться и радиоприемники, и электропроигрыватели, а затем и телевизоры.

В конце 50-х — начале 60-х годов выпускники Бизякинской средней школы устремились в города для продолжения учебы

в техникумах и технических училищах, институтах и университетах. Конечно, и до этого бияркинцы получали среднее и высшее специальное образование, но это, как правило, были учителя, учившиеся на заочных отделениях вузов Елабуги и Казани без отрыва от своей работы. А новые поколения их выпускников пошли дальше: поступая на очные отделения, они становились настоящими студентами. Этому способствовало как появление достатка у сельчан, так и развитие сети студенческих летних строительных отрядов, работа в которых помогала молодежи, не обременяя родителей, получать средства для жизни и продолжения учебы.

Первыми из бияркинцев на очных отделениях высших учебных заведений Казани и Москвы стали учиться Тазиев Рифкат (1943 г.р., лечфак Казанского медицинского института), Набиуллин Мансур (1944–2000), Казанский авиационный институт), Мухаметзянова Сабира (1945 г.р., стоматфак Казанского медицинского института), Ахметов Мансур (1939–1985, спецфак Московского лесотехнического института). Окончив учебу в вузах и начав работать по специальности, они находили время и для научных изысканий, не переставали совершенствовать свои знания, защитили кандидатские и докторские диссертации. К сожалению, физик-атомщик, кандидат технических наук Мансур Габдуллович Ахметов прожил очень мало. Получив в ходе испытаний большую дозу радиации, он скончался, едва достигнув 46 лет. Набиуллин Мансур Каримович тоже ушел от нас рано, хотя, работая в Сибирском отделении АН СССР, успел защитить кандидатскую, а затем и докторскую диссертации и стать в 1994 году заведующим кафедрой практической механики Иркутского государственного университета. Наиболее благополучно и успешно сложились жизнь и деятельность Тазиева Рифката Мингазовича. Профессор, доктор медицинских наук, хирург-онколог высокой квалификации, он и сегодня еще весьма востребован.

В эти же годы в Елабужском педагогическом институте учился и Марсель Гимазетдинов (1943–1993) – будущий успешный руководитель нескольких колхозов и поэт, воспевавший в своих стихах красоту родной земли. В целом немало бияркинцев, окончив вузы и техникумы, стали прекрасными специалистами, знатоками своего дела. Десятки бияркинцев достойно носят звание заслуженного работника в своей отрасли (подробнее о них можно прочитать в книгах С. Тазиева, Р. Мухутдиновой, а также на сайте «биярки.рф» в интернете).

К концу 60-х годов в вузах и техникумах обучались уже десятки бизякинцев. Это становилось особенно заметным летом, когда студенты съезжались на каникулы в деревню. Они привозили из городов много нового, что меняло и жизнь сельской молодежи. Так, в эти годы все меньше становилось парней, по вечерам гулявших по деревне с песнями под гармошку. Все больше становилось молодежи, которая вечерами обходила деревню под иностранную музыку, доносящуюся из магнитофонов. Изменились даже вечера, проходившие в клубе: вместо прежних общих танцев (таких, как «очле-тройка», «бишле-пятерка», «сигезле-восьмерка бию» и др.) появились парные «городские» танцы, такие, как вальс, фокстрот, танго, твист, шейк, пришедшие с Запада. Если в 50-х годах «крутые» парни оседлали велосипеды, в 60-х годах в моду все больше входили мопеды и мотоциклы (их в деревне называли «матай»).

Если взять в целом, то именно 1960–1980-е годы стали переломными в жизни нашей деревни. И как у любого явления, и у этого перелома были свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, эти годы были периодом успешного социально-экономического развития села. Очень плодотворно работала и средняя школа: в первой половине 70-х годов в ней было 28 классов, в которых 33 учителя обучали 630 учеников. Бизякинская средняя школа была признана одной из самых успешных школ района, являлась базовой школой Елабужского пединститута.

Из воспоминаний Махмутовой Анисы, в 1971 году после окончания Елабужского пединститута начавшей работать в родной школе. «Окончив институт, я вернулась в деревню. Родители уже на пенсии, пожилые. Как когда-то мама, я молодая учительница. 16 августа приступила к работе. Это уже не старая школа на горе, в которой я училась. Школа уже работала в недавно построенном новом здании. Конечно, было несколько страшновато работать вместе с учителями, которые учили меня, — вспоминает сестра. — ... Учащихся очень много, работаем в две смены. Учительский коллектив большой, работы много, особенно общественной. У нас была очень активная, интересная жизнь. Концерты, спектакли, выступления по колхозному радио с новостями и сводками. Тут же организовывали выступления самодеятельных артистов по радио. Выпуск прожекторов, организация субботников и т.д., и т.п.»

Активны были не только учителя. Можно сказать, что жизнь в деревне в эти годы была ключом. Но, с другой стороны, именно

в этот период и наши Бизяки начали втягиваться в процесс урбанизации. Начался отток населения из деревни в города. Это, конечно, был общий процесс в целом по стране. В Бизяках же этот процесс был тесно связан с бурным промышленным развитием края. Для больших строек, развертывавшихся в Нижнекамске, Набережных Челнах, Елабуге, требовалась рабочая сила. Если в 50–60-е годы ставшие нефтяниками и газовиками бизякинцы продолжали жить в деревне, то стройки в соседних городах стали забирать из деревни молодежь «с корнем». Получив среднее образование, большая часть молодежи устремилась в технические училища, открытые при строящихся заводах для подготовки кадров. Приобретя специальность, они начинали работать на заводах и жить в общежитиях, приезжая в Бизяки к родителям только на выходные.

Бизякинцы, получив высшее образование в институтах и университетах, также не возвращались в деревню, а направлялись на работу в разные точки нашей необъятной родины и, как правило, оседали там. В добавление к этому нужно отметить, что в 70–80-е годы в Елабуге, Набережных Челнах, Нижнекамске развернулось широкое жилищное строительство. Многие бизякинцы, работавшие на предприятиях этих городов, стали получать квартиры в новых домах и становиться их постоянными жителями. Их родители, не пожелавшие менять привычную сельскую жизнь на городскую, становясь все старше, постепенно отходили от сельскохозяйственного труда и даже ликвидировали всю свою живность. В результате к началу XXI века население Бизяков представляют, в основном, престарелые родители обосновавшихся в городах бизякинцев. Правда, надо сказать, что они содержат свои дома очень заботливо, и внешне наша деревня имеет весьма привлекательный, ухоженный вид. Но... Все чаще в деревне слышится русская речь, особенно летом, когда на каникулы приезжают из городов внуки. И невольно задаешься вопросом: вместе с уходящими стариками не теряет ли и наша деревня любимый родной язык, не исчезают ли обычаи, не покидает ли ее Душа деревни?..

Есть ли основание для таких размышлений? Не рассуждая долго, приведу лишь некоторые цифры, приведенные в «Татарской энциклопедии» о Бизяках. В 1920 году в ней жило 2708 человек; в 1926 году – 2179 человек, в 1938–2248, в 1949–1611, в 1958–1533, в 1970–1656, в 1979–1222, к 1989 году остался 781 человек. Последние сведения по данным Бизякинского сельсовета (назову более

привычным именем) к 1 января 2017 года: в 280 дворах постоянно проживает 733 человека (361 женщина и 372 мужчины); причем в 78 дворах живут по одному человеку (49 женщин и 29 мужчин). Кроме того, 164 хозяйства относятся к категории дачных, т.е. в них хозяева приезжают только на побывку, в основном летом. Вот так...

История продолжится? (Вместо заключения)

Конечно, если учесть, что за последние почти тридцать лет сокращение количества населения было очень небольшим, не идущим даже в сравнение с 70–80-ми годами, что можно приписать к естественной убыли, то надежда на сохранение деревни еще теплится. Тем более, что в последние годы в деревне наблюдается новое строительство. Причем переселяются в новые дома не только пожилые бизякинцы, которые, выйдя на пенсию, потянулись из городов в родную деревню. Строятся (и переселяются) и бизякинцы среднего и даже молодого возраста — при нынешних средствах связи и передвижения вполне реально жить в деревне и работать в городах, расположенных в 15–30 километрах от Бизяков.

А как насчет родного духа, или, если сказать более поэтично, Души деревни? Ведь деревня это не только собрание домов и людей. Деревня — это хранильница вековых традиций и устоев, языка и культуры народа. Именно она веками вырабатывала и хранила обычаи и порядки, объединяющие жителей в единое целое. Создавая общие для всего народа ценности, каждая деревня в то же время сохраняла и свои особенности, можно сказать, имела свое лицо, свой особый дух, свою среду. Сохранит ли свой облик наша деревня, останется ли она татарской деревней? Ответ на этот вопрос смогут дать лишь настоящие и будущие жители Бизяков, ибо только они смогут, если не остановить, то хотя бы замедлить ее обрусение.

Последние события вселяют в нас надежду и в этом вопросе. Когда мои земляки узнали о том, что завершается работа над татарским вариантом книги, посвященной истории Бизяков, они с нетерпением стали ожидать выхода книги в свет. Они не просто ожидали, а активно взялись готовить праздник деревни, посвященный выходу книги из печати. Это событие всколыхнуло не только жителей деревни, но и бизякинцев, живущих в Елабуге, Челнах, Нижнекамске, Менделеевске, Заинске, Сарманово и т.д. Как рас-

сказывали организаторы праздника, к кому бы они ни обращались, все с энтузиазмом давали свое согласие на участие в нем.

И вот наступил вечер 11 февраля 2017 года. Сельский дом культуры быстро наполнялся бизякинцами – и живущими в деревне, и специально приехавшими на праздник. Уже у входа в фойе их встречали песнями и музыкой участники концерта. Это грандиозное зрелище надо было видеть: четыре баяниста-бизякинца (ныне живущие в Бизьяках, Челнах, Заинске и Сарманове) играют старинные и современные песни, поют артисты в национальных костюмах, к ним присоединяются и некоторые зрители. На другой стороне фойе организована продажа книг, где нескончаемый поток бизякинцев приобретает книги (некоторые берут по 5–10 книг для родных и друзей). В зале идет автограф-сессия. Зал полон.

На сцене начинается театрализованное представление, в ходе которого ведущие ввели зрителей в историю деревни, а участники показали несколько эпизодов из ее прошлого с древних времен до наших дней. Между театрализованными эпизодами были и песни, и танцы. На сцене и в зале царил незабываемый дух большого праздника, объединивший всех. В зале сидели не единичные зрители, пришедшие провести свободный вечер, в зале была большая единая семья, заинтересованно воспринимавшая прошедшие события, вспоминая традиции деревни по ходу показа отдельных сцен. А участники концерта (среди участников были и дети, и молодежь, и, особенно, бизякинцы среднего и старшего поколения) отдавали все свои силы возрождению истории деревни.

Так презентация книги оказалась по-семейному теплым праздником, пробудившим у бизякинцев чувство гордости и единения, ощущение общности истории, укрепившим в них надежды на будущее. И сегодня бизякинцы с удовлетворением вспоминают прошедший праздник и выражают благодарность его организаторам и участникам не только за прекрасный праздник, но и за возможность встречи друзей, одноклассников, соседей. Я также очень благодарна и признательна землякам, так тепло принявшим мою книгу, особенно тем, кто, отставив все свои дела, с большим энтузиазмом и мастерством подготовили и провели грандиозный праздник, посвященный выходу книги из печати. Видеофильм и фотоальбом с праздника можно посмотреть на сайте «бизяки.рф» в интернете (несколько кадров с этого праздника предлагаю посмотреть и в фоторепортаже в книге).

**№ 1. Геометрический специальный план Вятской губернии
Елабужского уезда дачи деревни Безяки**

*с принадлежащими к ним землями, которые состоят во владении
у башкирцев и тептярей.*

Преамбула

Межевание учинено в прошлом 1805 года августа 8 дня старшего землемера коллежского асессора Коева, за болезнью его исполненным коллежским регистратором Петром Малининым, а по решению Вятской межевой конторы споров утверждением окончено в 1807 году октября младшим землемером губернским секретарем Кирилою Петровым по решению межевой канцелярии, утвержденному Правительствующего Сената межевым департаментом утверждением окончено в 1829 году мая 23 дня младшим землемером XIV класса Иваном Федотовым. А внутри того обмежеванном от всех смежных владений одною окружною межею по нынешней мере.

И по исчислению земли состоит:

Пашенной — 903 десятины 625 сажен

Сенного покосу — 507 десятин 1054 сажени

Сенного покосу, по коему дровяной лес — 224 десятины 1109 сажен

Лесу строевого куроечного (?) — 1180 десятин 945 сажений

По болоту дровяного лесу — 1199 десятин 1668 сажен

Под поселением с огородами, вермениками (?) и конопляниками — 36 десятин 718 сажен

Под проезжими дорогами — 13 десятин 418 сажен

Под песчаным местом — 54 десятины 1015 сажен

Под бечевником реки Камы, по коему песчаное место — 28 десятин 1080 сажен

Под полурекою Камою 139 десятин 1776 сажен

Под половиною волошной речки озером истоков и под речками истоком озерными заливами и протоками — 58 десятин 1215 сажен

Под чистым болотом — 12 десятин 809 сажен.

А всего во всей окружной меже удобной и неудобной земли 4358 десятин 433 сажени. А за исключением неудобных мест осталось одной удобной земли 4051 десятина 1320 сажен.

На том числе во время межевания земли внутри окружной межи состояла деревня Безяки, в коей жило всего по последней поданной к пятой ревизии сказке состоит дворов 95, в них башкирцев мужчин там 244, женщин 261; ныне налицо мужчин 331, женщин 342.

Тептярей по пятой ревизии мужчин 22, женщин 11; ныне налицо мужчин 43, женщин 31 душа».

(Эта преамбула взята с карты-схемы дачи деревни Бизяки. — А.М.)

[НА РТ, ф.324, оп. 727, д. 116]

№ 2. Сводная таблица жителей с. Бизяки по ревизским сказкам 1812–1858 гг.

№ / №	ФИО	1811	1816	1834	1850	1858
1 3 х-ва	Амиров Смагил – юрт. старшина	52 года	56	74	ум. 1844	
	Смаг. Низаметдин	19	23	41	57	ум. 1856
	Низ. Ильяс			15	31	39
	Низ. Идрис				3	ум. 1857
	Низ. Якуп					7
	Низ. Юсуп					3
	Смаг. Хусаин	10	14	32	48	ум. 1857
	Хус. Камалетдин				31	39
	Кам. Шарафутдин				3	33
	Кам. Бадретдин					7
Хус. Багаутдин					2	
Ильясовы: Даут				9	17	
Садретдин				3	11	
Нуритдин					6	
Кашафутдин					3	
2 2 х-ва	Ильясов Идрис – юрт. пом-к в чине походного есаула	33	37			
	Идр. Исмаил	8	12	30	46	54
	Идр. Ибрагим	5	9	27	43	51
	Идр. Исхак	1	5			
	Исм. Давлетша		ум. 1860		9	17
	Ибр. Низамутдин				6	14
3	Ибр. Ахмедьян				1	9
	Бикеев Шункар	69	73			
5 х-в	Шунк. Зейнилбашар – юрт. есаул	24	28	46	62	ум. 1852
	Шунк. Абдулнасыр	15	19	37	53	
	Шунк. Сейфетдин	12	16			ум. 1853
	3-баш. Тухфатулла	8	12	30	1836 сосл	В Сибирь
	3-баш. Хисматулла (урядник в должн.	5	9	27	43	51
	юрт. старш.					
	3-баш. Гиззатулла	2	6	24	40	
	Хис. Шарафутдин				6	14
	Гиз. Губайдулла				5	13
	3-баш. Шамшибашар		4	22	38	46
	Шам. Хаернибашар				3	11
	Шам. Гильмибашар					8
	Тух. Зайнулла			5	21	29
	Зайн. Гайнулла					6 м.
Зайн. Гарифулла					6 м.	
Тух. Хайбулла				12	20	
А-нас. Мухаметсадык				13	21	
4	Сапаровы:					

8 х-в	Сейфелмулюк – юрт. сотник	41	45	63	79	1856 ум.
	Зейней – хорунжий	26	30	48	63	71
	Зейнелбашар-указ. азанчей	21	25	43	59	1853 ум.
	С-мул. Шамсутдин	17	1813 ум.			
	С-м. Бикмухамет	12	16	34	50	
	С-м. Муסיфулла			18	34	42
	С-м. Гиззетулла			14	30	38
	Гиз. Хисметулла					7
	С-м. Динмухамет	2	6	24	42	50
	Динм. Арслангали			2	18	26
	Арс. Мухаметвали					6м.
	Динм. Ахметвали		1860 ум.		12	20
	Динм. Бикмухамет					1 м.
	Зейнеев Низамутдин	5	9	27	43	51
	сын Б-Ахмет				1	
	Зейнеев Сайфутдин				12	20
	Зейнеев Шамсутдин				8	16
	Зейнеев Галяутдин					7
	Низам. Тазетдин			6	22	30
	Низам. Хисамутдин				8	16
	Низам. Гайнутдин				7	15
	Низам. Муфтахутдин					3
	З-башаров Шарафутдин			9	25	1857 ум.
	Шар. Хасан				6 м.	8,5
	Шар. Муллахмат					4
	З-баш. Мухаметситдик			4	20	28
	З-баш. Мухаметхафиз				2	10
З-баш. Давлетша				0,5	9	
З-баш. Мухамедьяр		1	19	35	43	
М-яров Мухтасиб				6	14	
М-яров Нурутдин				3	1854 ум.	
М-яров Нуриулла					6 м.	
З-баш. Назмутдин			15	31	39	
Назм. Гимадуддин					7	
Назм. Низамутдин					2	
Назм. Шарафутдин					6 м.	
З-баш. Тазетдин			11	27	35	
Таз. Гайнутдин				0,5	8,5	
Таз. Камалетдин					5	
Таз. Шарафутдин					1	
5	Максотов Тойча – поход. есаул	35	39	57	ум. 1846	
3 х-ва	Тойчин Абдулкагир	13	17	35	51	59
	А-кагиров Абдулгагир			13	29	37
	А-кагиров Абдулвахит			5	21	29
	А-кагиров Абдулшакир	1863 ум.			13	21
	Тойчин Абдулкадыр	4	8	26	42	50
	Тойчин Абдуляппар			18	34	42
	А-яппаров Абдулгафур				3	11
	А-яппаров Абдулвахит				1	9
	А-яппаров Мухаметзариф					1
6	Рахманкулов Ибатулла	32	36			
Ибат. Гиззетулла	9	13	31	47	54	

	А-гаф.– Исафил Иср. Мухаметзян А-гаф.– Исхак А-гаф.– Исагили А-гаф.– Ахуньян А-гаф.– Ахмедьян А-сат.– Муса А-сат. Юсуф А-сат. Мухаметлатиф А-сат. Ахмедьян Фахр. Низамутдин Монас. Мухаметшакир Монас. Мухаметзакир Мух-галиев Ахмедьян М-галиев Мухаметшакир Му-валиев Мухамедьян Мухамадиев С–Магади Мухамадиев Гимадетдин Хис. С-Ахмедьян Хис. С–Сиразетдин Сир. Ахмадетдин Сир. Мухаметдин Хис. С Тазетдин Хис. С Гайнутдин Хис. С Назмутдин Ахм. Хис-Мухаметсадык Ахметситдык			4 2 16 10 7 9 1 10 1 2 11 6 11 7 14 14 11 9 8 4 4 1	20 18 16 10 7 25 17 10 18 11 6 11 7 14 14 11 25 24 20 16 7 1	28 7 26 24 18 15 33 25 18 9 26 19 14 ум. 1852 15 22 22 19 33 32 6 3 28 24 15 ум. 1856 3
9	Файзуллин Шагиахмет	28	32	-		
10	Тлякеев Абзелил сын Апсалям внук Габдулвали Апсалямов дети Г-вали Абдулгалим Мухаметкабир Фазлымухамет	54 32 4	58 36 8	76 26	ум. 1838 42 13 6 1	50 21 14 9
11	Даутов Габидулла сын Сейфульмулюк внук Зейнулла	66 33 5	ум. 1812 37 9			
12	Апелеев Мендиkey Менд. Гайнулла Менд. Губайдулла Менд. Хабибулла Менд. Гиззетулла Хаб. Хайрулла Хайр. Губейдулла Гайн-Тимергали Гиз-Ахмадей Ахм. Ахметгали Гиз. Мухаметшакир Гиз. Мухаметсадык Гиз. Мух-карим Гиз. Мух-вали Тим. Мухаметгали	47 15 14 13 11	51 19 18 17 15	37 36 35 33 4 9 9 1 7 2	ум. 1844 ум. 1840 51 49 20 25 25 17 7	ум. 1859 57 28 1 33 33 3 25 15 8 2 10

	Тим. Камалетдин					3	
13	Баширов Мусагит Баширов Минегул Мус-Хабибулла Хаб. Рамазан Мус. Хамидулла Хам. Гайнулла	45 30		3	21	37	45 7 43 3
14	Даутов Гадель Гад. Минегул Гад. Биктимер Гад. Сафаргали Минегулов Мухаметгали Саф. Хисамутдин Саф. Тазетдин Саф. Назмутдин Саф. Зялялутдин Бикт-Зайнутдин Бикт. Сейфутдин Мух-галиев Мухаметшариф Мух-галиев Мухаметнияз Хис. Шарафутдин Хис. Гилязетдин Хис. Серазетдин Зайн. Гайнутдин Зайн. Гилязутдин Сейф. Хисамутдин	84 37 22 20 13	88 41 26 24 17		44 42 35 16 13 5 7 16 6	60 ум. 1844 51 32 29 21 23 32 22 4 0,5 4	ум. 1853 59 40 пр. хр-во 29 пр. хр-во 40 30 12 ум. 1853 12 3 1 13 ум. 1853 2
4 х-ва		Семен Степан	Кузьмин Кузьмин				
15	Габдуллоев: Абдулзаббар Абдулхалик Абдулнасыр 1860ум. А-заб. Шамсутдин А-заб. Гимадетдин А-хал. Габдулкабир А-нас. Габдулкадыр А-нас. Габдулгани А-нас. Арслангали А-нас. Габдулгафар А-нас. Абдулгизиз А-нас. Абдулгалим Шамс. Шарафутдин Шамс. Камалетдин	24 19 14	28 23 18	46 41 36 16 1 13 10 9 2	62 ум. 1840 52 32 17 29 26 18 3	70 ум. 1853 25 37 34 33 26 11 7 3 ум. 1856 7.	
3 х-ва							
16	Абдулов Юсуп (Юлдаш) Юс. Асылгарай	33	37	55 5	ум. 1647 21	29	
17	Мухаметрахимовы: Шарип Мухаметамин М-ам. Габдулвали М-ам. Мухаметгали М-ам. Мухаметситдик Г-вал. Мухаметшакир Г-вал. Мухаметшарип Г-вал. Мухаметзян М-гал. Шарафутдин М-гал. Шигабутдин	31 29	35 33 3	51 21 17 6 6 5 3	67 37 33 22 6 5 3	75 45 41 30 14 13 1 9 3	
3 х-ва							

	М-гал. Назмутдин					1
18 9 х-в	Муртазин Мустафа	49	53	71	ум. 1843	
	Муст. Халилулла	30	34	52	ум. 1848	
	Муст. Абубекир	24	28	46	62	ум. 1856
	Муст. Билал	21	25	43	59	67
	Муст. Мухаметвали	9	13	31	47	ум. 1854
	Муст. Усман-уряд. ст. 3-юрт		3	21	37	45
	Хал.: Тухфетулла	3	7	25	41	ум. 1854
	Хал. Габдулвахит		2	20	36	44
	Хал. Габдухалик			18	34	ум. 1854
	Хал. Габдуллатиф			11	27	35
	Хал. Мусифулла				9	17
	Хал. Мухаметнияз				4	12
	А-бек. Абдулнасыр			11	27	35
	А-бек. Габдулсаттар			2	18	ум. 1853
	М-вал. Габдуллатиф				1	9
	Усм. Нугуман				5	ум. 1853
Г-вах. Габдулнасыр				4	12	
Г-вах. Мухаметшакир				0,5	ум. 1862	
Г-вах. Мухаметгариф					1 м.	
Г-хал. Габдулгафар				3	11	
19 3 х-ва	Тлекеев Абдрашит	59	63			
	Абдр. Губайдулла	33	37			
	Абдр. Абдулкарим	32	36	54	ум. 1847	
	Абдр. Абдрахман – Степанов	Михаил		7	23	Пр. хр-во
	Губ. Хисматулла		3	21	37	45
	А-к-мов Исламгул	1	5	23	39	47
	Исл-ов Исламхузя				15	ум. 1852
	Исл-ов Исламгул				11	19
	Исл-ов Ямангул				6	14
	Исл-ов Мухамедьян				4	12
	Исл-ов Ахмедьян				2	10
	Исл-ов Ахмадиша				3м-ца	8
	Исл-ов Мухаметша					4
	Исл-ов Губайдулла					1
Хис. Ибатулла				10	18	
Хис. Халилулла				0,5	ум. 1852	
Хис. Хатбулла					3	
20 5 х-в	Яркеев Абдулвахит	40	44	62	78	ум. 1857
	Яркеев Якуп	37	41			
	А-вах. Тойгун	8	12	30	46	54
	А-вах. Абдулгази	2	ум. 1813			
	Як. Шафей	1	ум. 1812			
	Як. Тимерпулат			11	27	35
	Як. Сейфулла			4	20	28
	Плем. Бикеев Юсуп 1863 ум	18	22	40	56	64
	Бикеев Абдулхаир 1862 ум	21	25	33	49	57
	А-вах. Габдулнасыр			16	32	40
	А-вах. Габдуллатиф			12	28	36
	Г-нас. Габдулгафар				7	15
Г-нас. Юзикеи				5	13	
Г-лат. Мухаметсадык					7	

	Г-лат. Низамутдин Г-лат. Зайнитдин Тойгунов Тазитдин Таз. Садретдин Тойгунов Сиразетдин Тойгунов Шигабитдин Юсупов Габдулгани Г-ган. Абдулвали Г-ган. Муллахмат Юс. Габдулгаллям Юс. Габдулхаким А-хаир. Мухаметгали А-хаир. Мухаметкарим М-кар. Ахметзян Тимерп. Гимадетдин			10 4 15 5 1	26 20 13 31 15 13 21 17	6 3 34 4 28 21 39 5 2 23 21 29 25 1 1
21	Гумеров Ярмухамет Ярм. Мухаметрахим М-рах. Ишегул Ишег. Динмухамет	59 30 2	63 34 6	24	40 11	ум. 1850 19
22	Юлдашев Сапей Юлдашев Биктаир Сапеев Сейфулла Сапеев Фейзулла Сапеев Хамидулла 1863 ум. Фейз. Гайнулла Гайн. Минигул Фейз. Зайнулла Фейз. Губайдулла Хам. Зиннатулла Хам. Калимулла	41 13 17 13 2	45 17 21 17 6	63 35 35 24 3	ум. 1835 ум. 1837 51 40 19 10 5 12 0,5	ум. 1858 48 27 1 18 13 20 ум. 1854
23	Рахманкулов Рахмей Рахмеев Минникей Рахмеев Рамкул Мин. Рахметулла Рамк. Нигматулла Рамк. Губайдулла Рамк. Гибадулла Рахм. Гиззатулла Гиз. Хурматулла	69 39 31 15 2	73 43 35 19 ум. 1813 1	37 19 12 8	53 ум. 1834 28 24	61 36 32 3
24	Мусин Мустай дети: 1. Мустахим 2. Мустафа 3. Рахметулла Мустахимов Бикмухамет Мустафин Курбангали Паранасов Тимирьян Паранасов Мурзаян Рахм. Рамазан Рамаз. Муса Рахм. Нигматулла Рахм. Исрафил Т-Тимеркеев Габдулгаллям	74 52 49 20 12 15 9 6	78 56 53 24 16 19 13 10	74 71 42 34 7 10	ум. 1835 ум. 1843 58 50 23 5 3 26	66 58 31 3 13 11 34

	Бикмух. Ярмухамет Бикмух. Динмухамет Бикмух. Фазлымухамет Бикмух. Альмухамет Ярмух. Мухаметдин Ярмух. Сахаутдин Динм. Фазлыахмет Курбангалин Габбас Габб. Газиятулла Габб. Гумер Курбангалин Гарифулла Гариф. Галиулла			13 4 1 10 9	29 20 17 12 26 25	37 28 25 20 7 6 1 34 3 1 33 3
25	Капаевы: Сейфулла Гайнулла Сейф-Зайнулла Сейф. Губайдулла Сейф. Хисматулла Хисм. Хабибрахман Зейн. Насифулла Зейн. Валиулла Губ. Гизетулла Гайн. Нигматулла Гайн. Ибетулла Гайн. Мусифулла Гайн. Нурулла Гайн. Гиззатулла Гайн. Мухаметгариф Гайн. Мухаметсадык Нигм. Мухамедьян Нигм. Шаяхмет	28 18	32 22 3	50 40 21 18 17 17 4 1	66 56 37 34 33 6 0,5 33 ум. 1834 -»- 13 11 9 0,5 8 3	74 64 ум. 1853 42 41 4 14 ум. 1852 6 41 21 19 17 ум. 1852 16 11
26	Курбанаев Сулейман	59				
27	Юртаев Мухаметрахим сын Губайдулла	49 13		35	ум. 1839	
28	Уразманов Ахмер Ахмер. Ахмади Ахмер. Абдулнасыр ум. 1862 Ахмадиев Имангул ум. 1861 Ахмадиев Исмаил Ахмадиев Исхак ум. 1861 Ахмадиев Ихсан А-нас. Низамутдин А-нас. Гимадетдин Исм. Габдулгали Исм. Габдулхаким Исхаков Шагимардан Ихсанов Мухаметхайдар Ихсанов Мухаметситдык Иманг. Фазлыгаллям Иманг. Габдулманьяф Им. Хаирбашар-1862 ссыл. С Г-ман-Ахмедьян Г-галеев Мухамадий	79 49 10 28 24 22 11	83 53 14 32 28 26 15	32 14 50 46 44 33 15 9 1 3 13 15 9	48 66 ум. 1848 60 49 4 31 25 17 19 2 ум. 1843 31 25 0,5	56 74 68 ум. 1853 12 9 39 33 25 27 ум. 1852 39 33 ум. 1851 1

	Г-хак. Динмухамет Ихсан. Минлигул Х-баш. Габдулгазиз Х-баш. Габдулбашар Г-ман. Ахмедьян Г-ман. Мухамедзян					3 4 3 1 6 2
29	Гумеровы Мухаметрахим Фейзулла Ф.дети Абдулхалик	48 37 2	52 41 6			
30	Салимзянов Файзулла Файз. Зейнулла Файз. Губайдулла Губ. Шагмардан Губ. Шаяхмет Губ. Калимулла Губ. Хуснитдин Зейн. Хамидулла Зейн. Нигматулла Зейн. Габидулла Зейн. Фатхулла Зейн. Зиннатулла Зейн. Сафиулла Хам. Габдулгаллям	35 15 11	39 19 15	37 33 1 9	53 49 17 14 4 2 25 6 3	61 57 25 22 12 10 33 ум. 1853 11 7 5 2 4
31	Аминев Бикташ	27	41			
32	Субаев Баязит Баязитов Идрис Баязитов Ильяс Баяз. Исмагил с1849 в отл.	58 29	62 33 3	80 51 21 18	ум. 1837 ум. 1842	45 42
3 х-ва	Иль. Мухамедьян Иль. Мухаметгали Исм. Ахмедьян Идр. Хасан Идр. Хусеин Идр. Юсуп Идр. Якуп Як. Ахметхафиз	2	6 4	22 15 9	0,5 0,5 38 ум. 1843 25	8,5 3 8,5 46 33 3
33	Юзикеев Сафар Сафаров Хамидулла Хамид. Насифулла Сафаров Абдулгафар плем. Самекеев Сулекей плем. Самекеев Миннигул Унгаров Шункар Мин. Файруша Мин. Курбангали Шунк. Шайхетдин посл. в Сибирь в 1862 Шунк Низаметдин	41 5 21 15 12	45 9 25 19 16	63 28 10 43 37 34 2 8 5	ум. 1843 44 26 59 53 50 18 8 21 13	52 1 34 67 ум. 1853 58 26 16 29 21
34	Сардинов Рафик Раф. Шагислам-ук. мулла в д. Ижбайки – 50-гг. Шаг. Ибрагим	46 14	50 18	36 11	52 27	60 35

	Шаг. Камалетдин				11	19
	Шаг. Магади			1	17	25
35	Янесов Исхақ	59	ум. 1815			
	Янесов Смай	49	53			
	Исх. Сапар-отст. заур. есаул	32	36	54	70	ум. 1851
	Янесов Смагил	26	30			
	Исх. Мавлюкей-указ. писарь,	заур. сот.	27	45	61	69
		23				
5 х-в	Исх. Бигей	14	18	36	52	60
	Смаев Абзелил	17	21	39	55	
	Б. Габдулгаллям			11	27	35
	Б. Зайнагетдин			7	23	ум. 1856
	Б. Зямалетдин				10	18
	Сапар. Ишмурза		4	22	38	46
	Сапар. Камалетдин			1	17	25
	Сапар. Гималетдин				12	20
	Ишм. Рамазан			4	20	28
	Ишм. Мухаметситдик			2	18	26
	Ишм. Ахметситдик				14	22
	Мавл. Мухамедьян			3	19	27
	Мавл. Ахмедьян			1	17	25
	Абз. Габдулгани			4	20	28
	Абз. Габдулкабир			1	17	25
	Мухам. Давлетша					5
	Мух. Ахмадиша					3
	Г-ганиев Муллахмет					1
	Ахмедьянов Ибрагим					1
36	Рахмаев Фейзулла	38	42	60	ум. 1846	
	Рахмаев Сейфулла	37	41			
	Рахмаев Габидулла	32	ум. 1816			
	Ф. Хамидулла	15	19	37	53	ум. 1859
	Ф. Фетхулла	11	15	33	49	57
6 х-в	Ф. Гайнулла в 1858 – в М. Салауш	5	9	27	43	Перечисл.
	Ф. Зайнулла		3	21	37	То же
	Габ. Гибадулла	2	6	24	40	48
	плем. Ахметов Идрис	20	24	42	58	ум. 1854
	Гайн. Калимулла				3	в М. Сал.
	Гайн. Гатаулла				1м.	в М. Сал.
	Зайн. Мухаметшакир				1	в М. Сал.
	Фетх. Шарафутдин			6	22	30
	Фетх. Низамутдин			1	17	25
	Фетх. Габдулкагир				5	13
	Фетх. Губайдулла				2	10
	Фетх. Гарифулла					4
	Фетх. Калимулла					6м.
	Гиб. Гизятулла				3	11
	Гиб. Тохфатулла					3
	Габ. Хабибулла		4	22	38	46
	Идр. Сейфутдин			12	28	36
	Идр. Зайнутдин			10	26	34
	Идр. Хусеин			1	17	25
	Идр. Хасан				13	21

	Идр. Ибрагим Шар. Исхак				6	14 6м.
37	Минкин Якуп Як. Губайдулла Як. Динмухамет Як. Зиганша Зиг. Давлетша	31 6 1	35 10 5	53 28 23 15	ум. 1850 44 ум. 1850 31	52 ум. 1855 4
38	Зайтеев Абдрахим Зайтеев Абдулкарим Зайтеев Абдулхалик Абдр. Абдрафик Абдр. Идрис Идр. Мухамедьян Абд-к. Габдулнасыр Абд-к. Габдулгафар Г-гаф. Мухамедьян Г-гаф. Ахтамьян Г-нас. Мухаметзакир Г-нас. Мухаметшакир Абд-х. Габдулхаким Абд-х. Габдулсаттар Абд-х. Мухаметвали Абд-х. Габдулсадык Г-хак. Фейруша Г-хак. Шарафутдин Г-хак. Бадретдин	41 27 21 6	45 31 25 10		ум. 1843 ум. 1838 44 33 2 37 18 34 1 0,5 37 19 13 2 9 3	52 41 10 45 42 9 4 8,5 3 45 43 37 26 17 11 7,5
39	Фейзуллины: Сейфулла Гайнулла Рамазан Ахтям Ахтямов Ахмади	42 26 23 18	ум. 1815 30 27 22		13 29	37
40	Сулюков Кузяш Куз. Бикташ Куз. Хисамутдин Куз. Шарып Бикт. Мухаметгали-служ. ур Бикт. Муса Бикт. Ибрагим Хис. Ильяс Хис. Ихсан Хис. Мухаммади Шар. Хусеин Шар. Хасан Хис. Мухаметвали М-гал. Мухамедьян М-гал. Ахмедьян М-гал. Ахметгарей М-гал. Бахтигарей М-гал. Шагиахмет Иль. Шарафутдин Иль. Зайнетдин	88 44 37 34 11 8	ум. 1812 48 41 38 15 12	60 56 33 ум. 1814	ум. 1846 72 49 36 52 50 ум. 1836 49 44 37 17 2 28 23	ум. 1859 57 44 ум. 1857 58 57 ум. 1857 45 25 10 7,5 5 2 36 31

	Шар. Шайхетдин Ихс. Низамутдин Ихс. Сейфутдин Хус. Гилметдин Хус. Бадретдин Хас. Хисамутдин Хис. Низаметдин Хис. Гайнетдин			5	0,5 21 9 7 1 20	8,5 29 17 ум. 1855 ум. 1850 28 1,5 6 м.
41	Семенеев Коштан Семенеев Сапиулла (Саткул)	41 64	ум. 1813 68			
4 х-ва	Кошт. Шамсутдин	30	34	52	68	1853 ум.
	Кошт. Абдулвагап	22	26	44	60	1857 ум.
	Кошт. Батырша	13	17			
	Сатк. Фейзулла	25	ум. 1813			
	Сатк. Хамидулла в от. с1842	13	17	35	51	
	С.внук Зайнуллин Хайбулла	14	18	36	52	60
	Шамс. Мухутдин			12	28	36
	Бат. Ахметша			8	1849 пр. хр.	
	Хам. Шарифулла			1	17	25
	Хам. Мусифулла				9	17
	Хайб. Губайдулла			11	27	35
	Хайб. Файзулла			4	20	28
	Файз. Галимулла					5
	Губ. Гайнулла					7
Губ. Зайнулла					4	
Губ. Гарифулла					1 м.	
42	Таймагов Таир Таиров Тойгун Халит Таиров Хамидулла	44 19 17 10	ум. 1815 23 21 14	41 39 32	57 ум. 1846 48	ум. 1853 56
43	Таймагов Аптак Таймагов Танчин Тойг. Габит Тойг. Бахтияр Тойг. Шарифулла Халит. Мухаметдин Халит. Хисаметдин Халит. Курбангали Халит. Арслангали Халит. Тохватулла Хамид. Хабибулла Хамид. Гайса Хамид. Тофетулла Аптаков Габдуллатиф Бахт. Мухамедъяр Бахт. Минихузя Арс. Салимгарай Мух. Ахметгарай Курб. Ахметша	32 23	36 27 3	22 18 1 13 8 6 2	38 34 17 29 24 22 18 10 6	46 42 25 37 32 30 25 18 14 7 2 38 5 2 2 м. 9 4
44	Башировы: Ашраф Абубакир	36 19	40 23			
45	Ибрагимов Исмагил	32	36	54	ум. 1847	

2 х-ва	Вахитов Амин	26	30	48	64	72
	Вахитов Мазит	22	ум. 1814			
2 х-ва	Исмаг. Асфандияр	6	10	28	ум. 1834	
	Исмаг. Мухамедьяр			13	1850 пр. хр.	
	Ам. Максют		3	22	38	46
	Ам. Габдулхалик			1	ум. 1836	
	Макс. Шигабутдин				5	13
46	Унгаров Яхья сын Мухаметрахим	44 19	47 23			
2 х-ва	Лачинов Губей	34	ум. 1812			
	Лачинов Худойдат	18	22	40	56	64
	Лачинов Хабибулла	15	19			
	Худ. Ибатулла			18	34	42
	Худ. Гибадулла			13	29	37
3 х-ва	Гиб. Гайнулла					7
	Ибат. Хабибулла					7,5
	Ибат. Калимулла					2
	Ремкулов Курамша	26	30			
	Кур. Мухаметша		1	19	35	43
3 х-ва	Кур. Давлетша			15	31	39
	Мух. Мухамадий				3	ум. 1853
	Мух. Магадий				0,5	ум. 1855
	Давл. Мухаметзян				0,5	8,5
	Сыртланов Нигметулла	49	53			
	Сыртланов Валиша	33	37			
	Нигм. Хисматулла	14	18	36	ум. 1839	
	Нигм. Сейфетдин	9	13	31	ум. 1846	
	Валиш. Шарип	15	19	37	53	61
	Валиш. Мухаметгали	12	16	34	50	58
	Валиш. Курбангали отд. по суду в рекр. 1854			17	33	
	Хис. Фатхулла			4	20	28
	М-гал. Габдулгани			11	27	35
М-гал. Габдулгаллям				5	13	
Ш. Мухаметрахим			13	ум. 1840		
Ш. Мухаметкарим			10	26	34	
Фетх. Габдулла					1	
Курб. Ахметша					2	
М-кар. Ахмезян					7	
М-кар. Давлет					6м.	
50	Бикеев Ядыгар	84	ум. 1815			
4 х-ва	Коштаев Амир	33	37	55	71	ум. 1854
	Кош. Минегул	26	30			
	Кош. Мухаметамин	13	17	35	51	59
	Ам. Мухаметрахим	14	18			
	Мин. Мухаметвали	1	5	23	ум. 1839	
	Мин. Хамидулла		3	21	37	45
	Хам. Гарифулла				1	9
	Хам. Назметдин					7
	Мух-в. Мухаметгали				11	19
Мух-в. Абдулгани				9	17	
Мух-а. Мухаметьян			6	22	ум. 1858	

	Мух-а. Ахметьян			4	20	28
52	Балтанов Абзелил сын Абдуллатиф	49 12	ум. 1812 16	34	50	58
53	Бухарьметев Салим	44	ум. 1816			
5 х-в	Салим. Аюп	20	24			
	Салим. Галикей	18	22	40	ум. 1834	
	Салим. Халит	17	21			
	Салим. Рахметулла	11	15	33	ум. 1845	
	Сал. Юзюкей	2	6	24	40	48
	Аюп. Рамазан			7	23	ум. 1853
	Аюп. Сафаргали			4	20	28
	Гал. Ибатулла			17	ум. 1843	
	Гал. Хисматулла			16	32	ум. 1852
	Гал. Нигматулла			12	28	36
	Гал. Хабибулла			9	25	33
	Гал. Губейдулла			1	17	25
	Ниг. Гатаулла				2	10
	Ниг. Калимулла					1
	Иб. Гиззатулла				7	15
	Хис. Зайнулла				4	12
	Хис. Файзулла				2	10
	Хис. Сабит					6
Рахм. Гайнулла			4	20	28	
Хал. Абдулнафик			6	22	ум. 1853	
Юз. Мухаметшакир			1	17	25	
Юз. Шарафутдин				9	17	
Хаб. Сибгатулла					4	
Хаб. Гизетулла					2	
Хаб. Тохфатулла					1	
54	Ахмеров Салих	19	23	41	57	65
55	Амировы: Забир	37	41	59	75	ум. 1856
8 х-в	Ам. Фазаил	35	39	57	73	ум. 1854
	Ам. Фетхулла	29	33			
	Ам. Абдулгафар	19	23	41	57	64
	Ам. Абдулхаир	18	22	40	56	ум. 1854
	Ам. Абдулнасир	13	17			
	Заб. Тухватулла	7	11			
	Фаз. Мухаметамин	1	ум. 1812	29	ум. 1845	
	Тух. Гиззатулла			6	22	30
	Тух. Хатбулла			2	18	26
	Тух. Фатхулла				9	17
	Тух. Гарифулла				6	14
	Фетх. Губайдулла			18	34	42
	Фетх. Хисматулла			10	26	ум. 1853
	А-гаф. Мухамедьян			17	33	41
	Мух. Мустафа					7
	Мух. Гайнулла					4
	А-гаф. Габдулзяппар		3	21	37	45
	Г-з. Габдулгаллям				7	15
Г-з. Гайнутдин				5	13	
Г-з. Музафар					1	
А-х. Абдулменняф				18	34	42

	А-х. Сейфетдин А-мен. Шагимардан А-мен. Исхак А-мен. Ибрагим Сейф. Шарафутдин Сейф. Зейнетдин Сейф. Гайнетдин А-нас. Габдулхалик А-нас. Габдулкагир Г-хал. Биктимер			13 11 8	29 4 1 4 27 ум. 1848	37 12 9 1 12 4 1 35 1
56	Ибраев Рафик Раф. Абдрахим Раф. Гизетулла Раф. Ибатулла Гиз. Габделкагир Гиз. Зейнетдин	49 19	53 23 1	41 19 15	57 35 1849 пр. хр. 7	ум. 1853 43 15 1
57	Миргалимов Исламгул Мирг. Субханкул Исл. Абдулвагап Субх. Абдулхалик А-хал. Габдулгаллям А-хал. Габдулзямал Г-гал. Габдулханнан	34 33 2 8	38 37 6 12	24 10 4	40 26 ум. 1843	48 34 1
58	Юсупов Иманкул – указ. мулла	32	36	54	ум. 1840	
3 х-ва	Им. Абдулгалим Им. Абдулвали Им. Абдулхалик Им. Абдулгаллям Им. Абдулсатдик А-сат. Шайхелислам А-вал. Абдулнафик А-галим. Исхак Исх. Шарафетдин ум. 1859 Исх. Гайнетдин А-галим. Габдулнасыр Г-нас. Шайхисултан А-галим. Габдулкагир А-галим. Габдулгафар А-галим. Гарифулла А-хал. Шагимардан А-хал. Шахулислам А-хал. Шагимухамет	9 3	13 7 4	31 25 22 10 4 8 4 1	47 с 1840 38 с1844 20 12 24 2 20 17 11 7 4 1	55 в бегах 45 в бегах 28 1 20 32 10 7 28 6м. 25 19 1 15 12 9
59	Мукаев Рафик Мук. Юзюкей Раф. Сейфутдин Раф. Хисамутдин Хис. Давлетша Хис. Ахметзян Юз. Гайнулла Юз. Зайнулла Зайн. Сафиулла Раф. Мухаметситдык	34 32 2 2	38 36 6 6	52 24 24 10 6 4	68 40 37 5 26 22 20	76 ум. 1853 45 13 3 34 30 2 28

	Сейф. Даут Сейф. Садык Сейф. Музафар Сейф. Мухтасиб				15 12 9 5	23 20 17 13
60	Апелеевы: Абдрашит А-раш. Абзелил	59 17	21	39	55	ум. 1851
61	А-раш. Абдрафик А-раф. Бекмурза А-раф. Бекмухамет Бекмурзин Низамутдин Низ. Гайнетдин	49 15 1	63 19 5	37 23 10	53 39 26	61 47 34 1
62	Миникаев Мухаметрахим Мин. Апсалим Мин. Абдулгази М-рах. Ильяс М-рах. Идрис 5 х-в М-рах. Габдуллатиф Апс. Мухаметгали А-газин Абдулнасыр А-газин Абдулхалик А-газин Абдулвахит Г-лат. Габдулхалик Г-хал. Шагимардан Иль. Сейфульмулюк Иль. Габбас Иль. Ибрагим Иль. Исмаил Иль. Давлетша Иль. Ахметша Идр. Габдулгаллям Идр. Габдулгалим А-вах. Низамутдин А-вах. Зайнетдин А-вах. Минигул А-хал. Абдулсатдик А-с. Габдулгазиз А-нас. Хамидулла А-нас. Габдулгаллям Г-гал. Ахметзян Хамид. Нигматулла Ниг. Мухаметшакир Ниг. Мухаметсадык	47 45 36 18 14 6 12 5 1	51 49 40 22 18 3 16 9 5	ум. 1812 34 23 1 19 3 4 20 10 4	74 56 52 21 50 39 17 35 19 11 8 9 4 2 20 26 20 2	ум. 1859 64 60 58 47 25 1 м. 43 27 19 15 7 3 17 12 10 7 2 м. 28 3 34 28 2 10 3 1
63	Хасановы: Минлигул Минл. Гибадулла	49 10	53 14	Сосл. в С.	В 1833 г.	
64	Хас. Ямангул Ям. Зулькарнай Ям. Зульфукар Ям. Зиганша 4 х-ва Зулькар. Сагандык Гиб. Ахмедьян Зульф. Ягофарсадык	47 24 7 4 6	51 28 11 8 10	69 46 29 28	ум. 1847 62 45 ум. 1843 12 13	70 53 20 21

	Зульк. Назмутдин Зульк. Хисаметдин Хис. Арслангали Назм. Ямалутдин Назм. Шайхетдин Назм. Калмулла Назм. Гатаулла			15 13	31 29 2 8 2	39 37 10 16 10 7 2
65 2 х-ва	Ярмаков Юзюкей Ярм. Шамсутдин Юз. Ибрафил Юз. Ибрагим Ибр. Шарафутдин Ибр. Назмутдин Ибр. Гаяутдин Ибр. Гирфанетдин Юз. Исхак Исх. Исмагил Исх. Юсуф Шамс. Низаметдин	35 30	39 34 3	57 52 21 18	73 68 ум. 1839 34	ум. 1854 ум. 1857 42 7 5 3 2 м. 36 2 1 29
66	Хамитов Биктимир Бик. Салаватулла	37	41	59 5	ум. 1847 21	29
67	Бухаров Апти Апт. Хамидулла Хам. Губейдулла Хам. Нигматулла Хам. Гадиатулла Гад. Галимулла	54 23 6 2	58 27 10 6	24 15	1834 31	сосл. в С. 39 4
68 4 х-ва	Усеинов Бикта Биктин Бикташ Биктин Бикмухамет Биктин Мухаметрахим Биктин Мухамедьян Биктин Ахмедьян Ахм. Мухаметзян Ахм. Мухаметдин Ахм. Хайретдин Мух-р. Габдулгаллям Мух-р. Мухаметдин Бикташ. Валиулла Бикташ. Гизетулла Бикм. Динмухамет Бикм. Нуримухамет Бикм. Гималетдин	35 15 13 11	39 19 17 15 1	57 37 35 33 19 7	ум. 1840 53 51 49 ум. 1836 23 2 5 25 21 14 8 5	61 59 57 31 10 5 1 13 6 33 29 22 16 13
69	Балтаев Батыр Балт. Фетхулла Фетх. Габидулла Габ. Тохфатулла Габ. Тохфатулла	31 21	35 25	43 15	ум. 1838 31 4	39 ум. 1854 2

70	Уразманов Суюндук	49	53				
	Суюн. Зейнулла	21	25	43	ум. 1843		
	Суюн. Сагындык	18	22	40	56	64	
	Суюн. Сейфетдин	15	19	37	53	61	
	Сейф. Гимадитдин			7	23	31	
	Гим. Давлетша					5	
	Гим. Ахметша					2	
	Сейф. Зямалетдин				16	24	
	Зейн. Рахметулла			2	18	26	
	Зейн. Гайнулла				11	19	
	Зейн. Сафиулла				8	15	
	Зейн. Губайдулла			13	29	37	
	Губ. Гизетулла				5	13	
	Саг. Гильметдин – 1862	сосл. в С.			15	31	39
	Саг.. Тазетдин					12	20
	Саг. Сиразетдин					9	17
	Саг. Нурутдин					6	14
Саг. Фатхутдин					3	ум. 1852	
Саг. Кашафутдин					1	9	
Гил. Залаялетдин					6	14	
71 4 х-ва	Аймекеев Калям	54	58	76	ум. 1840		
	Калямов Хабибулла	32	36	54	70	ум. 1858	
	Калямов Фейзулла	21	25	43	59	ум. 1858	
	Хаб. Мухаммади	2	6	24	40	ум. 1858	
	Фейз. Сейфулла	1	5	23	39	47	
	Хаб. Мухаметвали			15	31	39	
	Мух-в Мухамедьян				1	9	
	Мух-в Ахмедьян					7	
	Фейз. Мусифулла			11	27	35	
	Мус. Калимулла				2м-ца	8	
	Мус. Абдулгизиз					4	
	Мухамадиев Гатаулла			1	1	9	
	Сейф. Гарифулла				17	25	
	Сейф. Сибгатулла				9	17	
Сейф. Гизятулла				6	14		
Сейф. Тухфатулла				0,5	8,5		
	Мавлюкеев Апсалия		49	67	ум. 1848		
	Апс. Мухаметгали		3	21	37	45	
	Апс. Мухаметвали		1	19	35	43	
	М-г. Мухаметсадык				9	17	
	М-г. Мухамедьян				4	12	
	М-г. Мухаметшарип				1	9	
	М-г. Муллахмет					1	
	М-в Мухаметшакир				1 м-ц	8	
М-в. Ахметзян					3		
Итого в деревне Бизяки хозяйств		72	118	162	207	257	
Итого в деревне Бизяки мужских душ		290	318	434	559	757	

Также Байлярской волости из общественной деревни Безяков вновь заселяющейся деревни Ключ Курбан из бизякинцев башкирцы Ильясов Зейней – походный старшина –	36				
дети: Биктимир	13				
Бикмухамет	11				
Абдулвахит	8				

Таблица составлена по:

НА РТ, ф. 3, оп. 1, д. 448 (РС 1811); там же, д. 4 (РС 1816); там же, д. 533 (РС 1834); там же, ф. 1305, ол. 1, д. 26 (РС 1850); ЦИА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 10377 (РС 1859).

Было 56 родов; исчезло 15 родов к 1850 году.

№ 3. Записка из дела о правах на владение землей башкирами и тептярями в Елабужском и Сарапульском уездах

Л. 21 – [...] В 1813 году обер-форштмейстером открыто новое обстоятельство: таковые же башкирцы и татары, жительствующие в Елабужском округе деревень Безяков, Тураевой /об./ и Куразовой, передали генеральному землемеру споры на смежные земли и леса, бывшие прежде во владении казенных крестьян разных селений; какое те башкирцы имеют право присваивать те земли, неизвестно, и что посему обер-форштмейстер представил гражданскому губернатору приказать кому следует, права башкирцев и тептярей по Елабужской округе рассмотреть, и ежели они особой привилегии не имеют, то сделать между ними и русскими крестьянами в этих правах уравнивание на основании межевой инструкции, расчислдя всем им по 15 десятин на каждую душу, /22/ и просил Межевой конторе предписать, чтобы она выдачу башкирцам и тептярям планов на их владения по Сарапульскому и Елабужскому уездам удержала до точного рассмотрения прав их судебным порядком; губернское правление сим указом предписало Елабужскому уездному суду по описываемому [...] обстоятельству постановить на законном основании заключение; вследствие чего Елабужский уездный суд предписал тамошнему земскому суду (*постановление от 17.04.12*) выписать башкирцев деревень Безяков, Тураевой /об./ и Куразовой или их поверенного с документами на владенные ими земли.

Елабужским уездным судом собраны к делу следующие документы:

1-е – Владенный указ из Казанской губернской канцелярии от 20.06.1763 башкирцам Уфимского уезда Казанской дороги Байлярской волости дервни Тураевой сотнику Сулекею Ишалееву с товарищи, по прошению которых рыбные ловли по Каме-реке по нагорной стороне

[...] /23/ на основании именных указов 1727 года и 31.07.1762 года 19-пункта велено с 1766 года отдать сотнику Селекею Ишалееву с товарищи отдать в вечное и безперекупное владение.

2-е — Засвидетельствованная 25.10.1790 года в Мензелинском уездном суде копия с грамоты, данной 1.11.7205 года от царя Петра /об./ Алексеевича на Уфу воеводе Леонтьеву по челобитной башкирцев Уфимского уезда Казанской дороги Байлярской волости разных деревень Арычки Токтамышева с товарищи, которым по сей грамоте велено владеть вотчиною своею и рыбными ловлями и всякими угоды по старым их крепостям и по дачам и по отводам и по межеванию и по тогдашнему досмотру и розыску. [...]

Л. 32.— 3-е. Засвидетельствованная в Оренбургской гражданской палате копия с Грамоты от царя Петра Алексеевича, данной в октябре 7205 года на Уфу воеводе Леонтьеву по челобитной башкирцев Уфимского уезда Казанской /об./ дороги Ирминские волости Агильдка Тямова да Еманка Юскеева. А в челобитной написано: старинная де вотчина за ними деда их Тагайка Белякова за Камою-рекою по речке Безаки и вниз по Каме-реке нижняя межа Долгая гора, а сверху межа от горы был Караул, а вверх по речке Безаке по обе стороны. Да за ними ж рыбные ловли, что даны в 151 году Анбулатку Ихтееву на устье речки Безаки и два озера Шаранбур да Казанбур. И старинная крепость на тое их вотчину и рыбные ловли сторела. И в прошлом де 200-м году дана им выпись на Уфе по каковой грамоте и велено владеть.

Л. 33—4-е. Выпись из дела 207 года с межевых книг Дмитрия Каленина данная 22 декабря 1700 года при царе Петре Алексеевиче воеводою Кудрявцевым башкирцам Уфимского уезда Байлярские волости деревни Безяков Аднагулку Урусову с товарищами на сенные их покосы, что промеж Камы-реки и Пинаря озера, по челобитной Урусова, в деле прошлого 207 года написано: августа в 10-день бил челом башкирец Уфимского уезда Байлярские волости Аднагулко Урусов; владели де со 150 года родственники его Исенгулко Саранбаев с товарищи, а после них владеет он Аднагулко с братьями сенными покосы промеж Камы-реки и Пинаря озера, а ныне Костромского /об./ Богоявленского монастыря вотчины села Ицкого Устья служка Егорка Михайлов с товарищи те их сенные покосы насильством своим подкосили; по спросе против сей челобитной монастырского стряпчего, челобитчик Аднагулко положил Великого Государя Грамоту за приписью дьяка Полянского, в которой написано: велено ему Аднагулку с братьями дяди их Исенгулка Сарыбаева покидную землю и сенными покосы по данной 150 года и ясак платить на Уфе, а в данной 150 года, каковую Аднагулко явил в Приказе Казанского дворца, написано: дана башкирцу Сарыбаеву с братьями и детьми покидная земля ясашных башкирцев Бурнашка с /л.34/ товарищи, покосы промеж Камы-реки и Пинаря озера, а верхняя межа тем сенным покосам Янгу-

стерек в промеж тех сенных покосов прошел источник Казандыш. А стряпчий Костромского монастыря сказал, что монастырской их земле межи и урочища написаны именно в грамоте 205 года, которая прислана в Казань по челобитью архимандрита Корнелия с братиею, а в грамоте 205 г. Из Приказа Казанского дворца за приписью дьяка Макара Полянского писана в Казань к воеводе князю Львову, что с Костромы Богоявленского монастыря стряпчий /об./ подал в приказ две выписи письма и меры казанского писца Волинского за приписью дьяка Патракеева 164 года, а в выписях написано: отдали они в оброк порозшую землю на реке Каме против устья Ик реки и сенные покосы с Костромы Богоявленского монастыря игумену Герасиму с братиею, а по дозору и по имению Андрея Издосского той порозшие земли написано переложные земли 50 четвертей, лесу черного в длину на две версты, а поперек на версту, а межа той земле верхняя идучи от Камы реки в Тураеву по правую сторону дороги татарская земля, а по левую сторону дороги та порозшая земля, да /л.35/ по изгороди Тураевского поля, а по другую сторону Ольховое озеро, а от Ольхового озера прямо на Каму реку, и на конец течет речка Безяк, а пала в Ольховое озеро; сенных покосов за Камою ниже устья Ик реки промеж Плоского озера Пирканивского, и от того Плоского озера прямо на Каму реку, а с другую сторону Ик река, а по смете сена сто копен, а оброку велено платить по 1 руб 16 алтын с деньгою на год безпереводно. И в прошлом 208 году сентября в 13 день /об./ по приговору воеводы Кудрявцева велено послать дворянина и с сторонними людьми спорные сенные покосы досмотреть и против вышеписанных крепостей межи и урочища досмотреть и против вышеписанных покосов, кто его косил и против крепостей в чьих межах и урочищах и учинить чертеж с подлинною очисткой, а потому послан указ на Елабугу к воеводе Дубенскому. /36/ Елабужский воевода Дубенской писал в Казань к воеводе Кудрявцеву, что он, взяв с собою сторонних людей и тем спорным сенным покосам чертеж учинил, коим по указанию сторонних людей межи: верхняя межа от Ицковского монастыря до осокоря, а татарское имя Янгусторек, а под тем деревом котловина, а от того дерева направо сенные покосы вотяцкие, а против осокоря и вотяцких покосов суходол, а ниже суходола вышел исток бакалдинами Казандыш и прошел тот исток /об./ через челобитчиков сенные покосы меж озера Пинаря и Камы реки, да на той же истоке выше озера Пинаря стоит осокорь, а тот исток Казандыш пал в Каму реку, направо от истока Казандыша промеж башкирца Аднагулковых и вотяцких сенных покосов поперек вышел суходол до болота, а от того болота пошел суходол до озера Пинаря, а из того озера Пинаря вышел источник и пал в озерко Ксюкуль, а с того озера межа тем сенным покосам с озера Ксюкуля с верхняя изголовья прямо на Каму реку по лругую сторону, а на левой стороне от той вышеписанной межи от осокоря течет река Кама, и сказали те сторонние люди, что

те сенные покосы /л.37/ косили Ицковского монастыря крестьяне насильством скосили, а те де сенные покосы исстари челобитчикова Аднагулкова родственника да села Тихих Гор крестьян на этот досмотр били челом Костромского Богоявленского монастыря архимандрит Корнелий с братиею и по их челобитью было поручено Дмитрию Каленину, который на спорные сенные покосы межи и урочища описал и учинил грани и межи, а именно: верхняя от Ицкого монастыря Камою рекою стоит осокорь, Янгустеряк, а подле того осокоря котловина, а в той котловине вода, а на той осокори нарублено две грани, первая грань /об./ указывает с той осокори прямо на Каму реку, а другая грань указывает на межевой столб, что поставлен против осокоря в суходоле, а у того столба выкопана яма и в яме насыпаны угля, а с того столба указывает грань в лице Камою рекою, на столбе же прямо суходолом, а от суходола прямо бакалдинами, а ис тех бакалдин истоком Казандышем прямо маленький столб, а на том столбе две грани, под ним выкопана яма, а в ней сыпано уголье, а на том столбе нарублено две грани: одна грань на первый межевой столб, что поставлен против осокоря, а другая грань указывает через /л.38/ вотские сенные покосы [...] прямо на исток Ерыксу, а направо от осокоря и от межевых столбов сенные покосы вотские, а налево от осокоря к Каме реке сенные покосы челобитчика Аднагулка Урусова с товарищи.

Посему велено тем санным покосам по крепостям и по розыскам и по чертежам быть за челобитчиками за башкирцы за Урусовым с товарищами, а ответчикам Костромского монастыря стряпчему отказать, для того что тех покосов за ответчиками не написано, а написаны те к монастырю покосы и именно за Камою рекою, а не в тех местах и урочищах.

/об./ 5-е, — Грамота, данная в октябре 7205 года от царя Петра Алексеевича воеводе Леонтьеву по челобитной того же башкирца Аднагулка Урусова которому велено дядиною Исенгулком Сарабаевым покинутою землею (тою самою о которой дана Урусову выпись из дела) и меленкою владеть по крепостям за скрепою секретаря Елабужского уездного суда

Копия с памяти 178 года, данная при царе Алексее Михайловиче воеводою Кондыревым по челобитной ясашных чувашей Уфимского уезда Казанской дороги деревни Безяка Уруска Еналеева да Юзейка Янгорина, которым по сей челобитной на притеснения с братьями, детьми и племянниками сею памятью велено платить на Уфу в казну сверх бобыльского ясака по 13 куниц, а всего 17 куниц, а казанцам и иных городов и уездов велено чиновным людям их Уруска да Юзейка с братьями и с племянники без указа государева, без уфимских указных памятей и подписных челобитников в Уфимском уезде ни в чем не бывать. [...]

Л. 39—45 — Документы, находящиеся в особой связке, и копий с которых при деле нет, следующие: (*краткое описание документов, не относящихся к Безьякам.* — А.М.)

Л.45 об.— И 12-й, Квитанции о платеже в казну ясака числом в связке 51 квитанция, из них деревни Безяков 27, позднейшая 1746 года, деревни Ижболдины 12, позднейшая 1710 года [...]

Извлечения из решения Межевой Канцелярии, подписанного 20.08.1814.

Л.46. [...] Вятской Межевой конторы определение, учиненное января 2 дня 1807 года: дачу № 15 деревень Куразовой и Тураевой башкирцев оставить в границах бывшего 1765 года владения [...] /об./ [...] равно тому спорные отводы, отведенные к даче № 12 деревни Безяков под знаками (*перечисление тамог*) отложить (*предлагается недовольным обратиться в гражданские судебные органы.* — А.М.). [...] л. 47 — [*Межевание*] на основании именных указов 21.07.1798 и 30.05.1805 «утвердить в полной его силе, потому что: хотя даче № 12 — го деревни Безяков и № 15-го деревень Куразовой и Тураевой башкирские поверенные /об./ оспариваемые к ним из дач к № 12-му из № 5, 11, 15 и 19 и из села Богородского Икское Устье тож и к № 15-му из № 19-го и из села Богородского Икское Устье тож той земли и утверждали принадлежащими к оным деревням по Жалованным грамотам, которыми спорящиеся крестьяне владения имеют по припуску в древние времена башкирцов, но на то никаких письменных доказательств к делу не представлено и чтобы оные оспариваемые земли принадлежали к помянутым № 12 и 15 дачам, того по представленным на них крепостям не значится, относительно ж до оспариваемых целых дач, принадлежащих по жалованным грамотам к № 12 деревни Безяков под /48/ № 6, 7 и 10 отхожих сенных покосов, принадлежащих первых к № 19 Камаевской волости, а последних к № 11 Гришкинской волости и под № 8, 9,13 и 14 казенных оброчных сенных покосов к № 15 деревням Куразовой и Тураевой, под № 7 и 10 сенных покосов, принадлежащих к № 11-му Гришкинской волости и деревням Сетяковой и Мунайки № 8, 9,13 и 14 казенных сенных покосов № 16 Камаевской волости деревни Ахтиял, № 17 Качкинского приказа деревни Ижевского устья удельных крестьян и № 18 отхожих сенных покосов, принадлежащих к № 16 Камаевской волости, то оные в целом владении споры по силе инструкции 3 и 9 глав 5-х пунктов до рассмотрения канцелярией не принадлежат и поелику из доставленного из Вятской Межевой конторы сообщения /об./ Елабужского уездного суда видно, что оным судом по рассмотрении присланных из той конторы на помянутые дачи крепостей вышеописанные и оспариваемые башкирцами земли принадлежащими им башкирцам не признаны, оставлены по прежнему их владению; и хотя из одного сообщения объявлено им, что решение уездного суда и чем они [...] не видно, но буде они башкирцы оное дело взяли на апелляцию, то представить дальнейшее рассмотрение прав их высшим гражданским правительством. Что же касается до заключения конторы в том, чтобы под № 6 отхожие сенные покосы, принадлежащие к № 19 Камаевской волости, и под № 8, 9,13 и 14 казенные оброчные сенные /49/ покосы — отдать под № 8

к № 11 Гришкинской волости, под № 6 и 9 к № 5 Тихогорской волости, а под № 13 и 14 также спорное место уничтожить; /об./ [...] по сделанному в чертежной расчислению к № 12 деревни Безяков на 4115 десятин 1242 сажени причитается 78 десятин 1051 саж., и к селу Богородскому на 3951 дес. 1205 саж. — 75 дес. 743 сажени.

К постановлению такого решения Межевой канцелярией приведены в обстоятельствах следующие споры: 1-й, к № 5 значущиеся в спорных местах под знаками (2 знака. — А.М.) земли, поверенный от общества башкирцев № 12 деревни Безяков /л.50/ Максютов утверждал принадлежащими по жалованной грамоте, что теми землями предки их владение имели, а после их потомки и отдавали оные жителям села Тихих Гор в оброк назад тому года три, что крестьяне того села оброка к № 11 Гришкинской волости не платят и владеют теми землями усильством, но о платеже оброков письменных обязательств не имеют, да и о усильном владении нигде просьб не подано, пашенные же земли расчищены усильством на принадлежащих к деревне Безякам не более от 3 до 10 лет, а часть селения, захваченная в отводе, поселена самовольно назад тому лет с 10; поверенный же той деревни Безяков тептяр Кареев показал, что он с башкирцами в спор не входит, /об./ потому что в тех местах деревни их тептярей и башкирцев было ли когда владели, не знает; напротив того № 5 села Богоявленского Тихие Горы тож поверенный оные оспариваемые земли утверждал принадлежащими к оному селу по крепостям, данным в 7181 году состоящей близ города Казани Семиозерной пустыни игумену Илариону с братиею, которые земли во время бытности за означенным монастырем обрабатывали частию на тот монастырь, а остальное на себя; по отписанном отныне от монастыря и поныне крестьяне села Тихих гор владение имеют, а башкирцев владения никогда не бывало; отшедшаяся в отвод часть селения поселена лет 60, где лесов никогда не бывало; из числа понятых 7 человек /л.51/ показали, что в помянутых спорных местах санными покосами и лесными угодьями изстари владение имеют крестьяне села Тихих гор, а было ль когда владение башкирцев и брали ль они с тихогорских крестьян оброк, не знают; дворы их, остающиеся в отводе, поселены издавна, а прочие понятые отговорились незнанием.

2-й, — Означенный № 12 деревни Безяков башкирский поверенный показанные на плане на все оные земли, покосы, принадлежащие под № 6 Камаевской волости деревне Кармала Тойма тож, под № 7 и 10 Гришкинской волости к деревням Сетяковой и Мунайке утверждал принадлежащими по жалованной грамоте башкирцам деревни Безяков, что теми покосами предки /об./ их и владение имели, а ныне состоят в неправильном завладении указанных крестьян, и из них санные покосы под № 6 во владение деревни Тоймы ясашных татар поступили с дозволения предков их башкирцев только по то время, пока они

и наследники пожелают тех татар до владения допустить; напротив того вышеозначенных деревень разного звания казенных поселян поверенные утверждали: оные оспариваемые сенные покосы принадлежащим и к тем их деревням по крепостям из давних лет владением, а башкирцев владения в том месте никогда не бывало; из числа же понятых сенные покосы владением утверждали /л.52/ под № 6 четыре человека деревни Тоймы, а под № 10 двое сетяковских татар, а прочие отозвались незнанием.

3-й, Поверенные деревни Безяков под № 8 казенные оброчные сенные покосы под названием Зюрейской дороги деревни Сетяк Тимофея Демьянова с товарищи, отдаваемые в оброк Гришкинского волостного правления из татар старокрещеным Емельяну Федорову и Ефиму Семенову; а под № 9 казенные оброчные статьи под названием Зюрейской дороги деревни Безяков Ирмячки Толатова с товарищи, отдаваемые из оброка Елабужскому купцу Василию Шишкину, утверждали принадлежащими по грамотам к оной деревне Безяков, которыми /об./ башкирцы той деревни в давних временах и владение имели, а почему Казенная палата решила отдать те покосы в оброк им неизвестно; напротив того, с казенной стороны поверенный уездный землемер Карельский землю под № 9 утверждал казенною оброчною по выписи 200 года, данной Ирмячке Толатову, отдаваемого от Вятской казенной палаты из оброка с 1802 по 1814 год Елабужскому купцу Василию Шишкину, прежде та земля состояла в оброке с 1786 по 1790 год деревни Безяков у ясашно-го татарина Максюта Кешеева (Кемеева?), а с 1790 по 1802 год оной же деревни у Халила Зайтова, и из числа означенной № 9 оброчной статьи в первом месте № 19 деревни /л.53/ Токашевой поверенный утверждал сию казенную оброчную статью под названием деревни Пузанды мурзы Тюкеева с товарищи, которые деревни Токашевой до 776 года владение имели и впрямую оброк вносили в Казанскую губернскую канцелярию, о каковом взносе имеют одну данную за подписом казначея Никифора Захаркина квитанцию, а с 776 года деревни Безяки башкирцы до владения их не допустили и означенную статью присоединили к оброчной же статье под названием Ирмячки Толатова, о чем от них, Токашевских в том 1776 году августа 1 дня в Мензелинскую воеводскую канцелярию подано явочное прошение.

Спорное под знаком [...] место, отведенное из № 12 /об./ деревни Безяков сей же деревни тептяр Зайтов утверждал принадлежащим к казенной оброчной статье под названием Зюрейской дороги деревни Безяки Ирмячка Толатова, что под № 9, коим он во время содержания и владение имел; напротив того № 12 поверенные оное спорное место утверждали владением деревни Безяков жителей, а казенной земли в том месте никогда не было, означенный же Зайтов в сделанном им отводе хотя владение и имеет, но не из оброку, а по делу деревни Безяков башкирцев;

понятые в спорном отводе земли утверждали владением деревни Безяков жителей, а по каким правам и казенная ль — они не знают.

/л.54/ 5-й,— Из одного ж № 12 деревни Безяков спорное под знаком [...] место отвод № 19 Камаевской волости разных деревень поверенные показывали, что оно принадлежит бывшей деревне Безак Токмак, которого той землею ясашные татары издревле по 1804 год владение имели, но в том 1804 году деревни Безяков жители разными усилиями ту землю завладели, и от чего и от разных чинимых безякинцами наглостей той деревни Безяк Токмак татары переселились в деревню по речке Кусяж Текашево тож и о том завладении от них в Камаевском волостном правлении /об./ объявлено; напротив того деревни Безяков поверенный об оном спорном месте показал, что жители деревни Безяк Токмак переселились в деревню Текашеву по своей воле и владеемую ими землю оставили жителям деревни Безяков, каковая земля по жалованной грамоте следует к деревне Безякам, которая тою землею и владеет; понятые о переселении жителей деревни Безяк Токмак отозвались незнанием.

6-й,— Села Богородского Икское устье тож экономических крестьян поверенный по смежеству с дачею № 12 деревни Безяков от литеры **I КВ** до литеры **Z** утверждал по ходу с левой /л.55/ стороны землю принадлежащую к тому селу по выписи 7164 года и по древнему владению, а поверенный № 12 башкирец Максюты утверждал по смежеству с селом Богородским границу меж по грамоте и по владению от означенной литеры **I** через литеру **K** и до литеры **Z**; но понятые о владении в сем месте между оных дач отозвались незнанием. И то спорное место недоказанного владения значится на плане под знаком 3);

7-й,— Из помянутого № 12 деревни Безяков спорное под знаком [...] место поверенный Села Богородского Икское устье тож экономических крестьян утверждал /об./ о принадлежащих к означенной же выписи 7164 года к тому селу, но состоящим с 1794 года в усильном владении жителей № 12-го, напротив той деревни Безяков башкирский поверенный Максюты показывал оную землю принадлежащую по грамоте единственно ему с доверителями и прочие той деревни поверенные башкирцы Исламгул Слуслимов, тептяр Ившим Кареев и ясашный татарин Максют Келеев утверждали, — как оное спорное место так и под знаком 3) в недоказанном владении — к общему их с поверенным Максютывым и доверителями по владению; первый, что он /л.56/ ему, Максютыву родственник племянник принадлежит ко владению его по той же грамоте, и последние, что они землями владели с начала поселения деревни Безяков, которая поселена предками их как башкирцев, так и тептярей и ясашных татар на пустопорожних землях, а не по припуску сказанного Максютыва предков; из числа понятых четыре человека показали, что в оном спорном под знаком [...] месте лесами издревле владение имели села Икского Устья крестьяне, а ныне не в давнем времени владеют деревни Безяков

жители, но по каким правам /об./ о том они, а прочие и во всем, отзывались незнанием.

8-й, — № 12-го деревни Безяков от башкирцев поверенный Максютов отводы земли из дач: № 11 Гришкинской волости деревень Турнак и Турнарак с деревнями черемис под знаком [...], № 15 деревень Куразовой и Тураевой башкирцев под знаком [...], № 19 Камаевской волости разных деревень татар и из села Богородского Икское Устье тож экономических крестьян под знаком [...], утверждал принадлежащими по грамоте к одной деревне Безяков во владении его с доверителями, коими землями /л.57/ и владение помянутой даче жители имеют и как в дачах № 11 деревня Сетьякова, № 19 деревня Текашево, так и село Богородское Икское устье тож поселены по припуску в древние времена предками его Максютова башкирцами; напротив того поверенные дач № 11, 15 и 19 и села Богородского Икское устье тож вышеозначенные оспариваемые из оных их дач земли утверждали: к их дачам по крепостям и по владению, а не по припуску деревни Безяков башкирцев;

9-й, — № 15 деревень Куразовой и Тураевой башкирцев поверенные отвод земли из дач села Богородского Икское Устье тож и из /об./ № 19 Камаевской волости [...] утверждали принадлежащими по грамоте к оным деревням, а владение имеют крестьяне села Богородского и Камаевской волости и сей последней поселены деревни Малая Тупень Сарал — тож и Псеева по припуску в древние времена предками их деревень Куразовой и Тураевой; напротив того села Богородское и из № 19 Камаевской волости поверенные утверждали помянутые оспариваемые земли к их дачам по крепостям и по владению, а не по припуску башкирцев.

И 10-й, — дачи: № 16 Камаевской волости деревни Ахтиял, № 18 описанных сенных /л.58/ покосов одной деревни ясашных татар и приписных к адмиралтейству татар же и № 17 — го Качкинского приказа Ижевского устья удельных крестьян; поверенный деревень Куразовой и Тураевой от башкирцев утверждал принадлежащими к оному № 15 по грамоте и притом показывал, что во владении состоят № 16 и 18 деревни Ахтиял у татар и № 17 деревень Ижевского устья удельных крестьян по припуску в древние времена предками жителей деревень Куразовой и Тураевой башкирцами; напротив того № 16 деревни Ахтиял выборной Салим Зайтеев утверждал земли как /об./ № 16 так и № 18 сенные покосы принадлежащими к одной деревне Ахтиял по владению и по грамоте, а не по припуску башкирцев; и поверенный № 17 деревни Ижевского Устья от удельных крестьян показал, что деревня сия поселение имеет на казенной земле с давних лет, удельные крестьяне от башкирцев договоров никогда не бирали и оброку им не плачивали и самим им башкирцам по данным грамотам земель в дачу не произведено, а предоставлено пользоваться одними бортными угодьями.

Повелением, произведенным при генеральном межевании спорам /л.59/, поверенные спорящихся дач обязаны подписками в представлении в Межевую контору крепостей, каковые и представлены дачи № 12 деревни Безяков от башкирцев, тептярей и ясачных татар:

(акты, представленные от башкирцев деревни Безяков в Вятскую Межевую контору. — А.М.):

1-я, — грамота 7025 года октября дня, что при деле отсутствует /122 ст./, засвидетельствованная в Оренбургской гражданской палате копия с сей грамоты от царя Петра Алексеевича на Уфу воеводе Леонтьеву по челобитной башкирцев Уфимского уезда Казанской дороги Ирминския волости Агильдейка Тямова, да Еманка Юксева;

2-я, — выпись 1700 года декабря 22 дня, что при деле /копия 51 лист, а подлинная /об./ в особом свитке/: выпись из дела 207 года, да с межевых книг Дмитрия Каленина, данная 1700 года при царе Петре Алексеевиче воеводою Кудрявцевым башкирцам деревни Безяков Аднагулку Урусову с товарищи;

3-я, — Владенный указ 1766 года июля 14 дня /сего указа при деле нет/, данной из Казанской губернской канцелярии Байлярской волости деревни Безяка служилому башкирцу Мустаю Мусину и всей той деревни жителям в том, что отданные по прошению их рыбные ловли по Каме реке по одной нагорной стороне от смежности деревни Тураевой от Прорывного истока и осокоря, что против /л.60/ острова Икского до урочища пашенного конца озера Кастубы Зюрейской дороги деревни Сетак в вечное и безперекупное владение каждогодного их платежа оброка 2 руб 8 коп;

Сверх сих актов в Межевую контору представлены копии с поданных в Мензелинскй нижней земский суд явочных прошений от башкирцев деревни Безяков: 1-я, от 1794 года февраля 3 дня о порубке в их дачах лесу, распашке земли и ловлении по Каме реке рыбы жителями сел Икского устья, Тихих гор и деревень Бондюги, Макаровой, Андреевой и Тяковой, Татарской Тоймы, Актикуловой /об./ Тоймы тож и Сарали; и 2-я, О разграблении в даче их на рыбной ловле платья, котлов, рыбных снастей и проч. села Тихих Гор жителями.

(О бесспорных и спорных землях деревни Безяков. — А.М.)

По Генеральному межеванию (как видно из сей копии с решения Межевой канцелярии), в деревне Безяках в бесспорном владении, что написано под № 12, оказалось 2603 десятины 2216 сажень, да в спорных местах, отведенных от оной деревни: в первом под знаком [...] № 9-го в казенной оброчной статье 187 десятин 2269 сажень, во второй под знаком [...] № 19 к Камаевской волости 311 десятин 129 сажень, в третьем под знаком [...] к селу Богородскому Икское /л.61/ устье тож 808 десятин 1394 сажени, в четвертом под знаком [...] состоящем между дач деревни Безяков и села Богородского, в недоказанном владении 153 десятины 1794 сажени, а всего в бесспорном и спорном владении 4105 десятин 602 са-

жени, а ненаписанием в крепостях известной меры будет за пример или недостаток неизвестно, а по ведомости казенной палаты в одной деревне показано по 5 ревизии 271 душа, из коих полагая на каждую по 15 десятин, причитается 4065 десятин и против сего количества по межеванию примеру 40 десятин 602 сажени, а кроме состоящих под знаком [...] в недоказанном /об./ владении 153 десятины 1794 сажени будет в пропорцию на души недостатку 113 десятин 1192 сажени (т.е. в бесспорном и спорном владении № 12 деревни Безяков составит только 3951 десятин 1208 сажень).

Пространство же оспариваемых деревнею Безяков и отведенных к одной земель также с точностью определено, а именно (157 лист) в казенных оброчных сенных покосах, отдаваемых от Вятской казенной палаты из оброка Алнашевского волостного правления из вотяков новокрещен Макару Тарасову оспаривались № 12 к деревне Безяков, по плану показано под № 13 под названием острова, что по реке Каме 179 десятин 1025 сажени; под № 14 /л.62/ под названием ясашной Ильи Богданова сотни деревни Юмьи Башкоки Беляева с товарищи 79 десятин 1383 сажени; в селе Богородском Икское устье тож экономических крестьян по плану показано в отведенном спорном месте под знаком № 12 к деревне Безякам 1619 десятин 2213 сажени (отводы и споры на 154 листе); в даче Тихогорской волости Села Богоявленского Тихие горы тож с деревнями ясашных татар, что на плане под № 5 в спорных местах, отведенных к № 12 деревне Безяков, в первом под знаком [...] 634 десятины 533 сажени, во втором /об./ под знаком [...] 358 десятин 155 сажень; в дачах по межеванию земли: в № 6-м особых сенных покосов Камаевской волости деревни Кармалы — Тойма тож ясашных татар 173 десятины 1710 сажень, в № 4-м сенных покосов одной же Камаевской волости деревень Сетяковой и Мунайки старокрещеных татар 89 десятин 1539 сажень, в № 8 казенных оброчных сенных покосов под названием Зюрейской дороги деревни Сетяк Тимофея Демьянова с товарищи, отдаваемых Вятскою казенною палатою из оброка Гришкинского волостного правления из татар старокрещенным Емельяну Федорову и Ефиму /л.63/ Семенову 42 десятины 1830 сажень; в № 9 в двух местах казенной оброчной статьи под названием Зюрейской дороги деревни Безяков Ирмячки Полатова с товарищи, отдаваемой из оброка елабужскому купцу Василию Шишкину в первом месте 348 десятин 532 сажени, во втором 432 десятины 1348 сажень; в № 10-м отхожих сенных покосов, принадлежащих Гришкинской волости к деревням Сетяковой и Мунайки старокрещеных татар 195 десятин 1811 сажень. Эти означенные под № 6, 7, 8 и 10 владения и казенные оброчные сенные покосы также и из оброчной статьи под № 10-м /об./ в первом месте поверенный № 12 деревни Безяков оспаривает принадлежащими к одной деревне; да Гришкинской волости разных деревень владения татар и черемисов под № 11-м в спорном месте под

знаком [...], отведенном к № 12 деревни Безяков 1344 десятины 1270 сажень; да в спорном дачи Камаевской волости № 19 месте под знаком [...], отведенном к № 12 му деревне Безяков 1848 десятин 1496 сажень.

(Дачи № 15 деревень Куразовой и Тураевой от башкирцев акты, л.64—67. — А.М.)

/л.67/ В сем же решении Межевой канцелярии в обстоятельствах дела приведена апелляционная жалоба на решение Вятской Межевой конторы, поданная от поверенного /об./ башкирцев Байлярской волости деревни Безяк. В сей жалобе писано, что деревня Безяк состоит на жалованной земле предкам их Агильдку Тямову да Яманку Юскееву по грамоте 7205 года и по выписи 207 года от стольника и воеводы Кудрявцова, что предки во время владения теми землями некоторую часть оных отдавали во владение на время из условленной платы живущим близ их деревни Безяков поселянам села Богородского Икское устье тож, села Богоявленского Тихие горы тож, селениям Сетяково, Такашево, Макаровой Тоймы, Сарсаз, Псеевы крестьянам, черемисам, татарам /л.68/ и тептярям, а деревни Старой Ямби вотякам остров для расчистки, что означенные поселяне, имея в виду владения предков их башкирцов на жалованной грамоте и выписи, усилились завладением и поселились на завлажденных у них землях целыми селениями да немалого числа душ и притом многократно не только на завлажденных местах, но и на неоспоримой по близости их деревни Безяков земле вырубил леса, о чем, как о самосильном их поселении, так и о вырубке лесов в 1784, 1794 и 1803 годах были поданы в Мензелинский уездный суд явочные прошения, что часть их сенных покосов, /об./ состоящая под самой их деревней по обе стороны речки Безяки из владения их с давних лет взошла в казенный оброк и по переоброчкам переходила разным частным людям, а в 1808 году по принадлежности этой оброчной статьи к их деревне Безякам Вятскою казенною палатою на основании Указа Правительствующего Сената 1803 года марта 6 дня отдана их селения обывателям из платимого прежде оброка в казну 30 руб, который ими башкирцами за 1808, 1809 и 1810 годы внесен сполна, что при генеральном размежевании земель вышеписанных селений обыватели на владеемые ими земли укреплений никаких не представили, а учинили /л.69/ спор, якобы те земли принадлежат им, межи и урочища землемеру Вятской межевой конторы Малинину объявили не те самые, какие у их де башкир значатся в грамоте и в выписи, а совсем другие, речку Безяк, проходящую чрез их владения, наименовали тремя названиями, что жалованную грамоту и выпись они хотя и представляли землемеру Малинину, но он не принял, а от означенных поселян объявленные ими межи и урочища утверждал, почему поверенный их Максютов прошением, поданным 24 февраля 1806 года в Вятскую межевую контору с приложением жалованной /об./ грамоты, выписи и копий с явочных прошений просил усильно завлажденные показанных селений обывателями земли им

башкирцам возратить, но межевая контора никакого удовлетворения не сделала и кроме сего оброчную землю, состоящую близ их селения, отданную Вятскою казенною палатою в наделение на число душ из платежа оброка 30 руб отдана жителям Села Богоявленского — Тихих гор; при сей жалобе представлены копии с грамоты 7205 и с выписи 1700 годов, тех же самых, которые были представлены в межевую контору.

/л.70/[...] Елабужский Уездный суд, рассмотрев означенные крепости, решением своим заключил: как из самых представленных поверенными от башкирцев деревень Безяков, Куразовой и Тураевой копий с данных предкам их владенных грамот и выписей видно, что еще в 7200 году, следовательно до состояния межевой инструкции поселены были на землях их властями Костромского Богоявленского монастыря Камской Богородской пустыни крестьяне и о таком заселении и владении данными угодьями происходил между вотчинниками башкирцами и монастырскими властями спор; кроме сего в выписи 1700 года декабря 22 дня значит, что в 164 году отдана на оброк порозжая земля на реке Каме против устья Ик реки и сенные покосы с Костромы Богоявленского монастыря игумену Герасиму с братиею и по дозору тое порозжие земли /л.71/ написано переложные земли 50 четвертей, лесу черного в длину на две версты и поперек на версту, и межа той земли верхняя идучи от Камы реки в деревню Тураеву, по правую сторону дороги татарская земля, да по изгородь Тураевского поля, а по другую сторону Ольховое озеро, а от него прямо на Каму реку, а по конец течет речка Безяк и пала в Ольховое озеро, следовательно по сему обстоятельству и что сами те поверенные, как в доношении Межевой конторы в гражданскую палату сказано, отозвались, что якобы оными дачами казенные поселяне, с коими башкирцы спорят, имеют владение и /об./ поселили селение по припуску их башкирцев предков из платежа оброка (на что означенных письменных документов не представляли). Ту оспариваемую башкирцами дачу и на основании в /13—? / триста определения, принятого г. Действительного тайного советника Неплюева и бывшего в Уфе вице-губернатором Аксакова и не можно почесть принадлежащую в единственное владение башкирцев, а представить межевой конторе, как в заселенную крестьянами села Икского устья и прочими землею и сенными покосами и оброчными статьями поступить по /л.72/ давности их, о чем палате гражданско суды донести.

Тот же Елабужский уездный суд, имея в виду вышеназванное решение Межевой канцелярии и то, что Вятское губернское правление указом от 5 апреля 1812 года предписало о башкирских землях деревень Безяков, Куразовой и Тураевой учинить рассмотрение, для чего и истребованы от них имеющиеся у них документы, отписав в Вятскую межевую контору, что, не имея плана и Межевой книги на обмежеванные за башкирцами земли и на те, которые /об./ предоставлено им отыскивать в гра-

жданских правительствах не можно знать их местоположения, посему суд просил контору на те земли план и межевую книгу для соображения положения дач доставить в суд. На это межевая контора отношением от 22 июня 1822 года за № 896 уведомила об оказавшемся по справке, что производившиеся в конторе о землях города Елабуги с прочими 19-ю дачами, в том числе и о показанных башкирских землях дело решено и решительное определение подписано 2 января 1807 года /л.73/ вниманию спорящихся к выслушанию оногo к сведению их о припечатании объявлений в Московских и С.-Петербургских ведомостях представлено в 1 и 6 департамент Правительствующего Сената 14 января того же 1807 года, а для объявления сего решения казенным и удельным поселянам отосланы копии с решительного определения в Вятскую казенную палату и Уфимскую экспедицию 29 и 30 того же января и что самое дело общо с приписанными спорными платами и производствами по присланному из Межевой канцелярии указу от 11 февраля 1808 года, по поступившим в оную на решение сей /об./ конторы апелляционным жалобам, отослано в оную канцелярию при рапорте от 15 апреля того же 1808 года.

/л.74 об./ Прежде владеемая башкирцами и тептярями земля и угодыя находились из платежа ясака деньгами, медом и зверьями. Потом по указу Правительствующего сената от 24 марта 1754 года, последовавшему с высочайшего повеления г. Оренбургскому губернатору Неплюеву, предписано ясак с них снять, за каковым указом и за силоу Межевой инструкции 12 главы 19 пункта владеемые земли по тем укреплениям оставить за теми башкирцами и тептярями и уравниения /л.75/ землями с русскими казенными крестьянами делать не следует. [...]

/л.81/ Стряпчий 11-го башкирского кантона Скарятинов от 21 октября 1842 года объяснил, что в Сарапульском и Елабужском уездах состоит 6 башкирских дач: [...]; а в Елабужском пять: 1-я, Байлярской волости Безякенской тюбы деревни Безяков в количестве 4358 десятин 433 сажени; [...] что все эти дачи жалованы башкирцам /об./ в вотчину по грамотам от великих царей и государей [...]; дело, которое и рассматривается ныне в Правительствующем сенате по межевому департаменту, [...] возникло по одному протесту Вятского обер-форштмейстера, основанному на мнимом его предположении будто /л.82/ башкирцы, обитающие в Сарапульском и Елабужском уездах, не должны иметь земель более окружающих их казенных крестьян. Он же стряпчий к защите прав башкирцев представляет на благоусмотрение суда: 1-е, — если башкирцы действительно имеют у себя противу прочих сословий превосходство в землях, то одно это нисколько не должно было вовлекать в сомнение вятского обер-форштмейстера, ибо все земли башкирцев, состоящие по реке Каме, прилежат к Оренбургскому краю, принадлежат им со времен древнейших и в последствии за верную службу их жаловано им в вечное владение; и 2-е, — все права башкирцев на занимаемые земли рассматрива-

лись уже /об./ в Верховном правительстве, и те из них, к-е обмежеваны бесспорно, по именному Высочайшему указу от 10 апреля 1832 года признаны неотъемлемою собственностью башкирцев, следовательно теперь, за силою этого указа, по одному неосновательному протесту Вятского обер-форштмейстера, из дач башкирцев Сарапульского и Елабужского уездов по трем – Исенбаевской, Безякейской и Тураевской, бесспорно обмежеванных земель назад тому несколько уже десятков лет, нет никакого резона пересматривать снова навеки утвержденные высочайшей властью права башкирцев. [...]

/л.83 об. – 84/ – *(перечисляются все документы, представленные через доверенного деревни Безяков Хусейна Исмаилова: А. Тямову, А. Урусову, И. Сарыбаеву от 21.06.7150, список с грамоты царя Алексея Михайловича Уруску Еналееву. – А.М.).*

[...] /л.97/ – Межевая канцелярия указом от 7 ноября 1850 года за № 31630 дала знать Елабужскому уездному суду, что Правительствующий сенат по межевому департаменту, возвращая в Межевую канцелярию при указе от 31 октября 1828 г за № 2388 дело, предписал решение канцелярии коим дававшее в том, чтобы деревни Безяков владения башкирцев оставить в границах бывшего до 765 года владения, и спорные отводы, отведенные той деревне из /об./ разных дач, уничтожить, и те спорные земли оставить в тех дачах, от коих оные отведены были, кроме одного места под знаком 3). [...]

/л.111/ Присутствие уездного суда открыто 20 июня 1849 года в деревне Безяках, а 24 того же июня, прибыв на место по чинимому пункту генерального плана литер А депутата башкирской стороны стряпчий Туленков словесно представил временному присутствию уездного суда Елабужского, что при этом пункте /об./ во владении башкирцев и тептярей не только нет излишне отмежеванной казенной земли, но противу грамоты 7205 года октября дня еще не вполне отмежевана земля, так как по грамоте Долгая гора должна быть границею башкирских владений, а оная в сем месте в казенных владениях, Посему Туленков просил сделать до этой горы измерение или и осмотр и записать оный в акт, и что подобно сему он, стряпчий Туленков, и в прочих, где из башкирских владений земля отошла в казенное ведомство, будет предьявлять и просить записывать /л.112/ в акт; например, впадение речки Безяка должно быть внутри башкирской дачи, но по межеванию впадение сей речки далеко уже в казенном владении; со стряпчим Туленковым согласовался и тептярский старшина команды № 3-го; против сего окружной начальник объяснил присутствию уездного суда, что со стороны казны объявлен иск об изменении владеемых башкирцами и тептярями лесах и землях и палата гражданского суда от 17 ноября 1841 года предписала на бесспорно обмежеванные башкирцам и тептярям земли /об./ истребовать к делу планы и межевые книги и произвести на месте поверку о том, по каким актам

учинено отмежевание, что согласно сему уездный суд прибыл на место и что следовательно на точном основании распоряжения гражданской палаты должно производить поверку внутри башкирских и тептярских дач только в том, не заключается ли в тех приписных отмежеванных противу актов казенных земель и лесов, а не отыскивать, как требует башкирский стряпчий за генеральною границею в казенных дачах земель, принадлежащих якобы /л.113/ башкирцам и тептярям; посему окружной начальник не согласился на исполнение требования башкирского стряпчего Туленкова, ибо всякие обыски после генерального размежевания воспрещены статьею 712-ою и примечанием к 797 ст. X-т Св.зак. изд. 1842 г.; с окружным начальником согласился землемер Вятской палаты государственных имуществ. [...]

/л.117/ Вследствие таковых отзывов Елабужским уездным судом 25 июня 1849 г. постановлено: присутствие сего суда в деревне Безьяках закрыть, членам и канцелярии отправиться в г. Елабугу и о том депутатам объявить. [...]

(Елабужский суд решил вновь проверить достоверность права бизякинцев на земли, хотя Межевая канцелярия отказалась прислать ему документы; суд назначил новый выезд в Бизяки 15/Об.51, но он тогда не состоялся. — А.М.)

/л.118/ — Члены уездного суда прибыли в деревню Безьяки 23 июня 1852 г. Елабужский уездный землемер Титов от 26 июня 1852 года /об./ объяснил уездному суду, что как видно из указа межевой канцелярии, настоящее дело межевым производством давно уже окончено, что производить поверку в натуре границ по выданным планам и межевым книгам, кроме того что она потребует продолжительного времени, он считает совершенно излишней, потому что с обеих сторон, т.е. башкирской и казенной никаких споров об этом не объявлено, а ежели и есть споры о границах, то дела об них производятся особо, и что означенную поверку производить он считает даже несогласным с 5-м пунктом указа бывшей Вятской палаты гражданского суда от 17 ноября 1841 г за № 2376, где сказано на бесспорно отмежеванные земли башкирцев и тептярей вытребовать к делу планы и произвести на месте /л.119/ поверку по каким актам учинено отмежевание, а не поверку границ, но этой поверки актов в настоящее время уездному суду невозможно, потому что документы, т.е. полевые производства с первоначальными планами хранятся в межевой канцелярии. [...] Башкирский стряпчий Хребтович [...] присовокупил, что он находит нужным все находящиеся при деле документы на земли башкирцев и тептярей представить в комиссию высочайше утвержденную в городе Уфе для рассмотрения прав башкирцев и их припущенников /об./. Вследствие сего уездный суд 25 июня 1852 года постановил: [...] отослать все дело для рассмотрения в комиссию высочайше утвержденную в городе Уфе о наделении башкирских припущенников землями, а членам уездного суда и депутатам отправиться по своим местам и за-

нениям. Судебная палата указала от 19 ноября и 22 декабря 1852 года дала знать уездному суду /л.120/, что это дело надлежит окончить сообразно сведениям и сенатском решении и по другим обстоятельствам. В прогоны Елабужским уездным судом в две поездки употреблено денег 33 рубля, выданных из Елабужского уездного казначейства. [...]

/л.148/ [...] 14 декабря 1859 года по распоряжению судебной палаты была произведена оценка: 1-е, — Безякинской дачи владения башкирцев деревни Безяков с пространством удобной и неудобной земли 4358 дес 433 саж, которое оценено в 34580 рублей

/л.150/ За исключением неудобных мест осталось одной удобной земли 4051 дес 1320 саж. [...] по 5-ревизии 266 душ м/пола из них башкир 244 и тептярей 22 души; 1805 года сентября 16 дня учинена межа, и по решению Вятской межевой конторы утверждена в 1807 г. ноября 8 дня по решению оной /об./ же конторы, утвержденному межевой канцелярией и правительствующим сенатом по межевому департаменту утверждением окончено 1829 года июня 7 дня. [...]

/л.177/ В именном высочайшем указе, данном правительствующему сенату 10 апреля 1832 года, помещенным в полном собрании законов под № 5287-м, между прочим изображено: мнения прекратить отныне все розыскания по владению башкирцами землями, дабы таким образом утвердить права башкирцев на принадлежащие им земли, и положить конец разорительным тяжбам, повелеваем: признать башкирцев владельцами всех этих земель, кои отныне бесспорно им /об./ принадлежат. Этот именной указ приведен под 1469-ю статью; по сему распоряжение гражданской палаты в 1841 году о проверке на местах, по каким именно актам учинено башкирцам бесспорное отмежевание земель, как имеющие утайки отыскивание в сих землях казенной принадлежности, было бы противно изъявленному именованному указу, если б палата не имела ввиду спора, замеченного со стороны казны обер-формейстером еще прежде сего именного указа, а вследствие сего спора башкирские земли в именованных уездах не подходили под действие того именного указа, признавшего башкирцев владельцами тех только земель, кои бесспорно им принадлежат; межевые судебные места решениями прекратили только споры о границах земель, но /л. 178/ выданная на владение оными башкирцами бесспорной по 883 ст 3ч. Ят. Св.зак. межев., планы и межевые книги не могли за силою 884 ст. зак. Меж. быть принимаемы; да издание в 1863 году положение о башкирцах, за доказательство вотчинной принадлежности написанных за ними по межеванию земель, если самые крепости на те земли оказались недействительны. [...] Определено, что общественные вотчинные земли, в прежнее время пожалованные башкирцам или иначе им доставшиеся, обмежеванные за башкирскими обществами при генеральном межевании и состоящие в бесспорном их владении, принадлежат сим обществам на праве собственности, что

такие земли предоставляется башкирским обществам /об./ продавать и отдавать в срочное содержание; и что каждый член общества может требовать, чтобы причитающуюся на его долю из вотчинной общественной земли участок был выделен ему в частную собственность; такое точное определение прав башкирцев на обмежеванные за ними при генеральном размежевании земли, как бы ни были им доставшиеся, разрешает предложенный вопрос тем, что настоящее дело в палате следует производством прекратить и неисполненную Елабужским уездным судом по указу гражданской палаты поверку земель по актам оставить без исполнения, равно и решение сего суда, состоявшегося 12 августа 1859 года относительно разбора прав башкирцев на земли, как не могущие ни увеличить, ни уменьшить тех прав, предоставленных положением о башкирцах, оставить без исполнения /л.179/ и с тем, чтобы употребленные уездным судом по делу прогонные деньги были отнесены на счет казны.

[НА РТ, ф.986, оп. 1, д. 489]

№ 4. Документы, необходимые для получения звания указного муллы

4.1. Приговор жителей тептярской деревни Кичкутан 1829 года

1829 года 29-го марта Вятской губернии Елабужскаго уезда Байлярской волости команды тептярскаго старшины Тимки Тукаева мы, нижеподписавшиеся, деревни Кичкутан мирские люди, тептери, будучи по общему нашему согласию, учинили сей приговор о том, что нужно нам при нашей пятивременной мечети муллу для служения, то мы, мирския люди, и избрали деревни Безяков тептяря Абдуллатифа Балтанова, которой поведения и состояния весьма хорошаго, в штрафах и под судом никогда и за что не бывал, а болие упражняится к обучению наших малолетних детей, мы, мирския люди, тептери, желаем в нашей деревне Кичкутанах мударисом и учителем, ежели он по испытании Магометанским собранием окажется в знании, то онаго Балтанова определить к нашей мечете мударисом и учителем, во всем мы желаем и приемлем, ибо он, Абдуллатиф Балтанов, весьма к магометанскому закону рачителен и знающей, то мы, мирския люди, к оной мечете определить желаем, ежели будет начальству благоугодно, и на определение снабдить указом. В чем сей мирской приговор дали и со оным приговором где следует явиться и просить о утверждении мударисом. В чем сей приговор учиня на мирском сходе со всего единого согласия, под сим и подписуемся, а неумеюция писать бартевыя тамги, а именно:

деревни Кичкутан выборной Сагит Саликов [*значок тамги*],

Габдрафик Рахманкулов [*значок тамги*], АбубакирУзбаков [*значок тамги*], Сейфулмулюк Ягудин [*значок тамги*], АбдрахманАбдрахимов [*значок тамги*], АбдулмазитУсмаков [*значок тамги*], Мухамедий Рах-

манкулов [значок тамги], Мухаметърахим Рахманкулов [руку приложил], Бикбатыр Бакиров [значок тамги], Минлигул Усманов [значок тамги], Абдуллатиф Ижбердин [значок тамги], Мухаметърахим Мавлюкеев [значок тамги], Габдулзямилъ Икбердин [значок тамги], Баймухаметъ Мавлюкеев [значок тамги], Файзулла Амзеев [значок тамги], Мухаметъаминъ Зяминев [значок тамги], Мухаметърахим Заминев [значок тамги], Халит Саликов [значок тамги], Габдулгалям Гадилин [значок тамги], Фаткулла Илкин [значок тамги], Шагиахметъ Мухаметърахимов [значок тамги], Бектемир Рафиков [значок тамги], Юзелей Мухамедиев [руку приложил], Апсаям Абулгазиев [значок тамги], Сейфулла Ягудин [руку приложил], Абдулгази Усманов [значок тамги], Габдулвали Усманов [значок тамги], Суяндюк Бектемиров [руку приложил], Зейнулла Амзеев [значок тамги].

[ЦИА РБ, Ф. И-295, оп. 4, д. 685, л. 2–2 об.]

4.2. Приговор тептерей деревни Бизяки 1830 года

«1830 года марта... дня Вятской губернии Елабугского уезда ведомства команды старшины Раймана Ибрашова деревни Безяков нижезначущияся тептери, будучи на общем мирском сходе, на собрание котораго възойдя одностель наш тептеръ Габдулълатив Балтанов, объявил нам, что имеет он желание быть онаго ж уезда команды таковаго ж старшины Токаева в деревне Кичкутанах, по приглашению того мирскаго общества в пятывременной мечети имамом и учителем, на каковый предметъ предьявля нам данной ему от общества оной деревни на законном основании приемательной приговор, засвидетельствованной по должности старшины Токаева, почему мы на увольнение его, Балтанова, законопрепятствующих притчин не предвидим, а потому все единогласно увольняем. В чем дая ему сей приговор, в обязанность поставляем, чтоб он представил его в рассмотрение и утверждение в вышнее начальство. В том и удостоверяем приложением своих тамог, именно:

Гезетулла Рахметуллин, Нигаметулла Кутуев, Губейдулла Ибрашов, Гайннидтин Райманов, Изабидтин Райманов, Сейфулла Кутуев, Ислам Балтанов, Абдулхаким Ягудин, Гадилша Рафиков.

Сей приговор при личности моей значущимися в нем тептярями в написанной силе с согласия учинен, а потому с приложением печати сим и свидетельствуя, тептерской (*продолжение текста отсутствует, видимо, должно быть*: «старшина Райман Ибрашев руку приложил» – А.М.).

1832 года октября 9 дня сей приговор в Елабужском земском суде явлен, а что оной действительно тептерю Абдуллатифу Балтанову тептерских деревни Безяков в написанной, а мне дан, в том сей удостоверяюсь чрез местное изыскание въследствие постановленной 20 марта июля резолюции (*продолжение текста отсутствует*. – А.М.).

[ЦИА РБ. Ф. И-295, оп. 4. Д. 685, л. 3–3 об.]

4.3. Приговор ясачных татар деревни Табарли 1831 года

1831-го года генваря 15-го дня Вятской губернии Елабугского уезда Ильинского волостного правления деревни Табарлей есашные татары, нижеподписавшиеся, будучи на мирской сходке имели рассуждение о том, что при нашей пятивременной мечети исправляет должность муллы Елабугского уезда Байлярской волости деревни Безяков тептерь Зейнутдин Райманов уже пятой год, без указа, и как он в течении вышеписанного времени вёл себя добропорядочно и богослужение по магометанскому закону отправлял рачительно с усердием.

А по сему мы, мирские люди, и желаем его, Райманова, иметь при нашей мечети муллою навсегда, с тем, чтоб он просил от правительства Указ по изъявленному им желанию. В чём сей приговор учиня, в том умеющие грамоты подписались, а неграмотные приложили свои тамги. А именно: Мустафа Нигаметуллин (*значок тамги*), Абдрашит Халиков (*значок тамги*), Мухамадей Ишмухаметов (*значок тамги*), Абдрафик Аминев (*значок тамги*), Балта Мустафин (*значок тамги*), Абдулгафар Мухамадеев (*значок тамги*), Габдулнасыр Ишмухаметов — «*кулым куйдым*», Губайдулла Мухамадеев (*значок тамги*), Абдулвахит Мазитов (*значок тамги*), Габидулла Абдрашитов (*значок тамги*), Тимир Мухаметов (*значок тамги*), Шамгул Биктимиров (*значок тамги*), Муса Апсаямов — «*кулым куйдым*», Ибадулла Мухамадеев (*значок тамги*), Абдулвагит Мазитов (*значок тамги*), Габдулхамит Мустафин (*значок тамги*), Янкулыч Тукаев — «*кулым куйдым*», Мухаметгали Курбангалеев (*значок тамги*), Сеитбаттал Мустафин (*значок тамги*), Апсаям Ишмухаметов — «*кулым куйдым*», Мухаметнияз Абдукаримов — «*кулым куйдым*», Файзулла Фаткуллин (*значок тамги*), Абдулмазит Мавлюкеев (*значок тамги*), Мухаметшарып Абдулкаримов — «*кулым куйдым*», Фахритдин Сейфутдинов — «*кулым куйдым*», Шамсутдин Шамагулов (*значок тамги*), Гайнулла Газеев — «*кулым куйдым*», Абдулнасыр Газеев — «*кулым куйдым*».

Действительно сей приговор мирских людей учинён, в сём удостоверяет волостной голова Павел Герасимов, по безграмотству приложил волостную печать. [*Круглая печать:*] «Вят. гу. Елабужской округи Ильинского воло. прав.».

Писаря ученик: *Антип Алексеев*».

[ГАКО.— Ф. 583, оп. 55, ед. хр. 4167, л. 2—2 об.]

4.4. Прощение Г. Балтанова на имя Николая I 1832 года

«Всепресветлейший державнейший великий государь император Николай Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просит Вятской губернии Елабужскаго уезда команды тептярского старшины Раймана Ибрашова деревни Безяков тептярь Габдуллатиф Балтанов, а в чем, тому следуют пункты.

Одного со мною уезда деревни Кичкутан жители, все с общаго согласия, избрали меня для бытия при состоящей у них в деревне пятивременной мечете имамом и учителем, в чем и снабдили меня приемным, а одnodеревенцы мои увольнительным письмами, засвидетельствованными Елабугским земским судом, с коими хотя и следовало бы мне наперед явиться в Вятское губернское правление, а оттоль мог бы дойти для учинения мне в знании магометанских правил испытания в Оренбургское духовное магометанскаго закона собрание, но по неведению моему такового порядка приехал прямо в город Уфу, и есть ли мне теперь паки возвратиться в город Вятку, а оттоль в Уфу единственно для одного только испытания, чрез что должен буду я понестъ себе не толко убыток, но даже и самое раззорение, а потому прилагая я при сем означенные приемное и увольнительное письма, всеподданнейше прошу:

дабы высочайшим Вашего императорскаго величества указом повелено было сие мое прошение с приложением приемного и увольнительного писем принять и по вышеписанным причинам в знании магометанских правил сделать мне испытание и о утверждении меня, чем я окажусь по оному способным, учинить законное распоряжение.

Всемилоостивейший государь, прошу Вашего императорскаго величества о сем моем прошении решение учинить.

Декабря... дня 1832 года. К поданию надлежит в Оренбургское духовное магометанскаго закона собрание. Прошение сие въчерне и набело писал канцелярист Иван Гребеньщиков. А он, проситель тептярь Габдуллатиф Балтанов, татарским письмом руку приложил:

Ушбу прущиниягэ бэн, сорагучы тибтэр Габделлэтыф Балтан углы, кулум куйдым *(подпись арабской графикой. — А. М.)*».

[ЦИА РБ. Ф. И-295, оп. 4, д. 685, л. 1–1 об.]

4.5. Отношение Оренбургского Духовного управления, 1832 год

В Вятское Губернское Правление

Оренбургского Духовного Магометанского закона Собрания

Во исполнение насланного из оного Губернскаго правления от 31-го числа декабря прошлаго 1831-го года за № 56346-м Его Императорскаго Величества Указа, и учинённой на оной в здешнем Духовном Собрании резолюции Вятской губернии Елабужскаго уезда деревни Безяков тептерю Зейнутдину Райманову, избранному жителями того ж уезда деревни Табарлей к состоящей в оной деревне пятивременной мечети в имамы по неимению оного, в присутствии сего Собрания в знании правил Магометанскаго закона испытание учинено было, которой и оказался быть пятивременным имамом и учителем способным.

Определено: о утверждении означеннаго тептера Зейнутдина Райманова на звание пятивременнаго имама и учителя сопроводить в оное

Губернское Правление при отнесении причём и доставленные прошение с приговорами приложить.

Заседатель: *Сабит Абдреев.*

Секретарь: *Владимир Степанов.*

25 июля 1832-го. № 897.

[ГАКО, ф. 583, оп. 55, ед. хр. 4167, л. 5]

№ 5.1. Копия приговора от 31 мая 1855 года о постройке запасного магазина для 12-кантона 23 юрта

Мы, нижеподписавшиеся Елабужского уезда 12 башкирского кантона 23 юрты по 9 ревизии 910 душ и 333 домохозяина жители разных деревень, выслушав объявленное нам старшиной Шункаровым предписание управляющего 12 башкирским кантоном последовавшее с распоряжения высшего начальства от 13 мая за № 1110 относительно постройки дополнительного и поправки старого магазина постановили сей приговор в том, что для нашей юрты нужно выстроить дополнительный магазин о 12 закромах. На постройку одного и поправку старого магазина потребно по нашему расчету 600 бревен и 48 дубовых стоек, каковой лес приготовим в вотчинных своих дачах. Постройку магазина будем производить сами натурою, и для наблюдения за правильною работою наняли плотника башкирца деревни Безяков Габдулгагира Тойчинова с платою ему по 6 коп. с души, а на распилку и на покупку железных материалов определили собрать по 4 коп. с души всего с 910 душ 91 рубль серебром.

К подлинному приговору руки и тамги приложили 11 домохозяев.

Верно кантонный начальник сотник Кеянов

[НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 305, л. 28]

№ 5.2. Перевод предписания старшины Шункарова на русский язык.

Перевод с татарского.

23-й юрты от старшины Шункарова

Сельскому Камалитдину Хусеинову

Строго предписываю тебе, с получения сего тотчас собираемые по предмету дополнительного магазина деньги, где таковые остались т.е. в каком десятке есть недобор, приказав строго десятникам собрать оные теперь же и отнюдь не оставив от сего числа — доставить сборщику Абдулсадыку Имангулову; а так же кем не доставлены к приемщику Нигаматулле Гайнуллину бревна и дубовые столбы теперь же не оставив от сего дня приказать им доставить таковые Гайнуллину и сего же числа приказав начать стройку магазина — мне о том донести для донесения моего начальству, что очень нужно.

Старшина Шункаров 1856 года сентября 3 дня.

Переводил переводчик Мензелинского земского суда Гизетулла Бахметьев.

№ 6. Рапорт попечителя 6-го попечительства от 27 октября 1862 года исправляющему должность командующего башкирским войском

/л. 88/ Представляя к Вашему Высокоблагородию [...] два следственных дела, соединенные в одно, произведенные о противозаконных поступках бывшего юртового старшины 3-юрты 17 кантона зауряд-хорунжего Хисметуллы Шункарова, — имею честь донести, что обстоятельства дел сих следующие: первого: башкир 17 кантона 3-юрты деревни Бизяков Габдулсадык Имангулов в /об./ поданных 30 января, 28марта, 10 мая и 30 декабря 1857 года Гг. бывших: командующему башкирским войском и Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору просьбах жаловался на юртового своего старшину зауряд-хорунжего Шункарова в том, что он: в первых числах сентября 1856 года, сделав в своей деревне Бизяках команды своей сходку, объявил с предписания начальства, о постройке дополнительного общественного хлебного магазина натурою; и для исполнения сего, сверх желания просителя, приказал обществу нанять его, как знающего плотничное мастерство; заверив при том, что настоящая послуга будет зачтена ему за службу военного действия. Чем он убеждаясь, принял постройку ту на себя; и общество определило ему за труды по 30 коп. серебром с каждой души. Когда же была окончена им постройка, то Шункаров, дав ему 2 сентября за № 207 предписание и книгу, приказал взнести в последнюю не то количество, которое общество ему назначило и им уже получено, а только по 10 коп. с /л.89/ души; и в случае неисполнения он обещался кончить ему голову. Заключая из сего, что Шункаров приказал сделать сбор с общества по 30 коп. с души, самопроизвольно, и дабы оправдать себя перед начальством, приказал внести в книгу только по 10 коп. И опасаясь угроз Шункарова, Имангулов просил произвести о вышеизложенном обстоятельстве законное следствие и Шункарова предать действию закона; на время же производства этого следствия его, Шункарова, от должности старшины удалить (что и исполнено).

Эти прошения свои башкир Имангулов вполне подтвердил и при следствии. Противу чего бывший юртовой старшина зауряд-хорунжий Шункаров отозвался, что жителям деревень Бизяков и Тураевой предписание начальства о постройке дополнительного хлебного магазина натурою, действительно объявлял, и по исполнении сего ушел в свой дом; в отношении найма мастеровых никаких советов жителям не предлагал и ни в какие разговоры о сем не входил, потому что предмет этот принадлежал собственно обществу; однодеревенца своего, башкира Имангулова, противу воли /об./ и желаний его обществу не представлял, никаких приказаний о подряде его к постройке магазина не делал, его, Имангу-

лова о том, что настоящая послуга его будет зачтена за службу военного действия не уверял; о дополнительном сборе денег по 20 коп. серебром вовсе не знал; и устрашивания Имангулову никакого не делал. На отзыве он, Шункаров, вполне утвердился и на очной ставке, данной ему с башкиром Имангуловым, который при том пояснил, что на изобличения Шункарова в делаемых им ему угрозах никаких доказательств не имеют. Жители деревень Бизяков и Тураевой под присягою показали: 27 человек, что постройку дополнительного магазина они с разрешения старшины Шункарова действительно произвели наймом; и на предмет сей, согласно приказания Шункарова, сделали дополнительный сбор кроме определенных прежде составленным приговором 10 коп., еще по 20 коп. /л.90/ При чем присовокупили: один человек, что Шункаров принуждения к сбору тех денег не делал, а имел только наблюдение за скорейшею постройкою магазина; шесть человек, что сбор тот производился по добровольному согласию самого о-ва; пять человек, что общество предположило собрать по 30 коп. с души с приказания Шункарова десятским. За тем остальные 30 человек, что старшина Шункаров в сборе денег по 30 коп. с души никакого участия не имеет, и сбор производился самим обществом по добровольному согласию. Каковые показания все они утвердили и при данной им очной ставке.

И *второго*: бывший начальник 17 кантона сотник Кеяков от 25 января 1858 года за № 40 донес командовавшему войском, что юртовой старшина зауряд-хорунжий Шункаров, несмотря на строгое воспрещение начальства о неувольнении подозрительного поведения башкир на Мензелинскую ярмарку таковых увольнял, выдавая им на это подложные свидетельства; в /об./ доказательство чего представил то: что на одном из тех свидетельств, написанном 29 декабря № 80, а на другом от 28 числа № 399. Кроме того, он, Шункаров, возложенные на него поручения по службе исполняет медленно, в хозяйственном распоряжении допускает большие упущения; делает по службе ослушание и не исполняет начальственных предписаний, за что хотя были делаемы ему замечания и выговоры, но они им оставлялись без внимания. При чем представил 5 увольнительных свидетельств, выданных Шункаровым башкирам и три рапорта его сотнику Кеякову о выдаче таковых же. [...]

/л.91/ Зауряд-хорунжий Шункаров отозвался, что таковые выданы им не порочного поведения башкирцам, а напротив доброй нравственности, и не на сто дней, а на семь. Что вполне подтвердили: юртовой писарь Араслангали Хамитов и башкиры, получившие те свидетельства; с тем последние, что вскоре по получении ими оных сотник Кеяков вытребовал их в свою квартиру, свидетельства /об./ те от них отобрал, а на какой предмет, им неизвестно. А башкир Ильяс Незамутдинов показал, что с выданным ему старшиной Шункаровым рапортом он хотя и явился к сотнику Кеякову и просил его о выдаче билета на отлучку на Мен-

зелинскую ярмарку для продажи вязовых дуг, но он потребовал с него за то 1 руб. 50 коп. серебром; когда же им таковые ему даны не были, то Незамутдинов и дозволения на отлучку не получил. Как Низамутдинов, так и все башкиры, которым Шункаров выдал на отлучку свидетельства, и просил Кеякова о выдаче оных на повальном обыске в поведении одобрены, и по мирским приговорам они, кроме Хисматуллы Мендеева, наказаны не были. Он был наказан розгами за неисправную городьбу полевых прясел и за отлучку из жительствова. По рассмотрению вышеизложенных пяти свидетельств: указными муллами Мухаметрахимовым и Мухаметвалеевым, бывшим начальником 17-го кантона сотником (ныне есаул) /л. 92/ Манашевым и переводчиком моим коллежским регистратором Дашкиным, они удостоверили: что сведения эти написаны были не на сто, а на семь дней; поправка же из семи — сто сделана умышленно и это легко было исполнить прибавкою только сверху точки. Сотник Кеяков не сознаваясь в поправке этих свидетельств и в требовании с башкира Низамутдинова денег 1 руб. 50 коп. серебром, отзывался, что если он Низамутдинов с товарищами, в помянутом рапорте за № 40-м, опорочены им в поведении, то не без причины и повода; что от чего произошла в свидетельствах объясненная поправка неизвестно; и что башкир Низамутдинов не уволен им на ярмарку потому, что считался им в числе порочных людей. От роду сотнику Кеякову ныне 70 лет, в службе состоит с 1 мая 1808 года, а в настоящем чине с 26 апреля 1856 года, в штрафах ни за что не находился, женат и не имеет детей. А зауряд-хорунжему Шункарову 53 года, в /об./ службе с 2 мая 1826 года, в штрафах тоже не находился; от должности юртового старшины удален 9 июня 1858 года, женат и имеет детей.

Сообразив вышеизложенные обстоятельства, я нахожу: хотя башкир Габдулсадык Имангулов и сотник Кеяков обвиняли зауряд-хорунжего Шункарова: первый, в принуждении принять на себя постройку дополнительного общественного магазина и делании ему устрашивания за то, что если он не исполнит приказания его Шункарова, о записке в выданную им ему книгу, полученных с общества за ту постройку денег по 10 коп. с души; а последний в выдаче дурного поведения башкирам письменных видов на отлучку на мензелинскую ярмарку и в выдаче же им подложных свидетельств, представляя в доказательство сего следующее: что на одном из тех свидетельств, написанном 29 декабря № 80, а на другом от 28 числа № 399. Но зауряд-хорунжий Шункаров во всем /л.93/ выведенном на него не сознался и на изобличение его в том никаких доказательств в дело не вступило; ибо 27 человек деревень Бизяков и Тураевой удостоверяют, что Шункаров в дополнительном сборе с них денег 20 коп. с души, участие имел, но 30 человек напротив это опровергали, удостоверяя, что сбор производился самим обществом по добровольному согласию без участия Шункарова. Каковы показания их,

противу первого, на основании 360 ст. У-части П-кн. Военно-уголовного устава издан. 1855 года, имеет решительный перевес и оно должно быть принято за доказательство. Оказался же Шункаров виновен: в допущении в юрте своей недозволенного законом сбора денег; но как таковой производился обществом добровольно для общественной надобности и претензии на это ни от кого не имеется; а между тем Шункаров по настоящему делу удален уже от должности юртового старшины, — то он, Шункаров за это и не подлежит уже более никакой ответственности. Как равно нет и никакого основания винить Шункарова в подложной /об./ выдаче увольнительного свидетельства за № 399, ибо это как выше объяснено вовсе не свидетельство, а рапорт Шункарова и написан не 28 декабря, как донес сотник Кеяков, но 29 числа; и также в отпуске на Мензелинскую ярмарку людей порочного поведения на продолжительные сроки; ибо им уволены были башкиры напротив поведения хорошего и только на семь дней, на что он имел законное право. В увеличении же срока отпуска в значущихся по делу пяти свидетельствах сильно подозревается сотник Кеяков по следующим данным: что свидетельства эти без всякого основания отобраны им от уволенных башкир, и последнее время — представления их Г. Командовавшему войском, они находились в руках Кеякова; следовательно, кроме него, никто не мог допустить в них подлога; что /л.94/ сделано им вероятно из каких-либо личностей, именно с Шункаровым, а иначе нет к тому повода. Как равно навлекает на себя Кеяков подозрение в требовании с башкира Ильяса Низамутдинова из выдачу на отпуск письменного вида 1 руб 50 коп. серебром, ибо иначе не было причины не уволить его в таковой. В чем, а равно в выдаче башкиру Тайчину Абсалямому письменного вида не на тот срок, который был назначен старшиною Шункаровым, а на продолжительный, Кеяков оказался виновным.

В сих соображениях я полагал бы: Зауряд-хорунжего Шункарова, на основании 334 статьи того же Устава, от всякой ответственности освободить. Впрочем мнение /об./ это и поступки сотника Кеякова, вместе с делом, имею честь предоставить на рассмотрение Вашего Высокоблагородия.

Майор Богданов

[НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 305, л. 88—94]

№ 7. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 года по деревне Бизяки Елабужского уезда Вятской губернии

Первая всеобщая перепись населения

Деревня БИЗЯКИ — 12-й сельский участок по Елабужскому уезду

Всего наличного населения 1018 мужчин, 945 женщин

Постоянно живущего здесь населения — 1020 м., 945 ж.

Лиц некрестьянских сословий — 2 м., 6 ж.

Приписанного здесь крест. населения — 1014 м., 922 ж.

Ведомость составил Арслангалей Хамитов

№№	Имя и фамилия домовладельца и членов семьи	Возраст	Сослов.	Родной язык	Чит-т,	Примечания
1	Хабибулла Калимуллин	31	башк	мус	Да — медр У муллы	дом крыт деревом
	Асхьямал Г-галлямова Кургательбагрейзян — д	33 3				
2	Мусифулла Г-лвахитов	56	башк	мус	У муллы	дом кр. тесом
	Махубзамал Зайнитдинова	54				
	Хикматулла	24				
	Миникамал	15				
3	Тазитдин Зайнибашаров	75	башк	мус	У муллы	2 дома, крытые 1 тесом и 1 дер. жена Гим. жена Хис. 5 м., 6 ж.
	Гилмиямал Сагындыкова	50				
	Гимазетдин Таз. — с	28				
	Минизиган Хисамутд-ва	25				
	Нагима — в	4				
	Минигарай — в	1				
	Хисамутдин Таз. — с	25				
	Гульзиган Муфтахит-ва	20				
	Низамутдин Таз. — с	23				
Газиза Таз. — д	20					
Фатима Таз. — д	16					
4	Гайнитдин Тазитдинов	49	башк	мус	У муллы У муллы У муллы	3+4 тесом
	Нагима Нигаматуллина	35				
	Муhibзамал — д	18				
	Муhibзамала — д	14				
	Бибизамал	12				
	Багаутдин	16				
	Мухаметгариф	3				
5	Ибрагим Идрисов	56	башк	мус	У муллы У муллы	тес жена
	Хасбизамал Ибрагимова	25				
	Муфтахитдин — с	18				
6	Фарвазетдин Сейфутдинов	38	башк	мус	У муллы	
	Гайша Исрафилова	28				
	Мухаматдин	1				
7	Хисамутдин Сейфутдинов	42	башк	мус		
	Гилмизямал М-каримова	30				
	Минихузя	3				
	Минахмат	1				
8	Гайнитдин Зайнитдинов	56	башк	мус	У муллы	
	Хасбизамал Заинитд. — ж	38				

	Сахибзамал – д Гилазитдин Ахунзян Гимазитдин Мингазитдин Хабибулла	18 16 11 8 6 3			У муллы У муллы	6+2
9	Гизатулла Хамидуллин Мархавзямал Камалетд. Шамсиямал	31 27 5	башк	мус	У муллы У муллы	
10	Шарифулла Габдулвахит. Минифайза – ж Мухаметзакир Хуббихузя Багаутдин Сиразитдин Магрифа	56 50 33 23 17 15 24	башк	мус	У муллы У муллы У муллы У муллы	
11	Мух-шакир Мух-садыков Магрифа Ахметьянова Ахметзакир Бибимагинур Бибигазиза Мух-зариф Рамазанов Фархизиган – ж Фатима Мухамадеева – м	35 30 8 9 5 30 23 60	башк	мус	У муллы	Двоююр. брат мать М-зарифа
12	Сабит Сейфутдинов Хамдиниса Мухамадеева Ахметзакир Мух-шакир Давлетша Мух-закир Мавтуха	61 55 24 22 17 12 22	башк	турки	Все учились у муллы	2 дома кр. дер. На в/с-солдат
13	Бахтигарай Музафаров Мухибзамал Фатхуллина Фархизиган Низамут-ва Минизиган Мухаматзариф Муз. – б.	26 65 25 3 21	башк	мус		мать
14	Габдулгалим Мух-галеев Гилминиса Бикташева – м	36 65	башк	мус		
15	Зинятулла Гизатуллин Фатима Шарафиева – ж Минихадича Минизиган	31 29 4 2	башк	мус		соломой
16	Минигул Гайнуллин Газиза Сафаргалина – ж	39 23	башк	мус		

	Муллаахмет	3				
17	Муктасым Сейфутдинов Фахринур Мух-садыкова Фахриниса Мух-гaley	50 28 13 10	башк	мус		2 дома кр. дер.
18	Гайнулла Хамидуллин Назифа Гизатуллина – ж Гиздиниса Хамидуллина ж Гилминиса – д	40 30 25 5	баш	турки зачерк, мус	У муллы У муллы У муллы (по тур.)	
19	Бибигафифа Хисамут-ва Шайгаллям Низамут-в – з Бибигазиза Динм-ва – ж Бибиатаджиба Шайг. Фаттахутдин Ш. Маргуба Ш.	62 46 25 24 5 1	башк Тепт Т Т Т	мус	Н-Биз Варзиятч вол Елаб/у	приймак
20	Шарафутдин Тазитдинов Мавтуха Гарифуллина Мухаметша Фатихабану Гарифабану Муксина Мухамадеева – м Мавтуха Таз. – сестра	35 33 7 4 1 65 19	башк	мус		
21	Ахьямутдин Назмутдинов Мархабямал Габбасова м. Гульзиган – сестра	22 65 19	башк	мус		2 дома кр. дер.
22	Гимазитдин Мухамадиев Гатия Губайдуллина Гилфаниддин Авзалитдин Салахиддин Фатиха Латифа Кадича	58 52 28 19 10 21 16 13	башк	мус		н/ч запаса
23	Якуп Идрисов Ахметхафиз Якупов Мархабаямал Низам-ва Мухаметзакир Сарбиямал Хусаин Мух-лачин	71 41 30 11 9 5 2	башк	мус	У муллы	
24	Шамсутд-в Шагимардан Шарифа Губайдуллина – ж Шагиислам Шаймард.-с	48 30 10	башк	мус		Фазлымухаметов

	Шагимухамет Ш. – с	4				
	Сахибгарей Ш. – с	18				
25	Шамс-нов Габдулгаллям Гафифа Габдулкаримова Гилмибану	45 35 18	башк	мус		Фазлымух-в
26	Мух-закир Г-насыров Шамсиниса Рамазанова Мухаметша Адельша Ахуньян Фаттахутдин Шамсизиган Фархиниса Фардетдин	48 38 14 12 8 4 17 2 2нед	башк	мус	У муллы	
27	Мух-шакир Г-насыров Шамсидуха Мух-янова Миниахмат Кадыча Латифа	41 36 11 7 3	башк	мус		
28	Муллаахмет Г-гафаров Сарбизамал Рафикова – м Шамсудуха Шакирова – ж Минигарай Хузаахмет Минизиган	31 75 30 7 5 3	башк	мус		
29	Ахтамьян Г-гафаров Шамсидуха Г-каримова-ж Нигаматьян Ахметхан Нурмухамет	43 35 8 5 2	башк	турки	У муллы У муллы У муллы	
30	Мух-вали Шамсутдинов Минизиган Зайнибаш. – ж Габдурахман – с Миниахмет – с Банят – дочь Габд. Гульзиган – д. М-в	88 60 22 18 5 19	башк	мус		
31	Хазиахмет Мухаметьянов Гульзиган Гимазетдинова Загира Бикмух-ва – мать Сахибулахмет Миниадия	31 29 62 6 2	башк	мус	У муллы У муллы У муллы	
32	Шигабутдин Тойгунов Минивафа Габдуллина Муфтахутдин	58 55 22	башк	Тур (за- черкн) мус	Все учи- лись у муллы	ополч. 2-разр.

	Агалитдин	18				
	Мух-фардитдин	13				
33	Тазитдин Тойгунов	65	башк	турки	У муллы	
	Фаттахутдин – сын	26			У муллы	
	Минигайша М-янова ж. Ф	20				
34	Зулькарнаев Шайхутдин	50	башк	мус		Низамутдинов
	Хубайба Шамсибашар.-ж	40			У муллы	
	Нурнифа	12			У муллы	
	Гусман	9			У муллы	
	Бибимарзия	6				
	Зинур	бм-ц				
35	Гимазитдин Бикмухаметов	22	башк	мус	У муллы	хозяин мелочной лавки
	Бибилатифа Гайнитдинова	23			У муллы	
	Минизамал	1				
36	Хатбулла Хисматуллин	43	башк	мус		
	Шамсинур Низам-ва	38			У муллы	
	Хикматулла	14			У муллы	
	Миниямал	12				
	Гилмиямал	10				
	Фаттахутдин	2				
	Ямалутдин Гиязитдинов	25				вр. работник
37	Муфтахутдин Ибатуллин	20	башк	мус		
	Миниахмет Ибат. – брат	24				солдат в/сл
	Хафиза Идрисова – м.	52				
	Асхабямал Ибат. – сестра	14				
38	Калимулла Ибатуллин	20	башк	мус		
	Самигулла Ибатуллин-бр	24				солдат в/сл
	Мафихиямал Файзуллина	62				мать
39	Ахмадиша Исламгулов	49	башк	мус		
	Бибифатима Гимранова	37				
	Миникамал	16				
	Гайнитдин	6				
40	Губайдулла Исламгулов	38	башк	мус		2 дома кр. дер.
	Мавтуха Гайсина	22			У муллы	
	Гатаулла	11				
	Муллаахмет	9				
	Минигарай	7				
	Мухаметгали	1				
41	Гарифулла Гизатуллин	64	башк	мус		
	Шамсикамар Фатхуллина	48				
	Сафиулла	25				
	Шамсиниса Файрушина ж	20				
	Губайдулла	20				

	Самигулла	18				
	Калимулла	14				
	Шагидулла	11				
42	Шарифулла Гизатуллин	50	башк	мус		
	Сарбиямал Габдрахимова	29				жена
	Гиздиниса	16				
	Миниямал	7				
	Хикматулла	3				
	Минихазимулла	1мес				
43	Ахметьян Исламгулов	50	башк	мус	У муллы	
	Шамсиямал Хамидуллина	45				
	Шамсибанат	17				
	Нигаматзян	14				
	Сарбиямал	11				
	Сабирзян	4				
	Ризван Хантемиров	30				вр. работник
44	Сафиулла Зайнуллин	54	башк	турки зачер, мус	У муллы	
	Бибифатима Усманова	55				н/ч запаса
	Хикматулла	26				
	Бибиямал	17				
	Гатаулла	7				
	Габдулнур	5				
45	Габдулгазиз Г-насыров	45	башк	турки зачер, мус		вдов
	Габдулвалей – с	18				
	Ахметвалей – с	5				
46	Г-галим Г-насыров	43	башк	турки зачер, мус		чеботарь
	Мархабаямал Магафитдин	40				
	Тимиргалей	3				
	Хусниямал	3мес				
47	Бадритдин Габдулхакимов	45	башк	турки зачер, мус		
	Бибигайша Рамазанова	40				
	Минниямал	20				
	Миниса	14				
	Имамутдин	12				
	Минсулу	4				
	Минигарай	2,5				
48	Файруша Г-хакимов	57	башк	турки зачер, мус	У муллы	
	Асхаямал Камал-нова-ж	30				
	Шагида М-шарипова – ж	70				
	Ахмадиша	3				

	Давлетша М-лачин Шарафутдинов Бибихадича Хисматулл.	3мес 20 75				племянник мачеха, вдова
49	Фаттахутдин Г-галлямов Муфтахутдин Г-галлямов	21 17	башк	мус		брат
50	Гарифулла Фаткуллин Минизамал Хамидуллина Гатаулла Гайниямал Арысланова Мавлюфа	43 30 12 13 1,5г	башк	мус		н/ч запаса приемная дочь
51	Ахмадьян Г-маньяпов Шагим-ва Бибифатима	45 30	башк	мус		
52	М-шарип М-валеев Фархиямал Г-афарова – ж Минизакир Фархибану	50 44 17 21	башк		У муллы	
53	Мухаметьян М-шакиров Бибилатифа М-валеева – м Смагил Хаирбашаров-з Бибихадича М-шак.-сес. Бибимарьям См. Бибимарзия См.	21 55 29 25 3 1	башк		У муллы У муллы У муллы	н/ч запаса, зять
54	Шункаров Губайдулла Гиза- туллин Бибигазиза Шарафиева Мухаматшарип Губ. Зиннур Г. Габтенур Г. Габдулла Г. Минимарзян Г.	53 39 17 4 4 2 8	башк		У муллы У муллы	
55	Шагимардан Г-галлямов Бибилатифа – ж Бибифатиха Минигарей Ахметьянов	32 27 4 7	башк			2 дома при девере
56	М-гали Абсалимов М-шарип М-галеев Бибигайша М-садыкова Б-газиза Б-зайнап Магибадар Минимайсру	91 48 44 14 11 7 1м-ц	башк			вдов 2 дома
57	Хузяхмет Нуретдинов Гиззениса Сейфетд-ва – м Модхиниса Н. – с	18 55 21	башк			

	Гафифа Н. – с	14				
58	Исхак Г-галимов Бадриямал М-янова Шарафутдин Исаков Минихаят Тимиргалина – н Минитазетдин Ш. Гилязетдин Исаков Мохибямал Хабиб-на – н Хоббиямал Гиляз. Шамсикамар Исхак. – д Миниахмет Г-гафаров-вн	75 60 35 30 3 32 26 1,5 18 20	башк		У муллы	2 дома
59	Тухватулла Габидуллин Магасума Тимиргалина Минигабдулла Гатаулла Минизия – д Магруфа	41 34 12 5 8 2	башк		У муллы У муллы У муллы	
60	Исмагил Бикмухаметов Мархажамал Мусиф-на Габделхабир Минрахман Минихаят Минибадар	46 28 16 5 11 2	башк		У муллы	
61	Гайса Бикмухаметов Догоря Ахметьянова Миниахмет Шагимухамет Шайхиахмет Минидиора Зарифа Гилмиямал Ахметгареева	42 33 8 6 3 14 11 80	башк		У муллы У муллы У муллы	мать
62	Гимазетдин Назмутдинов Фархиниса Губайдуллина Мулламухамет Гилминиса Гиззениса Минибаян Минизия Хисар	46 40 3 18 12 9 7 4	башк		У муллы У муллы	
63	Имангулов Шайхилислам Габдулхаликов Назифа М-аминова Уммугульсум Минихабустан с. Сулейман	53 43 18 18	башк		У муллы У муллы	

	Минибанат Минибадар	14 11 9				
64	Хаирбашар Шамшибаш-в Хадиниса Ахмедьянова Исхак Минигалим Минишаих Гафифабану Бибиадия	58 35 24 10 7 17 5	башк		У муллы У муллы У муллы У муллы	
65	Салимулла Рахматуллин Бибилатифа М-валеева Хисматулла Лутфулла Бибишарифа Фахризиган	43 48 17 9 19 17	башк		У муллы	2 дома
66	Динмух-т Бикмух-тов Зайнитдин Хисамитдин Гимазитдин Шамсизиган Сатзида Б-зиган Ибрагимова-ж. 3 Минизиган Зайн. Нигаматьян Зайн.	62 30 24 15 20 17 25 4 1	башк		У муллы У муллы У муллы	2 дома
67	Мух-дин Мух-рахимов Гашира Губайдуллина Минимухамет Шафифа Гафифа Минидиора Гиззениса	50 48 4 20 17 15 8	башк		У муллы	2 дома
68	Калимулла Мусифуллин Бибигайша Гузаирова Нугуман Фарвазетдин Гилазетдин Ахкяметдин Минифариха Шамсиниса Габидуллина Ахметзакир Мусиф. – б Нуризиган М.-б Нурниса М. – с	48 35 19 14 11 4 8 35 11 16 4	башк		У муллы У муллы У муллы У муллы	мачеха
69	Минибай Низамутдинов Бибикамал Бикмурзина	3 29	башк			

	Камалетдин Шамсикамар	5 1,5				
70	Мухаметдин Ахметьянов Шамсизиган Ибрагимова Таджиба Мух-динова Бибифатиха Зиятдин Разитдин	43 44 16 14 12 4	башк		У муллы	плотник-раб.
71	Габдулгафар Г-насыров Бибифатима М-галеева Муфтахутдин	56 45 23	башк		У муллы	
72	Биктимир Исаков Гиззениса М-садыкова Смагил Исаков Бикмухамет Исаков Миниямал Низамут-ва Галиахмет Бикм.	38 28 41 35 25 2	башк		У муллы	2 дома
73	Фархизиган Гибадуллина Магинур Назмутдинова Кашфизиган Хоббизиган	45 11 8 4	башк			вдова
74	Гилфанетдин Ибрагимов Бибихадича Низамутд-ва Афтанетдин Фардетдин Фархия Гилязетдин	39 40 11 5 14 2	башк			
75	Шарафутдин Ибрагимов Фархиямал Хазипова Нурмухамет Салахутдин Минсылу Шамсинур	50 45 9 3 18 12	башк			
76	Шарифулла Хамидуллин Маугида Хамидуллина Шагидулла Самигулла Гульзиган Шамсикамал Г-халикова Фатхутдин Шагидуллин	63 60 27 19 22 20 8	башк			слепая на оба гл.
77	Ахметьян Биктин Гайнетдин Ахметьянов Майтаб Шафикова Нигматзян Гайн Мухаметзян Гайн	76 40 33 10 6	башк			вдов

	Ахунзян Гайн	2				
78	Гимазитдин Даутов Минивафа Тухватуллина Шамсизиган Г-валеева – м	26 18 50	башк			сл. на оба гл.
79	Губайдулла Файзуллин Биbigарифа Сайфульмул. Минимавтуха	51 32 3	башк			
80	Мухаметзян Галиев Шамсикамар Шарипова	63 55	башк			
81	Тухвагалей Хамитов Бибилатифа М-латыпова Мухаметвали Тух Мухаметьян Тух Бибивазиха Тух	60 48 22 14 7	башк		У муллы	все носят фамилию Сыртланов
82	Тохватулла Сайфуллин Мархабямал Япарова Хикматулла Ризван Минимулла Сарбиямал	47 35 17 10 1,5 5	башк		У муллы У муллы У муллы	
83	Шагидулла Сибгатуллин Салимулла Сибг. – сес	17 15	башк		У муллы У муллы	
84	Ахметзакир Хатбуллин Фахризиган Г-галлямова Мухаметсахиб Мухаметшакир Биbigайша Зиганшина-м	31 38 3 1 65	башк			
85	Ахметгарей Мух-динов Бибизарифа Аб-хабирова Ахметвалей Миниахмет Минимухамет Минивазиха	37 28 10 5 1 8	башк		У муллы У муллы	
86	Нигматулла Гиззятуллин Бадрикамал Галлямова Газица Гайнуллина – м. Хурматулла Гиззят. – б.	29 20 65 26	башк			
87	Асылгарей Юлдашев Габдрахман Асылгареев Биbigайша Хайруллина Тухфатулла Асылг. Гафифа Габдрахм. Фатыма Габдрахм.	73 28 26 19 2 1м-ц	башк		У муллы	вдов
88	М-закир М-садыков	31	башк			

	Гульзиган Файзулина Мулланур Нурмухамет	25 4 0,5				
89	Нигаматулла Гизятуллин Минисафа Гибадуллина Миникамал	58 56 12	башк			
90	Шарафутдин Назмутд-в Бадризамал Гизатуллина Магинур Ахмадуддин Гилазитдин	35 33 6 4 11мц	башк			дом крыт соломой
91	Вахит Абдулзяббаров Фатима Гизатуллина Абдулгарей Вах. Миниахмет Ханнанов Минилатифа Вах.	45 28 12 8 6	башк			крыт соломой пасынок
92	Низамутдин Назмутдинов Газиза М-валеева Шарифа Г-газизова – м Фатхутдин Кашфутдин Хадича	41 35 80 14 11 9	башк		У муллы	2 дома Сл. на оба глаза Сл. на 1глаз
93	Габдулнасыр Г-галимов Фахризиган Динм-ва Шайхелмардан Шагимухамет Шамсинур Ахметзянова Миниазяр Ш-мард	68 65 33 22 26 1	башк			2 дома
94	Гайнетдин Исхаков Фархиямал Г-гафарова Мархабямал Муhibямал Миниразетдин Минихамат Минибадар	47 46 18 15 9 5 1мц	башк		У муллы У муллы	
95	Габдулхаким Юсупов Хасиба Мухамадиева Бибизарифа Г-галлям Бибимарзям Г-галлям	55 45 20 13	башк			падч. падч.
96	Хусаин Идрисов Гилмизямал М-галеева Афзалитдин Бадризамал Низамутд-ва	65 65 19 14	башк		У муллы У муллы	плем.
97	Мух-садык Г-халимов Хафиз М-садыков	66 37	башк		У муллы	вдов 2 дома

	Шакир М-садыков Фархизиган Исхакова Габдулсадир М-саб. Шамсинагар Исхакова Шамсибадар Г-садинова Сарвали М-садыкова	31 27 37 25 5 мц 21				жена Шакира ж Г-сабира У муллы
98	Зайнетдин Гимазетдинов Бибифатима Аймакеева Мухаметфатих Сарбизиган Гайнулъхаят Курбанг-ва-м	33 27 3 8 мц 67	башк			н/ч запаса
99	Ахметша Гимазетдинов Фархиямал Хасанова Ахметьян Минихузя Миниахмет Мининур	41 33 14 7 4 9	башк			
100	Зайнулла Губайдуллин Фархинур Садыкова Хузахмет Бибизулейха Бибинафиса Хамдиниса Ибатулла Гарифуллин-пл Бибигайша Галимова-теща	43 27 3 11 6 6мц 9 57	башк			н/ч запаса 2 дома У муллы
101	Тохфатулла Губайдуллин Фархитзя Назмутд-ва Гиниятулла Гатаулла	38 25 8 5	башк			
102	Набиулла Гизатуллин Сахибзамал Хисамут-ва-м Бадризамал Гиз. – сес	9 50 18	башк			крыт соломой
103	Хамидулла Абдулнасыров Гульюзум Вагапова Тазитдин Хамидуллин Сарбизиган Валеева Гилязитдин Тазетдинов Бибифатима Кагирова	74 50 31 23 3 16	башк			н/ч запаса падч.
104	Нигматулла Хамидуллин Фархизиган Ибрагимова Миникашафутдин Валиулла Гайша Хисматуллина-тещ	50 25 6 3 70	башк			слепа на оба гл.
105	Муллахмет Шарафутд-в Фархизиган А-галлямова	42 27	башк			ратник

	Миниахмет Магисрур Миниямал	4 7 1				
106	Хасан Шарафутдинов Фархизиган Г-галлямова Фазлыяхмет Зайнетдин Минихузя Ахметситдык Гульзиган Шамсизиган Бибикамал	52 44 19 16 10 4 13 8 6	башк			
107	Ахматша М-садыков Бибифатима М-каримова Бибигайша Гафурова – м. Минсылу Нафиса	30 28 80 8 3	башк			
108	Мухаметьян М-галеев Фахризиган Камал-ва Ахметьян Шагабутдин Миникамал Нуризиган Фархизиган Мулланур	51 48 22 20 16 14 9 6	башк		У муллы У муллы У муллы	пчеловод, скорняк 2 дома
109	Назмутдин М-галеев Бибилатифа Ибатуллина Ахметшакир Мулламухамет Минизифа Минибаян М-тшариф Абулкасимов	38 35 12 3 8 5 55	башк		У муллы	работник-тепт
110	Нугуман Абдулкадыров Бибигайша М-садыкова Гильман А-кадыров – бр Абдрахман Хикматулла Минигадель=дочь	31 30 23 6 3 1	башк			солдат на в/сл
111	Низамутдин Хисамут-ов Зиган Ямалетдинова Гульзиган Минихазар	40 32 12 10	башк		У муллы	
112	Хамидулла М-галеев Фатима Хамидуллина	65 10	башк			вдов
113	Мухаметьян Исламгулов	53	башк			

	Фархизиган Мусифуллина Ахунзян Бахтигарай Фархинур	42 8 5 12			У муллы	
114	Шафик М-галеев Хуснутдин Юсупов Минизиган Хабибуллина Смагил Хуснутдинов Муллаахмет Хусн Минихузя Хусн Миниадия Хусн	55 35 25 8 4 3 2мц	Баш г/кр г/кр г/кр г/кр г/кр	Вят/г, Елаб/у Варзиятч /в Ново- Бизяк		вдов н/ч запаса объед. в 1 х-во
115	Шагабутдин М-галеев Сарбиямал Альмух Мулланур Майбадар Хусниямал Гилмиямал	41 40 1 12 7 4	башк			н/ч запаса 2 дома
116	Мухаметьян Идрисов Фатима Губайд Мухаметзакир Мингазетдин Ахмадутдин Минихузя Минифатих	50 49 25 23 14 11 7	башк			солдат на в/сл
117	Гимазит-н Тимирполатов Бибифатих Фахрутд Низамутдин Шамсиниса Минисулу	39 30 8 3 3	башк			н/ч запаса
118	Ибрагим Ахметьянов Бибигафифа М-валеева Ахтамян Ахунзян	36 37 2 1	башк	турки	У муллы	
119	Калимулла Фатхуллин Сарбиямал А-хакимова Салимулла Фархизиган	38 25 3 2мц	башк			
120	Гилфанидин Сиразит-в Шамсизиган Шакирова	27 25	башк			
121	Гиляз-н Сиразитдинов Махубямал Ямалетд Гильман	31 26 2	башк			

	Минимух	1мц				
122	Ахмадитдин Сиразитд-в Бибигаффа М-шарипова Мининиса Минизиган Шигабутдин Гайнизамал Шагигаллям Кирамитдин	46 28 17 14 11 7 4 2	башк	турки турки турки турки турки турки турки	У муллы У муллы У муллы У муллы В медр.	
123	Минигарей Давлетшин Шамсиниса Г-кадымова Минисрур Дав Минидофа Дав Гульзамал	16 34 12 9 6мц	башк			вдова
124	М-шакир Хамидуллин М-закир Фарханя М-латипова	43 9 60	башк			н/ч запаса теща
125	Гайнетдин Вагапов Шафкиямал Хамид Зайнигабдин Фахризиган	37 30 2,5 18	башк			
126	Сахабутдин Ермух Фахризиган Тазитд Минизиган Минихузя Миниадия Минигалей Минидифа	45 26 13 8 6 3 1	башк			
127	Мухаметдин Ерм Минизиган Нурут Гилфанитдин Минивафа Гилминиса Минизифа	48 40 14 9 7 3	башк	турки турки турки турки турки		
128	Ахметситдик Ахметьянов Бибизиган Сафиуллина Миним-закир Минифахризиган Гульзиган М-шакир Шамсивафа Алметова – м	45 25 12 10 4 1,5г 80	башк	турки – зач. мус	У муллы У муллы У муллы У муллы	
129	Нигматулла Рахмат Хубьямал Ахмадудт Дальмухамет	54 30 26	башк	турки турки турки	У муллы У муллы У муллы	н/ч запаса

	Бикмухамет Минидулиха Гизетулла Миниямал Татзиба Фаткул – ж. Д	21 9 5 2 20		турки турки турки турки	У муллы У муллы	
130	Сиразитдин Хисамут Фахриниса Г-латып Мухаметьян Сир Фатхия Гадьльшина Муфтахутдин Мух Миниямал Минифатиха Ахматгарей Сир Мухибямал Гаделшина Хадича Ахм Варгиниса Сир Ахметзакир Сир Сиразитдин Гираз-	70 61 40 28 12 4 6 31 21 2 14 12 24	башк		У муллы У муллы У муллы У муллы У муллы В медр.	3 дома н/ч запаса работ
131	Мухаметьян Г-гафаров Бибигафифа Ибраг Мух-валей Миникамал Бадрикамал	50 45 15 9 4	башк	турки турки турки турки	У муллы У муллы	пчеловод
132	Хисамутдин Бадритдинов Хабибямал Галеева Камалетдин Мингазетдин Гульзиган	47 45 20 4 13	тепт тепт тепт тепт			
133	Г-гани Г-валеев Юзлибика Мустафина Г-галлям Мухаметьян	59 55 26 24	башк			
134	Фазлиахмет Динмух Фахризиган М-галеева Бибинагима Ахметзакир Мулланур Ахметсафа М-закир Магинур Кашифа	39 35 16 14 12 10 8 5 2	башк		У муллы	
135	Давлетша Габбясов Магикамал Хисм Хайрилбанат Фахирнасова	28 20 55	башк		Гр. по- рус.	самоучка, н/ч з теща

	Минибадар Хисм	13				
136	Минихамет Динмух Минихаят Ахметьянова Бибигайша	27 24 1	башк		У муллы У муллы	
137	Муфтахутдин Низам Гафифа Хусаинова Гульзиган Минизиган	42 45 19 17	башк		У муллы У муллы У муллы У муллы	пчеловод 2 дома
138	Гайнетдин Хисамутд Бибигайша М-валеева Багаутдин Зайнутдин Бибихадича Зайнутд	60 55 31 28 4	башк			3 дома
139	Давлетша Хисам Мухиямал Г-маняфова Миникамал Шамсибадар Ахметша Фаттахитдин	53 35 19 17 9 3	башк			
140	Мухаметьян Хисам Минизиган Хисам Гульзиган Галиахмет Латифа Смагилова	38 28 3 1мц 89	башк		У муллы	
151	Ахметьян Хисматуллин Латифа Сиразетдинова Мяклюфа Сандугач Карлыгач Мавтуха	43 35 15 12 5 4мц	башк			
152	М-шакир Гаялетдинов Фархиямал Габдрахимова Шамсидуха Минихузя Минигали	55 54 18 16 9	башк			
153	Ахметьян Мавлюкеев Бибизугра Ермухам-ва Якуп Ахметьянов Минизиган Ахтамьянова Бибадия Якупова Исхак Ахметьянов Миникамал Г-галлям Ахямутдин Ахмет-в Гульчира Ахмет-ва Шагимух-т Ахм-нов	60 45 30 26 2 28 22 17 19 9	башк		медресе У муллы У муллы медресе У муллы У муллы	волост/судья 2 дома

154	Ахметьян Смагилов	47	башк		У муллы	соломой
	Минихаят Альмух-ва	28			У муллы	
	Минизифа	2				
155	Хузяхмет Фазлиахм	26	башк		У муллы	2 дома мать вдова
	Бибизайнап Вахит	23				
	Махубямал Бикмух	52				
	Бибихаят Ф-ахм	19				
	Гизениса Ф	16				
	Минивафа Ф	12				
156	Тимиргалей Гайнуллин	75	башк		медресе У муллы медресе	
	М-галей Тимиргалин	48				
	Мадилиямал Фатк	28				
	Камалитдин Тимиргалин	43				
	Бадригизан Муфтахетд	39				
	Мухамитдин Камалетд	14				
	Бибикадыча Кам	9				
	Мутфизиган Кам	12				
	Гайнетдин Кам	7				
	Минигарей Кам	4				
Ахметгарей Кам	2н					
157	Г-галлям Г-галимов	28	башк			3 дома
	Нурзиган М-садыкова	27				
	Габдулвалей	2мц				
	Фахриниса Зинатуллина-м	52				
	Г-нафик Г-галимов – б	12				
	Гайнелхаят Г-галим-с	13				
Мамдулмазит Г-галимов	8					
158	Кашфутдин Ильясов	41	башк		У муллы У муллы У муллы	2 дома
	Камила Шарафут	40				
	Хазетдин Каш	14				
	Минибадар	9				
	Фатахутдин	7				
	Бибисатиха	5				
	Ахкяметдин	1				
159	Губайдулла Хайруллин	40	башк			
	Гайниямал Камал	28				
	Хисматулла Хайр	20				
	Гизятулла Губ	13				
	Минихаят Губ	11				
	Фатхутдин Губ	1				
160	Мух-садык М-аминев	88	башк		У муллы	3 дома
	Сахипзямал Мух	82			У муллы	
	Гильфанитдин М-садык	35				
	Гайниямал Ф-ахм	28			У муллы	

	Габдулкабир Фаткулин	55				работник
161	Ахметьян Г-гафаров Шагарзифа Г-кабирова Ахматша Ахметьянов Минизиган Фахризиган Бибикамиля Ахьямутдин Бибадия	53 50 23 20 18 12 9 5	башк	турки турки турки турки турки турки	У муллы У муллы	ополч.1-разр
162	Низамутдин Иксанов Гимазутдин Низамутд-в Латифа Минивали Гимаз Минизифа Гимаз	66 30 25 6 2	башк тепт			приемный зять
163	Шарафутдин М-галеев Бадирниса Сайфутд Магинур Салахутдин Хайруллин	48 47 1 12	башк тепт			работник
164	М-зариф Г-гафаров Шамсизиган Нуретд Муланур Гибад	18 45 3				2 1 мать-вдова брат
165	Хабидулла Тухватуллин Назифа Губайд Сибгатулла Хабиб Хасан Хабиб Хурматулла Хабиб Хисматулла Хабиб Миниахмет Хабиб	70 59 35 30 23 20 12	башк		У муллы	солдат на в/сл 6 1
166	Миниахмет М-валеев Бибизайнап Шагимард-ва Шайхелахмет М-валеев-б Бибигайша М-ва-с Шамсидуха Г-хакимова-м Фаттахутдин Ах-гареев-пас	24 25 18 20 56 4 м-ца	башк		У муллы	3 3
167	Ахметьян М-валеев Гульзиган Г-насырова Минигазиз Фардиттин Миникафанур Асхабьямал Минимунира	42 26 14 8 6м-ц 13 3	башк			4 3
168	Ямалитдин Сейфутдинов Фархизиган Биктаирова Гирфанитдин	62 60 24	башк		У муллы У муллы У муллы	 3 3

	Шамсизиган Минизиган Шакирзян Ахметьянов	22 19 47	г/кр		У муллы У муллы	раб-портной из Казан/губ
169	Рахматулла Зайнуллин Газиза Хайбуллина Миниадия Минирахман Фатхулла	63 35 12 3 1 м-	башк			3 2
170	Гайнулла Зайнуллин Салимьявар Габдраш-ва Нигматулла Гайн. Минисандугач Гариф. Сибгатулла Нигм. Миникарима Н. Минимагизиган Н. Зялялетдин Давлетшин	60 70 30 30 4 2 2м-ц 26	башк Кр-н		У муллы Каз./губ	2 дома 4 4 портной-раб-к
171	М-шакир М-валеев Сарбиямал М-садыкова Мухаметзакир М-ш Тазиддин М-ш Гилазиддин М-ш Хазимухамед М-ш Ахметсултан М-ш Миниазар М-ш-ва	52 50 21 15 12 9 6 4	башк		У муллы	6 2
172	Ахметьян М-валеев Шамсيفاфа Зайнибаш. Ахтамыян Ахм. Минизифа Бибитаифа	44 38 9 4 6м-ц	башк		У муллы	2 3
173	Имангулов Ш-ислам Г-сад Гарифа Назмутдинова Шайхелахмет Ш-исламов Шайхелагзам Газиза Шахимухамет Азар	38 32 15 12 8 5 2	башк		У муллы У муллы У муллы	4 3 2 дома
174	Файруша Минигулов Бибилайша Ишбулдина	66 64	башк			1 1
175	Фаткулла Тохфатуллин Хаирниса Бикмурзина Хузяхмет Фатх. Татзиба Фатима Ахметситдык	57 35 23 21 17 14	башк		У муллы У муллы	4 4

	Муллахмет Гильминиса	11 3				
176	Гарифулла Тохфатуллин Фархиямал Хисамут-ва Мухаметгариф Мухаметлатып Бибиямал	55 45 18 12 14	башк			3 2
177	Гайнулла Мухаметов Шамсидуха Минигулова Шарафутдин Г. Бибигайша Фатима Бибихадыча	41 30 12 6 3 3м-ц	башк			2 4
178	Зайнитдин Сайфутдинов Латифа Габдрафикова Гимазитдин З. Шабутдин З. Минигата Шагимард.-пас Минибанат Ш-м – падч.	42 50 13 11 21 16	башк			н.ч.запаса 4 2
179	Нурутдин Ильясов Фахризиган Гибадуллина Гильметдин Зиядетдин Бибифатима Хисамутдин Гайнетдин Фатхутдин Карамутдин Сахиба	50 40 18 15 13 10 8 4 3 5	башк		в медр	7 3 2 дома
180	Газиза Идрисова Шамсизиган Мусифулл. Шамсиниса Мусифуллина	60 18 11	башк			рукоделие рукоделие – 3
181	Фатхулла Хисматуллин Газиза Зайнуллина Хикматулла Ибатулла Гульзиган Бибикамиля	64 50 25 22 14 6	башк		У муллы У муллы медресе	2 3 2 дома
182	Абдулла Фатхуллин Фатиха Хазина Мамдуха Абд Бикмулла Мамдуха Фазылзян	40 35 9 5 3 1м-ц	башк			3 3
183	Ахьяметдин Шарафут	22	Баш			солдат

	Хаирниса Хисматул-м Низамутдин Сайф-мул-отч	50 45	г/кр г/кр		Малм/у. Вят/губ	портной
	Факиха Шар – сес Дети Низ-дина: Минирахман Низам Габдрахман Низ Бибикамал Низ Бибигадия Низ Гульниса Исакова	19 17 9 13 3 17	баш г/кр г/кр г/кр г/кр баш			3 5
184	М-карим М-шарипов Минигул М-кар. Ахметьян Г-сатт – зять Фатиха Мух-кар Мухаметьян Ахм. Фатхия Ахм.	70 17 55 40 16 6м-ц	башк			вдов 4 2 умалиш.с рожд.
185	Хамидулла Файзуллин Магуфура Гизатуллина Минизиган Гилмизиган Мутигулла	35 34 8 4 1,5	башк			2 3
186	М-зариф Файзуллин Муглифа Ильясова – м	30 68	башк			1 1
187	Сайфул-н Г-халим Г-галл Бибидуррателзамал М-лат Гайнутдин Рабигитдин Бибигафифа Ахметьянова Вазиха Рабиг Рафига Раб Рафигитдин Г-халимов Ахметсафа Г-хал М-вафа Г-хал-в Фахира Г-хал-ва	64 35 24 22 21 2 6 20 12 8 3	тепт тепт тепт тепт тепт тепт тепт тепт тепт тепт тепт		медресе У муллы медресе медресе У муллы медресе медресе	ук/мулла н/ч запаса 6м 5ж в Иж-Буби
188	Муфтахутдин Хисамут-в Фатиха Мух-валиева Миниахмет Мингазетдин Гафифа Бигиева	40 35 6 1,5 70	башк			н/ч запаса 3 2
189	Арслангали Хисам-нов Бибигазиза Нуриуллина Багаутдин Низамутдин Латифа	50 28 12 1 17	башк			3 2
190	Набиулла Зайнитдинов	37	башк			5 2

	Шамсинагар Мух-гал Салимулла Гатаулла Минихузя Фатхия Мух-гали Мух-вал-тесть	24 10 4 2 8 65				
191	Фархизиган Низамут-ва Шамсиниса Имангулова	40 7	башк			-2
192	Назмутдин Хамидуллин Хасбиямал Гизатуллина Минигарай Ямалетд-пас	45 35 14	башк			21
193	Г-галим Идрисов Минизиган Ибрагимова Шамсибанат Г-галим.	50 50 15	башк			12
194	Г-газиз Файзуллин Мархабанят Низамутд. Габдрахман Минирахман Миниахмет Галимухамет Сабхиямал	49 38 12 9 7 4 1	башк			52
195	М-шарип М-валеев Хамида Гайнуллина Галимухамет Мугульсум	35 30 3м-ц 6	башк			22
196	Гайнулла Гибатуллин Шамсикамар Мух-латып. Лутфулла Хикматулла Галиахмат Минибатар	43 37 12 9 2 10	башк			42
197	Мухаметьян Ахмадеев Хаирниса Губайдул. Хамдиниса	33 28 7	башк			12
198	Зямалетдин Гилметдинов Фархиямал Гибатуллина Минихузя Шамсиямал Гилминур	56 38 11 15 2	башк		У муллы	23
199	Гайнулла Губайдуллин Сандугач Назмутд. Тохватулла Галимулла Калимулла Хамдиниса	46 35 10 5 2 15	башк			42770

200	Шайхелсултан Г-насыров Бибиадия Мух-закир Бибихатира Мунира	38 31 9 4	башк		У муллы	13
201	Гизятулла Рахматуллин Фархиниса Валеева Сибатулла Минихузя	76 70 27 21	башк			21 солдат на в/сл
202	Хурматулла Гизятуллин Хуснизиған Мух-галеева Гизятулла Шагидулла Бибиадия	40 35 12 6 4	башк		У муллы	32 крыт соломой
203	Ибатулла Хабибуллин Гайша Низамутдинова Шайхелағдам Миниахмет Минишаймрат Ситдик Минишаях Садык	41 32 16 11 9 6 3 4 мц	башк			71
204	Гайнулла Нигматуллин Бибиямал Бахтиярова Фархиниса	66 60 22	башк			12
205	Хабибраһман Гибадуллин Шагинурниса Сайфутд.-м Гумер-брат Шамсикамал – сестра	20 45 5 12	башк			22 вдова
206	Хайрулла Хабибуллин Саджида Динмух. Галимухамет Минизифа Хадича Бибимарьям	43 35 6 10 7 3	башк		У муллы	н/ч запаса 24
207	Камалетдин Сағындыков Гилминиса Тазетдинова Сиразиттин Мухаметзакир Миниахмет Шарафутдин Фархиниса Хадича Гайша	50 45 18 12 10 2 20 5 3	башк		У муллы	54 2 дома
208	Низаметдин Сиразетдинов Фахризиган Садыкова	30 27	башк		У муллы	21

	Хисамутдин	2				
209	Шайхетдин Шарафут-нов Мукарряма Гайнуллина Шамсикамал Шаяхмет	50 45 16 7	башк		У муллы	валенщик 2 2
210	Тазитдин Шарафутдинов Садихасафа Нигамат. Нурутдин Фардитдин Минизифа	46 33 6 1 8	башк		У муллы У муллы	3 2
211	Ямалетдин Низамутдинов Шамшиниса Зайнибаш. Муфтахутдин Ахматша Фатихабану Бибимарьям Майсрур	55 50 18 23 15 12 6	башк			2 4 на в/сл. – солдат
212	Гатаулла Низамутдинов Минихаят Г-карим. Минигабдрахман Миниадия	32 28 4 2	башк	Турки Турки Турки		2 2
213	Срытланов Г-галлям М-га Хасбиямал Гизатуллина Нигматзян Фархизиган Шамсикамар	52 45 10 18 14	башк	мус	У муллы У муллы У муллы У муллы	с/староста 2 3
214	Зайнулла Тухфатуллин Сарбиямал Исакова Гайнулла Зайн Шамсидоха Ибатуллина Гусман Гайн Фахринур	73 63 35 35 15 5	башк			3 3
215	Сибгатулла Хабибуллин Бибифатима Низамут. Минимухамет Шайхелахмет Нурмухамет	43 38 10 4 1	башк			ратник 1-разряда 4 1
216	М-закир Хабибуллин Шамсизиган Ибраг Ахметшакир Яхутелзиган Минихузя Хабиб	30 21 3 1м-ц 22	башк			3 2 в/сл в Умани
217	Галиулла Файзуллин Гафифа Идрисова Нуридынга	45 44 13	башк		У муллы У муллы	3 3

	Динмухамет Шамсиямал Шамсиниса	5 17 15				
218	Хисматулла Гизатуллин Асхьямал Латыпова	43 55	башк		У муллы	11
219	Хабибулла Гарифуллин Шамсидоха Гафарова Гульзиган	30 25 5	башк			12
220	Гайнулла Рахматуллин Шамсиямал Фатхуллина Муллаахмет Минихузя Фархиниса	65 60 18 16 21	башк			32
221	М-закир Ахуньянов Бибилатифа – с Фархизиган – с	27 23 19	башк		У муллы	12
222	Мустафа Мухаметзянов Назима Габьясова Ибатулла Калимулла Минихузя Миниахмет Шамшинур	46 37 20 16 9 6 3	башк		У муллы	52
223	Гайнулла Бахтияров Бибилайша Фатхуллина Нурмухамет Хадича Гилминиса Гайнуллина-м	32 31 2 6 70	башк		У муллы	23 дом крыт соломой
224	Курбангали Хамитов Гилмиямал Файзуллина Ахметша Курбангалин Бибигафифа Шарафут-ва Хасанша Ахм Миниямал Курб.	75 70 42 28 4 25	башк		Все гр.	33 ополч. в разряде
225	Давлетша Зайнибашаров Бибилайша Багаутдинова Мух-гариф Давлетшин Шахмухамет Мардабия Сабирнасима Ибрагим	50 28 20 17 12 8 3	башк		У муллы У муллы У муллы У муллы У муллы	53 2 дома
226	Шункаров Гилмибашар Ш Бибилатифа Сейфул – м. Фахринур Мухаметова-ж Бибихадича Гайнетд – ж	48 80 43 25	башк		У муллы У муллы У муллы	служащий у купца

	Гумар Бибигайша Мулланур Гусман Мирсаитгали Шункар Зиннур М-зариф Гузаиров Салимулла Сибгатуллин Бибигадия Гарифуллина Трофимов Павел Егор	14 10 8 7 4 3 1 мц 50 16 16 39			У муллы У муллы У муллы У муллы	ученик зем/ш 10м 5ж 3 дома раб – из Мамад/ работник прислуга раб – из Сетяк.
227	Шарифулла Тойгунов Мининур Миникеева Шамсинур Муллахм – плем	65 60 16	башк			1 2
228	Мухаметьян М-каримов Фархиниса Яхина Минигарай Багданул Минигалия	27 26 3 6 1,5	башк			2 3
229	Ахметьян М-каримов Гайниямал Мухаметшина Миниахмет Гайша Миниахадича Минизифа Минизарифа	39 28 4 12 7 5 1	башк			2 5
230	Давлетша Г-валеев Минизиган Мухаметьян Гилмиямал – с Нуриахмет Фазлиахм-пл Бибиямал Ямангул – м	26 21 20 4 60	башк			2 3
231	Зайнитдин Вахитов Газиза Серазетдинова Миникамал	42 38 14	башк			1 2
232	Минигул Вахитов Минизиган Файзуллина	38 36	башк			портной 1 1
233	Низамутдин Вахитов Задума Валиева Галлям	52 56 14	башк			2 1
234	Шагимардан Г-галлямов Гафифа Губайдуллина Миниахмет Гульзиган Ахметзакир Мух-янов-пас Шакирьян Мух – пас	42 41 8 4 18 11	башк			4 2

235	М-латып Гапсаттаров Минигафа Г-валиева Мухаметзакир Зариф Шакир Шамсизиган	56 47 18 14 10 20	башк		У муллы	42
236	Фатхитдин Г-халилов Магруфа Г-садыкова Вафира Зафира	30 29 5 3	тепт тепт тепт тепт		медресе У муллы	ук/азанчей 13
237	Шахабутдин Садритдинов Сабрияма Аминова-м Шарибаямал – с Минигарей – б Назмутдин – б	22 48 19 16 14	башк			32
238	Гилязитдин Низамутдинов Зулюха Ибатуллина Гайнияма Бядыракамал Мухубямал Мухаматдин	31 28 9 7 5 3	башк		У муллы У муллы У муллы	24
239	Юзкей Г-насыров Шамсикамар Фахритд-ва Габзалитдин Ахямитдин Хисамутдин Шамсиямал	55 40 15 10 5 3	башк		У муллы	42
240	Мухаметъян Г-насыров Фатиха Сабитова Минизиган Минифарряк	37 27 2,5 1м-ц	башк			13
241	Г-латиф Вахитов Шамсикамар Бикмиева Сиразиттин Сарбиямал Низамутд-сн	75 50 25 23	башк			22
242	Ибрагим Исфафилов Сарбиямал Мух-янова Багаутдин Минихазяр Шамшиямал	33 30 5 3 3м-ц	башк		У муллы У муллы	н/ч запаса 23
243	М-шакир Исфафилов Бибиатхия Мух-зянова Минимагубя – с	26 22 20	башк			12
244	Г-валей Г-ганеев Шамсизиган Бигиева-м	43 70	башк			32

	Муллахмет Г-ган-б Мавтуха Сайфутд-ва-ж. М Хазиахмет М-ахметов	39 23 1,5				
245	Ахметвалей Ахметьянов Бибимавтуха Ахматьянова Хайбрахман Мухаметхази Мохатдис Каримова-м	47 29 5 6 74	башк			3 2
250	Мухаметьян Мавлюкеев Сафура Файзуллина Нуриулла Мух Шамшиямал Сайф-ва Ахмадиша Нуриуллин Минизиган	67 70 33 30 3 2м-ц	башк			3 3 2дома
251	Ахметсахиб Шагиахметов Магрифа М-валеева-м Бибимаглифа Рахмат-на Сахибелахмет-бр Минизарифа-с Ахметясави-бр	19 46 90 16 17 10	башк		У муллы У муллы	3 3 бабушка 2 дома
252	Миниахмет Мухаметьянов Шамшинагар Валиул-на-м Минихаят – с Гафифа – с Гайша – с	14 56 19 17 15	башк			1 4
253	Гатиатулла Габбясов Гайниямал Зялялетд-ва Хикматулла Фарахша Магизохра Галиулла Сарбиямал	41 33 10 4 7 1 13	башк			4 3 У муллы
254	Галиулла Гарифуллин Шамшиниса Сафиуллина Хадиниса Нигнифуда Шарифа Ильясова	42 30 5 2 60	башк			1 4
255	Рамазан Рахматуллин Хоббениса Рахматулина Миназетдин Рамазанов	74 63 18	башк			2 1 2 дома
256	Насифулла Зайнуллин Газиза Фатхуллина Гилфанетдин Мингазетдин Кашафетдин	55 43 24 13 10	башк			5 3 на в/службе

	Шигабутдин Фатиха Минихадия	3 18 15				
257	Альмух-т Бикмух-тов Гафифа Валеева Хузяхмет Муллахмет Хисматулла Гатаулла Минимух-т Галиахмет	60 40 16 14 12 8 4 1,5 г	башк			71
258	Абдулгазиз Хаирбашаров Гайниямал Биктимирова Габдулхафиз Гилмениса Бибисара Нигматзян Биктим-шурин	43 32 11 5 2 22	башк			33
259	Шагимардан Г-халиков Шамшиниса М-зянова Минибаян Минихазяр	38 26 6 1,5	башк			13
260	Зинатулла Зайнуллин Сарбиямал Набиуллина Галиулла Кадриниса Нигматулла Шамсинур Бибикай Хаб-с. жены	44 27 14 9 5 3м-ц 18	башк		У муллы У муллы	ратник 1-разр 34
261	Сафиулла Зайнуллин Гилминиса Мухамадиева Бибихадича Миниахмет Миниса Гибадул.-плем	38 31 8 3 18	башк		У муллы У муллы	плотник, раб. 23
262	Фатхулла Зайнуллин Бибигафифа Фатхуллина Шагидулла Мухаметзакир Бибигазиза Бибигайша	46 44 18 17 8 5	башк		У муллы У муллы	33 крыт соломой
263	Шарафутдин Тазитдинов Гайнизямал Сайфутд-ва Зялялетдин Садретдин Бадритдин Латифа	39 36 16 14 11 8	башк		У муллы У муллы	н/ч запаса 52

	Гилфанетдин	4				
264	Латып М-галеев Нафиса М-галиева Минихаят Бибихадича	45 42 15 9	башк		У муллы	1 3
265	Хисамутдин Низамут-в Фархизиган Хусаинова Гимазетдин Хисам Латифа Файзуллина-сн Миниямал Гимаз-ва Гильзиан Гим Нигаметьян Хис. Миникамал Хис Газиза Низам-сес	60 55 33 28 5 1 12 17 70	башк		У муллы У муллы	содержит зем. станцию 3 6 2 дома
266	М-шакир Г-кагиров Гилмиямал Шункарова Мухаметсабир Мухаметсалех Хадичабану	65 50 18 16 4	башк			3 2
267	Шарафутдин Хисамутд-в Миникамал Мухаметьян Шамсиниса Гирфанитдин Минихан Миниямал	48 25 14 12 1м-ц 4	башк		У муллы	3 3
268	Г-газиз Хамидуллин Асхьямал Гайнетд Вазифа Губайдул-мать Бибикамал Мухаметсафа Салимулла Минизифа	37 33 80 13 9 6 2	башк		У муллы У муллы	3 4 2 дома
269	Камалетдин Тазитдинов Гайнелхаят Мух-сафина Ахьямутдин Гайнизямал Фархитдин Гимазетдин	45 36 16 12 9 5	башк		У муллы У муллы У муллы	4 2
270	Абдулнасыр Вахитов Бибизугора Абд-тагирова Габдулгазиз Абд-нас Гайнизямал Нигамат Миниахмат Абд-нас	50 45 22 18 3	башк			3 2 2 дома
271	М-зариф Г-япаров Хасбиямал М-галиева	40 46	башк		У муллы	2 2 2 дома

	М-шакир М-латыпов-пас Минизиган М-гал-его ж.	22 22				
272	Г-гафар Г-халиков Хаирниса Альмух-ва Фахриниса Габдуляпар Шамсиниса	58 30 13 8 5	башк			23
273	Салаватулла Зайнуллин Муллахмет Зайн Гилзетдин Гайнулл-зять Бусифа Зайн-сес Минизиган Гилаз Минигалей Гилаз	25 15 58 48 7 2	башк башк теп теп теп теп			солдат-в/сл 32 вр/преб то же то же то же
274	Минибай Ильясов Миниханифа М-рафик Хуббухузя	35 28 2	башк			21
275	Низамутдин Г-латыпов Шарифа Мухаметьянова Гайнитдин Махуба	47 36 1 10	башк			22
276	Г-галлям Хамидуллин Бибигульямал Набиул Мухаметвали Мухаметгариф	45 25 13 1	башк		У муллы	31
277	Муса Рамазанов Фархинур Залялетд Мухаметгали Мухаметгарей Нуриахмет	43 30 7 4 1	башк			41
278	Мухаметьян Ильясов Бибигульямал Сафаргалин Мининиса Гибатуллина	30 26 16	башк			12 крыт соломой приемная дочь
279	Мухаметьян Халилуллин Мархубьямал Г-халикова Бикмухамет	52 40 4	башк		У муллы	21
280	Миниахмат Ахметьянов Ахматша – бр Муллахмет – бр	25 21 16	башк			3 –
281	Минихузя Музафаров Бибифатима Альмух-ва Миниадия Мулланур	33 32 4 1	башк			22
282	Хабибрахман Хисматулин Минибика Рахматуллина	45 55	башк			11
283	Гайса Мусин	35	башк			н/ч запаса

	Шамсизиган Хамидуллина Гусман Гайсин Минизиган Бибифатима-падчерица	30 9 6 14				2 3
284	Садритдин Тазитдинов Хабиямал Хабибуллина Бибизамал Нигаматул. Мингазетдин Зиядетдин	39 38 12 11 3	башк			н/ч запаса 2 2 падч.
285	Даут Сайфутдинов Магарниса Насырова Ахьямутдин Салахутд-вн	66 60 4	башк		У муллы	3 1 внук
286	Гаялитдин Зайнитдинов Мавтуха Гизятуллина Назмутдин Минизиган Фаттахетдин Гайнетдин Сайфутд-плем Нурнизиган Шамсутд-пл	48 25 10 5 1м-ц 24 16	башк			4 3 солдат-в/сл
287	Сафиулла Зайнуллин Сахиямал Гарифуллина Сибгатулла Минихаят Бибисауда Минизиган	39 34 7 11 4 3м-ц	башк			2 4
288	Хасбиямал Шункарова Минивафа Гарифуллина Газиза Гар	55 17 14	башк		У муллы	– 3
289	Гимазитдин Г-яппаров Гилминиса Габдрахимова Сиразитдин Минизиган Ахметсафина Гульзиган	65 45 30 25 7	башк		У муллы	2 3
290	Минихузя Ильясов Асхьямал Минихузина Миниахмет Саидмухамет Мухаметзакир Бибизайнаб	38 23 10 8 3 1	башк			5 1
291	Хайрибашар Г-насыров Бибизарифа Мухаметьян Минислу Мухаметьян Шамсиямал Мух-шариф-м	30 24 4 3м-ц 70	башк		У муллы	2 3
292	Динмухамет Г-хакимов	43	башк			3 2

	Миниямал Г-насырова Миниахмет Сарбиямал Бикмухамет	43 10 6 4				
293	Хуснутдин Губайдуллин Магишакар Динмух-ва Миниахмет Минимухамет Хазиахмет Миниса Миниазар Маймуна	53 48 16 13 7 17 10 5	башк		У муллы	4 4
294	Калимулла Губайдуллин Минизиган Имангулова Фазулла Миниямал Нуримухамет	57 45 24 13 10	башк		У муллы	3 2
295	Низамутдин Г-насыров Бадерниса Г-вагапова Мингазитдин Бибигадида Миниадия Минихаят Шарафутдин Зайнитдин	56 40 18 16 13 9 6 2	башк		У муллы	4 4
296	Минихузя Гизатуллин Фатиха Гарифуллина Зайниямал Хис-ва-мать Валиулла Гиз-н – брат	29 22 55 19	башк		У муллы	2 2
297	Шагимардан Исаков Мархабямал Исламова	65 50	башк			1 1
298	Гизатулла Губайдуллин Шамсинагар Хусаинова Минимухамет	47 35 4	башк			2 1
299	М-зариф Гайнуллин Салима Мураткузина Мухаметзакир Гилминиса Шагиахмет-н Мухаметсадык Мухаметшариф Бибикамал Бибишарифа Минизифа	58 54 28 21 25 22 18 14 11	башк		У муллы У муллы	4 5
300	Нурулла Гайнуллин Латифа Хабикузина	63 60	башк			4 2

	Мухаметгариф Миниямал Шакирова-н Мухаметназиб М-гар-вн Мухаметша	28 23 1м-ц 22				
301	Низамутдин Ибрагимов Хасбиямал Абдулгаллям. Хузяхмат	54 48 14	башк			2 1
302	Ахметьян Ибрагимов Минигайша Нуримух-това Ахуньян Фатихабану Гильзиган Бибифатима Гильфанетдин Гимазитдин	48 35 16 14 10 8 3 6м-ц	башк			пчеловод 4 4
303	Шайхульислам Хасанов Бибигазиза Гайнуллина Миннигадия Гарифа Смагилова-мать Шайхульахмат Хасанов Латифа Хасанова	25 35 1м-ц 54 21 15	башк		У муллы У муллы У муллы	2 4
304	Ахметша Ильясов Муhibямал Г-гафарова Мухаматша Мухаметьян Сабхиямал Миниахмет Шамшивафа Шарафут – пл	43 35 16 14 9 2 13	башк		У муллы	4 3
305	Зайнетдин Идрисов Шамсикамал Смагилова Хуббихузя Зайн Гайникамал Фатхуллина Хубьямал Хубихузина Хакимхузя Зайн Миннихузя Зайн Камалетдин Зайн	70 55 28 20 1м-ц 25 21 8	башк		У муллы У муллы У муллы У муллы	5 3 2 дома
306	Г-гафар Г-япаров Миниямал – дочь	55 13	башк			1 1
307	Хабибулла Гайнуллин Хафиза Иксанова – мать Калимулла Гайн – брат	28 60 25	башк		У муллы	2 1
308	Гимазетдин Низамут-в Шамсизиган Хусаинова Зайнетдин Назмутдин	58 57 23 17	башк		У муллы	3 2

	Сарбиямал	21				
309	Зиганша Г-халиков Шамсиниса Г-латыпова Ахматша Зиганшин Миниямал Ахметьянова Бибифатима Ахматшина Давлетша Ахматшин Мининиса Зиг Минигаян Зиг Минхазяр Зиг Ахтамша Зиг	60 55 32 28 2 6м-ц 18 16 14 12	башк		У муллы	46
310	Шагимардан Гибадуллин Фахирнур Мухаметшина Шагидавлят Бибифахриниса Шагиахмет Бибихадича Бибимялиха	67 40 25 22 18 16 12	башк			34
311	Губайдулла Гибадуллин Хоснидовлят Газизова Набиулла Габдулла	35 30 5 2	башк			31
312	Хабидулла Габидуллин Бадрибанат Шагидуллина Бадрикамал	31 22 2	башк			21
313	Низамутдин Фахриддинов Сахипямал Г-вахитова Сагадатдин Низам. Гилмитдин Низам Шагабутдин Низам Асхапямал Шамсиямал Ханифа Хузина-плем	65 60 26 22 17 19 14 25	башк		У муллы У муллы	44
314	Калимулла Рахматуллин Минихаят Габидуллина Набиулла Кал Минигаян Юсупова Сигабатулла Кал Гатаулла Кал Габдулла Кал Магамбаян Кал	55 50 29 22 26 20 18 16	башк		У муллы	53
315	М-шакир Мунасыпов Шамсикамал Бадиртд Мухаметсапар Мухаметситдик	59 55 22 16	башк		У муллы	42

	Мухаметсадык Минигайша	12 9				
316	Тазитдин Камалетдинов Шамсизиган Фазлымух-м Миникамал Фазлымух-ж Гимадуддин Низамутд-пл	31 55 23 14	башк			2 2
317	М-шарип М-садыков Камал Ахметьянова Шамсиямал Бикмурзина-м Мухаметзакир – брат Мухаметшакир – брат	38 30 65 25 28	башк	Турки Зачерк- Напис мус		3 2
318	Гизятулла Губайдуллин Сарбиямал Гизатуллина Мингазетдин Гиз Минигарей Гиз	51 35 21 13	башк			3 1
319	Ямангул Имангулов Фархиямал Гизатуллина Минигул Калимулла Фахризиган Миниямал Хабибулла Мухаматша	57 55 28 20 18 22 16 14	башк		У муллы У муллы У муллы У муллы У муллы	5 3
320	Тохфатулла Гибадуллин Шамсури М-латыпова Минишаих	42 32 10	башк		У муллы	2 1
321	Миниахмет Гибадуллин Минибадар Шакирова Муллахмет Динмухамет Бибинафиса Бадрикамал Миниямал Гибадулла Габидуллин-от Фатима Файзуллина-мать	40 27 14 12 9 4 3м-ц 98 85	башк		У муллы У муллы	4 5 2 дома
322	Зямалетдин Бигаев Фатиха Халиуллина Гимазутдин Гирфанутдин Фархиниса Газиза	60 30 25 2 12 5	башк		У муллы	3 3
323	Кабир Габзамиллов Бибифатима Давлетшина Мингазетдин Пархиямал Гайнетд	62 57 28 27	башк		У муллы	5 3

	Сиразитдин Назмутдин Миниямал Абдрахман Мингаз.	22 16 23 2м-ц				
324	Давлетша Гимазитдинов Гарифа Хамидуллина Бибилайша Мадина Пахринур	44 46 20 12 7	башк			14
325	Ягофарсадык Зильфукаров Шафифа Вахитова Биктимир	58 55 20	башк			21
326	Г-халик Г-латыпов Гульбика Хамидуллина Гатият Шайхелислам Зайнетдин Гульзиган Гайнетдин	67 45 23 20 14 10 3	башк			52
327	Юсуп Низамутдинов Гайшабану Исрафилова Нафиса Миниямал	42 37 12 9	башк			плотник, раб 13 крыт соломой
328	Идрис Юсупов Минсылу Г-галиева Гумар Фатихабану Мининиса	37 25 4 1м-ц 7	башк			23
329	Багаветдин Хусайнов Шарафутдин Камалутд Минихаят Багаветд.-ж. Ш. Бибилатифа Шар Фардуддин Газетдин Бадрутдин Гилязутдин фархутдин	70 46 23 19 17 15 12 9 2	башк			пчеловод племянник 2 дома 72
330	Минигул Ахметхафизов Минизиган Зайнуллина-м Минихузя – брат Минизифа – сестра	22 45 12 3	башк		У муллы	22
331	Бикмух-т Динмухаметов	38	башк			1 –
332	Ахметьян М-галеев Шамсиямал М-каримова Нуримухамет	50 45 20	башк			21

333	Минибану Шарипова – вд	60	башк			– 1
334	Гайнитдин Хисамутдинов Сабхиямал Гизатуллина Бадратдин Шамшикамал Мувтахутдин брат Хадича-сестра Шарифа Башарова-мать	38 23 4 1 27 19 60	башк		У муллы	3 4
335	Махмут Ибрагимов Мавтуха Багаутдинова	20 58	башк		У муллы	1 1 вдова
336	Шагиахмет М-галеев Сарбиямал Гизатуллина Ахметясавий	41 23 6м-ц	башк	Тур-зач мус		н/ч запаса 2 1
337	Бахтигарей М-галеев Зайняп Латыпова Шакир Смагил Фахриниса Сефүльмул – м Банят Латыпова-с.ж.	44 31 6 2 66 18	башк		У муллы	3 3
338	Ахметгарей М-галеев Бибикай Гизатуллина Гарей Султан Залиха	47 30 14 7 9	башк			3 2
339	Шагабутдин Максюттов Бибигазиза Тазитдинова Афзалитдин Ахметзакир Назмутдин Мингазутдин Ахметшакир Нурниса Фархиямал Зиганшина-м Шамсиямал Макс-сестра Минихаят Гатиятул-плем	55 32 25 22 12 6 4 1м-ц 75 5 12	башк			6 5
340	Гайса Хамидуллин Гиззиниса Тимирпулат Хикматулла Хурматулла Фархиниса	45 35 19 17 5	башк			3 2
341	Тохфатулла Хамидуллин Миникамал Ганиева Миниахмет Минимухамед Мухамедгарей	41 33 10 4 2	башк			н/ч запаса 4 1

342	Хисматулла Гарифуллин Ханифа Валиева-мать Минсылу-с Минихаят-с Минибадар – с	17 40 14 12 8	башк		У муллы	14 вдова
343	Гайнетдин Хисаметдинов Гайнихаят Ганиева Ахмадетдин Шамсинагар Муфтахатдин Хис Тазетдин Хис	35 25 3 3м-ц 16 12	башк			42
344	Гимзетдин Хисаметдинов Гаффабану Галиева М-гали Абелхаиров-тесть	30 20 65	башк			21 слеп на оба гл.
345	Гумер М-садыков Минизиган-сестра	20 14	башк			11
346	Исхак Шарафутдинов Бибилайша Садыкова Бибигадия	38 30 3	башк			12
347	Ахметьян Мух-аминов Шамсиниса Фазлымух Бикмухамет Альмухамет Минибаян Гайникамал Бадрикамал Бибилайша М-шак-ва-ж. Б	65 55 28 25 18 15 10 18	башк		У муллы	35
348	Хабидулла Ибатуллин Шамшиниса Башарова Багаутдин Вадифа Таифа Гульзиган Гадениса Вахитова-м	50 45 20 16 12 6 80	башк		У муллы У муллы У муллы	25
349	Калимулла Ибатуллин Мархабзамал Исхакова Гатаулла	41 32 11	башк			н/ч запаса 21
350	Мух-зян Давлетшин Бибинафиса Г-насырова Мухаметдин Кашафутдин Муфтахутдин Афзалутдин Дульхидзя Бурангулова-м	50 52 24 19 16 14 80	башк			32 солдат на в/с
351	Садритдин Мухаметшин	31	башк			2 дома

	Шакира Гатиятуллина Нуратдин	28 1				2 1
352	Гайнетдин Гизятуллин Шамсиямал Мух-янова	41 30	башк		У муллы У муллы	чоботарь 1 1
353	Назмутдин Шарафутд-в Миниямал Гайнетд-ва Низамутдин Шамшикамал Гайнетдин Шар-бр Миниямал Ямангулова Юскай Шар-бр Гумар Шар-бр Хасбиямал Сайфуллина-м	30 23 2 1 26 22 24 15 59	башк		У муллы	4 4 солдат
354	Ахметзакир Фатхуллин Сабхиямал Файзуллина Саддида Юсупова-теща Миникамал Файз-свояч Минимухамат Файз-шур	27 18 47 16 10	башк		У муллы	2 3
355	Сабит Хисматуллин Назифа Г-насырова Минишайхи Шаймухамет Минибану Шайхелахмат	48 48 16 12 7 4	башк			4 2
356	Низамутдин Фатхуллин Бибихадича Фатхутд-ва Хисамутдин Миникамал Низам-сноха Минибадар Низ Минимарьям Хис Гайша Хис Минисара Хис	65 60 30 30 20 5 3 1	башк			2 6
357	Давлетша Ильясов Бадирниса Хисмат Фатхутдин Нуримухамет	45 35 11 3	башк			3 1
358	Ибрагим Ильясов Шамшинагар Г-хаким Фахризиган Миникамал Самигулла	60 37 20 7 15	башк		У муллы	2 3
359	Габбяс Ильясов Смагил Габбясов Фахирниса Г-халик Нуриахмет	70 35 35 3	башк			3 3

	Минизифа Фарихидия	13 8				
360	Гайнулла Хисматуллин Шамсинагар Низамут Хисматулла Ибатул-отец Миникамал Габдрахман Афзалетдин Камалетдин	43 25 90 12 10 5 2,5	башк		У муллы У муллы У муллы	52
361	Калимулла Нигматуллин Шамсуниса Гайнуллина Муфтахутдин Гилалитдин Кирамутдин Гимазитдин Ситдыка Гилмиямал Фатыха	40 37 15 14 4 2м-ц 11 7 2	башк		У муллы У муллы У муллы	54
362	Салимулла Нигматуллин Хамдуниса Гайнуллина Гульзиган Ниг Ахметситдык Салим Ахметгарей	35 33 21 4 1	башк		У муллы У муллы У муллы	32
363	Муллаахмет Г-халиков Минихаят Ибрагимова Гилминиса Рахмат-мать	29 25 60	башк			12
364	Сайфутдин Абулхаиров Фархизямал Альмух Мингазутдин Сайф Минизямал Мининиса	80 52 15 19 17	башк			глух с 76 л 23
365	Шагимардан Г-маняпов Шамшинагар Назмутд Хузяахмет Зарифа Низамутд Минигул Зайнитдин Деньмухамет Минибадар-глухонемая Нуримухамед	50 30 27 18 24 18 9 5 1	башк		У муллы	63
366	Хабибулла Хаббасов Миниямал Назмутдинова Нигматулла Хабибулла	38 44 17 12	башк			22
367	Шарафутдин Ильясов	76	башк		У муллы	2 дома

	Хайриниса Худойдатова Фархитдин Гилмитдин Хуснизиган Ахмадитдин Фархитд Хисамутдин Магитап	50 35 22 18 7 6м-ц 6			У муллы	53 н/ч запаса отлуч. в Москву
368	Гатиятулла Хамидуллин Хаирниса Бикмух Галимулла Гайниямал Сайфутд Дурликамал Галим Мининур Галим	88 70 43 33 9 3	башк			24
369	Г-галлям Идрисов Гафифа Г-кабирова-ж Гайнулла Г-гал Бибифатиха Гильмулла Бибисара	58 25 22 7 3 5м-ц	башк			33
370	Гатаулла Нигматуллин Фархизиган Файзуллина Шамсизиган Лотфулла Шамсинур Фахринур Минифатхия Минигазиза Миниазар	49 42 17 15 13 10 6 4 1	башк		У муллы	2 дома 27
371	Зайнулла Хисматуллин Шамсиниса Гизатуллина Шайхелислам Зайнуллин Шагидулла Шамсикамал Шамсинур Шамсизиган М-валеева-ж	52 49 26 22 18 15 24	башк		У муллы У муллы	24 солдат в/сл жена Ш-ислама
372	Абдулгазиз М-садыков Шамсизиган А-насыр Габдулла Хамдиниса Шамсуниса	40 37 9 13 3	башк		У муллы	23
373	Калимулла Рахматуллин Гафифа Хабибуллина Минизифа Минигульсум	30 29 4 2	башк			13
374	Сабирзян Мухаметьянов	22	башк			2 дома

	Шакирьян Мух Нуратдин Шак Доха Багаутд-мать	15 9 45				У муллы	3 1
375	Мух-зариф Ганиев Мавтуха Гарифуллина Зариф М-зар Фатиха Хабибуллина-м	27 20 2м-ц 56	башк				2 2
376	Мух-гали Ганиев Шамшируван Юсупова Салахетдин	40 25 4	башк				2 1
377	Балтин Ибрагим Хамид-н Балтина Вазиха Тохват-на Балтин Мухаметгумер Гума- ров-внук	70 65 13	мещ	Елабуга Менз/у	У муллы У муллы В медр.		аренд/усадьба на башк / земле 2 1
378	Шагимардан Хамзин Нуризиган Даутова Минифатих Минибика Хамидулла	36 32 7 3 1м-ц	г/кр	Малм/у			аренд/усадьба на башк / земле Хоз.мел. лавки 3 2
379	М-карим М-салихов Шайхелахмет-брат Шайхелислам-брат Бибизакия – сестра Магусумямал М-шак-м Мингазетдин-брат	19 16 12 9 45 23	тепт	Менз/у Тойгуз	Медр У муллы		аренд/усадьба на башк / земле 3 дома 4 2
380	Уразманова Бибилатифа Уразм. Бибинур М-гал Уразм. Бибифатиха М-г Уразм. Мининиса М-г Уразм. Газинур М-г Уразм. Миниазар М-г	40 18 13 9 7 1	мещ	Елабуга			хоз. мел. лавки аренд/усадьба на башк / земле 1 5
381	М-закир Минихузин Фатихабану Мух-закирова Ахметназип Рузателзинан Сираз-мач Газизабану Минихузина Гарифабану Минихузина	28 22 5м-ц 27 7 5	г/кр	Мамад/у Н-чур/в Кузи- баш. с/о	медр У муллы У муллы		аренд/усадьба на башк / земле 2 ж. стр 2 4

Пояснения:

В таблицу собраны наиболее интересные для анализа сведения из материалов переписи. Во второй графе подворно указаны имена и фами-

лии, а также родственные связи всех жителей Бизяков, в третьей – их возраст. В четвертой графе дана их сословная принадлежность.

№ 8. Вторая Всероссийская перепись 1917 года по Елабужскому уезду Вятской губернии деревни Бизяки – Подворная перепись 1917 года

№ д-ва	Имя, фамилия	Лет	Раз-дат. ед. з.	Лош	Коров	Овец	Рожь	Овес	Пшеница	Полба	Др.
1	Вахитов Насыр – приписной, башкир, крест-н, хлебопашец отец-81, ж.45, 2с.–9 и 6, 3д – 17,15,1,5	44	3	2	2,1	4,2	15	5	3	8	
2	Ильясов Минихузя – пр, б., к., х ж.60, 6с.–30,25,17,22,15,14, д.–19	60	6	2	2	10,8	30	28			12 яч.
3	Галямутдинов Назмутдин – п, б, к, х. ж.25, 2д.–4 и 2	39	2				10	9		4	
4	Зайнуллин Шафиулла – пр, б., к., х ж.53, 3с.–18,17,14	67	2	1	1,1	6	15	4	2		
5	Шафиуллин Сибгатулла . . . ж.23, с. 1 (аренд. 1 надел)	23	1				5,5	7,3			
6	Гайнетдинов Ахуньян ж.35, 2с. 5 и 2, д. 7	35	1	2	4	5	6,5				
7	Хамидуллин Газиз ж. 58, 2с. 25 и 23	60	3	2	1,1	2	15	19			
8	Галимов Мухаметвали ж. 40, с. 8, 2д. 16 и 13	45	2	1	1	3	10	13			
9	Шакиров Сабирьян ж.25, м.65, с. 5, д. 3, 6.25, сн. 25, сес. 23, плем-цы5,3,1	35	3	3	3,1	3 2ко-зы	12	8		2	2 яч.
10	Мухамадьянов Минимухамет брат 15; Знадела сдает в аренду	19	3								
11	Габдулганеев Мухамадьян ж.35, 3с – 13,7,5, 2д-10 и 2	46	2	1	3	2	10	13			
12	Габдулганеев Габдулгаллям ж.50, д. 12	48	1		1		5	6,5			

13	Ахмадьянов Ахмадша	отказался дать			сведения							
14	Тазетдинов Низамутдин ж.30, Зс. 12,6,2, д. 8	43	2	2	2		10	13				
15	Тазетдинов Гимазетдин ж.40, 4с. 17,10,12,7, д. 16	52	1	1			4	5,5				
16	Садретдинов Хазей-пришел на поправку; ж.27, 2с.7и5, д. 8	25	3	2	1,1	4,3	15	19,5				
17	Камалетдинов Тазетдин 4с. 28, 23, 20, 13	64	4	2	1,1		21	25	1			
18	Камалетдинов Ахьяметдин ж. 27, с. 3	40	1	1	1,1		5	6,5				
19	Валеев Латып – караульщик пчел	60	2	1			10	13				
20	Зайнетдинов Хубихузя ж.42, 5с. 16,9,8,7,6, 4д. 20,17,5,1	49	2,25	1	2,1	7,5	11	6	3	6		
21	Зайнетдинов Хакимхузя ж.42, 2с.11 и 7, 2д. 6 и 4	45	2	1	1н, 1г	8	10	13		9		
22	Зайнетдинов Минихузя – отказ. Дать свед.			1,25								
23	Хамидуллин Зайнулла ж.60, 2с.18 и 12, 2д. 8 и 6	63	2	1	1	2	10	12		15		
24	Хамидуллин Гизатулла	53	2	1	1,1	1	10	13				
25	Сабитов Давлетша (аренд. 0,8н.) ж.28, 3с. 9,3 и 1,5, д. 13	38	3,5	1	1,1	4	17	11	4	5		
26	Сабитов Закир – ар. 0,4н. ж.40, 3с. 18,7,1, 4д. 12,6,5,4	47	2	1	1	4 1,1к.	10	13	4			
27	Сабитов Шакир – раб. в Тихих Г. ж.40, 3с. 12,5,2, 4д. 8,6,4,3	45	1	1	2, 1,1 6	4,3	5	5,5	1			
28	Мусифуллин Хикматулла ж.40, 3с. 14,9,5, д. 12, мать75	47	3				12	18				
29	Сайфутдинов Хисамутдин ж.50, с. 19, д. 15	62	2	2	1,1	3	8	6	5,5			
30	Сайфутдинов Фарвазетдин ж.30, 4с. 11,8,3,1, 2д. 7и5	60	3	1,1	2,2	4	12	18				
31	Ибрагимов Мифтахутдин ж.30, 2с.18 и 1, д. 16	39	2	2	1,1	3 2к.	10	12	4			
32	Гайнетдинов Багаутдин-на уч. в Б.з ж.35, бр. 25, с. 5, 2д. 7 и 2, м.80	40	3	2	2	4		6	9		не зас.	нет сем.

33	Хисамутдинов Гимазетдин ж.64, 4с. 20,16,13,10 (12уль- ев)	64	3	4	к, б, н, т	10	12	24				
34	Хисамутдинов Нигамадьян ж.28, с. 2	30	2		1		10	13				
35	Хабибуллин Вафа – мулла ж.27, с. 6, теща56	28	1	1	1	2 2к.	5	6,5				
36	Шарафетдинов Ялаветдин м.63, 4бр.35(Б.з.), 32,28,14, сес. 14, сн. 35, 3пл-ка 5,3,1	36	5	3	3,3	10,5	25	12	3			3 яч.
37	Латыпов Шакир ж.34, 4с. 15,9,6,3, д. 7	44	3	2,1	2,1	5,1	15	16				2 яч.
38	Халиков Гафар – недосея- но-нет раб. рук – с. 35, сн. 23, внуч- ка 1	84	2	1	1		8	8				
39	Фазлиахматов Хузахмет ж.37	45	1	1		2,2	5	6,5				
40	Шарафутдинов Фатахутдин ж.48, 2с. 17,12	48	2	1	1,1	1,1	10	12				
41	Насыров Башар ж.35, с. 21, 2д. 18,5	51	2				10	4				4 яч.
42	Шарафутдинов Гильфа- нетдин мать50, 4бр. 20,17,14,12	37	4	1	2,1	4,5	20	24			4	
43	Гимазетдинов Сиразетдин- мел/торг ж.45, 4с. 23,18,12,8, д. 15	55	5	2	2,1	8 1к.	25	23	3		2	2 яч.
44	Гайсин Гусман-пр. на поп- равку мать62, бр10, сес. 12	28	2	1			10	12				
45	Халимов Динмухамет ж.60, зять32, д. 28,1вн.6, 2вн.5и3	60	2	1	1,1	2	10	13				
46	Ахмадьянов Ситдык Звн3,1,7 ж.50 2с. 37,25, сн. 30 2д. 15,12	80	4	2	2,1	5,3	20	24	2			
47	Сайфетдинов Мустахим м.50 ж.29 бр. 15 сес. 20 д. 4	30	3,5	2	2,1	7	14	19,5				
48	Ишмурзин Ах-закир Ша- киров м.50 ж.25 2бр.16и20, сн. 17	26	3	2	1,1	3	15	13	3		4	

49	Вахитов Шарифулла ж.65 1с.33 2сн.25 30, 2вн.10и7	80	4	2	1,1	4	20	20		5	
50	Гайнетдинова Мухибямал Зс. 12,11,5 2д. 8и3	40	2	1	1	3,4	5	6,5			
51	Музафаров Зариф- аренд. 1надел ж.40, с. 1, 2д. 10и4	45	1	2,1	2,1	3	5 10	5 9	3 3		
52	Бахтияров Ахметгарай м. 45,3бр. 16,8,3, сес. 10	19	3	2	2,1, 2	4	15	10	7	1	
53	Хамидуллин Насифулла ж.70	62	1					6,5			
54	Музафаров Минихузя ж.55, 2с. 22,12, 3д. 15,12,7	55	2	1	1,1	5	8	12	1		
55	Газетдинов Шарафетдин ж.50, 2с.35 и 5, 4д. 17,15,10,3	58	2	2	1,1	7	10	12	1,5	3	
56	Гимазетдинов Афзалетдин ж.28, 2д. 7и3, сес. 27	29	3	2	2,2	3,1	15	12	2	3	
57	Гимазетдинов Гильфанет- дин ж.40, 4с. 18,15,7,5, 2д. 11и1	49	2	1		2	10	10			3 яч.
58	Назметдинов Ахьяметдин ж.32, 6д. 16,14,12,7,5 и 1,5	36	1		1	1	5	6			
59	Мухаметдинов Мифтахет- дин-наБ.з. ж.28, 2с.5и3, д. 1, м.60, сес. 7	29	3	2	1,1	13	15	15	4		
60	Сиразетдинов Гарей ж.47, Зс. 22,17,5,2д. 14и6	52	4	3	2, 2, 2	15	20	15	5	10	
61	Сиразетдинов Ахметзакир- на Б.з. ж.30 наним. 4м. на все с/х раб.	31	4	2	2,1	10	20	25			
62	Хафизов Мухаметзакир ж.25, бр. 25, м.60, с. 4,3д. 15,5и 1,5	30	6	1	1,1	4,2	20	20	8		
63	Фазлыев Шаймардан-рыбак ж.60, Зс. 33,28,23, 3сн. 35,25,22, 3д. 18,15,13, 2вн.2 и 1,5	4	3	2,1	5	20	15	4			4 яч.
64	Шигабетдинов Афзалетдин ж. 56,2д. 16 и 13 аренд. 4над.	46	1,3	1	3,1	7,3	8	18	4 0,8к	6 оно	5 яч. пли
65	Насыров Закир ж.60, Зс. 35,28,23, сн. 24, д. 18, вн. 2	66	5	2,2	2	7,4	30	30	4	3	
66	Шакиров Минахмет ж.25, м.60, с. 0,5	35	2		1,1	2,1	10	13			

67	Гафаров Метемьян ж.60, Зс. 27,23,11, вн. 1, сн. 24,22, д. 9	64	5	2,1	1, 16	4	25	25	4		
68	Гафаров Муллахмет-под- рядч. Б.з. ж.55, 2с. 28,27,2вн. 1,2,2сн. 28,25, в.2	55 ар.	4 4н.	2	4	10	32,5	35	2	2	
69	МухамедьяновХазей ж. 46,2с. 23,19, 4д. 22,14,12,10, сн. 21	54	5	2	2,1	12,8	25 1,5л	6,5	6 о, 5к	6	1,5гр
70	Валеев Габдрахман ж. 40,2с. 23,15, 5д. 16,10,8,6,3	53	4	2	2,2	8	20	12	1,5	8	2 яч.
71	Шигабетдинов Алялетдин ж.30, д. 1,5	33	1,5	1	1,16	2	8	9			
72	Шигабетдинов Фардетдин ж.25, 2с.5и1, д. 3	30	1,5	1	1,1	3,3	7,5	10			
73	Шигабетдинов Мифтахетдин ж.33, 4с. 20,13,5,3, д. 8	45	3,5	1		4	18	8	8		
74	Газетдинов Фатахетдин ж.47, с. 15, 2д. 14 и 9 ар. 3н.	48	2	1	1	5	25	25	3		2 яч.
75	Сиразетдинов Ахмадетдин ж. 55,7с. 32,25,20,13,10,8,6, сн., 3д. 17,	66 14	4 11	2 вн. 1	2,2	2,4	20	20	5		0,5 лен
76	Гилязетдинов Гильман – от- сутств. Землю сдал в аренду № 74	19	3								
77	Сиразетдинов Гильфанет- дин ж.35, с. 10, 3д. 15,13,2	45	3	1	2,1	3,2	15	19,5			
78	Давлетшин Гарей ж.35, Зс. 10,7,6, 2д. 5и3	35	1	2	1	3	5	6,5			
79	Мухаметдинов Гильфа- нетдин ж.32, с. 10, 2д. 3и1	32	1				5	6,5			
80	Мухаметдинов Виста с.18, д. 19	40	2	1	1,1		10	6,5	6		
81	Динмухаметов Сахабутдин ж.60, 2с.21и8, 2д. 16и10	60	3	2	2,1	6,2	15	8		5	
82	Динмухаметов Фазлиахмет ж.60, 4с. 32,29,28,20, д. 18	60	5	2,1	1,1	5	25	25	5		
83	Динмухаметов Миниахмат ж.50, 2с.18и3, 3д. 19,10,5	49	3	2	2	5,1	15	12	2	2	4 яч.
84	Газетдинов Хисаметдин ж.40, с. 16, 2д. 17,13, м.66	50	4	4	2,1	3	20	18	4	4	

85	Гайнетдинов Зайнетдин ж.48, 2с.14и7	48	2,5	2	1,2	7,2	12,5	8	8		
86	Гайнетдинов Багаутдин ж.40, 2с.8и4, 2д. 23и9	50	2,5	2	2,1	8	12,5	13	2		
87	Хисаметдинов Давлетша с.29, сн. 20	75	3	1		5	15	8	5		5 яч.
88	Хисаметдинов Мухамедьян ж.35, 4с. 19,6,4,1	59	3	2	21н1	4,2	15	12	6		3 яч.
89	Шакирова Фархи 2с.15и7, д. 30	60	1		1,1	2,1	5	6,5			
90	Ахмадьянов Ахаметдин ж.35, бр. 30 (раб. на пр. Т.горы)	35	3		1		15	19,5			
91	Ахмадьянов Якуп ж.35, 3д. 15,12,1,5	54	2	1	1	5,2	10	10	2		
92	Ахмадьянов Исхак ж.35, с. 5,4д. 18,13,12 и1	50	2	1	1	5	10	10		2	
93	Ибрагимов Исмагил мать 55	16	3		1		15	13	5		
94	Мухамедьянов Нуриулла ж.35, 2с.25и9, 2д. 17и19	54	3		1	1	15	12	3	3	
95	Альмухаметов Хикматулла ж.24, 2бр.30и20, 2д. 3и5 (сд. в ар4,5н)	34	7	1	1	1,1	15	20			
96	Башаров Газиз ж.55, с17, д. 22	65	3		1,1	4,2 1к.	15	15		3	
97	Нигматуллин Гизатулла м.52, 3бр. 19,13,7, сес. 6	23	4	2	1,1	5	20	12	12	2	
98	Нигматуллин Динмухамет ж.32, с. 18, 3д. 10,5,1	47	2	1	1,1	6,4	10	13			
99	Камалетдинов Газетдин ж.46, 4с. 15,13,7,4, д. 18, м.18	50	2	2	111 н	62	10	9	2		
100	Мухамедьянов Мухамет- вали ж.30, м.70, 2д. 4и2	35	3	2	22	42	15	8	3	3	
101	Гайнуллин Салаватулла ж.35, с. 9, 2д. 12и2	45	2				10	7			
102	Калимуллин Нури-в ар. 0,8н. 2пл.13и9, сн. 36, 2пл-цы1- 5и7	33	4		11	31	10	13			
103	Губайдуллин Хуснутдин ж.52, с. 32, сн. 25, 2вн.7и3	69	2	2	11н	3	10	10	2		
104	Хуснутдинов Мухамат ж.30, 3с. 10,8,2, д. 4	35	1		1		5	6,5			

105	Хуснутдинов Минихамат ж.30, с. 10, д. 8	37	1		1		5	6,5			
106	Низамутдинов Шарафутдин 2бр. 14,20 (на д/сл), м.65, ж.23, сес. 7	26	5	2	11	42	25	33			
107	Зайнуллин Зиннатулла – ж. 55,2с. 12и36(Иж.з), 2д. 9и7, сн. 29,2вн.3и2	65	2	1	11	4	10	8	2	3	
108	Сафиуллин Минигарай м.45, 2бр.22, 17	25	4		11	1	20	25			
109	Фатхуллин Закир ж.25, д. 7 ф.991, оп. 2, д. 332, лл. 49–158	30	2		11	1	10	13			
110	Гиззатуллин Зиннатулла ж.48, 4с. 18,15,10,7, 2д. 19и2	53	3	2	11н	43	15	19,5			
111	Гиззатуллин Минихузя ж.40, 3с. 22,14,6, 3д. 17,9 и 0,5	52	2	1	1	41	10	13			
112	Гиззатуллин Салимулла ж.30, с. 9	40	1	1	11	31	5,5	1,5			
113	Исхаков Шаймардан ж.30, с. 3, д. 12	44	1	1	1н		5	6,5			
114	Губайдуллин Гиззатулла	66	1	1	1	5	5	6,5			
115	Гайнуллин Зариф ж.45, о.82, м.80, с. 11,3д. 18,15,7	50	2	11	3	6	10	8	2	2	
116	Насл. Садыка Зарипова (умер недав) 2д. 8 2		1				5	7			
117	Зарипов Шарип ж.30, с. 2, д. 8	33	1	11	2	5	6,5				
118	Нуруллин Мухаметша ж.39, д. 9	44	1,5	1		31	7,5	10			
119	Нуруллин Гариф ж.40, с. 15, д. 5	50	1,5	2	21	64	7,5	10			
120	Гайнуллин Насифулла ж.60, с. 35, сн. 30, внук5	70	2	1	1	4	10	13,5	3		
121	Насифуллин Миназетдин ж.28, 2с.10и2, д. 7	35	1	1	01	11	5	6,5			
122	Насл. Насифуллина Каша- футдина ж. – хоз. 30, д. 4	ум	1		1		5	6,5			
123	Насифуллин Гильфан ж.38, 2с.9 и 1,5, д. 12	45	1		11		5	6,5			

124	Мусин Мухаметзян	26	3	11ж	11		15	11		15	
125	Рамазанов Миназетдин м.55, ж.27, сес. 14, д. 2	37	2	11ж	11 1н	11	10	9		4	
126	Галиуллин Галимулла м.52, 3сес. 22,17,11	15	2	11ж	21	34					
127	Габбасов Гатиатулла ж.54, 3с. 30,21,17, д. 13, сн. 26, вн. 1	66	5	2	1	52	25	22		10	
128	Мухаметзянов Минаихмет ж.29, 2с.7 и 5	35	2	2	1	34	10	13	3		
129	Габбасов Давлетша ж.40, 2с.12 и 2, д. 14	40	1	1	1	31	5	6,5			
130	Ахмадьянов Ахуньян – чер- нораб. ж.35, с2 (сд. надел в ар.)	42	1								
131	Ахмадьянов Гильфанетдин- на д/с м.60, 2бр. 20 и 10	28	3	1	11	2	15	17	2,5		
132	Низамутдинов Хузяхмат ж.23, теща60, с. 1, д. 3	33	2	1	11 1н	23	10	4			4 яч.
133	Шаяхметов М-сахиб ж.38, 3с. 15,10,8, 3д. 14,7,5	42	2	1	2	55 1к	12	13	4		
134	Шаяхметов Сахибахмат ж.28, с. 1, д. 7	38	1	1	1	33	5	6,5	3		
135	Шаяхметов Ясафей – грам. ж.27, с. 5	28	1	1	1	65	5	6,5			
136	Хасанов Ислам ж. 50,3д. 19,17,12	53	2	2	2	53	10	13			
137	Хасанов Шайхулахмат ж.32, 3с. 12,9,5	42	2	1	1	41	10	13			
138	Ахмадишин Мухаматша ж.29, с. 1,5, 2д. 6 и 4	35	1	1		1к.	5	6,5			
139	Зиганшин Ахмадиша ж. 50,4с. 20,17,14,10, д. 12	54	3,5	2	22	3	17,5	11	3	3	
140	Зиганшин Минихузя ж.35	35	1,25	1		32	5	6,5			
141	Зиганшин Ахтямша ж.25, д. 2	30	1,25	1	11	1	6,5	8			
142	Хабибуллина Бадрикамал м.40, 2бр. 13 и 8	18	2		1	62	10	13			
143	Габидуллин Губайдул- ла – ж.57, 4с.25, 21-д/с, 19-д/с, 12, в. 0,5, сн. 21	57	4	21	11 1н	42	20	23			2 го- рох
144	Ганеев Габдулвали ж.55, с. 12, д. 8	60	2	1	11		10	6		5	

145	Ганеев Муллахмет ж.55, 3с. 22,18,16, 2д. 15,2	58	3	1	1	32	15	19			
146	Ахметвалеев Хайбрахман м.50, бр. 16	25	4	1			20	26			
147	Гафаров Миниахмат ж.35, д. 17	42	3				15	20			
148	Латыпов Сиразетдин ж.40, 2с. 17,14, 3д. 10,5,1	46	3	2	1	34	15, 19,5				
149	Низаметдинов Гайнетдин м.60, сес. 15	21	2	1	1	2	10	13			
150	Юзакаев Ахьяметдин м.60, бр. 25 (призв. 1917)	29	3	1			15	19,5			
151	Насыров Мухамадьян ж.50, 2с. 8,7, д. 8	54	2	1			10	13			
152	Садыков Закир ж.40, 2с. 13,6, 4д. 12,10,8,3	43	3	1	1	43	15	20			
153	Низаметдинов Шиябутдин ж.30, 2с. 4,3, м.70, 2д. 5,1	37	2	1	2	н 42	10	13			
154	Низаметдинов Сагдетдин ж.45, 2с. 14,3, 3д. 17,13,7	49	1				5	6,5			
155	Низаметдинов Гайнетдин ж.30, с. 8, д. 10	47	1	1	3	3 51	5	6,5			
156	Садретдинов Минигарай ж.30, м.70, 2с. 7,5	35	3	1	2	61	15	19,5			
157	Галлямов Мух-гариф м. 60	22	3	1	1		15	20			
158	Каримов Ахмадьян ж.35, 2с. 9,2,4д. 15,13,7,5	39	3	2	2	1 н 5	15	10,5			3 яри- цы
159	Каримов Мухамадьян ж.48, 4с. 25,19,12,7, в.1, д. 16, сн. 25	48	3	2	1	1 55	15	15	2		
160	Нигматуллин Бикмух- т-ж.45, с. 24	42	2	1			10	13			
161	Зайнетдинов Гимазетдин ж.37, 4с. 14,9,8,1, д. 5	35	3	2	1	1 21 16	15	16,5	3		
162	Смагилов Ахмадьян ж.55, с. 20, д. 17	70	2				10	13			
163	Вахитов Асылгарай – з. сд. В ар. 2д. 7,6	30	3								
164	Шаймарданов Шайдавлят ж.45, 2с. 8,3, 2д. 9,6	48	1	1	1	1 43	10	3	2		2 гор.
165	Шаймарданов Шайгаллям ж.38, 2с. 8,3, д. 5	42	1	1	1	1 5		3	3,5		
166	Шакиров Мухаматдин ж.23, 2д. 6,4	30	2	2	2	1 31	10	13	6		

167	Шакиров Салих ж.40, с. 1	42	3	1	11	42	15	12	5			
168	Гайнуллин Миннигул с.22	61	2				10	13				
169	Гайнуллин Хабибулла	59	1				5	6,5				
170	Гайнуллин Калимулла ж.45, с. 6, 2д. 12,7	45	1				5	6,5				
171	ФатхуллинГарифулла ж.55, с. 11	62	3	1	1	4	15	12	6			1,5 гор.
172	Насл. Калимуллы Фатхул- лина ж.45, с. 23, 4д. 16,11,9,3		2				5	6				
173	Гатауллин Хикматулла ж.30, с. 4, б.19, м.60, д. 7	32	5	2	2	85	25					
174	Ибатуллин Калимулла ж.26, д. 4	42	2		11 н	41	10	9	1			
175	Ибатуллин Минахмет ж.40, м.80, 2с. 8,2, 2д. 15,5	44	1,5	2	11 2н	5	7,5	10				
176	Ибатуллин Мифтахетдин ж.35, 2с. 8,3, д. 12	42	1,5	2	011 н	3	7,5	10				
177	Исламгулов Ахмадиша-2н. сд. в ар.	69	2		11	21						
178	Идрисов Мухамадьян ж.75, 2с. 43,32	70	4	1			20	25				
179	Мухамадьянов Закир ж.25, с. 4	47	1				5	6,5				
180	Исламгулов Губайдулла ж.45, 3с. 22,12,10, 2д. 20,18	61	3	2	21	51	15	20				
181	Тухватуллина Сарбиямал- вдова	26	1				5	5	отс.	в		дер.
182	Галеев Шигабутдин ж.63, д. 24, с. 21 (на д/с)	63	3		2	42	15	10	4			
183	Галеев Назмутдин ж.56, с. 25, в.2, д. 24, сн. 25	56	3	2	21	65	15	11	4			
184	Галеев Шарафетдин – ж.70	70	2	1	21	32	10	6	4			
185	Гарифуллин Губайдулла ж. 35,2с. 13,2, 3д. 11,8,5	42	1	2	11	52	5	4,5				0,3 лен
186	Гарифуллин Калимулла ж.29, 2с. 5,2, д. 4	35	1	1	11 н	21	5	3,5	1			
187	Гарифуллин Шайдулла ж.27, м.75, с. 6, д. 2	32	2	1	11 н	2	10	9				2,5 карт
188	Гарифуллин Салимулла ж.32, 2д. 8,5	35	1	1	211 н	32	5	5				
189	Гарифуллин Сафиулла ж.39, с. 2, 3д. 14,10,8	43	3	1	11	95	15	14				1 яч.
190	Гайнетдинов Мухамедь- ян – ж.30	30	2		1	3	10	10	4			

191	Гизатуллин Шарифулла ж.60, д. 11	75	3	1	1	21	15	19			
192	Шарафетдинов Назметдин ж. 51,4с. 22,7,3,3, 5д. 20,14,12,9,4	51	5	3	21	72	25	45			
193	Шарафетдинов Гумар ж.30, с. 8, 3д. 11,4,1	40	2		11	11	10	13			
194	Зайнуллин Сафиулла	80	2	1			10	13			
195	Сафиуллин Гатаулла ж.25, 2д. 3,1	30	1	1			5	6,5			
196	Сафиуллин Хикматулла ж.40, 2с. 13,10, 2д. 15,6	46	1				5	6,5			
197	Насыров Газиз ж.30, 2с. 16,13, 2д. 14,10	40	3	1			15	18			
198	Галимов Тимергали – от- сутств.	24	2								
199	Исламгулов Мухамедьян ж.70, 2с. 27,25, сн. 23	72	3	1	1	63	15	19			
200	Галимов Галлям ж.40, 2с. 15,7, д. 7	40	1,5	1	21	53	7,5	9	1		
201	Галимов Нафик ж.30, с. 0,5, д. 4, м.70	36	1,5	11	16.	54	7,5	9,5			
202	Садыков Шарип – ж.45	55	1	11	1	65	5	6,5			
203	Ильясов Ахмадша ж.59, 3с. 29,22,14, 2д. 17,8	64	3	1	11	31 21к	25	20		3	3 яч.
204	Гибадуллин Гиззатулла с.35, сн. 30, внучка 2	75	2	1	2	5	10	13			
205	Гиззатуллин Миназетдин ж.40, 3д. 14,8,6	42	1	1	11н	53	5	5	4		
206	Тухватуллин Минишаих ж.25, б.15, м.60, с. 2, сес. 12	32	2	1	22	53	10	10			
207	Гибадуллин Минирахмат м.48, с. 9м, 4сес. 14,12,10,8	9	3	1	1	5	15	19,5			
208	Миниахметов Муллахмат- ж.30, с. 2, д. 4 на уч. Иж.з.	35	1	1	11		5	6			
209	Тимергалеев Камалетдин ж.57, 5с. 36,27,24,21,15 (4с. – д/с)	64	6	2	11н	5	30	32,5			
210	Низаметдинов Хисаметдин ж.50, с. 19, д. 12	50	3	1	11	31	15	19			
211	Губайдуллин Гиззатулла м.50, ж.30, 4б. 22,19,14,12, 2д. 5,1	32	5	2	1	21	25	45			
212	Кашафутдинов Хази ж.33, с. 2, 2д. 12,7	35	5	1	11	3	25		4		32,5 яч.

213	Даутов Гимазетдин ж.45, 2с. 16,14, д. 10, баб. 60Слеп.	59	2	1	11	21	10	13				
214	Нуретдинов Гайнетдин м.75, 3б. 23,24,19	27	6	2	2	42	30	45				
215	Нуретдинов Гилязетдин ж.35, 2с. 12,3, 2д. 8,6	35	1	1		75	5	6,5				
216	Нуретдинов Гилметдин ж.40, с. 12, д. 5	35	1	1	1	52	5	6,5				
217	Гафаров Зариф ж.35, м.70, б.23, с. 4, 2д. 6,3	42	2	1	2	2	10	13				
218	Ислангулов Ахмадьян ж.60, с. 25, в.3, сн. 25, в.5	71	2	1	11		10	5		5		
219	Нигмадзянов Ахмадьян ж.35, 3с. 13,6,2 ф.991, оп. 2, д. 331, лл. 1–46	36	1	1	1	4	5	6,5	3			
220	Яманкулов Ахмадша (1н. сдал в ар) м.46, б.2, сес. 13, 10	15	3				10	13				
221	Яманкулов Мухамадша ж.30, с. 8м, м. 75,2д. 7,4	33	3	1	1	21	5		6			
222	Яманкулов Салимулла-ж.32, д. 3	42	1				5	6				
223	Ахмадьянов Мухамадьян-м.60	33	2		1		10	13				
224	Тимерзянов Гимазетдин ж.50, с. 19, д. 18	60	4	2	1	32	20	32				
225	Халиуллин Нияз-с.25	45	2				10	13				
226	Гараев Тухватулла ж. 40,2с. 12,6, д. 7	41	1	211м	111н	31 21к	5	6,5				
227	Бадертдинов Имаметдин м.60, б.20, сн. 20	33	3	1	11	1	15	19				
228	Садыков Гильфан – ар. 3н. ж.32, 2с. 22,11, 2д. 14,2	59	3	33	23	93	30	20	5	5		
229	Кабиров Мингазетдин ж.40, 2с. 19,9, 2д. 4, 1,5	50	3	1	11	4	15	19,5				
230	Кабиров Сиразетдин-жив. с сем. в Псеево	30	1,5				7	9,5				
231	Кабиров Назмутдин-то же	25	1,5				7	9,5				
232	Миннигул Ямангулов ж.38, 5с. 20, 15,13,7,3, д. 17	40	4	1	11	11	20	15	5	5		
233	Фазлиахметов Хузяхмат – отсутств.	24	1				над.	сд.	в	ар.		
234	Халиков Зайнетдин ж.32, 2д. 3,2	35	2,5	1	11	22	12	9	2	5		
235	Халиков Ислам ж.35, с. 13, 2д. 9,3	42	1,25	1	111н	22	6,5	8,5				

236	Халиков Шайгаллям ж.40, 3с. 15,5,1	45	2,25				19	6	0,5	5	
237	Насл. Шаймардана Халикова ж.40, 2с. 15,12, д. 8		2	1	1	1	10	18			
238	Галлямов Шаймардан ж.65, с. 25, сн. 24	65	2	1	1	42	10	10	3	8	1 гр. 2 гор.
239	Мухамедьянов Шакирьян ж.30, с. 2	30	1	1	11	22	5	6	2,5		
240	Мухамадьянов Закир ж.38, 2с. 9,3, 2д. 12,6	38	1	1	1	3	5	6,5			
241	Садьков Биктимер-с/х раб.	45	2	над	сд.	в	ар.				
242	Шарафетдинов Гилязетдин	35	2,5				12	16			
243	Шарафетдинова Минихаят-1н.в ар. 4с.21-д/с, 17,14,8, 2д. 11,7	45	3,5	1	1	21	12,5	11			5 яч.
244	Сайфуллин Рафигутдин Халимов ж.40, 2с. 16,7, д. 10 – ар. 2н.	41	1	1	1	2	5	6,5	10		2 гор.
245	Юсупов Идрис-с.22, д. 17	59	4				20	20	3	2	
246	Низаметдинов Шайгаллям ж.30, с. 11, 3д. 8,6,2	35	2	2	21	54	10	13			
247	Насл. Вахитова Зайнетдина ж.40, 2с. 5,2		2	1		22	10	11			
248	Давлетшин Нурмухамат-ар. з. ж.30, с. 2,2д. 8,6	35	2	2	11	4	15	13	6		
249	Вахитов Минигул-ж.35	60	3	1	11	42	15	10	8	1,5	греча
250	Хафизов Минихузя-отсутств.	30	1								
251	Гизатуллин Нигматулла ж.37, 3с. 8,4,1	52	2	1	1	2	5	7	6		
252	Галеев Ахметзян ж.60, с. 43, в. 2,1, сн. 43, зд. 15,13.10	65	4	2	2	52к.	20	26			
253	Ахметгараев Мух-гарай ж.25, с. 1, 2д. 9,7	37	2				5	6			
254	Галеев Бахтигарай ж.50, 5с. 21,17,15,9,4, 3д. 14,6,2	70	4	1		42	20	20	4	2	
255	Галеев Шаяхмат ж.45, с. 19, 3д. 17,12,8	60	2	1	11	44	10	10		3	
256	Хисаметдинов Гайнетдин ж.55, 2с. 24,8, 2д. 18,12	60	3	3	11н	76	15	10	9		
257	Хисаметдинов Низаметдин ж.58, 5с. 40,18,10,8,29 – д/с, д. 16	62	4	211м.	11	54	20	11	10	5	

258	Ибрагимов Махмут ж.40, Зс. 17,16,13, 2д. 12,8	45	3	2	1	421 к.	15	14	5		
259	Минкаева Миннур-н.сд. в ар. за д.	75	1								
260	Гайнуллина Гайша-вдова Зс. 17,15,12, 2д. 20,9	55	3	1	1н	21 22 к.	15	16		1,5 греча	
261	Гарифуллин Хикматулла ж.29, 2с. 8,5, д. 1, м.60	37	1	1	1	1	5	6,5			
262	Назметдинов Минегарай – раб. Т.г. м.55	35	2				10	13			
263	Максютов Шигабетдин ж.69, Зс. 37,34,24 – д/с, в.3	70	5	2	11 н	53	15	17	15		
264	Шигабетдинов Ахметзакир ж.36, 3д. 6,5,2	44	1		11	22	5	5	2		
265	Хабибуллин Багаутдин ж.35, 2с. 12,9, м.70 ф.991, оп. 2, д. 330, лл. 123–148	41	2	2	11	15	10	10	3		
266	Гиззатуллин Хисматулла ж.35, Зс. 13,3,0,5	65	2				5	6	0,3		
267	Динмухаметов Бикмухамет немая – ж.30, с. 1,2д. 10,6	65	1	1	1		5	6			
268	Башаров Давлятша ж.27, б.26, с. 3, д. 6, сн. 21	23	4	2	1	62	20	14	10		
269	Давлетшин Зариф-живет в Елаб. с семьей – ж. 35, 2д. 12,9	43	1				5	6			
270	Хамидуллин Гайса ж.39, 2с. 10,2, о.69, м.55, 2д. 12,7	36	5	1	1	2 к.	25	24			
271	Тухватуллин Минимуха- мет-ж.20, м. 54,46. 24,22,19,11, с. 4, д. 1, сес. 14	25	5	1		3	25	32	3		
272	Валеев Шайхиахмат-отс., м.65	35	1	сд.	в	арен ду					
273	Валеев Ахмадьян ж.40, 2с. 7,5	65	2	1	1	2	10	10	2		
274	Шарипов Закир ж.45, 2с. 12,5, м.60, 4д. 10,7,4,2	60	4	2	21	5	25	18	4	5	
275	Шакиров Мухамадьян-ар. 1н. ж.20, Зс. 14,11,7, 2д. 5,1, м.72	42	1		11	10	15	5	8		6 яч.

276	Шарафетдинов Латып-отс. с сем. бл.		5									
277	Садыков Ахматша ж.60, з.37, д. 23, внук1	66	2	1	11	1	10	13				
278	Гафаров Ахмадьян ж.70, с. 30	80	3	1	1		15	15	2			
279	Садыков Латып с.25, сн. 25	85	2	1	1116	3	8	10	3			
280	Латыпов Гариф ж.25, теща70,2д. 7, 1,5	35	1	1	1	1	5	6,5				
281	Ямалетдинов Гильфан – н.сд. в ар.	29	2									
282	Ямалетдинов Гимазетдин ж.35, с. 14, 3д. 13,11,4	47	1	1	11	2	5	6,5				
283	Кадыров Нугман ж.55, 4с. 25,22,11,9, 3д. 20,13,7	55	3	1	1		15	19				
284	Кадыров Гильман ж.33, 2с. 13,1,3д. 11,7,3	44	1	1			5	6,5				
285	Мухамедьянов Гарай ж.60, 4с. 30,25,18,10, сн. 22, в.2	62	4	2	1	42	20	17	6			
286	Шарафетдинов Ахкяметдин ж.35, 2с. 13,8, д. 7	40	1	1	1		5	6				
287	Файрушин Ахмадша м.70, б.20	24	3		11		15	24				
288	Шарафетдинов Хасан ж.65, с. 27, сн. 29, в.1	73	3	1	11	611к	15	20				
289	Хасанов Фазлиахмет ж.35, 2с. 12,10, 2д. 5,3	40	1		1		5	6,5				
290	Муллахметов Минигарай м.52, д. 9	27	2		1		10	13				
291	Хамидуллин Тазетдин ж.45, с. 8, д. 18	52	2	1	1	21	10	13				
292	Нигматзянов Кашафутдин ж.24, б.22, с. 3, сес. 15	24	3	1	1	3	15	24				
293	Галеев Мухамадьян с.25, в.2, сн. 22	75	2	1	11	4	10	10	2			1 яч.
294	Мухамадьянов Ахмадьян ж. 39,2с. 12,5, 2д. 7,2	45	1	1	11	3	5	6,5				
295	Мухамадьянов Шигабетдин ж.40, с. 9, 3д. 7,5,3	44	1	1	1	1	5	5,5				
296	Галлямов Шаймардан ж.36, 4с. 20,13,8,2, 3д. 18,7,5	46	3	1	11	1 1к.	13	18	1,5			
297	Гизатуллин Набиулла ж.24, 2с. 9,4, 2д. 6,1	27	1	1	1	52	5	6,5				

298	Губайдуллин Тухватулла ж. 48,3с. 35,25,21, 2в. 3,4,2сн. 30,20	50	6	3	32	105	30	25	8	10	1 лен
299	Гимазетдинов Ахмадша ж.65, 2с. 24,25	75	4				20	24			
300	Гимазетдинов Зайнетдин ж.40, 2с. 25,12, д. 6	58	2		11	42	10	12			
301	Губайдуллин Зайнулла ж.60, 2с. 21,8, м.85, 3д. 18,16,13	65	3	2	11 16	32	15	12	8		
302	Исхаков Гайнетдин ж.70, с. 30, 2в. 5,3, сн. 25, в.9м.	70	2	1	2	62	10	13			
303	Садыков Шакир ж.28, с. 21, в.8м, 3д. 10,5,3	45	5	2	11	43	25	20	6	1	
304	Садыков Газиз ж.50, 3с. 25,18,5	55	3	1	1	53	15	19			
305	Хусаинов Афзалетдин ж.28, с. 5, д. 3	40	2	11м	1	44 2к.	10	11	2		
306	Назметдинов Гимазет- дин-ж.с.с.вЕл ж.55, с. 13, д. 15	70	3				15	16			
307	Насыров Шаймардан ж.35, 3с. 10,6,3, 3д. 20,14,9	55	2	1	11 н	51	10	13			
308	Насыров Шаймухамат ж.40, 3с. 16,6,3, 2д. 12, 0,5	45	2	1	1 н 1	22	10	13			
309	Султанова Хатифа с.3, 2сес. 28,14	30	2		11	2	5	6			
310	Валеев Шарип-ж.65, з. 45,4пл. 15,13,7,4, 2д. 40,18,2пл. 9,2	70	6	5	11 н	63 11к	30	38			
311	Нуретдинов Хузахмет-м.70	42	1				5	6,5			
312	Исхаков Шарафетдин ж.45, 2с. 25,12, 2д. 17,8	56	2	2	31	81	10	13			
313	Исхаков Гиразетдин ж.45, 2с. 8,5, 2д. 18,13	54	2	311м	31	107	10	13			
314	Габидуллин Тухватулла ж.56, 2с. 18,23, д. 21, сн. 25, 2в. 7,5	65	5	2	21	10	25	30			
315	Бикмухаметов Гайса ж.50, 3с. 35,30,28, сн. 23	50	4	2	11	1	20	24			
316	Смагилов Минирахман ж.20, с. 1	24	3	1		1	15	18			
317	Халиков Ислам	70	2								
318	Исламов Шайхелахтям ж.45 – живут в Т/г, з.сд. в ар.	50	1								

319	Динмухаметов Хисаметдин ж.30, с. 1, 2д. 7,9	35	1,5	1	1 1н	2	7	9			
320	Динмухаметов Гимазетдин ж.23, с. 3, д. 11	38	1,5	1	1 1н	31	7,5	10			
321	Динмухаметов Зайнетдин ж.40, с. 23	43	2	1	1 1 1н	53	10	13			
322	Рахимов Мухаметдин ж.70, с. 24, в.10, д. 35	70	2	1	1	4	10	13			
323	Гараев Габдрахман ж.36, 3с. 19,13,9, д. 17	40	2	1	1 1	32	10	13			
324	Габдуллин Хакимулла ж.24	24	1	1	1н		5	6			
325	Гайнуллин Нигматулла ж.35, о. 85,2с.26-Б.з, 11, в.2, сн. 25, д. 13	50	4	2	1н	4	20	25			
326	Валеев Шакир ж.60, 3с. 35,30,25, 2д. 20,12, сн. 28, в.2	70	4	4	4 2	32	20	26			
327	Валеев Мухаметзакир ж.40, с. 10,4д. 15,12,8,6	40	1	2	2 1	32	5	6,5			
328	Шакиров Тазетдин-ар. 2 над. за д. ж.32, с. 6, д. 12	35	1	1	1	06. 04. 13	15	20			
329	Валеев Ахмадьян – ж.60, 5с. 35,30,22,16,7, 3д. 20,14,6, сн. 20	62	5	2	2 2	4	25	45			
330	Садьков Ислам ж.63, 2с. 30,35 – в Ирк., д. 20	60	4	2	2	5	20	19	7		
331	Калимуллин Габдулла ж.30, с. 4, м.70	34	2	2	2 1	52	10	4	4	4	
332	Ямалетдинов Гильфан ж.35, 2с. 15,13, 2д. 18,14	40	3	1	1	4	15	6		12	
333	Шаймарданов Минигата ж.30, с. 5, м.70	43	1	1	1 1		5	6,5			
334	Исхаков Гайнетдин ж.68, с. 32, 2в. 6,3, сн. 25, в.1	70	2	1	1 1	5	10	13			
335	Файзуллин Хамидулла ж.45, 2с. 15,12	55	2		2 1		10	13			
336	Файзуллин Гарифулла ж.65, с. 25, сн. 25, в.2	67	2	1	1 1 1н		10	13			
337	Шарифуллин Шайдулла 2б. 40,30, сес. 40	55	3				15	24			
338	Гимазетдинов Давлетша ж. 67,3с. 35,7,6, д. 25, в.2	67	1		1 1	4	5	4	3		

339	Назметдинов Низаметдин-ж.55, 3с. 35,30,19,2в. 5,2, д. 17,2сн. 30,28,2в. ф.991, оп. 2, д. 330, лл. 64-	61 9,2	5	2	21	125	25	45				
340	Шарафетдинов Ахмадетдин м.50, 26.20, 12	24	3				15	13	6			
341	Галимов Гарифулла ж.45, с. 14, 2д. 25,6	55	2		1н	3	10	13				
342	Сайфетдинов Зайнетдин ж.55	59	2				10	13				
343	Хайбуллин Хурматулла ж.39, 6.35, 2с. 15,10, д. 14, м.80	42	5	2	1		25	20	10	3		
344	Мухаметшин Садретдин ж.48, 3с. 15,13,7, 2д. 17,8	55	2	2	1	5	10	13				
345	Садыков Гумар ж.38, с. 1, 2д. 8,5	40	2	1	2	5	10	13				
346	Губайдуллин Зиннур ж. 20,2с. 3,1, м. 70,25,22,19, сн. 20	26	6	2	142	30	18	18	2			
347	Курбангалеев Ахмадша ж.35, 2с. 26,6, сн. 22, 2д. 12,11	65	3	1		52	15	10	9			
348	Хисаметдинов Гайнетдин ж.50, 2д. 19,15	52	2		1т		10	13				
349	Хисаметдинов Мифтахетдин ж.35, 2с. 11,3, д. 15	38	1	1	1	2	5	6,5				
350	Хисаметдинов Гимазетдин ж.45, с. 16	48	2		1н	2	10	13				
351	Мухамадянов Гильмухамет ж.40, с. 7, 3д. 15,8, 0,5	45	2	1	1	4	10	13				
352	Ахмадянов Бикмухамет с.15, д. 16	47	2	1	1	3	10	13				
353	Калимуллин Гатаулла-на уч. Иж.з. ж.25, с. 2, д. 4	35	3	1	11	53	15	19,5				
355	Давлетшин Мухамадян-ж. 65,3с.45, 42,35 – Камаш.з, 4в. 15,9,7,2,2сн. 40,30,	70 в.14	6	21	31	83	24	22	6	6	0,1 кон.	
356	Гизатуллин Зайнетдин ж.60	62	3	1	11	82	15	15	1	1	1 яч. 1 гр.	
357	Фатхуллин Закир ж.35	48	2	1	11	4	10	12			1 яч.	
358	Файзуллин Минимухамет ж.30, 3с. 6,4,2	34	1		1	2	5	6,5				

359	Сабитов Шаймухамет м.65, б.30-пр. на поб., с. 0,5, сн. 30	35	4	2	1т	103	20	26			
360	Зайнуллин Ислам ж.43, с. 13, д. 5, м.70	47	2	1	11	10	10	13			
361	Халиков Муллахмет ж.40, Зс. 20,12,11, д. 4	46	2	1	22	2	10	13			
362	Нигматуллин Калимулла-ж. 55,5с. 35,29,25,19,10,2в. 7,5,3д. 19,17,16,2с	60 33, 29	5 ар. 3	8 над.	32	12	43	45	5 0,1к.	6 0,5л	13 яч. 2 гор.
363	Нигматуллин Салимулла ж.49, Зс. 27,22,16,3д. 19,17,11	55	4	2	21	83	15	12	6 0,3л	4 0,8к	6 яч. 2 гор.
364	Нигматуллин Гатаулла ж.70, с. 35-без руки, сн. 30	70	3	2	11	6	15	18			
365	Гилазетдинова Миньямал с.35	70	1				5	7			
366	Маннанов Шаймардан ж.50, с. 27, д. 9	70	3	1	1т.		15	16			3 яч.
367	Шаймарданов Зайнетдин ж.35, 2д. 6,1	35	1		1т.	22	5	6		0,5	
368	Шаймарданов Минигул ж.40, с. 12, 2д. 7,5	45	1		1т	3 1к.	4	6			
369	Сайфетдинов Минигайнет- дин ж.35, м.70, 5с. 12,10,8,6,3	34	1				5	6	0,5		
370	Тухватуллин Гарифулла ж.72, 2с. 40,35, 2сн. 30,25,2в. 12,3	79	3	1	2	11	15	12	2	5	
371	Шункаров Гайнулла – Зай- нуллин ж.38, Зс. 14,12,3, д. 10	56	3	1	21	3	15	24			
372	Гайнуллин Гусман ж.25, с. 2, д. 7	34	1	1	11	21	5	6,5			
373	Галлямов Нигмадьян ж.22, с. 2, д. 4	31	5	1	1	3	25	22	4		6 яч.
374	Фатхуллин Хузяхмет ж.33, с. 1, 2д. 8,3	45	2	1			10	13			
375	Фатхуллин Муллахмет ж.27, с. 1, м.50	30	2	1	111н	42	10	6	4	4	
376	Мустафин Миниахмет ж.25, сес. 8, м.65	28	3	1	1	42	15	10	2	5	
377	Галеева Шамсинур – с. 16	40	1	1	1	2	5	6,5			
378	Мустафин Ибатулла ж.35, 2с. 12,8	42	1	1	11	1	5	6	0,5		

379	Гайнуллина Шамсидоха с.12, 2д. 20,10	40	2	1	11	21	10	8		4	
380	Гайнуллин Минихузя ж.28 – слепая	30	2				10	13			
381	Тухватуллин Мухамадьян ж.25, 2с. 3,1	35	2	1	11		10	8	2		
382	Гибадуллин Гайнулла-ж.62 2с.20; 27, сн. 25-ж.в Кизел	66	3	2	1	5	15	18			
383	Хайбуллин Хузя ж.35, 3с. 15,12,8	44	1	1	11	56	5	6,5			
384	Хайбуллин Ибатулла ж.50, 2с. 27,13, 2д. 16,9, сн. 25, в.2	61	6	3	212н	74	30	10	6	15	
385	Ибатуллин Миниахмат-отс.		1				5	6,5			
386	Хайбуллин Сибгатулла ж.50, 2с. 34,10, д. 15, сн. 24	64	3	1	11	9	15	15		1 гр.	1 лен
387	Ахуньянов Закир – отс., а души дер	жат	бра	тья							
388	Гафаров Мифтахутдин ж.30, 3с. 12,10,2, д. 5	44	2	1	01	21	10	13			
389	Шункаров Гумар ж.35, 2с. 5,2, 4д. 14,12,10,8	33	1				5	6,5			
390	Шункаров Гусман – м.60	28	1				5	6,5			
391	Шункаров Мулланур – ж.19 б.26-фельд. в Менз.у., сн. 20	30	2				10	13			
392	Гилмибашаров Шункар-на уч. Иж.з. б.19 отс.	22	2								
393	Фатхуллин Габдулла ж.50, 3с. 19,16,9	59	4	111	11	45	15	15	2		3 яч.
394	Хисматуллин Фатхулла – ар. з. ж.42, о.90, с. 7, 2д. 12,3	42	2	2	21	10 1к	10	8	6		
395	Шамсибашаров Хаирбашар с.25, сн. 35	75	2				10	13			
396	Хаирбашаров Исхак – отс. – в Казани	40	1				5	6,5			
397	Смагилов Ислам м.45, б.10	19	3	1	1	21	15	19,5			
398	Хайбуллин Закир ж.55, 2с. 10,2, 3д. 15,12,4	60	3	2	11	3	15	19	0,5		
399	Фатхуллин Хисматулла – в отп. ж.25, с. 2	43	1		11	5	5	6			
400	Салимуллин Хикматулла ж.23, с. 3, б.26, сн. 28	30	2	2	12	8	10	13			

401	Низаметдинов Минебай б.25, 2сес. 17,15, сн. 40	19	3	1			15	18			1 яч.	
402	Исхаков Биктимер – ж.60, с. 12, б.54, 3пл. 21,8,9, сн. 54, 3пл. 18,16,6	60	4	2	1	53	20	22		3	3 яч.	
403	Ахмедьянов Гайнетдин ж.55, 2с. 20,29, д. 18	60	6	2	1	6	30	30	2	6		
404	Шайхетдинов Госман ж.25, м.60, б.14, сес. 18, д. 1	30	4	1	1	4	22	20	3	3		
405	Мусифуллин Калимулла ж.30, б.30, 2пл. 9,4, сн. 28, д. 3	35	5	2	2	1	5	25	18	3	4	3 яч.
406	Мусифуллин Закир-на уч. в Канаш.з ж.30	30	2	1	1	3	10	13				
407	Сибгатуллин Салимулла-Б.з. ж. 30,2с. 12,4, 2д. 10,6	35	1				5	6,5				
408	Сайфуллин Тухватулла-Б.з. ж.45, 2с. 35,25, сн. 25, д. 17	70	3	1	1	1	2	15	10	3	2	3 яч.
409	Ахмедьянов Мухаметдин ж.70, 2с. 37,27, в.1, сн. 25,2в. 4,1	64	3	1	1	1	2	15	20	3	2	
410	Гильфанов Фардетдин ж.20, м.45, б.23, д. 1	20	3	2	1	1	5	2	15	18		1 яч.
411	Гильфанов Афзалетдин ж.25, д. 5	28	1					5	6,5			
412	Шарафетдинов Нурмуха- мет – ж.22	25	2					10	13			
413	Губайдуллин Гайнулла ж.68, 3с. 21,27,30, д. 10	70	4	1	1			20	22	3	3	
414	Гимазетдинов Мифтахет- дин-пост. ж.30, 4с. 12,9,5, 1,5, д. 3 порт- ной	48										
415	Идрисов Галим д. 30,2внука 10,7	72	2	1	1	1	4	10	19		3	
416	Файзуллин Газиз-ж.50, 4с.30, 27,23,20,2д. 17,15,2сн. 35,25,2в. 3,1	64	5	3	1	5	5	25	30	3		
417	Гизатуллин Сибгатулла ж. 55,2с. 22,13,	50	5	2	2	1	1	6	25	30	2	0,5
418	Арслангалиев Багаутдин-на Б.з. ж.30, 2б. 22,18, сес. 17, д. 1	35	3	1	1	1	5	2	25	1		

419	Набиуллин Салимулла-м.55, 6.6.24, 20,16,13,12,7, ж. 25,2д.3,1, сн. 20	30	6	1	11	31	30	35			3 яч.
420	Мифтахетдинов Минахмет ж.23, б.23	26	3	1	11	4	15	18	1		
421	Шарафетдинов Фархетдин ж.50, с. 23	55	2	1	1	31	10	8	5		
422	Шарафетдинов Гимазетдин ж.44, с. 8, 2д. 15,9	44	1	1		41	4	6,5			
423	Шарафетдинов Хуснутдин- мел. торг ж.55, с. 26, 2д. 17,12	60	3	1	11	54	13	13			
424	Шайхетдинов Шаяхмет ж.30, 2с. 6,2	35	2	1	1	21	10	13			
425	Шарафетдинов Тазетдин ж.62, с. 21, в.1	68	4	21	11	5	20	24		2	
426	Низаметдинов Гимазетдин ж.50, 3с. 26,19,8, в.3, сн. 20	53	4	2	2	622к.	20	24		2	
427	Ямалетдинов Ахмадша ж.45, с. 12, 2д. 8,6	50	1,5	1	11	2	7	9	1		
428	Ямалетдинов Мифтахет- дин-Б.з. ж.25, 2д. 6,4	40	1,5	1			7	10			
429	Гизатуллин Миникай ж.40, 3с. 10,7,4	45	2				10	15			
430	Хурматуллин Адиятулла м.50, б.18	35	2				10	13			
431	Мухамадьянов Шакирьян м.60, ж.25	32	2	1	11	11	10	13			
432	Юсупов Хуснутдин – посто- ронний ж.68, 5с. 23,21,20,7,4, 3д. 18,11,9	80	-								
433	Гибадуллин Габдрахман ж.36, 2с. 7,6, 2д. 5,3	40	2	1	11	4	10	13			
434	Хабибуллин Хайрулла ж.60, 2с. 21,16	65	3	2	1	41	15	19			
435	Сагындыков Камалетдин 2с. 33,23, сн. 20, внук 2	70	5	2	11	43	25	33			
436	Галимов Нуретдин	20	2		11	21	10	13			
437	Галлямов Гильмулла	21	1	1			5	6,5			
438	Сиразетдинов Низаметдин ж.40, 2с. 21,11, 3д. 18,8,1	45	2	2	22	42	10	13			
439	Хисматуллин Гайнулла ж.45, 3с. 23,12,8, д. 4	60	5	1	1	32	25	45			

440	Габбасов Исмагил ж.40, Зс. 25,16,12, д. 16	55	3	1	11		15	20				
441	Ибрагимов Салимулла ж.36, 2с. 6,2	40	2	1	11		10	13				
442	Давлетшин Фатахетдин м.50, Зб. 20,19,14, сн. 20	24	3	1			15	20				
443	Ахмадьянов Минахмат- отс. – в Шар	шад	1				5	6,5				
444	Ахмадьянов Муллахмат	30	1				5	6,5				
445	Калимуллин Габдулла ж.30, 5д. 12,10,6,5, 0,5	34	2	1	11	41	10	13				
446	Калимуллин Гатаулла ж.32, с. 12, 2д. 15,4	40	1	1	11	21	5	6,5				
447	Калимуллин Набиулла ж.30, с. 10, 3д. 17,5,3	49	2	1	11	21	10	13				
448	Калимуллин Сибгатулла ж.40, 4с. 15,5,2,1, 2д. 13,4	43	2	1	11	11	10	13				
449	Низаметдинов Гатаулла ж.59, 2с. 24,7, д. 17	57	2	21	11	6	10	13				
450	Ахмадеев Мухамадьян – отс.		2									
451	Газетдинов Мавляутдин ж.34, 2с. 11,4, 4д. 14,9,7,3	44	1				5	6,5				
452	Федотов Семен – посторонний, кузн	40										
453	Сиразетдинова Фаиза – аренд. 2н. За деньги у Латыпа Шараф-ва	30					10	13				
454	Зайнетдинов Камалетдин – отс. Землю сдает бр. 3. Хакимзяну	26	3									
455	Гайнетдинова Латифа – муж 46, торг., с.12, 5д. 20,18,14,7,5	35		1	2	9						
456	Низаметдинов Гимазетдин – торгует рыбой – ж.35, 3д. 12,8,4	35	1	1	11	5	5	6				
457	Сайфуллин Ахун ж.22, б.17, м.53, сес. 17, с. 8, д. 0,5	25	1	1	5							
458	Шайгаллямов Фатхетдин – торгует рыбой 2с. 24,16, д. 18, сн. 23	67	2	1	6	5	6	аренд.	земл в	Ик. Ус.	и Биз.	

459	Сайфуллин Фатахетдин-мулла ж.50	55	-	1	1	1							
460	Минихузин Закир – мулла Зс. 25,12,8, 2д. 17,1	40	-	1	22	26	10						
461	Галеев Багданур ж.27, с. 9, д. 3	27	-		11	43							
462	Гайнетдинов Гимазетдин м.65, ж.29, 26. 26,24, с. 9	28	5	51	2	4	25	12	11			8	яч

[НА РФ, ф.991, оп. 2, дд. 330–332]

Переписные листы населения Бизякинского сельского поселения Салаушской волости

№ 9. Сводная опись хозяйства села Бизяки – 1917 год

		№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 9	№ 10	№ 11	№ 12	Итого
	хозяйств	40	40	40	30 +2	40	40	40	39+1	40	40	33+3	428
Муж-чин	всего на-личных	82	91	103	85	90	88	88	86	80	95	98+ 12+2	1000
Из них:	трудоспо-собных и п/тр-с	36 16	33 18	40 18	26 9	35 16	31 10	29 21	39 13	27 17	35 16	49 16	380 170
	отсутст-вуют по мобилиз.	9	20	18	11	12	16	14	10	22	16	8+3	159
	отсутст-вуют по др. прич.	3	3	3	1	1	-	3	6+1	9	4	2+2	38
Жен-щин	всего на-личных	91	106	131	67	95	107	89	44+ 95	94	105	89+6	1119
Из них:	трудоспо-собных и п/тр-с	41 17	52 10	60 15	29 8	40 15	42 16	38 10	86	54 10	57 15	46 18	545 134
Обоего пола	наличных	173	197	234	152	185	195	177	172	174	200	234	2093
	отсутст-вуют	12	23	21	12	13	17	17	17	32	20	21	205
Хоз-в	со скотом	38	37	38	24	36	31	30	32	31	36	32	365
Из них	раб. лоша-дей, мол. и жереб.	46+1 2+1	43 1+1	59	33 1ж	37	42 1+1	41 2+2	43 2ж	42 1+1	36 1ж	48 2+1	
	коров	38+4н 1621т	45+3 1+22	54+7 2+28	32+1 1+16	40+4 19	34+6 1+17	30 10+19	33+3 22	31+1 22	37+2 5+18	41+8 1+20	

	овец	130 52	122 33	173 43	77 21	114 44	96 26	95 48	176 23	124 30	142 29	125 40	
	коз	5	1	2+1	1+2	2+1	2	7+3	2+3	2+1	1	1+1	
Распр. х-в по раб. – муж.	0	7	14	10	6	7	10	16	10	18	10	5	113
	1	30	19	21	31	29	19	19	20	17	25	20	250
	2	3	7	8	4	2	1	5	8	5	5	7	55
	3			1					3			1	8
Рас- преде- ление лоша- дей	Без лоша.	5	13	5	5	12	10	11	10	10	12	4	97
	1 лошадь	23	15	16	14	21	19	19	20	20	20	16	203
	2 лошади	12	12	15	8	5	11	8	9	8	8	10	106
	3 лошади		-	3	1	2		2		2		1	11
	4 лошади		1	1								1	3
5 лоша.											1	1	
Рас- преде- ление коров	Без коров	9	6	6	7	8	13	12	11	12	13	3	88
	1 корова	20	23	16	12	22	17	19	23	25	17	15	209
	2 коровы	11	8	12	6	8	6	8	5	3	8	12	87
	3 коровы		3	4	3	2	1				2	2	17
	4 коровы			2								1	3
	6 коров											1	1

[НА РФ, ф.991, оп. 2, дд. 330–332]

№ 10. Подворный список на граждан дер. Бизяки Камаевской волости с указанием количества десятин на урожай 1925 года

№№	ФИО домохозяйина	Число душ	Кол-во озимые	десятин яровые	Всего десятин
1	Хамидуллин Минимухамет	2	-38	-40	-78
2	Мухамадянов Мулланур	4	-76	-80	1,56
3	Мухамадянов Ахмадян	6	1,14	1,2	2,34
4	Хасанов Ситдик	6	1,14	1,2	2,34
5	Хасанов Хузя	7	1,14	1,2	2,34
6	Тухватуллин Гатаулла	4	-76	-80	1,56
7	Тухватуллин Гиният	7	1,14	1,2	2,34
8	Нигаматуллин Валей	3	-57	-60	1,17
9	Тухватуллин Синагатулла	9	1,52	1,6	3,12
10	Гизатуллин Наби	8	1,33	1,4	2,73
11	Тазетдинов Фардей	2	-38	-40	-78
12	Шаймарданов Шайгалям	4	-76	-80	1,56
13	Гильфанов Шаих	6	1,14	1,2	2,34
14	Рахматуллин Нури	3	-76	-80	1,56
15	Гайнуллин Нигматулла	6	-95	1	1,95
16	Шарипов Гайнутдин	13	2,28	2,4	4,68
17	Шакиров Султан	4	-76	-80	1,56
18	Шакиров Гилязутдин	6	-95	1	1,95
19	Ахмадянов Карамей	6	1,14	1,2	2,34
20	Исламов Шахмухамат	6	-95	1	1,95
21	Исхаков Гилязетдин	4	-76	-80	1,56
22	Шарафеев Минтазетдин	3	-57	-60	1,17

23	Мухамадьянов Шагаби	5	-76	-80	1,56
24	Зайнутдинов Шайхнур	2	-38	40	-78
25	Губайдуллин Зайнулла	8	1,52	1,6	3,12
26	Ахмадянов Миназетдин	4	-76	-80	1,56
27	Шарафеев Багаутдин	3	-57	-60	1,17
28	Хисамутдинов Аглей	5	-76	-80	1,56
29	Шакиров Газетдин	7	1,14	1,2	2,34
30	Шакиров Ахматзакир	8	1,33	1,4	2,73
31	Шакиров Минимумамат	1	-19	-20	-39
32	Гимазетдинова Фахризиган	6	1,14	1,2	2,34
33	Хусаинов Авзали	7	1,33	1,4	2,73
34	Насыров Шаймардан	7	1,33	1,4	2,73
35	Насыров Шаймухамат	8	1,14	1,2	2,34
36	Назмутдинов Низамутдин	13	2,28	2,4	4,68
37	Гараев Габдрахман	5	-0,95	1	1,95
38	Денеев Зайнутдин	1	-38	-40	-78
39	Муллахматов Минахмат	2	-38	-40	-78
40	Хасанов Фазлей	3	-57	-60	1,17
41	Клачев Гатаулла	5	-95	1	1,95
42	Клачев Габдулла	6	-95	1	1,95
43	Исмагилов Минрахман	8	1,52	1,6	3,12
44	Гайсин Шахмухамат	3	-76	-80	1,56
45	Гайсин Шайхулахмад	3	-57	-60	1,17
46	Марданов Минигата	6	1,14	1,2	2,34
47	Гайсин Минахмат	3	-57	-60	1,17
48	Хисанбиева Марзам	5	-76	-80	1,56
49	Денеев Гимай	4	-76	-80	1,56
50	Минахматова Гарифа	2	-38	-40	-78
51	Султанова Фатиха	2	-57	-60	1,17
52	Шарафеев Гилазетдин	2	-38	-40	-78
53	Ахматянов Асылгарай	2	-38	-40	-78
54	Ахмадшин Хузя	2	-38	-40	-78
55	Исмагилова Хаят	2	-38	-40	-78
56	Галиуллин Динмухамат	3	-57	-60	1,17
57	Гимашев Фассах	2	-38	-40	-78
58	Зарипов Фатих	1	-38	-40	-78
59	Хасанов Зайнутдин	5	-76	-80	1,56
60	Ахмадшин Минахмат	3	-57	-60	1,17
61	Нигаматуллин Динмухамет	7	1,33	1,4	2,73
62	Нигаматуллин Бикмухамат	2	-76	-80	1,56
63	Гафаров Ахтамьян	7	1,52	1,6	3,12
64	Валеев Габдрахман	7	1,14	1,2	2,34
65	Нигаматуллин Фатых	2	-38	-40	-78
66	Нигаматуллин Гизатулла	2	-38	-40	-78
67	Шаймарданов Сахиб	6	1,14	1,2	2,34
68	Шайгалимова Гульбика	2	-38	-40	-78
69	Шаймарданов Шаймай	3	-38	-40	-78
70	Серакаев Муфтахутдин	7	1,52	1,6	3,12
71	Серакаев Ахмадзакир	3	-38	-40	-78
72	Серакаев Габдулла	9	1,9	2	3,9
73	Хуснутдинов Гильфан	8	1,52	1,6	3,12
74	Ахкямутдинова Гилмениса	5	-95	1	1,95

75	Шиябутдинов Авзалетдин	3	-57	-60	1,17
76	Закиров Фатах	5	1,14	1,2	2,34
77	Шакиров Миниахмат	3	-57	-60	1,17
78	Гафаров Хузахмат	6	1,33	1,4	2,73
79	Гафаров Гарай	6	1,14	1,2	2,34
80	Шабает Муфтах	8	1,52	1,6	3,12
81	Давлятшин Гарай	9	1,52	1,6	3,12
82	Серазетдинов Гильфан	6	1,33	1,4	2,73
83	Ахмадянов Назиб	9	1,71	1,8	3,51
84	Шибает Фарди	6	1,14	1,2	2,34
85	Шибает Аглей	7	1,33	1,4	2,73
86	Тазетдинов Фатах	5	1,14	1,2	2,34
87	Хадеев Минахмат	7	1,33	1,4	2,73
88	Ахмадянов Исхак	5	-95	1	1,95
89	Мухамедьянов Хисами	8	1,14	1,2	2,34
90	Шайгалиамов Фатах	5	-95	1	1,95
91	Хисматуллин Давлей	4	-76	-80	1,56
92	Гайнутдинов Багаутдин	4	-76	-80	1,56
93	Гайнутдинов Зайнутдин	7	1,33	1,4	2,73
94	Сахобутдинов Возит	3	-76	-80	1,56
95	Хисамутдинов Насиб	7	1,14	1,2	2,34
96	Гимазетдинов Авзалетдин	6	-95	1	1,95
97	Мухамедьянов Галиахмат	7	1,14	1,2	2,34
98	Альмухаматов Миниахмат	3	-57	-60	1,17
99	Фазлеев Хузя	4	-57	-60	1,17
100	Хафизов Закир	7	1,14	1,2	2,34
101	Закиров Ахун	2	-19	-20	-39
102	Хубихузин Фардей	1	-19	-20	-39
103	Якопов Минихан	1	-19	-20	-39
104	Сагабутдинов Харамай	1	-19	-20	-39
105	Мухамедьянов Хузя	4	-76	-80	1,56
106	Альмачева Фазила	3	-57	-60	1,17
107	Насыров Хуснутдин	10	1,9	2	3,9
108	Шакиров Фархи	4	-76	-80	1,56
109	Газизов Сахаб	3	-57	-60	1,17
110	Гимазетдинов Гильфан	7	1,52	1,6	3,12
111	Шарафеев Галимян	5	-95	1	1,95
112	Хазеев Сахибулахмат	3	-57	-60	1,17
113	Якопов Фатхий	1	-19	-20	-39
114	Денеев Галиахмат	2	-38	-40	-78
115	Денеев Миниахмат	5	-95	1	1,95
116	Набиуллин Галимулла	6	-95	1	1,95
117	Гилфанутдинов Гимазетдин	5	-95	1	1,95
118	Шарипов Галли	4	-57	-60	1,17
119	Бикмухаметов Галиахмат	8	1,52	1,6	3,12
120	Набиуллин Гатаулла	4	-76	-80	1,56
121	Муфтиев Миниахмат	3	-57	-60	1,17
122	Гимазинов Гауни	3	-57	-60	1,17
123	Мусинов Закир	6	1,14	1,2	2,34
124	Гайнутдинов Мухамат	3	-76	-80	1,56
125	Арсланов Багаутдин	4	-95	1	1,95
126	Арсланов Даулат	2	-57	-57	1,17

127	Ахматзянов Мухамат	7	1,33	1,4	2,73
128	Шарафутдинов Хуснутдин	6	-95	1	1,95
129	Калимуллин Гайнетдин	6	1,33	1,4	2,73
130	Калимуллин Габдулла	8	1,52	1,6	3,12
131	Набиуллин Хикматулла	5	-95	1	1,95
132	Калимуллин Сибгат	7	1,52	1,6	3,12
133	Шаймарданов Мини	4	-76	-80	1,56
134	Шарафутдинов Гилязутдин	3	-76	-80	1,56
135	Хабибуллин Хайрулла	3	-57	-60	1,17
136	Хайруллин Гали	4	-95	1	1,95
137	Галамутдинов Галимулла	6	-76	-80	1,56
138	Губайдуллин Габдрахман	4	-76	-80	1,56
139	Камалиев Сирай	8	1,33	1,4	2,73
140	Шайхулахметова Хадича	3	-57	-60	1,17
141	Низамутдинова Миниса	4	-57	-60	1,17
142	Ямалеев Муфтий	5	-95	1	1,95
143	Низамутдинов Гатаулла	3	-57	-60	1,17
144	Гатауллин Габдрахман	2	-38	-40	-78
145	Хисматуллин Гайнулла	10	1,71	1,8	3,51
146	Гайнутдинов Авзалетдин	3	-57	-60	1,17
147	Авзалетдинов Габдрахман	4	-95	1	1,95
148	Гайнутдинов Камали	3	-57	-60	1,17
149	Габбасов Исмагил	6	1,14	1,2	2,34
150	Ибрагимов Салимулла	7	1,33	1,4	2,73
151	Хабибуллин Вафа	6	-38	-40	-78
152	Ризванов Галимулла	4	-95	1	1,95
153	Калимуллин Гилязетдин	6	1,14	1,2	2,34
154	Фарафазетдинов Галимулла	3	-57	-60	1,17
155	Салимуллин Лотфулла	4	-76	-80	1,56
156	Хабибуллин Фатхутдин	6	1,14	1,2	2,34
157	Халимов Рафигутдин	4	-95	1	1,95
158	Минибаева Минибадар	4	-76	-80	1,56
159	Набиуллин Ясавей	4	-95	1	1,95
160	Халитов Сафа	5	-95	1	1,95
161	Зинатуллин Мубаракша	5	-95	1	1,95
162	Салимуллин Хикматулла	5	-95	1	1,95
163	Тухватуллин Хикматулла	4	-57	-60	1,17
164	Газизов Минахмат	6	-95	1	1,95
165	Газизов Минрахман	4	-57	-80	1,17
166	Гизатуллин Сибгатулла	3	-38	-40	-78
167	Мавлиева Миниса	5	-76	-80	1,56
168	Гилфанов Авзали	4	-76	-80	1,56
169	Ахмадшин Фардий	3	-57	-60	1,17
170	Хурматуллин Хидият	3	1,14	1,2	2,34
171	Сибгатуллин Салимулла	6	-76	-80	1,56
172	Губайдуллин Габдулла	3	-57	-60	1,17
173	Губайдуллин Гумар	4	-95	1	1,95
174	Башаров Гусман	4	-76	-80	1,56
175	Калимуллин Илали	4	-76	-80	1,56
176	Калимуллин Кирами	3	-57	-60	1,17
177	Калимуллин Гилязетдин	3	-57	-60	1,17
178	Нигаматуллин Салимулла	7	1,33	1,4	2,73

179	Калимуллин Муфтахутдин	7	1,33	1,4	2,73
180	Халиков Муллахмат	5	-95	1	1,95
181	Сайфутдинов Мингазутдин	8	1,52	1,6	3,12
182	Зайнуллин Ислам	4	-76	-80	1,56
183	Гатауллин Лутфулла	5	-95	1	1,95
184	Сабитов Шайхул	4	-76	-80	1,56
185	Гизатуллин Зайнутдин	2	-38	-40	-78
186	Садриев Гарай	5	-95	1	1,95
187	Мухамадинов Зинур	5	-95	1	1,95
188	Закиров Нури	5	-95	1	1,95
189	Хайбуллин Багаутдин	7	1,33	1,4	2,73
190	Ахмадянов Бикмухамат	4	-76	-80	1,56
191	Ахмадянов Альмухамат	8	1,52	1,6	3,12
192	Багаутдинов Касим	4	-76	-80	1,56
193	Ибатуллин Ситдык	4	-76	-80	1,56
194	Галлямов Нигамадзян	5	-95	1	1,95
195	Фатхуллин Ибатулла	5	1,14	1,2	2,34
196	Гайнуллин Гарифулла	7	1,33	1,4	2,73
197	Фатхуллин Габдулла	4	-76	-80	1,56
198	Фатхуллин Хикматулла	5	-95	1	1,95
199	Исмагилов Ислам	4	-76	-80	1,56
200	Губайдуллин Габднур	4	-76	-80	1,56
201	Губайдуллин Зиннур	5	-95	1	1,95
202	Хайбуллин Хикмат	5	-95	1	1,95
203	Хайбуллин Хурматулла	3	-57	-60	1,17
204	Хайбуллин Миниэхмат	3	-57	-60	1,17
205	Башаров Шайх	2	-38	-40	-78
206	Хайбуллин Хузя	6	1,14	1,2	2,34
207	Фатхуллин Хузахмат	5	-95	1	1,95
208	Газизов Галим	5	-95	1	1,95
209	Ибатуллин Садык	5	-95	1	1,95
210	Сибатуллин Минимухамет	5	-95	1	1,95
211	Гайнуллин Гусман	6	1,12	1,2	2,34
212	Валеев Мухамадян	5	-95	1	1,95
213	Мустафин Минахмат	6	1,14	1,2	2,34
214	Фатхуллин Муллахмат	7	-57	-60	1,17
215	Гафаров Минимухамет	5	-95	1	1,95
216	Мустафин Ибат	4	-76	-80	1,56
217	Башаров Мулланур	5	-95	1	1,95
218	Башаров Шункар	2	-38	-40	-78
219	Башаров Гумар	4	-76	-80	1,56
220	Гафаров Муфтахутдин	6	1,14	1,2	2,34
221	Сабитов Шахмухамат	6	1,14	1,2	2,34
222	Гарифуллин Латып	3	-57	-60	1,17
223	Гайнуллин Нури	6	1,14	1,2	2,34
224	Гарифуллин Гарай	2	-38	-40	-78
225	Губайдуллин Гизатулла	5	-95	1	1,95
226	Шигабутдинов Мулланур	4	-76	-80	1,56
227	Нурутдинов Зиязетдин	7	-95	1	1,95
228	Нурутдинов Гайнутдин	6	1,14	1,2	2,34
229	Нурутдинов Гилмутдин	1	-38	-40	-78
230	Гарифуллин Калимулла	6	-95	1	1,95

231	Ямангулов Мухамадша	4	-76	-80	1,56
232	Тимерпулатов Гимади	2	-38	-40	-78
233	Гимадеев Наби	2	-38	-40	-78
234	Гайнутдинов Гимазетдин	4	-76	-80	1,56
235	Губайдуллин Фарди	5	-76	-80	1,56
236	Гафаров Зариф	6	1,14	1,2	2,34
237	Гимазетдинов Хузя	3	-19	-20	-39
238	Гимазетдинов Хазей	3	-19	-20	-39
239	Гимазетдинов Минимухамат	4	-76	-80	1,56
240	Идрисов Мухамадьян	3	-19	-20	-39
241	Гарифуллин Шайдулла	3	-19	-20	-39
242	Шарифуллин Мингазетдин	3	-19	-20	-39
243	Тимергалеев Камалетдин	7	1,33	1,4	2,73
244	Шайхутдинов Гусман	4	-76	-80	1,56
245	Шайхутдинов Шайхнур	2	-38	-40	-78
246	Ахмадшин Хасанша	3	-38	-40	-78
247	Минахматова Минибадар	2	-76	-80	1,56
248	Шарафеев Ахун	8	1,52	1,6	3,12
249	Файрушин Ахмадиша	4	-76	-80	1,56
250	Бадрутдинов Имами	7	1,14	1,2	2,34
251	Гараев Тухватулла	8	1,14	1,2	2,34
252	Ибатуллин Минахмет	5	-95	1	1,95
253	Гарифуллин Губайдулла	7	1,33	1,4	2,73
254	Садыков Шариф	2	-38	-40	-78
255	Ахмадянов Сабирян	5	-95	1	1,95
256	Исламгулов Ахмадян	4	-76	-80	1,56
257	Ахмадянов Нигамадян	6	1,14	1,2	2,34
258	Мухамадянов Бахтигарай	4	-57	-60	1,17
259	Мухамадянов Ахун	4	-76	-80	1,56
260	Назмутдинов Низамутдин	2	-38	-40	-78
261	Шарафеев Назмутдин	7	1,14	1,2	2,34
262	Гарифуллин Салимулла	3	-57	-60	1,17
263	Гарифуллин Сафа	7	1,52	1,6	3,12
264	Губайдуллин Гагаулла	8	1,14	1,2	2,34
265	Кашфутдинов Ахкямутдин	3	-57	-60	1,17
266	Фасыхова Сара	5	-95	1	1,95
267	Сафиуллин Хикматулла	5	-95	1	1,95
268	Ямангулов Салимулла	4	-76	-80	1,56
269	Минигулов Мулла	3	-57	-60	1,17
270	Ямангулов Ахмадша	4	-76	-80	1,56
271	Тухватуллин Шаех	6	1,14	1,2	2,34
272	Губайдуллин Гарай	3	-57	-60	1,17
273	Губайдуллин Ясави	2	-38	-40	-78
274	Губайдуллин Гали	3	-57	-60	1,17
275	Хатбуллин Хикматулла	6	1,14	1,2	2,34
276	Кашфеев Хазей	5	-95	1	1,95
277	Ибатуллин Муфтахутдин	5	1,14	1,2	2,34
278	Галимов Нафик	4	-57	-60	1,17
279	Галлямов Зинур	5	-95	1	1,95
280	Галимов Тимергали	3	-38	-40	-78
281	Газизов Габдулла	2	-57	-60	1,17
282	Фазлыяхметов Хузахмат	2	-38	-40	-78

283	Давитов Гимади	5	-95	1	1,95
284	Салихов Шайхулислам	5	-95	1	1,95
285	Сагдеева Гилмениса	1	-19	-20	-39
286	Мулахметова Накия	1	-19	-20	-39
287	Гараева Асма	3	-57	-60	1,17
288	Калимуллин Салим	5	-76	-80	1,56
289	Низамутдинов Мулланур	4	-76	-80	1,56
290	Юзекаев Хисамутдин	4	-76	-80	1,56
291	Назмутдинов Садри	3	1,52	1,6	3,12
292	Гизатуллин Миназ	7	1,33	1,4	2,73
293	Камалетдинов Газетдин	8	1,33	1,4	2,73
294	Садыков Закир	7	1,14	1,2	2,34
295	Шакиров Мухаматдин	4	-76	-80	1,56
296	Насыров Мухамадьян	4	-76	-80	1,56
297	Латыпов Сиразетдин	9	1,52	1,6	3,12
298	Мамыкаев Шиаб	4	-76	-80	1,56
299	Мусин Галим	3	-19	-20	-39
300	Мусин Гарай	3	-38	-40	-78
301	Хабибуллин Сагидулла	4	-76	-80	1,56
302	Габидуллин Губайдулла	3	-76	-80	1,56
303	Зиганшин Ахтамша	4	-76	-80	1,56
304	Зиганшин Минлибай	3	-76	-80	1,56
305	Валеев Хабибрахман	2	-57	-60	1,17
306	Ахмадшин Минигалей	2	-76	-80	1,56
307	Шаймарданов Шайгаллям	5	1,14	1,2	2,34
308	Нуриуллин Ахмадиша	5	-95	1	1,95
309	Шайхутдинов Ахматсахиб	7	1,52	1,6	3,12
310	Нургалеев Шайхулахмат	4	-76	-80	1,56
311	Габбасов Гатиятулла	6	1,14	1,2	2,34
312	Зарипов Закир	5	-95	1	1,95
313	Ахмадянов Гильфан	4	-95	1	1,95
314	Ахмадянов Кирамутдин	2	-38	-40	-78
315	Галиуллин Галимулла	3	-57	-60	1,17
316	Мухамедянов Минахмет	5	-76	-80	1,56
317	Низамутдинов Хузахмат	5	-95	1	1,95
318	Рамазанов Миназ	5	-76	-80	1,56
319	Сайфуллин Шигаб	7	1,33	1,4	2,73
320	Гизатуллин Салимулла	5	-95	1	1,95
321	Ахмаров Зайни	3	-57	-60	1,17
322	Низамутдинов Шарафутдин	4	-76	-80	1,56
323	Фазуллин Шаих	5	-95	1	1,95
324	Гибаев Хуснутдин	5	-95	1	1,95
325	Мифтахова Шамсикамал	3	-38	-40	-78
326	Чуртанов Гильфан	3	-57	-60	1,17
327	Фатхуллин Закир	4	-76	-80	1,56
328	Сайфуллин Гарай	4	-38	-40	-78
329	Зайнуллин Зиннатулла	3	-57	-60	1,17
330	Гизатуллин Зиннатулла	1	-19	-20	-39
331	Сафиуллин Мухамат	1	-19	-20	-39
332	Нуриуллин Гараф	5	-76	-80	1,56
333	Шаймарданов Закир	3	-57	-60	1,17
334	Зарипов Шарип	5	-76	-80	1,56

335	Шакиров Салих	5	-95	1	1,95
336	Шайхутдинов Сахиблахмет	3	-38	-40	-78
337	Гайнутдинов Низамутдин	5	-95	1	1,95
338	Шайхутдинов Ясавей	5	-76	-80	1,56
339	Сайфуллин Миназ	6	1,14	1,2	2,34
340	Губайдуллин Наби	3	-57	-60	1,17
341	Мусин Карим	3	-57	-60	1,17
342	Шакиев Шайдавлят	5	-95	1	1,95
343	Идаев Гайнутдин	2	-57	-60	1,17
344	Гизатуллин Зинатулла	8	1,71	1,8	3,51
345	Гизатуллин Азя	6	-95	1	1,95
346	Хузин Адя	2	-38	-40	-78
347	Хасанов Шайхулислам	3	-57	-60	1,17
348	Ахмадшин Мухамади	4	-57	-60	1,17
349	Хуснутдинов Мухамат	7	1,33	1,4	2,73
350	Нигаматуллин Гатаулла	3	-57	-60	1,17
351	Мавлявиева Миниса	5	-95	1	1,95
352	Ахматшин Мухамадян	3	-57	-60	1,17
353	Хабibuллин Хайбуш	1	-19	-20	-39
354	Гайсин Гусман	2	-57	-60	1,17
355	Махаматдинов Ахматзакир	8	1,33	1,4	2,73
356	Сабитов Шакир	6	-95	1	1,95
357	Шарафутдинов Садрутдин	7	1,33	1,4	2,73
358	Камалетдинов Зариф	3	-57	-60	1,17
359	Сабитов Мухаматзакир	4	-57	-60	1,17
360	Хубихузин Шафигулла	6	-76	-80	1,56
361	Ахмадшин Мухаматша	6	-76	-80	1,56
362	Хубихузин Фардудтин	6	1,14	1,2	2,34
363	Салаватов Миназетдин	4	-95	1	1,95
364	Шарафутдинов Гильфан	3	-57	-60	1,17
365	Ахмадянов Ахмадша	2	-38	-40	-78
366	Сафиуллин Хазей	6	-95	1	1,95
367	Хузин Закир	3	-57	-60	1,17
368	Латыпов Шакир	7	1,52	1,6	3,12
369	Насыров Газис	8	1,33	1,4	2,73
370	Тазетдинов Камалетдин	1	-19	-20	-39
371	Калимуллин Гимазетдин	3	-57	-60	1,17
372	Шарафутдинов Фатахутдин	3	-57	-60	1,17
373	Камидуллин Газиз	2	-38	-40	-78
374	Шарафутдинов Багаутдин	3	-76	-80	1,56
375	Шакиров Салих	6	-95	1	1,95
376	Шакиров Сабир	7	1,14	1,2	2,34
377	Хисамутдинов Нигамадян	4	-57	-60	1,17
378	Хисамутдинов Гимазутдин	7	1,33	1,4	2,73
379	Шарафутдинов Залялетдин	8	1,52	1,6	3,12
380	Серазетдинов Фатых	3	-57	-60	1,17
381	Мухамадинов Низамутдин	5	-95	1	1,95
382	Хикматуллин Ханафей	8	1,33	1,4	2,73
383	Тазетдинов Имаматдин	4	-76	-80	1,56
384	Гайнутдинов Гариф	4	-57	-60	1,17
385	Гайнутдинов Багаутдин	6	1,14	1,2	2,34
386	Гараев Фаравай	5	-95	1	1,95

387	Гайнутдинов Миназетдин	3	-57	-60	1,17
388	Гайнутдинов Хабибулла	4	-76	-80	1,56
389	Мингазетдинов Шараф	3	-57	-60	1,17
390	Насыров Башар	3	-57	-60	1,17
391	Галямов Гариф	1	-19	-20	-39
392	Камалетдинов Фархутдин	1	-19	-20	-39
393	Хамидуллин Гатиятулла	5	-95	1	1,95
394	Гайнуллин Закир	6	1,14	1,2	2,34
395	Шарифуллин Серазетдин	6	1,14	1,2	2,34
396	Мухтасипов Галей	3	-57	-60	1,17
397	Мухтасипов Хикматулла	3	-57	-60	1,17
398	Шакиров Давлятша	3	-57	-60	1,17
399	Шакиров Закир	2	-57	-60	1,17
400	Сабитов Минахмет	4	-76	-80	1,56
401	Сабитов Давлятша	6	1,14	1,2	2,34
402	Музафаров Зариф	5	-95	1	1,95
403	Хузин Мулланур	7	1,14	1,2	2,34
404	Богдагареев Загретдин	4	-76	-80	1,56
405	Галимов Мухамадей	3	-57	-60	1,17
406	Хубихузин Миназетдин	7	1,33	1,4	2,73
407	Минихузин Мухамадий	5	-95	1	1,95
408	Хузин Нури	5	-95	1	1,95
409	Ахмадянов Ситдик	9	1,71	1,8	3,51
410	Калимуллин Гайнулла	6	1,14	1,2	2,34
411	Ибрагимов Муфтахутдин	7	1,14	1,2	2,34
412	Ильясов Хузя	6	-95	1	1,95
413	Серазутдинов Фархутдин	3	-57	-60	1,17
414	Серазетдинов Гайфутдин	3	-57	-60	1,17
415	Латыпов Ахмадшакир	3	-57	-60	1,17
416	Латыпов Ахмадзариф	6	-95	1	1,95
417	Латыпов Ахмадзакир	6	1,14	1,2	2,34
418	Махмутов Нурий	10	1,9	2	3,9
419	Арчилов Бикмухамад	4	-76	-80	1,56
420	Шигабутдинов Ахматзакир	5	-95	1	1,95
421	Шигабутдинов Шакир	4	-76	-80	1,56
422	Шигабутдинов Назмутдин	1	-38	-40	-78
423	Ямалеев Гильфан	3	-57	-60	1,17
424	Давлятшин Салим	4	-76	-80	1,56
425	Ахмадянов Галиахмат	8	1,52	1,6	3,12
426	Шарипов Закир	10	1,9	2	3,9
427	Кабишев Минахмат	2	-38	-40	-78
428	Нугуманов Махмут	5	-95	1	1,95
429	Нугуманов Габдрахман	6	1,14	1,2	2,34
430	Гилфанов Биктимер	5	-95	1	1,95
431	Гараев Султан	4	-76	-80	1,56
432	Гараев Мухамадгарай	5	-95	1	1,95
433	Ахмадянов Ахкамутдин	2	-38	-40	-78
434	Гараев Минахмат	5	-95	1	1,95
435	Кабиров Назмутдин	4	-76	-80	1,56
436	Мингазетдинов Багаутдин	5	-95	1	1,95
437	Мингазетдинов Камалетдин	3	-57	-60	1,17
438	Бахтигараев Шакир	5	-95	1	1,95

439	Низамутдинов Хазей	6	1,14	1,2	2,34
440	Кадыров Шаяхмат	5	-95	1	1,95
441	Гайнутдинов Зайнутдин	4	-76	-80	1,56
442	Исламов Шайхулахмат	5	-95	1	1,95
443	Тухватуллин Минимухамат	3	-57	-60	1,17
444	Халиков Зайнутдин	6	1,14	1,2	2,34
445	Галеев Багданур	7	1,33	1,4	2,73
446	Гарифуллин Хабибулла	3	-57	-60	1,17
447	Шаимратов Минахмат	8	1,52	1,6	3,12
448	Мухамедянов Закир	7	1,33	1,4	2,73
449	Мухамадянов Шарифян	5	-95	1	1,95
450	Валеев Шайхулла	3	-57	-60	1,17
451	Идрисов Гумар	5	-95	1	1,95
452	Ямалеев Гимазетдин	6	1,14	1,2	2,34
453	Тухватуллин Минахмат	6	1,14	1,2	2,34
454	Шакиров Мухаматян	10	1,9	2	3,9
455	Гайсин Хурмат	7	1,33	1,4	2,73
456	Шарафеев Гарай	5	-95	1	1,95
457	Гимазетдинов Назметдин	7	1,33	1,4	2,73
458	Низамутдинов Габдрахман	5	-95	1	1,95
459	Фазлыев Нурый	2	-38	-40	-78
460	Серазетдинов Зиннур	2	-38	-40	-78
461	Давлетшин Зариф	5	-95	1	1,95
462	Давлетшин Ибрагим	5	-95	1	1,95
463	Гарифуллин Хикматулла	6	1,14	1,2	2,34
464	Кадыров Гильмей	8	1,52	1,6	3,12
465	Шайгалимов Хасим	7	1,33	1,4	2,73
466	Гайнуллин Нурий	4	-76	-80	1,56
467	Сибгатуллин Садык	2	-38	-40	-78
468	Сибгатуллин Шайдулла	2	-38	-40	-78
469	Башаров Исхак	3	-57	-60	1,17
470	Гайнуллин Хикматулла	5	1,14	1,2	2,34
471	Гумарова Бика	3	-57	-60	1,17
472	Габдуллин Хаким	4	-76	0	1,56
473	Хузин Мухамадзакир – лишен земли как служитель культа	9			-

Председатель Г. Башаров
Секретарь Ф. Стрелков
Всего 473 хозяйств, 2191 едок.

414,51 десятины озими, 426,80 десятины яровых; всего – 841,31 десятины.

[НА РФ, ф. 4535, оп. 1, д. 20, л. 7–13]

№ 11.1. Докладная записка заведующего школой Агямова Султана

Так как постройка школы закончилась поздно осенью и полы были сырые, постольку в настоящее время они все рассохлись, так что полы во время ходьбы прыгают как клавиши, и из подполья дует, а с потолка сыплется земля. Поэтому ныне летом их нужно сколотить, в противном случае зимой все тепло будет уходить через потолок. Тем более Кантонный отдел народного образования (КОНО) отпускает денег на окраску полов и окон и дверей, поэтому важно до окраски указанные пыльные работы закончить.

Печи также сложены были в холодное время, так что каждый положенный кирпич замерзал тут же. Ввиду того теперь все печи и дымовые трубы на крыше и на чердаке истрескались и получалось повреждение в оборотах. Поэтому во всех голландских печах нет тяги, весь дым идет в комнату, что с одной стороны опасно в пожарном отношении, а с другой — портится помещение и весь день пахнет угаром и дымом как в сушилке.

Затем в КОНО мною поданы смета и объяснительная записка на переустройство уборной комнаты под классную комнату, на что со стороны заведующего КОНО было дано предварительное согласие. Следовательно, по окончании учебного сезона я получу официальное разрешение и деньги и приступлю к переустройству таковой. Следовательно, как для учащихся, так и для учителей уборную придется устроить на воле, на что потребуется небольшая сумма. Сумма, отпускаемая КОНО, все расходы не покрывает. Поэтому они как ремонт входят в волбюджет школы (хозработы).

Так как в бюджете (хозрасход) Бизякинской школы имеется порядочный остаток, и плюс к тому экономия от уплаты уборщику (на лето предполагается обходиться без сторожа для экономии), школа думает провести все указанные в смете работы. Поэтому школа просит обратить на это серьезное внимание.

Директор школы С. Агямов.

[НА РФ, ф. 4535, оп. 1 д. 77, л. 59]

№11.2. Смета Бизякинской школы на ремонт от 6 марта 1928 года

Смета на ремонт печей, сколачивание потолков и полов в 1928 г.

- Ремонт 4 печей — на 37 руб.
- Сколачивание потолков — 65,7 кв. м. — на 72,47 руб.
- Сколачивание полов — на 71,33 руб.
- На устройство передвижного ватер-клозета с покрытием верха, устройством стульчаков и обшивкою стен — 27, 88 руб.

Всего 208,68 руб.

Заведующий школой Султан Агямов

[НА РФ, ф. 4535, оп. 1 д. 77, л. 57–58.]

№ 12. 1931 елда колхозга кергән бәзәкәләр исемлеге

№№	Фамилия, имя, год рождения	№№	Фамилия, имя, год рождения
1	Шәяхмәтов Ясәви 1886	8	Зиннуров Мулланур 1913
2	Зәйнеттинева Фәттах 1898	9	Мәүләвиева Минниса 1883
3	Гайнетдинов Баһау 1879	10	Шәйдулатов Мөхәмәтша 1914
4	Шәйдуллин Хәҗи 1913	11	Нәбиуллин Ясәви 1902
5	Ситдыйкова Гайшә 1878	12	Сабитов Шәхми 1898
6	Исмәғыйлев Шәйми 1901	13	Низаметдинов Кәшфи 1886
7	Хәсанов Зәйнетдин 1880	14	Шәрипов Минтәчтин 1905
15	Гыймадиев Хәмәт 1907	31	Шибәев Фәрди 1881
16	Газизов Гәрәй 1921	32	Муллахмәтов Хуҗахмәт 1888
17	Ибәтуллин Садыйк 1893	33	Зиннатуллина Лагифа 1863
18	Шакиров Мөхәмәтҗан 1875	34	Фазуллин Шәех 1904
19	Көләчев Габдулла 1883	35	Газизов Сәхип 1899
20	Фәтхуллин Муллахмәт 1886	36	Нәбиуллин Хәким 1909
21	Исхаков Гыйлаҗ 1863	37	Исламова Фәхернур 1873
22	Гимашев Нәҗметдин 1875	38	Кәримов Хәҗи 1914
23	Баһаветдинова Фәтхия 1900	39	Әхмәтҗанов Нури 1870
24	Мәхмүтов Хәҗиәхмәт 1900	40	Башаров Госман 1889
25	Гыйззәтуллин Нәбиулла 1888	41	Төхфәтуллин Гәрәй 1893
26	Гомәров Хәмәт 1916	42	Төхфәтуллина Миннебәдәр 1917
27	Хөрмәтуллин Сибәгат 1914	43	Бикмөхәмәтов Фәтхи 1904
28	Гыйлфанов Гаптелхак 1914	44	Баһаветдинов Касыйм 1903
29	Шибәев Әһли 1876	45	Габидуллин Габдулла 1905
30	Бикмөхәмәтов Тимерша 1916	46	Гафаров Зариф 1874

Исемлек Бәзәкә авыл советы архивында сакланучы 1937–1939 елларның хужалык кенәгаләреннән алынды.

№ 13. Акт ревизию работы Бизякинского сельсовета за 1933 год

Күчермә

АКТ

1934 ел 29 гыйнвар Татарстан җөмһүрияте Алабуга районы Бәзәкә авыл советы тикшерү комиссиясе әгъзалары Шакиров Ф., Ахмитжанов Х., Садыков Гата, авыл советы рәисе ярдәмчесе Гиздәтуллин Н., язучы Мәхмүтов Х. -ларның катнашы белән Садыков рәислеге астында Бәзәкә авыл советының 1933 елның 1 гыйнварыннан алып 1934 елның 1 гыйнварына кадәр эшләп килгән эшләре буенча тикшерү алып уза.

(1–2 бүлекләр – авыл советы составы хақында – А.М.)

III. Авыл советының хужалык яклары.

Барлыгы 515 хужалык, шулардан колхозниклар 202 ялгыз хужалыклар 313 хужалык, шулар эчендә аерымнарда жирле хужалыклар 226, жирсез хужалыклар 87. Жан хисабы 2342; колхозчылар – 842 жан, аерымнар – 1500. 1933 елда 87 жан туган, 94 үлгән.

1У. Хәйванчылык эшләрә буенча.

Атлар: 1933 елда – колхозда 140 (15-е яшь), аерым хужаларда 169 (1 яшь)

1932 – колхозда 108, аерым хужаларда – 207

Барлыгы – 1933 елда 309 ат, 1932 елда – 315 ат.

Мөгезле хәйваннар: МТФда барлыгы 112 (колхозда 33 баш, аерым хужаларда – 108), шулардан 49 савым сыер, 23 тана, 37 бозау, 3 нәсел үгезе; колхозникларда – 129 (12 тана, 25 бозау), 1932 елда МТФда – 45; аерым хужаларда 197 (29 тана, 30 бозау), 1932–348, Барлыгы – 438 1932–501.

Сарыклар: к/х-ник-да 192 (132-олы сарык, 60 бәрән), 1932–103; аерым хужаларда 284 (93 бәрән), 1932–421

У. Авыл хужалыгының еллык касса эшләрә.

1932 елдан калган жыемнар: (а/хуж салымы, мәжбүри страховоной, зайум, үзара салым, акөия трсентр, вакытлы жыем) барлыгы керме 15851,65, чыгым – 15739, 87.

1933 ел: *авыл хужалыгы салымы* – керем барысы 23672.93 (к/х-дан 2947–87, к-чылардан – 2656–73, аерым хуж. һәм кулаклардан – 18068–33); чыгым барысы 24092–67 (к/х-дан 24092–86, к-чылардан – 2947–87, аерым хуж. һәм кулаклардан – 17262–57, аерым салымга тартылган хужга кайтару 1225–50);

Мәжбүри страховоной керем чыгым

Барлыгы 14092.01 13627–09

к/х-дан 3476–44 3476–44

к/х-никлардан 2434–50 1981

аерым хужалыклардан 8181–07 8169–65

2–5-еллык займы

Барлыгы 28745–15 28797–87

к/х-никлардан 8773–23 8626

хезмәткәрләрдән 912–50 912–50

аерым хужалыклардан 19059–92 19259–37

барлык кәргән култура жыемы 19609–28 19609–28

юл төзү эшенә барлык керем 7961–24 7831–95

төрле штрафлар буенча 6246 5722–22

Хөкүмәт жыемнары барлыгы 116178–26 115420–95

Кассадагы калдык булырга тиеш 757–30

Авыл бюджеты буенча керем

Барлыгы 39171–69

Үзара салымнан

к/х-никлардан 1936–61

аерым хужалыклардан 9896–56

кулаклардан 6482–30

барлыгы 18315–47

*кайтарылу шарты белән алынган ссуда – 1600
төрле отчислениеләр, аренда һ.б.*

керем белән калдыкның барысы 41221–52

Авыл бюджеты буенча чыгым

1. Укытучыларга эш хакы бирелгән 7798–57

Мәктәпнең хужалык расходларына 1797–04

Мәктәп вак ремонтлар өчен 285

Мәктәп балаларына кайнар аш өчен 175

Барлыгы 10055–61

2. Уку йорты мөдиренә эш хакы 977–50

Уку йорты хужалык расходларына 220

Уку йортына төрле кирәкле нәрсәләр алу 84–20

Барлыгы 1281–70

3. Авыл советына эш хакы 2225–50

Төрле хужалык һ.кәнс. кирәкле нәрсәләр 837–33

Барлыгы 3062–83

4. Пожарга кирәкле нәрсәләр алу өчен 185

Барлыгы 185

5. Хезмәткәрләрне страховатж итү 1176

1932 елгы түләлми калган өчен взнос һ пени 1410–32

Барлыгы 2586–32

Агрономия чаралары буенча тиеш үтәлгән

Көл жыю 190с 41с

Кар тоту эше 250 га 185 га

Тирес түгү 7250 йөк 1340 йөк

Иген кораллары буенча

к/х-да тимер сабаннар 2-пл 29, 1пл. 12; чөчү машиналары 13 рәтле 1, 11 рәтле 1; ... машинасы 5 данә, сугу машинасы 2 данә аерым хужалыкларда барлыгы 7 плуг 11 тимер тырма.

Авыл советы күләменә бирелгән төзү эшләре буенча – Таш ташу бирелгән 913 куб, ком 1017 куб. эштә үтәлү ягы 1.01.

10. Уку-укыту эшләре.

Мәктәпләр 3 урында, барысы 10 группа. Шунда укучы балалар 1 баскыч 280 бала, 2-нче 80 бала. Барлык укучы балалар 360. Укытучылар 9 кеше. Учет буенча уку яшендәге балалар 100% алынган. Авыл советы күләмендә барлык наданнар һәм аз белемеләр 448 кеше, шуннан укырга тартылганнары наданнар 147 аз белемеләр 159, барлыгы 306 кеше, тартылмаганнар 142 кеше. Шулар өчен хәзерләнгән йортлар 8, укытучы кызылармислар 17 кеше. Шулар эчендә эшләрүче 1 кеше.

[НА РТ, ф. 4530, он. 1, д. 23, л. 108–114]

№ 14. Список бизякинцев, участников Великой Отечественной войны, призванных Бондюжским райвоенкоматом в июне-декабре 1941 года

24 июня 1941 года

- 70. Гумаров Габдулла
 - 80. Шакиров Карим
 - 82. Мухаметдинов Шайхенур
 - 86. Гафаров Габдрахман
 - 144. Музафаров Мухаматдин
 - 145. Фатхуллин Нуриахмет
- 6 человек*

25 июня 1941 года

- 164. Шакиров Габденур
- 264. Динмухаметов Нурый
- 254. Газизов Минегали
- 269. Закиров Фассах
- 280. Шарафутдинов Минхаж
- 282. Зиганшин Габделхак
- 288. Низамутдинов Мухаматдин
- 291. Зарипов Мухаматдин
- 295. Насифуллин Габдулла
- 296. Шаймарданов Шайхенур
- 299. Фассахетдинов Фаттах
- 307. Мухаметзянов Гарай
- 308 Закиров Шиабетдин
- 309. Газизов Минегарай
- 310. Минахметов гарай
- 311. Минахметов Нцри
- 312. Шакиров Минегали
- 313. Бахтегараев Хусаин
- 314. Закиров Зиннур
- 315 Минегалиев Минехан
- 316. Даутов Сахабетдин
- 317. Багдануров Гали
- 318. Зинатуллин Минехан
- 319. Диниев Кираметдин
- 321. Мингазов Карим
- 322. Назмутдинов Аглами
- 323. Шакиров Хаж
- 324. Сабитов Минемухамат
- 325. Сабиров Шаех
- 329. Мухаметдинов Закир

333. Муфтахутдинов Шиябетдин
337. Гараев Фатих
338. Шарафиев Шакир
339. Минахметов Нури
340. Мифтахетдинов Саяхеттин
342. Миннахметов Нури
345. Багаутдинов Минемухамет
350. Гайнетдинов Зайнутдин
358. Мухаметдинов Нурмухамет
359. Исламов Шайхелислам
363. Зайнетдинов Карим
366. Гараев Хажи
426. Мингазетдинов Муллахмет
43 человека
28 июня 1941 года
476. Гайнетдинов Муллаян
484. Шаяхметов Нурмухамет
2 человека
3 июля 1941 года
509. Салимуллин Гарай
1 человек
10 июля 1941 года
531. Мухаметзянов Гарай
552. Хузин Гилаз — 10.07
570. Фатхуллин Шамсемухамет
571. Шарифуллин Нурмухамет
579. Фазлыахметов Габдулла
5 человек
14 июля 1941 года
606. Шаяхметов Минегали
639. Шаяхметов Гаптенур
640. Нуруллин Мулланур
663. Ахметзянов Галиахмет
698. Шайхетдинов Хажи
728. Низаметдинов Минахмет
729. Гиззатуллин Галимулла
7 человек
6 августа 1941 года
772. Шакиров Мулламухамет
773. Хикматуллин Мулланур
774. Шаяхметов Нури
775. Гыйлманов Махмут
776. Ибатуллин Гали Ибатович

792. Сиразетдинов Фатих
806. Шакиров Хажи
812. Ахметзянов Мухаметхан
816. Гилманов Мингаз

9 человек

13 августа 1941 года

810. Муллахметов Шаех
833. Сайфуллин Минегали
843. Исламов Ахметнаби
871. Набиуллин Габдулла
876. Минехазиев Хажи
915. Габбасов Гарай

6 человек

25 августа 1941 года

941. Мухаметзянов Фархи
968. Махмутов Хажи
981. Ибатуллин Салих
987. Гайсин Минемухамет
1009. Шарифуллин Мулланур
1014. Шаймухаметов Шайхелахмет
1018. Садриев Мингазетдин

7 человек

27 августа 1941 года

1031. Гилманов Гилмулла
1049. Давлетшин Мухаметгарай
1078. Шарафутдинов Негаметзян
1079. Хузин Нурмухамет
1080. Закиров Харис
1081. Зинатуллин Шаих
1089. Шаймухаметов Касыйм
1142. Садреев Гарей
1210. Шарипов Мингаз
1211. Хакимов Нури
1213. Мухаметзянов Хази
1244. Ахметзянов Минимухамет
1268. Хабибуллин Харис
1274. Хурматуллин Саэт
1293. Нигматуллин Гатаулла
1297. Сайфетдинов Мухаметтин
1298. Исмагилов Файзи
1299. Набиуллин Хикматулла
1310. Миннахметов Нури
1319. Гафаров Минерахман

1324. Набиуллин Хакимулла

1367. Зиганшин Гаделша

22 человека

31 августа 1941 года

1429. Назмутдинов Рафагетдин

1432. Гилфанов Гилязетдин

1438. Гильфанов Нуриахмет

1480. Шаяхметов Минахмет

1487. Назмутдинов Салахутдин

1488. Гумаров Габдулла

1489. Гайнетдинов Мулланур

1495. Минемухаметов Минахмет

1525. Гараев Минахмет

9 человек

2 сентября 1941 года

1541. Фазлыяхметов Галиахмет

1543. Гилязетдинов Карим

1562. Зайнуллин Гарифулла

3 человека

11 сентября 1941 года

1673. Сабитов Рафик

1740. Гайфутдинов Мухамеддин

1761. Набиуллин Ясавей

1782. Калимуллин Шахми

1783. Габдрахманов Минирахман

1846. Гайнутдинов Минишаих

1847. Тазиев Фардеттин

1849. Шарафутдинов Минишаих

1850. Сибэгатуллин Гайданур

1851. Газизов Миниахмет

1874. Габдрахманов Минерахман

2078. Гимашев Муллаяң

2127. Габдрахманов Файзрахман

2159. Тазетдинов Фаттах

2184. Тухватуллин Шайхенур

2216. Сиразетдинов Мухаметдин

2254. Шаймарданов Минахмет

2318. Шарафутдинов Багаутдин

18 человек

1 ноября 1941 года

2365. Хабибуллин Хазимухамат

2367. Мухаметзянов Хазиахмет

2 человека

13 ноября 1941 года

2479. Камашев Михаил Иванович

1 человек

20 ноября 1941 года

2482. Комаров Андрей Кузьмич

1 человек

25 ноября 41 года

2536. Муллахметов Шаех

2539. Гайнуллин Шакир

2540. Ахметзянов Минахмет

3 человека

6 декабря 1941 года

2611. Давлетшин Хазиахмет

2640. Шаяхметов Хазиахмет

2 человека

29 декабря 1941 года

2723. Нугуманов Махмут

2738. Хабибуллин Галиахмет

2739. Габдуллин Муллахмет

3 человека

Не вошедшие в список Бондюжского военкомата

1. Ахметзянова Нагима

2. Махмутов Шариф — из Елабуги

3. Шаймухаметов Нуриахмет — из Котласа

Всего за полгода войны ушло на фронт не менее 165 бизякинцев

Из книги: Назип Фатыхов. Бондюг Татарстана — Родина семи героев Советского Союза /Приложение.— Набережные Челны, 2010. — С. 417–478.

Использованные источники и литература

Архивные источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 324 – Переписные книги

Ф. 350 – Ландратские книги и ревизские сказки

Ф. 1173 – Уфимская приказная изба

Ф. 1306 – Материалы Генерального и специального межевания по Вятской губернии

Ф. 1355 – Экономические примечания к планам Генерального межевания

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 733 – Департамент народного просвещения

Ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий

Ф. 1290 – Центральный статистический комитет МВД

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ)

Ф. 3 – Казанская губернская казенная палата

Ф. 164 – Исполком Елабужского уездного совета

Ф. 204 – Коллекция

Ф. 324 – Казанская губернская чертежная

Ф. 732 – ТатЦИК

Ф. 986 – Елабужский уездный суд

Ф. 1296 – Статистическое управление ТАССР

Ф. 2758 – Бондюжский райисполком

Ф. 3682 – Наркомат просвещения ТАССР

Ф. 4530 – Исполком Елабужского райсовета

Ф. 5852 – Наркомат внутренних дел ТАССР

Ф. 5874 – Наркомат земледелия ТАССР

Ф. 6066 – Исполком Елабужского кантона

Ф. Р153 – Кураковский волысполком

Ф. Р-4535 – Камаевский волостной совет

Ф. Р-5518 – Земотдел Елабужского исполкома

Ф. Р-5740 – Бизякинский сельсовет Бондюжского района

Государственный архив Кировской области (ГАКО)

ф. 176 – Вятская казенная палата

ф. 205 – Дирекция народных училищ Вятской губернии

ф. 574 – Вятский губернский статистический комитет

ф. 575 – Вятская палата государственных имуществ

ф. 583 – Вятское губернское правление

**Центральный исторический архив Республики Башкортостан
(ЦИА РБ)**

ф. И-2 – Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора

ф. И-172 – Комиссия «высочайше» учрежденная для наделения
землей

башкирских припущенников

ф. И-138 – Оренбургская казенная палата

Ф. И-295 – Оренбургское магометанское духовное собрание

Опубликованные источники

Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов
XIX века. – М.-Л., 1936.

Гаспринский И. Россия и восток. – Казань: Фонд «Жиен»,
Таткнигоиздат, 1993.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–
XVI веков. – М.-Л., 1950.

История Татарии в документах и материалах. – М: Соцэкгиз, 1937.
Книги памяти Республики Татарстан.

Коблов Я. Д. О магометанских муллах. – Казань: Иман, 1998.

Летопись борьбы и свершений. Кн. 1. – Казань: Таткнигоиздат,
1985. – С. 169.

Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VI, ч. 1–2. Елабуж-
ский уезд. – Вятка, 1890.

Материалы по статистике Вятской губернии. Т. XII. Общая сводка
по губернии. – Вятка, 1900.

Машанов М. Современное состояние татар-мухаммедан и их от-
ношение к другим иноверцам. – Казань: Иман, 2002.

Музейный вестник ЕГМЗ. Специальный выпуск. – 2010. – С. 2.

Писцовые книги Казанского уезда 1685–1687 гг.: Публикация
описаний Зюрейской дороги / сост. Д. А. Мустафина. – Казань:
Изд-во КГУ, 2009.

Список населенных мест по сведениям 1839–1873 годов. X. Вят-
ская губерния. Издан центральным статистическим комитетом
МВД.

Фатыхов Н. Бондюг Татарстана – Родина семи героев Советского
Союза / Приложение. – Набережные Челны, 2010.

Экстракт в Правительствующий сенат ис Казанской губернской канцелярии о татарских мечетях // Эхо веков – Гасырлар авазы. – 2004–2006 // Публикация Ф. Ислаева и Р. Галлямова.

Периодическая печать

Вятские губернские ведомости (ВГВ). Вятка, 1891.
Волжский вестник (ВВ). Казань, 1891.
Гасырлар авазы–Эхо веков. Казань, 1995–2016.
Менделеевск яналыклары. Менделеевск, 2004.
Мәйдан. Әдәби-нәфис, ижтимагый журнал. Яр Чаллы, 2006.
Стахановчы. Бондюг, 1941–1945.
Тәржеман. Бахчасарай, 1894.
Якташлар авазы. Яр Чаллы, 2000.
Яңа Кама. Бондюг-Менделеевск, 1960–1980.

Литература на татарском языке

Әхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре. Беренче том. – Казан, 2012.
Галиев М. Рух: фәлсәфи язмалар, әдәби портретлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005.
Госманов М. Гасырдан – гасырга. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004.
Мәрданов Р. Гыйззәтуллиннар «эше». – Якташлар авазы. – 2000. – Гыйнвар, № 3.
Мәрданов Р. Бәзәкә авылы тарихына кайбер мәгълүматлар // Менделеевск яналыклары. – 2004. – 23, 30 июль.
Мәрданов Р., Һадиев И. Борынгы ташлар ни сөйләй? // Мәйдан. – 2006. – № 8. – Б. 151–160.
Мәрданов Р. Тарихта тибрәлгән Тәбәрле. – Казан: Тамга, 2011.
Мөхетдинова Р. Укытучым, кадрлем // Бумеранг. – 2010.
Тажиев С. Туган авылыбыз Бәзәкә кайда да безнең йөрәктә. – Алабуга, 2000.

Литература на русском языке

Археологические памятники Менделеевского района РТ. – www: бизяки. рф/ история, 2016.
Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). – Уфа, 2005.
Асфандияров А. З. Аулы мензелинских башкир. – Уфа, 2009.
Ахметзянов С. Спецпереселенцы – первостроители Магнитогорска. – Магнитогорск, 2015.
Багаутдинов Ф. Н. Амина Мухитдинова. – Казань: Фэн, 2014.

- Галлямов Р. Ф. Социально-этнический состав нерусской деревни... //Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода.— Казань, 1990.
- Гимазова Р. А. Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби (конец XIX — начало XX вв.— Казань: Печатный двор, 2004.
- Гозулов А. И. Очерки истории отечественной статистики.— М: Статистика, 1972.
- Загидуллин И. К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии.— Казань, 2000.
- Загидуллин И. К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи.— Казань, 2006.
- Загидуллин И. К. Татарское национальное движение в 1860—1905 гг.— Казань: Татар. кн. изд-во, 2014.
- Исхаков Д. М. Этническое развитие волго-уральских татар в XV — начале XX вв. / Дисс... на соиск. уч. степени дин.— Казань, 2000.
- Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары.— Казань: Фэн, 2010.
- Исхаков Д. М. Татары: перепись и политика.— Казань: Тат. кн. изд-во, 2010.
- История башкирского народа в семи томах, том IV.— Санкт-Петербург: Наука, 2011.
- История татар с древнейших времен в семи томах. Том VI. Формирование татарской нации. XIX — начало XX в.— Казань, 2013.
- История Татарской АССР, т. I. — Казань, Таткнигоиздат, 1955.
- История Татарской АССР, т. II.— Казань, Татар.кн. изд-во, 1960.
- История Татарстана.— Казань: ТаРИХ, 2001.
- Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы.— М., 2003.
- Махмутова А. Х., Становление светского образования у татар (Борьба вокруг школьного вопроса. 1861—1917).— Казань: Изд-во КГУ, 1982.
- Мулаянов Ш. Первый нарком земледелия: Жизнь и судьба Юнуса Валидова.— Казань, 2013.
- Пайпс Р. Россия при старом режиме.— М.: Независимая газета, 1993.
- Рамазанова Д. Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии.— Казань, 1984.

- Рахматуллин У.Х. Крестьянское заселение Башкирии в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XX вв. – Уфа, 1981.
- Салихов Р. Служилая Ура: рождение татарского капитализма – Казань, 2015.
- Тутаев М. З. Октябрь и просвещение. – Казань, 1970.
- Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1972.
- Фархшатов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е годы XIX в. – М., 1994.
- Шайдуллин Р. В. Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920–1929 гг. – Казань, 2000.
- Шитова С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX – первая четверть XX века. – М., 1984.
- Этнография татарского народа. – Казань: Магариф, 2004.

Содержание

Вместо предисловия 3

От легенд и преданий к действительности

Предания о названии и времени возникновения деревни 16
Книги писцовые, хлебные..., а также царские грамоты. 21
Что говорят намогильные камни?.. 44
О чем повествуют ревизские сказки? 48

Реалии века девятнадцатого

Кантонная система и Генеральное межевание 71
Тяжба о землях бизякинской вотчины 85
Вновь рассказывают ревизские сказки... 93
Эволюция кантонной системы 112

В эпоху преобразований и реформ

Реорганизация Башкирского войска и «Положение о башкирах» . . . 126
Социально-экономическое положение деревни в новых условиях . . 136
События 90-х годов: голод и перепись 154
Мечети и имамы в жизни деревни. 164
Школьное обучение на рубеже XIX — 178
начала XX веков 178

Через грозы века двадцатого...

Состояние деревни в начале двадцатого века 192
Годы смутные, дни тревожные 208
Голод 1920—1922 годов 225
Восстановление крестьянского хозяйства 234
Раскулачивание и коллективизация 248
Судьбы мечетей и мулл 278
Становление советской школы 287

Узелки памяти

Суровые годы войны 308
Возвращение отца. 332
Деревня моего детства 346
Перемены в моей жизни 362
Изменения в жизни деревни 372
История продолжится? (Вместо заключения) 386

Приложения

№ 1. Геометрический специальный план Вятской губернии Елабужского уезда дачи деревни Безяки	388
№ 2. Сводная таблица жителей с. Бизяки по ревизским сказкам 1812–1858 гг.	389
№ 3. Записка из дела о правах на владение землей башкирами и тептярями в Елабужском и Сарапульском уездах	407
№ 4. Документы, необходимые для получения звания указно- го муллы	424
№ 5.1. Копия приговора от 31 мая 1855 года о постройке запас- ного магазина для 12-кантона 23 юрта	428
№ 5.2. Перевод предписания старшины Шункарова на русский язык.	428
№ 6. Рапорт попечителя 6-го попечительства от 27 октября 1862 года исправляющему должность командующего баш- кирским войском	429
№ 7. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 года по деревне Бизяки Елабужского уезда Вятской гу- бернии	432
№ 8. Вторая Всероссийская перепись 1917 года по Елабужскому уезду Вятской губернии деревни Бизяки – Подворная пере- пись 1917 года	478
№ 9. Сводная опись хозяйства села Бизяки – 1917 год	501
№ 10. Подворный список на граждан дер. Бизяки Камаевской волости с указанием количества десятин на урожай 1925 года . . .	502
№ 11.1. Докладная записка заведующего школой Аглямова Султана	512
№ 12. 1931 елда колхозга кергән бәзәкәлеләр исемлеге	513
№ 13. Акт ревизии работы Бизякинского сельсовета за 1933 год . . .	513
№ 14. Список бизякинцев, участников Великой Отечественной войны, призванных Бондюжским райвоенкоматом в июне- декабре 1941 года	516
Использованные источники и литература	521

Научно-популярное издание

Махмутова Альга Хазиевна

Колыбель моя, Бизяки

Ответственный редактор *Раушания Миннуллина*
Художественное оформление *Рамиль Миннуллин*
Эскиз обложки *Светлана Ахметова*
Художник *Олег Маковский*
Корректор *Светлана Ярмухаметова*

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Усл.-печ. листов 33.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Яз»
ИП Миннуллина Раушания Вагизовна
т (843) 290-50-57. E-mail: minnullin@mail.ru.

Оригинал-макет подготовлен с помощью
пакета программ Jahat™.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА» ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
e-mail: idelpress@mail.ru

ISBN 978-5-98688-092-1

9 78 5 986 88 092 1